

Российская академия наук

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

PILIPINAS MUNA! ФИЛИППИНЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО!

К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова

Отв. ред. и сост. М. В. Станюкович

Маклаевский сборник

Выпуск 4

Санкт-Петербург
2011

УДК 39+81(599)
ББК 63.5(3)
Ф53

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

канд. филол. наук Н.Е. Яхонтова

канд. ист. наук Т.Б. Щепанская

Редактор английских текстов

Professor Emeritus антропологии Гавайского Университета

Байон Гриффин

Подготовка иллюстраций

Е.Б. Толмачева

Секретарь сборника

Ю.С. Рутенко (при участии А.К. Касаткиной)

Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 648 с.; илл. (Маклаевский сборник. Вып. 4).

ISBN 978-5-88431-174-9

Первое в истории отечественной науки собрание статей, разносторонне освещающее языки и культуру Филиппин. Сборник посвящен юбилею замечательного лингвиста Г.Е. Рачкова, основателя отделения тагальской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В книге собраны работы нескольких поколений ученых (филологов, антропологов, историков, фольклористов и литературоведов), прежде всего учеников Г.Е. Рачкова, а также его коллег из Санкт-Петербурга, Москвы, с Филиппин, из Англии и США.

Наряду с исследованиями в книге содержится библиография работ по Филиппинам, изданных в Санкт-Петербурге в XX–XXI вв., данные по этнографическим коллекциям и другие сведения об источниках.

Сборник будет полезен всем, кто занимается или интересуется культурой Филиппин, островной Юго-Восточной Азии и Востока в целом.

ISBN 978-5-88431-174-9

© МАЭ РАН, 2011

Russian Academy of Science
Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera)

PILIPINAS MUNA! THE PHILIPPINES IS A PRIORITY!

In honor of Gennadiy Yevgenyevich Rachkov

Edited and Compiled by Maria V. Stanyukovich

Maclay Publications

Issue 4

St. Petersburg
2011

Published by Recommendation of the Scientific Council of MAE RAS

References: *Natalya S. Yakhontova, Tatyana B. Schepanskaya*

With Special Thanks for Editing English Entries
To Professor Emeritus of Anthropology, University of Hawai'i at Manoa,
Dr. Bion Griffin

Photos Edited by *Ekaterina B. Tolmachova*

Secretary of the Publication *Julia S. Rutenko*,
with a contribution by *Alexandra K. Kasatkina*

Pilipinas muna! The Philippines is a Priority! In honor of Gennadiy Yevgenyevich Rachkov / Edited and Compiled by Maria V. Stanyukovich. 2011. 648 p.; ill. (Maclay Publications. Issue 4).

ISBN 978-588431-174-9

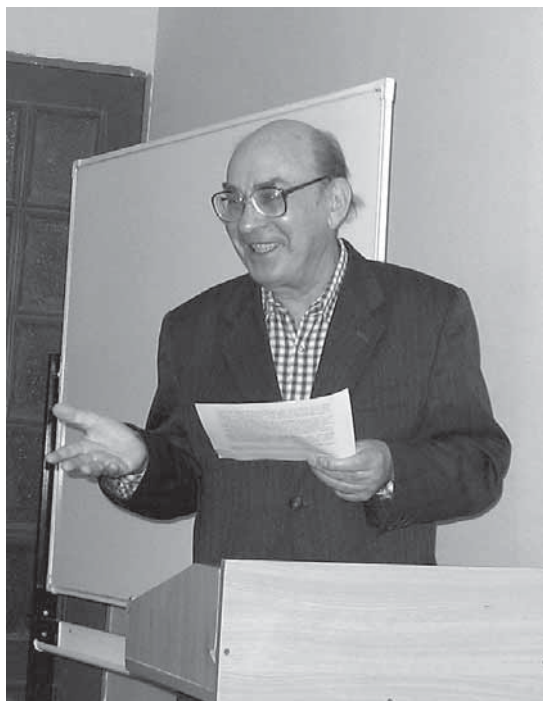
The present collection of papers is dedicated to a prominent linguist Dr. Gennadiy E. Rachkov, the founder and the head of Tagalog Philology Department in the School of Asian and African Studies of St. Petersburg State University. The book contains the writings of experts in folklore, literature, history, linguistics, anthropology and Russian art related to the Philippines, as well as bibliographies, lists of ethnographic collections and other data on sources for Philippine materials in St. Petersburg.

The two goals of the publication are to give tribute to our teacher and colleague Dr. Rachkov and to present a comprehensive picture of the history and the present state of Philippine studies in St. Petersburg. Papers written by our colleagues from the Philippines, as well as from Moscow, UK and USA, with whom we have long-time scholarly ties, are included.

The present book is the forth issue of the series of publications «Maklayevsky Sbornik» ('Maclay Publications') for papers and monographs on Insular Southeast Asia, Australia and the Pacific.

The book will be of interest for anthropologists, philologists, linguists, historians and the general reader, interested in traditional and modern culture and languages of the Philippines, as well as in the history of Philippine studies in Russia.

© MAE RAS, 2011

Г.Е. Рачков на защите бакалаврских дипломов.
СПбГУ, 2009

Г.Е. Рачков со студентами второго набора отделения тагальской филологии. 1974.
Слева направо: Э.-В.Д. Ванганен, Е.Г. Хамаганова,
М.В. Станюкович, С.В. Скорынин.
Фото С. Алексеева

TABLE OF CONTENTS

Opening Address <i>His Excellency Victor Garcia III</i>	10
Gennadiy E. Rachkov: Bibliography of Work on the Philippines	13
Editorial	17
I. THE PHILIPPINES AND RUSSIA	
Philippine Studies in Russia: View from St. Petersburg <i>Maria V. Stanyukovich</i>	21
The Russo-Japanese War and the Philippines <i>Ricardo Jose</i>	59
From “Pallada” to “Aurora”: Russian Cruisers in Manila <i>Vladimir V. Noskov</i>	69
Symbols of the Royal Sultanate of Sulu: the Heritage, the Context, and the Reforms <i>Mikhail Yu. Medvedev</i>	84
II. FOLKLORE AND LITERATURE	
Revisiting the Golden Age of Fil-hispanic Literature (1898–1941) <i>Wystan De La Peña</i>	119
Learning From the Masters: Teaching Ifugao Hudhud Chants, San Dionisio Komedy and the Bontoc Eagle Dance in the Classroom <i>Amparo Adelina C. Umali III</i>	128
Four Folklore Motifs Related to Three Epochs in History of the Philippines and Indonesia <i>Yuri E. Berezkin</i>	136
Ilocano Epic “The Life of Lam-ang”: History of Studies and Analysis of Contents <i>Sergey I. Yatsenko</i>	173

Metrics of the Iloko and Mongolian Epic Verse: a Comparison <i>Artyom V. Kozmin</i>	196
Verse Organization in the Ilocano Epic “The Life of Lam-ang” <i>Sergey I. Yatsenko</i>	203
History and Evolution of Fransisco Balagtas Studies in the Philippines and in Russia <i>Olga V. Koltyga</i>	233
III. LINGUISTICS	
On Voice Conformity in West Austronesian Area (Four Eras in the History of Passive Constructions) <i>Alexander K. Ogloblin</i>	249
A Comparison of Voice Construction Systems in Indonesian and Tagalog <i>Natalya F. Alieva</i>	277
Taglish Verbs: mag- vs. –um- <i>Yury I. Studenichnik</i>	289
Accusativity and Ergativity in Tagalog <i>Sergey B. Klimenko</i>	306
IV. ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY, ETHNOLINGUISTICS	
Who Are the Indigenous? Origins and Transformations <i>Lawrence A. Reid</i>	349
The Cattle Caravans of Ancient Caboloan (Interior Plains of Pangasinan): Connecting History, Culture and Commerce by Cartwheel <i>Ma. Crisanta N. Flores</i>	375
Some Aspects of the Modern Language Situation in Metro Manila <i>Elena G. Frolova</i>	404
Names of Metals: Austroasiatic vs. Austronesian <i>Yuri Yu. Krylov</i>	425
Traditional Ships of the Philippines <i>Arina A. Lebedeva</i>	444
Characteristics of the Constitutional Rights in the Republic of the Philippines <i>Vadim R. Atnashev</i>	450

Sikhs, Sindhs and Other “Bumbai” – South Asians (Indians) in the Philippines <i>Igor Yu. Kotin</i>	461
The Philippines and Guatemala – a Tale of Three Textiles <i>Caroline Stone</i>	470
V. THE PHILIPPINES IN RUSSIAN ART, MUSEUMS AND LIBRARIES	
Philippine Publications and the Western Publications on the Philippines in the Library of the Institute of Oriental Manuscripts <i>Igor N. Wojewódzki</i>	493
Collections of Photographs by R. F. Barton Stored at the MAE RAS <i>Alexandra K. Kasatkina</i>	500
Early Philippine Collections in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Science <i>Vladimir N. Kislyakov</i>	511
Mikhail Tikhanov, the First Russian Painter to Visit the Philippines, and His Philippine Paintings From the 1817–1819 Overseas Voyage of “Kamchatka” Sloop <i>Julia S. Rutenko</i>	530
The Philippine Series of Pictures by Vassiliy V. Vereschagin <i>Ekaterina V. Shilova</i>	549
Bibliography of Publications on the Philippines Deposited in Dept. of Australia, Oceania and Indonesia of MAE RAS <i>Alexandra Kasatkina</i>	558
Bibliography of Philippine Studies in St. Petersburg (XX c. – early XXI c.) <i>Maria V. Stanyukovich, Tatyana I. Shaskolskaya</i>	582
English Abstracts	613
Authors’ biodata (English and Russian)	629
Russian Table of Contents	646

Pasuguan ng Pilipinas
Moscow

Embassy of the Philippines
Moscow

MIS - 370 - 2011

OPENING ADDRESS

The Pilipinas Muna Collection of Papers is a first-ever multifaceted representation of Philippine studies in Russia. It is an offshoot of the Philippine Studies Conference of the same title, which was held in St. Petersburg, Russian Federation on 14-15 September 2009. Organized by the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, in cooperation with the Philippine Embassy in Moscow and the Philippine Honorary Consulate General in St. Petersburg, the success of this conference led to the compilation of the papers and its eventual transformation into a publication that puts Russia on the map as one of the poles of research on the Philippines.

Pilipinas Muna or “The Philippines is a Priority” gathers the writings of the best and brightest experts in such fields as folklore, literature, history, linguistics, anthropology, ethnology, ethno-linguistics and art related to the Philippines, a country of more than 92 million people who are spread out over 7,101 islands and belong to more than 150 linguistic or ethnological groups.

During the half-century period of American colonization, Philippine studies outside the country became extensive through the pioneering work of such scholars as Henry Otley Beyer. Unfortunately, the promise of that early success did not blossom and extend as hoped in the latter half of the century for most of the academic world outside

the Philippines. Thus, despite its rich cultural, ethnological, linguistic and anthropological heritage, the Philippines has not enjoyed the attention of scholars or generated resources from institutions that it deserves.

One of the exceptions, however, is Russia. Long before Manila established diplomatic relations with Moscow in 1976, academicians, scientists and researchers throughout the Soviet Union had already begun building a body of research that sustains itself to this very day. The seeds for Philippine studies had been planted way back in the early 19th century, just around the time of the first visits to the Philippines during overseas voyages of Russian ships, and an attempt to establish the first Russian consular mission in Manila. Peter Dobell, an Ireland-born trader with joint US-Russian citizenship was authorized by the Imperial Court of St. Petersburg to open a consulate-general in the Philippines, but the attempt was blocked by the Spanish Crown in Madrid.

Following the collapse of the Soviet Union, Russia has kept up efforts to establish itself firmly as one of the poles of research on the Philippines outside of the Philippines itself. It is worth mentioning that both the Moscow Lomonosov State University and the St. Petersburg State University maintain undergraduate and post-graduate programs devoted to the study of the Philippines.

And now, with the publication of this book, the colorful collage of knowledge accumulated as a result of these efforts is put together in one significant collection of papers.

My warmest congratulations and appreciation go to Dr. Maria V. Stanyukovich, Chair of Kunstkamera's Department of Australia, Oceania and Indonesia, and all the writers who have painstakingly contributed to *Pilipinas Muna*. Thanks to Dr. Stanyukovich's patient lobbying, this academic endeavor was able to generate the interest and support of prestigious scholars, thus helping to raise Philippines studies to a higher position in the global academic firmament. Her efforts were ably backed up by the institutional support given by Director Yuri Chistov of Kunstkamera, to whom we owe our gratitude too. Dr. Stanyukovich is the foremost expert on Philippine anthropology and epics, including the *Hudhud*. Indeed, without her, the diverse group of scholars would not be able to put in the results of their work.

I would like to pay due respect to the founder and Chair of the Philippine Philology Department of the Asian and African Faculty of the St. Petersburg State University, Dr. Gennadiy E. Rachkov, a distinguished Russian linguist famed for his advanced studies in Tagalog and Korean grammar. His monograph on the morphology of Tagalog (1981) and his comprehensive big Tagalog-Russian dictionary (in print) are two marking points in the Tagalog language studies in Russia.

Finally, four professors from the University of the Philippines, namely, Wytan de la Peña, Ma. Crisanta N. Flores, Amparo Adelina C. Umali III and Ricardo Jose, deserve mention for their efforts to guarantee crucial Philippine involvement in this important pioneering academic enterprise.

Mabuhay!

H.E. VICTOR G. GARCIA III
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
of the Republic of the Philippines
to the Russian Federation

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Г.Е. РАЧКОВА ПО ФИЛИППИНИСТИКЕ

1966

Конфигурации с неспрягаемыми глаголами в тагальском языке // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: Тез. докл. науч. конф. вост. фак-та, 1965/66 уч. год. Л. С. 46.

Служебное слово *ay* в тагальском языке // Исследования по филологии стран Азии и Африки: Сб. статей. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 89–94.

1967

Предикативы наличия в тагальском языке // Вестн. ЛГУ. № 2. С. 110–114.

К вопросу о грамматических категориях тагальского глагола // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 32–33.

1972

Сложные предложения с придаточным определительным в тагальском языке // 4-я научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии: Тез. докл. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 57–59.

1973

К характеристике тагальских двусоставных определений // Вестн. ЛГУ. № 2. Сер. истории, яз. и лит. Вып. 1. С. 132–138.

1974

Некоторые вопросы перевода с русского на тагальский // Пятая научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии: Тез. докл. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 36–37.

1976

Именные однородные члены в тагальском языке // Востоковедение / Отв. ред. Ю.М. Осипов, С.Е. Яхонтов. Л. № 2. С. 73–78.

1977

Выбор залоговой формы глагола при переводе с русского языка на тагальский // Востоковедение / Отв. ред. С.Н. Иванов, Е.А. Серебряков. Л. № 3. С. 39–49.

Бенефактивные конструкции в тагальском языке // Востокведение / Отв. ред. А.Н. Болдырев, С.Н. Иванов. Л. № 5. С. 74–83 (совм. с Т.А. Поздеевой).

1981

Введение в морфологию современного тагальского языка. Учеб. пос. Л.: Изд-во Ленингр. унив-та. 216 с. Рец.: Макаренко В.А., Шкарбан Л.И. [Рецензия] // Народы Азии и Африки. 1982. № 6. С. 201–202; Реф.: Макаренко В.А. Реферативный журнал. Обществ. науки в СССР. Сер. 6. Языкознание. 1981. № 5. С. 130–132.

Тагальский язык // Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л.: Изд-во Ленингр. унив-та. С. 141–152.

1983

Фазовые глаголы и фазовые конструкции в тагальском языке // Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами / Отв. ред. В.С. Храковский. Л. С. 168–175.

1984

[Перев. с тагальск.] Асарес Л.А. Сухое дерево — зеленый баньян // Современная филиппинская новелла: 60–70-е годы. М. С. 30–34.

[Перев. с тагальск.] Дандан П.С. В крови Таны // Там же. С. 81–87.

[Перев. с тагальск.] Крисостомо В. Вьетнам не за морями // Там же. С. 108–121.

[Перев. с тагальск.] Ордоньес Р.Р. Кровь штрейкбрехера // Там же. С. 153–156.

1986

Об одном тагальском инфиксе // Востокведение / Отв. ред. А.А. Долина. Л. № 12. С. 76–78.

[Перев. с тагальск.] Дандан П.С. Последняя ставка // Во имя жизни: Сб. новелл филиппинских писателей. М. С. 124–129.

1988

Тагальский реципрок // Востокведение. Л. № 14. С. 81–89.

1989

Заметки о русской советской литературе на Филиппинах // Востокведение / Отв. ред. В.Б. Касевич, Ю.М. Осипов. Л. Вып. 15. С. 123–132.

1994

Корневые слова и корневые морфемы тагальского языка // Индонезия. Малайзия. Сингапур. Филиппины: Нусантарский сб. 1993/1994 acad. год / О-во «Нусантара»; СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб. С. 20–24.

1997

Афористические строки Франсиско Балагтаса // Культура стран Малайского архипелага. Индонезия, Филиппины, Малайзия: Сб. материалов. 1996/97 acad. год / О-во «Нусантара»; СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб. С. 3–9 (со стихотворными переводами).

[Рецензия] // Вестник СПбГУ. Сер. 2, вып. 4. С. 115–117 (совм. с В.А. Макаренко). Рец. на кн.: Шкарбан Л.И. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.

Грамматические сведения в словарях восточных языков // Проблемы лексикографии / Под ред. А.С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб. С. 54–79 (совм. с И.С. Быстровым, Н.В. Гуровым, Д.И. Еловковым).

2000

[Рецензия] Словарь филиппинского сленга // Нусантара. Юго-Восточная Азия: Сб. материалов, 1998/99 и 1999/2000 acad. гг. / О-во «Нусантара»; СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб. С. 144–145.

2001

Imperative and Prohibitive Constructions in Tagalog // Typology of Imperative Constructions / Ed. V.S. Xrakovskij. P. 438–457. (LINCOS Studies in Theoretical Linguistics; 09).

2007

Reciprocal, sociative and comitative constructions in Tagalog // Typology of reciprocal constructions / Ed. Vl. Nedjalkov. Benjamins. P. 887–932 (co-authored with Lina I. Shkarban).

в печати

Новый тагальско-русский словарь. Т. I–II. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1200 с.

О нем см.:

Рачков Геннадий Евгеньевич // Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Изд. 2-е. М., 1995. Кн. 2. С. 306–307.

Сокращения

В — Востоковедение. Филологические исследования. Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. востоковедческих наук.

ВЛУ — Вестник Ленингр. ун-та. Сер. история, язык, литература.

НАА — Народы Азии и Африки.

ОТ РЕДАКТОРА

Сборник посвящен Геннадию Евгеньевичу Рачкову, создателю и главе отделения тагальской филологии Восточного факультета СПбГУ. Основу сборника составили доклады, сделанные на конференции, приуроченной к 80-летию Г.Е. Рачкова, которая прошла в Ленэкспо в сентябре 2009 г. Это была первая конференция, посвященная Филиппинам в Санкт-Петербурге, и вторая конференция по Филиппинам в России¹. Тезисы докладов конференции «*Pilipinas muna!*» были опубликованы на русском и английском языках². К сожалению, ряд коллег, участвовавших в конференции (В.В. Сумский, Е.В. Ревуненкова, А.Г. Козинцев, Е.А. Бакланова), а также тех, кто намеревался участвовать в сборнике (Л.И. Шкарбан, В.Б. Касевич, А.А. Рогожин, Е.А. Климов, Галелео Сафра и др.) не смогли представить свои тексты к изданию. По их просьбе передаем здесь Геннадию Евгеньевичу Рачкову их любовь и уважение.

Неоценимую помощь в организации конференции оказали Его Превосходительство Виктор Гарсия III, чрезвычайный и полномочный посол Республики Филиппины в России, его супруга Консепсьон Гарсия и почетный консул Республики Филиппины в Санкт-Петербурге Сергей Павлович Алексеев. Мы благодарны проф. Ю.К. Чистову, директору МАЭ РАН, за поддержку в организации конференции и публикации.

Благодарим Университет Филиппин в Дилимане, директора его Центра Международных Исследований Синтию Сайас и пре-

---

¹ В 1993 г. в Москве прошла конференция «Филиппины в малайском мире», в которой приняли участие и несколько петербуржцев (И.В. Григорьев, Х.М. Зарбалев, А.К. Оглоблин, М.В. Станюкович, С. Шукаев). Часть докладов, сделанных на этой конференции, была опубликована в пятом выпуске серии «Малайско-индонезийские исследования», издаваемой обществом «Нусантара»: Филиппины в малайском мире / Сост. Б.Б. Парникель. Отв. ред. Т.В. Дорофеева, Б.Б. Парникель. М.: МЦ РГО, 1994. 120 с.

² *Pilipinas muna!* Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. 25 с.; *Pilipinas muna! The Philippines is a Priority! Conference Program and Abstracts*. St. Petersburg, 2009. 25 p.

подавателя Центра Росарио дель Росарио (Сантос) за постоянное плодотворное сотрудничество; профессоров Уистана де ля Пенья, Крисанту Флорес, Джину Умали III и Рикардо Хосе за участие в конференции и в сборнике.

Необходимо отметить большой вклад в организацию конференции сотрудницы МАЭ РАН Е.Г. Царевой, сделавшей выставку филиппинских предметов; атташе филиппинского посольства Родериго С. Атьенса и помощника консула Г.С. Суркова, представлявших группу логистики; участников рабочей группы А.К. Касаткиной, В.Н. Соколовой, Ю.С. Рутенко, Б.Б. Асановой, А.А. Янковской.

Отдельная благодарность бессменным редакторам наших Маклаевских сборников — профессору эмеритус Гавайского Университета Байону Гриффину и сотруднице редакционного отдела МАЭ РАН Марии Викторовне Банкович (Гиенко).

Часть I

ФИЛИППИНЫ И РОССИЯ

М. В. Станюкович

ИСТОРИЯ ФИЛИППИНИСТИКИ В РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

История филиппинистики в России естественным образом связана с мореплаванием, центром которого со дня своего основания стал Санкт-Петербург.

Подготовленное в XVIII в., открытие Филиппин россиянами продолжалось весь XIX в., в первую очередь благодаря кругосветным путешествиям.

Предыстория. Российское мореплавание и первые планы путешествий на Филиппины

Возможность плаваний в тропики впервые появилась у России в петровское время. Прямой выход на Балтику, морские победы над Швецией, опыт судостроительства и судовождения — все это изменило положение внутри страны и отношение к ней Англии и Голландии, которые в это время господствовали на море. Санкт-Петербург был задуман Петром Великим как столица новой морской державы. С нашим городом связана история создания российского военно-морского флота и Императорской Академии наук.

Строительство города проходило в обстановке постоянных морских баталий и расширения российского присутствия на Балтике. Одержимость Петра Великого морем, кораблями, картами и атласами, описаниями океанских путешествий и заморскими диковинами наложила отпечаток на характер Санкт-Петербурга и структуру Кунсткамеры (1714) — колыбели Российской академии наук (1724). Город изначально строился по берегам разветвляющейся Невы и «малых ериков» без мостов с целью приучить его жителей повседневно пользоваться кораблями, лодками и баржами для переправ и перевозок. Первыми постройками были Петропавловская крепость, призванная преградить путь неприятелю с моря в устье Невы, и Адмиралтейские верфи. Первым

госпиталем — Морской. До сегодняшнего дня сохранился «морской колорит» в названиях улиц — Большая Морская, Малая Морская (по бывшим слободам), Моховая — переименованная для благозвучия Хамовая — на месте слободы хамовников, ткачей, изготовлявших полотно для парусов. Петр побуждал придворных (сыновья многих в это время по его приказу учились морскому делу в Западной Европе) заводить собственный малый флот и мыслить по-морскому. Одним из первых экспонатов Кунсткамеры стал привезенный Петром Готторпский глобус, на котором мы находим раннее, еще не точное изображение Филиппинского архипелага. «Искусством сделанные вещи» соседствовали в ранней Кунсткамере с лодками, мореходными инструментами и навигационными приборами. В Императорскую библиотеку в здании Кунсткамеры поступали многотомные описания плаваний в южных и северных морях, а также их переводы, напечатанные в Императорской типографии. В окружении Петра обсуждались планы океанских путешествий.

Впрочем, роль Петра и Петербурга в истории российского мореплавания не стоит абсолютизировать. Как минимум на пять столетий раньше беломорские поморы «ногою твердой стали при море», сами мореходствовали и принимали к себе «все флаги в гости». Самый ранний петровский замысел плавания, предполагавший заход на Филиппины, был основан на поморском опыте.

Развитие мореплавания в петровскую эпоху могло пойти двумя путями: с опорой на многовековую поморскую традицию или на свежеемпортную голландскую. Петр I был знаком с обеими: он учился кораблестроению в Амстердаме, строил корабли в Архангельске и Лодейном поле, не раз посещал Холмогоры.

Северная часть Руси изначально принадлежала к скандо-балто-славянскому миру, в котором мореплавание играло важную роль. Ладога у одноименного озера — торговый центр на пути из варяг в греки, самое старое городское поселение с восточнославянским компонентом. Здесь взаимодействовали (сосуществовали, вступали в браки, торговали) славяне, скандинавы, прибалтийские финны и балты. Со временем здешняя торговля была перехвачена Новгородом. Ладога стала новгородским владением,

а Новгород — вторым крупным центром, в котором морские промыслы и морская торговля играли важную роль. Он, по-видимому, был единственным городом Руси, входившим в Ганзейский Союз (хотя связи с Ганзой имел и Псков).

В XII в. земли, известные впоследствии как поморские, стали владениями Новгородской республики. По оценкам историков, в начале XVI в. поморские земли — приморские и таежные новгородские владения к северу от Владимиро-Суздальского княжества Новгородской Руси — составляли более половины территории раннего Московского государства. По словам археолога и историка Д.А. Мачинского, Петр Великий, построив Петербург, не прорубил окно в Европу, а лишь вытащил подушку, которой оно было заткнуто. Другой его образ — здесь когда-то были ворота; на их месте Петр I приоткрыл форточку, которая так и не превратилась в двери (см.: [Мачинский 2003; 2009]).

Поморы с XI в. [Мавродин 1954] плавали по Белому и Баренцеву морям, шаг за шагом продвигались по Северному Ледовитому океану («Студеному морю»), вели промысел на Груманте (Шпицберген) и Новой Земле, построили город Мангазею и освоили Мангазейский морской ход до Карского моря. Землепроходцы Семен Дежнев и Ф.А. Попов (Алексеевский) в 1648 г. обогнули в восточную оконечность Азиатского материка и впервые прошли проливом, получившем впоследствии название Берингова, из Северного Ледовитого океана в «Восточное море» — так называли тогда Тихий океан. Верховная власть (сначала московская, потом петербургская) поморским плаваниям только мешала. В XVI в. вся торговля на Белом море была отдана на откуп англичанам. В 1619 г. царь Михаил Федорович запретил Мангазейский морской путь, чтобы «немецкие люди от Пустоззерска и от Архангельского города в Мангазею дороги не узнали». Сильный удар по поморскому мореплаванию нанес указ Петра I, предписывавший строить корабли только по голландским образцам. При Петре поморов набирали на верфи и во флот, однако не на командные должности — те отдавали приглашенным иностранцам и выученным за границей российским офицерам.

На Русском Севере, в Холмогорах, до Петра бывших значительным морским, торговым и культурным центром, местные

дьяки еще в XVII в. составили «Космографию 1670 года» — по видимому, самое раннее российское компилятивное сочинение, в котором достоверно описаны Филиппины и Индонезия. Основой для филиппинской части стали сведения из атласа Герарда Меркатора, опубликованного на латинском языке в 1606 г. в Амстердаме [Mercatoris 1606]. В течение двухсот лет «Космография 1670 года» существовала в рукописных списках (правда, достаточно многочисленных¹) и была опубликована лишь на рубеже 70–80-х гг. девятнадцатого века [Чарыков 1878–1881]. В.И. Брагинский оценивает ее очень высоко: «Впервые тропический мир Малайского архипелага и Филиппин был представлен по-русски в неискаженных пространственных пропорциях, со всем богатством южного климата, флоры и фауны, естественных ресурсов и товаров, обычаев, верований, государственных образований его жителей» [Images 1999: 74].

Первые замыслы океанских плаваний с заходом на Филиппины относятся к XVIII в. В первый же год его (1700) Петр I отказался от унаследованных от прежних правителей Руси извечных планов «прибить щит на ворота Царьграда». Заклучив поспешный невыгодный мир с Турцией (плата за попытку развивать морское дело на юге), он все силы обратил на то, что старая морская литература называет «возвращением земель отчич и дедич» — борьбу со Швецией за Ингрию, Карелию, за выход к Балтийскому морю. В 1722 г. Федор Иванович Соймонов, морской офицер, гидрограф, географ, путешественник, автор ряда книг по гидрографии и морскому делу, впоследствии губернатор Сибири, предложил Петру I проект путешествия через Ледовитый океан и Камчатку на Дальний Восток. Корабли, по замыслу Ф.И. Соймонова, должны были повторить маршрут Дежнева 1648 г. по Ледовитому океану, однако не ограничиться выходом в Тихий, а пройти дальше, к Японии и Филиппинам. Петр идею одобрил, но счел, что ее осуществление прежде-

---

¹ «По данным издателя «Космографии 1670» Н. Чарыкова, в России имелось 7 полных списков перевода «Космографии» Г. Меркатора. Два из них хранились и поныне хранятся в Рукописном отделе библиотеки МГАМИД РГАДА» (цит. по: «Царство Хинское велми славное, силное и вельможное...» Сведения о Китае XVI в. из «Космографии» Герарда Меркатора // Исторический архив 2006. № 4. <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Merkator/text3.htm>).

временно [Тартаковский 1962: 429, со ссылкой на: Морские рукописи 1852: 531–553]. Накануне своей смерти, в 1724 г., он вернулся к этой идее и подписал указ об организации крупномасштабной академической экспедиции в Тихий океан. Экспедиция, известная как Первая Камчатская, была осуществлена уже после смерти Петра Великого под руководством Витуса Беринга, датчанина, служившего в российском морском флоте с 1703 г., и его помощника, выпускника Петербургской морской академии Алексея Ильича Чирикова. От Петербурга до Камчатки экспедиция добиралась сухопутным путем; план Соймонова достигнуть Японии и Филиппин был отставлен.

В петровская время все-таки была снаряжена и даже вышла в 1723 г. в море первая экспедиция в тропики. Российские корабли должны были пересечь экватор, обогнуть Африку, войти в сношения с «королем Мадагаскарским» и Великим Моголом: «...когда с помощью Божию в показанное место в Ост-Индию прибудете, тогда явитесь там Великомочному Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор...» (цит. по: [Давидсон, Макрушина 1975]). Экспедиция была отозвана назад, и первая встреча россиян с жителями Мадагаскара, далекие предки которых — морские кочевники — принесли мальгашский (австронезийский) язык в Африку с Филиппин и из Индонезии, состоялась на полвека позже, в екатерининское время².

---

² В 1771 г. ссыльные, в основном политические, Большерецкого острога на Камчатке подняли восстание во главе с авантюристом Беньовским (Бениовский, Бенёвский), борцом за польские вольности. Ипполит Степанов и Беньовский составили от лица всех участников бунта «Объявление» для сената «о бедствиях российского народа и несправедливости распределения общественных благ, о гнете самодержавия и бюрократического строя, мешающего развитию даже ремесел и торговли». «Объявление» было во многом сходно с манифестом Пугачева, провозглашенным через три года [Давидсон, Филатова 2010]. Восставшие захватили корабль и доплыли до Мадагаскара, где создали утопическую интернациональную республику во главе с Беньовским, который выступал то как представитель Франции, то как независимый колонизатор, то как признанный коренными жителями верховный вождь (король Мадагаскара). Беглые русские, разнообразные авантюристы и пираты, склонные к благородному романтизму, и местные жители вполне гармонично жили вместе [Давидсон, Филатова 2010; Керов 2003].

В 1732 г. вице-адмирал Николай Федорович Головин составил первый план экспедиции в Тихий океан юго-западным путем вокруг мыса Горн. А.А. Першин, автор книги «Под Андреевским флагом в Южных морях», отмечает, что все дальнейшие проекты плавания в Тихий океан были основаны на «Представлении» Головина, которое «поражает своей обдуманностью и широтой» [Першин 2002: 11]. Императрица Анна Иоанновна план отклонила.

Не было, однако, еще окончательно оставлено и восточное направление. Убежденным сторонником походов на Тихий океан Северным морским путем был М.В. Ломоносов. В 1755 г. он написал «Письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном», в 1763 — «Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». «Краткое описание» на самом деле — пространный труд, в 123 параграфах которого сопоставляются разные пути выхода в Тихий океан. В нем обобщен многолетний опыт плаваний и зимовок поморов у северных берегов Новой Земли, плаваний на Алеутские острова и Курилы и рассмотрены «успехи западных народов, а особливо португальцев и испанцев». Взвесив все «про» и «контра», М.В. Ломоносов призывает «большие поиски чинить к востоку»: «...не взирая на неудачи голландцев, пытавшихся пройти к северо-востоку, явствует противное из неутомимых трудов нашего народа: россияне далече в оный край на промыслы ходили уже действительно близ 200 лет». И далее: «Правда, что здесь затруднением грозят льды и стужи, однако, положив оные в сравнение с путешествием в Восточную Индию около Африки, много легче усмотрим и против одной стужи многие и большие неудобства найдем». К числу этих «неудобств» М.В. Ломоносов относит враждебное окружение, пиратство и природные факторы — тайфуны, цунами, тропическую жару, губительную для провианта и здоровья команды. «Россия, имея Северный океан, лежащий при берегах, себе поданных и по большей части исследованных и описанных, за одним только льдом и стужею не продолжает своих важных и преславных предприятий, дабы достигнуть к тем берегам восточным, где не токмо от неприятелей безопасна, но и свои поселения

и свой флот найдет. Не на великом пространстве в разных климатах, которые разнятся семьюдесятью градусами, предпринять долговременный морской путь россиянам нужно, но между 80-м и 65-м северной широты обращаться. Нет страху ни от крутых, море похищающих вихрей, ни от ударов туч, корабли от воды отрывающихся, которые в северных морях нигде не примечены. Не опасна долговременная тишина с великими жарами, от чего бы члены человеческие пришли в неудобную к понесению трудов слабость, ни согнание воды и съестных припасов и рождение в них червей, ниже моровая язва и бешенство в людях. Все сие стужею, которой так опасаемся, отвращено будет. Самое сие больше страшное, нежели вредное препятствие, которое нашим северным россиянам не так пагубно, превратится в помощь» [Ломоносов 1763].

М.В. Ломоносов стужи не боялся и знал о северном мореплавании не понаслышке: он сам был из поморской семьи, в юности с отцом, промышленником и мореходом, ходил на промысел в Белое и Ледовитое моря. К «Краткому описанию» была приложена составленная Ломоносовым карта Циркумплярного региона. Предложение было рассмотрено, и в 1764 г. была снаряжена экспедиция, которая, однако, не смогла пробиться через льды и вернулась. Впоследствии опыт российского мореплавания во льдах принес плоды на юге Тихого океана: в 1820 г., вопреки утверждению Кука о недоступности Антарктики для мореплавания, Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев открыли Terra Incognita у Южного полюса — Антарктиду. Пристальный интерес Ломоносова к российским плаваниям и открытиям в Тихом океане нашел отражение и в его поэтических работах. Образ «Колумба российского», который плывет на восток среди полярных льдов, появился впервые в его оде 1747 г. и повторен в одах 1752 и 1760 гг.³

Тема океанских плаваний звучит и в поэзии Державина. Выросший в оренбургских степях, Гаврила Романович был чело-

---

³ См. примечания к публикации «Краткого описания» в собр. соч., т. 6, с. 603–607. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/LO6-541-.htm#16>

веком сугубо континентальным и в отличие от помора Ломоносова мореплаванием не интересовался. Появление в его стихах морской темы — показатель растущей значимости ее для русской культуры XVIII в. У Державина «Колумб русский» обретает лицо Григория Ивановича Шелихова (1747–1795), сыгравшего важную роль в предыстории российской филиппинистики. Купец, мореплаватель и путешественник, один из основателей Русской Америки и Американской Северовосточной компании, из которой выросла Русско-Американская компания (РАК), Шелихов писал: «Сужу я, что необходимо распространять мореплавание наше по Тихому океану далее нынешних пределов <...> ездить в Кантон, Макао, Батавию, Филиппинские и Марианские острова...» (цит. по: [Шелихов 2010⁴]). В 1788 Г.И. Шелихов и И.Л. Голиков ходатайствовали в Санкт-Петербурге о привилегиях и государственной ссуде для своей монопольной компании, планировавшей расширение строительства на американской территории. Екатерина II им отказала: «...многое распространение в Тихом океане не принесет твердых польз. Торговать дело иное, а владеть дело другое» (ЦГАДА, Госархив, разряд X, д. 225, л. 1) (цит. по: [Шелихов 2010; Из истории 2011]). На могиле Шелихова выбита эпитафия Г.Р. Державина: «Колумб здесь Русский погребен: преплыл моря, открыл страны безвестны...».

Дело Шелихова продолжил его зять Н.П. Резанов, ставший ключевой фигурой в Русско-Американской компании и возглавивший (наряду и в борьбе с Крузенштерном) первую российскую кругосветную экспедицию. Именно с деятельностью РАК связаны все ранние планы России по налаживанию торговли с Филиппинами. Г.Р. Державин Н.П. Резанова хорошо знал: в бытность Гаврилы Романовича советником Екатерины II Резанов состоял при нем начальником канцелярии. Он также удостоился стихов Державина:

---

⁴ См. в аннотированной библиографии по Шелихову [Шелихов 2010]: «119. Русские люди. Жизнеописания соотечественников. Т. 1. СПб., 2009. С. 15–30. О широкой программе расширения морской торговли в бассейне Тихого океана и с Филиппинскими островами».

Резанов! Славы сей бессмертной
Причастным кто не хочет быть?
А бодрость, смелость, дух бесстрашный
Чего не в силах покорить?
Пусть там валы стремятся льдисты,
Дымятся горы каменисты
И пышет яростный Эол;
Но Росс в тебе образованный
Измерит океан пространный,
Украшит Александров трон.

Первые сведения о филиппинских языках были опубликованы в Санкт-Петербурге задолго до александровских времен: в 1787 г. вышли «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы Екатерины II» [Паллас 1787]. Это замечательное издание имело целью ни много ни мало нахождение праязыка человечества и определения родства между всеми «языками и наречиями»⁵. В основу его был положен составленный Екатериной и уточненный академиком Питером Палласом список из двухсот с лишним «коренных русских слов» — прообраз всем известного ныне списка Сводеша, используемого в глоттохронологии. Каждому языку был присвоен номер, три филиппинских языка стоят под номерами 186, 187 и 188. Полнее других представлен язык магинданао: 155 слов «по-магиндански». Капампанган и тагальский представлены скромнее: 34 слова «по-пампангски», 31 «по-тагалански» (подробнее см.: [Рутенко 2011]).

---

⁵ О значении этого труда для лингвистики и лексикологии см.: Гуров Н.В. Дравидийские глоссы в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» (1786–1791) // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: Крат. тез. науч. конф. Восточного факультета. 11–12 декабря 1972 г. Л., 1972. С. 19–22; Гуров Н.В. Индийские языки в «Словаре Екатерины II» // Россия — Индия: перспективы регионального сотрудничества. М.: Институт востоковедения РАН, 2000; Гуров Н.В. У истоков отечественной индологии (Русско-«индейский» разговорник 1775 года) // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы: Междунар. науч. конф. 4–6 апреля 2006 г.: Тез. докл. / Отв. ред. Н.Н. Дьяков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 55–56.

Тем временем Петербургская Академия наук совместно с Адмиралтейств-коллегией готовили кругосветную экспедицию в Тихий океан западным путем. В 1786 г. вышел высочайший указ Екатерины II «об отправлении из Балтийского моря двух судов в Восточный океан для охранения права нашего на земли, открытые мореплавателями»: «...назнача им объехать мыс Доброй Надежды, а оттуда продолжая путь через Зондский пролив и оставя Японию в левой стороне, идти на Камчатку...». В подготовке принимали участие морской офицер и писатель И.Л. Голенищев-Кутузов, академики П.С. Паллас, П.Б. Иноходцев и др. Для участия в экспедиции были приглашены натуралист Форстер и астроном Бейли, участники плавания Д. Кука. Руководить кругосветным плаванием должен был опытный морской офицер Григорий Иванович Муловский. Предприятие это, в честь которого уже были выбиты памятные медали, было отложено из-за войны с Турцией (Указ Екатерины от 1787 г.) и окончательно отменено ввиду гибели Г.И. Муловского во время русско-шведской войны в 1789 г. (см.: [Предприятие 1840; Голенищев-Кутузов 1840]).

С XVIII в. Филиппины постепенно входят в круг экономических и культурных интересов России. Никаких политических или военных, не говоря уже о колониальных, замыслов Россия никогда в отношении Филиппин не имела. С самого начала правления Екатерины II дипломатическая служба внимательно следит за событиями на архипелаге. Английская оккупация Манилы (1762–1764) и последующий англо-испанский спор о «манильском долге» (1763–1770), создание Королевской Филиппинской компании и испано-голландские противоречия (1767–1797), попытка Наполеона распространить свою власть на Филиппины (1810) — все это подробно освещается в реляциях посланников России в европейских странах — А.Р. Воронцова, Г. Гросса, Н.К. Хотинского, О.М. Штакельберга, А.С. Мусина-Пушкина и др.⁶

Упоминания об архипелаге появляются в изданиях для широкой публики. В знаковых для русской литературы «Письмах рус-

---

⁶ Эти документы были впервые опубликованы лишь двести лет спустя нашими московскими коллегами Ю.О. Левтоновой и М.А. Козловой в: [Политика европейских 1962].

ского путешественника» Н.М. Карамзина есть запись 1790 г., сделанная во Франции: «Ученик <...> прикоснувшись к ландкарте, говорит: “Здесь Париж, тут Москва; здесь Отагити⁷, тут Филиппинские острова”» [Карамзин 1982: 388]. Позже, в переломный период, по прошествии которого он «покинул художество и обратился к истории⁸», тридцатидвухлетний Н.М. Карамзин обдумывает план нового путешествия — в Хили (Чили), на острова Атлантического и Индийского океана и на Филиппины: «Там согласился бы я дожить до глубокой старости, разогревая холодную кровь свою теплотою лучей солнечных...»⁹.

XIX в. Из Петербурга на Филиппины: российские корабли в южных морях и «путешественные описания»

Первое кругосветное путешествие российского флота состоялось через сто лет после основания Санкт-Петербурга. Во главе экспедиции были поставлены Иван Федорович Крузенштерн (плававший ранее под командой Г.И. Муловского и знакомый с планом его экспедиции) и Николай Петрович Резанов, вторым кораблем командовал Юрий Федорович Лисянский. Предполагалось, что корабли «Надежда» и «Нева», вышедшие из Кронштадта в 1803 г., могут посетить Филиппины, в связи с чем последовало обращение российских дипломатов к Испании. Однако лишь на обратном пути, следуя с Камчатки в Макао, экспедиция прошла между Формозой (Тайванем) и самыми северными островными группами архипелага. Во втором томе «Атласа Южного моря», посвященном Северному полушарию, помимо изображения Филиппин на «Генеральной карте Южного моря» Крузенштерн приводит дополнительную «Карту островов Баши и Бабуян» [Крузенштерн 1826: 24, 34].

Начало XIX столетия — время многочисленных российских кругосветных плаваний, благодаря которым значительно углубились знания европейцев о южных морях и мировом океане.

---

⁷ Старое название Таити.

⁸ Слова В.Ф. Ходасевича из «Державина».

⁹ Письмо Н.М. Карамзина из Орловской губернии к Дмитриеву от 30 декабря 1798 г. (цит. по: [Эйдельман 2004]).

Только в первой трети XIX в. на Филиппинах побывали следующие суда российского флота¹⁰:

«Рюрик» под командованием О.Е. Коцебу, плавание 1815–1818 гг.;

«Камчатка» под командованием В.М. Головнина, плавание 1817–1819 гг.;

«Бородино» под командованием З.И. Понафидина, плавание 1819–1821 гг.;

«Предприятие» под командованием О.Е. Коцебу, плавание 1823–1826 гг.;

«Кроткий» под командованием Ф.П. Врангеля, плавание 1825–1827 гг.;

«Сенявин» под командованием Ф.П. Литке, плавание 1826–1829 гг.;

«Моллер» под командованием М.Н. Станюковича, плавание 1826–1829 гг.

Исследователи первопроходчества (В.М. Пасецкий, А.В. Гринев) подчеркивают, что «плавание М.Н. Станюковича и Ф.П. Литке явилось <...> заключительным звеном научных кругосветных путешествий русских военных судов в первые 30 лет XIX в. Политические интересы империи заставили правительство отодвинуть на задний план изучение Тихоокеанского Севера и отдать приоритет проблемам Кавказа, Балкан и Центральной Европы» [История 1997, 3: 88].

Описания плаваний были опубликованы в Санкт-Петербурге, многие издания появились в переводах в Западной Европе. Наиболее известны книги Отто Евстафиевича Коцебу [Коцебу 1821] и Василия Михайловича Головнина [Головнин 1822]. Российские читатели впервые получили впечатления о культуре жителей Филиппинского архипелага из первых рук.

Путешествие В.М. Головнина по многим причинам занимает особое место. Корабль под его командованием посетил Филиппины задолго до рождения Хосе Рисаля, единственного филиппинского литератора, владевшего русским языком, автора самого знаменитого романа в истории филиппинской литературы «Noli me

¹⁰ Благодарю Л.А. Иванову и А.А. Першина за консультации.

tangere» (в русском переводе — «Не прикасайся ко мне»). Однако кажется символичным, что В.М. Головнин, ставший вскоре членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, начал свою морскую карьеру на корабле «Не тронь меня». Этот линейный корабль участвовал в русско-шведской войне на Балтике (1788–1790), той самой, в ходе которой погиб глава несостоявшегося первого кругосветного путешествия Г.И. Муловский и получил боевое крещение его будущий преемник И.Ф. Крузенштерн. За участие в сражениях на «Не тронь меня» гардемарин В.М. Головнин был награжден медалью. В 1807–1809 гг. В.М. Головнин предпринял в кругосветное плавание на шлюпе «Диана». В 1811 г. он проводил гидрографическое описание Курильских островов и был захвачен японцами, два года провел в плену и по выходе написал об этой закрытой и совершенно неизвестной европейцам стране замечательную книгу [Головнин 1818].

На Филиппинах В.М. Головнин с командой «Камчатки», в которой были Ф.П. Литке и Ф. Врангель, ставшие впоследствии знаменитыми мореплавателями¹¹, пробыли больше месяца, в основном в Маниле и в Кавите, «...проведя время сие с пользою и удовольствием». В.М. Головнин подробно и интересно пишет о структуре филиппинского общества, о том, какую роль играют в нем разные этнические группы, о внутренней и внешней торговле, потенциальном использовании островов как базы для торговли и снабжения продовольствием русских колоний на Дальнем Востоке и в Америке:

«Филиппинские острова, из коих главный Люсон, на котором находится Манила, во многих отношениях заслуживают внимания европейцев, а более россиян, по соседству их с нашими восточными владениями, где во всем том крайняя бедность, чем Филиппинские острова изобилуют. Положение сих островов в от-

---

¹¹ Литке также вел путевой дневник: Литке Ф.П. Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» (1817–1819). Рукопись. ЦГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8. Первая публикация: К берегам Нового Света. М.: Наука, 1971, — в которой описание плавания по Тихому и Атлантическому океанам, посещение Гавайских островов, о. Гуам, Филиппинских островов опущены. Цит. по: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Litke/frametext2.htm>.

ношении к Сибири, безопасные гавани, здоровый климат, плодородие и богатство земли во всех произведениях, для пищи и торговли служащих, многолюдство и, наконец, сношения их с китайцами — все сие заставляет обратить на них внимание».

«Манила, главный город Филиппинских и Марианских островов, или, лучше сказать, столица всех испанских владений в Азии, по многим отношениям достойна внимания морских держав.

Манила находится на западной стороне острова Луконии. Город сей имеет самое выгодное положение для торговли с целым светом, будучи в соседстве с богатейшими странами Азии и почти на середине между Европою и Америкою. Местное же его положение такое, какого нельзя лучше желать для приморского торгового города. Стоит он на берегу просторного залива, имеющего в окружности около 180 верст, и при устье реки Пасиг, текущей из большого озера и впадающей в Манильский залив. Вход в сей залив и плавание по оному совершенно безопасны; а глубина и свойство дна удобны для якорного стояния».

Под командой В.М. Головнина побывал на Филиппинах и друг А.С. Пушкина Ф.Ф. Матюшкин: в год окончания Царскосельского лицея он отправился в «дальний вояж» волонтером. Это о нем говорит восемь лет спустя Александр Сергеевич в стихотворении к лицейской годовщине:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Замечательно, что 19 октября 1825 г., когда Пушкин писал это стихотворение, его друг снова был на борту корабля, посетившего Филиппины, — на этот раз на транспорте «Кроткий» под командованием Ф.П. Врангеля, его товарища по первому плаванью на шлюпе «Камчатка».

С В.М. Головинным должен был отправиться (но опоздал к отплытию) и П. Добель, первый русский консул на Филиппинах. Питер (в русском варианте Петр Васильевич) Добель был опытным путешественником и негодциантом. Ирландец по рождению, он принял сначала подданство США, а затем России, хорошо знал нашу страну (в частности, не раз проехал от Дальнего Востока до Санкт-Петербурга), был женат на сибирячке и вторую половину своей жизни прожил в Санкт-Петербурге, где и похоронен.

Многочисленные документы, связанные с его несостоявшимся консульством, опубликованы в: [Политика европейских 1962], а книга «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Манилле и Индо-Китайском архипелаге» [Добель 1833], изданная в Санкт-Петербурге в 1833 г., недавно была переиздана с предисловием и примечаниями В.А. Макаренко. Позволю себе адресовать читателя к этим изданиям, во избежание путаницы напомнив время и обстоятельства появления филиппинской части повествования¹².

Путешествия XIX века подробно описаны их участниками в письмах и дневниках: «...почти все русские морские офицеры — участники кругосветных плаваний первых десятилетий XIX в. — вели дневники или путевые записки. Иногда дневники вели и матросы (известен, например, «Памятник» — дневник матроса Е. Киселева — участника плавания Ф. Беллинсгаузена в 1819–1821 гг.). До сих пор, однако, эти материалы, хранящиеся в архивах и рукописных отделах библиотек, в большей своей части еще не выявлены», — пишет Л.А. Шур, которому мы обязаны публикацией многих рукописных источников по Америке. Описание одного и того же плавания многими его участниками создает замечательно объемную картину.

---

¹² В первой публикации — двухтомнике Добеля, вышедшем в Лондоне на английском языке [Dobell 1830] — филиппинская часть не представлена. Она появляется только в петербургском издании 1833 г. на русском языке [Добель 1833]. А. Джунковский, переводчик и составитель, работавший над русским изданием совместно с Добелем, включил в него материалы, опубликованные во втором томе английского и неопубликованные выдержки из рукописных дневников Добеля о Малайском архипелаге, Филиппинских и Гавайских островах. Именно это издание, переведенное Э. Голицыным с русского на французский, было опубликовано в Париже [Dobell 1842] (см. комментарий 252 в: [Политика европейских 1962]).

Не войдя в научный, источниковедческий фонд, неизданные впечатления о новых странах стали, однако, важным культурным фактом, впитались в современную им культуру. Известно, например, что Матюшкин на протяжении 20 лет подробно описывал свои странствия в письмах к директору Царскосельского лицея Энгельгардту, который охотно делился этим увлекательным чтением с выпускниками лицея. Письма ждали, читали и перечитывали, иногда публиковали выдержки из них в журналах.

Из среды русских морских офицеров-кругосветников вышло на редкость много писателей. Тому немало способствовали их прекрасное образование, ожидания общества, жадно впитывавшего яркие впечатления первооткрывателей, прекрасные судовые библиотеки и, конечно, стремление найти применение свободному времени: плавание длилось около трех лет. Как известно, двумя основными жанрами, давшими начало европейскому роману, были роман-путешествие и роман-биография. Сухопутные «путешественные описания» были важной составляющей русской литературы со времен средневековья. В первую очередь это записки паломников в Святую Землю — «ветка Палестины», по выражению Лермонтова, а также переводы, например «Сказание о Индии богатой». Собственные светские путешествия стали описывать позже — среди ранних, например, «Сказания о человецех незнаемых в Восточной стране», первое русское описание Сибири задолго до Ермака. Ближе всего к Филиппинам из русских сухопутных странников приблизился в 1460–1470-х годах Афанасий Никитин: он, по-видимому, побывал в северных районах Нусантары [Images 1999]. «Хождение» Афанасия Никитина было впервые представлено широкому читателю в 1816 г. Н.М. Карамзиным, подробно рассмотревшим это сочинение и представившим пространные выписки из него в шестом томе «Истории государства Российского», интерес к которому был огромен. Описания морских путешествий стали в XIX в. новым романтическим литературным жанром, ему была суждена долгая жизнь.

Из биографических материалов о Пушкине, опубликованных П.В. Анненковым в 1855 г., известно, что Ф.Ф. Матюшкин «получил от Пушкина, при первом своем отправлении вокруг света,

длинные наставления, как вести журнал путешествия <...> Пушкин долго изъяснял ему настоящую манеру записок, предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы»¹³. Большая часть этих дневников, в том числе все записи о Филиппинах, до сих пор не опубликованы. Первым изданием рукописей Матюшкина стали относящиеся к Бразилии, Перу и Калифорнии выдержки из «Журнала кругосветного плавания на шлюпе “Камчатка” под командою капитана Головнина», хранящегося в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) [Шур 1971].

Эти богатейшие источники, которые содержат тонкие наблюдения и нередко уникальные сведения о культуре народов, утраченной в процессе колонизации, очень слабо изучены. До сих пор нет сводного труда о наблюдениях российских моряков, заходивших на Филиппины, нет пока и антологии, в которую вошли бы тексты о Филиппинах из этих ранних источников. Первые шаги к созданию подобной антологии мы с Виктором Владимировичем Сумским предприняли несколько лет назад, однако не довели дело до конца. Материалов для создания такой подборки достаточно даже в опубликованных источниках, не говоря уже об архивах. Для создания антологии по Филиппинам можно воспользоваться опытом коллег, уже опубликовавших извлечения из интересующих нас «путешественных описаний» по другим регионам — Океании (многочисленные работы Глинна Барратта), Северной и Южной Америке [Шур, Комиссаров], Австралии [Российские моряки 1993; 2007], а также многоавторную трехтомную «Историю Русской Америки (1732–1867)» [История 1997].

Приходится сожалеть, что на Филиппины кругосветники заходили обычно в конце плавания, на обратном пути из Русской Америки. К этому времени (через два с половиной года плавания) они уже уставали от новых впечатлений и думали о скором возвращении домой; «уставали» и корабли, поэтому в Маниле офицеры обычно руководили их ремонтом. Кроме того, Филиппины

---

¹³ Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А.С. Сочинения. СПб., 1855. Т. 1. С. 165. Цит. по: [Шур 1971: 14].

считались территорией хорошо известной, многожды описанной. Этим вкупе с занятостью ремонтными делами, вероятно, объясняется отсутствие интересных сведений о Филиппинах у Ф.П. Литке в описании его путешествия 1826–1829 гг. [Литке 1835]. Филиппиниста зависть берет при чтении замечательно тонких и точных наблюдений Литке об островах Микронезии, в которых сказывается его этнографический склад ума и прекрасное естественнонаучное образование, в частности знание ботаники. Однако Филиппины для него были уже не в новинку: впервые он побывал там на шлюпе «Камчатка» с В.М. Головинным.

Из более поздних описаний Филиппин следует особо выделить книгу Ивана Александровича Гончарова [Гончаров 1858]. Не будет преувеличением сказать, что именно «Фрегат “Паллада”» в первую очередь сформировал представление о филиппинцах, существовавшее в российском обществе во второй половине XIX — XX в. Эти полновесные пятьдесят страниц дорогого стоят. Приведем лишь аннотацию, предпосланную Гончаровым главе о Маниле:

«Манильский залив. — Островки Коррехидор, Конь и Монахиня. — Вход на рейд. — Река Пассиг. — Улицы, лавки, отель. — Предмесье Бинондо и старый город. — Тагалы, китайцы, метисы и испанцы. — Окрестности. — Растительность. — Плантации. — Кальсадо. — Французские миссионеры. — Изделия из соломы и ананасных волокон. — Церкви Санта-Круц и Мигель. — Ученые солдаты. — Женщины. — Ящерицы в домах. — Ванны. — Визиты к испанцам. — Табачная фабрика. — Французский епископ. — Испанский монастырь. — Собор. — Богомольцы и проповедники. — Петушьи бои. — Породы деревьев. — Канатная фабрика. — Запас сигар. — Дамы на фрегате. — Происхождение слов “Люсон” и “Манила”. — Красота природы. — Географическая, историческая и статистическая заметка о Филиппинских островах».

По приходе на Филиппины Гончаров немедленно съехал с корабля в Манилу. Его зарисовки сочетают живые впечатления и этнографические сведения. Особенно ценны бытовые сценки, которые позволяют почувствовать дух, атмосферу, настроение. Вот впечатления о посещении табачной фабрики:

«В зале, на полу, перед низенькими, длинными, деревянными скамьями, сидело рядами до шести- или семисот женщин, тагалок, от пятнадцатилетнего возраста до зрелых лет: у каждой было по круглому, гладкому камню в руках, а рядом, на полу, лежало по куче листового табаку. Эти дамы выбирали из кучи по листу, раскладывали его перед собой на скамье и колотили камнями так неистово, что нельзя было не только слышать друг друга, даже мигнуть. Сколько голов повернулось к нам, сколько черных лукавых глаз обратилось на нас! Все молчали, никто ни слова, но глазами действовали сильно, а руками еще сильнее. Вероятно, они заметили, по нашим гримасам, что непривычным ушам неловко от этого стука, и придумали что было сил; большая часть едва удерживала смех, видя, что вместе с усиленным стуком усилились и страдальческие гримасы на наших лицах. Это для них было неожиданным развлечением, кокетством в своем роде».

А вот описание «тагалки»:

«Как хорош смуглый цвет при живых, страстных глазах и густой черной косе, которая плотным узлом громоздится на маленькой голове напоказ всем, без всякого убора! Вас поразила бы еще стройность этих женщин: они не высоки ростом, но сложены прекрасно, тем прекраснее, что никто, кроме природы, не трудился над этим станом. Нет ни пояса, ни тесемки около поясницы, ничего, что намекало бы на шнуровку и корсет. Весь костюм состоит из бумажной, плотно обвитой около тела юбки, без рубашки; юбка прикрыта еще большим платком — это нижняя часть одежды; верхняя состоит из одного только спенсера, большею частью кисейного, без всякой подкладки, ничем не соединяющегося с юбкою: от этого, при скорой походке, от грациозных движений тагалки, часто бросается в глаза полоса смуглого тела, внезапно открывающаяся между спенсером и юбкой. У многих, особенно у старух, на шее, на медной цепочке, сверх платья, висят медные же или серебряные кресты или медальоны с изображениями святых».

После пребывания в Маниле фрегат «Паллада» посетил филиппинские островные группы Батанес и Бабуян к северу от Лусона и несколько дней стоял в порту Сан Пио Квинто на западе острова Камигина (Camiguin), принадлежащего к группе остро-

вов Бабуиан. Пребывание на этих островах Гончаров описал в главе «Заметки на пути от Манилы до берегов Сибири»:

«Остров Батан. — Радре и алькад. — Сулой. — Остров Камигуин, порт Пио-Квинто. — Красное дерево. — Птицы и насекомые. — Бананы. — Дракон, пожирающий уток. — Обед в тропическом лесу. — Кит. — Акула».

Здесь были собраны многочисленные образцы флоры и фауны, впоследствии переданные в Зоологический музей Санкт-Петербурга. Главным натуралистом экспедиции был Иосиф Антонович Гошкевич — дипломат, миссионер и востоковед, китаист и японист, который служил переводчиком и советником главы экспедиции вице-адмирала Е.В. Путятина.

В этом путешествии участвовал и будущий адмирал К.Н. Пошеть, заметки которого были собраны в книге «Письма с кругосветного путешествия», публиковались в «Морском сборнике» и «Отечественных записках».

Как известно, название «филиппинцы» до XX в. применялось только к испанским креолам, жившим на архипелаге. Местных жителей испанцы называли «indios», что было принято и всем остальным миром. Русские путешественники называют их индейцами или индийцами, а также «древними здешними жителями», «жителями Луконии» или «жителями Таголы». Переводчик П. Добеля Джунковский [Добель 1833] пишет «тагалийцы». Гончаров использует слова «индийцы/индианки» и «тагалы/тагалки» как синонимы. Например, о жителях острова Камигин¹⁴:

«Мы вышли на поляну, к шалашам индийцев и к их плантациям. Это те же тагалы, что и в Маниле, частью беглые, частью добровольно удалившиеся с Люсона. Все они говорят по-испански».

Моряки пишут также о здешних испанцах, испанских метисах и китайцах, которым принадлежала почти вся торговля на архипелаге. О других народах страны есть лишь отдельные упоминания. Головин, например, пишет:

«При покорении испанцами острова Луконии они нашли на оном жителей, разнившихся между собою обычаями, языком, на-

---

¹⁴ На островах Бабуиан говорят на языках ибатан и итбайятен, илоканский используется как лингва франка.

ружным видом и просвещением. Некоторые из них, а особенно обитавшие при морских берегах, имели правителей, изустные законы и права, кои строго наблюдали, а другие жили в горах и многим отличались от диких зверей. По именам сих народов и теперь еще испанцы разделяют остров на провинции и по оным их называют, например: Таголо, Памбанго, Илоко и проч. Жители Таголы были самые просвещенные: они имели свою грамоту и писали на листьях пальмы или платана¹⁵.

...Испанцы с горными народами никак не могли сладить, и хотя многих из них истребили, но все еще остается довольно, чтоб причинять иногда вред внутри острова; а прибрежных жителей, имевших уже некоторое просвещение, они скоро покорили, дали им свои законы и ввели к ним христианскую веру, и теперь потомки их едва ли не самые усердные католики в целом свете. Все они говорят по-испански, но не забывают и природного языка, на котором даже играют испанские театральные пиесы, нарочно для них переведенные».

Нелестной характеристике, которую дали испанцы горным народам в разговорах с путешественниками, удивляться не приходится.

Гончаров добавляет:

«В дальних местах, внутри острова, есть еще малочисленные племена, или, лучше сказать, толпы необращенных дикарей; их называют негритами (negritos)».

Именно негрито и привлекли на Филиппины самого знаменитого в отечественной истории этнографа. Николай Николаевич Миклухо-Маклай побывал на архипелаге трижды. В 1872 г. на клипере «Изумруд» посетил Себу и Манилу, откуда отправился в горы Лимай провинции Самбалес для знакомства с негрито, в 1877 г. побывал проездом в Замбоанге на о. Минданао, а в 1883 г.

---

¹⁵ Это не первое упоминание о слоговой письменности тагалов в записках российских путешественников. Как отмечено С.К. Буlichem в первой, по-видимому, заметке о тагальском языке в российском энциклопедическом издании «Брокгауз и Ефрон», «образчик тагальских писем был опубликован в III томе “Путешествия в Южный океан и в Берингов пролив” лейтенанта Коцебу (СПб., 1823), заключающем “Наблюдения и замечания естествоиспытателя экспедиции Адальберта Шамиссо”».

вновь посетил Себу и Манилу. Результатами этих посещений стали краниологические измерения и этнографические наблюдения негрито провинции Самбалес, этнографические коллекции по негрито и портретные зарисовки антропологических типов бисайя, сделанные на острове Себу. Интересные находки могут обнаружиться в филиппинских газетах 1870–1880-х годов. О высадке Миклухо-Маклая в заливе Астролябия во время первого пребывания его на Берегу Маклая в Новой Гвинее читатели филиппинской прессы узнали наверняка раньше, чем читатели газеты Санкт-Петербургских газет «Кронштадтский вестник» и «Правительственный вестник», в которых печаталось донесение капитана П.Н. Назимова¹⁶. Вот, что пишет П. Назимов, капитан корабля, доставившего Миклухо-Маклая на Новую Гвинею:

«...по приходе корвета на Марианские острова в порт St. Louse d'Apra на о. Гуам я обратился к губернатору испанской колонии полковнику Luis de Ibanes с письменной просьбой, в которой, объяснив о местопребывании Миклухи, просил сообщать всем командирам судов, заходящих в Арга, что если им придется проходить мимо берегов Новой Гвинеи, то чтобы заходили в показанную местность для справок о Маклае и в случае надобности для оказания ему посильной помощи, за что как правительство, так и общество будут им благодарны. В том же письме выражено, если получатся какие-либо сведения о Маклае, то прошу сообщать в Петербург в Русское Географическое общество на имя секретаря общества. Письмо это губернатор колонии принял весьма благосклонно и послал в Манилу отпечатать во всех местных газетах на Филиппинских островах».

Императорское Русское Географическое общество, поддерживавшее научные изыскания Миклухо-Маклая, было создано в Санкт-Петербурге в 1845 г. при активном участии первых российских мореплавателей, побывавших в южных морях, в том

---

¹⁶ Кр. вест. 1872. № 28, 29; полный текст — № 31, 32; отсюда: Правит. вест. 1872. № 66, 70, 81; в извлечениях: Изв. РГО. 1872. Т. 8. Вып. 1. С. 88–90. Назимов П.Н. Записка о пребывании натуралиста Миклухи-Маклая на корвете «Витязь» и о доставлении его на остров Новая Гвинея в заливе Астролябия (см.: Полевой Б.П. Находка полного текста записки П.Н. Назимова о Н. Н. Миклухо-Маклае // СЭ. 1986. № 1. С. 74–81).

числе и на Филиппинах. Это одно из старейших географических обществ мира. Задачами его были сбор и распространение достоверных географических знаний, что понималось весьма широко и включало в себя сведения по ботанике, зоологии, этнографии, лингвистике. Общество имело собственные немалые средства, полученные при его основании от Николая I. ИРГО финансировало экспедиции и издавало четыре журнала: «Известия Имп. Русского Географического общества» и «Записки Императорского русского географического общества» по трем отделениям — физической и математической географии, статистики и этнографии (первые выпуски «Записок Императорского русского географического общества по отделению этнографии» носили название «Этнографический сборник»). С 1848 г. и по сей день без перерыва и смены названия издается «Морской сборник» — старейший в мире ежемесячный журнал по военноморской тематике, основанный Морским ученым комитетом, который тогда возглавлял известный русский мореплаватель и гидрограф адмирал Ф.П. Литке. Страноведческая, этнографическая тематика была представлена в XIX в. во всех названных журналах. Интерес к ним был огромен. Тираж «Морского сборника» в 1856 г. достиг шести тысяч экземпляров — филиппинисту приятно заметить, что это произошло после публикации в журнале гончаровских «Заметок на пути от Манилы до берегов Сибири» (1855). В 1861 в Санкт-Петербурге был основан журнал «Вокруг света».

Вместе с первыми «путешественными описаниями» и картами в Петербург стали поступать предметы, характеризующие традиционную культуру жителей Филиппинского архипелага. Участники кругосветных плаваний передавали их в Адмиралтейский Музей и Академию художеств (см. статью В.Н. Кислякова в нашем сборнике). Впоследствии большая часть этих коллекций была собрана в МАЭ РАН. Коллекции, не сразу попавшие в Кунсткамеру, плохо документированы. Можно предполагать, что филиппинские предметы из кругосветных путешествий содержатся помимо коллекций № 4278 и 4391, атрибутированных как филиппинские при передаче, в других азиатских, океанийских и американских собраниях «из ранних поступлений».

Самое раннее этнографическое собрание по островной Юго-Восточной Азии, поступившее непосредственно в Кунсткамеру, было филиппинским. Нам мало известно об этой коллекции, привезенной в 1821 г. П. Добелем¹⁷. Она, по-видимому, погибла во время пожара [Станюкович 1978]. Мы знаем лишь, что в ней была представлена традиционная одежда филиппинцев. Возможно, там были филиппинские тапы — ткани из луба, которые очень плохо представлены в этнографических музеях мира. Более уверенно можно предположить, что там были тончайшие домотканые *пиньи* — ткани из волокон листьев ананаса, *абаки* — волокон текстильного банана, *рами*, возможно, хлопчатобумажные ткани из *капока* и собственно хлопка, которыми славились Себу и Илокос, образцы различных традиционных техник тканья на узком наспинном станке и окрашивания — икат и батик, а также замечательной вышивки. В это время изысканное филиппинское ткачество еще не было вытеснено привозными тканями, по крайней мере в повседневном пользовании, хотя тяжелый труд по выделке тончайших местных тканей, несмотря на усилия испанской администрации, так и не был поставлен на поток для экспорта. О тканях этого периода читатель может узнать подробнее из статьи Каролины Стоун в данном сборнике. Статья В.Н. Кислякова познакомит читателя с другими ранними коллекциями нашего музея.

В XIX в. начал формироваться и иллюстративный фонд Кунсткамеры по островам Юго-Восточной Азии, исследованием которого занимается А.К. Касаткина. Среди полутора тысяч ранних (до середины XX в.) филиппинских фотографий есть и привезенные Константином Николаевичем Посъетом, в их числе сувенирные открытки, изготовленные в фотоателье А. Хонисса в Маниле. Вероятно, они относятся к 1872 г., когда Посъет сопровождал Великого князя Алексея Александровича в его путешествии [Касаткина 2009]¹⁸.

¹⁷ Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1805–1828 гг., л. 87 (цит. по: [Станюкович 1953: 191]).

¹⁸ Для определения ранних фотографий очень полезна может быть книга, недавно опубликованная известным голландским филиппинистом [Muijzenberg 2009].

Материалы этого и многих других посещений россиянами Филиппин второй половины XIX — начала XX в. еще предстоит собрать и исследовать. Отдельную главу в истории наших стран составляет Русско-японская война, которой посвящены две статьи в настоящем сборнике.

Филиппины сыграли особую роль в судьбах русской эмиграции. Именно на Филиппинах уже после революции 1917 г. произошло последнее в истории России посвящение молодых моряков в гардемарины. Позже филиппинский остров Тубабао стал основной базой, откуда русские эмигранты, прибывшие в основном из Китая, отправлялись в Австралию и другие страны [Хисамутдинов 2003; Каневская 2004; 2010: 92–101].

XX век: лингвистика, антропология/этнография, фольклористика

В первые десятилетия XX в. начинается развитие австронезийских исследований в России. У истоков российской школы австронезийской лингвистики, антропологии/этнографии и фольклористики стоят три фигуры: Е.Д. Поливанов, Л.А. Мерварт и Р.Ф. Бартон. Первые двое были выпускниками Санкт-Петербургского университета, где Е.Д. Поливанов и начал свою преподавательскую деятельность. Все трое были связаны с Петербургской Кунсткамерой: Л.А. Мерварт и Р.Ф. Бартон работали в МАЭ, а Поливанов сотрудничал и печатался в сборниках музея [Поливанов 1918б]. Филиппинские языки были включены в широкий круг лингвистических интересов Е.Д. Поливанова [Поливанов 1918а, 1928, 1931]. Л.А. Мерварт первой в нашей стране профессионально занялась австронезийскими языками, сначала малайским, а потом и тагальским. Р.Ф. Бартон — блистательный полевой этнограф, создавший классические труды по горным народам Лусона.

Отдел Океании и Малайского архипелага появился в Кунсткамере еще в конце XIX в. Его возглавила Евгения Львовна Петри (1858–1923)¹⁹, взявшая на себя работу по приведению в порядок уже довольно многочисленных коллекций по островной Юго-

---

¹⁹ Биографические данные Е.Л. Петри имеются в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. См. также: [Иванова 2005: 42, прим. 21].

Восточной Азии. Позже из отдела Океании и Малайского архипелага был выделен отдел Индонезии (1924 г.), который возглавила Людмила Александровна Мерварт (1888–1965). Крупный индолог, полевой работник, собиратель (Л.А. и ее муж А.М. Мерварт привезли в МАЭ уникальные коллекции, собранные ими в Индии) Людмила Александровна стала основоположницей изучения индонезийского и тагальского языков в России. В 1930 г. началось ленинградское «Академическое дело», стоившее жизни многим блистательным ученым нашего города. А.М. Мерварт был «назначен» главным шпионом востоковедения и расстрелян. Л.А. Мерварт выжила, переехав в Москву: одним из приемов, иногда помогавшим избежать репрессий, был выезд за пределы ведомственного участка ОГПУ, которое вело то или иное дело. О роли Л.А. Мерварт и начале изучения тагальского в России написала Н.Ф. Алиева: «Со свойственным ей филологическим чутьем Л.А. Мерварт поняла значимость этого языка для интерпретации структурной специфики семьи и организовала изучение тагальского языка, еще когда мы были студентами, в форме кружка у себя дома. Позже, когда мы стали сотрудниками отдела языков ИВ АН СССР, появился эмигрант с Филиппин Мануэль Крус, который стал преподавать тагалог уже на более высоком уровне. Одновременно при его активном участии составлялись словари. Л.И. Шкарбан, отлично знавшая английский, избрала тагалог как главное направление своей деятельности. Уже в 1966 г. по этому языку вышла их работа в серии очерков “Языки народов Азии и Африки” [Крус, Шкарбан 1966]. Далее этот язык стали преподавать В.А. Макаренко и И.В. Подберезский в Москве, Г.Е. Рачков в Ленинграде, одновременно создавая учебники и статьи» [Алиева 2008: 37–38].

Разгром петербургской исторической школы в 30-е годы XX в. и централизация исторических, экономических и политологических исследований в советский период в Москве обусловили отход петербургской науки от данной тематики. Развитие этих направлений в филиппиноведении осуществлялось в Москве трудами А.А. Губера, О.Г. Барышниковой, М.А. Козловой, Г.И. Левинсона, Ю.О. Левтоновой, И.Ф. Жулева, В.В. Сумского и др. В конце XX — начале XXI в. этой тематикой заинтересова-

лись исследователи Владивостокского ДВГУ — А.А. Хисамутдинов, И.Н. Золотухин, Г.И. Каневская. В ознакомлении широкого российского читателя с филиппинской культурой ведущая роль принадлежит В.В. Подберезскому, чьи книги соединяют культурологический, исторический и социологический подходы и одинаково интересны филиппинистам разных специальностей и широкому кругу читателей.

В Петербурге XX–XXI в. филиппинистика развивается в русле филологического востоковедения, антропологии/этнологии/этнографии и фольклористики. Эти направления в тридцатые годы также понесли тяжелые потери, но уничтожены не были. Положительную роль сыграла уникальность Восточного факультета СПбГУ (ЛГУ) и Петербургского Музея/Института антропологии и этнографии (Кунсткамеры) Академии наук. Эти центры, в которых сформировалось российское востоковедение и российская этнография/антропология, до послевоенного времени не имели аналогов в стране.

Истории изучения и преподавания тагальского языка в нашей стране посвящен ряд работ наших московских коллег [Макаренко 1967; 2002; Makarenko 1968; Zabolotnaya 2006], есть сведения о филиппинских языках и в статьях о достижениях австронезийской лингвистики в России [Makarenko, Demidyuk 1980; Алиева 2010]. Владимиру Афанасьевичу Макаренко принадлежит и общий обзор русско-филиппинских связей [Makarenko 1982], изданный на тагальском языке. Приходится только сожалеть, что В.В. Сумский не смог представить в наш сборник столь нужное обобщение достижений московской школы исторических исследований Филиппин, которому был посвящен его доклад на конференции «*Pilipinas muna!*».

О том, что сделано в Санкт-Петербурге за последние сто лет, читатель может судить по статьям и библиографии филиппинских исследований в данном сборнике. Главное достижение — это создание школы филиппинских исследований.

Отделение тагальской филологии на Восточном факультете ЛГУ открылось в 1967 г. под руководством Г.Е. Рачкова. Идея создания этого отделения принадлежала А.Е. Серебрякову [Рачков 1997: 133–134], заведующему кафедрой китайской филологии, на

которой работал Геннадий Евгеньевич по окончании (1952) отделения корейской филологии. Учителем Г.Е. Рачкова был А.А. Холодович, основатель петербургской типологической школы в российском языкознании и блестящей школы корееведения, известной лингвистическими и литературоведческими исследованиями. Эти направления стали основными в филиппиноведческих трудах Г.Е. Рачкова, самостоятельно выучившего тагальский язык по книгам и текстам. Он, однако, не оставил корееведения и в востоковедных справочниках фигурирует именно как специалист по Корее [Милицанд 1995: 306–307; Современное российское корееведение 2006: 415–419].

Все современные филиппинисты Санкт-Петербурга — ученики Г.Е. Рачкова. За прошедшие годы было восемь выпусков, автор данной статьи принадлежит ко второму (1972–1978). Все эти годы (до ухода на пенсию осенью 2011 г.) Геннадий Евгеньевич был главой и единственным штатным преподавателем отделения тагальской филологии. Курсы по языку он всегда читал сам, и читал блистательно. Основное внимание уделялось тагальской грамматике, подаваемой очень широко, с элементами теоретической лингвистики. К числу важнейших принадлежали спецкурсы «Глагол» и «Морфология современного тагальского языка». Строгая, спокойная, логически безупречная манера преподавания в сочетании с юмором, порой довольно едким, делали его занятия неотразимыми даже для студентов, к теоретической лингвистике вовсе не склонных.

После первого же выпуска определился порядок преподавания тагальского разговорного: каждому последующему выпуску его, как правило, читал выпускник предыдущего. Нам его преподавала Т.А. Поздеева, следующим группам последовательно — М.В. Станюкович, Ю.И. Студеничник, И.В. Григорьев, Д. Осадчук, И.А. Зуева-Носова и опять первые трое. Разговорный язык никогда не был сильной стороной нашего отделения²⁰. Выпускники В.А. Макаренко, И.В. Подберезского, Е.Г. Фроловой, Е.А. Бак-

---

²⁰ Положение, несомненно, изменится, когда преподавание тагальского разговорного от «семи няnek» перейдет к С.Б. Клименко, который прожил в Маниле уже больше трех лет.

лановой выгодно отличались от наших в этом отношении. Зато грамматическая, лингвистическая подготовка тагалестов, которую давал Геннадий Евгеньевич, была, несомненно, самой сильной в стране.

Помимо основного языка — тагальского — студенты изучали второй восточный, английский и испанский, а также страноведческие дисциплины. Из числа последних Геннадий Евгеньевич читал «Введение в филиппиноведение» и «Историю филиппинской литературы». Географию Филиппин преподавал индонезист П.М. Мовчанюк (с 2004 г. — М.В. Станюкович), историю — китаист Б.Г. Доронин (с 2004 г. — М.В. Станюкович). С 1978 г. М.В. Станюкович читала курсы «Этнография и культура Филиппин», «Эпическое творчество народов Филиппин» (по 2001 г.), «Аспекты филиппинской традиционной культуры» (по 2001 г.), с 2006 г. — «Региональная культура Филиппин». И.А. Зуева-Носова преподавала последнему выпуску филиппинистов не только тагальский разговорный, но и японский, а Ю.И. Студеничник прочел им курс «Лексическая интерференция и переключение кодов».

Выпускники тагальского отделения работают в разных странах. Безвременно скончавшийся Сергей Викторович Скорынин был основателем исследований по филиппинской лексикологии в Берлинском университете. Сергей Шукаев работал переводчиком в Филиппинском посольстве в Москве и в Советском посольстве в Маниле. Ирина Зуева-Носова участвовала в раскопках японских археологов на севере о. Лусон и закончила магистратуру по археологии в университете Токио.

Пять выпускников отделения защитили кандидатские диссертации по филиппинистике:

1982 — Станюкович М.В. Историческая типология и этнокультурные связи героического эпоса ифугао, Филиппины. ЛЧ ИЭ АН СССР.

1985 — Skorynin Sergej. Grundprobleme der Lexikographie des Tagalog/Pilipino unter besonderer Berücksichtigung der Wort- und Formbildung des Verbs. Humboldt Univ., Berlin.

1990 — Климов Е.А. Конструкции с предикатными актантами. Модальные конструкции в тагальском языке. ЛГУ.

1996 — Григорьев И.В. Типология условных конструкций: На материале тагальского и малагасийского языков. СПбГУ.

2006 — Студеничник Ю.И. Английско-тагальское переключение кодов в условиях двуязычия на Филиппинах. СПбГУ.

С 2010 г. в аспирантуре у Геннадия Евгеньевича учится выпускница тагальского отделения О.В. Колтыга. Ее диссертационное исследование посвящено классической филиппинской литературе. Ряд выпускников отделения (Е.А. Хамаганова, О.М. Есаулова и др.) защитили диссертации по темам, не связанным с филиппинскими исследованиями.

Александр Константинович Оглоблин более четырех десятилетий является основным рецензентом курсовых и дипломных работ по тагальскому языку на Восточном факультете СПбГУ. В центре интересов этого выдающегося специалиста по австронезийским языкам находятся индонезийско-малайские исследования; филиппинские материалы занимают хоть и небольшое, но постоянное место в его работах. В этом году на Восточном факультете впервые набрана индонезийско-тагальская группа. Это изящное завершение круга: нам, второму набору тагалитов (1973–1978), Александр Константинович читал курс индонезийского как второго восточного языка (до и после вторым языком у филиппинистов были последовательно арабский, корейский и японский). Выбор индонезийско-тагальской комбинации связан как с организационными, так и научными причинами. Геннадий Евгеньевич Рачков с осени 2011 г. ушел на пенсию, Сергей Борисович Клименко, которого Г.Е. готовил как своего преемника в заведовании отделением, сейчас заканчивает магистратуру по лингвистике в Университете Филиппин. К преподаванию С.Б. Клименко сможет приступить с 2013/2014 учебного года, до той поры все курсы по тагальскому языку, а также курс по филиппинской литературе будет вести его бывшая однокурсница, аспирантка Г.Е. Рачкова Ольга Вячеславовна Колтыга. Исторические и географические курсы этой группе будет читать Галина Тойвова-Тюнь, вернувшаяся в alma mater из Петрозаводского университета. Очень важно, что на Восточном факультете снова появился собственный австронезист-историк, которого здесь не было со времени смерти П.М. Мовчанюка.

Конференция «Pilipinas tuna!». Справа налево: директор МАЭ РАН Ю.К. Чистов, почетный консул Филиппин в Санкт-Петербурге С.П. Алексеев с супругой, посол Филиппин в России Виктор Гарсия III с супругой, помощник С.П. Алексеева Г. Сурков, почетный консул Индонезии в Санкт-Петербурге В.А. Радченко. Санкт-Петербург, 2009

Конференция «Pilipinas tuna!». Справа налево: посол Филиппин в России Виктор Гарсия III, почетный консул Филиппин в Санкт-Петербурге С.П. Алексеев, М.В. Станюкович, супруга посла Консепсьон Гарсия. Санкт-Петербург, 2009

Филиппинисты трех столиц. Справа налево: А.А. Умали, М.К. Флорес, Е.Г. Фролова, М.В. Станюкович, У. де ля Пенья. Санкт-Петербург, 2009

Участники конференции «Pilipinas muna!» по возвращении из Санкт-Петербурга с коллегами из Университета Филиппин. Третий слева — магистрант УФ С.Б. Клименко. Манила, 2009

Научный смысл создания группы индонезийско-тагальской филологии — формирование исследователей, которые будут рассматривать Нусантару как единую культурную общность, преодоление искусственной «зоны отчуждения» в исследовании родственных языков и культур южных Филиппин, северных Индонезии и Малайзии. Исторически в так называемую «зону Сулу» с центром на одноименном архипелаге, расположенном на крайнем юге современной филиппинской территории, входили помимо филиппинских территории Индонезии и Малайзии. Это сохранившаяся ислам область, в которой языки филиппинской и индонезийской групп образуют причудливую мозаику, изучена хуже, чем соседние — не только в связи с нелегкой политической обстановкой, но также из-за того, что она находится вне зоны распространения «больших» языков — тагальского, малайского, индонезийского.

Последние десятилетия были плодотворными для филиппинских исследований в Санкт-Петербурге. В 2006 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между СПбГУ и Университетом Филиппин, Дилиман. В течение 2007/2008 учебного года четверо студентов тагальского отделения (В.Н. Соколова, С.И. Яценко, М.А. Глухов и С.Б. Клименко) проходили в Маниле стажировку. С.Б. Клименко, получив по возвращении степень бакалавра в СПбГУ (статья по эргативности и аккумулятивности, опубликованная в этом сборнике, написана на основе этой дипломной работы), вновь отправился учиться в Манилу и сейчас заканчивает магистратуру по лингвистике в Университете Филиппин. С 1995 г. М.В. Станюкович проводит длительные стационарные экспедиционные исследования на Филиппинах, прежде всего в горных районах Лусона. В.Н. Соколова и Ю.С. Рутенко в 2010–2011 гг. ездили в командировки на Филиппины от МАЭ РАН. Этнографические коллекции, собранные в последние годы, превышают по объему старые сборы МАЭ (более тысячи предметов) и не уступают им по научной значимости. Привезены образцы традиционной и современной культуры ифугао, бисайя, бонтоков, илоканцев, негрито, палаванов, сулу-самаль, яттука, а также по повседневной городской культуре жителей Манилы и Багио. В результате экспедиционных исследований собрана значитель-

ная коллекция аудио- и видеозаписей исполнителей эпических сказаний ифугао и яттука, огромный фонд полевых фотографий, библиотека по Филиппинам. Налажены крепкие связи с филиппинскими коллегами из Университета Филиппин (Манила и Багио), Университетов Санта Томас и Атенео, Лингвистическим, Антропологическим, Историческим обществами Филиппин, Летним Институтом Лингвистики, Национальным музеем.

Развиваются отношения и на уровне администрации города: заключено соглашение о дружбе и сотрудничестве между Санкт-Петербургом и провинцией Себу, в сентябре 2010 г. для участия в первой международной конференции «Санкт-Петербург — страны АСЕАН: взгляд в будущее» наш город посетила губернатор провинции-побратима Себу (Республика Филиппины) госпожа Гвендолин Ф. Гарсия. Арми Лопес Гарсия, Почетный консул Российской Федерации в Республике Филиппины, уже не раз приезжала в Санкт-Петербург. В первую очередь ее усилиями на о. Себу были проведены два российско-филиппинских бизнес-форума (2009 и 2010 гг.) и основана школа русского языка.

В октябре 2011 г. в связи с 35-летием дипломатических отношений между нашими странами г-н посол Филиппин Виктор Гарсия III и г-жа Консепсьон Гарсия сделали ценный дар нашему музею: терно, баронг тагалог и фамильные драгоценности [Ambassador 2011; Envoy 2011].

Последние годы были ознаменованы событиями, причудливо связавшими прошлое и настоящее, филиппинскую и российскую историю и культуру. В 2007 г. в петербургском международном журнале «Manuscripta Orientalia» была опубликована статья соученика Г.Е. Рачкова по Восточному факультету Амри Рзаевича Шихсаидова о дагестанских Коранах²¹. Благодаря этой публикации Аннабель Т. Галлоп, специалист по эпиграфике на джави, куратор индонезийского и малайского отдела Британской библиотеки, смогла определить истоки необычного для Юго-Восточной Азии оформления четырнадцати Коранов, известных в Лондоне как брунейско-филиппинские. Некоторые из этих священных

²¹ Shikhsaidov A. Muslim treasures of Russia. II: Manuscript collections of Dāghistān. Part II // Manuscripta Orientalia. 2007. XIII/1. P. 25–61.

книг были явно созданы в Дагестане: они написаны на русской бумаге, в них имеются фрагменты, написанные кириллицей по-аварски, и вся стилистика (почерк, дизайн колофонов, декоративное оформление названий сур и т.д.) принадлежит дагестанской коранической традиции. Другие же, выполненные в той же стилистике, по всей видимости, были написаны непосредственно на Филиппинах и в других районах зоны Сулу дагестанскими вероучителями и писцами или/и их филиппинскими учениками²². На материале статей А.Р. Шихсаидова и А.Т. Галлоп, опубликованных в петербургском журнале, глава филиппинского Исторического общества Бернардита Черчилль готовит сейчас представление филиппинских Коранов дагестанского происхождения в ЮНЕСКО в номинации мирового культурного наследия.

Второе событие еще более непосредственно и прихотливо связывает наш город с югом Филиппин. В 2011 г. один из авторов настоящего сборника, известный историк и геральдист с международным именем Михаил Юрьевич Медведев за оказанные им геральдические консультации получил статус *дату*, был назначен гербовым королем-хронистом и членом королевского совета султаната Сулу. Основные ныне действующие официальные символы султаната Сулу (флаг, герб, ордена) были созданы на берегах Мойки, а первые гербовые пожалования подписаны и скреплены печатью на Заячьем острове.

Мы надеемся, что этот сборник, дань признательности основателю школы петербургского филиппиноведения Г.Е. Рачкову, объединит исследователей, занимающихся Филиппинами в Санкт-Петербурге, Москве, во Владивостоке и за рубежом, в первую очередь на Филиппинах.

Литература

Алиева 1988 — Алиева Н.Ф. Л.А. Мерварт (1888–1965) — зачинатель индонезийской филологии в СССР // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988. С. 139–146.

---

²² *Gallop A.T.* From Caucasia to Southeast Asia: Daghistani Qur'ans and the Islamic Manuscript Tradition in Brunei and the Southern Philippines // *Manuscripta Orientalia*. 2008. Vol. 14. No 1. P. 32–56; No 2. P. 3–14.

Алиева 2010 — Алиева Н.Ф. О вкладе российских лингвистов в австронезийское языкознание. Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008» (Москва, 8–10 октября 2008 г.) / Общество востоковедов РАН. М., 2010. С. 27–53 (Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 17).

Булич 1901 — Булич С.К. Тагальский язык // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1901.

Булич 1902 — Булич С.К. Филиппинская или тагальская группа малайских языков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. С. 751–752.

Голенищев-Кутузов 1840 — Голенищев-Кутузов Л.И. Предприятие императрицы Екатерины II для путешествия вокруг света в 1786. СПб., 1840.

Головнин 1818 — Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев. СПб., 1818.

Головнин 1822 — Головнин В.М. Путешествие вокруг света... совершенное на военном Шлюпе Камчатке в 1817, 1818 и 1819 годах. СПб., 1822. Т. 1.

Гончаров 1858 — Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». СПб., 1858.

Давидсон, Макрушина 1975 — Давидсон А.Б., Макрушина В.А. Облик далекой страны. М., 1975.

Давидсон, Филатова 2010 — Давидсон А., Филатова И. Россия и Южная Африка: три века связей М., 2010.

Демин 1998 — Демин Л.М. В.В. Верещагин в Юго-Восточной Азии // Нусантара. Юго-Восточная Азия: Сборник материалов. 1997–1998 акад. год / Сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 1998. С. 17–25.

Демин 1991 — Демин Л.М. С мольбертом по земному шару. Мир глазами В.В. Верещагина. М., 1991.

Добель 1833 — Добель П.В. Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Манилле и Индо-Китайском архипелаге. СПб., 1833 (переиздание: М., 2002).

Из истории 2011 — Из истории освоения Русской Америки 2011. URL: <http://www.ehorussia.ru/new/book/export/html/1695>

История 1997 — История Русской Америки (1732–1867): В 3 т. / Отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. М., 1997.

История 1913 — История Русской Армии и Флота. Роскошно иллюстрированное издание. М., 1913. Вып. IX.

История 2006 — История российского флота. М., 2006.

Каневская 2004 — Каневская Г.И. «Тубабаовское сидение». Русские на Филиппинах (1949–1951 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири. 2004. Иркутск, 2004. С. 266–274.

Каневская 2010 — Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. — вторая половина 80-х годов XX в.). Владивосток, 2010.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М., 1982.

Касаткина 2009 — Касаткина А.К. Иллюстративные материалы отдела Австралии, Океании и Индонезии по островам Юго-Восточной Азии // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб., 2009. С. 277–281.

Керов 2003 — Керов В.Л. Французская колонизация Мадагаскара и граф Беневский. М., 2003.

Коцебу 1821 — Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле Рюрик. СПб., 1821. Ч. 1.

Крузенштерн 1826 — Крузенштерн И.Ф. Атлас Южного моря, сочиненный контр-адмиралом Крузенштерном. Ч. 2. Северное полушарие. СПб., 1826. URL: leb.nlr.ru/edoc/44055.

Литке 1835–1836 — Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», в 1826–1829 годах. СПб., 1835–1836.

Ломоносов 1763 — Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений М.; Л., 1950–1983. Т. 6.

Мавродин 1954 — Мавродин В.В. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времен и до XVI века // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 96–108.

Макаренко 1967 — Макаренко В.А. Изучение в СССР филиппинских языков до и после Октября // Народы Азии и Африки. М., 1967. № 6. С. 100–107.

Макаренко 2002 — Макаренко В.А. Изучение филиппинских языков в России (XVIII–XX вв.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. М., 2002. № 1. С. 74–82.

Массов 1995 — Массов А.Я. Андреевский флаг под Южным крестом. СПб., 1995.

Массов 1998 — Массов А.Я. Австралия и Россия во второй половине XIX века. СПб., 1998.

Мачинский 2003 — Мачинский Д.А. Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога древняя столица Руси: Каталог выставки. СПб., 2003.

Мачинский 2009 — Мачинский Д.А. Некоторые предпосылки, движущие силы, исторический контекст сложения русского государства

в середине VII — середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 11–35 (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49).

Миклухо-Маклай 1994 — Миклухо-Маклай Н.Н. О папуасах (негритосах) на острове Люцоне (из письма г. академику К.М. фон Бэру) // Собр. соч.: В 6 т. М., 1994. Т. 4. С. 6–8.

Миклухо-Маклай 1999 — Миклухо-Маклай Н.Н. Этнографические коллекции. Рисунки // Собр. соч.: В 6 т. М., 1999. Т. 6, ч. 1. С. 160–161, 487–514.

Морские рукописи 1852 — Морские рукописи // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1852. Ч. X.

Першин 2002 — Першин А.А. Под Андреевским флагом в южных морях. Из истории плавания русских военных кораблей в Океании и морях Зондского архипелага. М., 2002.

Поливанов 1918а — Поливанов Е.Д. Одна из японо-малайских параллелей // Изв. Росс. акад. наук. Серия VI. Пг., 1918. Т. XII. № 18. С. 2283–2284.

Поливанов 1918б — Поливанов Е.Д. Формальные типы японских загадок // Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. 1 (Ко дню 80-летия акад. В. В. Радлова). Пг., 1918. Т. V. С. 371–374.

Поливанов 1928 — Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928. Ч. VI. 220 с.

Поливанов 1931 — Поливанов Е.Д. Историческое языкознание и языковая политика // За марксистское языкознание: Сб. популярных лингвистических статей. М., 1931. С. 10–35.

Политика европейских 1962 — Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.): Документы и материалы / Редкол.: Губер А.А. (отв. ред.) и др. М., 1962.

Предприятие 1840 — Предприятие императрицы Екатерины для путешествия вокруг света в 1786 году, на пяти судах. СПб., 1840.

Рачков 1997 — Рачков Г.Е. Тридцать лет петербургскому филиппиноведению // Культура стран Малайского архипелага. Индонезия, Филиппины, Малайзия: Сб. материалов, 1996/97 акад. год / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 1997. С. 133–134.

Рачков Г.Е. // Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов: В 2 кн. М., 1995. Кн. II. М–Я. С. 306–307.

Рачков Геннадий Евгеньевич // Современное российское корееведение. М., 2006. С. 415–419.

Ревуненкова 2010 — Ревуненкова Е.В. Конференция «Pilipinas mipa!» — «Филиппины прежде всего!» // Антропологический форум.

2010. № 12. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_revunenкова.pdf.

Решетов 1997 — Решетов А.М. Работала не награды ради... Памяти Лидии Эдуардовны Каруновской. Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 233–244.

Российские моряки 1993; 2007 — Российские моряки и путешественники в Австралии / сост. Е. Говор, А. Массов, М., 1993; переизд.: М., 2007.

Рутенко 2011 — Рутенко Ю.С. Тагальский язык в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П.С. Палласа // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 357–363.

Станюкович 1953 — Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л. 1953.

Станюкович 1978 — Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978.

Тартаковский 1962 — Тартаковский А.Г. Русско-филиппинские торговые связи и учреждение Российского Генерального Консульства в Маниле (1803–1834) // Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.): Документы и материалы / Редкол.: Губер А.А. (отв. ред.) и др. М., 1962. С. 429–435.

Шелихов 2010 — Шелихов Григорий Иванович — Колумб Российский: Библиограф. указ. / Сост. А. А. Кравченко; рук. Г.С. Дрожжина. Иркутск, 2010. URL: <http://irkocc.ru/help/print:page,1,207-shelikhov-grigorij-ivanovich-kolumb-rossijskijj.html>.

Шур 1971 — Шур Л.А. К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., 1971.

Хисамутдинов 2003 — Хисамутдинов А.А. Русские эмигранты на Филиппинах // Вопр. истории. М., 2003. № 8. С. 141–146.

Чарыков 1878–1881 — Чарыков Н., ред. Космография 1670 года: Книга глаголемая Космография, сиречь Описание всего света земель и государств великих / С пред. Н. Чарыкова. СПб., 1878–1881.

Штернберг Л.Я. Айнская проблема // Сб. МАЭ. Л., 1929. Т. 8. С. 334–374.

Эйдельман Н. Последний летописец. Вагриус, 2004.

Ambassador 2011 — Ambassador Garcia and Spouse Make Personal Donation of Phl National Costumes to Peter the Great Museum of Anthropology / The official site of the Department of Foreign Affairs/ Republic of the Philippines/ Thursday, 27 October 2011. URL: <http://www.dfa.gov.ph/main/index.php/news-from-rp-embassies/3985-ambassador->

garcia-and-spouse-make-personal-donation-of-phl-national-costumes-to-peter-the-great-museum-of-anthropology.

Dobell 1830 — *Travels in Kamtchatka and Siberia: with a narrative of a residence in China by Peter Dobell, councillor of the Court of His Imperial Majesty the Emperor of Russia*. In two volumes. L., 1830.

Dobell 1842 — Dobell P. *Sept années en Chine, nouvelles observations sur cette empire, l'archipel Indo-Chinois, les Philippines et les Iles Sandwich*. Traduit du russe par le prince Emmanuel Galitzin. P.: Amyot 1842.

Encounters 2007 — *Encounters under the Southern Cross: Two centuries of Russian-Australian relations 1807–2007* / Ed. by A. Massov, W.J.M. McNair, T. Poole. Adelaide, 2007.

Envoy 2011 — *Envoy donates Philippine costumes to Russian museum*. GMANews.TV, on October 27th, 2011. URL: <http://www.filipinosabroad.com/news/envoy-donates-philippine-costumes-russian-museum.html>.

Images 1999 — *Images of Nusantara in Russian literature* / Ed. and introduced by V.I. Braginsky and E.M. Diakonova. Leiden, 1999.

Makarenko 1968 — Makarenko V.A. *Teaching Tagalog in Russia* // *The Sunday Times Magazine* Feb. 25. Manila. P. 26–27. (Also repr. in *Philippine Approaches*. Vol. I. No 4. P. 74–76, April 1968. N. Delhi).

Makarenko 1974 — Makarenko V.A. *A Russian Consulate in Manila (at the beginning of the 19 th century)* // *Focus Philippines*. Vol. II, 45. Aug. 24, 1974. Manila.

Makarenko, Demidyuk 1980 — Makarenko V.A., Demidyuk L.N. *Indonesian Linguistics in the Soviet Union in the 60's and 70's*. Bijdragen Tot De Taal, Landen Folkkunde. S. 440–462. Leiden. Deel 136, 4e Aflev.

Makarenko 1982 — Makarenko V.A. *Ang Unyong Sobyet at Ang Pilipinas: Kahapon at Ngayon*. Manila, 1982.

Mercatoris 1606 — Mercatoris G. *Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura*. Amsterdam, 1606.

Muijzenberg 2009 — Muijzenberg O. van den. *The Philippines Through European Lenses: Late 19th Century Photographs from the Meerkamp Van Embden Collection*. University of Hawaii Press, 2009.

Stanyukovich 2004 — Stanyukovich M.V. R.F. Barton, American anthropologist, as a Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Leningrad, 1930–1940 // *Российско-Американские связи: 300 лет сотрудничества = Russian-American Links: 300 Years of Cooperation* / Ред. Ю.П. Третьяков, Н.А. Александрова. СПб., 2004. С. 34–49.

Zabolotnaya 2006 — Zabolotnaya N.V. *Philippine linguistic studies in Russia*. URL: <http://www.sil.org/asia/philippines/ical/papers/zabolotnaya-Phil%20ling%20studies%20in%20Rus%20updated.pdf>.

R. Jose

THE RUSSO-JAPANESE WAR AND THE PHILIPPINES

The Russo-Japanese War had far reaching consequences throughout Southeast Asia, most countries of which had been colonized by Western powers. Rising nationalist movements, and suspicion and wariness among the colonial powers were given impetus. Many young nationalist leaders were inspired by the Japanese victory in the war, while the colonial powers now looked towards securing their colonies against the new movements and potential threats to their powers. The Philippines, as a colony of the United States, tended to epitomize the changes brought about by the Russo-Japanese War.

When the Russo-Japanese War broke out, the Philippines had been under American colonial rule for five years, and the war did not immediately have much direct impact on the archipelago. There were, after all, many changes going on in domestic affairs, such as local elections, preparations for the Filipino legislature, educational and economic changes and so on. 1904 also was the year of the St. Louis World's Fair, in which Filipinos and Philippine products were to be displayed to the Americans.

But there were still many active resistance movements against the American occupation. It was only six years since Filipinos had proclaimed their independence, established a government and constitution, only to have it defeated by American arms. The movement for Philippine independence was very strong among the people, despite the changes being brought in by the colonial government. Because of the guerrilla resistance in various provinces, as well as protestations in the press, theater and other outlets, the American colonial government had imposed severe laws to suppress the independence movements, among them a sedition law which banned the public advocacy of independence or separation from the U.S. The Brigandage Act had been passed in 1902 which similarly outlawed

all resistance movements, considering members as brigands or outlaws. Violations of these laws were punishable by death or long terms of imprisonment. These laws attempted to suppress anti-American resistance and the quest for independence. While many Filipinos adapted to the changed conditions, the independence movement remained active, with some Filipinos channeling their efforts within legal bounds.

It was in this context then that the Philippines learned of the outbreak of the Russo-Japanese war. The U.S. quickly proclaimed its neutrality, and the Philippines being an American colony was remained neutral during the war. Since the battle zone was far away, the direct impact was initially not too strong.

But there was an impact, and as Japan's victories mounted, many interested eyes watched the developments in mainland Asia. On one level, the American government, although quite sympathetic with Japan, recognized that the Philippines were vulnerable to aggressive designs from other powers, including Japan. On another level, Filipinos keenly read about the progress of the war, recognizing its significance in Asia and its potential influence on the Filipino quest for independence. Veterans of the Philippine Revolution — the Filipino war for independence — saw Japan as a potential ally and source of inspiration, as some of them had already looked at Japan as such in 1896 and before. Some members of the younger generation also saw the war as a positive sign not just for the Philippines, but for Asia as well. And the closeness of war was brought home when three Russian cruisers, which had survived the Battle of Tsushima, arrived in Manila Bay in June 1905. There, for all to see, was concrete evidence of the war and Japan's victory in the naval battle.

Impact of the War on the Americans and the Philippines

President Theodore Roosevelt proclaimed neutrality soon after the Russo-Japanese War broke out¹. While the U.S. maintained its neutrality, American sympathy lay with Japan. However, as the

---

¹ Proclamation, 11 February 1904, in: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. United States Department of State. Washington: U.S. Government Printing Office, 1904. P. 32–35. Quoted in: [Braisted 1958: 155].

Japanese victories mounted, Roosevelt and other key officials of the government and the U.S. armed forces began to worry about the vulnerable position of the Philippines. One American historian noted:

The Russo-Japanese War, and particularly the battle of Tsushima, turned upside-down Washington's naïve worldview within which the problem of Philippine security had been addressed. Prior to Tsushima, Washington viewed the Far East as a somewhat volatile but tolerable equilibrium of imperial powers with colonies in the area — Britain, Germany, France, Russia, Japan and the United States. The strategic problem raised for the United States by its Philippine colony, therefore, was that of developing an adequate naval base in the Philippines where the American battle fleet could be concentrated and maintained [Golay 1997: 104].

Indeed, the Battle of Tsushima brought out many questions which strategic planners had not confronted. One was how to utilize the American battle fleet, since the battle had shown that concentration was paramount. If so, where should it be based so as to ensure American security? If bases were to be built, then where? An unresolved issue in the Philippines was whether to base the U.S. Asiatic Squadron in Manila Bay or in the more secluded Subic Bay. The debate was brought out by the war and for a while it seemed feasible to pour money into developing a naval base at Subic, which was more suitable for naval purposes. The plan was defeated when Army officers pointed that it could not be defended from land attack, particularly in the light of what had happened in Port Arthur. For the rest of the American colonial period in the Philippines, Subic would remain a secondary base, ready to be given up if necessary. (After World War II, however, the opposite decision was reached [Golay 1997: 104–105; Braisted 1958: 175–180, 216–223]).

Farther reaching was the realization that the Philippines were vulnerable to attack. An American historian wrote: “Tsushima transformed the Philippines overnight into an exposed and vulnerable salient in the American defense perimeter, as Japan emerged as a possible enemy of formidable strength” [Golay 1997: 105]². This

---

² See also: [Braisted 1958; Morton 1955].

would be especially obvious after the San Francisco School Crisis and the resultant war scare of 1907, where President Roosevelt wrote his Secretary of War: “The Philippines form our heel of Achilles. They are all that makes the present situation with Japan dangerous. I think that in some way and with some phraseology that you think wise you should state to them that if they handle themselves wisely in their legislative assembly we shall at the earliest possible moment give them a nearly complete independence”³. This was a complete turn around in Roosevelt’s thinking relating to the Philippines.

Because of the vulnerable position of the Philippines, and the change in the balance of power in Asia, the Joint Army-Navy Board reexamined American defense plans, thus contributing to the development of the so-called “Color Plans.” A special board led by Secretary of War William Howard Taft was formed to review and recommend projects for American defenses of Panama, Hawaii and the Philippines. The Taft Board’s recommendations included fortifying the islands at the mouth of Manila and Subic Bay — islands which would become known to the world in the defense of the Philippines in World War II. A floating drydock, the Dewey was immediately sent to the Philippines, where it was homeported until its loss in 1942 [Braisted 1958: 216–223; Lewis 1979: 77–96; Morton 1955: 222].

So serious was Roosevelt’s concern for the American hold on the Philippines that he had Secretary Taft meet with Japan’s Prime Minister Taro Katsura in late July 1905 — before the Treaty of Portsmouth. The talks sought to assure that Japan would recognize the U.S. position in the Philippines. This would be reinforced by the Root-Takahira agreement which followed the war scare of 1907 [Golay 1997: 107–108; Esthus 1966: 102–107, 181–195; Braisted 1958: 181–182, 191–202; Morton 1949].

Since Filipinos were also watching the progress of the war, the possible connection with the resurgence of anti-American resistance and the strengthening of the independence movement was feared and closely monitored, even as pacification campaigns continued in

---

³ Theodore Roosevelt to Taft, 21 August 1907, quoted in: [Ethus 1966: 195]. Also see: [McAllister Linn 1997: 84–87].

Southern Luzon. Possible links with Japan were especially noted and reported; the potential threat to American rule by a Filipino insurrection remained serious enough to develop a war plan against this [McAllister Linn 1979: 158]⁴.

Impact of the War on the Filipinos

When the war started, rumors quickly spread in the foreign community that the Russians would soon win, and dictate their terms to Japan. But Filipinos from all walks of life closely followed the progress of the war. In one of the most popular Filipino newspapers of that day, “*El Renacimiento*” — a strongly nationalist and pro-independence newspaper — reported the war regularly. Its staff read the news cables with intense interest everyday.

Pedro Aunario, a writer of that newspaper, wrote: “We people at the office eagerly devoured every news dispatch that came our way. I remember how we, younger newspapermen, rejoiced over the triumphal entry of the Imperial Japanese Forces led by Gen. Kuroki into Yalu, in hot pursuit of the fleeing Siberians under Gen. Zassulith of the Russian Imperial Army” [Aunario 1942].

A Filipino law student remembered: “Moved by racial affinity, most of the students in Manila, particularly the students in our school who were in spirit the leaders of the new enthusiasm, turned thoroughly pro-Japanese.” Another Filipino recalled, “The brilliant victories of Japanese arms in that war elicited great jubilation among the Filipinos, who watched with keen interest the course of the military operations”⁵.

In particular, Admiral Togo’s victory at Tsushima so inspired the students of a law school in Manila that they wrote a congratulatory memorial and presented it to Consul Goro Narita. One of the signatories of that memorial (who rose to be Associate Justice in the government), Antonio Horrilleno, recalled that “before the Russo-Japanese War, the Orient, as it seemed to us Filipinos, had no future, no prospects.

---

⁴ The first formal appearance of this plan — Plan Brown — was in 1923, but contingency plans had existed throughout American rule.

⁵ Dr. Mariano V de los Santos, Director of Oriental Culture, at roundtable discussion, Army Club, March 10, 1944, in: [1905 Nippon Victory... 1944: 5].

It seemed as if there was no morning; that the sun which rose in the East was a sun not for Orientals but for peoples of other countries. Up to that time, there was no Oriental country, no Oriental people that could look the peoples of the West face to face.

“Thus, when Japan defeated Russia, the college students especially, received the news with great enthusiasm and rejoicing. We saw in that victory the dawn of a new day for us people of the East: and so much more so because Japan was forced to accept a war waged against her, at a time when nobody believed that she would dare to fight Russia. For very few knew and appreciated the spiritual strength of Japan; very few understood the spirit of the Japanese Army to die rather than to surrender.

“We had been subjected to abuses and excesses by our foreign dominators. Other Oriental peoples suffered such abuses too, so that even the independent among them inwardly protested those excesses. But due to a lack of a truly vigorous spirit among them, nothing could effectively be done to correct those evils. Japan alone was the nation we had learned to look up to as one possessing that valiant spirit necessary to eject the dominators from the Orient” [Horilleno 1942].

From 1905 onwards, attempts to organize popular revolutionary groups grew in number in Luzon. It was reported in 1907 that the potential revolutionaries in northern Luzon were expecting aid from the Japanese in their quest for independence. Japan’s defeat of Russia had inspired hopes of a Japanese fleet coming to the aid of Filipino freedom fighters. Other groups, some led by leaders of the 1896 and 1898 revolutions, also hoped for Japanese assistance [Ileto 1979: 254–255].

Japan’s victory over Russia had a strong impact as well on other European colonies in Asia. A Filipino historian noted that “all over the colonies of Asia, Japan became the source of inspiration for a relatively new generation of nationalist intellectuals and politicians” [Ileto 1984: 100–101]. An American writer at that time noted that many young Filipinos, among them those who had been educated in the U.S., “joined with the radicals, and the work of educating the masses to demand independence was commenced under their directions”⁶. The editors of “*El Renacimiento/Muling Pagsilang*” belonged to this group. As an

---

⁶ Quoted in: [Ileto 1984: 100–101].

example of their activity, on November 19, 1909 the newspaper “Muling Pagsilang” carried an editorial arguing that America was the “Russia of the Orient” and would suffer the same fate as Russia did in the Russo-Japanese War. The newspaper urged its readers to work for the victory of the Filipino cause. For the next several years, Japan would loom as a source of inspiration for Filipino nationalists and freedom fighters. In the war scare which followed the San Francisco School crisis, Filipinos from all walks of life were reported by the constabulary as being inclined to support Japan. The possibility of an armed uprising against the Americans, with potential support from the Japanese, became more real as nationalist revolutionary leaders attempted to rouse the people and contact Japanese pan-Asianists [Ileto 1984: 100–101; Mojares 1992: 51–55; Goodman 1971: 169–171; Goodman 1970: 49].

Although many saw in Japan’s victory a positive impact on Asian nationalism and independence movements, a few were able to discern potential danger. Faustino Aguilar of the newspaper “Renacimiento Filipino”, in reaction to Japan’s actions in Korea, asked whether Japan was a liberator or destroyer. He recognized that Japan was a modern, strong country, with an old civilization, but that it could go either way. He would remember this when World War II broke out ⁷.

Russian Cruisers in Manila

The impact of the war became more direct when three Russian cruisers arrived in June 1905 from Tsushima. When they arrived in Philippine waters, they could not at first be identified by the Americans, and the governor general reported to Washington that they claimed to be French. It was then found out that they had survived the Battle of Tsushima, and that they were the Russian cruisers “Oleg”, “Aurora” and “Jemtchug”, under the command of Rear Admiral Oscar Enquist. Admiral Enquist had decided to head for the Philippines after he had been cut off by Japanese ships in his attempt to head northward [Golay 1997: 104]⁸.

The three ships entered Manila Bay on June 3, and Admiral Enquist requested permission to obtain supplies and conduct repairs.

---

⁷ [Aguilar 1945?: 2–4], on September 14, 1910.

⁸ See also: Rear Admiral Enquist. Report, Manila, 5 June 1905 (Appendix in: [Mizuno 1944: 208–209]).

U.S. naval officers inspected the ships and estimated that it would take from a week to fifty days to complete repairs. Since the U.S. was neutral, Roosevelt did not give permission on the ground that “such permission would virtually be allowing Russia to augment her forces in a neutral port,” and instead demanded that the ships leave within twenty four hours or else consent to internment. Adm. Enquist chose internment, and the Americans formally interned the ships on June 8. The ships stayed in Manila Bay until the end of the war [Braisted 1958: 168; Dennett 1959: 195–196]⁹.

While anchored in Manila Bay, the ships were in plain view of all who walked the coastal road. The Spaniards in Manila felt it was disaster: “This is the deluge,” said some, “the Czar has been completely barred from Asian waters.” But Filipinos who saw the ships — and some were even able to go aboard and view the damage at close hand — they were a symbol of Japan’s victory and the potential for what a determined Asia could achieve.

Bibliography

1905 Nippon Victory... 1944 — 1905 Nippon Victory was Vindication of All Asians // Sunday Tribune Magazine (Manila). 1944, 26 March. P. 5, 8.

Aguilar 1945? — Aguilar, Faustino. Nang Magdaan ang Daluyong (When the Tempest Passed). Manila: PSP Press, n.d. [1945?].

Aunario 1942 — Aunario, Pedro. Japanese Victory in Naval Battle of Tsushima Recalled // The Tribune. 1942, May 27. P. 6–7.

Blount 1913 — Blount, James H. The American Occupation of the Philippines 1898–1912. N.Y.: G.P. Putnam’s Sons, 1913.

Braisted 1958 — Braisted, William Reynolds. The United States Navy in the Pacific, 1897–1909. Austin: University of Texas Press, 1958.

Corpuz 1959 — Corpuz, Onofre D. The Roots of Filipino Nation. Quezon City: Aklahi Foundation, 1989.

Dennett 1959 — Dennett, Tyler. Roosevelt and the Russo-Japanese War. Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1959. (Reprint; originally published N.Y.: Doubleday, 1925).

---

⁹ *Oleg* suffered 15 killed and 30 wounded; *Aurora*, 14 killed and 90 wounded and *Jemchug*, 12 killed and 20 wounded [Mizuno 1944: 170]. The Russians were indignant over Roosevelt’s decision, but were unable to get it changed.

Esthus 1966 — Esthus, Raymond A. Theodore Roosevelt and Japan. Seattle: University of Washington Press, 1966.

Golay 1997 — Golay, Frank Hindman. Face of Empire: United States-Philippine Relations, 1898–1946. Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 1997.

Goodman 1966 — Goodman, Grant K. General Artemio Ricarte and Japan // *Journal of Southeast Asian History*. 1966, September. Vol. 7. No 2. P. 48–60.

Goodman 1970 — Goodman, Grant K. Japan and Philippine Radicalism: the case of Vicente Sotto // *Solidarity*. 1970, June. Vol. 5. No 6. Pp. 47–53.

Goodman 1971 — Goodman, Grant K. The Problem of Philippine Independence and Japan: The First Three Decades of American Colonial Rule // *Southeast Asia*. 1971, Summer. Vol. I. № 3. P. 165–190.

Horilleno 1942 — Horilleno, Antonio. How Filipinos Received News of Admiral Togo's Victory over Russ Fleet // *TVT Supplement: Special Navy Day Issue*. 1942, May 27. P. 13.

Ileto 1979 — Ileto, Reynaldo Clemeña. Pasyon and Revolution: Popular Movements in the Philippines, 1840–1910. Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 1979.

Ileto 1984 — Ileto, Reynaldo Clemeña. Orators and the Crowd: Philippine Independence Politics, 1910–1914 // *Reappraising an Empire: New Perspectives on Philippine-American History* / Ed. P.W. Stanley. Cambridge, Mass.: Committee on American-East Asian Relations, Harvard University, 1984. P. 85–113.

Lewis 1979 — Lewis, Emmanuel. Seacoast Fortifications of the United States: An Introductory History. Annapolis: Leeward Publications, 1979.

McAllister Linn 1979 — McAllister Linn, Brian. Guardians of Empire: The U.S. Army and the Pacific, 1902–1940. Chapel Hill: University of North Carolina, 1997.

Mizuno 1944 — Mizuno, Hironori. This One Battle / Translated by C.H. James. Tokyo: Daitoa Shuppan, 1944.

Mojares 1992 — Mojares, Resil B. Vicente Sotto: The Maverick Senator. Cebu City: Cebuano Studies Center, 1992.

Morton 1949 — Morton, Louis. Military and Naval Preparations for the Defense of the Philippines during the War Scare of 1907 // *Military Affairs*. 1949, Summer. Vol. XIII. No 2. P. 95–104.

Morton 1955 — Morton, Louis. War Plan Orange: Evolution of a Strategy // *World Politics*. 1955, June. Vol. 11. P. 221–250.

Ricarte 1963 — Ricarte, Artemio. *Memoirs*. Manila: National Historical Commission, 1963.

Warner 1975 — Warner, Denis and Warner, Peggy. *The Tide at Sunrise: A History of the Russo-Japanese War, 1904–1905*. L.: Angus and Robertson, 1975.

Yu-Jose 1992 — Yu-Jose, Lydia N. *Japan Views the Philippines: 1900–1944*. Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 1992.

В. В. Носков

ОТ «ПАЛЛАДЫ» ДО «АВРОРЫ»: РУССКИЕ КРЕЙСЕРА В МАНИЛЕ

История русско-филиппинских отношений небогата яркими событиями. Тем примечательнее, что в самые драматические моменты истории России Манила становилась убежищем для знаменитых кораблей русского флота. Жители филиппинской столицы видели на манильском рейде и фрегат «Паллада», увековеченный пером И.А. Гончарова, и крейсер «Аврора», овеянный революционной романтикой. «Паллада» пришла в Манилу в самый канун Крымской войны, «Аврора» оказалась там в разгар русско-японской войны. Две неудачные войны явились важнейшими вехами в российской истории, они обозначили крайние даты той особой эпохи, когда Россия пыталась укрепиться на берегах Великого океана, который по праву считался океаном будущего. Цусимская катастрофа положила конец этим надеждам и круто изменила ход развития России, развернув его от тихоокеанских просторов в европейский тупик.

В России первыми обратили внимание на Филиппины деятели Российско-американской компании. В секретном предписании правителю Русской Америки А.А. Баранову от 20 июля (1 августа) 1806 г. Н.П. Резанов указывал, что одним из главных источников снабжения владений РАК могут стать «Филиппинские острова, где Маниль — порто-франко и куда, сделав первый опыт, можно в изобильном привозе хлеба быть уверену» [Россия и США 1980: 294]. Проект установления торговых связей между российскими владениями в северной части Тихого океана и Филиппинами выдвигал также американский торговец П. Добель, поступивший на службу Российской империи. В 1818 г. он добился своего назначения консулом России в Манилу, однако не был признан испанскими властями, а во время кратковременного пребывания там убедился в беспочвенности своих надежд на

выгодную торговлю с Филиппинами [Русский биографический словарь: 468–469; Dobell 1842: 266–294].

Крымская война поставила морское ведомство России перед необходимостью найти способ противодействия британскому преобладанию на морях. Средство было найдено в создании крейсерского флота на Тихом океане, представлявшего реальную угрозу британским колониям и торговле в этой части света. Толчком к развитию крейсерской доктрины русского флота послужила угроза войны с англо-французской коалицией, а первым русским командиром, попытавшимся применить ее на практике, был вице-адмирал Е.В. Путятин, возглавивший в 1852 г. военно-дипломатическую миссию в Японию. До начала 1853 г. фрегат «Паллада», направленный в японские воды, задержался в Англии. Идти в это время года привычным путем вокруг мыса Горн было опасно. «Поэтому я решаюсь отправиться отсюда прямо на мыс Доброй Надежды, а оттуда Зондским проливом войти в Китайское море. Следующим после мыса Доброй Надежды местом пристанища я избираю Манилу, а оттуда отправляюсь к островам Бонин-Сима», — докладывал Путятин адмиралу А.С. Меншикову. Однако трудности плавания через Индийский океан заставили его отказаться от намерения идти прямо в Манилу, избрав более безопасный путь вдоль берегов Азии [Энгельгардт 1986: 726–728].

В Англии Путятин приобрел паровую шхуну «Восток», командиром которой был назначен капитан-лейтенант В.А. Римский-Корсаков, а на о-вах Бонин к двум его кораблям присоединились корвет «Оливуца» (капитан-лейтенант И.Ф. Лихачев) и барк «Князь Меншиков» (лейтенант И.В. Фуругельм), предоставленный Российско-американской компанией в качестве транспортного судна. Таким образом, к концу июля 1853 г., когда тучи на международном небосклоне Европы начали сгущаться, под командой Путьятина оказалась целая эскадра. Явившись с ней в Нагасаки, русский адмирал начал переговоры с японскими властями, но дело продвигалось медленно, поэтому Путятин решил прервать свою дипломатическую миссию и идти в Манилу, рассчитывая в течение зимы 1853/54 г. отремонтировать там свои корабли, а весной, исходя из обстоятельств, либо вернуться в Японию, либо, в случае войны с западными державами, начать крейсер-

ство в Тихом океане. Обещание японцев дать скорый ответ задержало исполнение этих планов, но известия о начале войны с Турцией и вступлении в Босфор англо-французской эскадры побудили Путятину предпринять задуманный им поход в Манилу [Энгельгардт 1986: 733–735].

«Сколько помню, адмирал и капитан (командир фрегата капитан 2 ранга И.С. Унковский. — *В.Н.*) неоднократно решались на отважный набег к берегам Австралии для захвата английских судов, и кажется, если не ошибаюсь, только неуверенность, что наша старая добрая “Паллада” выдержит еще продолжительное плавание от Японии до Австралии, удерживала их, а еще, конечно, и неуверенность, по неимению никаких известий, застать там чужие суда», — вспоминал И.А. Гончаров. Из Нагасаки корабли ушли «в Манилу — все еще в неведении о том, в войне мы уже или нет — и с каждым днем ждали известия и в каждом встречном судне предполагали неприятеля» [Гончаров 1986: 566]. Тем временем с Балтики в Тихий океан были направлены еще два корабля российского флота — фрегаты «Аврора» и «Диана». Командир «Востока» писал в связи с этим: «Если успеют с нами соединиться фрегаты “Аврора” и “Диана”, то мы можем много наделать хлопот нашим неприятелям, потому что тогда мы будем в состоянии держать в страхе всю английскую торговлю в Тихом океане. Если это состоится, то для ловли купчиков нет лучше судна, как мой маленький “Восток”» [Римский-Корсаков 1980: 132–133].

В официальном отчете о плавании эскадры сообщалось: «24 января 1854 года Генерал-Адъютант Путятин с вверенным ему отрядом судов оставил Нагасаки с целью отправиться в Манилу, дав при этом шкуне “Восток” особое назначение в Шанхай» [Морской сборник 1856: 160]. 16 (28) февраля 1854 г. русские корабли вошли «в Манильский залив, один из крупнейших в мире». Через неделю в Манилу пришел также «Восток». Именитый летописец похода «Паллады» отмечал: «Манила! Добрались и до нее, а как кажется это недосыгаемо из Петербурга!» [Гончаров 1986: 404–405]. В его представлении это был «испанский город — город большой, город сонный и город очень приятный». Русского писателя «удивил вид благоустроенности,

чистоты: везде видны следы заботливости, даже обилия» [Гончаров 1986: 415]. От внимания Гончарова не ускользнуло и то, что в Маниле «в магазине корабельных запасов, продаются *русские* пеньковые снасти, предпочитаемые всяким другим на свете» [Гончаров 1986: 439]. Вместе с тем в письме Е.П. и Н.А. Майковым 14 (26) марта 1854 г. он жаловался, что «путешествие надоело мне, как горькая редька, до того, что даже Манила, куда мне хотелось и где мы пробыли недели две, едва расшевелила меня, несмотря на роскошную растительность, на отличные сигары, на хорошеньких индианок и на дурных монахов» [Гончаров 1986: 691].

Первым неприятным сюрпризом для Путятина оказалось присутствие в гавани французского парохода «Кольбер». Да и испанские власти без восторга отнеслись к появлению русской эскадры в филиппинских водах в тот момент, когда в Европе назревала большая война. Испания переживала в те годы нелегкие времена, дипломатические отношения с Россией были прерваны из-за отказа Санкт-Петербурга признать права королевы Изабеллы II на испанский престол, а помимо того столкновение России с западными державами неизбежно превращало Тихий океан в театр военных действий, что ставило под угрозу нейтралитет «тропической Испании». По сведениям французского посла в Китае, у русского адмирала с самого начала не сложились отношения с генерал-губернатором Филиппин. Губернатор Мануэль Павия-и-Лай не только отказался предоставить русским морякам место для организации капитального ремонта кораблей, но и потребовал, чтобы они в трехдневный срок покинули порт. Надежды Путятин, который предполагал надолго обосноваться в Маниле, не оправдались, а вместе с тем рушились и все планы крейсерской войны в Тихом океане, похода в Австралию и другие его замыслы. В довершение всего до адмирала дошли слухи о скором появлении в Маниле британской эскадры. Становилось ясно, что с уютным тропическим портом, который совсем недавно так привлекал русских моряков, следовало как можно скорее расстаться [Энгельгардт 1986: 736–737].

И.А. Гончаров писал в связи с этим: «В этой неизвестности в войне пришли мы и в Манилу и застали там на рейде военный

французский пароход. Ни мы, ни французы не знали, как нам держать себя друг с другом, и визитами мы не менялись, как это всегда делается в обыкновенное время». А «перед уходом узнали, что там ожидали английскую эскадру». Поскольку «мы могли встретить ее или французские суда в море и может быть уже с известиями об открытии военных действий, то у нас готовились к этой встрече и приводили фрегат в боевое положение» [Гончаров 1986: 566]. Своим друзьям Гончаров сообщал: «Мы узнали в Маниле, что английский и французский флоты уже вошли в Черное море и, следовательно, война почти неизбежна, вот мы и тягу оттуда, чтобы не пришли английские суда вдвое сильнее наших и не взяли нас» [Гончаров 1986: 693]. «Мы вышли из Манилы 27-го февраля вечером и поплыли опять теми же штилями вдоль Лусона, какими пришли туда», — вспоминал он [Гончаров 1986: 448–449].

Путятин отправил транспорт на разведку в Шанхай, шхуну — на осмотр островов Батан к северу от Филиппин, а корвет и фрегат 11 (23) марта бросили якоря в бухте Пио-Квинто на о. Камигин, расположенном близ северного побережья Лусона. В письме Е.А. и М.А. Языковым 13 (25) марта 1854 г. Гончаров сообщал: в Пио-Квинто нашли убежище «наши два судна, прячась от англичан. Если у нас с ними война, то, конечно, они не замедлят явиться из Китая со всеми своими фрегатами и пароходами в Восточный океан искать и взять нас. Наши отдаваться не намерены, предпочитая, если не одолеем, взлететь на воздух. Не одно опасение встретиться с англичанами заставило нас зайти на этот покрытый сильною тропическою растительностью, но безлюдный остров: судно наше все более и более напоминает, что ему пора на покой», — добавлял он [Гончаров 1986: 687]. Здесь к «Палладе» и «Оливуце» присоединился «Восток». На русских кораблях проводились боевые учения, «чтоб видеть действие артиллерийских снарядов в случае встречи с англичанами» [Гончаров 1986: 455]. От Филиппинских островов эскадра Путятинна направилась на север, к берегам русского Дальнего Востока, у которых «Паллада» завершила свою славную историю.

В последующие годы русские корабли продолжали изредка посещать Филиппины. Весной 1883 г. в Маниле высадился Н.Н. Миклухо-Маклай после разведывательного рейда корвета

«Скобелев» по островам Океании, на которых он предлагал создать базы для русских крейсеров. В 1885 г., в разгар русско-английского конфликта по поводу границ Афганистана, в Манилу заходил клипер «Крейсер», шедший на соединение с тихоокеанской эскадрой [Сулига 1994: 14]. Однако испанская колония не привлекала такого внимания командования русского флота, как владения других держав, которые могли стать объектом атаки в случае новой войны в Европе, или отдаленные острова Океании, которые могли послужить пунктами снабжения или убежищем для русских крейсеров. С этой точки зрения русских моряков интересовали другие испанские колонии в Тихом океане, находившиеся под управлением филиппинской администрации, — Каролинские и Марианские острова. Однако после обследования некоторых из них русскими крейсерами ни один из принадлежавших Испании островов не был признан пригодным для использования в военно-морских целях [Носков 1998: 250–255].

К концу XIX в. морская доктрина России была радикально пересмотрена под влиянием перемен, произошедших в международной ситуации на Дальнем Востоке. Грядущее столкновение с Японией требовало других кораблей, чем ожидавшаяся на протяжении полувека война с Англией. От развития крейсерского флота Россия переходила к построению броненосного. В новых условиях ей требовались крейсера иного типа, чем прежде. Теперь основу крейсерских сил составляли не океанские рейдеры, предназначенные к самостоятельным действиям на морских просторах, а более современные корабли, способные действовать в составе броненосных эскадр. К этому типу принадлежала и «Аврора», и другие новые крейсера, укryвшиеся после Цусимы в филиппинской гавани.

Сама Манила к началу XX в. полностью преобразилась и представляла собой уже совершенно другой город по сравнению с тем, который видели моряки «Паллады». Испано-американская война 1898 г. превратила бывшую столицу «тропической Испании» в форпост США у берегов Дальнего Востока. Не возражая против перехода Филиппин к Соединенным Штатам, российская дипломатия тем не менее внимательно следила за сменой хозяев в Маниле. Российский посол в Вашингтоне А.П. Кассини в сек-

ретном донесении министру иностранных дел М.Н. Муравьеву от 10 (22) июня 1898 г. отмечал: не страшно, если Филиппины окажутся «в руках наших старых друзей американцев в том виде, в каком мы их любим и ценим. Но переход тех же самых Филиппин в руки американцев, друзей и возможных союзников в будущем Великобритании, — совершенно меняет вопрос» [Красный архив 1932: 141]. «Соединенные Штаты фактически совершили уже занятием Люсона вторжение в азиатскую махтсферу интересов европейских держав», — констатировал бывший консул России в Батавии М.М. Бакунин [Бакунин 1902: 272]. Непосредственное вовлечение США в международное соперничество на Дальнем Востоке придавало ему дополнительную остроту, что не могло не вызывать беспокойства в Санкт-Петербурге. Одним из первых проявлений нового порядка вещей стало противостояние американской и германской эскадр в Манильском заливе в тот момент, когда после разгрома Испании решалась дальнейшая судьба Филиппин. В феврале 1899 г. Кассини сообщал по этому поводу: в Америке «общественное мнение и пресса не переставали считать, что нечто весьма серьезное готовится между Соединенными Штатами и Германией на Филиппинах и на Самоа, где будто бы положение осложнялось все более и более». «Опасения эти оказались, к счастью, лишены оснований», — добавлял посол [АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. № 110. Л. 59].

Противниками, столкнувшимися в следующей войне на Дальнем Востоке, стали не Германия и США, а Россия и Япония. В решающем сражении русско-японской войны у Цусимы принимали участие крейсера 1 ранга «Олег» (капитан 1 ранга Л.Ф. Добровровский) и «Аврора» (капитан 1 ранга Е.Р. Егорьев), которые входили в состав отдельного крейсерского отряда под командованием контр-адмирала О.А. Энквиста. В ходе боя оба корабля получили тяжелые повреждения и понесли серьезные потери. Среди погибших был и командир «Авроры», а временное командование кораблем принял на себя капитан 2 ранга А.К. Небольсин. В ночь на 15 (28) мая 1905 г. крейсера оторвались от основных сил русского флота. Когда корабли Энквиста вышли из боя, за ними последовал также крейсер 2 ранга «Жемчуг» (капитан 2 ранга П.П. Левицкий), который находился при броненосной эскадре,

а затем действовал совместно с другими крейсерами. Флагманом отряда стала «Аврора», на которую Энквист перенес свой флаг с «Олега».

Не имея шансов уйти в российские воды и не рискуя идти в Шанхай, адмирал принял решение направиться в Манилу, надеясь произвести там необходимый ремонт, пополнить запасы угля, а уже затем прорываться во Владивосток [Поленов 1987: 126]. По свидетельству, приводимому летописцем скорбного похода русского флота, Энквист заявил при этом: «Мы направляемся с отрядом в Манилу. Американские власти отнесутся к нам лучше, чем китайские: мы исправим повреждения, не разоружаясь». 20 мая (2 июня) русские корабли зашли в филиппинский порт Суал, «но в нем не оказалось ни угля, ни провизии, ни мастерских. Порт был заброшен американцами». На следующий день у берегов Лусона произошла встреча с американскими кораблями. «Дружественная эскадра сделала поворот на шестнадцать румбов и пошла вместе с отрядом русских крейсеров, держа на их траверзе, но значительно мористее. Как впоследствии выяснилось, американцы, узнав из телеграфных сообщений, что к Филиппинам приблизились остатки русского флота, нарочно выслали два броненосца и три крейсера, чтобы взять их под свою защиту в случае появления японцев в нейтральных водах» [Новиков-Прибой 1963: 397–399]. Данные, приводимые А.С. Новиковым со слов моряков, служивших на крейсерах, свидетельствовали о живучести веры в «историческую дружбу» между Россией и США, которая утвердилась на русском флоте со времен «Американской экспедиции» 1863–1864 г. Однако действительность не оправдала надежды русских моряков. С самого начала войны правительство США заняло прояпонскую позицию, формально сохраняя нейтралитет и стремясь поддерживать внешне дружественные отношения с Россией.

Утром 21 мая (3 июня), незадолго до встречи с американцами, тело командира «Авроры» упокоилось в морской пучине у берегов Лусона примерно в 100 милях к северу от Манилы [Поленов 1987: 129–130]. К вечеру того же дня русские крейсера в сопровождении американской эскадры вошли в Манильский залив [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3374. Л. 13; Annual Reports 1905: 487].

На следующий день Энквист встречался с командующим Азиатским флотом США контр-адмиралом Ч.Дж. Трэном и просил его дать необходимый срок для ремонта кораблей, приемки топлива, воды и провизии для дальнейшего плавания. Американский адмирал, указав, что окончательное решение остается за Вашингтоном, заявил: «Насколько он понимает существующие постановления американского правительства относительно захода судов воюющих держав в американский порт, правительство должно дать срок для приведения судов в состояние, обеспечивающее им безопасное плавание, и разрешить принять необходимые запасы угля и прочих предметов в количестве, достаточном для того, чтобы дойти до первого русского порта». Тяжелораненые русские моряки были списаны в морской госпиталь, а в помощь американским медикам был направлен судовой врач с «Олега» О.О. Ден. Все русские корабли имели тяжелые повреждения. По заключению американской технической комиссии для ремонта «Олега» требовалось 60 дней, «Авроры» — 30, «Жемчуга» — 7 [Поленов 1987: 130].

В ожидании решения правительства США 23 мая (5 июня) Энквист направил Николаю II телеграмму с описанием Цусимского боя [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3374. Л. 4–5]. На следующий день поступило распоряжение из Вашингтона: русским кораблям предлагалось либо покинуть Манилу через 24 часа, либо разоружиться [Поленов 1987: 131]. 24 мая (6 июня) Энквист телеграфировал в Морское министерство: «Американское правительство не разрешает исправление повреждений на крейсерах иначе, как под условием не участвовать более в войне, уйти же в таком состоянии считаю опасным — японские крейсера по слухам уже крейсируют у входа, а местные власти требуют немедленного ответа» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3374. Л. 2]. В ответной телеграмме из Санкт-Петербурга, пришедшей на следующий день, адмиралу разрешалось «дать обязательства американскому правительству не участвовать в военных действиях». 26 мая (8 июня) американские власти помимо подписки о неучастии в войне потребовали сдать замки с корабельных орудий и частично разобрать машины, чтобы исключить несанкционированный выход крейсеров из Манилы [Поленов 1987: 131–132]. «Амери-

канское правительство потребовало отдачи на хранение оружейных замков и честного слова, что экипажи не покинут порта без разрешения местных властей», — телеграфировал Энквист в Санкт-Петербург [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3374. Л. 11]. Адмирал заявил протест, но 27 мая (9 июня) русские корабли вынуждены были разоружиться. Через несколько дней после заключения необходимых контрактов начался ремонт крейсеров.

Чтобы не допустить цинги и укрепить здоровье людей, Энквист разрешил закупать для команд свежую зелень, а больным матросам дозволялись прогулки на берегу. В июне 1905 г. посол России в Вашингтоне обратился в госдепартамент за разрешением для госпитального судна «Кострома», посланного из Шанхая в Манилу, забрать оттуда раненых и больных русских моряков. Госсекретарь Дж. Хэй сообщил в ответ, что их отправка на родину возможна только при условии, что каждый из отъезжающих даст обещание не участвовать в продолжавшейся войне [Papers 1905: 790–791]. По утверждению Кассини, он лично обращался к президенту Т. Рузвельту, «который предписал американским властям в Маниле разрешить “Костроме” отвезти раненых и больных морских чинов в Россию» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3374. Л. 35].

Тем временем на настроении команды начали сказываться известия о революции в России. 24 июня (7 июля) Энквист докладывал в Санкт-Петербург: командующий Филиппинской эскадрой Рейтер попросил собрать на «Авроре» командиров кораблей и «рассказал нам о слухах, циркулирующих в городе, относительно брожения в нашей команде и спрашивал, может ли быть, по нашему мнению, какое-либо основание таким толкам. Я поспешил вместе с командирами успокоить адмирала, т.к. считал, что команда нашего отряда всем своим поведением не дает повода подозревать какое-либо нежелательное направление». «Вообще, должен сказать, что хотя падение дисциплины и не замечается, но трудноато все-таки держать команду в строгом повиновении», — добавлял адмирал. На кораблях участились случаи проявления грубости со стороны матросов и рукоприкладства со стороны офицеров. Флаг-офицер Энквиста лейтенант А.С. Зарин отмечал в своем дневнике, что со стороны команды «волей и инициативой обладает самый дурной элемент» [Поленов 1987: 133–134].

По распоряжению из Санкт-Петербурга в июле 1905 г. новый посол России в Вашингтоне Р.Р. Розен обратился в госдепартамент с просьбой отпустить на родину ревизора с «Авроры» мичмана М.Л. Бертенсона, отец которого был личным врачом императора, а брат погиб при Цусиме [Papers 1905: 792]. Вскоре после этого временно исполняющий обязанности госсекретаря Э. Эдди сообщил Розену, что командующий американской эскадрой на Филиппинах получил от Энkvиста запрос о возможности отправки в Россию двух больных лейтенантов и трех мичманов, поскольку «человечность требует уехать из этого климата». Правительство США не возражало, но ставило предварительным условием обследование офицеров американской медицинской комиссией [Papers 1905: 793]. В сентябре разрешение вернуться на родину получили мичман Бертенсон, водолазный офицер с «Авроры» мичман В.В. Яковлев, старший артиллерийский офицер «Авроры» лейтенант А.Н. Лосев и старший флаг-офицер командующего отрядом лейтенант Д.М. Ден [Papers 1905: 794].

Во время пребывания в Маниле на «Авроре» регулярно проводились общие собрания офицеров отряда, на которых обсуждались результаты русско-японской войны и производился их критический анализ. На основе этих обсуждений был подготовлен доклад «Каким быть флоту», направленный Энkvистом в Главный морской штаб России. За месяцы вынужденной стоянки русские моряки пережили эпидемию холеры, от которой умерли два моряка с «Олега», и настоящий тропический тайфун, который крушил постройки, сносил крыши домов, выворачивал с корнями деревья, ломал телеграфные столбы и опоры линии электропередачи. Под воздействием стихии город погрузился во мрак. 26 сентября (9 октября), когда Манилу достигло известие о ратификации Портсмутского мирного договора, американские власти вернули русским морякам оружейные замки, на следующий день была проведена проба машин, а к 30 сентября (13 октября) крейсера завершили ремонт и прием необходимых запасов [Поленов 1987: 135–136]. 14 (27) октября 1905 г. «Жемчуг» ушел во Владивосток, а на следующий день Манилу покинули «Аврора» и «Олег», направлявшиеся в Сайгон и далее в Россию [Papers 1905: 795].

К концу пребывания русских крейсеров в филиппинских водах на «Аврору» прибыл новый командир капитан 2 ранга В.Л. Барщ. Временно исполнявший обязанности командира крейсера А.К. Небольсин получил назначение на должность военно-морского агента в Вашингтоне и 9 (22) октября 1905 г. отбыл с Филиппин к новому месту службы [Papers 1905: 792; Поленов 1987: 136]. «При моем путешествии из Манилы в Санкт-Франциско, мы прошли очень близко острова Midway, причем мною была снята прилагаемая сюда фотография», — сообщал Небольсин в одном из своих первых донесений. На его рапорте имеется пометка: «Американский кабель на Филиппины проложен через этот остров» [РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. № 4058. Л. 1].

Первые годы XX столетия вошли в историю Филиппин под названием «эра Тафта» (1901–1913). Опытный юрист и политик из Огайо У.Г. Тафт внес большой вклад в «умиротворение» архипелага после его завоевания американскими войсками и в устройство управления новым владением США. В 1901 г. он был назначен первым гражданским губернатором Филиппин. Тафт продолжал интересоваться Филиппинами и определять филиппинскую политику США после назначения в феврале 1904 г. военным министром США, поскольку архипелаг находился под управлением его ведомства, и позднее, после избрания на пост президента США. В июле 1905 г., в разгар русско-японской войны, именно он вел переговоры в Токио, итогом которых стало секретное соглашение Тафта-Кацура. В обмен на признание прав США на Филиппины Вашингтон признал «особые права» Японии в Корее. Из Токио военный министр США направился в Манилу, где выступил с программной речью о принципах филиппинской политики США. Это выступление нашло отражение в подробном докладе А.К. Небольсина «О Филиппинских островах» от 25 ноября (8 декабря) 1905 г., который он подготовил по прибытии в Вашингтон [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3405. Л. 1–38]. Как сообщалось в итоговом рапорте Энkvиста, Филиппины «восторженно приветствовали» Тафта, имевшего «большую популярность среди местного населения». Русских офицеров неоднократно приглашали на приемы в его честь. «Г. Тафт был всегда отменно любезен и никаких политических вопросов

в разговоре со мной не затрагивал», — отмечал российский адмирал, также обративший внимание своего правительства на филиппинскую речь военного министра США [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3403. Л. 7]. В последующие годы военно-морское ведомство России продолжало следить за положением дел на Филиппинах в контексте международного, прежде всего японо-американского, соперничества на Дальнем Востоке.

Осенью 1907 г. маршрут кругосветного путешествия Тафта связал Манилу и Санкт-Петербург. Первоначальной целью его поездки было присутствие на открытии первой Законодательной ассамблеи Филиппин. Новый визит Тафта на Филиппины также нашел отражение в донесении Небольсина от 30 октября (12 ноября) 1907 г., озаглавленном «Японо-американский конфликт и Филиппины» [РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. № 4072. Л. 123]. Затем Тафт посетил Японию, Китай и проехал от Владивостока через всю Россию. Во время пребывания в российской столице военная делегация США была принята Николаем II. 21 ноября (4 декабря) 1907 г. в царскосельском Александровском дворце в «10 ч. имели честь представляться Его Величеству Военный Министр Северо-Американских Соединенных Штатов Г. Уильям Тафт и Генерал Кларенс Эдвардс» [РГИА. Ф. 516. Оп. 2. № 224. Л. 53]. В тот же день в Царском Селе происходил «Церковный парад в Высочайшем присутствии л. гв. Семеновскому полку» и другим частям, а затем последовал «Высочайший завтрак в Большом Царскосельском Дворце», на который император пригласил своих американских гостей [РГИА. Ф. 516. Оп. 2. № 224. Л. 53об.–56]. За праздничным столом Тафт занял почетное место по правую руку от российского самодержца [РГИА. Ф. 516. Оп. 2. № 224. Л. 57].

В ходе состоявшейся во время завтрака беседы военный министр США обсуждал с императором России устройство Филиппинской ассамблеи и Государственной Думы [Murray 1909: 358]. Разговор завязался после того, как Николай II, упомянув российскую Думу, затронул вопрос о том, насколько «непросвещенный народ способен участвовать в управлении». Это замечание дало Тафту повод провести сравнение между Думой и Филиппинской ассамблеей. Николай проявил заметный интерес к американско-

му опыту на Филиппинах и, когда Тафт упомянул об ограничении числа избирателей, установленном властями США, он отметил, что состав филиппинского электората был более узким, чем в России. По этой причине, полагал император, филиппинский план формирования представительного органа был лучше российского. Обмен мнениями по этому вопросу завершил беседу Тафта с царем [Minger 1963: 155–156]. Трудно сказать, насколько информация Тафта заинтересовала правительство России, но вскоре библиотека Государственной Думы пополнилась двухтомным докладом Филиппинской комиссии военному министру, опубликованным в 1908 г. Ныне это уникальное издание хранится в Российской Национальной библиотеке [Report 1908].

Литература

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. Оп. 470. № 110.

Бакунин 1902 — Бакунин М.М. Тропическая Голландия. СПб.: Типография А.С. Суворина; 1902.

Гончаров 1986 — Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л.: Наука; 1986. Красный архив 1932 — Красный архив. 1932. Т. 3.

Морской сборник 1856 — Морской сборник. 1856. № 1.

Новиков-Прибой 1963 — Новиков-Прибой А.С. Цусима. Кн. 2 // Новиков-Прибой А.С. Собр. соч. М.: Правда; 1963. Т. 4.

Носков 1998 — Носков В.В. Разведка на атоллах (Русский флот в Океании. 1804–1903) // Россия в XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 245–257.

Поленов 1987 — Поленов Л.Л. Крейсер «Аврора». Л.: Судостроение; 1987.

Римский-Корсаков 1980 — Римский-Корсаков В.А. Балтика — Амур. Хабаровск, 1980.

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 417. Оп. 1. № 3374, № 3403, № 3405; Ф. 418. Оп. 1. № 4058, № 4072.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 516. Оп. 2. № 224.

Россия и США 1980 — Россия и США: становление отношений, 1765–1815. М.: Наука; 1980.

Русский биографический словарь 1905 — Русский биографический словарь. Т. Дабелов — Дядьковский. СПб., 1905. С. 468–469.

Сулига 1994 — Сулига С.В. Крейсер «Владимир Мономах». М.: Наваль, 1994.

Энгельгардт 1986 — Энгельгардт Б.М. «Фрегат “Паллада”» // Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л.: Наука; 1986. С. 722–760.

Annual Reports 1905 — Annual Reports of the Navy Department, 1905. Washington: GPO, 1906.

Dobell 1842 — Dobell P. Sept années en Chine. Nouvelles observations sur set empire, l’archipel Indo-Chinois, les Philippines et les iles Sandwich. Traduit du russe par le prince Emmanuel Galitzin. Paris: Librairie d’Amyot, 1842.

Minger 1963 — Minger R.E. William Howard Taft’s Forgotten Visit to Russia // Russian Review. Vol. 22. No 2 (April 1963). P. 149–156.

Murray 1909 — Murray R.H. Around the World with Taft. Detroit: F.B. Dickerson C°, 1909.

Papers 1905 — Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1905. Washington: GPO, 1906.

Report 1908 — Report of the Philippine Comission to the Secretary of War. 1908 Pts. 1–2. Washington, 1908.

М. Ю. Медведев

СИМВОЛИКА СУЛТАНАТА СУЛУ: НАСЛЕДИЕ, КОНТЕКСТ, РЕФОРМЫ¹

Введение

Лет сто назад возникновение геральдики обычно связывали с восточным влиянием — прежде всего с впечатлениями, предположительно вывезенными из первого Крестового похода. Как показали последующие изыскания, геральдика и гербы (как социальный и вместе с тем иконографический феномен) явились на свет в качестве ответа на внутренние вопросы европейской цивилизации [Pastoureau 1993: 298–310].

Однако первые же опыты в этой области оказались востребованы исламскими соседями. Существование своеобразного мамлюкского извода геральдической традиции является весьма дискуссионным, но в основе своей несомненным фактом истории². Последующие события, завершившиеся падением Мамлюкского султаната, привели к упадку «собственной восточной» геральдики, которая возникла вновь уже в иных условиях — под влиянием непосредственной военной и политической экспансии Европы. Следует учитывать то, что не существует некоей единой европейской геральдики (несмотря на принципиальное единство, она воплощена в ряде существенно различных локальных геральдических традиций) и что установление геральдических практик

---

¹ Настоящая заметка по большей части написана с использованием материалов архива канцелярии Е.К.Выс. принца Муэдзула, правителя Сулу, и моих собственных рабочих материалов, включая находящийся «во младенчестве» официальный архив геральдической службы султаната. Я пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Е.К.Выс. принцу Муэдзулу и его канцлеру Дату А. Линхольму, а также секретарю совета Дату П. Мак-Клири.

² Тема широко обсуждалась в течение XX столетия, прежде всего в связи с нумизматическими памятниками [Mauey 1937]. В качестве труда, одновременно полемически ценного и подводящего итоги, может быть рекомендован труд Дж.У. Аллана [Allan 1970].

в колониях необязательно являлось простым экспортом и нередко было чутким к местным, коренным реалиям.

В конечном счете геральдика как не имеющая себе равных по «разработанности» эмблематическая система, вновь продемонстрировала готовность и умение служить совершенно разным культурам. И европейские носители гербовой традиции вновь — но теперь вне связи с колониальной или политической экспансией — имеют возможность оказаться востребованными далеко за пределами своего отечества.

Геральдическое окружение султаната

Ранние сведения о гербе Сулу отражают, по всей видимости, не таусугские реалии, а культуртрегерские опыты испанцев. Вероятно, таков был апокрифический герб короля-султана, зафиксированный в период управления Филиппинами доном Хуаном Сересо де Саламанкой (между 1633 и 1635 гг.) и затем как диковина представленный в Испании. К этому времени испанская геральдика уже утвердилась на Филиппинах — не только благодаря тому, что приезжие пользовались родовыми гербами, но и по мере наделения владений подобающими символами. Однако для самих Филиппинских островов не было изобретено никакого специального герба: принадлежность заморских земель Испании наглядно обозначалась использованием в качестве символа власти испанского королевского герба в одной из его обычных форм. Роль основного локального геральдического символа досталась гербу, пожалованному еще в 1596 г. «славному и неизменно верному городу» Маниле³.

Гербовый щит столицы Филиппин был⁴ двухчастным, пересеченным. Вверху в червленом поле располагался золотой трех-

---

³ Герб был утвержден королевской грамотой, подписанной Филиппом II в Аранхуэсе весной 1596 г. (титул был дарован городу еще в 1574 г.). Филиппинский исследователь П.И. де Хесус упоминает, что гербы Манилы, Липы и еще одного города были дарованы одной грамотой, но приводит ошибочную дату — 1592 г. [Jesús 1952: 67–68].

⁴ О гербе 1596 г. речь идет в прошедшем времени. Успешно пережив «американский» период и обретение Филиппинами независимости (гербы стали употреблять без короны над щитом, но, геральдически рассуждая, это не искажение,

Рис. 1. Герб Манилы. Эта ранняя публикация столичного символа Филиппин замечательна, в частности, множеством опечаток в тексте блазона («armado y tan passado de guias, que es Urias, y lengua de colorado» вместо «armado y lampas[s]ado de gules, que es Uñas, y lengua de colorado»)

а «сокращение»), в течение второй половины XX столетия манильский герб был заменен на городской печати гербовидной эмблемой, в которой очертания замка оказались переданы щиту, верхнее поле занято жемчужиной в раковине, лев потерял одну из лап, а внизу щита были добавлены волны (согласно официальному толкованию, речные, из устья Пасига). В свою очередь цветное изображение печати на американский манер вытеснило герб как самостоятельный символ из прочих сфер официального употребления. Велико искушение предположить, что герб не используется, но и не отменен. Однако действующий на Филиппинах режим использования официальной символики под контролем Национальной исторической комиссии, по-видимому, не позволяет считать старинный филиппинский герб сохраняющимся *de jure*.

башенный замок с лазоревыми воротами и бойницами — это герб Кастилии, приведенный как знак монаршей милости без каких-либо изменений. В нижней части щита в лазоревом поле был помещен серебряный с червлеными языком и когтями монстр — полулев, полудельфин⁵ — с мечом в правой лапе. Щит венчала королевская корона в архаичной «открытой» версии⁶. Описание герба специально указывало, что корона относится к верхней части щита, т.е. к кастильскому гербу⁷. И действительно, когда половины манильского герба изображались врозь, в отдельных щитах (например, на аверсе и реверсе поздней версии медных *барийяс*, чеканившихся с 1766 г.), лев-дельфин с мечом играл роль местного символа, а щит с замком — королевского, и корона доставалась именно ему.

Рис. 2. Барийя 1766 г.

Собственно геральдический анализ композиции довольно прост: двухчастный герб состоит из аугментации (почетного жалаванного элемента) и подчиненно расположенного собственно

⁵ Речь идет об условном геральдическом дельфине, имеющем все отличительные особенности рыбы, в том числе чешую и веерообразные плавники.

⁶ Ее облик не был вполне постоянен, форма и количество зубцов менялись, отсюда предположения ряда авторов о том, что над манильским гербовым щитом последовательно изображались различные типы геральдических корон — маркизская, герцогская и т.д.

⁷ Как следствие возникла и некоторое время употреблялась ошибочная версия герба — с короной в поле щита непосредственно над замком. Другим еще более типичным искажением герба Манилы было превращение замка в одинокую башню, но это часто происходило с кастильским гербом и дома, на иберийской почве.

местного символа, корона над щитом — обычный атрибут кастильского муниципального герба.

Если рассматривать манильский герб как аллегория, выстроенную из символических составных элементов, он также поддается весьма простому толкованию: замок — вооруженный форпост европейской цивилизации, лев с мечом — рыцарство, его гибридизация с дельфином — заморское расположение Манилы относительно метрополии. Даже расположение замка и льва-дельфина в разных полях щита может представиться убедительным исходя исключительно из их символических свойств: они уравновешивают друг друга, воплощая благородные противоположности — незыблемость и победоносную стремительность.

Несколько сложнее окажется раскрытие той же аллегорической природы герба исходя из его геральдических составляющих. Присутствие герба Кастилии означает, как уже упоминалось, монаршую милость, но на нее же указывает и лев с мечом. Несмотря на разницу в расцветке, композиция явно перекликается с второстепенной (но весьма важной) деталью испанского королевского герба — его нашлемником: коронованным пурпурным львом, держащим меч и «выходящим» (т.е. видимым *наполовину*, по пояс) из-за стены золотого замка⁸. Помимо элементов, заимствованных из королевского щита (замок Кастилии, пурпурный лев Леона), здесь присутствует меч, поддающийся тройному толкованию: как знак суверенитета, воинской мощи и правосудия. Таким образом, мотивы королевской геральдики были отражены в обеих частях гербового щита Манилы.

В XVIII в. чеканка местной монеты наглядно отразила отсутствие территориального символа всех Филиппин. Уже упоминалось использование «разъятого» манильского герба на *барийе*

---

⁸ Нашлемник Кастилии и Леона в виде льва, выходящего из замка, был принят еще Иоанном II, ранее нашлемником кастильских королей был грифон. Меч — первоначальный атрибут льва в нашлемнике, корона не сразу стала стабильным элементом композиции. В левой лапе льва со временем появилась держава. Знаменитое полихромное изваяние, изображающее герб Филиппа II в эскориальской базилике, представляет кастильско-леонский нашлемник еще без державы, с португальским и арагонским нашлемниками — оба в виде драконов — по сторонам.

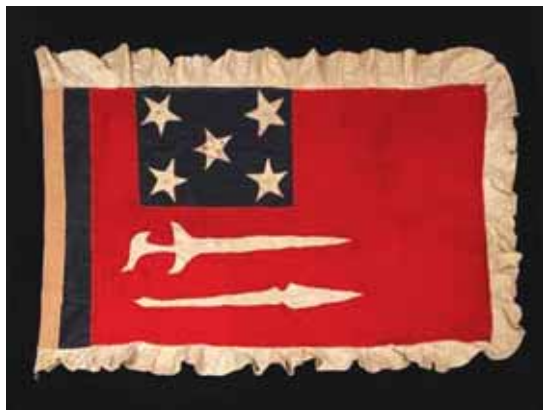
Нашлемники в гербе Филиппа II.
Базилика Эскориала

Герб департамента Минданао
и Сулу (1914–1920 гг.)

Герб Малайской Федерации
(с 1929 г.), впоследствии использовавшийся Малайским Союзом
и послуживший основой современного герба Малайзии

Флаг султаната Сулу («американская» версия) в собрании Исторического Общества Миссури. Сайт П. Падеу Royal Panji

Флаг султаната Сулу в собрании Флотского Музея в Мадриде.
Сайт П. Падеу Royal Panji

Современный флаг султаната. Рис. автора

Герб султаната Сулу. Полная версия большого герба. Рис. автора

Герб наследника Сулу. Рис. автора

Пример герба члена династии — принца, рожденного вне рода Кирамов и принятого в состав королевского дома через династическое усыновление.

Рис. автора

Пример акта пожалования герба

(в 1728–1766 гг. она несла герб Манилы в одном щите). На филиппинских *куартос* и *октавос* помещалась композиция со львом, держащим скипетр и меч над «глобусами», обозначающими полушария. Сегодня этот лев иногда бывает истолкован как специфически филиппинский знак, на деле же обсуждаемая композиция была предписана еще Филиппом V для общеиспанских мелких монет, от *куарто* до *мараведи*⁹.

Первая республика 1898–1901 гг. в качестве символа страны воспользовалась треугольником с изображением солнца (которое в свою очередь было эмблемой *Катипунана*) между тремя звездами, символизировавшими три архипелага. Очевидным было влияние масонской символики, а также переключки с некоторыми латиноамериканскими символами — прежде всего с треугольными государственными эмблемами Центральной Америки (в свою очередь, по-видимому, отразившими масонские стереотипы символики и декора). Помимо этого и треугольник, и три звезды были, по-видимому, связаны также с особой конспиративной системой, поначалу действовавшей в *Катипунане*. Расцветка и композиция были не вполне стабильными, на печати революционного правительства не было ни треугольника, ни трех звезд — только солнце. Филиппинское солнце в духе европейских геральдических традиций изображалось в этот период с человеческим лицом в диске.

В 1898 г. был установлен и флаг республики, весьма близкий к нынешнему. На нем желтые солнце и звезды были помещены на белом фоне. Это сочетание, аномальное для геральдики¹⁰, вполне допустимо во флажной практике.

Установление контроля США над Филиппинами привело не столько к влиянию североамериканской геральдики (в основе

⁹ Королевская грамота от 24 сентября 1718 г. [Трагеро 2007: 387].

¹⁰ В геральдическом плане такое сочетание цветов прочитывается как «золото в серебре» и противоречит так называемому основному правилу геральдики, регулирующему и ограничивающему некоторые цветовые сочетания в гербах. В мировой геральдике есть, однако, немало гербов, в которых это правило нарушено или обойдено. Знаменитым примером намеренно сохраненного помещения золотой фигуры в серебре является герб Королевства Иерусалимского. Курьезным совпадением можно считать то, что право на иерусалимские титул и герб имели испанские суверены Филиппин.

своей представляющей постколониальный извод английской традиции), сколько к импорту характерной для США упрощенной концепции официальной эмблемы, едко определенной Д'Арси Боултоном как *damnosa haereditas* [Boulton 2006: 121]. Суть этой концепции в том, что в роли универсального знака (территориального, муниципального, ведомственного, должностного и т.д.) обычно выступает *печать*, т.е. в действительности расцвеченная композиция печати, которая может при этом иметь как геральдическое (или квазигеральдическое), так и любое иное заполнение. Герб как таковой при этом может существовать и быть геральдически безупречным, но употребляется он, как правило, не сам по себе, а в составе эмблемы-«печати» (что в свою очередь означает отказ от стилистической вариативности, присутствие семантически тавтологических надписей и т.д.).

Герб Филиппин, установленный американской администрацией в 1905 г., никак не был связан с символами Первой республики. Он представлял собой гербовый щит США с гербом Манилы (слегка искаженным: замок оказался поставленным на линию деления) в сердцевом щитке. Фигурой нащлемника, изображенного на британский манер — без шлема — на серебряно-червленом бурлете, стал американский орел (орлан), на сей раз без своих обычных атрибутов. На ленте под щитом вместо девиза была помещена надпись «Philippine Islands»: деталь, с точки зрения классической геральдики неоправданно дублирующая сам герб.

Автором этого герба был Гэйлард Хант — сотрудник Госдепартамента и руководитель отдела рукописей в Библиотеке Конгресса. Хант заслужил репутацию эрудита-геральдиста, он опубликовал брошюру об истории печати и герба США и разработал гербы для территорий, переданных Испанией, он же в 1914 г. создал герб для департамента Минданао и Сулу¹¹.

---

¹¹ До создания департамента подобную роль локального символа играла композиция на печати провинции Моро — сложенные накрест тесак-барунг и крик, дополненные картографическим силуэтом провинции, изображением судна на волнах и полумесяцем как символом ислама. Собственно геральдического характера эта композиция не имела. Хант постарался перегруппировать некоторые элементы в созданном им гербе, в частности сохранил, поместив их в нащлемнике, скрещенные мечи, но с заменой барунга на кампиан. С геральдиче-

Филиппинское государство, провозглашенное в 1935 г., воспользовалось разработкой Ханта как основой, но изменило ряд деталей. Прежде всего большой щит был изменен для его уподобления филиппинскому флагу, а в манильском щитке серебряный лев-дельфин в лазури стал золотым в серебре, что также должно было перекликаться с желтыми фигурами и белым сектором на флаге. Так геральдически anomальное сочетание цветов окончательно утвердилось в гербе Филиппин.

В то же время герб, установленный для Верховного комиссара (High Commissioner) США на Филиппинах, был производным знаком от исходного манильского герба: верхняя половина щита была заполнена 13-ю полосами из герба США (без главы), в нижней был первоначальный серебряный лев-дельфин, в нашлемнике — американский орел с ветвями.

Лишь в 1943 г., с приходом японцев, манильский герб окончательно был вытеснен из филиппинского государственного герба изображением солнца (на этот раз без лица).

Версия, созданная для независимых Филиппин в 1946 г. членом Геральдической комиссии Гало Окампо и с некоторыми изменениями сохраняемая до сих пор¹², также лишена манильских элементов. Собственно, Окампо взял за основу контуры (не геральдическую структуру, но именно основные визуальные контуры) герба 1935 г., исключил нашлемник, а щит заполнил элементами, заимствованными с флага страны и из *периферийной* геральдической символики двух бывших метрополий (и орел, и лев — служебные элементы, щитодержатели, причем в случае с Испанией лев являлся к 1946 г. давно вышедшим из употребления щитодержателем).

скими цветами Хант обошелся вольно, так, золотую звезду с филиппинского флага он поместил в серебряном поле (таким образом открыв путь этому негеральдическому сочетанию цветов в гербовый обиход Филиппин), а рядом — золотой крест в золотом же поле.

¹² При Ф. Маркосе надпись-название в составе герба была заменена «настоящим» девизом. Это геральдически похвальное изменение оказалось связано в глазах филиппинцев с режимом Маркоса и вполне закономерно было отвергнуто после его падения. Сегодня Филиппины имеют официальный девиз, но в состав герба он не внесен. Другим геральдическим экспериментом Маркоса была попытка заменить льва-дельфина на орла в составе президентской эмблемы.

Вместе с тем тот же Г. Окампо предусмотрел использование «заморского льва» с мечом на эмблеме-печати президента. Кроме того, лев-дельфин с мечом или без него присутствует в роли общегосударственного символа в составе некоторых военных и правительственных эмблем и на филиппинских государственных наградах¹³.

Активно действовавшая в середине XX в. Геральдическая комиссия с вниманием отнеслась к гербовому наследию Филиппин, накопленному в колониальный период, и приложила усилия к его органичному развитию в новых условиях. Со временем, однако, геральдические тонкости стали забываться, некоторые знаки представились «слишком европейскими», и разнообразные местные гербы, первоначально принятые в строго (а иногда и нестрого) геральдическом духе, затем подверглись многочисленным изменениям, нередко спонтанным в итоге недостаточно тщательных перерисовок. Саму по себе концепцию местного герба в основном вытеснила идея эмблемы-печати. Так, провинция Сулу пользуется в качестве официального знака «сигиллоидом» с весьма свободной вариацией на тему гербового щита Минданао и Сулу работы Ханта. Все это можно было бы считать не кризисом, а — безоценочно — развитием или даже прогрессом, если бы не то обстоятельство, что место тонкой и сложной эмблематической системы и соответствующей ей графической культуры занимают упрощения и дезориентирующие маневры (такие, как превращение гербовой печати из носителя герба в основной знак). Уже в наши дни сказывается в полной мере один из злейших бичей современной геральдической графики — несовершенная векторизация. Вместе с тем геральдические традиции сохраняют важное место в филиппинской культуре, и наиболее ярким примером этого можно считать небезуспешное развитие католической церковной геральдики в стране.

Высказанные соображения ни в коей мере не должны рассматриваться как уничижительные для геральдики и символики Фи-

---

¹³ Еще одним прибежищем старинной столичной символики стали гербы корпораций, в частности Манильского архидиоцеза, где присутствуют те же основные поля и фигуры, но с подобающими изменениями, так, лев-дельфин в нижней части щита держит не меч, а крест (рис. 3).

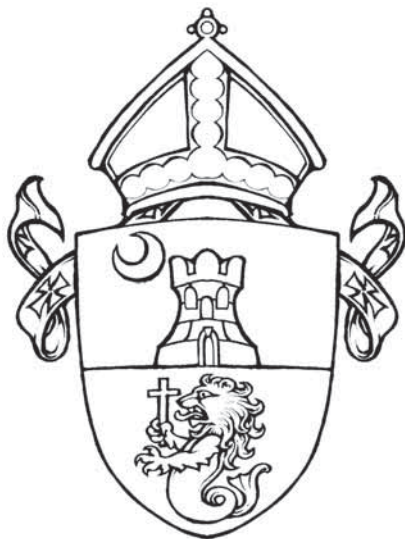

Рис. 3. Герб Манильского архидиоцеза. Кастильский замок превращен в башню как символ твердыни Господней, три окна-бойницы (в духе жития св. Варвары) указывают на Триипостасность Божества, полумесяц — марианский символ.

Рис. автора

Рис. 4. Герб архидиоцеза Замбоанги. В его основе — та же семантическая игра, что и в манильском архиепархиальном гербе. Рис. автора

липпин. Все описанное вполне сопоставимо с бедами и успехами, выпавшими на долю геральдической традиции в ее колыбели — в Европе — на протяжении XX в., причем этот же процесс продолжается и сейчас, только основную оппозицию гербам образуют не эмблемы-сигиллоиды, а эмблемы-«лого» и те же гербы, но произвольно искаженные. Можно предполагать, что кризис передачи «геральдического предания» будет преодолен во всемирном масштабе и что геральдический потенциал, накопленный Филиппинами, окажется в полной мере востребован и развит в ходе международных культурных диалогов.

Возвращаясь к теме кризиса, приходится признать, что он сказывается и в тех соседних с Филиппинами странах, где геральдические премудрости были в свое время привиты британцами и голландцами. Например, герб Малайзии (преемственный к изящному и лаконичному гербу Малайской Федерации) претерпел сложную эволюцию и сейчас представляет собой смешение геральдически корректных и некорректных деталей, а официальное толкование герба Индонезии, придающее значение гербоведчески несущественным элементам, позволяет усматривать в этом символе скорее имитацию геральдики, нежели геральдику как таковую, по крайней мере в плане структуры знака. Вместе с тем герб Сингапура является хрестоматийным образцом геральдической безупречности, а герб Джохора заслужил широкую известность как остроумный и аккуратно сформулированный «исламский ответ» на символику Королевства Иерусалимского (при том что первоначальная версия джохорского герба, по-видимому, не подразумевала этого диалога вообще). Другой замечательной особенностью джохорской геральдики, давно и по достоинству оцененной геральдическими гурманами, является та степень условности, с которой корона султана (реальный объект) отражена в гербе. Эти и подобные им явления в геральдике Малайского региона придают ей особую ценность в международном контексте.

Исторические символы Сулу

Ранние сведения о том, каковы были символы султаната, относятся к XVIII в. Эти сведения касаются флагов, и когда изобра-

жения на этих флагах оказываются упомянуты как самостоятельные эмблемы, это следует воспринимать с осторожностью, с поправкой на стремление европейца-рассказчика приблизительно описать экзотические явления в привычных для него категориях (как в случае с путешественником-натуралистом П. Соннера, который в 1770-х годах счел эмблему на таусугском флаге султанским гербом).

Независимо от геральдической точности сообщения Соннера, оно, как и современное ему сообщение Т. Форреста, ценно как раннее свидетельство использования старейшей из известных нам эмблем Сулу: белого флага с изображением врат Мекки (согласно Форресту, врата были изображены красным цветом; Соннера не указал расцветку врат, но упоминал черную кайму флага)¹⁴. Трудями сардинского вексиллолога П. Паддеу¹⁵ выявлены эти и другие более поздние сообщения, показывающие, в частности, что белые флаги с красными вратами сохранялись и в XIX в., но использовались и другие, например красный с синей каймой. Говорит ли это о существовании изысканной и сложной системы флагов для разных случаев или же, напротив, о том, что флажная практика Сулу была нестабильна, остается неясным.

Сохранившиеся (прежде всего в собрании мадридских Музея Армии и Флотского Музея) экземпляры флагов, связанных с султанатом, в основном относятся ко второй половине XIX в. и являются собой примеры более позднего варианта флага Сулу — с красным или преимущественно красным полотнищем¹⁶. Среди

---

¹⁴ Различными авторами стилизация врат Мекки, употреблявшаяся на флагах и знаменах Сулу, интерпретировалась как изображающая в действительности резиденцию султана и даже могильные памятники правителей. Высказывались также предположения (основанные на экстраполяции последующих цветовых решений султанских флагов) о том, что черный цвет, упомянутый Соннера, был в действительности темно-синим.

¹⁵ URL: <http://www.royalpanji.net/index.html>, last accessed on the 21th of October, 2011. Пользуюсь случаем выразить признательность г-ну Паддеу за любезную помощь в поиске необходимых данных.

¹⁶ Некоторые из полотнищ в наши дни предстают выцветшими или, напротив, побуревшими, репродукции и перерисовки усиливают эффект искажения цвета. По-видимому, малиновые и сиренево-пурпурные цвета, приписываемые

изображений на полотнищах преобладают врата Мекки в виде причудливо стилизованного портала, внутри которого обычно появляется некая фигура: чаще всего это круг¹⁷, но встречаются и Зульфикар (один из старейших исламских символов: имеющий два лезвия священный меч, боевой трофеей Мухаммада, переданный затем Али), и некое животное (тигр?). В качестве самостоятельного изображения встречаются тот же Зульфикар, водное и пернатое чудовище, крокодил, пожирающий жертву, человек во весь рост, крысы в ножнах и разнообразные орнаментальные мотивы. Для таких флагов типична полоса вдоль древка — чаще всего двойная, сине-белая, при этом нередко дополненная орнаментом (розетками, «лиственной» и др.). Особенно любопытен флаг, захваченный испанцами в 1887 г. и запомнившийся им как флаг острова Холо¹⁸. На полотнище этого флага — курьезное морское существо с продолговатой мордой и плавниками, которое (с поправкой на сильную стилизацию) может быть и дельфином или китом, и рыбой, и тюленем, и водным драконом, и иным легендарным чудовищем (*kurits?*), и, наконец, даже дюгоном.

Переход Сулу под контроль США привел к принятию совершенно нового флага, отчетливо подражающего американскому — красное полотнище с белыми силуэтами, предметами вооружения (чаще всего — горизонтально расположенные крис и копье, иногда — крис и копье накрест, барунг и крис накрест над копьем и т.д.)¹⁹ и с синим крыжом, в котором расположены пять звезд

флагам Сулу, не являются отдельными вариантами расцветки, и такие флаги могут быть отнесены к красным.

¹⁷ См. ил. 8. Известны попытки истолковать эту круглую фигуру как солярный знак, полную луну, жемчужину, как графический намек на святыню Каабы и т.д. и даже как рецепцию образа земной сферы из испанской символики.

¹⁸ URL: http://www.royalpanji.net/flags_of_sulu_before_1899_-_part_2.html, last accessed on the 21st of October, 2011.

¹⁹ Сравнительно недавно было предложено толкование этих элементов, связывающее их с особенностями традиционного престолонаследия Сулу, которое предусматривало сохранение определенных прав за пределами королевского семейства Кирамов. В этом случае крис соответствует правам Кирамов, а копье — правам «альтернативной линии». Такое толкование недостоверно хотя бы потому, что ко времени появления данного типа флага ранние концепции уже уступили место линейной передаче престола, хотя и нарушавшейся (в 1862

(пять провинций султаната). Обычно на флагах этого типа появлялся и полумесяц со звездой, ранее нетипичный для флагов султаната²⁰.

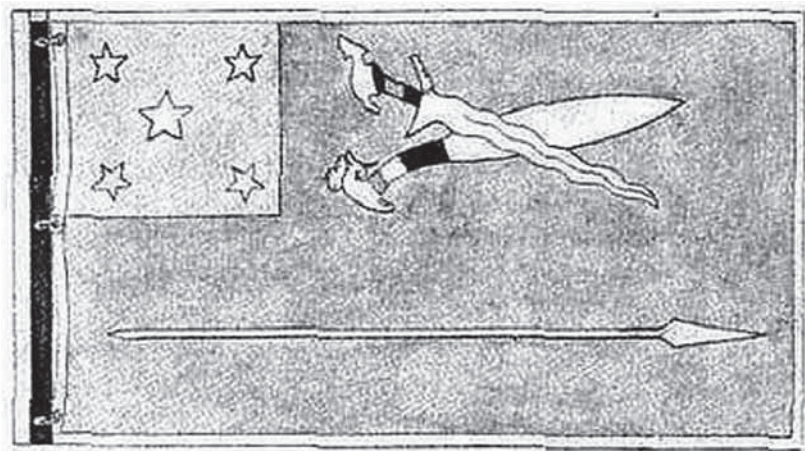

Рис. 5. Флаг султаната Сулу («американская» версия), опубликованный С. Оросой [Oroza 1931: 66]

Известные печати султанов Сулу в «испанский» и «американский» периоды лишены эмблематических изображений, они заполнены надписями, а присутствие рамок, разграничивающих линий и т.п. имеет сугубо служебный характер. Однако Ф.У. Бёрбридж, посетивший султанский дворец в 1877 г., зарисовал украшение портала в виде двух водных монстров (весьма сходных с существом на вышеописанном «флаге Холо»), поддерживающих круг с композицией султанской печати²¹.

и 1886–1894 гг.) вмешательством внешних сил. По-видимому, речь идет о сугубо современной, политически ангажированной мистификации.

²⁰ Как известно, в качестве специфического исламского символа полумесяц со звездой, преемственный к символике Константинополя и имеющий дохристианское происхождение, утвердился под османским влиянием. Признание таусугами и их соседями султана Турции в качестве халифа никоим образом не означало непосредственного импорта символики, и в результате полумесяц был в полной мере принят мусульманами региона довольно поздно.

²¹ URL: http://www.royalpanji.net/seals_and_sultans_of_the_royal_sultanate_of_.html, last accessed on the 21th of October, 2011.

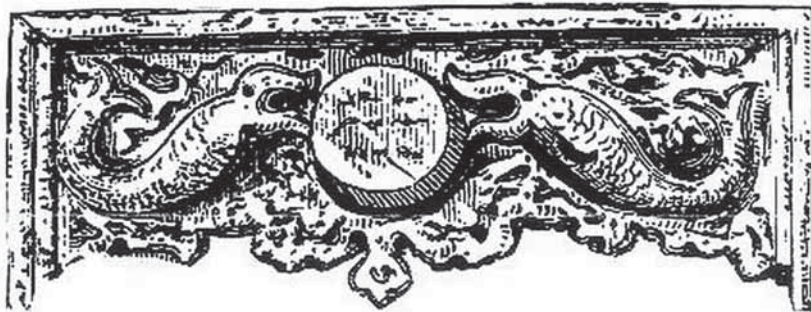

Рис. 6. Резное украшение портала султанского дворца, зарисованное Ф.У. Бёрбриджем. Сайт П. Паддеу Royal Panji

Передача Джамал-ул-Кирамом II²² в 1915 г. управления Сулу в руки США (по «соглашению Карпентера», о котором пойдет речь ниже) привело к радикальному сужению сферы употребления символов султаната. В 1936 г. подряд произошли события, не способствовавшие упорядочению облика и употребления символов Сулу: смерть бездетного Джамала II, а затем наследовавшего ему брата Муваллила Васита II (скончавшегося до коронации и, по-видимому, отравленного) и решение правительства Филиппин игнорировать светский статус султана. За этим последовали нестроения в династии, султанате и во всем мире. В ходе Второй мировой войны султанат был объектом притязания двух претендентов (прояпонского и проамериканского), ни один из которых не происходил из старшей ветви династии. В 1950 г., после восстановления на престоле королевской линии в лице султана Мухаммада Эсмаила («короля Измаила», сына и наследника Муваллила), флаг Сулу «американского» образца на некоторое время приобрел значение символа преемства, легитимности, но уже тогда его критиковали за несходство с более ранними (и более «индигенными») символами султаната.

²² Здесь и далее имена султанов приводятся с оглядкой на несколько факторов: корректность сокращений (несколько неестественно выглядит имя, заканчивающееся на артикль, который относится к следующему компоненту прозвания), установившиеся транслитерация и использование в текстах на европейских языках и, наконец, благозвучие. События логическое единообразие удалось не в полной мере.

При сыне Эсмаила, султанине Мухаммаде Махакутте (официально признанном, как и его отец, Филиппинами²³ и правившем в 1974–1986 гг.), была создана — с явной оглядкой на геральдические обычаи — эмблема-«печать» султана, четверочастная композиция которой включала полумесяц со звездой (наклоненный к центру печати), пейзаж с ладьей на фоне горы, якорь (с надписью «AD 1760»)²⁴ и барунг с крисом (сопровождаемые надписью «AH 1370»), по-видимому, имелось в виду легитимистская реставрация 1950 г.). Этой же эмблемой поначалу пользовался и сын Махакутты, нынешний глава династии наследный принц (*Raja Muda*) Муэдзул I (Муэд-з-ул Лаил Тан Кирам). Позднее, в 2010 г., для него была выполнена более декоративная и более «геральдичная» версия этой эмблемы, увенчанная короной.

Рис. 7. Эмблема султаната в конце XX — начале XXI в.

²³ Одновременно с признанием Махакутты султаном Филиппины признали наследником его сына Муэдзула. О признании Филиппинами султана как светского правителя и Сулу как государства в государстве см. ниже. Республика рассчитывала воспользоваться правами дома Кирамов на север Борнео. Помимо этого в 1970-х годах режим Маркоса был заинтересован в сотрудничестве с умеренными, традиционалистскими кругами таусугской аристократии — в противовес повстанцам.

²⁴ Замечательным курьезом является имплицитное отнесение слова «D[ominus]» к Христу в составе эмблемы исламского теократического правителя.

Рис. 8. Эмблема султаната, принятая в 2010-е годы

После смерти отца двадцатилетний принц Муэдзул столкнулся с очередным отказом филиппинского правительства признавать светский статус султаната и его главы. С точки зрения некоторых советников нового главы династии молчание республики (как сюзерена по отношению к султанату) делало сомнительной законность интронизации нового султана. По мнению других, султанат рисковал быть вовлеченным в противостояние сепаратистов и центра, и во избежание крайностей следовало воздержаться от активных действий. Принц Муэдзул предпочел отложить интронизацию, не отрекаясь от прав монарха Сулу, но и не принимая султанского и королевского титулов. Интронизация откладывается до сих пор, однако после 2000 г. принц совершил ряд шагов, направленных на обустройство династических и государственных дел²⁵, а к 2010 г. полностью принял на себя полномочия главы

²⁵ В частности, принц в 2004 г. назначил своего дядю, Мухаммада Фуада Кирама, представителем в Сабахе с делегированием суверенных прав в отношении этой территории и с титулом султана-регента. Принц Фуад, испросив это назначение у племянника, воспользовался случаем, чтобы объявить себя королем Сулу и Сабаха как двух отдельных султанатов и предложить в этом качестве свое содействие НФОМ. Эта попытка узурпации привела к отзыву назначения и всех делегированных ранее прав в 2006 г. Принц Фуад и сегодня продолжает заявлять претензии на Сулу и Сабах. Среди предпринятых им шагов — объявленное включение в состав королевской династии (в результате «династического усыновления») главы НФОМ Н. Мисуари и пожалование ему герба.

султаната. Ряд узаконений, принятых им в султанском совете (*Ruma Bichara*, своего рода курии — собрании верных ему князей²⁶ и сановников), касается геральдики и символики Сулу, и речь об этом пойдет ниже.

Многочисленные претенденты на престол, пользующиеся юридическими и фактическими неясностями в отношении статуса султаната и султана, используют собственные символы. Обычно в качестве флага Сулу они применяют «американскую» версию или какое-либо собственное изобретение, а иногда и более ранний флаг с белыми воротами Мекки (как правило, с ошибочно реконструированным сиреневым фоном вместо красного).

Суверенный статус султана

Прежде чем перейти к рассказу о реформах принца Муэдзула, имеет смысл пояснить то, в какой мере сегодня сохраняют свое существование сан короля-султана Сулу и сам султанат как «вассал» Филиппин. Речь здесь идет не о политике, а о букве права, конкретнее — о правовой основе геральдических и эмблематических практик. Как известно, наряду с гербовой теорией и гербовым искусством неизменным компонентом традиции (и неизменным фактором любого геральдического явления) должно быть гербовое право²⁷. Иногда гербовая практика опирается прежде всего на государственные акты, иногда — лишь на обычай и на частное право, но то, что совершенно лишено правового веса, не является в прямом смысле объектом геральдики.

В этом плане принципиален вопрос о том, является ли султан Сулу в светском отношении царствующим (хотя бы и номинально) монархом или же только главой правившей в прошлом династии. За свергнутыми монархами и их преемниками сохраняются некоторые суверенные права и прерогативы, но в весьма урезанном виде. К династии и ее главе относится «*trattamento reale*»

---

²⁶ Неудобство в употреблении несклоняемых терминов побуждает меня пользоваться в данной статье термином «князь» вместо таусугского термина «дату». Эта замена представляется мне достаточно адекватной.

²⁷ Эта триада, сформулированная в немецких трактатах («*Wappenkunde*», «*Wappenkunst*» und «*Wappenrecht*»), хорошо известна российским читателям прежде всего благодаря Ю. Арсеньеву.

(титулы и протокольное обхождение), но с существенными ограничениями²⁸. Еще более ограниченной оказывается роль неправящего государя как *источника почестей* (*fontis honorum*): он не может создавать новые почести (титулы, награды и т.п.), хотя вправе распоряжаться установленными ранее, например жаловать и даже реформировать награды, учрежденные до свержения династии, или же распоряжаться династической титулатурой внутри своего родственного окружения исходя из фамильных традиций²⁹. На право жаловать гербы неправящий государь может притязать, за некоторыми исключениями, лишь в пределах собственной династии. Таким образом, геральдическая деятельность султаната Сулу прямо связана с его выживанием в качестве светского института.

Здесь стоит заметить, что одним из важных факторов сохранения светского статуса султанами Сулу считается их суверенитет в отношении Северного Борнео. Но в данном случае рассмотрение этого вопроса не представляется решающим, и я позволю себе вообще вынести его за скобки.

На протяжении истории султаната Сулу его монархи несколько раз ограничивали свои суверенные права и прерогативы, признавая верховную власть Испании, а затем США. Одной из проблем при рассмотрении этих договоров являются расхождения между текстами на языках обеих сторон. Этой особенностью были отмечены и договор с Испанией (1878), и так называемый трактат Бейтса (1899), которые с точки зрения Сулу подразумевали не передачу суверенитета в чужие руки, но лишь иностранный протекторат и практический раздел полномочий. В любом случае оба договора сохраняли Сулу как теократическую монархию со

---

²⁸ Так, традиция предусматривает отказ от использования наиболее высоких титулов («император», «король» и «величество») в отношении неправящих глав династий (кроме тех, кто успел получить эти титулы до изменения строя и сохраняет их пожизненно). Вместо королевских и императорских титулов в таких случаях используется «титул инкогнито», обычно один из ближайших титулов в династической иерархии (герцог Анжуйский — для главы дома Бурбонов, граф Парижский — для Орлеанского дома и т.д.).

²⁹ Эта тема чрезвычайно подробно представлена во множестве публикаций. Так, о династических орденах см.: URL: <http://www.icocregister.org/principles.htm>, last accessed on the 21th of October, 2011.

своими законами, территорией и системой управления. В 1904 г. трактат Бейтса был в одностороннем порядке расторгнут США. Султан безуспешно опротестовал это решение. В 1915 г. губернатор Минданао и Сулу Франк Карпентер вызвал султана Джамал-уль-Кирама II «с советниками и доверенными лицами» [Report 1916: 289] и настоял на подписании меморандума, известного как соглашение Карпентера.

То, что подписание этого акта стало отречением Джамала II от «всякого притязания на светский суверенитет», всячески подчеркивалось губернатором Карпентером [Report 1916: 286, 297]³⁰ и до сих пор обычно упоминается как несомненный факт. Между тем ни слово «отречение», ни его эквивалент не присутствуют в тексте меморандума [Report 1916: 297–298; Gowing 1977: App. D]. Собственно, документ содержит два принципиальных положения: во-первых, султану были гарантированы положение «духовного главы магометанской церкви» Сулу³¹, а его общине — обычные для США религиозные свободы; во-вторых, декларировалась полнота суверенных прав и власти США на всем архипелаге³² во всем том объеме, в каком США вообще пользуется своими суверенными правами («all the attributes of sovereign government that are exercised elsewhere in American territory and dependencies»).

Прежде всего бросается в глаза то, что соглашение никак не затронуло ни номинальные права султана (на титулование, фор-

---

³⁰ Речь идет лишь о территории, контролируемой американцами. Вопрос о суверенных правах Сулу в отношении Северного Борнео не был затронут соглашением, на это, в частности, прямо указывал Карпентер.

³¹ Точная формулировка оригинала — «the titular spiritual head of the Moham-
medan Church in the Sulu Archipelago». Слово «titular» в данном случае значит не «номинальный», а скорее «наделенный специальным званием». Документ упоминал как «права и привилегии», так и «ограничения», связанные с ролью религиозного лидера в американском праве. При этом нигде в документе не содержалось упоминания о том, что определение султана как религиозного лидера является исчерпывающим и что его статус отныне сводится лишь к статусу «главы церкви».

³² Суверенитет не является принципиально неделимым явлением, и признание такового за США не было фактором, с необходимостью вытеснявшим все суверенные prerogatives султана и светские права султаната. Достаточно упомянуть «ограниченный суверенитет», признаваемый в американском праве за индейскими племенами в пределах резерваций.

мальный королевский ранг и т.д.), ни его суверенные права в объеме, *не востребованном США*. Последнее в первую очередь касается дарования титулов, учреждения орденов и пожалования гербов.

Кроме того, следует учитывать, что с точки зрения традиционной доктрины исламской государственности султан — священный правитель, наделенный духовными и светскими правами глава общины верных. В этом плане он представляет собой духовно-светскую *persona mixta*, синтетический субъект права, подобно общеизвестным *personae mixtae* европейской истории: Святому престолу или Мальтийскому ордену. Как известно, их международно признанный суверенитет в принципе не зависит от обладания территорией: Святой престол сохранялся как аналогичный государству субъект международного права в период между уничтожением Папской области и созданием государства Ватикан, Мальтийский орден и сейчас не имеет территории. Экстраполяция этого принципа в исламский мир может иметь далеко идущие последствия³³, но вряд ли это причина для того, чтобы замалчивать проблему.

Сторонники принца Муэдзула (как и сторонники его «конкурентов») приводят и другие соображения в пользу неэффективности (или неполной эффективности) так называемого отречения 1915 г. Речь идет и о том, что предыдущие прецеденты с их языковыми казусами позволяли султану рассматривать очередное признание суверенитета США лишь как очередное введение протектората, и о том, что географическое определение «архипелаг Сулу» не затронуло несколько периферийных владений султана, и, наконец, о том, что внутренний документ Департамента, хотя бы и подписанный султаном, не мог менять органическое устройство султаната и тем более упразднить его³⁴. В качестве доказательства того, что султанат не прекратил свое существование в 1915 г., приводят и сохране-

³³ Стоит заметить, что это соображение в свое время стало одной из причин агрессивной позиции Ататюрка в отношении халифа Абдул-Меджида II.

³⁴ Карпентер позаботился о том, чтобы Джамал II подписал акт совместно с приближенными, но ничто не указывает на принятие решения султаном при формальном участии его совета. В этом плане договор Бейтса был составлен более предусмотрительно.

ние в публичном употреблении должностных званий («туана-панглимы» и т.п.) после подписания меморандума³⁵.

Джамал II дожил до 1936 года, доставшись «в наследство» от США автономному Филиппинскому государству, которое решило рассматривать следующего султана как частное лицо — и в итоге оказалось лицом к лицу с расколом таусугской общины. После получения Филиппинами независимости султан представлял для Манилы особенный интерес как обладатель верховных прав на земли Северного Борнео. В 1962 году вице-президент Э. Пелаэс на основании полномочий, делегированных президентом Д. Макапагалом, заключил с султаном Эсмаилом соглашение о передаче территории Северного Борнео и всех сопряженных с ней суверенных прав филиппинской республике³⁶. Состоявшийся обмен документами полностью подтвердил королевский статус султана (через употребление оборота «Его Величество»), тем самым дезавуируя «отречение» 1915 года. Позже, в 1972 году и по случаю интронизации нового монарха Сулу, Махакутты, в 1974 году³⁷, президент Маркос подтвердил признание султана и султаната (имеющего не только религиозные структуры, но и свое правительство) со стороны республики. Формально это признание, как и признание принца Муэдзула наследником Махакутты, никогда не отзывалось и не аннулировалось. Еще в конце правления султана Махакутты и особенно после его смерти в 186 году фактор *Realpolitik* пробудил активность альтернативных претендентов на трон. Филиппинская

---

³⁵ Этого не отрицали и сторонники политики губернатора Карпентера. С. Ороса, например, приветствуя «отречение» султана и падение «отжившего» режима, признает сохранение титулов и званий, пожалованных до 1915 г., хотя и настаивает на том, что султан более не вправе делать такие пожалования и назначения [Oroza 1931: 61].

³⁶ Территория Северного Борнео осталась под контролем Британии, а затем вошла в состав Малайзии как штат Сабах. Британская, а затем и малайзийская сторона признали верховные права султана, что выразилось в выплате ему ренты, но проигнорировали попытки султана и Филиппин изменить статус этих земель как отданных в вечную аренду. Существуют различные мнения насчет того, в какой мере передача прав султана Филиппинам состоялась, при том что вопрос об аренде так и не удалось пересмотреть.

³⁷ URL: <http://www.royalsultanateofsulu.org/#!news/vstc7=legal-documents>.

республика, время от времени оказывая (то на столичном, то на провинциальном уровне) те или иные знаки внимания то одному, то другому претенденту, устранилась от активного участия в решении этой проблемы. Вместе с тем принятый в 1997 году акт о правах коренных народов открывает привлекательную перспективу для интеграции султаната в легальную систему республики в качестве таусугской традиционной институции.

В завершение темы легитимности пожалований гербов (а также отражаемых в гербах титулов и орденских знаков) султаном Сулу следует подчеркнуть ошибочность обвинения этих пожалований в несоответствии конституции Филиппин. Согласно секции 31 статьи VI действующей конституции республики, не может быть принят закон, жалующий какой-либо монарший или дворянский титул. Но пожалования титулов султаном Сулу совершаются не в законодательном порядке, а в административном, имея основание не в писаном законе, а в исторически сложившихся обычаях.

Реформы 2011 г.

Зимой 2010–2011 г. ко мне обратились представители канцелярии принца Муэдзула с предложением «отредактировать» герб и флаг султаната. В первый момент я испытал неуверенность — сказались изобилие претендентов и проблемность статуса султаната. Меньше всего мне хотелось участвовать в проекте, способном приблизить гербы к объектам игр (в духе так называемых «микронаций») и тем более фальсификаций. Однако знакомство с документами позволило избавиться от сомнений и одновременно прийти к выводу: редактирования недостаточно, оба символа следует фактически разработать заново. В случае с гербом, на мой взгляд, предстояло избавиться от искусственного (с точки зрения гербоведения) помещения эмблем, не являющихся отдельными гербами, в разных полях, изменить фасон короны³⁸ и «дорастить» гербовое

---

³⁸ Корона, употреблявшаяся в символике султана и султаната перед этим, имела три видимых дуги, что соответствует королевскому сану в рамках британской модели, тогда как на европейском континенте типичный королевский венец имеет пять видимых дуг, а венец с тремя дугами часто служит инсигнией престолонаследника (Испания, Италия и др.) или принца/князя вообще. В соседней

убранство до полноты, подобающей королевству и королю³⁹. В случае с флагом следовало взять за основу композицию «американского» флага Сулу (для того чтобы подчеркнуть непосредственное преемство), но наполнить ее контуры с учетом более ранней традиции султаната. Мои предложения совпали с пожеланиями принца — изменить направление рогов полумесяца и более внятно связать герб и флаг в плане представленных на них эмблем и расцветок. Последовал обмен набросками, предложениями и замечаниями, а затем и проектами текстов, которые предстояло утвердить. Тексты актов, касающихся символики и тому подобных сюжетов, было решено и проектировать, и утверждать на английском языке⁴⁰. При этом несколько неожиданно для себя я был назначен членом совета в качестве постоянного консультанта принца по геральдическим вопросам. Конечным итогом стало утверждение герба и флага султаната. Посвященный гербу акт был принят 27 апреля принцем Муэдзулом (как султаном *de jure*) в королевском совете (RD I 2011, 5, 1) и вступил в силу 1 мая, одновременно аналогичным актом был утвержден и флаг. Отдельный документ был утвержден для регламентации употребления герба и флага⁴¹.

Малайзии султаны (имеющие при этом княжеский, а не королевский ранг) пользуются венцами разного типа — с тремя (Джохор), пятью (Тренггану, Келантан) дужками и вовсе без дужек (Селангор), а в качестве одного из знаков сана верховного правителя (короля Малайзии) используется, например на федеральных наградах, графический гибрид короны британского типа и каллиграфической виньетки. При всем этом в Испании (а также в Италии, Дании и др.) венец с тремя видимыми дугами принадлежит престолонаследнику.

³⁹ Структура герба предусматривает разнообразные включения, иногда просто дополняющие щит, иногда же специфически почетные: таковы щитодержатели, мантии и т.д.

⁴⁰ В работе над английским блазоном герба султаната я воспользовался любезными консультациями моих дорогих коллег Брюса Паттерсона (королевского канадского герольда — заместителя Верховного герольда Канады) и Ричарда Бейкера (директор Института геральдики и генеалогии, Кентерберри), которым выражаю глубокую признательность. Однако своеобразие некоторых форм и элементов, использованных в гербе, заставило меня решать большую часть возникавших вопросов самостоятельно, и в случае возможной критики итога этой работы ответственность лежит целиком на мне.

⁴¹ В духе традиционной геральдики этот акт исходит из того, что эталонной стилизации герба не может существовать и что его геральдическая идентичность определяется описанием.

Герб султаната, являющийся также гербом султана⁴², состоит в свою очередь из трех «первичных» гербов: с полумесяцем (герб, обозначающий духовный авторитет султана и одновременно служащий гербом хашемитского дома Кирамов), вратами Мекки (территориальный герб султаната Сулу) и крытой ладьей под зонтом (герб «части султаната-королевства Сулу, известной как территория Северного Борнео»). Трехполосное деление щита было заимствовано из мамлюкской геральдики. В династическом гербе месяц был дополнен «пламенем святости» — без него композиция выглядела бы слишком банальной. В центральном гербе произошло совмещение мотивов врат Мекки и Зульфикара, при этом было использовано сочетание цветов, привычное для флагов Сулу. Наконец, герб, обозначающий права султана на земли Северного Борнео, отдаленно перекликается с символикой компании Северного Борнео и с ранней версией герба Сабаха (там также присутствовала ладья), но более близкое следование «арендаторским» символам, по-видимому, было бы со стороны султана диспропорциональным. В выборе всех фигур и тинктур (гербовых цветов) принял самое деятельное участие принц Муэдзул. Им же было принято решение вовсе не использовать геральдический шлем в гербе султаната. Западный шлем смотрелся бы слишком раздражительным, а достаточно типичного таусугского эквивалента, который выглядел бы убедительно в этом качестве, по-видимому, просто не существовало. Отказ от шлема обернулся отказом также и от намета (шлемового покрывала), но не от нашлемника, было решено «по-английски» изображать нашлемную фигуру на бурлете (шлемовой повязке), как на подставке. Это стало наиболее откровенной данью геральдическому влиянию США и — косвенно — Британии, с той разницей, что в случае с гербом Сулу присутствие шлема даже не подразумевается. Его место в гербе султаната занял королевский сонгкок — церемониальная шапочка с шитьем и брошью. В самом же нашлемнике соединились Зульфикар как знак религиозной традиции и охраняемая им жемчужина, в данном случае символизирующая таусугскую культуру.

---

⁴² Принц Муэдзул все еще пользуется наследническим титулом, но, и как глава султаната, и как глава династии, располагает всеми геральдическими преимуществами правящего монарха.

Щитодержателями стали «морские тигры». Собственно, сперва я предложил пару слонов (по преданию, их завез на Сулу в конце XIV в. раджа Багинда, предшественник и тесть основателя хашемитской династии султанов [Oroza 1931: 23–24]). Но затем было решено, что прототипом щитодержателей должны служить морские чудища с дворцового портала. Однако для точной идентификации этих чудищ не доставало данных; гипотетическая расшифровка и геральдическая интерпретация их облика были бы слишком рискованны, а вносить заведомо недостоверные детали в герб султаната не стоило. Поэтому в итоге щитодержатели стали заведомо вольными отражениями загадочных морских чудищ — стражей дворца. Разумеется, подразумевается и аллюзия к льву-дельфину Филиппин, тогда как тигринный компонент выступает как коренной эквивалент львиного и одновременно, намекая на тигров в малайской геральдике, апеллирует к единству с сопредельными странами. Для того чтобы обеспечить место в гербе крису и копыю, уже присутствующим на флаге, эти атрибуты были вручены щитодержателям⁴³.

Кроме того, герб был дополнен короной, мантией⁴⁴, орденской цепью, пышным традиционным флагом-парусом (*самбулаяном*)⁴⁵

---

⁴³ Попытки оппонентов династии истолковать крис и копыя на флаге как символы разных линий наследования (см. выше, прим. 19) побудили принца, демонстративно сохранив этот знак, придать ему совершенно иное значение. Пользуясь потенциальным толкованием этих двух предметов вооружения как орудий ближнего и дальнего боя, я предложил рассматривать их как аллегория власти султана над близкими (к Холо) и отдаленными владениями и в этом качестве использовать как вспомогательный (по отношению к гербу) геральдический знак султаната.

⁴⁴ Зеленый цвет мантии был избран как соответствующий матерчатой подкладке короны (этот атрибут уже установился ранее), кайма по краю была добавлена по аналогии с полосой у древка — обычного элемента старых флагов Сулу, а языки пламени позаимствованы из династического герба. В качестве специфического варианта мантии, указывающего на суверенный статус, могла быть использована так называемая сень (мантия с куполом), однако в конце концов принц предпочел воспользоваться в качестве атрибута суверенного статуса гонфаномом, о котором см. в прим. 45.

⁴⁵ Этот флаг занял место вспомогательного атрибута суверенитета — «государственной хоругви», условного гонфанона, дополняющего или дополнявшего гербы ряда европейских монархий (Франции, Германии, Италии, России и др.).

и двумя девизами (собственно девизом и так называемым кличем).

В полном виде герб употребляется лишь на важнейших бланках, печатях и резиденциях и по наиболее торжественным случаям. Существует также малый герб (в его однополюном червленом щите присутствуют только врата Мекки под Зульфикаром); он изображается или без мантии, или без щитодержателей, и всегда без флага-паруса. Помимо этого предусмотрено, что и большой, и малый гербы могут изображаться в дальнейшем сокращении, без той или иной части принадлежащего им обрамления щита. При этом, однако, мантия не может изображаться без короны, нашьлемник и бурлет не должны разделяться, и в случае исключения мантии корона помещается над щитом вместо сонгкока и нашьлемника. Стоит заметить, что все эти условия и вольности изображения вполне соответствуют европейским геральдическим традициям, в данном случае безоговорочно принятым в качестве концептуальной основы.

Рис. 9. Малый герб султаната. Рис. автора

Как уже упоминалось, в убранство герба включена (в сильно стилизованной версии) орденовая цепь — наиболее парадный знак Королевского и хашемитского ордена Жемчужины. Разработка знаков и статута династического ордена династии Кирамов стала еще одной задачей, которую мне пришлось решать

весной и летом 2011 г. В случае статута моим соавтором стал мой лондонский коллега Рафал Хайдель-Манку, специалист в области международной орденской традиции, занявший в совете Сулу позицию шефа протокола и ответственного за международные связи⁴⁶. Свою основную цель я видел в том, чтобы представить орден, с одной стороны, как полноценный аналог европейских королевских наград, вполне сопоставимый с ними по тонкостям оформления, с другой стороны — как продолжение таусугских традиций, свободное от некритического заимствования европейских стереотипов. В силу этого я отказался от использования таких терминов, как «кавалер» (или «рыцарь») и «командор», а позиция султана в орденской корпорации была определена не как «великий магистр», но как «великий саид». В том, что касается облика знаков, я предпочитал учитывать широкий контекст, прежде всего высшие испанские ордена, британскую традицию и ее малайские рецепции. Заимствование стереотипов из различных источников⁴⁷ должно было в итоге исключить прямолинейную имитацию какого-либо одного иностранного образца. Учитывая риск дальнейших «колебаний» статуса и формального признания султаната, я предпочел определить его как династический орден, который *помимо того* принят в качестве высшей награды султаната. Девизом ордена стала формула «Вблизи и вдаль», исходно связанная с эмблемой крика и копья, но применительно к ордену характеризующая прием членов в орден как из числа жителей Сулу, так и из достойных иностранцев.

---

⁴⁶ Пользуюсь случаем поблагодарить дорогого коллегу за плодотворное и увлекательное сотрудничество.

⁴⁷ Так, идея выделить чрезвычайную, высшую степень ордена и снабдить ее лентой особой расцветки заимствована из Испании (хотя на ум приходят также прусские примеры и Таиланд); форма колодки низших степеней — в основе своей также «иберийская», с пряжкой, которая, однако, усложнена орнаментом; полные и особенно сокращенные наименования степеней и должностей в основном следуют британским образцам; выделение категории члена *jure sanguinis* — цитата из традиций духовно-рыцарских орденов; придание идентичного облика звездам первой и второй степеней выдает симпатию автора к российским императорским орденам и т.д.

Рис. 10. Герб главы династии как великого саида ордена Жемчужины. Рис. автора

Орден был основан и статут подписан 8 июля 2011 г., тогда же принц уже в качестве великого саида и во исполнение статута утвердил распоряжения, определившие вид знаков для членов ордена, а также герб и печать ордена. Знаки для должностных лиц ордена были разработаны мною в августе.

Еще до утверждения орденских документов стало ясно, что обе стороны довольны сотрудничеством и намерены его продолжить. Началось обсуждение других символов — штандарта султана, нескольких «меньших» наград, личных гербов для принцев и сановников султаната. Для того чтобы дать должную основу всей этой работе принц утвердил еще один акт — «Геральдический регламент» султаната (RD I 2011, 6, 1 от 1 июля). Написанный мною поначалу в виде справки, этот документ после минимального редактирования был превращен в королевский указ и теперь определяет официальный режим создания и использования гербов и иных геральдических символов в султанате.

Преамбула акта сообщает: «Традиция геральдики и гербов, зародившись в Европе XII века, вскоре оказалась подходящей и пригодной для исламских народов и была воспринята и развита монархами, князьями и знатью победоносных мамлюкских держав, а в более недавнее время — множеством исламских госуда-

рей, включая наших возлюбленных хашемитских кузенов — королей Иордании и Ирака. Хотя сегодня геральдические символы и их имитации используются и могут быть видимы повсеместно в мире, их использование часто бывает некорректным и лишенным всякой системы, или же унижительно подражательным по отношению к иностранным образцам. Поэтому мы сочли подобающим признать эту всемирную важность геральдических практик, принять и соблюдать общие геральдические установления в юрисдикции султаната и установить специальный отличительный свод правил для геральдики нашего султаната-королевства Сулу, что сделает геральдическую систему Сулу уникальной и доподлинно коренной и должно обогатить благородные обычаи и традиции народа таусугов и всего султаната Сулу».

Акт дает определение геральдики во вполне консервативном европейском ключе, определяет природу герба как почетного знака (с оглядкой на британскую доктрину — герб «отражает почести» и «сам по себе есть почесть»), устанавливает общее право на герб («I.3. Любое семейство или род благородного таусугского народа имеет право на герб, каковое право милостиво распространено на все семейства, члены которых или обитают в пределах нашего султаната Сулу, или имеют перед ним заслуги, или достаточно сильные связи с ним, независимо от происхождения, нынешнего положения в обществе и веры») и определяет соотношение между родовым и личным гербом. Указывается, что герб нельзя купить и продать и что он неотчуждаем иначе как решением султана. В плане структуры герба акт провозглашает принцип «один род — один неделимый герб» и формулирует исключения из него, заменяет шлемы сонгкоками, отражающими титул и ранг владельца (вслед за королевским гербом), устанавливает иные статусные и почетные атрибуты. Поясняется, что герб, установленный в юрисдикции Сулу, предназначен для использования в пределах султаната, *а также везде*, где такой герб не противоречит местным законам и обычаям. В отношении геральдических систем Филиппин и Малайзии геральдика Сулу позиционируется исходя из принципа автономии.

Акт также относит к геральдическим символам различные типы специальных геральдических флагов, «изобразительных

девизов» (badges) и ливрей (в позднесредневековом смысле слова, имеется в виду цветовой и эмблематическое оформление униформ и связанных с ними знаков).

Помимо этого, акт устанавливает три способа приобретения герба в Сулу — путем суверенного принятия герба (самим монархом), пожалования (на основании монаршего распоряжения) и сертификации (осуществляемой уполномоченным чиновником без обращения к султану). Пожалование бывает необходимо, если обладатель герба имеет высокое достоинство (является принцем крови — «*королевским дату*» или жалованным князем — «*дату саджа*»), а также если предполагается внесение в герб каких-либо специальных знаков, связанных с государственной символикой Сулу и с особой милостью султана. В большинстве других случаев человек, желающий обзавестись гербом, может довольствоваться сертификацией.

Чиновник султаната (он же и династический чиновник при султанине), ответственный за геральдические дела и оформляющий пожалования и сертификаты, имеет звание гербового короля-хрониста⁴⁸ и специальное должностное имя «Врата» (*Lalabayan*)⁴⁹, по условному изображению врат Мекки в гербе султаната. Султан назначает его после обсуждения кандидатуры в совете, назначение делается на определенный срок или пожизненно, но всегда может быть отозвано султаном. В ведении Врат находится все геральдическое делопроизводство и вся деятельность других гербовых служащих, если таковых потребуются назначить. Он уполномочен толковать геральдические нормы применительно к реалиям и обычаям султаната. В своей работе Врата должен следовать не только законам Сулу, актам султана и своим профес-

---

⁴⁸ Гербовый король (Rex armorum) — принятое в геральдической традиции наименование высшего ранга гербовых служащих, стоящих выше собственно герольдов и ассистирующих им персевантов. Гербовый король-хронист — специфически испанское звание.

⁴⁹ Наделение гербовых служащих должностными именами — еще один старый геральдический обычай. Например, главный гербовый король Англии — Подвязка, гербовый король Шотландии — Лев (Lord Lyon), высшим гербовым служащим короля Франции при старом режиме был гербовый король Иль-де-Франса с именем Монжуа и т.д.

сиональным критериям, но и накапливающимся прецедентам, которые со временем призваны сформировать уникальный облик геральдики султаната. Памятуя о сложности геральдической терминологии и для того чтобы не делать таусугский язык объектом вынужденно спешных экспериментов, принц Муэдзул принял решение составлять блazoны гербов и бoльшую часть геральдических документов султаната либо по-английски, либо по-испански⁵⁰.

26 сентября 2011 г. были изданы первые пожалования — наследнику престола (*Maharaja Adinda, de jure Raja Muda*) и одному из «заморских» друзей султаната, удостоенному княжеского титула (*Datu Saja*). В итоге несколько неожиданного стечения обстоятельств оба документа были подписаны и скреплены печатью в стенах Петропавловской крепости. Если эмблематические новшества принца Муэдзула получают достойное воплощение и развитие, это обстоятельство станет не просто курьезом, но и замечательным символом сотрудничества, преодолевающего все преграды и расстояния.

Литература

Allan 1970 — Allan J.W. Mamluk Sultanic Heraldry and the Numismatic Evidence, A Reinterpretation // Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1970. Vol. 2. P. 99–112.

Boulton 2006 — Boulton J.D'A. The origins of a damnosa haereditas: the degeneration of heraldic emblematics in the United States and the origins of the sigilloid display-emblem, 1619–1798 // Genealogica & heraldica. Patrimoine du futur. Actes du XXVIe Congrès international des sciences généalogique et héraldique, Bruges, 2004. Vlaamse Overheid, 2006. P. 121–147.

Gowing 1977 — Gowing P.G. Mandate in Moroland: the American Government of Muslim Filipinos 1899–1920. Manila, 1977.

Jesús 1952 — Jesús P.D. de. España, en la heráldica de Filipinas // Numisma. 1952. II.3. P. 67–71.

Mayer 1937 — Mayer L.A. New material for Mamluk heraldry // Journal of the Palestine Oriental Society. 1937. Vol. 17. P. 52–62.

---

⁵⁰ Вслед за этим актом принц утвердил мое не ограниченное сроком назначение на пост *Lalabayan*'а. Должностной патент определил мои служебные полномочия несколько полнее и шире, нежели «Регламент».

Oroza 1931 — Oroza S.Y. The Sulu Archipelago and Its People. N.Y., 1931.

Pastoureau 1993 — Pastoureau M. Traité d'héraldique. 2me éd. P., 1993.

Report 1916 — [s.n.] Report of the Philippine commissions to the Secretary of War. 1915. Washington, 1916.

Trapero 2007 — Trapero M.R. La reforma monetaria de Felipe V: su importancia histórica // VI Jornadas Científicas Sobre Documentación Borbónica en España y América (1700–1868). Madrid, 2007. P. 383–402.

Часть II

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

W. De La Peña

REVISITING THE GOLDEN AGE OF FIL-HISPANIC LITERATURE (1898–1941)

Literary histories, written both in Spanish and English, put the American colonial period (1898–1941) as the Golden Age of Fil-hispanic Literature. It is an assessment which has, by large, gone unquestioned. The paper examines the reasons behind this assessment and problematizes its relevance.

A Brief Survey of Fil-hispanic Literature during its Golden Age

When the Philippine-American War (1899–1902) ended, little did the period's leading Filipino writers in Spanish realize that a new war had just begun. The conflict they just fought, better known as the Philippine Insurrection in American historiography, led to a cultural upheaval which presented the Fil-hispanic literati — most of them staff members of *La Independencia*, the organ of the then nascent republic led by Emilio Aguinaldo (1869–1964) — an unexpected challenge.

In the beginning of the U.S. colonial period, the leading writers of the revolution — poets Fernando Ma. Guerrero (1878–1929), Cecilio Apóstol (1877–1938), and Jose Palma (1876–1903), and journalist Rafael Palma (1874–1939) — would be joined by younger colleagues: poets novelist Jesus Balmori (1887–1948) and poet Manuel Bernabe (1890–1960), and poet-dramatist-essayist Claro Recto (1890–1960).

Much later, the group would grow bigger with the inclusion of those from the generation born during the American period: novelist Antonio Abad (1899–1970), essayist and poet Enrique Fernandez Lumba (1899–1990), poet and fictionist Evangelina Guerrero Zacarias (1904–1949), fictionist Enrique Laygo (1897–1932), poet Flavio Zaragoza Cano (1892–1994) and essayists Teodoro Kalaw (1884–1940) and Jaime de Veyra (1873–1963).

These old and young writers would produce a rich harvest of literary titles.

Among novelists, Abad would stand out as the undisputed leader. Three of his four novels — “El Último Romántico” [Abad 1927] (“The Last Romantic”), “La Oveja de Nathan” [Abad 1928] (“Nathan’s Sheep”), “El Campeón” [Abad 1939] (“The Champion”) — would all win literary awards. Two decades after the gold age ended, he published his last novel, “La Vida Secreta de Daniel Espeña” [Abad 1960] (“The Secret Life of Daniel Espeña”), would be a finalist in a literary contest in Spain [Mariñas 1974].

Coming at close second was Jesus Balmori, who would come out with two novels detailing the “morality sins” of the Spanish-speaking urban middle class, “Bancarrotta de Almas” [Baltori 1910] (“Bankruptcy of the Soul”) and “Se Deshojó la Flor” [Baltori 1915] (“The Flower Has Lost Its Petals”). These two oeuvres critiqued the effects of a slowly-Americanizing elite, exemplified by the fates of their lead female protagonists who would explore the newly-opened social spaces created by “Americanization.” Balmori’s third novel, “Los Pájaros de Fuego” [Baltori 1945] (“The Birds of Fire”) would come three decades later, a fictional representation of World War II Philippines.

Theater genre, one of two genres which played an important role in the Spanish-speaking native elite’s social life, would be best remembered for two works of a young Recto: “Sólo Entre las Sombras” [Recto 1917] (“Alone in the Dark”) and “La Ruta a Damasco” [Recto 1918] (“The Road to Damascus”). Like Balmori’s first two novels, they hinted at the negative effects of “Americanization” even as they portrayed the male *ilustrados* of the time as the patriots defending Filipinas, the Madre Patria, which was then struggling to attain self-determination. After the controversial Recto, Abad would be considered second in the pantheon of pre-war playwrights.

Poetry would be the second genre which became part of the elite’s social life. In a time given before television and internet-based entertainment, literary-musical programs staged in public functions or parties held in the homes of the rich, poetry was recited by señoritas and eloquent-sounding señores. Most of the poems which appear in Recto’s “Bajo los Cocoteros” [Recto 1911] (“Under the Coconut

Trees”), his sole poetry anthology, are dedicated to certain *ilustrado* individuals and recited during those cultural programs.

While Fernando Ma. Guerrero would be held as the El Maestro, the dean of Fil-hispanic poets, and his anthology “Crisálidas” [Guerrero 1914 (“Chrysalis”)] would be held in admiration for the way it showcased his mastery of poetic composition norms of the period, Recto’s “Bajo los Cocoteros” and Apóstol’s posthumous “Pentélicas” (1941) [Apóstol 1950] would likewise meet with critical acclaim. But the highest honor should probably go to Balmori and Bernabé.

Balmori, who published his first poetry anthology, “Rimas Malayas” [Baltori 1904] (“Malay Verses”) during his late teens, amazed the Fil-hispanic literary world with a “grand slam” in 1908 when he won all three prizes — first, second, and third — in a poetry contest organized by the nationalist newspaper “El Renacimiento” in commemoration of the death of Jose Rizal (1861–1896), the national hero. In 1928, he would publish “El Libro de Mis Vidas Manileñas” [Baltori 1928] (“The Book of My Life in Manila”), an anthology of his collection of satirical verses which appeared in his newspaper column “Vidas Manileñas”.

But Balmori’s crowning achievement as poet would be his triumph in the 1940 Commonwealth Literary Contests, where his “Mi Casa de Nipa” [Baltori 1941] (“My Nipa Hut”) would win first place in the Spanish language category.

Bernabé first won the Premio Zobel — the highest literary award for a Fil-hispanic writer created in 1920 — in 1924 for his Spanish translation of Omar Khayyam’s Rubaiyat. Two years later, he shared the prize with Balmori for their poetic jousts called Balagtasan, named after a leading 19th century Tagalog poet, Francisco Balagtas.

To Bernabé would go the record for the thickest poetry anthology ever produced in Fil-hispanic literature, the 330-page “Cantos del Trópico” [Bernabé 1929] (“Songs from the Tropics”). It is a volume which carried several poems which celebrate Madre España, the figure of Spain as his generation’s cultural mother, defend the Spanish language as Philippine cultural patrimony, and affirm the Fil-hispanic identity of Filipinas.

Laygo, despite an early death, would be considered as an important short story writer. Among the period’s few women writers, Evangelina

Guerrero-Zacarías, the champion of the sentimental genre *prosa lírica*, for which she would share the 1935 Premio Zóbel with Jose Reyes, would stand out as the best. Except for a few titles, her stories remain unpublished, despite retrieval from microfilmed copies of pre-war periodicals.

The essay would have as champions the likes of Recto, Fernández Lumba, de Veyra, and Kalaw. Notable published compilations would include Recto's "Monroísmo Asiático" [Recto 1929] ("Asian Monroeism"), and Teodoro Kalaw's "Dietario Espiritual: 1926–1927" [Kalaw 1930] ("Spiritual Sustenance: 1926–1927"). Fernández Lumba and de Veyra, whose works appeared in periodicals, would wait until years after the end of World War II before coming out with their own book anthologies. Fernández Lumba published his 1955-winning Premio Zóbel entry, "Hispanofilia Filipina" ("Philippine Hispanophilia") in 1984 [Lumba 1984]. De Veyra's "Hispanidad en Filipinas" ("Hispanidad in the Philippines"), finished in 1940, was published in 1961 in Madrid [De Veyra 1961].

The abovementioned writers constitute the better known personalities in the Fil-hispanic canon. But for each name, several others are left unmentioned. By the end of 1941 when the Japanese invasion would usher in a new era in Philippine literature in Spanish, there would be dozens of names of Fil-hispanic writers to be found in the different literary histories [Alinea 1964; Brillantes 2006; Mariñas 1974].

But there was one sad realization pre-war Fil-hispanic writers had to accept: while they lived the years of the "golden age," it was also the time that saw the emergence of a new generation, which was, unlike their elders, an English-speaking crop. That meant the loss of an audience.

Why Was the American Colonial Period Fil-hispanic Literature's Golden Age?

What made the American colonial period (1898–1941) the golden age of Fil-hispanic literature? For the answers, we turn to literary histories. In what is a sad commentary on Filipino academics' neglect of Fil-hispanic literary studies, principally due to the language barrier, only two titles have been the sources of information on Fil-hispanic

literature until 2000: writer Estanislao Alinea's "Historia Analítica de la Literatura Hispanofilipina (Desde 1566 Hasta Mediados de 1964)" [Alinea 1964] and Spanish diplomat-turned-literary-historian Luis Mariñas' "La Literatura Filipina en Castellano" [Mariñas 1974]. The first is literary history for Spanish-reading Filipinos; the latter is for Spaniards curious about Filipiniana letters in Spanish.

For almost three decades, scholars of Fil-hispanic literature had to work with Alinea and Mariñas' narratives. In 2000, a new narrative would come out courtesy of Lourdes Brillantes, a retired U.P. professor of Spanish and Premio Zóbel winner for 1998. Her "80 Años del Premio Zóbel" is a history of the literary award [Brillantes 2000]. A Spanish version, but an expanded one, appeared in 2006, "81 Years of the Premio Zóbel" [Brillantes 2006]. Unfortunately, with the award now defunct, Brillantes' works can be read as its Requiems, attempts to document a little-known institution's eight decades of existence.

From Alinea, to Mariñas, then to Brillantes, there is one explanation given for the designation of the years 1898–1941 as Fil-hispanic letters' golden age: the rich volume of literary output produced. Three main reasons have been advanced for this development: a) the relative (compared to the Spanish era) freedom of expression during the American period; b) the publication venues provided by the various Spanish language periodicals and English language periodicals with Spanish sections; and c) the presence of the Premio Zóbel.

Fil-hispanic literary scholarship in recent years has also cast light on the discourse of the writers of the period. While early works focused on the ideological dilemma of cultural re-engineering — the "Americanization" of Hispanized Philippine society — even as they also played on the theme of self-determination and independence aspirations, one critic [Imson 1991] would point out that the output of the peacetime (the colloquial Tagalog term used to describe the pre-war period) generation responded to what can be considered as its "cultural code."

This "cultural code" would emphasize the defense of things Fil-hispanic (read: Hispanic elements which have penetrated the Filipino cultural psyche and which have since been appropriated as "Filipino" since 1898) in Philippine society. At the core of this "Fil-hispanicness" is the possession of the Spanish language.

This advocacy for the Spanish language — and by extension, Hispanic culture in the Philippines — as Filipino cultural patrimony explains the pro-Spanish stance taken by Fil-hispanic literati in their writings, an attitude which another generation of Filipino intelligentsia, now solely English-speaking would dismiss as nostalgia for a colonial past.

For the era's Fil-hispanic writers, they were defending Philippine culture. It was a mere accident of history that their intellectual development would be conducted in Spanish. They should not be faulted for expressing themselves in their language of training, the same way as the generations which succeeded them, at least until the 1960s, did so in English.

Indeed, it is a loss to the present-day generation that due to the American interruption of the historical process, resulting in the spread of English rather than Spanish among the population, post-Cory Aquino-born Filipinos (half of the population is aged 15 years and below, or born after 1994) cannot discover first hand — linguistically, that is — how peacetime Fil-hispanic writers critiqued American ideological indoctrination; glorified personalities enshrined in the Philippine pantheon of heroes, especially Rizal; affirmed Philippine cultural identity by inscribing the country as both *Malakas* and *Maganda* (“Strong” and “Beautiful”), the country's mythological ancestors. In short, how despite writing in Spanish, they wrote about being Filipinos.

Had no American intervention come in 1898 and in the years that followed, the Philippines would have gone the same course taken by former Latin American colonies of Spain: with a Spanish-speaking native elite, the first post-revolution generations would be the ones institutionalizing the spread of Spanish in the archipelago, looking at it as the lingua franca that would unite the people coming from several ethno-linguistic groupings, building an educational system which would teach Spanish and erecting socio-political structures which would retain

Spanish as the language of power and prestige.

What the Americans made English do during what is popularly referred to as the Philippines' “fifty years in Hollywood” after “300 years in the convent,” the predominantly-Spanish speaking intelligentsia of 1898 would have had Spanish do.

This situation is directly connected to this present revisiting of the years 1898–1941 as the “Golden Age” of Fil-hispanic literature. For those of the current generation studying Philippine literature who are lucky to touch on Philippine letters in Spanish, the denomination of “Golden Age” for this period only comes across as a historical abstraction. Personally for them, there is nothing “golden” to the period except for its label.

Fil-hispanic Literary Studies in the 21st Century

An examination of Philippine literature textbooks will show the marginalization of the study of Fil-hispanic letters. There are hardly any references to the literary output, except for the leading writers — Guerrero, Apóstol, Bernabé, Balmori, and Recto — and not all of them are not usually mentioned all the time. Rizal’s novels and works — whose study is ordained by a law promulgated half a century ago by no less than Recto, by then already transformed into one of the country’s leading politicians — are the only ones easily accessed by the present generation, even albeit in translations.

The marginalization thus occurs at two levels: inside Philippine literature classrooms, because the focus is more on Rizal; and in the scholarly literature, because there are less and less Filipino academics literate in Spanish and working on Fil-hispanic letters. The result is the teaching of Philippine literature as if only a scarce output in Spanish had been produced, and most of them only up to 1898; and the continued absence of the literary production in Spanish in the overall valuation of Philippine letters.

Since 1987, when the legislative-mandated compulsory study of Fil-hispanic literature was abolished, Philippine writings in Spanish are now mainly studied only by graduate students who choose Fil-hispanic letters as their area of specialization. The absence of a Spanish-reading public has not encouraged the reprinting of the works in their original version. Except for a very small number, Fil-hispanic writings can now be classified as rare books. Only Recto — whose family has established a foundation which collected and published his writings in nine volumes in 1990, the year of his birth centenary — enjoys the special privilege of having his works available to the serious researcher.

How is this situation to be resolved? The same way the problematic situation was created: lifting the linguistic barrier while preserving the original works for the enjoyment and appreciation of future Filipino hispanoparlantes.

Beginning with the present-day generation, efforts should be made to preserve original texts for posterity. At the same time, these texts should be translated into the language(s) of training of the current and future crops of intelligentsia: in Filipino and in the other regional languages.

Only by doing so can an earnest study and valuation of the Fil-hispanic literary output be done. Only by making the original works linguistically accessible to current and future generations can the scholarship on Fil-hispanic literature be fully integrated with mainstream Philippine literature. Translations have indeed been made [Cuentos 1987; Philippine 1989; The Other 2002] but they constitute, at best, sporadic attempts which are not sustained for a length of time.

While Recto may rage in his grave about having Filipinos read his and his colleagues' works in translation, a compromise has to be done: better translated and read, than linguistically untouched and forgotten. Recto himself, being the champion of the Rizal Law — which allowed generations of Filipino students to be familiar with the national hero's literary output--would understand.

Hopefully, in the next few decades, the label "Golden Age" to refer to the period 1898–1941 for Fil-hispanic letters would be a designation Filipinos would have as a lived experience, having read, accessed, and critiqued the literary output.

Bibliography

Abad 1928 — Abad A.M. *La Oveja de Nathan*. Manila: Editorial La Opinion, 1928.

Abad 1960 — Abad A.M. *La Vida Secreta de Daniel Espeña*. N.p.: Phoenix Press, 1960.

Alinea 1964 — Alinea E. *Historia Analítica de la Literatura Hispanofilipina (Desde 1566 Hasta Medios de 1964)*. Quezon City: Estanislao Alinea, 1964.

Apóstol 1950 — Apóstol C. *Pentélicas*. Manila: Editorial Hispano-Filipina, 1950 [1941].

Balmori 1910 — Balmori J. Bancarrota de Almas. Manila: Manila Filatélica, 1910.

Balmori 1915 — Balmori J. Se Deshojó la Flor. Manila: n.p, 1915.

Balmori 1941 — Balmori J. Mi Casa de Nipa. Manila: Gráfica, 1941.

Bernabé 1929 — Bernabé M. Cantos del Trópico. Manila: San Juan Press, 1929.

Brillantes 2000 — Brillantes L.C. 80 Años del Premio Zobel. Manila: Instituto Cervantes and Fundación Santiago, 2000.

Brillantes 2006 — Brillantes L.C. 81 Years of Premio Zobel: A Legacy of Philippine Literature in Spanish. Makati: Georgina Padilla y Zóbel Filipinas Heritage Library, 2006.

Cuentos 1987 — Cuentos de Balmori / Translated by Pilar Mariño. Metro Manila: National Book Store, 1987.

De Veyra 1961 — De Veyra J.C. Hispanidad en Filipinas. Madrid: Círculo Filipino de Madrid, 1961.

Kalaw 1930 — Kalaw T.M. Dietario Espiritual, 1926–1927. Manila: n.d., 1930.

Lumba 1984 — Lumba F. Hispanofilia Filipina. [1984].

Mariñas 1974 — Mariñas L. La Literatura Filipina en Castellano. Madrid: Editora Nacional, 1974.

Philippine 1989 — Philippine Short Stories in Spanish, 1900–1941 / Translated by Pilar Mariño. Quezon City: University of the Philippines Diliman Office of Research Coordination, 1989.

Recto 1911 — Recto C.M. Bajo los Cocoteros. Manila: Librería Manila Filatélica, 1911.

Recto 1929 — Recto C.M. Monroísmo Asiático (Artículos de Polémica) y Otros Ensayos. Manila: Imprenta de Juan Fajardo, 1929.

Recto 1990 — Recto C.M. The Complete Works of Claro M. Recto. Centennial edition / Compiled and annotated by Isagani R. Medina and Myrna S. Feliciano. Pasay City: Claro M. Recto Memorial Foundation, 1990. 9 vols.

The Other 2002 — The Other Stories (1900–1910): English Translation of Selected Philippine Short Stories in Spanish / Translated by T. Alcantara et al. Mandaluyong City: Carl Printing Press, 2002.

A. A. C. Umali III

**LEARNING FROM THE MASTERS:
TEACHING IFUGAO *HUDHUD* CHANTS,
SAN DIONISIO *KOMEDYA* AND THE BONTOC
EAGLE DANCE IN THE CLASSROOM**

Lubos po kaming nagpapasalamat sa Kunstkamera sa pag-imbata sa amin para makapiling ninyo sa napakahalagang araw na ito ng Pilipinas Muna. Lalung-lalo na kay Dr. Maria Stanyukovich at sa lahat ng paghihirap na dinaanan niya para sa paghahanda kaugnay ng pagdalo namin ngayon. Nagpapasalamat din po kami Kay Philippine Ambassador Victor G. Garcia III, kay Consul Roderico Atienza sa lahat ng kanilang tulong. Labis po akong natutuwa na makapiling kayong lahat na nagtuturo at nag-aaral ng aming kultura.

This paper will discuss how the living performance traditions of the Ifugao *hudhud* chants, San Dionisio *komedya* and the Bontoc eagle dance are taught and transferred to the younger generation in a fun and enjoyable manner in the confines of the classroom at the University of the Philippines Diliman.

My interest in experiential learning or “learning a performance tradition (the actual movements and the chanting) directly from the master” can be traced years back when I went to Kyoto, Japan, as a graduate student, to study how Japanese theatrical traditions are preserved and transmitted from generation to generation. I was hoping that I could contribute to creating awareness and generating interest in Filipino and other Asian performance traditions and the preservation and revitalization of Filipino performance traditions here in the Philippines.

In Kyoto, I was introduced to the concept of “*keiko*” or training-rehearsal. The core of the training during “*keiko*” is the direct one-on-one encounter between master and student. The mode of teaching is oral and follows traditional methods of teaching and learning by rote repetition with little or no discussion of the philosophy or history or

spiritual basis of the performance traditions. The master demonstrates and the student observes (観察をする) and imitates (真似をする) what the master executes. They repeat (繰り返す) the pattern over and over again until the body (of the student) remembers (体で覚える) how to execute the movement and how dialogue is chanted or delivered and until the student gains, to a certain degree, a mastery of the form.

While attending separate training-rehearsals conducted by masters of Kyogen, Kabuki and Noh Theatre, I couldn't help but wonder why in my 3 years as a theatre student at the Philippine High School for the Arts and my 4 years as a theatre student in UP¹, I never had the experience of learning how to perform any of the Philippine performance traditions. In my theatre classes, we were never taught how to recite a passage from any of our epics nor of the pasyon, nor did we learn how to execute the *batalla* of the *komedya* nor sing an excerpt from a *sarswela*.

Back then and perhaps if I may be allowed to say so, until now, when we study Philippine Theatre forms, we only study its history, we look at pictures of “the glory that was *Komedya*” and “the grandeur that was the *Sarswela*”, we watch a re-staging of the form on video and, once in awhile, if we are lucky, we could watch an actual re-staging at the CCP² or in UP. Most of the time, we read about the description of the forms like they are some archeological materials and museum pieces and we “imagine” how the forms were performed in the past. We talk about how the forms are preserved in certain places in the Philippines but preservation is never our concern. We never go out of our way to immerse ourselves in places where performance traditions have survived to learn the form, perhaps afraid to leave the confines of our comfort zone in the university or taint its “legitimate” practice of theatre, which traces its roots to Greek theatre.

The closest I can recall of an encounter with Asian performance tradition in high school was staging a Kyogen, a Japanese comic play. George Hernandez, my theatre mentor in high school, directed the Kyogen play, “*Busu*” using the English text translated as “Poison”.

---

¹ UP — University of the Philippines.

² CCP — Cultural Centre of the Philippines.

The use of a Kyogen text and the absence of a set in its staging is the closest it can get to a Kyogen performance. Its staging was nearly realistic, a far cry from the stylized movements and delivery of lines in a Kyogen performance which one can achieve only after constant training and practice.

My exposure to Japanese performance tradition made me understand that both the written text and the director come secondary to the actor. What is most important is the actor — training his body and voice. Because in performance traditions, the actors embody the form. The actor has very little freedom to interpret the text, in any way he wants to, because the performance of the text has been codified by the actor, the way it was taught to him by his father and the way his father learned it from his grandfather— through what we call “*salinlahi*” or transfer from one generation to another.

During training-rehearsal in Kyoto, oftentimes I would ask myself, how will devoting hours, days and weeks learning Japanese forms help me fulfill my dream of creating awareness and interest in Filipino and other Asian performance traditions and their preservation and revitalization?

The first opportunity came after I returned to the Philippines and joined UP. Tony Mabesa wanted to stage a Kabuki and he asked me to co-direct *Kanjincho*, a Kabuki performed by Filipinos in UP and CCP in 2003. It was my earnest hope that by looking at a Japanese performance tradition, we would know more about ourselves as Asian and as Filipino. We devoted 6 months training with three Kabuki masters. All those time, there was this nagging question inside me — shouldn't we be devoting those long hours training Filipino actors and theatre enthusiasts to master Filipino forms also and not only the Japanese form?

The second opportunity came in January 2006 by way of **Hudhud and Noh, A Dialogue of Cultures, Colloquia and Performances**. Dr. Maria Stanyukovich was kind enough to join us in this event by presenting a paper. The fateful inclusion of Hudhud of the Philippines and the Noh of Japan in the very first proclamation in 2001 of UNESCO's Masterpieces of the Oral and Intangible Heritage of Humanity provided an inspiration for a dialogue, symbolic of the

celebration of the golden years of diplomatic relations between Japan and the Philippines.

In this dialogue, the Hudhud and Noh culture-bearers were made to take center stage to talk about their tradition and to perform it. Scholars who study the form and artists who adapted the form were made to present their works after the masters talked and performed. Students were assigned to help organize the important event. Responding to the challenge, they took the initiative of reading about the two forms and conducting their own research and group discussion, making them more knowledgeable about the Noh and Hudhud far better than if they just sat in the classroom listening to my boring lecture or watching a powerpoint presentation. By the time they witnessed an excerpt of a performance they were already more than receptive to the idea. One student, Catherine B. Contreras 2002–09224 who participated in the event commented: “Holding such an event was not only interesting but socially-relevant. It did not only create awareness and knowledge about other cultures but, more importantly, it gave us an opportunity to further appreciate our own traditions”.

Another student participant Vivitz Grace G. Vina said: “It was a good thing that the flow of thought was organized in such a way that sufficient information was provided for the listeners who were new to the concept of these traditional performing arts of both countries. The performances were a good way to start the event especially because they were performed by people who really practice the art and are so-called masters in their own right. It was an excellent bird’s eye view of the whole event”.

The third opportunity came when we organized the **UPCIS³ School of Living Traditions: The Ifugao *Hudhud* Chants and the Japanese Noh Theatre**. Here both the culture bearers of the *Hudhud* and the Noh imparted their skills to UP students following traditional instruction of observation, imitation and repetition. The two main facilitators, who are both culture-bearers and academicians, combined the physical experience with some theoretical or philosophical and spiritual discussion of the form, which further enhanced learning. Jenny Rose S.Unawa (2005) a student who took part in the event

---

³ UP Center of International Studies.

explained: “Learning the *hudhud* chant was a hard task at first. It was like singing a song with a very unfamiliar tune but with the smiling faces of our mentors and their full-hearted willingness to teach the class, quitting became a harder task. We attended every time permitting sessions, listened to the chants, learned the words’ meanings and understand the underlying story. Some terms became familiar and we even became curious of their dialect. Common greetings can be found in the chant. We find it very surprising to know that there are hundreds or even thousands of versions of the chant...The chants became more and more familiar as we attend the sessions. The words are no longer difficult to pronounce and we even memorized some of its lines. Sometimes, we even unknowingly chant to ourselves. We first thought that we just need to chant with the teachers and pronounce whatever they are pronouncing. But we later know that we were wrong. The once hard task became an unforgettable song that we will always sing”.

Another student who engaged in the activity Mark Joseph M. Banaria wrote: “At first I find it a little strange to be attempting to perform a chant, which I never even had interest in, and more so, one, which sounded a little too different from mainstream music. The content seemed to be ordinary tribal with the “god creating man, man meets woman, and woman finds another man kind of story,” and the tune, well, I could only hope there was any. I was already getting bored just by the thought of it until I actually listened to the real thing and found myself yearning mightily to do it like they did. Truth be told, I was greatly enchanted. They sung so effortlessly and leisurely, yet it sounded so profound and coordinated. It was totally different from how we improvisingly sang it like a choir, restraining ourselves from stretching our throats, and staring too hard on the lyrics, as if it were a music score. I was inspired to discover the secret behind enjoying the chant and ultimately understanding its worth. As we practiced further, I took mental notes of how our Ifugao guests did it marvelously, and I was surprised to realize they never read any lyric and they were closing their eyes. They never actually cared to make a perfect tune, and yet they sounded pleasant singing together. Not long after, I was chanting, free of any restraints and awkwardness. I immersed myself in the chant and tried to visualize the content. I began to feel as if I was narrating the story to myself, singing in such a carefree manner

that made me feel entertained. Although I didn't get to do it as well as they did, I achieved such an understanding of the music that I was surprisingly enjoying it, which I just found out was the whole point in doing it".

The fourth opportunity came with **Komedya Oh Noh! Workshop at Huntahan ng mga Batikang Aktor Kadoble ang The Italian Restaurant**. Here the culture bearers of the Komedya conducted the workshop among UP students following traditional instruction of observation, imitation and repetition. A participant to the workshop, Kenna Barit (2007), a BSBE student affirmed: "The... most exciting part was the national theatres of Southeast Asia and *Komedya*... With the help of the different learning aids like reporting, lecture/keynote speech of Dr. Nicanor Tiongson and the *Komedya* Fiesta 2008: First national *Komedya* Festival, we understood and experienced real life *komedyas*, not just in books and reading materials. My favorite part was the Friday *Komedya* shows, wherein I was able to watch three (3) of them. *Komedya ng Iligan*, *Komedya ng San Dionisio* and *Komedya ng Don Galo*, which both performed Prinsipe Rodante. Surprisingly we had *Komedya* workshops and there we learned the basic marches and fight scenes of the komedyantes. I'm one of the 6 chosen people to perform at Aldaba Hall this Wednesday and I'm so excited about it. I also loved seeing Prinsipe Aladin himself, teaching us the "moves" in the workshop".

Leslie Ann Aguirre, another participant who is a BS Architecture student wrote: "Honestly, I was reluctant to watch the *komedyas* performances but watching it was worth every bit of my time. To watch the *komedyas* is something special, but to increase the excitement even more is to learn the *komedyas* moves (*marcha*, *dicho* etc) through the workshops during our class hours. At some point, I realized the great effort of actors and actresses with every performance. And those swords aren't as light as they look. I got to try to experience handling it, firsthand, when I volunteered for the class performance of the *Komedya* during the "*huntahan*". It was fun, although nerve-wracking to be watched by all the other students".

Kimberly Alcaroza observed: "Having been practically force-fed buckets of komedyas this semester, I can genuinely say that I've gained

a new appreciation for a performance art I never even knew existed at the start of the semester”.

Krystal de Vera (2006) wrote: “For me, this part was really exhausting but at the same time fun and enjoyable. I mean we were made to go to many talks and other events and with all honesty, it ate up most of my time. However, after going to a particular event, I leave with either a smile on my face or with new knowledge. In general, I guess I liked this... because it was more interactive than just listening to lectures. I believe that students learn more and better when they acquire first-hand experience of things than just by listening to them”.

I would like to add than just by reading and imagining about them.

The fifth encounter came with **The UPCIS Workshop, Colloquia and Performances on Living Traditions: The Celestial Maiden of Southeast Asia and Japan**, which we organized in March 2009. The celestial maiden is a heavenly being who comes down to earth to take a bath, falls in love with a mortal who hides her wings preventing her from going back to heaven. To represent the Philippines in this event are the Kankanai's of Bontoc, Mountain Province who taught our students the eagle dance. A student from Baguio, Jaimar Palispis commented: “...the Cordillera group... was for me the most interesting. It portrayed an Igorot cultural representation of the celestial maiden different from the others because the Igorot culture had 10 maidens in a single story. Coming from Baguio, I can deeply relate with the dancing style that was... rooted in the traditional dances of the Cordilleras, such as the Cañao, on which the feet pattern resembles alternating back and forth movement, compensated by smooth transitions of their hands creating a sensation of femininity...”

This face to face and direct encounter with culture-bearers and masters of the tradition give the students a peek into a window of cultural traditions, which are ancient because of its long history but at the same time contemporary, having been kept alive and preserved as a living form by practitioners of the form who ensured its transmission to the next generation.

Our students who took these short experiential courses with the masters will never become masters of the performance traditions, well, they could, if they so want to but that would entail a lot of time,

dedication and commitment, which I hope will awaken one or two or three of our students. But for me, what is most important, is that at a certain time in their young lives they were able to experience being part of a performance tradition which taught them respect for cultural differences, made them deepen their appreciation of their own culture to the point of being proud of it and understanding the need to hand it down to the next generations. Let me end this paper by quoting from a group paper read by Jarrie Roman: “However short the workshop was, it is still essential because it raised our awareness on our oral and intangible tradition. It made us recognize the importance of our cultural heritage in maintaining our cultural identity. On top of all these we have felt the need to safeguard and revitalize it so we can hand it down to future generations. It is a link to our past and it must also be a link to our future. It is so precious that we should not let it fade away”.

Ю. Е. Березкин

ЧЕТЫРЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВА ИЗ ТРЕХ ЭПОХ В ИСТОРИИ ФИЛИППИН И ИНДОНЕЗИИ

Статья основана на электронном каталоге мифологических мотивов, который доступен на сайте <http://starling.rinet.ru/kozmin/tales/index.php?index=berezkin>. Последнее обновление состоялось в феврале 2012 г. Работа поддерживалась программой Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Карты распространения мотивов по выделенным ареалам и английские определения мотивов см. на сайте <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>. Незаменимым источником данных по мифологии Филиппин оказались те публикации, с которыми я познакомился благодаря М.В. Станюкович.

Фольклор и мифология островной Юго-Восточной Азии будут интересовать нас как источник о прошлом региона. В его истории можно выделить три главных эпохи. Первая начинается с появления людей современного типа, вторая — с распространения австронезийцев, третья — с вовлечения Юго-Восточной Азии в трансевразийскую систему культурных связей.

Ранние сапиенсы: «Солнце съедает своих детей»

Древнейшая эпоха в истории Индонезии и Филиппин связана с заселением индо-тихоокеанской окраины Азии людьми современного типа не позже 45 тыс. лет назад [Mudar, Anderson 2007], если не 50–60 тыс. лет назад. Конфигурация береговой линии в это время значительно отличалась от современной. В эпоху максимума последнего оледенения (20–22 тыс. лет назад) уровень моря был примерно на 130 м ниже современного и большая часть континентального шельфа представляла собой сушу [Bellwood 1987: 178]. Во время потеплений уровень моря повышался, но все же был ниже современного на несколько десятков метров. И лишь в эпоху климатического оптимума голоцена около 7–6 тыс. лет

назад этот уровень достиг нынешних отметок и даже превысил их на несколько метров [Jamieson 1988: 190]. Если бы очертания берегов всегда оставались такими, к каким мы привыкли, австронезийцы стали бы, возможно, первыми обитателями большинства нынешних островов.

В конце плейстоцена в континентальной части Юго-Восточной Азии (включая современный южный Китай) формируется хоабиньская культурная общность, для которой характерна грубая галечная индустрия. Большинство орудий, вероятно, изготовляли из дерева и бамбука. Культуры того же типа были, по видимому, частично распространены и в пределах современной Индонезии. На Палаване следы человека явно фиксируются с финального плейстоцена [Lewis a.o. 1987], хотя это не значит, что эта территория не могла быть освоена раньше. Предполагается, что потомками создателей культур конца плейстоцена являются небольшие группы темнокожего населения, такие как кубу Суматры и негрито Филиппин. По антропологическим признакам эти люди являются протоморфами, стоящими близко к основанию восточного расового ствола [Козинцев 2001; 2008].

Ни одна из подобных групп, не считая находящихся уже за пределами нашего региона андаманцев, не сохранила свой язык, все перешли на язык того населения, которое проникло сюда позднее. Однако мотивы фольклора и мифологии от языка независимы и потенциально способны сохраняться неограниченно долго. Мотивы встроены в тексты. Тексты принадлежат конкретным культурам и воспринимаются целостно. Мотивы не осознаются носителями культур как особые единицы и именно поэтому легко переходят из текста в текст, в том числе и при переводе на другой язык. Нет определенных ограничений для числа операций копирования одного и того же мотива и для времени его существования. Поэтому в современных текстах используются мотивы, дошедшие от разных эпох и, соответственно, несущие о них информацию. В фольклоре Индонезии и Филиппин удалось обнаружить по крайней мере один сюжетобразующий космологический мотив, который удается надежно связать с доавстронезийским субстратом (рис. 1). Этот мотив был кратко рассмотрен мною в контексте африканско-азиатско-австралийских параллелей

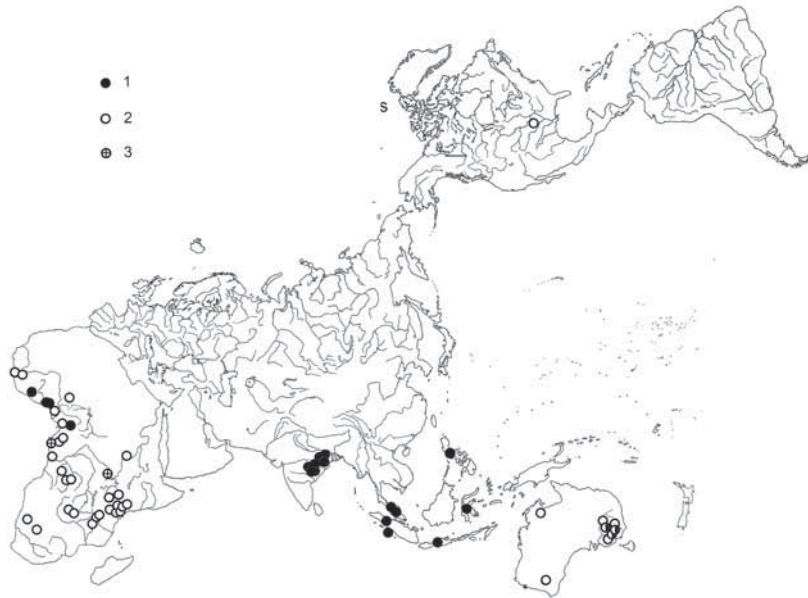

Рис. 1. Распространение мотива «Солнце съедает своих детей».

1. Один персонаж предлагает другому убить (съесть) своих детей, матерей или младших братьев, прячет собственных, а другой действительно убивает своих. Один из персонажей (в Австралии — единственный оставшийся в живых ребенок второго персонажа) — Солнце.
2. Оба персонажа — животные или птицы.
3. Люди Солнца были некогда столь же многочисленны, как и люди Луны (т.е. звезды), но погибли по вине Луны (без подробностей)

лей [Berezkin 2009: 8–9, fig. 2], но нас сейчас интересуют аналогии в пределах Азии.

Более полувека назад немецкий католический миссионер и антрополог Рудольф Раман, изучавший филиппинских негрито, обратил внимание на сходство филиппинского текста с некоторыми из тех, которые были записаны у неарийских народов Индии и у народов Малаккского полуострова. Во всех случаях рассказывается, как Луна уговорила Солнце уничтожить своих детей, поскольку дети Солнца излучали настолько сильный жар, что Луна опасалась за жизнь собственных детей-звезд. Оба светила договорились избавиться от детей, но своих Луна спрятала за облаками, а Солнце собственных детей действительно истребил. С тех

пор Солнце преследует Луну, время от времени вызывая затмения, но нанесенные им раны заживают, поэтому Луна то старится, то растет. О том, что Солнце находится далеко и нет необходимости прятаться, Луну предупреждает ее старшая дочь — Утренняя и Вечерняя звезда [Rahman 1955].

Никаких исторических выводов Раман из своих наблюдений не сделал, да и не мог сделать, учитывая как степень его осведомленности в области фольклора и мифологии, так и уровень тогдашних знаний о прошлом региона.

Филиппинский миф, поразивший Рамана параллелями с Индией, был опубликован в популярном издании без указания на происхождение текста. Имена персонажей (Агао — Солнце и Вуан — Луна) не оставляют сомнений в том, что язык оригинала — филиппинский, но какой именно, сказать трудно. Есть еще один текст аналогичного содержания, переведенный с тагальского Р.Л. Рыбкиным, но также заимствованный из популярного издания [Рыбкин 1975: 261, № 109]. Оба текста похожи во всех основных деталях и, скорее всего, восходят к одному-единственному оригиналу.

Если бы территориально ближайшими к тагальскому варианту были записи, сделанные на Малаккском полуострове, возможность ошибки или мистификации нельзя было бы сбрасывать со счета, поскольку на самих Филиппинах миф о съеденных детях Солнца более нигде не отмечен. Однако существуют надежно зафиксированные версии с Сулавеси, которые, с одной стороны, обнаруживают явные параллели у Рыбкина и Рамана, а с другой — не идентичны тагальскому варианту. Раз сюжет был знаком австронезийцам Сулавеси, особых оснований сомневаться в аутентичности тагальского варианта также нет. На Сулавеси миф о съеденных детях Солнца был записан минимум дважды.

Западные тораджа. Солнце и Луна договорились убить своих детей. Луна своих спрятала, а затем выпустила — это звезды. Солнце своих детей вправду изжарил [Kruyt 1938: 370–371, № 24].

Восточные тораджа. Солнце и Луну обычно считают супругами, но есть и представление о том, что оба светила — женщины. Когда Солнце выходило со своими детьми, люди

умирали от жара. Луна обещала помочь людям, спрятала своих детей-звезд в бамбуковый сосуд, сказала Солнцу, что дети как лишняя ноша только мешают. Солнце поместила своих детей в сосуд, они там погибли от жара. Луна выпустила своих детей-звезд снова на небо. С тех пор Солнце гонится за Луной. Один ребенок Солнца спасся, это Утренняя Звезда [Adriani, Kruyt 1950: 377, № 7].

Кроме того, у западных тораджа записаны еще два текста, объясняющих отсутствие у Солнца детей. 1. У мужа-Солнца и жены-Луны много детей-звезд. Они ходят по небу с матерью, ибо, если бы пошли с отцом, жар стал бы невыносим. 2. Солнце и Месяц — мужчины, у каждого свои дети. Один человек истребил детей Солнца, так как на земле от них было слишком жарко. Солнце из зависти пытается убить также и детей Месяца (т.е. звезды), но тот велит им выходить лишь в то время, когда Солнца на небе не видно [Kruyt 1938: 370–371, № 24].

С другими подробностями миф о детях Солнца и Луны записан у австронезийских народов западной Индонезии — батаков Суматры и обитателей острова Ментавай к юго-западу от Суматры.

Батаки. У Солнца было семеро сыновей, и, когда они стали светить вместе, земля загорелась. Люди послали к Луне ласточку с просьбой о помощи. Луна спрятала своих сыновей, люди дали ей известь, бетель, табак — все, что нужно для жвачки «сири». Луна сказала Солнцу, что съела собственных детей, показала семь мисок с их кровью. На самом деле в них была жвачка, имеющая характерный красный цвет. Когда Солнце тоже съело своих сыновей, Луна своих выпустила на небо. Солнце напустило на Луну духов, с тех пор вызывающих лунные затмения. Другие духи, соратники Луны, вызывают затмения Солнца [Warneck 1909: 43–44].

Ментавай. Солнце и Луна — женщины, у обеих было много детей, от детей Солнца исходил чрезмерный жар. Чтобы спасти людей, Луна спрятала своих детей и, вымазав рот красным соком, сказала Солнцу, что съела их. Солнце съело своих детей, а вечером показались дети Луны — звезды. Солнце ударило Луну ножом, теперь та видна по частям (фазы луны). Луна ударила Солнце,

теперь край Солнца зазубрен, а Солнце с Луной не встречаются [Schefold 1988: 71–72].

А. Кюн упоминает еще один текст на рассматриваемый сюжет, записанный в XIX в. на Яве А. Бастианом [Kühn 1936: 74].

На полуострове Малакка сходные варианты были известны всем обитателям внутренних районов — малайцам-аборигенам, сеноям и семангам.

Мантра (малайцы-аборигены). 1. Солнце и Луна — женщины, Звезды — дети Луны. Луна договорилась с Солнцем съесть своих детей, спрятала своих, а Солнце своих действительно съело. Если бы Солнц было столь же много как звезд, стояла бы нестерпимая жара. Солнце до сих пор гонится за Луной, а когда нагоняет, происходит затмение. Днем Луна продолжает прятать своих детей. 2. Было три Солнца — жена, муж и ребенок, кто-нибудь из них всегда находился на небе. То Энтах попросил Луну спрятать у себя во рту своего мужа Вечернюю Звезду и детей-звезд, предложить Солнцу проглотить своих мужа и детей. Солнце так и сделало, а узнав правду, сказало, что проглотит Луну, если та окажется на ее тропе. В этом причина затмений [Skeat, Vlagden 1906: 320, 338].

Джехаи (семанги). Солнце — женщина, Месяц — мужчина, у каждого много детей, таких же как их родители; из-за детей Солнца на земле страшно жарко. Месяц решает помочь людям, прячет своих детей под мышкой, говорит Солнцу, что съел их, советует поступить так же; Солнце съедает своих детей, тогда Месяц вновь выпускает своих — звезды [Schebesta 1931: 107].

Кинтак (семанги). Луна и Солнце — старшая и младшая сестры. Луна прячет своих детей в узле волос (hair-knot) на голове, говорит Солнцу, что проглотила их. Солнце пожирает своих детей. Если бы этого не случилось, люди не смогли бы пережить жар многих солнц. С тех пор Солнце пытается схватить Луну и спрятать у себя под мышкой, но отпускает, услышав с земли шум, производимый людьми во время затмений [Evans 1937: 167].

Сакаи (сенои). Луна сказала Солнцу, что люди не в силах вынести жар его детей — пусть он их съест, а она съест своих детей. Но Луна лишь спрятала своих детей-звезд. С тех пор Солнце при встрече нападает на Луну, вызывая затмения [Evans 1918: 191].

В записи Шебесты, на которую ссылается Раман, есть уточнение: Луна спрятала детей у себя под мышкой [Rahmann 1955: 204].

В Индии много текстов записано среди народов мунда, в частности среди бондо, сора, хо, бирхор, бхуйя (сейчас перешли на язык индоарийской семьи) и санталов. Скорее всего, есть и не учтенные мною записи.

Бондо. 1. Сперва Солнце постоянно совокуплялся с Луной, почти не выходил освещать землю, каждый день рождался ребенок. Солнце любил только своих сыновей, а Луна — дочерей. Чтобы заставить Солнце светить, Махабрабху дал Луне жевать бетель. Когда Солнце вернулся голодным, Луна показала свои красные губы и сказала, что съела своих дочерей, хотя сама спрятала их в прическе. После этого Солнце съел своих сыновей, а Луна выпустила дочерей, и Солнце разбил ей голову. Махабрабху велел обоим никогда не встречаться, освещать землю [Elwin 1950: 138–139]. 2. Сестры Солнце и Луна жили вместе, у Солнца детей было больше. Луне стало жалко делиться едой с детьми сестры. Она спрятала своих детей в волосах, сказала, что ее лицо распухло от ожога, а детей она съела. Солнце поверила и тоже съела своих, Луна же со своими детьми убежала. Солнце от гнева стала горячее [Elwin 1954: 57–58, № 2].

Сора. Солнце и Месяц — братья, у обоих было много детей. Из-за множества маленьких Солнц на земле было нестерпимо жарко. Месяц спрятал своих детей (это звезды) в сундук, вымазал рот красным древесным соком, сказал, что съел детей. Когда Солнце съел собственных детей, Месяц своих выпустил. Солнце наслал на Месяц змея, который глотает его раз в год. Это не всегда видно, но если видно, то люди бьют в барабаны и палят из ружей [Vitebsky 1980: 56].

Хо. У Солнца было столько же детей, сколько и у Луны, чьи дети — звезды. Чтобы умерить жар, Луна с Солнцем договорились съесть своих детей, но Луна своих спрятало, а Солнце своих действительно съело. Солнце расколело Луну надвое, и с тех пор она раскалывается и снова срастается, а ее дочери-звезды сопровождают ее [Тайлор 1989: 171].

Санталы. Солнце (Sing Chando) и Луна (Ninda Chango) — муж и жена, звезды — их дети, которых они поделили. Сперва днем

звезд было столько же, сколько ночью, от них исходил ужасный жар. Луна спрятала своих детей под корзиной, сказав, что съела их. Солнце своих детей тоже съело, так что из дневных звезд остались лишь две — Утренняя и Вечерняя. Увидев, что его обманули, Солнце рассекло Луну пополам, поэтому она теперь светит слабее солнца и ее фазы меняются [Вотрас 1909: 402–404].

Бирхор. Солнце и Луна — брат и сестра, у обоих много детей. Из-за детей Солнца на земле страшно жарко. Луна решает помочь людям, прячет своих детей, говорит Солнцу, что съела их, советует поступить так же. Солнце съедает своих детей, тогда Луна вновь выпускает своих — это звезды. Дети Солнца — самые яркие звезды, среди них выжившая Утренняя Звезда [Hatt 1949: 75].

Бхуйя. Луна ела плод, сказала Солнцу, что ест своих детей. Солнце съело своих, лишь один убежал в виде молнии. Солнце прокляло Луну, велел ей умирать и оживать. Луна велела одному глазу Солнца лопнуть. Восемь месяцев Солнце не моет свой глаз, а когда промывает, делается очень жарко [Elwin 1949: 56–57, № 1].

Пол светил (мужской или женский) меняется от текста к тексту, но более специфические мотивы устойчивы и совпадают с малаккскими и индонезийскими. Речь идет о растительной краске, с помощью которой Луне удастся убедить Солнце, что ее рот в крови, о том, что Луна прячет звезды в своей прическе, о Венере как о последней из «дневных звезд» — детей Солнца.

Тексты на данный сюжет встречаются и у дравидов центральной Индии — байга, кондов, ораонов, муриа, бинджваров, бхаттра. Большинство вариантов совпадает с характерными для мунда.

Конды. 1. После потопа появилось семь солнц, вода быстро высохла, но теперь страшный жар грозил все уничтожить. Луна притворилась, что съела своих детей, вымазала рот красным. После этого Солнце съело своих братьев-солнц, а ночью Луна вывела своих детей-звезд на небо [Elwin 1949: 41, № 20]. 2. Капанатали бросил в небо зеркало, превратив его в семь солнц и семь лун. Мир загорелся от жара. Нирантали поймала шесть лун, спрятала их у себя в волосах, а солнцам сказала, что съела их. Тогда солнца разрешили ей съесть шестерых из них. Шесть лун Нирантали зарыла, остались одно Солнце и одна Луна [Elwin 1954: 47–48, № 21]. 3. Жар Солнца и его детей делал жизнь невозможной. Луна спрятала своих детей

в волосах, сказала, что съела их. Тогда Солнце действительно съело своих детей. Иногда Солнце настигает Луну и сажает на время в тюрьму, наступает затмение. Иногда Луна со своими детьми заключают в тюрьму Солнце [Elwin 1954: 54–55, № 33].

Ораоны. Семеро братьев-Солнц плавилы землю своим жаром. Луна притворилась, что съела своих детей-звезд, убедила Солнце сварить своих братьев и съесть [Elwin 1939: 332 (прим. 1)].

Муриа. Махапуруб сделал по зеркалу для себя и для жены, превратил свое в Солнце-мужчину, ее — в Луну-женщину. Дети Луны и Солнца были подобны своим родителям, на земле царил нестерпимый жар. Махапуруб спрятал Луну в яме, Солнце пришел искать жену, Махапуруб заговорил ее голосом и предложил съесть детей. Солнце так и поступило, а Луна спрятала своих детей за щеку. Чтобы больше у Солнца с Луной дети не рождались, Махапуруб велел им ходить отдельно. Раз в месяц Солнце встречает Луну, но у той в это время месячные [Elwin 1949: 64–65, № 9].

Бинджвары. Когда у Солнца родились дети, боги испугались, что мир сгорит. Они попросили его сестру Луну позвать его в гости, накормить бататом, сказав, что это плоть ее детей. После этого надо будет sprыснуть водой их кости и они оживут. Солнце так и сделал; его дети стали духами, которые время от времени нападают на Луну, вызывая затмения [Elwin 1954: 39–40, № 6].

Бхаттра. Солнце — брат, Луна — сестра, у обоих дети. Луна отдала свою дочь за сына Солнца, а тот не отдал свою за сына Луны. Оскорбленная Луна спрятала своих детей, сказала, что убила их. Солнце убил своих детей, а дети Луны вернулись, но появляются только вместе с матерью, чтобы Солнце их не убило [Elwin 1954: 57, № 1].

Значительно отличается от других вариант байга.

Байга. У Солнца было 11 братьев, у Луны — 11 сестер. Братья не смогли жениться на них, тогда Солнце предложило их съесть. Луна съела сестер, а Солнце спрятал братьев за щеками. Луна не смогла отрыгнуть сестер, лишь сплюнула, капли ее слюны превратились в звезды. Теперь Луна трудится постоянно, кроме одного дня в месяц, когда у нее месячные. Каждый из братьев-Солнц трудится лишь один месяц в году, а если бы они вышли вместе, мир бы сгорел. Все вместе они женаты на одной Луне [Elwin 1939: 332].

Сюжет о съеденных детях Солнца наверняка был известен предкам мунда, поскольку активно использовался представителями как южной (сора и бондо), так и северной ветвей языковой семьи, которые территориально разобщены. Но даже если дравиды заимствовали этот сюжет именно от мунда, возводить миф к австроазиатам нет оснований. Хотя миф о съеденных детях Солнца есть у семангов, сеноев и мунда, он отсутствует у остальных носителей австроазиатских языков. Различные материалы, в том числе данные топонимики, указывают на то, что до австронезийцев на Суматре и, возможно, других островах западной Индонезии, включая Калимантан, были распространены языки австроазиатской семьи, близкие аслийским [Donohue, Denham 2010: 233; Urban 2010: 575]. Однако в пользу их проникновения на Сулавеси и тем более на Филиппины нет никаких свидетельств. Отдельные очаги распространения в Азии мифа о съеденных детях Солнца с ареалами известных языковых семей, таким образом, не совпадают. Хотя данный миф отсутствует на Зондских островах от Бали до Тимора, на Калимантане и на Молукках, наличие тораджских и тагальской версий указывают на то, что в прошлом сюжет в пределах островной части Юго-Восточной Азии был распространен достаточно широко. Наличие близких аналогий в тропической Африке, отмеченных еще А. Кюном [Kühn 1936: 74], позволяет возводить сюжет к культуре древнейшего домонголоидного населения региона, имеющего в конечном итоге африканские корни. Данные генетики указывают на то, что в Южной Азии именно дравиды и австроазиаты включили в свой состав массив потомков древнейшего пришедшего из Африки населения [Majumder 2010: R185–R186]. Отсутствие сюжета в восточной Индонезии и на Новой Гвинее при наличии в Австралии соответствует глубоким генетическим различиям между австралийцами и папуасами [Kayser 2010: R195–R196].

Единственное обстоятельство, которое противоречит гипотезе африканского происхождения сюжета о съеденных детях Солнца, — это его отсутствие у андаманцев. Здесь следует иметь в виду, что к тому времени, когда сперва Э. Мен, а затем А. Редклиф-Браун собирали данные по андаманской мифологии, культура многих групп островитян уже находилась в упадке. Те же

группы, которые избегали контактов с европейцами, остаются недоступны исследователям и сейчас. Но главное, видимо, в том, что у небольших популяций, находящихся в изоляции на протяжении многих тысячелетий, культура неизбежно обедняется, ибо случайные утраты не могут быть восполнены со стороны. Именно поэтому, вероятно, андаманская мифология как она зафиксирована в публикациях Мена и Редклиф-Брауна вообще бедна.

История съеденных детей Солнца содержит мотив множества солнц, который характерен также для континентальной части Юго-Восточной Азии, Китая, Тайваня, Монголии, Южной Сибири, Нижнего Амура. В этих последних мифах лишние солнца не уничтожены их отцом или матерью, а застрелены персонажем с земли. Данные две традиции различаются сюжетно, а географически смежны, но друг друга не перекрывают. Учитывая мундо-дравидские и африканские параллели, первая традиция должна быть древнее и могла повлиять на формирование второй. Наличие мифов о съеденных детях солнца только на Филиппинах и в Индонезии, а об истреблении лишних солнц героем с земли только на Тайване соответствует степени сохранности доавстронезийского субстрата в местных культурах. На Тайване домонголоидные аборигены исчезли ранее появления европейцев, а в островной части Юго-Восточной Азии сохранились до наших дней. Сам доавстронезийский субстрат в Индонезии был разнообразным. На Молукках, Тиморе, Сумбаве и прилегающих островах он в культурном отношении, вероятно, тяготел к Новой Гвинее, где, как указывалось, мифов о множестве солнц нет и, скорее всего, никогда не было.

«Лунная пряжа»

Если история съеденных детей солнца и ранее привлекала исследователей, то образ человека на луне, который там что-то плетет, прядет, ткёт, вышивает и т.п., вниманием не пользовался. Между тем варианты истолкования лунных пятен обнаруживают ареальные тенденции, существенные для прослеживания древних миграций и культурных связей.

В самом общем виде соответствующие интерпретации делятся на фигуративные (силуэт человека, животного, дерева и пр.)

и нефигуративные (пятна — след удара, ожога, грязи, краски и пр.). В Африке южнее Сахары, на Кавказе, в Австралии, Меланезии, Южной Америке преобладают нефигуративные интерпретации, в континентальной Евразии и у индейцев Северной Америке — фигуративные. В пределах индо-тихоокеанской окраины Азии те и другие представлены примерно в равной пропорции, хотя на Тайване, Филиппинах и Тиморе господствуют нефигуративные. Можно предполагать, что фигуративные интерпретации в отличие от нефигуративных появились лишь после выхода из Африки, причем, как и в случае с представлениями о звездном небе, их становление в континентальной Евразии и в индо-тихоокеанском мире происходило независимо.

Мотив «лунной пряжи» мог появиться раньше возникновения прядения и ткачества и быть первоначально связан с плетением. Ассоциативно все эти виды преимущественно женской трудовой деятельности связаны и в географически близких традициях, по видимому, взаимозаменяемы. Так, почти по всей Полинезии в лунных пятнах видят фигуру женщины (Хины, Сины, Ины), которая делает тапу [Beckwith 1970: 220–221; Williamson 1933: 98–102], но на островах Эллис и острове Пасхи и на острове Банаба в Микронезии это плетущая циновки девочка, а на Сан-Кристобале в Меланезии — плетущая циновки старуха [Федорова 1978, : 76–78 № 6.1; Coombe 1911: 240; Luomala 1973: 265–266].

Широкое распространение мотива в Полинезии позволяет предполагать, что в Индонезию, Малайзию и на Филиппины его принесли австронезийцы. В Индонезии и Малайзии мотив персонажа, что-то прядущего или плетущего на луне, распространен почти повсеместно (малайцы, мантра, кубу, батаки, яванцы, балийцы, минахаса, тораджа, буги, тобело, лода, о-ва Сангихе, атонии) [Covarrubias 1956: 299; Dixon 1916: 238–239; Krappe 1938: 121; Мааß 1933: 276; Schebesta 1928: 244; Skeat, Blagden 1900: 13; 1906: 319–320]. По югу Китая данных мало, но лунная пряжа зафиксирована по крайней мере у лису Юньнани и северного Таиланда [Штурм 1990: 470–474]. Однако есть факты против связи мотива исключительно с австронезийцами и в пользу его более древней датировки. Во-первых, на Тайване мотив отсутствует, а единственный известный мне случай на Филиппинах зафикси-

рован у негрита Лусона — человек на луне плетет силок, чтобы поймать вызывающего затмения духа [Garvan 1963: 208]. Сходные объяснения зафиксированы у кубу (старуха на луне прядет нить, чтобы ловить ею людей на земле) и у малайцев и мантра (старик плетет веревочные петли ловить людей). Во-вторых, лунная пряха (старуха с веретеном) известна по всей северной Индии [Bhattacharjee, Binod 1930: 118; Crooke 1894: 8; Enthoven 1924: 50; Fuchs 1950: 286], где австронезийцев никогда не было. Если соответствующие традиции Южной и Юго-Восточной Азии исторически связаны, они могут быть весьма древними.

В пользу существования подобной связи говорит отсутствие мотива на большей части Азии и Восточной Европы. При этом он достаточно популярен у североамериканских индейцев (потаа-томи, сенека, делавары, шони, тетон, винту) [Bierhorst 1995: 74, № 201; Curtin 2001: 508; Erdoes, Ortiz 1984: 485–486; Hewitt 1928: 792–806; Krappe 1938: 121; Smith 1883: 81; Voegelin 1936: 21; 1942: 236] и единично зафиксирован у майя (чонталь, лакандоны) и в Центральном Андах (уанка) [Cline 1944: 112; Vásquez Dávila, Hipólito Hernández 1994: 152; Villanes Cairo 1978: 137–142]. Американские варианты могут в конечном итоге восходить к азиатским, но для Европы (англичане, чехи, поляки и, возможно, другие народы) [Гура 2006: 464; Krappe 1938: 120]) и Древнего Египта [Briffault 1927: 625] это сомнительно. Поскольку образ женщины естественным образом дополняется ее навыками рукодельницы, независимое многократное возникновение мотива «лунной пряхи» не исключено. Вместе с тем в традициях Малайзии, Индонезии и Филиппин важен не пол персонажа (он бывает мужским), а именно род его деятельности. Сходные друг с другом варианты с Филиппин, Суматры и Малайского п-ова (негрито, кубу, мантра, малайцы), скорее всего, восходят к эпохе до распространения в регионе австронезийских и мон-кхмерских языков.

Австронезийцы: «Супруги делают ребенка»

Перейдем к эпохе расселения австронезийцев.

Еще в раннем голоцене на юге Китая, возможно, распространяется вегетативно-клубнеплодное земледелие, хотя однозначных доказательств этого нет [Lu 2006: 145]. Не позже V тыс. до н.э.

оно было дополнено заливным рисосеянием и разведением свиней, кур и крупного рогатого скота. Хотя по мере прогресса археологических исследований в соответствующие реконструкции вносятся поправки, мало сомнений в том, что сформировавшийся около 7000 лет назад южно-китайский очаг производящего хозяйства послужил источником выплесков населения на другие пригодные для земледельческого освоения территории. Результатом и было, по-видимому, расселение носителей австроазиатских языков в пределах Индокитая и востока Южной Азии (кхаси и мунда). На Малаккском полуострове некоторые аборигены, семанги и сенои, заимствовали мон-кхмерский язык, сохранив свою культурную идентичность. Поскольку к числу мон-кхмерских языков относится также и никобарский, а прямая миграция с материка через Андаманское море маловероятна, то прежде, чем достичь Никобар, австроазиаты должны были проникнуть с Малакки на Суматру. Археологически район изучен пока слишком слабо, чтобы проверить такое предположение.

В восточной части островного мира Юго-Восточной Азии первыми людьми, знакомыми с земледелием и скотоводством, несомненно, были австронезийцы. Согласно уже давно устоявшимся представлениям, в конце IV тыс. до н.э. предки австронезийцев (или скорее общие предки носителей австронезийско-таи-кадайских языков) переселились на Тайвань. Форсирование Тайваньского пролива произошло, вероятно, в том единственном месте, где в ясную погоду с материка в море просматривается самая высокая вершина острова. Далее мигранты обошли остров вдоль побережья против часовой стрелки, после чего освоили и его внутренние районы. На Тайване эти люди застали охотников-собираателей, которые попали сюда несколько десятков тысяч лет назад в то время, когда остров соединялся с материком. Небольшие группы этих древних обитателей могли дожить до начала XIX в., но надежно документированных сообщений о встрече с ними европейцев, китайцев или японцев все же нет. Обстоятельства последующих переселений с Тайваня на Филиппины и далее в Индонезию пока плохо понятны. И. Пейрос доказывает, что время расхождения тайваньских языков между собой слишком невелико (примерно 4000 лет), чтобы считать один из них предковым для

всех остальных австронезийских языков [Peiros 2008]. Однако как, если не через Тайвань, австронезийцы в таком случае попали на Филиппины, непонятно (в пользу миграции через Индокитай и западную Индонезию никаких данных нет). Большинство лингвистов считает, что на освоение Филиппин и восточной Индонезии у австронезийцев ушло около тысячи лет. В начале второй половины II тыс. до н.э. по берегам островов вокруг моря Бисмарка появляются памятники культуры лапита, которая считается предковой для носителей языков океанийской ветви. Создатели лапиты были первыми, кто отважился плавать там, где земля полностью скрывалась из виду. Совершая все более дальние путешествия, эти люди около 1100 г. до н.э. достигли Вануату, Новой Каледонии и островов Лоялти, около 900 г. — Фиджи и вскоре после того Тонга и Самоа [Bentley a.o. 2007; Dickinson, Schulter 2000; Nunn 2007]. Среди тех, кто делал сосуды лапиты, были не только предки полинезийцев, но и темнокожее население тех районов, где лапита сформировалась [Donohue, Denham 2008]. Иначе невозможно объяснить, почему по культуре и внешнему облику население западной Меланезии и в меньшей степени Фиджи столь отлично от полинезийцев.

Открытие и освоение центральной и восточной Полинезии началось не ранее конца I тыс. до н.э. Поскольку изготовление керамики вскоре после этого прекратилось, типология полинезийских археологических комплексов основана главным образом на изучении формы каменных долот, а это гораздо менее чувствительный маркер хронологических изменений. Так или иначе, но довольно близкое родство всех полинезийских и большинства микронезийских языков предполагает, что у них был общий источник, и источником этим должна была быть лапита. Вместе с тем примерно синхронно ранней лапите далекие плавания на восток начались с Филиппин. Этим можно объяснить открытие на Палау и других островах ранних не связанных с лапитой памятников [Clark 2005] и наличие в Микронезии языков (чаморро, палау и яп), которые не принадлежат к числу океанийских, но родственны филиппинским. Возможно, что япский язык родственен языкам островов Адмиралтейства [Marck 2008: 354], но во всяком случае не полинезийским.

Все филиппинские тексты на рассматриваемый сюжет записаны на Лусоне — у игорот, ифугао, канканай, набалои и тингиан. Супруги, один или одна из которых связан с небом, а другой или другая — с землей, делят пополам своего ребенка. Из одной половины получается новый полноценный персонаж, а из другой — дефектный, так как эта половина успела подгнить. Противопоставление двух половин необязательно, но все же характерно для большинства записей.

Игорот. Кабуниан спустился на землю, женился на Банган, она родила сына, дочь и еще одного ребенка. Кабуниан вернулся на небо, взяв сына и оставив жене дочь. Чтобы поделить третьего ребенка, он разрезал его пополам. Из одной части возникла девочка Буган, оставшаяся на земле с матерью, из другой — сын Лумавиг, который поднялся к отцу [Eugenio 1994: 48, № 14].

Игорот. Думагид спустился на землю, женился на Дугаи, та родила сына. Возвращаясь на небо, Думагид предупредил, что жена не сможет сопровождать его из-за жары. Люди все же велели ей идти с мужем, и она погибла. Когда Думагид спустился за сыном, люди стали его не пускать. Он разрубил ребенка пополам и половину, которую взял на небо, оживил. Половина, оставшаяся на земле, начала разлагаться, но Думагид и ее оживил. Взятый на небо стал Громом, имеющим резкий звук, а второй юноша — раскатыстым Громом [Eugenio 1994: 260–261, № 146].

Набалои. Кабуниан женился. Соперницы жены привязали под домом козла, чтобы муж решил, будто жена дурно пахнет. Тот разгадал обман и вместе с женою поднялся на небо. Там она родила. Когда жена не смогла перебраться через скалу, Кабуниан разрубил ребенка, превратив свою половину в молнию, а половину жены — в гром [Moss 1924: 237–239, № 6; перевод в: Рыбкин 1975: 46, № 14].

Канканай. 1. Лумавиг женился на земной девушке. Ее сестры из ревности положили им под кровать чеснок. Лумавиг вернулся на небо, взяв голову сына и затем сделал к ней туловище, сын стал Громом. К оставшемуся телу Лумавиг приделал голову, и оно стало женщиной-Молнией, которая вышла за Грома замуж [Eugenio 1994: 262, № 148]. 2. Звезда крадет сахарный тростник, хозяин поля хватает ее. После рождения детей она находит свою

спрятанную мужем одежду и улетает. Один из их детей умирает, к другому мать спускается по ночам. Отец и мать спорят, кому ребенок достанется. Мать делит его пополам, одну половину забирает на небо. Отец не может оживить свою часть, мать сама это делает и велит ребенку ответить на призыв другой половины. Так как тело оставшегося — на земле, оно уже подверглось разложению, поэтому его голос слаб. Эти две половины — большой и малый грома [Lessa 1961: 153–154].

Тингуан (билонган итнег). Звезды спустились воровать сахарный тростник. Самая красивая повесила свою одежду на изгородь. Хозяин поля спрятал одежду, и эта Звезда была вынуждена с ним остаться. Она родила дочь, та нашла в золе одежду матери и отдала ее ей. Звезда предложила мужу разделить дочь пополам. Муж получил часть выше пояса, жена — низ. Звезда оживила на небе свою часть, верх же стал гнить. Муж зарыл свою часть, из нее выросла кокосовая пальма. На кокосе видны глаза и рот, и кокосовые орехи бывают гнилыми [Wrigglesworth 1991: 237–239, № 25].

Ифугао. 1. Группа батад. Девушки-звезды в образе уток спустились на пруд, сняли свои птичьи одежды, стали купаться. Охотник Тилай спрятал одежду самой красивой, девушке пришлось стать его женой. Однажды трое ее детей нашли птичью одежду и отдали матери. Перед тем как улететь, женщина одного сына разрешила пополам, взяв с собой нижнюю половину и еще одного ребенка и оставив мужу верхнюю половину и другого ребенка. Половина, оставшаяся внизу, начала разлагаться, но мать оживила и ее. У оставшихся на земле детей было много потомков [Wrigglesworth 1991: 225–229, № 22]. 2. Буган, дочь верховного божества, отказывается выйти за обитателей различных ярусов неба, в том числе за Молнию. Она спускается на землю, берет в мужья бедного юношу, рождает сына. Люди завидуют ей, она решает вернуться на небо, но муж не в состоянии лететь следом. Тогда она разрезает их сына, половину забирает с собой и возрождает в облике нового мальчика. Половина, оставшаяся на земле, начинает разлагаться, так как муж не в силах ее оживить. Жена превращает гниющую голову в сову, уши — в древесный гриб, нос — в раковину древесной улитки, часть экскрементов —

в клюв птички *идо*, язык — в типун у людей на языке, сердце — в радугу, кости груди — в ядовитую змею, пальцы рук — в длинные раковины, волосы — в червей, кожу — в красную птичку, кровь — в мелких летучих мышей, печень — в болезнь груди, кишки — в животных вроде зайцев или крыс, кости рук — в гнилые сучья, которые падают на проходящих под ними [Eugenio 1994: 33–37, № 10]. 3. Группа амганад. Тиллай увидел четырех девушек-звезд, которые купались в ручье, спрятал юбку-крылья одной из них, привел девушку к себе, она родила ему сына. Однажды жена нашла свою юбку под кучей риса. Перед тем как вернуться на небо, она разделила сына пополам и взяла с собой нижнюю часть. Одна половина стала красной птичкой из семейства мухоловок и тараканами, другая — кукушкой (*Centropus melanops*) и постельными клопами [Wrigglesworth 1991: 221–223, № 21]. 4. Группа банауэ. Богатый человек у пруда спрятал юбку одной из прилетевших купаться Звезд. Та не смогла улететь, стала женой человека, но поселилась в амбаре, так как не могла вынести запаха лука, улиток и имбиря. Под кучей риса она нашла свою одежду и, разделив рожденную ею дочь, унесла на небо нижнюю половину, доделав ее до целого ребенка. Почувствовала запах тления, она вернулась и стала упрекать мужа, почему тот не предупредил ее, что он не может превратить и свою половину в целого ребенка. В результате она сделала из частей верхней половины красную птичку, которая будет направлять мужа в пути; таракана, который останется есть насекомых в доме; комара, чтобы муж посылал комаров на врагов; муравьев, которые будут помогать красной птичке предупреждать об угрозах. Если вместо красной птички человек видит колонну муравьев, это плохое предзнаменование [Wrigglesworth 1991: 260–261, № 2].

Область распространения сюжета не ограничивается Лусоном. Похожие тексты записаны на севере Тайваня у сайся и на Борнео у ибанов. Величина сюжетных отличий от филиппинских вариантов в общем и целом пропорциональна удаленности соответствующих языков от филиппинских — для сайся она значительнее. Их текст отличается от остальных тем, что волшебная жена связана не с небесным, а с подводным миром.

Ибаны. По просьбе Месяца Совка вышла за него замуж, родила сияющего мальчика. Через четыре года Месяц захотел вернуться на небо. Совка сказала, что ей будет там нечего есть. Супруги поссорились и поделили ребенка. Месяц забрал с собой верхнюю часть, сделал из нее звезды. Совка оставила себе низ, сделала из нее все виды деревьев. Совка до сих пор кричит в полнолуние [Macdonald 2005: 76].

Сайся. Водная женщина Катетеру приходит учить людей ткачеству. Она становится женой человека, рождает сына, решает вернуться в свой мир. Супруги договариваются поделить ребенка, голову бросают в воду, а тело остается мужу. Через шесть дней Катетеру возвращается показать мужу их живого сына, а оставленное на земле тело разложилось [Macdonald 2005: 91].

Наверняка это лишь часть рассказов о поделенном ребенке, записанных в Юго-Восточной Азии. О том, что их должно быть больше и что они могут быть обнаружены и в континентальной части региона, свидетельствует эпизод из текста кхму (они же каму) — группы из северного Лаоса, говорящей на языке семьи палаунг-ва, которая входит в более крупную австроазиатскую семью. По смыслу и жанру текст кхму не похож на другие, но основной эпизод в нем явно тот же.

Кхму. Ньяар пытается исполнять указания жены слишком буквально, то и дело поступая нелепым образом и не понимая простейших вещей. Однажды он решает, что жена мертва и вернулась из мира духов. Запершись в доме, он боится открыть ей дверь и предлагает разделить их троих детей так, чтобы каждый взял по одному, а третьего они разделили бы пополам. Жена вламывается в дом, опасаясь, что муж и в самом деле разрежет ребенка [Lindell a.o. 1978: 31, № 1].

На этом фоне интерес представляет космогонический миф с Мангайи (острова Кука). В 79-х годах XIX в. миссионер У. Джилл записал его от представителя «почти вымершего побежденного племени тонга».

Мангайя. Вatea и Тонга-ити претендовали на то, чтобы считаться отцом первого ребенка, рожденного Папой, т.е. Землей, поэтому они разрубили его пополам. Вatea взял верхнюю половину, бросил ее в небо, и она стала солнцем. Тонга-ити получил ниж-

нюю половину, оставив ее на земле. Позже, подражая Ватеа, он тоже бросил ее к небу, но плоть успела подгнить, кровь вытекла из нее, поэтому брошенное стало бледной луной [Gill 1876: 44–45]. «Победившее племя, — писал Джилл, — отвергает этот миф, поскольку считает Тонга-ити не мужем, а сыном Папы».

Это единственный случай, когда полинезийский космогонический сюжет обнаруживает аналогии не в Меланезии, т.е. в ареале лапиты, а далеко за пределами этого региона. Достаточно вспомнить маорийский миф о Роне (или Хине), которая оказалась на луне, схватившись одною рукою за куст, а в другой держа калесу для воды. Ближайшие параллели этим рассказам есть в Восточной Сибири и на Северо-западном побережье Северной Америки, менее точные — на островах Рюкю при полном отсутствии чего-то подобного в Меланезии и Индонезии [Березкин 2010]. Интерпретировать подобные фольклорные связи можно двояко. Либо помимо создателей лапиты в заселении Полинезии принимали участие и другие, пусть численно небольшие группы, проникшие туда через Филиппины и Микронезию (либо даже с Тайваня, из Кореи, Шаньдуна или Японии, хотя это, конечно, сомнительно). Либо (или скорее — также) культурный багаж «пассажира курьерского поезда в Океанию» не был единообразен, а число этих «пассажиров» было невелико. В этом случае велика вероятность полной утраты некоторых мифологических мотивов на большей части освоенной австронезийцами территории при случайном сохранении общих элементов в любых удаленных друг от друга районах.

Юго-Восточная Азия и Средиземноморье: «Мальчик-половинка»

Представления о людях-половинках, у которых одна нога, одна рука, один глаз и т.д., зафиксированы во многих традициях, хотя и не повсеместно, отсутствуя у аборигенов Австралии и крайне редко встречаясь в Новом Свете, не считая ближайших к Берингоморью областей Северной Америки (рис. 2). Что касается той обширной зоны в пределах Старого Света, где образ людей-половинок известен, то она делится на три части. В пределах двух крайних, северной и южной, существа-половинки есть опас-

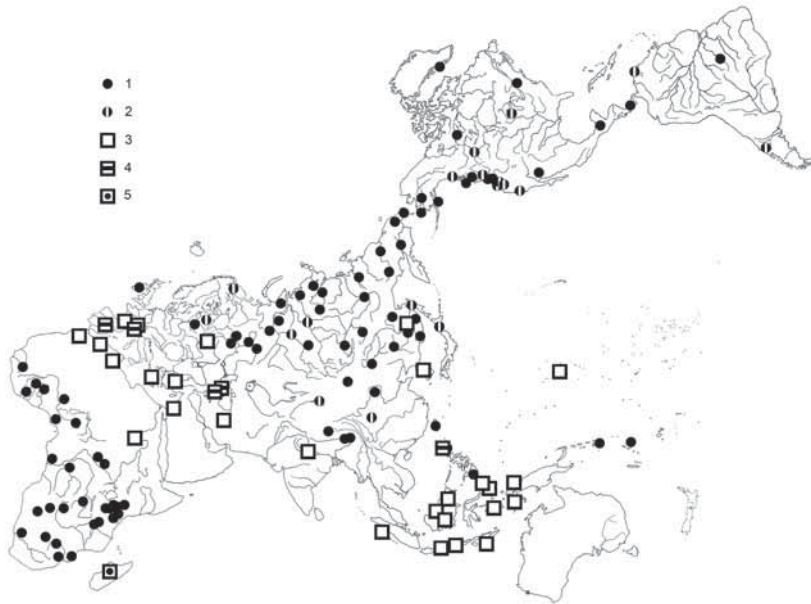

Рис. 2. Распространение мотива «Существа-половинки».

1. Нечеловеческие, обычно опасные существа с одной рукой, одной ногой, одним глазом и т.д.
2. То же — одноногие существа.
3. Человек — герой сказки или сказкоподобного повествования имеет лишь половину тела, как бы разрезанного вдоль.
4. «Полукурочка».
5. Малагасийский Затуву

ные, в основном враждебные людям, персонажи нечеловеческой природы. В пределах центральной области это положительные герои сказок, обычно обретающие в конце повествования телесную полноту. Северная область включает большую часть Евразии от Балтики до Тихого океана и в пределах Юго-восточной Азии частично накладывается на центральную область. Южная — это Африка южнее Сахары. Центральная область — это широкая полоса в Европе, Северной Африке и Азии с осью, которая проходит через Средиземноморье и пересекает Индонезию. При этом в Индии мотив не представлен, не считая рассказа из Махабхараты, который будет упомянут ниже.

Обратимся к персонажам-половинкам в роли сказочных героев.

В нашей базе данных североафриканский, ближневосточный и западноевропейский фольклор представлен пока неполно. Индонезийские материалы документированы лучше, в частности потому, что соответствующий мотив был темой специальных исследований. Однако и учтенных публикаций достаточно для того, чтобы убедиться в реальности эксклюзивных фольклорных параллелей между двумя регионами. За пределами Средиземноморья и Индонезии мотива мальчика-половинки нет. Правда, в америндейских мифологиях есть родственный мотив возникновения двух близнецных героев из одного разрезанного пополам (см. мотивы J22A–J22E в электронной базе данных, адрес сайта в начале статьи), но существа-половинки в качестве героев у индейцев никогда не описываются.

Вот примеры текстов из Средиземноморского региона.

Берберы. Мкидеч («человек-половинка») — младший из семи (либо 8, 10) братьев. Его мать зачала его, съев половину плода. Братья встречают людоедку, та предлагает им или их лошадям еду, Мкидеч велит им ее не брать. Ночью братья меняются местами с дочерьми людоедки, та по ошибке убивает дочерей, братья убегают. Людоедка делает так, что их лошади останавливаются, поэтому они все садятся на коня (или на козла) Мкидеча. Сам Мкидеч возвращается обокрасть людоедку либо она сама его ловит, но в итоге он убивает ее. Иногда у Мкидеча конь-половинка, поскольку зачавшая его кобыла тоже съела пол-яблока [Goldberg 2003: 344–344].

Палестинцы. Шейх велит мужу дать трем его бездетным женам по яблоку. Старшей жене муж дает половинку, съедает другую сам, жена рождает мальчика с одним ухом, одним глазом, половиной рта и т.д. Когда братья подросли, Половинка просит не коня, а худую овцу, не бич, а свисток, игрушечное ружье. Братья пасут овец, женщина приглашает их переночевать, лишь Половинка понимает, что она преображенный Волк. Он ложится на верблюжьей колючке, чтобы не заснуть, ночью велит братьям бежать. Ведьма приманила их лошадей овсом, тогда все трое сели на овечку Половинки, добрались до дому. Половинка кладет в мешок ягненка, приходит к ведьме, она наклоняется достать из мешка, что в нем есть, Половинка запикивает ее саму в мешок,

приносит, по пути она умирает, он забирает ее золото, богатеет, женится [Spoer 1931: 150–152].

Французы (Дофинэ). Дровосек с 15-летним сыном идет в лес. Упавшее дерево разрезало мальчика по вертикали, в живых осталась одна половинка. Половинка пасет деревенских коз, делится хлебом с женщиной, та дает волшебный свисток, Половинка пригоняет стадо невредимым, свисток выполняет желания, Половинка обретает телесную полноту. По одному из вариантов, принцесса влюбляется в Половинку, король велит посадить их в бочку с гвоздями, спустить с горы. Свистнув, Половинка выходит из бочки, превращает короля в жабу, придворных — в лягушек [Joisten 1991: 247–249, № 43.1, 2]. Во Франции, в частности в Ландах, записаны и другие версии того же сюжета [Belmont 2005: 15–16].

Об обретении Половинкой нормального тела ни в берберских, ни в палестинском вариантах ясно не сказано, но концовка повествований предполагает это. Подобные сказки, по-видимому, были распространены на всей территории от Марокко до Леванта [Muhawi, Kanaana 1989: 333–334]. В Южной и Западной Европе они также есть не только во Франции. В частности, имеется греческий вариант, согласно которому бездетная женщина просит Бога дать ей хотя бы половину ребенка, а мальчик-половинка оказывается богатырем [Belmont 2005: 16].

А вот варианты из Индонезии.

Ибаны. Люди в лесу убили удава, дождь залил землю потоком, на горе спаслись женщина, собака, крыса и прочие мелкие животные. Лиана терлась о ствол, нагревая его; собака это заметила, женщина получила огонь, взяла в мужья лиану, родила мальчика-половинку по имени Симпанг Импанг. Он отобрал у крысы зерно, та обещала, что крысы будут поедать зерно у людей. Ветер разбросал зерна, Симпанг Импанг пошел искать ветер. По пути дерево, почки на котором беспрерывно поедают птицы, велело передать ветру просьбу повалить его (чтоб зря не страдать). Озеро попросило, чтобы ветер убрал кусок золота, закрывший сток воде, сахарный тростник и бананы — чтобы у них были ветки, как у деревьев. Ветер предлагает Симпанг Импангу соревнования, в которых тот побеждает. В компенсацию за разбросан-

ное зерно ветер делает его полным человеком. Что касается других просьб, ветер обещал исправить все, однако тростнику и бананам веток не дал, так как люди нарушают обычаи и не заслуживают изобилия [Hose 1912: 144–147].

Нгаджу (юг Борнео). Каждое новолуние Месяц посещает жену. Она беременна, в это время секс ограничен, Месяц обижен, говорит, что на земле дурной запах. Он уходит, оставив сыну, который должен родиться, дротики для сарбакана. Пуская их в небо, тот сделает цепочку из дротиков и поднимется к отцу. Покидать беременную жену запрещено, и вследствие нарушения этого правила родился мальчик, имевший лишь половину тела. Его назвали Силай. Мать советует ему сперва сходить к брату отца — Солнцу. Силай приходит к орангутану, тот посылает к ворону, ворон просит принести удава, чтобы питаться в пути, сажает юношу на спину, приносит к вратам неба. По пути Силай спасает муравьев, рыб, оленя, обезьяну, крокодила и светляка. Вождь солнца приводит его в лунное селение. Месяц называет Силая лжецом, предлагает испытания, которые юноша выполняет с помощью благодарных животных. После этого Месяц признает Силая сыном, четырежды рубит его на части, варит и лепит заново. В первый раз Силай становится черным карликом, затем красным, затем петухом, затем силачом и красавцем. Он предок тех нгаджу, у кого кожа светлее [Schärer 1966: 124–135]. Сходный вариант в: [Platenkamp 2005: 143–154].

Батаки (Суматра). Раджа просит бога Мулоджади даровать хоть одного сына, раз у его брата семеро. Жена раджи рождает мальчика-половинку по имени Сиаджи Самбола. Он вырастает, идет на запад, Мулоджади посылает за ним ласточку, та сажает мальчика себе на спину и приносит на небо. Мулоджаджи объясняет, что душа Сиаджи Самбола попросила дать ей лишь половину своей будущей судьбы. Он предлагает мальчику самому снова выбрать себе судьбу. Тот перебирает различные поприща, все они кажутся трудными, он согласен остаться половинкой. Однако Мулоджади говорит, что может вовсе его растопить и создать заново. На седьмой раз удается создать для Сиаджи Самбола полноценное тело, он отправлен назад на землю [Knappert 1999: 294–296].

Бали (резюме шести версий). Леджат ругает богов за то, что бездетен. Бог в обличье старца дает ему половину коржика, который съедает жена Леджата. У супругов рождается мальчик-половинка. Он идет на небо искать бога, которому обязан своим уродством. По пути человек просит Половинку спросить у бога, почему на его поле не растет рис. Половинка поднимается на небо на быке, находит каменный порог в виде половины человека, прикладывает к себе, становится целым, затем узнает у бога, какую жертву следует принести, чтобы на поле старика уродился рис. Вернувшись на землю, юноша побеждает великана, получает дочь раджи [Хойкас-ван Леувен Бомкамп 1983: 59–65, № 10].

Остров Роти (к юго-западу от Тимора). Младшая из двух сестер — половинка (по вертикали). Руша рис, она вечно задевает пестом пест своей сестры, а та кричит, что Половинка ужасна, ничего не видит, знай, дубасит; Половинка жалуется матери, но мать подтверждает, что та действительно есть лишь полчеловека. Половинка уходит искать свою другую половину. Старушка, затем буйвол, лошадь, муравей указывают дорогу, муравей объясняет, как войти в дом Господа. Тот велит разрубить Половинку в куски, слепить в комок, накрыть, через три дня девушка возрождается полным человеком. Господь дает ей богатства, отправляет к родителям. Старшая сестра тоже хочет обогатиться; идет тем же путем, но объясняет встречным, что хочет получить свою долю на небе. Господь превращает ее в черную собаку, от нее происходят нынешние [Platenkamp 2005: 137–141].

Лода (северные Молукки, Хальмахера). У первых мужчины и женщины сын. Когда жена беременна вторым, дождь смыл в реку половину ее огорода, она прокляла дождь, у нее родился сын-половинка. Он поднялся к небесному богу, тот велел выкупаться в пруду, юноша стал красавцем, вернулся домой. Старший брат захотел быть таким же красивым, бог велел ему выкупаться, обвязав шею белым платком, он превратился в собаку с белым пятном на шее [Baarda 1904: 444–446, № 13].

Вемале (центральные Молукки, Серам). Девушка работает в поле, начинается дождь, она прокликает его. Забеременев, она рождает сына по имени Таунала, у которого есть лишь правая половина тела. Таунала приходит к верхний мир к богу Дуниаи за

своей второй половиной. Тот варит в котле обе половины, лепит из разварившейся субстанции нового юношу, велит передать матери, чтобы та больше не кляла дождь [Prager 2005: 107]. В сходной версии женщина ругает не дождь, а солнце [Prager 2005: 107–108].

Острова Кай (южные Молукки). Женщина сушит бобы, чечевицу; то начинается дождь, то снова солнце; она говорит Богу, что тот, вероятно, хочет расщепить людей пополам; рождает сына-половинку; он просит мать дать ему лук и стрелы, идет к Богу; встреченные просят спросить и об их проблемах; 1) один все время ходит за водой, больше ничего не успевает; 2) второй ждет, когда выльется пальмовое вино, оно все не льется; половинка останавливается у раджи, Бог приходит туда, делает целым, велит сказать матери, чтобы больше не богохульствовала; вино надо лить через трубку, воду носить сосудом [Barraud 2005: 51–53]. В другом варианте сын-половинка рождается потому, что его мать из жадности давала другим лишь половину того, что требовалось [Barraud 2005: 49–51].

Сходные повествования записаны и в других районах восточной и западной Индонезии, в частности у дусунов Борнео, на островах Сангихе, Нумфор, Ниас [Dixon 1916: 337; Evans 1913: 456–457]. Точные филиппинские параллели мне не известны, хотя они могут существовать.

Независимое возникновение в Средиземноморье и Индонезии образа мальчика-половинки в качестве героя сказки теоретически допустимо, но вероятность такого развития выглядит минимальной. Вопрос в другом: распространялся ли мотив с запада на восток или с востока на запад. Второе решение выглядит предпочтительней.

Прежде всего, мотив зафиксирован на Мадагаскаре, но не в континентальной Африке южнее Сахары, что позволяет связать его появление на этом острове с миграцией австронезийцев, имевшей место в V–VI вв. н.э. [Adelaar 2006; Hurler a.o. 2005; Pawley 2002: 269]. Мальгашский текст есть не сказка, а миф, объясняющий смертную природу человека и обнаруживающий параллели на юге и севере Евразии [Березкин 2006; 2008]. Его герой, человек-половинка Затуву, является оппонентом бога-создателя, но не враждебен ему. Его образ колеблется между хтоническим божеством и героем сказки.

Мальгаши. Затуву, имевший лишь половину тела, не был создан Занахари, а вырос из земли как растение, а его коровы и бараны не ели травы Занахари. Когда Затуву разжег огонь, Занахари отправил посла узнать, в чем дело, и залил огонь дождем. Так появились моря и озера. Затуву создал гору, отсиделся в пещере. Занахари велит Затуву определить, кто корова, кто телка, где у палки низ. Тот выполняет оба задания (корова мычит, зовя телку, брошенная палка втыкается нижним концом). Дочь Занахари пошла за водой, увидела отражение Затуву, решила, что оно — ее собственное, огорчилась. В следующий раз Затуву стал полным человеком, взял дочь Занахари в жены. Он сделал глиняные фигурки людей и животных, но не смог их оживить. Занахари оживил фигуры, люди все съели, настал голод. Затуву признал превосходство Занахари, тот послал дождь и рис, сделал так, что женщины стали рожать, разрешил Затуву забирать тела умерших и прятать их в землю, откуда он сам вырос [Корнеев 1962: 70–74].

Тексты, записанные на Маршалловых островах, не имеют космологического характера и половинками в них являются братья героя, а не он сам. Люди-половинки из микронезийских повествований — это не африканские или сибирские монстры, не людоеды, которые согласно представлениям полинезийцев Тикопии обитают на одном из небесных ярусов [Firth 1967: 340], и не поддерживающий мир великан, как в представлениях тайваньских пуюма [Yamada 2002: 65]. Перед нами люди, сказочные персонажи, хотя и противопоставленные главному герою в качестве неудачников. Наличие в Микронезии подобного извода образа человека-половинки есть довод в пользу его древности в австронезийской традиции.

Атолл Элонинэ (Маршалловы острова). Женщина рождает 10 сыновей, у каждого одна рука, одна нога, один глаз, одно ухо. Они отправляются ловить лангуст, ведьма (или какой-то зверь) съедает их, когда они засыпают. Женщина снова рождает десять сыновей-половинок, все повторяется. В третий раз она рождает девять половинок, а десятого целого. Другие считают его ненормальным, не хотят брать с собой. Ложась спать, он кладет себе на глаза камешки с глазным узором, чтобы ведьма подумала, будто он бодрствует. Далее он либо убивает, либо прогоняет ее [Tobin 2002: 207–215].

Рассказ из Махабхараты о царе Джарасандхе («соединенный Джарой») также в некоторых аспектах близок сказкам. Герой повествования в конце концов превращается в демоническое существо, но обстоятельства его рождения похожи на те, которые есть в средиземноморских и индонезийских сказках.

Махабхарата (Мхб.2.3; Sabhā Parva 3:17). Царь Магадхи Брихадратха женат на двух дочерях-близнецах царя Каши. Он обещал, что не будет оказывать предпочтение одной супруге перед другой. Обе долгое время бездетны, и Брихадратха просит помочь отшельника. Тот садится под деревом манго, дает царю упавший с него плод, каждая из жен съедает по половинке. В результате одна рождает левую, другая правую половину мальчика. Обе половины выброшены, но поедающая трупы ракшаси Джара случайно соединяет их, в результате чего возникает целый живой мальчик. Он получает от отца трон, становится могущественным властителем и тираном, Бхимасена убивает его, переломив пополам [Кальянов 1962: 41–51].

Перепев этой истории известен на Яве.

Ява. Бездетный царь Ведарасанда женат на двух сестрах. Монах советует ему сесть под деревом манго, в руки царя падает плод. Жены царя съедают по половине, каждая рождает мальчика-половинку. Их оставляют на съедение людоедке, но половинки соединяются, юноша становится царем, который может захватить весь мир, если сохранит свою целостность, поэтому Бима снова разделяет его [Headley 2005b: 162–163].

На Филиппинах рассмотренный выше мотив ребенка, поделенного между двумя персонажами, изредка сочетается с мотивом мальчика-половинки.

Игорот. После смерти матери Думагид разрезает сына надвое по вертикали. Часть, оставшаяся с небесным отцом, спускается оживить истлевшее тело брата, и теперь оба они производят гром [Headley 2005a: 41].

Приведенные резюме позволяют предполагать, что в Юго-Восточной Азии повествования, в которых действует мальчик-половинка, хотя в основном и утратили связь с актуальной космологией, однако развились из местных мифологических сюжетов, и связь эта в некоторых случаях еще остается достаточно сильной. В поль-

зу того, что герои (а не демонические существа) в образе людей-половинок могли быть представлены в мифологии региона с глубокой древности, свидетельствуют неполные параллели подобному образу в мифах американских индейцев. Если индейцы принесли их со своей азиатской прародины, то с определенной вероятностью *terminus ante quem* мотива можно датировать финальным палеолитом. При этом удвоение героя с превращением его в двух персонажей, и образ существа с одной ногой, одним глазом и т.п. правильнее, по-видимому, рассматривать как два отдельных мотива с разной историей и разными ареалами распространения. В Юго-Восточной Азии в результате контаминации этих мотивов возник образ героя-половинки, обретающего телесную полноту.

Мотив мальчика-половинки есть в корейском фольклоре [Cho 2001: 183–188; Choi 1979: 60–61], но мотивировка рождения неполного человека здесь отсутствует, божества тоже не упомянуты. К тому же корейский герой хотя и обладает лишь половиной тела, но все же ходит на двух ногах. Это не единственный мотив, объединяющий корейский фольклор с более южным, так что параллели такого рода, скорее всего, исторически обусловлены. Поскольку, однако, ранние письменные источники содержат ничтожно мало сведений по корейской мифологии, предложить конкретную реконструкцию трудно. Положительный сказочный персонаж-половинка, обретающий в конце концов телесную полноту, зафиксирован также у нанайцев, хотя нанайский вариант отличается от остальных тем, что персонаж этот — девушка [Киле 1996, № 24: 265–273; Суник 1958, № 3: 129–131].

Ситуация со Средиземноморьем и Передней Азией иная. Там мы располагаем большим количеством древних текстов и изображений и можем уверенно полагать, что никаких существ-половинок в эпоху античности и ранее в этих регионах известно не было. Записанные недавно арабские, французские и прочие тексты представляют собой именно сказки, тогда как в индонезийских остаточная связь с мифологией, как только что было сказано, сохраняется (персонаж идет к конкретному местному божеству). Проще всего предположить, что на запад Евразии и в Северную Африку образ мальчика-половинки проник из Юго-Восточной Азии в эпоху Средневековья, скорее всего, в ходе торговых кон-

тактов в бассейне Индийского океана. Такое заимствование — лишь один из многих примеров массивированного проникновения на запад ойкумены образов и сюжетов из Южной, Юго-восточной и Восточной Азии. Процесс этот, по-видимому, начался в поздней античности в связи с формированием трансевразийской информационной сети — «мир-системы».

Близкий к рассмотренному, но отдельный мотив, ареал распространения которого еще предстоит уточнить, — это герой в образе петуха-половинки («полукурочка», «полцыпленка»), зафиксированный как у апаяо Лусона [Wilson 1947: 135–138], так и у испанцев, французов, аварцев, грузин и, скорее всего, знакомый ряду других народов Западной Евразии [Малиновская 2002: 199–201; Халилов 1965: 104–105; Чиковани 1986: 35–36; Caballero 1918: 75–79; Voggs 1933; Joisten 1991: 262–265]. «Полукурочка» есть в указателе мотивов С. Томпсона под номером B171.1 [Thompson 1955–1958] и в указателе сюжетов Х.-Й. Утера под номером 715 [Uther 2004]. Проверка по первоисточникам, однако, показывает, что авторы отбирали тексты исходя не из мотива половинности персонажа, а на основе других мотивов, которые сюжетно бывают с ним связаны. То же касается и региональных указателей. Например, в болгарском под номером 715 речь идет не о петухе-половинке, а о хромом петухе (куцото петле) [Даскалова-Перковска и др. 1994], в указателе восточно-славянской сказки [Бараг и др., 1979] физические особенности петуха вообще не упоминаются. Указатель Х. Эль-Шами [El-Shamy 2004] фиксирует сюжет 715 для всей арабоязычной Передней Азии, но не для Северной Африки, однако действительно ли у всех (или хотя бы у некоторых) переднеазиатских арабов есть в сказках петух-половинка, сказать невозможно.

Сказка как жанр, к которому относятся тексты с подобным мотивом, возникла, конечно, не в Юго-Восточной Азии, но сам мотив, как можно предполагать, связан своим происхождением с регионом, в котором куры впервые стали домашними и где они занимают важнейшее место и в фольклоре, и в ритуале. Хотя распространение на Филиппинах фольклорных текстов испанского происхождения ожидаемо, филиппинский текст, в котором фигурирует «полупетух», записан не у равнинных народов, в наиболь-

шей степени контактировавших с испанцами, а у горцев, и сюжетно мало похож на европейские.

Структуралистский подход — величайшее достижение фольклористики первой половины XX в. Для композиции текстов да, скорее всего, и для слушателей или читателей сказок такие детали, как хромота петуха или его половинность, столь же несущественны, как и особенности отпечатков пальцев у отдельных людей. Но для прослеживания культурных связей и реконструкции исторических процессов именно несущественные подробности могут оказаться в высшей степени важными.

Литература

Бараг и др., 1979 — Бараг Л.Г., Березовский И.П., Кабашников К.П., Новиков Н.В. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Березкин 2006 — Березкин Ю.Е. До или после Завета? «Оплеванное творение» и сопутствующие мифологические мотивы в Евразии // Культура Аравии в азиатском контексте. СПб: МАЭ РАН, 2006. С. 225–249.

Березкин 2008 — Березкин Ю.Е. Африканский Ветхий Завет и азиатское «народное христианство»? // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. М.: РГГУ, 2008. С. 222–257.

Березкин 2010 — Березкин Ю.Е. Плеяды-отверстия, Млечный Путь как Дорога Птиц, девочка на луне: североевразийские этнокультурные связи в зеркале космоимии // Археология, этнография и антропология Евразии 4 (44), 2010. С. 100–113.

Гура 2006 — Гура А.В. Лунные пятна: способы конструирования мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 460–484.

Даскалова-Перковска и др. 1994 — Даскалова-Перковска Л., Добрева Д., Коцева Й., Мицева Е. Български фолклорни приказки. Каталог. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1994. 827 с.

Кальянов 1962 — Кальянов В.И. Махабхарата. Книга вторая Сабхапарва или Книга о Собрании. Пер. с санскрита и комм. В.И. Кальянова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 253 с.

Киле 1996 — Киле Н.Б. Нанайский фольклор. Нингман, сioxор, тэ-лунгу. Новосибирск: Наука, 1996. 478 с.

Козинцев 2001 — Козинцев А.Г. Эволюция человеческих популяций в южной части Тихоокеанского бассейна: Новые факты и обобщения // Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия. Народы, культура, история:

Маклаевские чтения (1998–2000). Краткое содержание докладов. СПб: МАЭ РАН, 2001. С. 90–96.

Козинцев 2008 — Козинцев А.Г. Индонезийцы, индейцы и прото-морфные монголоиды Западной Сибири // Индонезийцы и их соседи. Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину. СПб: МАЭ РАН, 2008. С. 355–360. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

Корнеев 1962 — Корнеев Л. Сказки и пословицы Магадаскара. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 111 с.

Малиновская 2002 — Малиновская Н.Р. Зеленая роза или двенадцать вечеров. Испанские народные сказки. М.-СПб: Летний Сад, 2002. 279 с.

Рыбкин 1975 — Рыбкин Р.Л. Сказки и мифы народов Филиппин. М.: Наука, 1975. 429 с.

Суник 1958 — Суник О.П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Учпедгиз, 1958. 208 с.

Тайлор 1989 — Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Пер. с англ. Д.А. Корочевского. М.: Издательство политической литературы, 1989. 573 с.

Федорова 1978 — Федорова И.К. Мифы, предания и легенды острова Пасхи. М.: Наука, 1978. 382 с.

Халилов 1965 — Халилов Х.М. Сказки народов Дагестана. М.: Наука, 1965. 319 с.

Хойкас-ван Леувен Бомкамп 1983 — Хойкас-ван Леувен Бомкамп Я. Сказки острова Бали. М.: Наука, 1983. 272 с.

Чиковани 1986 — Чиковани М.Я. Грузинские народные сказки. Тбилиси: Ганатлеба, 1986. 527 с.

Штурм 1990 — Штурм М. Сказки Индии и Бирмы. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1990. 591 с.

Adelaar 2009 — Adelaar A. Towards an integrated theory about the Indonesian migrations to Madagascar // Ancient Human Migrations. A Multi-disciplinary Approach / Ed. by P.N. Peregrine, I. Peiros, and M. Feldman. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2009. P. 149–172.

Adriani, Kruyt 1950 — Adriani N., Kruyt A.C. De Bare'e Sprekende Toradjas van Midden-Celebes (de Oost-Toradjas). Deel I. Amsterdam: N.V. Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij, 1950. 478 p.

Baarda 1904 — Baarda M.J. van. Lòdasche texten en varhalen // Bijdrachen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandisch-Indië. 1904. No 56 (3–4). P. 392–493.

Beckwith 1970 — Beckwith M. Hawaiian Mythology. Honolulu: University of Hawaii Press, 1970. 575 p.

Bellwood 1987 — Bellwood P. The prehistory of Island Southeast Asia: a multidisciplinary review of recent research // Journal of World Prehistory. 1987. No 1 (2). P. 171–224.

Bentley a.o. 2007 — Bentley R.A. a.o. Lapita migrants in the Pacific's oldest cemetery: isotopic analysis at Teouma, Vanuatu // *American Antiquity*. 2007. No 72 (4). P. 645–656.

Berezkin 2009 — Berezkin Yu. Out of Africa and further along the Coast (African — South Asian — Australian mythological parallels) // *Cosmos* (Edinburgh). 2009. No 23 (1). P. 3–28.

Bierhorst 1995 — Bierhorst J. *Mythology of the Lenape*. Tucson: The University of Arizona Press, 1995. 147 p.

Boggs 1933 — Boggs R.S. *The Halfchick tale in Spain and France*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1933. 40 p.

Bompas 1909 — Bompas C.H. *Folklore of the Santal Parganas*. L.: David Nutt, 1909. 483 p.

Briffault 1927 — Briffault R. *The Mothers*. Vol. 2. L.: George Allen & Unwin; N.Y.: The Macmillan Co, 1927. 789 p.

Bhattacharjee, Binod 1930 — Bhattacharjee P.N., Binod B. *Folkcustom and folklore of the Sylhet District in India* // *Man in India*. 1930. No 10 (2–3). P. 116–149.

Caballero 1918 — Caballero F. *Medio-pollito* // *Folk-Lore*. 1918. No 29(1). P. 75–79.

Cho 2001 — Cho H.-W. *Korean Folktales*. Seoul: Jimoondang International, 2001. 260 p.

Choi 1979 — Choi I.-H. *A Type Index of Korean Folktales*. Seoul: Myong Ji University Publishing, 1979. 353 p.

Clark 2005 — Clark G.R. A 3000-year culture sequence from Palau, Western Micronesia // *Asian Perspectives*. 2005. No 44 (2). P. 349–380.

Cline 1944 — Cline H. *Lore and deities of the Lacandon Indians, Mexico* // *Journal of American Folklore*. 1944. No 57 (224). P. 107–115.

Coombe 1911 — Coombe F. *Islands of Enchantment*. Many-sided Melanesia. L.: MacMillan & Co, 1911. 382 p.

Covarrubias 1956 — Covarrubias M. *Island of Bali*. New York: Alfred A. Knopf, 1956. 417 p.

Crooke 1894 — Crooke W. *An Introduction to the Popular Religion and Folklore of Northern India*. Allahabad: Government Press, 1894. 420 p.

Curtin 2001 — Curtin J. *Seneca Indian Myths*. Mineola, N.Y.: Dover Publications, 2001. 516 p.

Dickinson, Schuler 2000 — Dickinson W., Schuler R. Implications of petroglyphic temper analysis for Oceanic prehistory // *Journal of World Prehistory*. 2000. No 14 (3). P. 203–266.

Dixon 1916 — Dixon R.B. *Oceanic Mythology*. Boston: Marshall Jones Co, 1916. 364 p.

Donohue, Denham 2008 — Donohue M., Denham T. The language of Lapita: Vanuatu and an early Papuan presence in the Pacific // *Oceanic Linguistics*. 2008. Vol. 47. No 2. P. 433–443.

El-Shamy 2004 — El-Shamy H.M. Types of the folktale in the Arab world : a demographically oriented tale-type index. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2004. 1255 p.

Elwin 1939 — Elwin V. The Baiga. L.: John Murray, 1939. 550 p.

Elwin 1949 — Elwin V. Myths of Middle India. Madras: Oxford University Press, 1949. 532 p.

Elwin 1950 — Elwin V. Bondo Highlander. L.: Oxford University Press, 1950. 290 p.

Elwin 1954 — Elwin V. Tribal Myths of Orissa. Bombay; Oxford University Press, 1954. 700 p.

Enthoven 1924 — Enthoven R.E. The Folklore of Bombay. Oxford: Clarendon Press, 1924. 353 p.

Eugenio 1994 — Eugenio D.L. Philippine Folk Literature. The Myths. Diliman, Quezon City: University of the Philippines Press, 1994. 512 p.

Erdoes, Ortiz 1984 — Erdoes R., Ortiz A. American Indian Myths and Legends. N.Y.: Pantheon Books, 1984. 527 p.

Evans 1913 — Evans I.H.N. Folk stories of the Tempassuk and Tuaran Districts, British North Borneo // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1913. No 45. P. 422–479.

Evans 1918 — Evans I.H.N. Some Sakai beliefs and customs // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1918. No 48. P.179–197.

Evans 1937 — Evans I.H.N. The Negritos of Malaya. Cambridge: Cambridge University Press, 1937. 323 p.

Firth 1967 — Firth R. Tikopia Ritual and Belief. London: George Allen & Unwin, 1967. 374 p.

Fuchs 1950 — Fuchs S. The Children of Hari. A Study of the Nimae Balahis in the Central Provinces of India. Wien: Verlag Herold, 1950. 463 p.

Garvan 1963 — Garvan J.M. The Negritos of the Philippines. Horn; Wien: Verlag Ferdinand Berger, 1963. 288 p.

Gill 1876 — Gill W.W. Myths and Songs from South Pacific. L.: H.S. King, 1876. 328 p.

Goldberg 2003 — Goldberg C. 'The Dwarf and the Giant' (AT 327B) in Africa and the Middle East // *Journal of American Folklore*. 2003. No 116 (461). P. 339–350.

Hatt 1949 — Hatt G. Asiatic Influences in American Folklore. København: Ejnar Munksgaard, 1949. 122 p.

Headley 2005a — Headley S.C. Ébauches d'hommes: sociétés et corps inachevés // *L'Homme*. 2005. No 174. P. 23–44.

Headley 2005b — Headley S.C. Des hommes incomplets à Java // *L'Homme*. 2005. No 174. P. 161–202,

Hewitt 1928 — Hewitt J. N. B. Iroquoian cosmology // 43rd Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington D.C.: Government Printing Service, 1928. P. 449–891.

Hose 1912 — Hose Ch., McDougall W. The Pagan Tribes of Borneo. Vol. 2. L.: MacMillan & Co, 1912. 341 p.

Hurles a.o. 2005 — Hurles M.E., Sykes B.C., Jobling M.A., Foster P. The dual origin of the Malagasy in Island Southeast Asia and East Africa: evidence from maternal and paternal lineages // *American Journal of Genetics*. 2005. No 76. P. 894–901.

Jamieson 1985 — Jamieson N. A perspective on Vietnamese prehistory based upon the relationship between geological and archaeological data: summary of an earlier article by Nguyen Duc Tam // *Asian Perspectives*. 1985. No 24 (2). P. 187–192.

Joisten 1991 — Joisten Ch. Contes populaires du Dauphiné. T. 1. Grenoble: Glénat, 1991. 383 p.

Kayser 2010 — Kayser M. The human genetic history of Oceania. Near and remote views of dispersal // *Current Biology*. 2010. No 20. R194–R201.

Knappert 1999 — Knappert J. Mythology and folklore in South-East Asia. Selangor; Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1999. 315 p.

Krappe 1938 — Krappe A.H. La Genèse des Mythes. P.: Payot, 1938. 357 p.

Kruyt 1938 — Kruyt A.C. De West-Toradjas op Midden-Celebes. Deel II. Amsterdam: N.V. Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij, 1938. 630 p.

Kühn 1936 — Kühn A. Sonne und Mond in der Mythen der Indochinesen // *Artibus Asiae* 1936. No 6 (1–2). P. 73–90.

Lessa 1961 — Lessa W.A. Tales from Ulithi Atoll. Berkeley: University of California Press, 1961. 493 p.

Lewis a.o. 2008 — Lewis, Helen a.o. Terminal Pleistocene to mid-Holocene occupation and an early cremation burial at Ille Cave, Palawan, Philippines // *Antiquity*. 2008. No 82. P. 318–335.

Lindell a.o. 1978 — Lindell K., Swahn J.-Ö., Tayanin D. Folk Tales from Kammu. II: A Story-Teller's Tales. L.; Malmö: Curzon Press, 1978. 185 p.

Lu 2006 — Lu T.L.-D. The occurrence of cereal cultivation in China // *Asian Perspectives*. 2006. No 45 (2). P. 129–158.

Luomala 1973 — Luomala K. The ear-flyers and related motifs in the Gilbert Islands and its neighbors // *Journal of American Folklore*. 1973. No 86 (34). P. 260–271.

Maab 1933 — Maab A. Die Sterne im Glauben der Indonesier // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1933. No 65 (4–6). P. 264–303.

Macdonald 2005 — Macdonald Ch. Du corps déconstruit au corps reconstruit // *L'Homme*. 2005. No 174. P. 75–102.

Marck 2008 — Marck J. Proto-Oceanic society was matrilineal // *The Journal of the Polynesian Society*. 2008. No 117 (4). P. 345–382.

Majumder 2010 — Majumder O.P. The human genetic history of South Asia // *Current Biology*. 2010. No 20. R184–R187.

Moss 1924 — Moss C.R. Nabaloi tales // *University of California Publications in American Archaeology and Ethnology*. 1924. No 17 (2). P. 227–353.

Mudar, Anderson 2007 — Mudar K., Anderson D. New evidence for Southeast Asian Pleistocene foraging economies: faunal remains from the early levels of Lang Rongrien rockshelter, Krabi, Thailand // *Asian Perspectives*. 2007. No 46 (2). P. 298–334.

Muhawi, Kanaana 1989 — Muhawi I., Kanaana Sh. Speak, Bird, Speak Again. Palestinian Arab Folktales. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1989. 420 p.

Nunn 2007 — Nunn P.D., a.o. The Lapita occupation at Naitabale, Moturiki Island, Central Fiji // *Asian Perspectives*. 2007. No 46 (1). P. 96–132.

Pawley 2002 — Pawley A. The Austronesian dispersal: languages, technologies and people // P. Bellwood, C. Refrew, eds. *Examining the Farming/Language Dispersal Hypothesis*. Cambridge U.K.: MacDonald Institute, 2002. P. 251–274.

Peiros 2008 — Peiros I.I. The Formosan language family // *Past Human Migrations in East Asia*. London, New York, 2008. P. 182–210.

Piper a.o. 2009 — Piper P.J., Hsiao-chun Hung, Campos F.Z., Bellwood P., Santiago R. A 4000 year-old introduction of domestic pigs into the Philippine Archipelago: implications for understanding routes of human migration through Island Southeast Asia and Wallacea // *Antiquity*. 2009. Vol. 83 (321). P. 687–695.

Platenkamp 2005 — Platenkamp J.D.M. Des personnes incomplètes aus sociétés accomplies // *L'Homme*. 2005. No 174. P. 103–124.

Prager 2005 — Prager M. Half-men, tricksters and dismembered maidens. The cosmological transformation of body and society in Wemale mythology // *L'Homme*. 2005. No 174. P. 103–124.

Rahmann 1955 — Rahmann R. Quarrels and enmity between the Sun and the Moon. A contribution to the mythologies of the Philippines, India, and the Malay Peninsula // *Folklore Studies*. 1955. No 14. P. 202–214.

Schebesta 1928 — Schebesta P. Orang-Utan. Bei den Urwaldmenschen Malayas und Sumatras. Leipzig: Brockhaus, 1928. 274 S.

Schebesta 1931 — Schebesta P. Among the Forest Dwarfs of Malaya. L.: Hutchinson & Co, 1931. 288 p.

Schefold 1988 — Schefold R. Lia. Das große Ritual auf den Mentawai-Inseln (Indonesien). Berlin: Dieter Reimer Verlag, 1988. 695 S.

Skeat, Blagden 1900 — Skeat W.W., Blagden C.O. Malay Magic. L.; N.Y.: MacMillan Co, 1900. 593 p.

Skeat, Blagden 1906 — Skeat W.W., Blagden C.O. Pagan Races of the Malay Peninsula. Vol. 2. L.: Macmillan, 1906. 855 p.

Smith 1883 — Smith E.A. Myths of the Iroquois // 2nd Annual Report of the Bureau of Ethnology. Washington D.C.: Government Printing Service, 1883. P. 47–116.

Spoer 1931 — Spoer A.M. Palestine folktales // Folk-Lore. 1931. No 42 (2). P. 150–156.

Thompson 1955–1958 — Thompson S. Motif-index of Folk-literature. Vols. 1–6. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.

Tobin 2002 — Tobin, Jack A. Stories from the Marshall Islands. Honolulu: University of Hawai's Press, 2002. 400 p.

Uther 2004 — Uther H.-J. The Types of International Folktales. Vol. 1–3. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.

Vásquez Dávila, Hipólito Hernández 1994 — Vásquez Dávila M.A., Hipólito Hernández E. La cosmovisión de los chontales de Tabasco // América Indígena. 1994. No 54 (1–2). P. 149–168.

Villanes Cairo 1978 — Villanes Cairo C. Los Dioses Tutelares de los Wanka. Huancayo, Peru: Editorial San Fernando, 1978. 170 p.

Vitebsky 1980 — Vitebsky P. Birth, entity and responsibility: the spirit of the Sun in Sora cosmology // L'Homme. 1980. No 20 (1). P. 47–70.

Voegelin 1936 — Voegelin C.F. The Shawnee female deity. L.: Oxford University Press; New Haven: Yale University Press, 1936. 21 p.

Voegelin 1942 — Voegelin C.F. Culture element distributions: XX. Northeast California // University of California Anthropological Records. 1942. No 7 (2). P. 47–251.

Warneck 1923 — Warneck J. Die Religion der Batak. Ein Paradigma für animistische Religionen des Indischen Archipels. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1923. 136 S.

Wilson 1947 — Wilson L.L. Apayao Life and Legends. Baguio: n.e. 1947, 195 p.

Williamson 1933 — Williamson R.W. Religious and Cosmic Beliefs of Central Polynesia. Vol. 1. Cambridge: University Press, 1933. 399 p.

Wrigglesworth 1991 — Wrigglesworth H.J. The Maiden of Many Nations. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 1991. 321 p.

С. И. Яценко

**ИЛОКАНСКИЙ ЭПОС «ЖИЗНЬ ЛАМ-АНГА»:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
И СОДЕРЖАНИЕ ПАМЯТНИКА**

«Жизнь Лам-анга» (*Biag ni Lam-ang*) — один из двух известнейших памятников филиппинской эпической поэзии наряду с худхуадами ифугао, создан народом илоко (или илокано) — третьим по численности филиппинским этносом (ок. 9 млн чел.), населяющим преимущественно центральную, северо-западную и северо-восточную часть острова Лусон, лежащего на севере Филиппинского архипелага. Илоканцы — единственный из христианизированных филиппинских народов, чей эпос в относительно полном виде дошел до наших дней. Помимо «Лам-анга» из эпоса христианизированных народов известен лишь отрывок бикольского эпоса «Хандионг» (в испанском пересказе). Илоканская литература считается второй наиболее развитой литературой Филиппин на местных языках (после тагалоязычной).

Сегодня сказание о Лам-анге известно не только среди народа, его создавшего, но и на всей территории современных Филиппин и является общенациональным достоянием. Оно упоминается во всех хрестоматиях по филиппинской литературе, переведено на несколько языков, а его текст в различных версиях издавался и переиздавался не один десяток раз. Изучение этого произведения является обязательной частью школьной программы по литературе и частью курса филиппинской литературы в университете. Начиная с конца XIX в. исследованию «Жизни Лам-анга» было посвящено несколько научных трудов.

Илоканскому сказанию о Лам-анге, худхуадам ифугао и «Бантугану» маранао посвящена первая в истории петербургской филиппинистики дипломная работа по эпосу [Есаулова 1972].

Данная статья носит обзорный характер и затрагивает в основном вопросы истории изучения памятника и его содержания. Вопросы формы будут упомянуты лишь вскользь.

О бытовании памятника Л. Ябес в своем исследовании, посвященном «Жизни Лам-анга», пишет: «...популярное в народной среде, прежде всего у крестьян, произведение обычно исполняется пожилыми людьми, знающими текст памятника наизусть, во время свадьбы, крещения или крестьянских праздников. Исполнение происходит в жанре традиционной песни-импровизации под названием *даллот*¹, где прозаическое повествование перемежается с завораживающим своей красотой песенным исполнением, а сам исполнитель, будучи в контакте с аудиторией, нередко сочиняет новые строки на ходу, если чувствует, что такая импровизация придется по вкусу публике, но при этом всегда придерживается определенной рифмы и ритма. Исполнению аккомпанирует гитара или *кутибенг* — традиционный илоканский струнный музыкальный инструмент, сделанный из бамбука, напоминающий гитару» [Yabes 1935: 5–6].

Текст памятника известен в шести версиях, записанных в период с конца XIX — первой половины XX в. Традиция его исполнения, по-видимому, прекратилась.

На сегодняшний день известно о существовании шести версий текста памятника, зафиксированных в письменном виде. Это версия Кануто Медины (?), версия Исабело де лос Рейеса (1890), версия, изданная в журнале «Ла Луча» (1926), версия, изданная «Типографией Братьев Парайно» (1927) (неизвестен составитель/автор этих двух версий), версия Леопольдо Ябеса (1935) и версия Ф. Маганы (?)². Более всего от других отличается версия Ф. Маганы (как по языку повествования, так и по содержанию), в то время как другие пять версий в значительной степени гомогенны.

Из перечисленных доступными являются версия Л. Ябеса [Yabes 1935], версия «Братьев Парайно» [Parayno 2005], версия Исабело де лос Рейеса [Reyes 1890], а также версия Ф. Маганы [Jamias 1948]. Первые три версии выложены в Интернете. По-

¹ Аналогом данного жанра являются в том числе малайские и ачехские *пантуны*, *дупло* тагалов. Данный жанр, по мнению современных исследователей, являет собой древнейший поэтический жанр австронезийцев. Подробнее см.: [Парникель 1980: 13].

² Подробнее о различных версиях текста «Жизни Лам-анга» см.: [Yabes 1935: 1–3; Antolohiya 1984: 66–67, 70–72; Яценко 2011: 10–12].

следняя хранится в библиотеке Университета Филиппин. Вполне возможно, что оставшиеся две версии со временем также удастся обнаружить.

Существует испанский перевод версии И. де лос Рейеса, английский и тагальский переводы версии Л. Ябеса. Нами были переведены на русский язык версия Л. Ябеса (с тагальского перевода с оглядкой на оригинальный текст) [Яценко 2009], а также версия Ф. Маганы (с илоканского языка) [Яценко 2011].

В отличие от большинства известных версий текста памятника о версии Ф. Маганы можно говорить как об аутентичном фольклорном тексте. Она была записана Хосе Льянесом от Франсиско Маганы, крестьянина из г. Банги, провинции Илокос Сур (дата записи не упоминается). Ее текст содержится в курсовой работе студентки второго курса Университета Филиппин Н.Ф. Хамиас [Jamias 1948]. Другим таким текстом является версия Исабело де лос Рейеса, которая была подарена ему приходским священником г. Бангар Херардо Бланко, по-видимому, записавшим текст от сказителя (имя которого не указывается). Исабело де лос Рейес опубликовал данную версию в своей книге «Филиппинский фольклор» (*El Folklore Filipino*) [Reyes 1890: 235–297], при этом он исправил некоторые ошибки, допущенные Х. Бланко при записи, «одной из которых было то, что героиней поэмы являлась женщина» [Reyes 1890: 235], а также внес от себя некоторые дополнения в текст, например то, что герой жил в селении под названием Нальбуан [Reyes 1890: 238]. К сожалению, анализом версии И. де лос Рейеса до сих пор никто не занимался.

В то же время аутентичность прочих версий «Лам-анга» — вопрос спорный. Авторской является версия Л. Ябеса, которую тот составил из трех предыдущих версий, заменяя и переделывая отдельные слова и строки, чтобы «мысль стала более ясна и последовательна, а форма — более красива» [Yabes 1935: 9]. Аутентичность версии «Братьев Парайно», взятой Л. Ябесом за основу при составлении собственной, также вызывает сомнения.

Д.Л. Эухенио по этому поводу пишет: «Став известным во времена, когда *awit* и *corrido* (жанры повествовательной поэзии

героического и любовного содержания в основном на испанские сюжеты о героях реконкисты, переработанные под филиппинские реалии. — С.Я.), набирали все большую популярность, “Жизнь Лам-анга” неизбежно стала исполняться также в форме *awit*'а. Фактически именно версия “Лам-анга” в форме *awit*'а, изданная в 1927 г. Типографией Братьев Парайно (г. Каласиао провинции Пангасинан), специализировавшейся на издании именно *awit*'ов, впоследствии стала наиболее популярной версией этого народного эпоса. Она носит длинное название, что также является характерным для произведений в жанре *awit*, и называется *Historia a Pacasaritaan ti Panagbiag ni Lam-ang iti Ili a Nalbulan nga Asaao ni Doña Ines Cannoyan iti Ili a Calanotian* (Рассказ о Жизни Лам-анга из селения Нальбуан, мужа Доньи Инес Каннойан из селения Каланотиан)» [Eugenio 2007: 39].

Приведенная выше цитата позволяет сделать предположение, что первоначальное ядро версии «Братьев Парайно» подверглось искусственной переработке, результатом которой явились все нововведения, отличающие ее от прочих версий «Лам-анга». Что послужило основой для версии «Братьев Парайно», остается загадкой.

Таким образом, из доступных на сегодняшний день версий «Жизни Лам-анга» версии Ф. Маганы и И. де лос Рейеса представляют особую ценность и интерес, поскольку они более всего сохраняют в себе черты устного фольклорного произведения.

Сюжетное ядро памятника (как и большинства древних эпических произведений народов Нусантары) составляют мотивы, типичные для жанра богатырской сказки. В центре повествования — герой по имени Лам-анг — воин-богатырь, обладающий нечеловеческой силой и магическими способностями, рожденный чудесным образом у Дона Хуана и Намонган (или Доньи Миллианг в версии Ф. Маганы). Ключевыми эпизодами являются: приготовление родителей Лам-анга к родам (показаны магические способности отца героя, который срубает бамбук для лежанки роженицы при помощи ветра и заставляет бамбук самому идти домой); описание чудесного рождения героя (родившись, ребенок сам дает себе имя); совершаемая героем месть за отца,

убитого в горах воинами-игоротами³, с которыми тот отправился воевать еще до рождения Лам-анга; сватовство Лам-анга к красавице Донье Инес Каннойан; описание смерти и последующего воскрешения героя, которого проглатывает и костями которого затем испражняется гигантская рыба (героя оживляют его жена и животные-помощники).

Устная традиция приписывает создание памятника Педро Буканегу — слепому илоканскому поэту, жившему в XVII в., — одному из наиболее выдающихся илоканских поэтов времен испанского владычества. Педро Буканега считают отцом илоканской письменной литературы⁴.

Сегодня большинство ученых считает, что Буканег не является создателем «Жизни Лам-анга», а первым записал на илоканском языке один из вариантов этого произведения около 1640 г. К сожалению, текст версии Буканега не дошел до наших дней.

Несмотря на широкую известность памятника, серьезным его исследованием практически не занимались ни на Филиппинах, ни на Западе, ни в России.

Среди филиппинских исследований, посвященных «Жизни Лам-анга», следует прежде всего назвать работу Л. Ябеса «Илоканский эпос» [Yabes 1935], в которой содержится его версия текста памятника, представляющая собой компиляцию трех известных ранее версий произведения (за основу была взята версия «Братьев Парайно», куда были добавлены отсутствующие в ней эпизоды из версии И. де лос Рейеса и версии «Ла Луча»), ее английский перевод, а также довольно краткий анализ содержания (не в ключе фольклористики, как представлялось бы правильным, а в форме сравнения памятника народно-поэтического (!)

---

³ *Igorot* — собирательное название для горных народов северного Лусона (ифугао, калинга, бонток, иснег, ибалой и т.д.). Игороты известны тем, что практикуют охоту за головами. Согласно одной из гипотез, термин возник из противопоставления равнинных жителей *iloko* (префикс *i-* «житель такой то местности» + корень *lokong* «равнинная низменность») горным жителям *igorot* (префикс *i-* + корень *gulot* «горный район»).

⁴ С начала XX в. среди илоканских поэтов проводятся поэтические состязания, которые получили название «Буканеган». Название состязанию было дано по аналогии с поэтическим состязанием «Балагасан» у тагалов в честь величайшего тагалского поэта XIX в. Франсиско Балагаса.

творчества с поэмой Ф. Балагтаса «Флоранте и Лаура») и формы произведения [Yabes 1935: 1–10].

Долгое время филиппинских исследователей волновала проблема происхождения «Лам-анга». На протяжении первой половины двадцатого столетия большинство дискуссий о «Лам-анге» сводилось к вопросу о том, является ли «Лам-анг» фольклорным памятником, или же это авторское произведение.

В 1935 г. Л. Ябес по этому поводу пишет: «У филиппинских исследователей существуют четыре версии о возникновении памятника. Одни считают, что сам Педро Буканег является автором “Жизни Лам-анга”, но его творение не дошло до наших дней, потому что было уничтожено после его смерти, однако оно было сохранено в народной памяти и передавалось из уст в уста, пока вновь не было записано поэтом Кануто Мединой. Другие считают, что Медина был реальным автором произведения, основывая свое предположение на том, что из всех дошедших до нас версий текста памятника его версия — самая ранняя. Третьи полагают, что “Жизнь Лам-анга” принадлежит перу не одного автора, а группы поэтов и что произведение было создано около семнадцатого века. Четвертые считают, что это фольклорное произведение, которое было создано задолго до прихода испанцев, передавалось из уст в уста и лишь относительно недавно подверглось записи» [Yabes 1935: 2].

Уже в 1963 г. Э. Арсенио Мануэль пишет: «Тем не менее <...> может быть доказано <...> что несмотря на то что илоканский эпос содержит испанские заимствованные слова, все прочие критерии выдерживают те возражения, которые могут возникнуть и могут быть использованы против датировки эпоса как доиспанского. Этому существуют подтверждения, содержащиеся в самом тексте памятника, например то, что герой занимается морской торговлей фарфором с континентальной Азией — занятием, невозможным во времена испанского владычества, поскольку все торговые порты, кроме Манилы, были закрыты для международного сообщения вплоть до XIX в. Этот факт опровергает гипотезу, что илоканский эпос не мог быть создан в доиспанский период.

Кроме того, в качестве доказательства могут быть приведены внешние свидетельства. Недавнее исследование эпоса показыва-

ет, что не менее чем 21 заметный эпизод из “Жизни Лам-анга” дублируется в иснегской истории **Sillam’ang**, и 14 эпизодов или характерных особенностей “Жизни Лам-анга” встречаются в тингианском сказании **Agimlang**. С точки зрения распространения ключевых эпизодов у илоканцев, тингианов и иснегов ситуация выглядит таким образом, что илоканцы и иснеги имеют больше всего общего. Этот факт приобретает большое значение, поскольку иснеги населяют внутреннюю часть северного Лусона, а тингианы населяют территорию между побережьем Илокоса и Кордильерой. В то время как тингианы точно имели контакт с испанцами, иснеги, скорее всего, вообще с ними не контактировали. В свете всех этих фактов очень разумно было бы склониться к мнению, что поэма сформировалась в доиспанский период. Существующие записи текстов “Жизни Лам-анга” могут и не являться доиспанскими, однако то, что эпос исполнялся еще до прихода испанцев, не вызывает практически никаких сомнений» [Arsenio 1963: 62–63].

Э. Арсенио Мануэль ссылается на работу Хосе Р. Калипа «Илоканский эпос» («The Iloko Epic») 1958 г. Именно в этой работе, согласно Арсенио Мануэлю, «Жизнь Лам-анга» сравнивается с фольклорными произведениями иснегов и тингианов.

К сожалению, вышеуказанная работа остается для нас недоступной, однако нам были доступны сказание иснегов «Sillam’ang» и «Agimlang» тингианов (в числе других сказаний этого народа), с которыми в работе Х. Калипа сравнивается «Жизнь Лам-анга». Сопоставление фольклора, а также культуры данных народов, особенно илоканцев и тингианов, по-видимому, с большой долей вероятности позволяет говорить о некогда имевшей место культурно-исторической общности названных этносов. О результатах сопоставления будет сказано в отдельной статье.

Единственным отечественным исследованием, посвященным «Жизни Лам-анга», до недавнего времени была дипломная работа выпускницы филиппинского отделения Восточного факультета ЛГУ О.М. Есауловой «Героический эпос и богатырская сказка в творчестве филиппинских народов маранао, илокано и ифугао» [Есаулова 1972]. Работа О.М. Есауловой содержит отрывок текста «Бантугана» маранао, переведенный с английского, краткое со-

держание «Худхуда о Динулаване и Буган в Гондахане» ифугао, а также перевод «Жизни Лам-анга», выполненный с английского перевода памятника, найденного автором в «Энциклопедии Филиппин» («Encyclopedia of the Philippines», ed. Zoilo M. Galang. Manila, 1950. Vol. 1–2). Оригинальный текст «Жизни Лам-анга» О.М. Есауловой обнаружить не удалось. Текст, опубликованный в данной энциклопедии, представляет собой английский перевод версии Л. Ябеса, взятый из [Yabes 1935], однако, по-видимому, об этом в энциклопедии нигде не упоминалось. Из других источников О.М. Есаулова узнала, что памятник насчитывает около тысячи «поэтических строк», или 292 стансов, а далее автор говорит следующее: «...следовательно, [«Жизнь Лам-анга»] является достаточно большим произведением. Таким образом, его английский перевод, помещенный в “Филиппинской Энциклопедии” нельзя считать полным <...> Во втором томе в разделе об эпосе авторы энциклопедии приводят только английские переводы “Бантугана” и “Лам-анга”, которые и были использованы в настоящей дипломной работе, но это, скорее, более или менее полные пересказы, выполненные по возможности с сохранением размера» [Есаулова 1972: 11–14]. Отсюда происходит отказ О.М. Есауловой от детального анализа «Жизни Лам-анга» [Есаулова 1972: 36, 42]. Из того же, что было сделано О.М. Есауловой в отношении анализа произведения, следует сказать, что автора прежде всего интересует жанровая природа рассматриваемых памятников и «Лам-анга» в том числе. Так, «Жизнь Лам-анга» отнесена О.М. Есауловой к жанру богатырской сказки [Есаулова 1972: 36–42]. В работе также представлен анализ двух других произведений. К большому сожалению, все три памятника рассматриваются автором по отдельности, и не предпринято попытки сравнить произведения между собой.

Изучение «Жизни Лам-анга» в России было продолжено в нашей выпускной квалификационной работе бакалавра «Илоканская богатырская сказка “Жизнь Лам-анга”» [Яценко 2009]. Помимо перевода версии Л. Ябеса (не с языка оригинала, а в основном с тагальского перевода А. Акасио, опубликованного в антологии филиппинского эпоса [Antolohiya 1984], с оглядкой на английский перевод Л. Ябеса и оригинальный текст), мы по-

пытались проанализировать версию Л. Ябеса с точки зрения формы произведения и его содержания. Результатами явились в том числе анализ илоканского текста версии Л. Ябеса с точки зрения рифмы, деления на строфы и количества слогов в строке [Яценко 2009: 15–24]. В частности, была предпринята попытка разработать модель, согласно которой текст организован с точки зрения количества слогов в строке. Также было показано, что организация текста Л. Ябеса с точки зрения рифмы тяготеет к делению на четырехстрочные строфы. Основными результатами анализа произведения с точки зрения его содержания явились выделение и описание фольклорных мотивов, встречающихся в тексте, сопоставление их с типологически схожими мотивами, встречающимися в фольклоре различных народов мира, и выявление специфики илоканского памятника. Как и О.М. Есаулову, нас интересовал вопрос фольклорного жанра, к которому относится «Жизнь Лам-анга». Опираясь на труды отечественных фольклористов (Е.М. Мелетинского, В.М. Жирмунского, В.Я. Проппа, где предпочтение отдавалось точке зрения Е.М. Мелетинского), мы пришли к выводу: несмотря на то, что, безусловно, ядро сказания составляет богатырская сказка (темы чудесного рождения, мести за отца, героического сватовства), и то, что сам памятник сформировался в догосударственную эпоху (один из критериев героического эпоса — отражение в нем поэтической концепции исторического прошлого народа, его создавшего, наполнение коллективистским, по существу патриотическим, пафосом — что редко может быть в условиях отсутствия у этноса государственной консолидации), относительно развитый эпический фон произведения все же позволяет условно отнести «Жизнь Лам-анга» к жанру архаического героического эпоса. К развитому эпическому фону следует добавить еще один момент, который также позволяет отнести памятник к данному жанру, но об этом позже.

Дальнейшее изучение памятника было продолжено нами в магистратуре. Предметом анализа стала нигде ранее не публиковавшаяся версия «Жизни Лам-анга», записанная от Франсиско Маганы. Результатом проделанной работы явилась наша магистерская диссертация «Новая версия илоканского эпоса “Жизнь Лам-анга”» [Яценко 2011]. Поскольку английского, тагальского или

какого-либо иного перевода данной версии не существует, наша магистерская работа представляет собой первый опыт изучения илоканского языка в России, а также перевода и анализа художественного произведения на илоканском языке. В работу был включен написанный нами первый в России очерк грамматики илоканского языка [Яценко 2011: 15–84]. Выполнив перевод текста, мы сопоставили версии Ф. Маганы и Л. Ябеса по форме и содержанию.

Был написан раздел, посвященный рифме, а также была предложена новая модель, согласно которой текст версии Ф. Маганы организован с точки зрения количества слогов в строке [Яценко 2011: 84–121].

Мы попытались показать историко-типологическое сходство отдельных эпизодов «Жизни Лам-анга» с различными фольклорными произведениями народов мира (в том числе с эпосом некоторых горных народов Филиппин и прочих народов Нусантары), продемонстрировать историко-генетическое родство «Жизни Лам-анга» с фольклором соседних с илоканцами горных народов. В частности, сравнительный анализ обнаруживает огромное сходство между «Жизнью Лам-анга» и отдельными сюжетами и мотивами сказочно-мифологического эпоса тингианов (горного народа, населяющего преимущественно провинцию Абра), которое, по-видимому, объясняется историко-генетической общностью фольклора данных народов. Вдобавок были приведены несколько параллелей из фольклора иснегов (горного народа, населяющего преимущественно провинцию Апайао). Обнаруживается также и некоторое типологическое сходство между «Жизнью Лам-анга» и эпическими песнями ифугао (населяющими преимущественно провинцию Ифугао) и эпосом прочих народов Нусантары.

Поскольку в филиппинских и западных публикациях версия Ф. Маганы подробно ранее не рассматривалась, остановимся на содержании данной версии и на том, каким образом оно соотносится с версией Л. Ябеса.

Рассмотренные нами версии «Жизни Лам-анга» Л. Ябеса и Ф. Маганы во многом совпадают друг с другом. Несмотря на то

что версия Л. Ябеса насчитывает на 400 строк больше, чем версия Ф. Маганы, ключевые элементы сюжета, изобразительные средства, такие как лексика, речевые обороты и т.д., а в некоторых случаях и отдельные строфы или группы строф, обнаруживают поразительную степень устойчивости.

Обе версии открываются обращением сказителя к Богу, а версия Ф. Маганы содержит еще и обращение к аудитории.

Хронология отдельных событий не совпадает для двух версий⁵, события перечисляются в соответствии с их последовательностью в версии Ф. Маганы⁶. Основными сюжетобразующими мотивами в обеих версиях являются следующие:

1. Приготовления к родам матери Лам-анга, которой помогает ее муж, отец героя: перечисляется пища, которой питалась мать главного героя (2–4) {13–28}⁷; отец Лам-анга по просьбе его матери чудесным образом добывает бамбук и изготавливает из него лежанку, предназначенную для роженицы (7–17) {29–72}, а также добывает некоторые другие предметы, необходимые для успешных родов (19–20) {73–84}.

2. Отец героя уходит из дома, чтобы воевать, в страну игоротов (23–27) {85–90}.

3. Чудесное рождение героя (28–30) {91–108}.

4. Лам-анг узнает о том, куда ушел его отец, который не вернулся из страны игоротов, собирается в дорогу и отправляется туда на его поиски (31–47) {109–147}.

5. По пути ему встречается воин по имени Сумаранг*, он вступает с ним в схватку, из которой выходит победителем (48–55) {586–686}.

---

⁵ Такие события помечены знаком *.

⁶ Список событий, описание которых отсутствует в одной из версий, приводится ниже.

⁷ В (круглых) скобках даны номера строф версии Ф. Маганы в том виде, в котором они пронумерованы в: [Jamias 1948], в {фигурных} — номера строк версии Л. Ябеса в том виде, в котором они пронумерованы в: [Antolohiya 1984], в [квадратных] — номера строф версии Л. Ябеса в том виде, в котором они пронумерованы в: [Jamias 1948].

6. Лам-анг приходит в страну игоротов, останавливается на привал и засыпает. Во сне ему является призрак его отца, который говорит ему, что игороты убили его и сейчас танцуют вокруг его головы, насаженной на кол (62–66) {148–188}. Лам-анг находит игоротов, которые убили его отца, и жестоко расправляется с ними, после чего возвращается домой и сообщает своей матери о свершившейся мести (67–93) {189–332}.

7. Сватовство Лам-анга к Донье Инес Каннойан, которое происходит не без помощи его животных-помощников — белого петушка с желтыми лапками и собаки с густой шерстью*. В версии Ф. Маганы этот эпизод объединяется с описанием купания Лам-анга в реке, во время которого в том числе происходит поединок Лам-анга с гигантским крокодилом, и связанных с купанием приготовлений (93–154). В версии Л. Ябеса купание в реке (333–461) и приготовления и сватовство Лам-анга к Инес {462–585, 725–988} составляют два отдельных эпизода. По пути в селение, где живет Инес, Лам-анг встречает девушку по имени Саридандан, которая пытается его соблазнить (104–107) {687–724}.

8. Свадьба героя и героини и связанные с нею приготовления (155–188) {989–1300}.

9. Лам-анга просят поймать моллюска *раранг*, мясо которого считается деликатесом, он отправляется его ловить, несмотря на то что знает, что погибнет (о его смерти Инес узнаёт по следующим знакам: заплывет лестница, расколется очаг и рухнет потолок). Лам-анга проглатывает огромная рыба (189–195) {1301–1343}.

10. Жена Лам-анга и его животные-помощники магическим образом воскрешают героя, после чего происходит воссоединение героя и его близких, являющееся финальной частью повествования (196–208) {1344–1477}.

Несмотря на то что версия Л. Ябеса содержит примерно на 400 строк больше, чем версия Ф. Маганы, последняя не только практически полностью дублирует предыдущую по содержанию, преимущественно за счет более сжатого повествования, но также и содержит описание двух эпизодов, отсутствующих в версии Л. Ябеса.

Версия Ф. Маганы отличается от версии Л. Ябеса наличием эпизода, в котором описывается испытание воинской зрелости Лам-анга его матерью (Лам-анг и Донья Миллианг по очереди бросают друг в друга копья; обоим удается поймать пущенное в него копье) перед тем, как она разрешает ему отправиться на поиски отца (35–43). Также версия Ф. Маганы содержит эпизод, в котором описывается поединок Лам-анга с девятиглавым змеем, отсутствующий в версии Л. Ябеса (57–61).

Напротив, полностью отсутствует в версии Ф. Маганы имеющееся в версии Л. Ябеса описание сцены с обмолотом риса {344–370} и сцены с разжиганием и тушением рисовой соломы Лам-ангом и его названными сестрами перед купанием в реке {396–412}.

Сильнее всего в двух версиях различается эпизод со сватовством Лам-анга к Каннойан (93–154) {462–585; 725–988}. Из версии Л. Ябеса вытекает, что Каннойан ожидала прихода Лам-анга. Она тепло его встречает, и после совместной трапезы будущих жениха и невесты Лам-анг сразу переходит к сватовству. В версии Ф. Маганы на эпизод со сватовством накладывается эпизод с купанием Лам-анга в реке после победы над игоротами. Лам-анг использует свой приход к Каннойан, истинной целью которого является сватовство, как повод, чтобы позвать ее подруг, которые помогут ему в реке голову. Лишь после того как Лам-анг вместе с подругами Каннойан и самой Инес возвращается с реки к ней домой, он переходит к сватовству. Купание в реке Лам-анга составляет отдельный эпизод в версии Л. Ябеса, никак не связанный со сватовством к Каннойан.

Наконец, встреча Лам-анга с Сумарангом, которая в версии Л. Ябеса случается по дороге в селение Доньи Инес Каннойан {586–686}, в версии Ф. Маганы происходит по дороге в страну игорогов, когда Лам-анг отправляется туда, чтобы разыскать не вернувшегося домой отца (48–55).

Следует также упомянуть о различии в двух версиях имен некоторых главных героев. Так, в версии Л. Ябеса мать Лам-анга зовут Намонган, в то время как в версии Ф. Маганы ее зовут Донья Миллианг. Как следует из предисловия Н.Ф. Хамиас к ее курсовой работе, в которой содержится текст версии Ф. Маганы, в его версии мать Инес Каннойан зовут Намонган. Чтобы избе-

жать путаницы в именах, Н.Ф. Хамиас заменила имя матери Инес в версии Ф. Маганы с Намонган на Уннайан, сделав его идентичным в версиях Ф. Маганы и Л. Ябеса.

Версия Л. Ябеса в отличие от версии Ф. Маганы дает название селений, в которых жили Лам-анг и Инес Каннойан. Лам-анг жил в селении Нальбуан, а Инес — в селении Каланутиан.

«Разрастание» текста версии Л. Ябеса происходит прежде всего за счет повторов уже имеющихся элементов и наличия в тексте большего числа незначительных, второстепенных, деталей, а не за счет обогащения и развития сюжетной линии.

Что касается формы произведения, а точнее языка повествования, то здесь опять-таки обнаруживаются существенные сходства. Прежде всего это касается одинаковой лексики, используемой при описании одного и того же эпизода в разных версиях, и общего сходства в формульности языка повествования. Описание может и не в точности совпадать в обеих версиях, однако во многих случаях отмечается использование схожих синтаксических конструкций при описании одного и того же эпизода, которое дополняет использование одинаковой лексики. Могут не совпадать отдельные союзы, частицы, вспомогательные глаголы (например, употреблению в одной версии вспомогательного глагола *tapar* 'идти' может соответствовать употребление вспомогательного глагола *in* 'идти' в другой, тем более что данные глаголы являются взаимозаменяемыми) и т.п., однако значимые слова, как правило, совпадают. В наибольшей степени это характерно для слов, занимающих конечную позицию в строке, т.е. являющихся рифмующимися. Зачастую именно рифмующиеся слова являются наиболее устойчивой частью структуры поэтического текста, на которую нанизываются все прочие элементы, образующие нарратив. Это обусловлено тем, что текст на всем его протяжении пронизывает конечный монорим на сочетание звуков [а + сонорный согласный], чаще всего на *-an*, *-am* и *-ang*, предоставляющее богатый, но далеко не бесконечный арсенал корневых и производных слов, которые могут быть использованы для получения необходимой рифмы⁸. При описании того или иного

---

⁸ Возможно, именно из-за моноримичности не произошло дальнейшего разрастания памятника в объеме. Подробнее об этом см.: [Яценко 2009: 102–111].

эпизода в одной из версий могут отсутствовать одна или несколько строк, имеющих в другой версии. Также строки, следующие друг за другом в одной версии, не обязательно расположены в той же последовательности и в другой версии. Иногда повторяющиеся строки могут отстоять друг от друга на несколько строк. Тем не менее для значительной части текста справедливо, что строки, включающие описание той или иной части памятника, имеющиеся в обеих версиях, так или иначе схожи между собой.

Язык версии Ф. Маганы содержит больше формульных повторов, используемых для описания типических ситуаций, таких как поединок, напр. (39–42), (52–54), сборы в дорогу, напр. (5–6), и т.д. Не вызывает сомнений, следовательно, и происхождение данной версии, поскольку большой процент формульных высказываний и повторов являет собой лучшее доказательство фольклорности и устной природы текста. Сложнее дело обстоит с определением происхождения версии Л. Ябеса, а точнее версии «Братьев Парайно», послужившей основой для «сборной» версии Л. Ябеса [Yabes 1935: 9–10]. Тем не менее большинство наиболее устойчивых и распространенных эпитетов, выражений и т.п. можно встретить в обеих версиях (например, для обозначения дома главного героя, а также дома родителей его невесты, а затем и жены используется выражение «дом, из которого вышел» *'balay nga inulogan'*, напр. (207), [301]).

Наиболее устойчивой частью структуры поэтического текста «Жизни Лам-анга», как уже было сказано, по-видимому, являются конечные, рифмующиеся, слова. Следующий пример хорошо иллюстрирует данное явление:

Ф. Магана	Л. Ябес	
<i>Nagsao <u>di karrurayan</u></i> <i>«<u>Apo no dayta ti konam</u></i> <i>Siyat <u>si Lam-ang</u></i> <i>A mangtungpal amin <u>a</u></i> <i><u>pagayatam.</u>» (138)</i>	<i>Kinona met <u>di karurayan</u></i> <i>«<u>No dayta, apo, ti kunam</u></i> <i>madadaan <u>ni Lam-ang</u></i> <i>iti uray ania <u>a pagayatam.</u>» [183]</i>	870

Говорил тот с <u>желтыми лапками</u> : «Госпожа моя, <u>если так ты говоришь</u> , Охотно <u>Лам-анг</u> Выполнит все твои <u>пожелания</u> ». (138)	И сказал тогда тот с <u>желтыми лапками</u> : « <u>Если таково ваше слово</u> , Господа наши, То <u>Лам-анг</u> готов [Исполнить] любые ваши <u>пожелания</u> ». [183]	870
---	--	-----

* Для удобства сопоставления мы выделили жирным шрифтом и подчеркнули отдельные слова, которые есть в обеих версиях. Если целиком подчеркнута целая строка, то это означает, что такая же строка с таким же набором слов содержится и в другой версии.

Как видно из приведенного отрезка, несовпадающие части строк в двух версиях представляют собой синонимы, используемые для передачи одной и той же идеи.

Большую устойчивость текста демонстрируют только примеры, когда в двух версиях повторяются целые строфы. Как правило, это характерно для ключевых сюжетобразующих, элементов текста. Таковым, к примеру, является описание поединка Лам-анга с крокодилом:

Ф. Магана	Л. Ябес	
<i>Ti <u>kinona si Lam-ang</u> «Ay Dna. Ines Kannuyan Ken <u>addik a babbalasang</u> <u>Didak koma segseggaan</u> <u>Ta innak la koma makiayayam</u> <u>Ken buaya a kadadaklan</u>».</i> (128)	<i>Ket <u>kinona ni lalakin Lam-ang</u> «Ay <u>addik a babbalasang</u> <u>didak koma segseggaan</u> ta bumatokak maminsan <u>ta innak makiay-ayam</u> <u>ken buaya a kadadakkelan</u> ta inkam agpadasan».</i> [99]	430
<i><u>Bimmatok aya si Lam-ang</u> <u>Saanna a napuntaan</u> <u>Ta inbaba met di buayan</u> Ket <u>nagsorong si Lam-ang</u> <u>Kasta met a simmorong di buayan</u> Idi <u>nagbaba si Lam-ang</u>.</i> (129)	<i><u>Bimmatok aya ni Lam-ang</u> <u>saana a napuntaan</u> <u>ta bimmaba toy buayan</u> <u>simmurong met ni Lam-ang</u> <u>kasta met a simurong ni buayan</u> <u>nagpababa met ni Lam-ang</u>.</i> [100]	440

<p><i>Idin ta nagsarakdan</i> <u>Inrugidat' nagdangadang</u> <u>Nakaluksaw si Lam-ang</u> <u>Dinoklosnat' naminpinsan</u> <u>Imbokotna di buayan</u> <u>Nga imbagkag aya si Lam-ang.</u> (130)</p>	<p><i>Ita nagkitadan</i> <u>rinuggianda ti nagdangadang</u> <u>nakaluksaw ni Lam-ang</u> <u>dinuklos na a niminpinsan</u> <u>imbukotna daytoy buayan</u> <u>nga imbangkag aya ni Lam-ang.</u> [101]</p>	450
<p>«<u>Ay addik a babbalasang</u> <i>Parotenyō koma</i> <u>ta ngipennan</u> <i>Ta isu ti</i> <u>putputikan</u> <u>Isu kan pay ti anib ti dalan.</u>». (131)</p>	<p><i>Ket kinonana kadagiti</i> babbalasang «<u>Ay addik a babbalasang</u> <i>alaenyo met</i> <u>ta ngipennan</u> <i>ket dagusenyo a</i> <u>paputikan</u> <i>ta</i> <u>isu't anib iti dalan.</u>» [102]</p>	
<p><u>Сказал Лам-анг:</u> «<u>Ай, Донья Инес Каннойан</u> <u>И сестрички мои девушки,</u> <u>Не ждите меня</u> — Я пойду <u>сражаться</u> <u>С самым большим</u> <u>крокодилом.</u>» (128)</p>	<p>И <u>сказал</u> мужчина <u>Лам-анг</u> «<u>Ай, сестрички мои девушки,</u> <u>Не ждите меня,</u> Потому что я нырну в воду, Чтобы <u>сразиться</u> <u>С самым большим</u> <u>крокодилом,</u> И мы померимся силами». [99]</p>	430
<p><u>Нырнул Лам-анг,</u> <u>Но не смог он найти</u> <u>[крокодила],</u> <u>Потому что плыл по течению</u> <u>тот крокодил,</u> <u>А Лам-анг плыл против</u> <u>течения,</u> <u>И тогда поплыл против</u> <u>течения крокодил,</u> <u>Когда по течению поплыл</u> <u>Лам-анг.</u> (129)</p>	<p><u>Нырнул Лам-анг,</u> <u>Но не смог он найти</u> <u>[крокодила],</u> <u>Потому что плыл по течению</u> <u>тот крокодил,</u> <u>А Лам-анг плыл против</u> <u>течения,</u> <u>И тогда поплыл против</u> <u>течения крокодил,</u> <u>Когда по течению поплыл</u> <u>Лам-анг.</u> [100]</p>	440

<p><u>И когда</u> встретились <u>они</u> <u>Начали они сражаться</u> друг с другом, <u>Разозлился Лам-анг</u> — <u>Лишь один раз он его атаковал,</u> <u>Взвалил он на плечо того крокодила,</u> <u>И вынес его на берег Лам-анг.</u> (130)</p>	<p><u>И лишь тогда они</u> увидели друг друга, <u>И начали они сражаться,</u> <u>Рассердился Лам-анг,</u> <u>Лишь один раз он его атаковал,</u> <u>Взвалил он на плечо того крокодила,</u> <u>И вынес его на берег Лам-анг,</u> [101]</p>	450
<p><u>«Ай, сестрички мои девушки, Вырвите у него зуб</u> И нанижите его на нить, Говорят, <u>в пути</u> он будет <u>оберегом</u>».</p> (131)	<p>И сказал он девушкам: <u>«Ай, сестрички мои девушки, Вырвите у него зуб,</u> И сразу вплетите его в ожерелье, Потому что он будет <u>оберегом в пути.</u> [102]</p>	

Сопоставление двух версий произведения показывает возможность в нем внутритекстовой мобильности определенных второстепенных сюжетов, что не отражается на конечном смысле. В версии Ф. Маганы Лам-анг встречает воина Сумаранга, с которым у него происходит поединок, по дороге в страну игоротов, а в версии Л. Ябеса — по дороге в селение Инес Каннойан. У Ябеса Лам-анг сражается с крокодилом до того, как отправился свататься к Инес, а у Маганы — после. Сражение Лам-анга с крокодилом тем не менее описывается в двух версиях практически слово в слово.

Пермутациям также могут подвергаться и более значимые эпизоды, изменение которых уже непосредственно влияет на сюжет. Такова ситуация со сватовством Лам-анга к Инес. В версии Ф. Маганы герою приходится проявить смекалку, чтобы найти повод для встречи с Инес, что ведет к перестановке местами эпизодов с купанием в реке и схватки с крокодилом и эпизода со сватовством. Несмотря на расхождения в сюжете о встрече героя с невестой, события, обрамляющие эту встречу, описываются одинаково в обеих версиях. По-видимому, сюжетная схема версии Ф. Маганы является новаторской. Версия Исабело де лос Рейеса, например, дает события в том же порядке, что и версия Л. Ябеса [Reyes 1890: 255–269].

В заключение хотелось бы сказать немного о жанровой природе памятника, поскольку данный вопрос специально не освещался в известных нам предыдущих публикациях. Филиппинские исследователи говорят о «Лам-анге» как об эпосе (epic) или эпической поэме (epic poem) без объяснения причины такого именования. Тем не менее в советской, а позже и в российской науке в термин «эпос» вкладывается совершенно определенный смысл. Помимо большого объема предполагается, что в развитом героическом эпосе так или иначе отражен взгляд на историческое прошлое всего народа, его создавшего, а героика главных действующих лиц мотивирована не личной выгодой, а благом всего народа. В данном аспекте эпос противопоставляется т.н. богатырской сказке, герой которой хоть и олицетворяет все положительные качества (смелость, храбрость и т.п.), но круг совершаемых им подвигов ограничен семейно-родовыми отношениями. Герой богатырской сказки, как правило, рождается чудесным образом у своих родителей, мстит за убитого отца, сватается к далекой невесте. Герой эпоса также может совершать все вышеуказанные действия (во многом поскольку у большинства народов героический эпос оформлялся именно из богатырской сказки), однако основным ядром героического эпоса является все же тема борьбы с иноплеменными захватчиками и т.п., где герой проявляет свою силу в общенародной борьбе с общим врагом⁹.

Как уже говорилось выше, О.М. Есауловой «Жизнь Лам-анга» была отнесена к жанру богатырской сказки. Ниже мы попытаемся продемонстрировать, что именно мотивы, характерные скорее для героического эпоса, лежат в основе одной из наиболее своеобразных сюжетных линий «Жизни Лам-анга».

Содержание памятника составляют типичные и наиболее древние темы австронезийского эпоса. О содержании австронезийского эпоса Б.Б. Парникель говорит следующее: «Архаический характер индонезийского эпоса сказывается и в его содержании.

---

⁹ Наиболее удачное и точное, на наш взгляд, определение героическому эпосу, а также описание генезиса данного фольклорного жанра дано в работе отечественного ученого Е.М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса» [Мелетинский 2004].

Ядро эпоса обычно составляет богатырская сказка — о добывании дальней невесты, сопровождающемся многочисленными испытаниями, подвигами, превращениями и тому подобными волшебными приключениями героя. При этом, как и у многих других героев догосударственного эпоса [Мелетинский 2004: 48–105], личные подвиги героя хотя и не отвечают непосредственно интересам коллектива, однако находятся в полном соответствии с родовыми обычаями, более того, могут рассматриваться в парадигматическом плане (как тот образец, согласно которому они и были учреждены). Черты мифологических первопредков проступают и в самих образах индонезийских эпических героев. Нередко обязанные своим происхождением (воспитанием) божествам или духам, без особых затруднений проникающие то в небесные сферы, то в подземное царство, протагонисты индонезийского эпоса наделяются еще и бессмертием: недоступные обычному человеческому зрению, отступившие куда-то в третье измерение, они продолжают находиться на земле, у них просит извинения бард, дерзнувший воспевать их подвиги своим неблагозвучным голосом; их грядущее возвращение на землю (а вместе с ним и возвращение племенного «золотого века») до недавнего времени не подлежало сомнению у даяков, батаков, ачехцев. Наконец, брачные союзы, которыми, как правило, увенчиваются индонезийские эпические поэмы и сказания, сплошь да рядом рассматривались как союзы, положившие начало данному племени или же претендующему в нем на старшинство роду» [Парникель 1980: 27–28].

Действительно, ядро сюжета «Жизни Лам-анга» составляют темы героического сватовства и родовой мести, являющиеся типичнейшими темами богатырской сказки, откуда эти сюжеты проникают затем в героический эпос. Оживление героя, составляющее третий пласт сказания о Лам-анге, является типичным мотивом волшебной, а также богатырской сказки. Последний сюжет, по-видимому, имеет повсеместное распространение как в эпических сказаниях народов Нусантары, так и народов мира (вспомним хотя бы воскрешение Лемминкяйнена его матерью в карело-финской «Калевале»).

«Панглимо Аванг, герой одноименного индонезийского эпоса, вместе со своим братом Панглимо Найаном погибают от рук зло-

го Банг Сулонга, который до этого безуспешно добивался руки нынешней жены Найана. Гади Каинам, жена Найана, видит сон, из которого узнает, что ее муж мертв. Она переодевается в мужские одежды и идет сражаться с Банг Сулонгом. Придя на поле боя, она погибает от первого же его удара мечом. Банг Сулонг, поняв, что убил женщину, которую любил, не выдерживает и убивает себя. Героев воскрешает их дядя, шейх, появившийся до этого лишь в их снах и указывавший братьям на их будущих невест, к которым им предстоит свататься. После оживления главных героев следует окончание эпоса» [Derks 1994: 619–620].

Героика Лам-анга отчетливее всего проявляется в сюжете о мести за отца. Лам-анг сначала ловит все копы игоротов, «которые прилипали к его руке как к бетельной жвачке», которыми его пытались атаковать, а затем в одиночку, нанеся лишь один удар, убивает бесчисленное множество воинов-игоротов. Единственному оставшемуся в живых игороту Лам-анг выкалывает один глаз, отрубает руку (или ногу), а затем отрубает уши, после чего отпускает его на свободу, чтобы тот рассказал о подвиге героя своим сородичам. Как доказательство свершившейся мести, Лам-анг собирает копы всех убитых им игоротов.

Здесь герой в индивидуальном подвиге осуществляет общеродовую и общеплеменную норму поведения, что действительно не отвечает интересам всего коллектива напрямую, а лишь косвенно. Таким образом, героика в данном сюжете не выходит за рамки богатырской сказки.

В мотиве мести за отца отражена и борьба с иноплеменной средой. Из всех возможных вариантов в памятнике нашла свое отражение дихотомия именно равнинных и горных народов, или дихотомия народов, живущих вверх и вниз по течению (upland-lowland/upstream-downstream dichotomy)¹⁰.

---

¹⁰ «Два превосходных исследования отношений такого рода в ЮВА — это книга Б. Вотсон-Андай «Жить как братья» (Barbara Watson-Andaya. *To Live as Brothers: Southeast Sumatra in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1993) и книга Д. Дрэйкард «Малайский рубеж: единство и двойственность в Суматранском королевстве» (Jane Drakard. *A Malayan Frontier: Unity and Duality in Sumatran Kingdom*. Ithaca: Southeast Asia Program; Cornell University, 1990)». Цит. по: [Mateo 2004: 55].

Такое четкое выделение иноплеменной среды в народно-поэтическом сознании и противопоставление себя этой среде формируется на более поздней стадии развития народной эпической поэзии. Враги такого рода гораздо моложе различных чудовищ и т.п. Таким образом, сюжет о мести за отца в «Жизни Лам-анга» — это уже рассказ не о борьбе с полумифическими чудовищами (хотя и такие присутствуют в памятнике), а о борьбе с вражеским диким племенем, представители которого отрезают людям головы. С идеологической точки зрения это уже совершенно другой рассказ.

Развитие героической линии, уже более напоминающей героический эпос, затронуло, по-видимому, сюжет о гибели героя во время ловли моллюска *раранг* и его последующего воскрешения. Герой уходит на верную смерть ради исполнения своего долга перед обществом: Лам-анг не сам изъявляет желание пойти ловить моллюска, а делает это по просьбе своих сородичей (главы селения (*kapitan*) в версии Л. Ябеса; гостей на свадьбе Лам-анга и Инес в версии Ф. Маганы). Самопожертвование составляет именно ту часть героики главного персонажа, которая позволяет отнести илоканское произведение к жанру не богатырской сказки, а архаического героического эпоса.

К архаическому героическому эпосу «Жизнь Лам-анга» можно отнести также в связи с наличием в памятнике довольно развитого эпического фона, на котором происходит действие (упоминание о торговле с Китаем, вкрапление в текст многочисленных деталей, выдающих особенности илоканского быта — многочисленные предметы, связанные с ткачеством, ремеслом, которым славятся илоканцы, перечисление различной утвари, сортов риса, например при описании сцены с обмолотом риса, и т.д.), уделяется внимание описанию природы, на фоне которого разворачивается действие (по дороге в страну игоротов Лам-анг сначала идет сквозь заросли горного бамбука, а затем, поднявшись выше в горы, через горные джунгли).

Тем не менее утверждать, что «Жизнь Лам-анга» — произведение архаического героического эпоса, было бы преувеличением. Действие не выходит за рамки отдельно взятой семьи или рода, отсутствует коллективистский, патриотический пафос, характерный для героического эпоса, который всегда тяготеет

к историческим, национальным, государственным масштабам. Прежде всего это связано с догосударственной стадией создания памятника и относительно низким уровнем этнической консолидации у илоканцев. Справедливее было бы сказать, что с точки зрения жанровой природы «Жизнь Лам-анга» — богатырская сказка с зачатками героического эпоса.

Литература

Есаулова 1972 — Есаулова О.М. Героический эпос и богатырская сказка в творчестве филиппинских народов маранао, илокано и ифугао. Дипломная работа. Научный руководитель Г.Е. Рачков. Л., 1972. [Рукопись].

Мелетинский 2004 — Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М., 2004.

Парникель 1980 — Парникель Б.Б. Введение в литературную историю Нусантары IX–XIX вв. М., 1980.

Яценко 2009 — Яценко С.И. Илоканская богатырская сказка «Жизнь Лам-анга». Выпускная квалификационная работа бакалавра. Научный руководитель Г.Е. Рачков. СПб., 2009. [Рукопись].

Яценко 2011 — Яценко С.И. Новая версия илоканского эпоса «Жизнь Лам-анга». Магистерская диссертация. Научный руководитель доц. Г.Е. Рачков. СПб., 2011. [Рукопись].

Antolohiya 1984 — «Lam-ang» ang epiko ng mga Ilokano // Antolohiya ng mga panitikang ASEAN: Mga epiko ng Pilipinas / Ed. J.V. Castro. Quezon City, 1984. P. 63–114.

Arsenio 1963 — Arsenio M.E. A survey of Philippine folk epics. Quezon City, 1963.

Derks 1994 — Derks W. The Feast of Storytelling on Malay oral tradition. Jakarta, 1994.

Eugenio 2007 — Eugenio D.L. Philippine Folk Literature: An Anthology. Quezon City, 2007.

Jamias 1948 — Jamias N. F. A study on *Biag ni Lam-ang*, the Ilocano epic. University of the Philippines, 1947–1948. [Рукопись].

Mateo 2004 — Mateo C. A History of Ilocos. PhD Dissertation, University of Hawaii, HI, 2004.

Parayno 2005 — Lam-ang. Ti bersion ti Imprenta Parayno ken ti bersion ni Leonardo Y. Yabes. Quezon City, 2005.

Reyes 1890 — Reyes I. de los Vida de Lam-ang (antiguo poema popular de Ilocos) // El folklore Filipino. Manila, 1890. P. 235–297.

Yabes 1935 — Yabes L.Y. The Ilocano Epic. Manila, 1935.

А. В. Козьмин

УРЕГУЛИРОВАННОСТЬ СИЛЛАБИКИ ИЛОКАНСКОГО И МОНГОЛЬСКОГО ЭПОСА: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Данная заметка является откликом на дипломную работу С.И. Яценко, защищенную под руководством Г.Е. Рачкова и посвященную памятнику илоканского эпоса «Жизнь Лам-анга» [Яценко 2009]. Рассматривая этот текст, С.И. Яценко описывает, в частности, его метрику. В заметке я коснусь только одной метрической характеристики памятника. Хотя затрагиваемый вопрос выглядит, с одной стороны, частным, а с другой — относится к описанию весьма экзотического материала, метод решения проблемы, как можно надеяться, представляет интерес для специалистов в разных областях, связанных с описанием метрических систем.

Вначале приведем обширную цитату, очерчивающую проблему и содержащую отрывок из рассматриваемого эпоса: «Количество слогов в строке не фиксировано. Одна строка может содержать от 6 до 14 слогов. Нет и силлабической организации строф. Даже разделяя текст на четверостишия исходя из рифмы, мы не наблюдаем никаких закономерностей, которые могли бы говорить в пользу такого его формального членения и организации. Говоря об упорядоченной силлабической организации в тексте, мы подразумеваем равное, пропорциональное или каким-либо другим способом упорядоченное количество слогов в строках, которые в итоге организовывали бы строки в строфы <...> Рассмотрим <...> отрывок текста <...> с точки зрения его слоговой организации. Для удобства читателя мы пронумеровали четверостишия, связанные одной рифмой.

1) <i>O naslag a Dios Espiritu Santo</i>	12 слогов
<i>silawam Apo toy panunotco</i>	10 слогов
<i>tapno madupnoac ti panangipawalagco</i>	14 слогов
<i>ti pacasaritaan ti maysa a tao.</i>	13 слогов

- 2) *Idi panawen nga unana* 9 слогов
adda dua nga agasawa 9 слогов
a nabiiit pay ti panangawatda 11 слогов
iti matrimonio a nangina. 11 слогов
- 3) *Iti pannagna ti aldaw* 8 слогов
di nabayag daytoy babain naginaw 12 слогов
ta nadanunen ti panagbungan 10 слогов
daydi sacramento nga inawatdan. 11 слогов
- 4) *Nadumaduma a bungbungan* 9 слогов
ti inna dita masarsaramsam: 10 слогов
salamagi a marabanban 9 слогов
pias ken daldaligan 7 слогов
- 5) *nioг pay a lolocoten* 8 слогов
bayabas a pariggalsem 8 слогов
sua ken lolokisen. 7 слогов
Ket dagitoy met ti inna sidaen: 11 слогов
- 6) *panapana ken maratantang* 9 слогов
ar-arosip ken aragan 8 слогов
tirem a tinoctocan 7 слогов
pasayan a kinalapan 8 слогов
- 7) *pingpinggan ken im-immoco* 8 слогов
loslosi ken pocpoclo 7 слогов
leddangan pay ken soso 7 слогов
ta isu dagitoy ti inna cagusto. 12 слогов
- 8) *Idinto ta magtengna* 7 слогов
ti pito a bulan daydi sicogna 11 слогов
napalalo ti ay-ayatda 9 слогов
ta adanin ti panagpasngayna! 10 слогов
- 9) *Ket idinto ta castan* 7 слогов
daytoy babaing Namongan 8 слогов
inna dita napanunotan 9 слогов
ti aramidenda a balitang. 10 слогов
- 10) *Kinonana dita nga insawang:* 10 слогов
“Ay asawac a Don Juan, 8 слогов
inca pay cuma pumucan 8 слогов
itay aramiden a balitang. 10 слогов

<i>11) Inca cuma imatangan</i>	8 слогов
<i>di immulata a cawayan</i>	9 слогов
<i>idiay bantay Capariaan</i>	10 слогов
<i>ket inca cuma pucanan.</i>	8 слогов

В приведенном нами отрезке текста, состоящем из 11 четверостиший, количество слогов в строке варьируется от 7 до 14 — это практически весь диапазон строк, различных по количеству слогов, который есть в тексте». Далее автор показывает, что в силлабической организации обнаруживается некоторая упорядоченность, для этого он вводит понятие минимального окружения строки: «Под ближайшим окружением мы понимаем две категории строк: 1) три строки, расположенные выше, или три строки, расположенные ниже рассматриваемой строки; 2) три строки, которые вместе с рассматриваемой строкой составляют рифмованное четверостишие, к которому эта строка принадлежит независимо от порядка, который она в нем занимает». Оказывается, что «в минимальном окружении любой строки всегда есть такая, где количество слогов равнялось или отличалось бы от нее максимум на 2 слога, такое явление можно считать чем-то вроде закона, регламентирующего допустимо возможное количество слогов в каждой строке принципом “равновесия” как минимум двух соседних строк, где разница между уравниваемыми строками не должна превышать 2 слога».

Не подвергая сомнению предложенное решение, хотелось бы взглянуть на проблему под иным углом зрения. Разумеется, с точки зрения силлабической урегулированности строк илоканский текст выглядит довольно хаотичным, их длина сильно варьирует, как было сказано выше, от 7 до 14 слогов. Однако теоретически можно вообразить ситуацию, когда это варьирование значительно больше. Соответственно, можно задаться вопросом, насколько интуитивное ощущение неупорядоченности (или относительной упорядоченности) поддается более точному описанию. В этой связи необходимо привлечение, с одной стороны, сравнительного материала и, с другой — точных методов описания.

В качестве сравнительного материала был привлечен монгольский устный эпос. Как представляется, такое сопоставление

уместно по двум причинам. Во-первых, это устный эпос и тем самым в нем могут проявляться механизмы устного исполнения, как и в илоканском. Во-вторых, и это весьма любопытно, в научной литературе сложилась точка зрения, что монгольский эпос силлабически упорядочен и строится на счете количества слогов в строке. Например, по данным Д. Цэрэнсоднома, в одном из монгольских эпических памятников 60 % строк семисложные, а 30 % — шести- или восьмисложные, средняя длина строки — семь слогов. Эти данные указывают на то, что в эпосе есть сильная, но не стопроцентная тенденция к равносложности. Мнения о силлабическом характере монгольского стиха придерживались столь квалифицированные исследователи, как Б. Лауфер и Н.Н. Поппе (см. обзор точек зрения в: [Герасимович 1975]). По этой причине сопоставление этих двух эпосов позволит указать сравнительную степень силлабической урегулированности в них.

Метрика монгольского эпоса довольно уверенно определяется как силлабически упорядоченная. Как можно видеть, речь идет не о жестких законах строения стиха, а о тенденции к упорядоченности (далеко не все строки имеют одинаковую длину). Однако для сравнения упорядоченности *разных* традиций требуется некоторая общая мера, которая позволила бы их соотносить между собой. В качестве «меры упорядоченности» (или расшатанности) стиха был взят коэффициент вариации, статистический критерий, который рассчитывается по следующей формуле:

$$s = \sqrt{s^2} = \sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2 / (n-1)},$$

где x_i — значение переменной x с номером i ; $\bar{x}$ — среднее арифметическое для переменной x ; n — объем выборки.

$$V = s / \bar{x} \times 100 \%$$

Это стандартный статистический показатель, применяемый для измерения и сравнения «степени разброса» значений разных параметров (его описание можно найти в любом руководстве по статистике или теории вероятностей). Например, с его помощью можно измерить меткость стрелка при выборе им разных видов

оружия (и, соответственно, разных видов мишеней), эта же мера может использоваться при оценке брака при изготовлении деталей на разных станках и для многих других задач. В данной работе он применяется для измерения разброса длины строк в слогах. Чем этот показатель *меньше*, тем *больше* упорядоченность стиха. Таким образом, он равен нулю, если все строки одинаковой длины, а если их длина сильно различается, то он будет велик. Использование коэффициента вариации как стиховедческого инструмента было предложено в моей работе, посвященной гавайскому стиху [Козьмин 2009].

Для сравнения с илоканским и проверки утверждения о силлабической упорядоченности был взят фрагмент эпоса монгольского «Алтан Гургалдай хан» такой же длины, что и приведенный выше илоканский текст. Подсчет количества строк разной длины в обоих эпосах дал следующие результаты (с округлением до целых чисел):

Строки	Монгольский	Илоканский
4-сложные	9 %	
5-сложные	9 %	
6-сложные	18 %	
7-сложные	13 %	16 %
8-сложные	22 %	25 %
9-сложные	20 %	18 %
10-сложные	4 %	18 %
11-сложные	2 %	11 %
12-сложные		6 %
13-сложные		2 %
14-сложные		2 %

Дополнительно нужно сказать следующее: средняя длина строки в илоканском составляет 9 слогов, в монгольском — 7

(эта цифра хорошо согласуется с мнением исследователей монгольского эпоса о его преимущественной семисложности). В свою очередь таблица показывает, что отклонения от средней длины достаточно велики, стих выглядит в обоих случаях довольно неупорядоченным. И тут применение коэффициента вариации позволяет выразить это ощущение точнее: для монгольского он равен 44 %, а для илоканского — 32 %. Другими словами, илоканский более упорядочен, чем монгольский. Это проявляется, например, в том, что самая длинная строка в илоканском в два раза длиннее, чем самая короткая (17 и 7 слогов), в монгольском же эта разница больше (4 и 11).

Что дает такое сравнение? Нельзя сказать, что на данном этапе оно позволяет сделать какие-то решающие выводы, но одну вещь показывает: илоканский текст в рассматриваемом аспекте более урегулирован, чем текст монгольский. Между тем монгольский эпос рассматривается как силлабически урегулированный. Это означает, что поиск силлабического стиха, построенного на счете слогов, для илоканской традиции имеет смысл и необходимы дальнейшие исследования в этом направлении. С другой стороны, необходимо рассмотрение разных групп монгольских эпических текстов, возможно, что есть группы с сильно урегулированной силлабикой, а есть менее структурированные случаи (например, могут различаться тексты, записанные под аккомпанемент и под диктовку). Еще один вопрос — причины, которые влияют на систему стихосложения устной традиции. Илоканский язык имеет смыслоразличительное ударение и нефонологическую долготу [Rubino 2005], монгольский, напротив, не имеет смыслоразличительного ударения, но в нем есть фонологическая долгота, т.е. эти языки достаточно сильно различаются по своей фонологической организации, что, несомненно, должно влиять на их стихосложение. Это также требует дальнейших, в том числе типологически ориентированных, исследований.

Литература

Герасимович 1975 — Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение: опыт экспериментально-фонетического исследования. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 128 с.

Козьмин 2009 — Козьмин А.В. Стихосложение гавайских песен (mele): опыт применения одного статистического показателя // Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Фольклористика». № 9/09. М.: РГГУ, 2009. С. 91–96.

Яценко 2009 — Яценко С.И. Илоканская богатырская сказка «Жизнь Лам-анга». Выпускная квалификационная работа бакалавра. Научный руководитель Г.Е. Рачков. СПб., 2009. 164 с. [Рукопись].

Rubino 2005 — Rubino C. Iloko // *The Austronesian Languages of Asia and Madagascar* / Eds. A. Adelaar, N.P. Himmelmann. L.; N.Y.: Routledge, 2005. P. 326–349.

С. И. Яценко

ОРГАНИЗАЦИЯ СТИХА В ИЛОКАНСКОМ ЭПОСЕ «ЖИЗНЬ ЛАМ-АНГА»

Начиная с конца XIX в. илоканскому эпосу «Жизнь Лам-анга» (*Biag ni Lam-ang*) было посвящено немалое количество публикаций¹. Тем не менее вопрос, касающийся формы произведения, в большинстве работ о памятнике либо вообще не затрагивался, либо упоминался лишь вскользь.

В данной статье речь пойдет об основных проблемах, возникающих в связи с анализом памятника с точки зрения формы, а также о некоторых результатах, которые были достигнуты в данной области.

Единственное известное нам исследование «Жизни Лам-анга», где вопрос формы произведения хоть как-то затрагивается, это работа Л. Ябеса «Илоканский эпос» (*The Ilocano Epic*). Известный филиппинский исследователь «Жизни Лам-анга» Леопольдо Ябес в своей работе пишет: «...количество слогов в строке варьируется от 6 до 12. Строки рифмуются по типу монорима “а а а а...”». Такая схема, тем не менее, не является регулярной» [Yabes 1935: 4].

Такая краткая характеристика, безусловно, требует уточнения.

Прежде всего следует сказать, что описанная Л. Ябесом схема в той или иной степени справедлива для всех известных версий текста памятника, которые на сегодняшний день являются доступными. Речь идет о версиях Л. Ябеса (1935 г.) [Yabes 1935], «Братьев Парайно» (1927 г.) [Parayno 2005], Исабело де лос Рейеса (1890 г.) [Reyes 1890], а также о версии Ф. Маганы [Jamias 1948]. С большой долей уверенности можно сказать, что такая схема справедлива и для двух версий, о существовании которых известно, но текст которых найти нам пока не удалось. Это вер-

---

¹ См. например: [Arsenio Manuel 1963: 10–12].

сия К. Медины (?) и версия, изданная в журнале «Ла Луча» (1926 г.)².

Форме версии текста Л. Ябеса посвящен один из разделов нашей выпускной квалификационной работы бакалавра «Илоканская богатырская сказка “Жизнь Лам-анга”» [Яценко 2009: 15–24], где памятник был рассмотрен нами с точки зрения рифмы, деления на строфы и количества слогов в строке. Поскольку версия Л. Ябеса представляет собой компиляцию трех предыдущих версий «Жизни Лам-анга» (за основу была взята версия «Братьев Парайно», куда были добавлены отсутствующие в ней эпизоды из версии И. де лос Рейеса и версии «Ла Луча»), можно предположить, что выводы, к которым мы пришли, в некоторой степени справедливы и для трех версий текста, положенных в основу версии Л. Ябеса.

В нашей магистерской диссертации «Новая версия илоканского эпоса “Жизнь Лам-анга”», посвященной версии Ф. Маганы, вопросам рифмы, деления на строфы и количеству слогов в строке также посвящен один из разделов [Яценко 2011: 84–121]. В связи с тем, что версия Ф. Маганы — одна из двух, чья аутентичность не вызывает сомнений (записана от крестьянина Франсиско Маганы из г. Банги провинции Илокос Сур; от сказителя была также записана и версия И. де лос Рейеса; неизвестно, были ли записаны от сказителя или написаны в кабинете версии «Братьев Парайно» и «Ла Луча»), выводы, полученные при анализе формы данной версии, представляют особый интерес.

Детальным анализом формы версии И. де лос Рейеса и «Братьев Парайно» до сих пор никто не занимался.

Итак, «Жизнь Лам-анга» представляет собой поэтический текст (наименьшее число строк содержит версия Ф. Маганы (1047), а наибольшее — версия Л. Ябеса (1477), основной чертой которого является конечный монорим на сочетание звуков [a + сонорный согласный] (прежде всего на *-an*, *-am* и *-ang*), пронизывающий весь текст (с небольшим количеством

---

² Подробнее о существующих версиях «Жизни Лам-анга» см.: [Yabes 1935: 1–3; Antolohiya 1984: 66–67, 70–72; Яценко 2011: 10–12].

исключений). Количество слогов в строке не является фиксированным и колеблется в пределах 6~16 слогов, что, однако, не означает, что поэтический текст не может быть подчинен каким-либо законам, регламентирующим допустимое количество слогов в строке. Отсутствует какое-либо четкое деление текста на строфы.

Поскольку монорим является основной характерной чертой формы произведения, разумным представлялось бы начать рассказ о форме произведения именно с рифмы. И лучше всего было бы начать с рассказа не о доминирующем в тексте памятника монориме, а о встречающихся в тексте исключениях, не подпадающих под общую схему. Строки с конечными слогами какого типа следует считать исключением? Подчиняются ли данные исключения какому-либо правилу?

Нам не известны нормативные поэтики или исследования, посвященные илоканскому стихосложению, где говорилось бы о правилах рифмовки в илоканском стихе. Возникает вопрос, что считать рифмой, а что нет.

Для того чтобы ответить на данный вопрос, на предмет рифмы нами были проанализированы более сорока илоканских народных песен и около десяти авторских илоканских стихотворений, созданных илоканскими поэтами XVIII–XIX вв., среди которых особое место занимают стихи величайшей илоканской поэтессы Леоны Флорентино (1849–1884), чьи произведения считаются вершиной классической илоканской поэзии [Яценко 2009: 16–20; 2011: 86–97].

Дополнительным ориентиром для нас служили правила рифмовки в классическом тагальском стихе (географическая близость и тот факт, что илоканский язык считается третьим по близости к тагальскому, должны были оказать влияние на литературу обоих этносов), оформившиеся во многом благодаря творчеству величайшего тагалоязычного поэта Франсиско Балагтаса (1788–1862) [Яценко 2009: 16–20; 2011: 84–85].

Результаты сопоставления указывают на две вещи.

Во-первых, правила рифмовки в классическом илоканском стихе совпадают с правилами рифмовки в тагальском. Так, и в тагальском, и в илоканском стихе рифмующимися считаются ко-

нечные слоги в строке с идентичными гласными: ([-a], [-i], [-e],³ [-o/-u]).

Состав последнего слога ограничивает выбор рифмы пределами одной из четырех групп:

- а) открытые слоги (например, [o-o-o-o]);
- б) закрытые слоги с конечным шумным согласным (b, k, d, g, p, s, t);
- в) закрытые слоги с конечным сонорным согласным или полугласным (l, m, n, ng, r, w, y)⁴.

В тагальском классическом стихе рифма является и главным критерием, на основании которого выделяются строфы. Одна строфа всегда связана строфическим моноримом, новая строфа будет иметь рифму, отличную от предыдущей. Илоканская поэзия в целом тоже следует этому правилу (в случаях если в произведении вообще есть какая-либо рифма), особенно это касается авторской поэзии. Тем не менее есть также и значительное число примеров, где этим правилом в той или иной степени пренебрегают.

Во-вторых, складывается впечатление, что рифма в илоканском стихе — явление сравнительно позднее. Рассмотрев рифму в народных песнях, можно заключить, что, по-видимому, изначально рифмовки в илоканском стихосложении не было, а стихотворность песням и другим произведениям народной поэзии придавал ритм, заключенный в силлабо-тонической структуре стиха. Постепенно к последнему прибавлялась и рифма. Из всех песен, где рифма присутствует, можно выделить две большие группы: песни, на всем протяжении которых преобладает монорим, и песни, состоящие из нескольких строф с разной рифмой в каждой строфе. Скорее всего, развитие илоканской поэзии шло

³ В древнем илоканском слоговом письме для обозначения звуков [e] и [i] использовался один символ. Это говорит о том, что раньше данные звуки были вариантами одной фонемы. В современном илоканском языке, по словам К. Рубино, звуки [e] и [i] являются разными фонемами [Rubino 2000: xxvii–xxviii]. Доказательством того, что [e] и [i] раньше были одной фонемой, может послужить и то, что в некоторых народных песнях, где явно наличествует рифма, в определенных строфах рифмуются конечные слоги с этими гласными.

⁴ В классическом тагальском стихе могут рифмоваться еще и закрытые слоги с конечным гортанно-смычным согласным (в илоканском языке гортанно-смычный согласный не может стоять в конце слова).

от отсутствия рифмы к частичной рифме, а затем уже к монориму во всем произведении, либо в отдельных строфах.

Не стоит забывать и об объективной бедности илоканского языка согласными и особенно гласными звуками. Имея в языке всего три гласных фонемы, нелегко избежать рифмы в поэзии.

При рассмотрении рифмы в версии Л. Ябеса (но не версии Ф. Маганы) выясняется, что организация текста на некоторых его отрезках тяготеет к делению на рифмованные четверостишия (иногда единые по содержанию), однако такая модель наблюдается лишь в малой части текста. Так, в 59 строках из 1477, т.е. примерно в 4 % случаев, рифма отличается от доминирующей. Весь текст насчитывает 1477 строк (т.е. 1476 + 1), что заведомо делает его деление на четверостишия невозможным. Для сравнения: в версии Ф. Маганы 24 строки из 1047 имеют отличную от доминирующей рифму (около 2,3 % строк всего текста).

Из приведенного ниже отрывка из версии Л. Ябеса видно, что количество строк в строфах, на которые текст был разделен составителем, может быть от четырех и выше, однако даже беглого взгляда на рифму достаточно, чтобы увидеть рифмованные четверостишия внутри больших по объему строф (текст приведен в том виде, в котором он опубликован в: [Antolohiya 1984]).

O naslag a Dios Espiritu Santo О, сияющий Бог Дух Святой,
silawam Apo toy panunotco Освяти, о Великий, мысли мои,
tapno madupnoac ti panangi- Чтобы стал правдивым мой рассказ
palawagco
ti pacasaritaan ti maysa a tao. Об истории жизни одного человека.

Idi panawen nga unana В давние времена
adda dua nga agasawa Жили муж с женой,
a nabiit pay ti panangawatda Которые только что приняли
iti matrimonio a nangina. Таинство брака.
Iti pannagna ti aldaw Шли дни
di nabayag daytoy babain И вскоре женщина забеременела,
naginaw
ta nadanunen ti panagbungan Ибо принесло плоды
daydi sacramento nga inawat- Таинство, которое они обрели.
dan.

<i>Nadumaduma a bungbungan</i>	Разные плоды
<i>ti inna dita masarsaramsam:</i>	Часто ела она:
<i>salamagi a marabanban</i>	Тамаринды нежные,
<i>pias ken daldaligan</i>	<i>Пиас</i> и <i>далиганы</i> ,
<i>niog pay a lolocoten</i>	Сочную мякоть зеленого кокосового ореха,
<i>bayabas a pariggalsem</i>	Кислые гуаявы,
<i>sua ken lolokisen.</i>	Грейпфруты и <i>лолокисены</i> .
<i>Ket dagitoy met ti inna sidaen:</i>	С рисом вместе ее пищей были:
<i>panapana ken maratantang</i>	Морские ежи большие и маленькие,
<i>ar-arosip ken aragan</i>	Морские водоросли <i>ар-аросип</i> и <i>араган</i> ,
<i>tirem a tinoctocan</i>	Вскрытые устрицы,
<i>pasayan a kinalapan</i>	Пойманные креветки,
<i>pingpinggan ken im-immoco</i>	Белые моллюски и <i>им-иммоко</i> ,
<i>loslosi ken pocpoclo</i>	<i>Лослоси</i> и морские водоросли зеленые,
<i>leddangan pay ken soso</i>	А еще пресноводные моллюски и <i>сосо</i> ,
<i>ta isu dagitoy ti inna cagusto.</i>	Потому что она любила все это.
<i>Idinto ta magtengna</i>	Когда она достигла
<i>ti pito a bulan daydi sicogna</i>	Седьмого месяца беременности,
<i>napalalo ti ay-ayatda</i>	Они сильно радовались
<i>ta adanin ti panagpasngayna!</i>	Скорому рождению ребенка,
<i>Ket idinto ta castan</i>	И тогда
<i>daytoy babaing Namongan</i>	Эта женщина по имени Намонган
<i>inna dita napanunotan</i>	Подумала о том,
<i>ti aramidenda a balitang.</i>	Чтобы смастерить лежанку.
<i>Kinonana dita nga insawang:</i>	Она сказала и наказала:
<i>«Ay asawac a Don Juan,</i>	«Муж мой, Дон Хуан,
<i>inca pay cuma pumucan</i>	Ты бы нарубил
<i>itay aramiden a balitang.</i>	То, из чего можно сделать лежанку.
<i>Inca cuma imatangan</i>	Ты бы взглянул
<i>di immulata a cawayan</i>	На бамбук, который мы посадили
<i>idiay bantay Capariaan</i>	Там, на горе Капариаан,
<i>ket inca cuma pucanan».</i>	И срубил бы несколько».

Принципиальным отличием рифмы в версии Ф. Маганы и версии Л. Ябеса является то, что в последней «неправильно» могут рифмоваться целые четверостишия, будь то сплошная рифма типа «а а а а», парная («а а б б»), перекрестная («а б а б») или кольцевая рифма («а б б а»). В версии Ф. Маганы монорим на **-an**

редко нарушается более чем в одной строке на протяжении отдельной строфы (под строфами здесь имеются в виду отрезки, на которые текст разделен в: [Jamias 1948]).

Вероятно, тяготение текста версии Л. Ябеса к делению на рифмованные четверостишия объясняется позднейшей авторской переработкой. Для сравнения приведем следующий пример⁵:

Ф. Магана

*Adu ti napanna kinakaan
Si sumag-babain Dna. Milliang
Adu a kita nga ik-ikan
Bongbonga* a sinoka-an
Kak-kajel ken luk-lukban
Pias ken dal-daligan. (2)*

Salamagui pay a marabanban
Pana-pana ken maratang-tang
Kinalapan nga udang
Tirem a tinok-tokan
Pasayang a bog-bogyan
Rasa, kippin a rinama-an. (3)

Pokpoklo kan pay ken **ping-pinggan**
Gamet, **ar-arosi, ken aragan**
Abuyo a sinil-loan
Ken ugsa a binatangangan
Siek ken **ledda-ngan**
Ti kano napanna sinar-saramsam (4)

Л. Ябес

*Nadumaduma a **bungbungan** 20
ti inna dita masarsaramsam:
salamagi a marabanban
pias ken daldaligan. [4]*

*Niog pay a lolokoten
bayabas a pariggalsem
sua ken lolokisen
ket dagitoy met ti inna sidaen; [5]*

Panapana ken maratangtang
ar-arosip ken aragan
tirem a tinoktokan
pasayan a kinalapan. [6]
Pingpinggan ken im-imoko
loslosi ken **pokpoklo**
leddangan pay ken soso
ta isu dagitoy ti inna kagusto. [7]

⁵ В (круглых) и [квадратных] скобках заключены номера строф в версии Ф. Маганы и Л. Ябеса соответственно, в том виде, в котором они пронумерованы в: [Jamias 1948]. Для большего удобства мы добавили номера строк версии Л. Ябеса (справа) в том виде, в котором они пронумерованы в: [Antolohiya 1984].

Много было того, что ела
Благородная Донья Миллианг:
Много видов рыбы,
Разные плоды, заправленные
уксусом,
Апельсины и помело,
Пиас и далиганы, (2)

Разные плоды 20
Часто ела она:
Тамаринды нежные,
Пиас и далиганы, [4]

Сочную мякоть зеленого
кокосового ореха,
Кислые гуаявы,
Грейпфруты и лолокисены.
С рисом вместе ее пищей были:
[5]

А еще тамаринды нежные,
Морские ежи большие и маленькие,
Пойманные лобстеры,
Вскрытые устрицы,
Креветки, полные икры,
Большие и маленькие крабы,
пойманные с помощью *рама*, (3)

Морские ежи большие и
маленькие,
Морские водоросли ар-аросип
и араган,
Вскрытые устрицы,
Пойманные креветки, [6]

А еще, говорят, зеленые морские
водоросли и белые моллюски,
Морские водоросли гамет,
ар-аросип и араган,
Лесные птицы, пойманные
в капкан,
И олень, которого посчастливилось
поймать,
Пресноводные моллюски
и улитки —
Вот, чем, говорят, питалась она. (4)

Белые моллюски и *им-*
иммоко,
Лослоси и морские водоросли
зеленые,
И еще пресноводные моллю-
ски и *сосо*,
Потому что она любила все это.
[7]

* Для удобства сопоставления мы выделили жирным шрифтом и подчеркнули отдельные слова, которые есть в обеих версиях. Если целиком подчеркнута целая строка, то это означает, что такая же строка с таким же набором слов содержится и в другой версии.

Из приведенного выше примера видно, что большая часть текста в строках, рифмующихся на *-an*, *-am*, *-ang*, совпадает в обеих версиях или по крайней мере имеет большое число одинаковых слов, занимающих конечную, рифмующуюся, позицию. В то же

время строфы [5] и [7], в которых рифма отличается от доминирующей, практически не коррелируют с версией Ф. Маганы. На наш взгляд, такое положение дел вполне может объясняться авторской переработкой текста версии Л. Ябеса, а точнее версии «Братьев Парайно», откуда были взяты строфы [5] и [7] с целью разнообразить рифму. Вдобавок скажем, что в версии И. де лос Рейеса рифма в данной части «правильная», как в версии Ф. Маганы.

Все строки с «неправильной» рифмой в версии Ф. Маганы входят в состав строф, не имеющих аналога в версии Л. Ябеса (следовательно, и в остальных трех). Такова, например, строфа (59), в которой описывается поединок Лам-анга с девятиглавым змеем:

<i>In wen met si sumag-lalakin Lam-ang</i>	Согласился Благородный Лам-анг,
<i>Ket nagsango da a duan.</i>	И встали лицом к лицу двое.
<i>Dinuklos si serpiente</i>	Атаковал змей —
<i>Naiwarsi ti tallo nga ulong</i>	Лишился трех голов своих,
<i>Sana man dinoklosen</i>	Опять он его атаковал —
<i>Naiwarsi ti lima</i>	Лишился пяти,
<i>Ket maymaysa ti natdan. (59)</i>	И лишь одна осталась. (59)

Здесь «неправильная» рифма также может быть объяснена авторской переработкой, а точнее исполнительской импровизацией в процессе исполнения. С тем лишь исключением, что «неправильная» рифма вызвана не желанием разнообразить рифму, а несовершенным владением искусством импровизации.

В версии Ф. Маганы сказитель вставил эпизод со змеем (56–61) сразу после поединка Лам-анга с Сумарангом (48–55)⁶. Описание поединков строится по схожей схеме и описывается одними и теми же формулами: по пути в страну игоротов Лам-анг встречает антагониста, который спрашивает героя, куда тот дер-

⁶ Расположение эпизодов внутри сюжетной линии также, по-видимому, является новаторским. В прочих версиях Лам-анг встречает Сумаранга по дороге к Инес Каннойан. В версии Ф. Маганы герой и антагонист встречаются по дороге в страну игоротов.

жит свой путь. Получив ответ на вопрос, антагонист говорит герою, чтобы тот разворачивался и шел домой, если ему дорога его жизнь. Выслушав отказ, антагонист говорит Лам-ангу, что сейчас они с ним сойдутся в бою. Лам-анг соглашается, двое встают лицом к лицу, начинается схватка (48–52, 56–58). Сам поединок же описывается по-разному: в поединке с Сумарангом герои по очереди бросают друг в друга копья, и Лам-анг в результате убивает Сумаранга. Использованная здесь формула применяется и в описании эпизода, в котором мать героя испытывает его воинскую силу (36–43), он отсутствует в прочих версиях. В нем также имеются строки с «неправильной» рифмой. Чтобы не повторяться, сказитель, по-видимому, решил описать поединок со змеем по-другому.

В данной строфе «неправильно» рифмуются испанское заимствованное слово *serpiente* ‘змей’, слово *dinoklos* ‘атаковал’ в сочетании с энклитической частицей *-en/-n* ‘уже’ (*-en* — после гласных, *-n* — после гласных), словосочетание *ulo+na* ‘головы + его’ и числительное *lima* ‘пять’.

Обратим внимание на то, что в «Лам-анге» слова, оканчивающиеся на *-a* (корневые морфемы, производные слова, а также энклитические личные местоимения), занимающие конечную позицию в строке, как правило, сочетаются с энклитической частицей *-en/-n*, что дает желаемую рифму на *-an*. Такова, например, ситуация во второй строке приводимой выше (59) строфы, где числительное *dua* ‘два’ сочетается с энклитической частицей *-en/-n* (= *duan*). Теоретически таким же способом можно добиться желаемой рифмы и со словами *ulo + na* и *lima*.

В случае со словом *serpiente* «неправильная» рифма, на наш взгляд, помимо непосредственного желания использовать данное конкретное слово может быть объяснена неспособностью сказителя подобрать подходящее для рифмы слово и/или «правильно» построить предложение.

В случае же со словом *dinoklos + en* «неправильная» рифма, как нам кажется, представляет собой попытку сделать рифму хоть как-то похожей на желаемую. Не имея возможности подобрать подходящее слово или желая дважды использовать слово *dinoklos* (в третьей и пятой строках), сказитель, чтобы не заканчи-

вать строку столь нежелательным сочетанием звуков, как *-os*, добавил к нему энклитическую частицу *-en/-n* ‘уже’⁷.

В целом, так как нет возможности доказать тот факт, что «неправильная» рифма здесь, как и в прочих подобных строках в версии Ф. Маганы, объясняется авторской импровизацией, высказанное нами выше является не более чем гипотезой.

Очевидно, основным приемом сказителя при исполнении памятника все же было не привнесение разнообразия в моноримическую структуру текста, а ее сохранение.

Перейдем к рассмотрению доминирующего в тексте «Лам-анга» монорима.

Как уже отмечалось, главная особенность структуры поэтического текста — преобладание на всем его протяжении конечного монорима на сочетание звуков «а + сонорный согласный», чаще всего на *-an*, *-am* и *-ang*. Безусловно, такая рифма является одним из основных способов вызвать сильное эстетическое переживание у слушателя на стадии, предшествующей осмыслению текста. Человек, даже будучи незнаком с илоканским языком, сможет так или иначе оказаться втянутым в канву повествования за счет подобного фонетического параллелизма, повторяющегося из строки в строку.

То, что именно такая рифма используется как доминирующая, очевидно, не является случайностью. Тем не менее следует понять, в какой именно степени данный тип рифмы является неслучайным. Необходимо также ответить на вопрос, касающийся потенциальной продуктивности данного типа рифмы для илоканской поэзии (иначе говоря, насколько легко сочинять стихи на илоканском языке, пользуясь моноримом на сочетание звуков [а + сонорный согласный]).

Нами были вычленены семь моделей, по которым происходит образование данного типа рифмы. Рассмотрим их, начиная с самой употребительной и заканчивая самой непопулярной:

---

⁷ Из описания самого поединка, кстати говоря, непонятно, кто кого атаковал в пятой строке, где буквально говорится: «затем + он-его + эмфатическая частица + атаковал».

1. Наиболее частотным является способ, при котором **корневые морфемы (КМ), оканчивающиеся на сочетание звуков [а + сонорный согласный], помещаются в конец строки.** Это могут быть как корневые морфемы, употребляющиеся в качестве самостоятельных слов, так и корневые морфемы, служащие производящими основами для слов, образованных при помощи различных префиксов.

<i>Ta innak mangala ti <u>kampilan</u></i>	И я возьму <u>меч</u> ,
<i>Nga agsumbagir a <u>mangan</u></i>	Что в обе стороны <u>ест</u> ,
<i>Ta innak pumokan ti <u>kawayan</u></i>	И я срублю <u>бамбук</u> ,
<i>A pagaramidko ti <u>balitang</u>.</i> (10)	Из которого я сделаю <u>лежанку</u> . (10)

2. **Имена всех основных персонажей**, действующих в произведении, заканчиваются на сочетание звуков [а + сонорный согласный]. Это, безусловно, не случайно. Таковы имена Лам-анг (Lam-ang), Донья Миллианг (Doña. Milliang), Дон Хуан (Don Juan), Инес Каннойан (Ines Kannoayan), Уннайан (Unnayan), Сумаранг (Sumarang), Саридандан (Saridandan), Намонган (Namongan) в версии Л. Ябеса и т.д. Большинство строк, содержащих имена главных героев, организовано таким образом, что они занимают именно конечную позицию в угоду рифме. Например:

<i>Dinagus a pinispisi si <u>Don Juan</u></i>	Тут же разрубил пополам <u>Дон Хуан</u>
<i>Deydo napanna pinokan a kawayan</i>	Тот нарубленный им бамбук,
<i>Sana inaramid a balitang.</i>	Затем он сделал лежанку.
<i>«Ay asawak a <u>Dna. Milliang</u></i>	«Ай, жена моя <u>Донья Миллианг</u> ,
<i>Itan ta naaramidko ti balitang...</i>	Теперь, поскольку сделал я лежанку...
(17)	(17)

Существуют строки, состоящие лишь из имени одного из героев. Это строки, содержащие имя главного героя в составе **именной формулы**. Наиболее употребительная именная формула образуется по модели «**слово-определение *sumag-lalakin* или *sumag-babain*⁸ + имя одного из главных героев**». Данная

⁸ ~ 'поступающий как настоящий мужчина' и 'поступающая как настоящая женщина', переводимые на русский язык словами «благородный» и «благородная».

именная формула употребляется только с именами Лам-анга, Доньи Миллианг, Дона Хуана и Сумаранга. В версии Л. Ябеса в схожих условиях вместо слов *sumag-lalakin* и *sumag-babain* употребляются слова *sinanlalakin* и *sinanbabain* ('считающийся настоящим мужчиной' и 'считающаяся настоящей женщиной'). Однако в версии Л. Ябеса данные слова используются только применительно к Лам-ангу и Донье Миллианг. Как правило, данные именные формулы либо занимают отдельную строку, либо им предшествует какое-то значимое слово (чаще всего глагол) или группа слов (как правило, одно или два служебных слова + глагол):

Adu ti napanna kinakaan

Si sumag-babain Dna. Milliang...

(2)

Много было того, что ела

Благородная Донья Миллианг...

(2)

С определенными именами героев могут сочетаться несколько слов, также образующих именные формулы, но уже являющихся не универсальными, подходящими для именованного героя кем угодно вне зависимости от ситуации, а частными, используемыми, как правило, конкретными героями в качестве апеллиатива, хотя иногда встречаются и в авторской речи, употребляемые в качестве детерминатива. Это касается словосочетаний, образованных по модели «**термин родства + имя героя**», таких как «братец [мой] Лам-анг» (в речи Инес Каннойан до свадьбы с Лам-ангом), «муж мой Лам-анг» (в речи Каннойан после свадьбы с Лам-ангом), «сын мой/сын наш Лам-анг» (в речи Доньи Миллианг и родителей Каннойан), «дочь наша Каннойан» (в речи родителей Каннойан), «жена моя Инес Каннойан» (в речи Лам-анга), «сватья [моя] Донья Миллианг» (в речи Уннайан) и т.д. Сюда же относится словосочетание «друг мой Лам-анг» (в речи отца Лам-анга) и употребление в сочетании с именем героя уважительного слова *ápo*, переводимого на русский язык словосочетанием «мой господин». При употреблении такой формулы в авторской речи в качестве детерминатива имеем, соответственно, «ее муж Дон Хуан», «его мать Донья Миллианг» и т.д. Такая именная формула может занимать всю строку целиком или, как и в предыдущем случае, ей может предшествовать какое-то значимое слово или

группа слов. Само имя героя, как правило, также занимает конечную позицию в строке.

<i>Idi ngin-nginawennan Lam-ang</i>	На третий месяц после того как был зачат Лам-анг,
<i>Ti man kinona si <u>asawana a Don</u></i>	Вот, что сказал тогда <u>ее муж Дон</u>
<i><u>Juan</u></i>	<u>Хуан</u> :
<i>«<u>Ay, asawak a Dna. Milliang</u></i>	<i>«<u>Ай, жена моя Донья Миллианг</u></i>
<i>Inka man ket luktan</i>	Пойди ты, пожалуйста, и открой
<i>Tay kamarin a kada-daklan...» (5)</i>	Тот самый большой амбар...» (5)

Слова *kaka* ‘братец’ и *apo* ‘мой господин/моя госпожа’ гораздо чаще употребляются самостоятельно, нежели в сочетании с именем одного из персонажей (*apo*: см. строфы 103, 153, 135, 137, 199, 203, 136, 138; *kaka*: см. строфы 105, 107, 110, 179, 180, 162).

Отметим, что в версии Л. Ябеса наблюдается большее количество возможных сочетаний для образования именных формул. Если в версии Ф. Маганы именная формула может содержать в качестве определения к имени героя либо термин родства, либо слово *sumag-lalakin* или *sumag-babain*, то в версии Л. Ябеса имя героя может сочетаться либо с термином родства, либо со словом *lalaki* ‘мужчина’ или *babai* ‘женщина’, либо со словом *sinanlalakin* или *sinanbabain* (а с именем матери Лам-анга Намонган может сочетаться также и слово *baket* ‘пожилая женщина’). Словам *lalaki/babai* или *sinanlalaki/sinanbabai*, так же как и в версии Ф. Маганы, в редких случаях может предшествовать термин родства. Количество случаев употребления формул, состоящих из двух определений и определяемого имени, в обеих версиях примерно одинаковое.

Персонажи, не имеющие имени, в памятнике обозначаются сочетанием из двух слов, первое из которых называет определяемое (не оканчивающееся на желаемое сочетание звуков), а второе — определение. Определение стоит в конце и, по-видимому, специально имеет в своем составе сочетание конечных звуков [а + сонорный согласный]. К этой группе относятся практически все персонажи, у которых нет имен, а также некоторые люди с именами. Например, *Markos a batukan* ‘Маркос-ныряльщик’,

Pasio a mayaman ‘Пасио богатый’, *Si baket ararokutan* ‘Сгорбленная старуха’, *Si ari ti ikan* ‘царь рыб’, *Di buaya a kadadaklan* ‘самый большой крокодил’, *Puraw a kawitan* ‘белый петух’, *Kawitan a karrurayan* ‘Петух с желтыми лапками’, *Aso a burburan* ‘собака лохматая’, *Si ikan a tiwan-tiwan* ‘Меч-рыба’, *Si ama si Kannoyan* ‘отец Каннойан’, *Seseniores a babaknang* ‘богатые сеньоры’.

3. Третьим способом, при помощи которого создается рифма на сочетание звуков [a + сонорный согласный], является помещение в конец строки слов, образованных при помощи суффикса **-an** (иногда также входящего в состав конфикса).

3.1. **Глаголы в форме пассивного залога**, образованные при помощи суффикса **-an** и конфикса **ta- -an**.

<i>Idin ta napanna <u>napaayaban</u></i>	И когда позвал он [их],
<i>Ti kinonana ken si sumag-babain</i>	Вот что сказал он Благородной Донье
<i>Dna. Milliang</i>	Миллианг:
« <i>Inka ngad itan <u>luktan</u></i>	«Пойди же ты сейчас и открой
<i>Tay kamarin a kadadaklan</i>	Тот самый большой амбар
<i>Ta innak makiay-ayam</i>	И я пойду сражаться
<i>Sadiay ili a Makayangyang</i> ». (23)	Туда в страну Макайангйанг». (23)

3.2. **Существительные со значением причины или места**, образованные при помощи конфиксов **pag- -an/nag- -an; paka- -an/naka- -an; rangi- -an/nangi- -an** и т.д.

« <i>Ay ina ngamin Dna. Milliang</i>	«Ай, мама, Донья Миллианг,
<i>Sumaludsodak man</i>	Спрашиваю я,
<i>No ania't <u>nakabasolan</u></i>	В чем же провинился
<i>Ni ama a <u>naggapuan</u></i>	Отец, который меня породил,
<i>Ta inna ta pay met pinanawan</i> ».	И почему нас с тобой он оставил?»
(91)	(91)

3.3. **Превосходные степени прилагательных**, образующиеся по схеме **ka(СГ)-КМ-an**, а также **существительные со значением «место, где то, что обозначено в корне, представлено в большом количестве»**, образующиеся по схеме **ka-КМ-an**.

«*Ay kaka ngamin Lam-ang
Inta koma man idia'y balay
a tinaleban
Ti bolo ti katinungan*

*Bumtak no mainitan
Iti sirok ti kayo a kadadaklan».
(116)*

«Ай, братец Лам-анг,
Пойдем с тобой в дом, где стены [сде-
ланы]
Из жердей бамбука *боло*, плотно друг
к другу подогнанных*.
На солнце искрящихся,
[В дом, что] в тени самого большого
дерева». (116)

* Букв. 'лучше всего друг к другу подогнанных'.

4. Энклитическая частица **-en/-n** (**-en** — после согласных, **-n** — после гласных), имеющая значение «**сейчас; уже**», которая, **присоединяясь** (зачастую даже там, где к этому не обязывает семантика высказывания) **к концу производных и непроизводных КМ, служебных слов, а также энклитических личных местоимений, оканчивающихся на звук [a]**, занимающих конечную позицию в строке, образует желаемую конечную рифму на *-an*. На русский язык данная частица зачастую не переводится.

No di si baket ar-arokutan Кроме сгорбленной старой женщины,
Ta isut napigsa't ramramay-na-n* У которой были сильные пальцы,
Ket idin ta napaltot-na-n** И когда она помогла ей родить,
Agsao daytoy ubing ita-n*** (29) Заговорил этот ребенок тут же. (29)

*букв. 'пальцы-ее-уже'.

** букв. 'помогла.родить-она.ей-уже'.

*** букв. 'сейчас-уже'.

5. По схожему принципу образуется рифма в строках, где **к конечным словам, оканчивающимся на звук [a] или образованных при помощи аффикса -an, присоединяется энклитическое местоимение -mol/-m** 'ты; твой' (*-mo* — после согласных, *-m* — после гласных)

Ti met kinuna si sumag-babain Вот что сказала тогда Благородная Донья
Dna. Milliang Миллианг:
«*Ay sumag-lalakin si Lam-ang* «Ай, Благородный Лам-анг,
Saanka pay a palubosan Я тебе пока не разрешу [идти],

Ta maridagum ta saka-m Потому что похожи на иголки **ноги твои**,
 А **руки твои** как бамбуковые прутьики.
Ket maribanban ta ima-m.» Но все же пожелал идти, говорят,
 Благородный Лам-анг. (34)
Ngem agpagus kan la a mapan
Si sumag-lalakin Lam-ang. (34)

6. В некоторых случаях желаемая рифма достигается **помещением в конец строки различных служебных слов**, оканчивающихся на сочетание звуков [а + сонорный согласный].

Ti kinona si Ines Kannyoyan Вот что сказала Инес Каннойан:
 «*Ay sika ikan tumaudka man...*» «Ай, ты, рыба, появишься **же** ты...»
 (201) (201)

7. **Имена собственные**, встречающиеся в тексте помимо имен персонажей, обычно оканчиваются на сочетание звуков [а + сонорный согласный] и занимают конечную позицию в строке.

Idiay Sambangki ken Loy-a Из Самбангки и Лой-а,
Idiay Bakong ken Kasabaan Из Баконг и **Касабаан**,
idiay Teppang ti Amburayan Оттуда с берегов [реки] **Амбурайан**,
Ken adayo a karayan Banban. (76) И с дальней реки **Банбан**. (76)

В целом о рифме в «Жизни Лам-анга» можно сказать, что монорим на [а + сонорный согласный] хоть и является хорошим средством для достижения требуемых от сказителя результатов, т.е. поэмы длиной около 1000–1500 строк, тем не менее вряд ли способствовал развитию и появлению более крупных поэтических форм (по крайней мере нам не известны примеры действительно длинных эпических памятников, где на протяжении всего текста была бы одна и та же конечная рифма). Даже в рамках данного текста можно найти признаки частичной несостоятельности такого типа рифмы. Имеются в виду случаи, когда рифма образуется путем присоединения энклитической частицы *-en/-n* к словам, оканчивающимся на звук [а], как, например, в приводившейся выше строфе 29, где в трех строках из четырех рифма образована именно таким образом. И если в двух из этих трех строк (оканчивающихся словами *napalot-na-n* ‘помогла.родить-

она.ей-уже' и *ita-n* 'сейчас-уже') наличие энклитической частицы со значением «уже; сейчас» можно объяснить необходимостью придания последним двум строкам яркого оттенка завершившегося действия, то в строке *ta isu't napigsat' ramramay-na-n* 'потому, что она была той, у кого пальцы были сильные' (букв. 'потому, что она — тот, у кого сильные пальцы-ее-уже'), на наш взгляд, наличие данной частицы на конце слов *ramramay-na* 'ее пальцы' вряд ли можно исчерпывающим образом объяснить чем-либо, кроме как необходимостью правильной рифмы. Конечно, можно поспорить, что и в данном случае употребление этой частицы может быть вполне оправдано потребностью подчеркнуть, что у той старухи были сильные пальцы в отличие от предыдущих кандидатов на роль повитухи, однако нам ближе точка зрения, высказанная ранее. Аргументом в нашу пользу может также послужить то, что в версии Л. Ябеса есть точно такая же строка, которая выглядит абсолютно так же, но с одним исключением — она не содержит энклитической частицы *-en/-n* на конце.

<p>...<i>Addaman nalagipdan</i> <i>daydi baket nga ar-arucutan</i> <i>ta isut' napigsat' ramramay na.</i> <i>Ket idinto ta mapaltotnan 100</i> <i>ni sinanbabai Namongan</i> <i>maysa a lakali ti rimmuar...</i></p>	<p>...Однако вспомнили они о той сторбленной старой женщине, потому что у той были сильные пальцы. И когда она помогла родить 100 Благородной Намонган, у нее родился мальчик...</p>
---	---

[Antolohiya 1984: 77].

Отметим также, что энклитическая частица *-en/-n* сохраняется в строке, оканчивающейся словом *mapaltot-na-n*, которая является идентичной 3 строке 29 строфы версии Ф. Маганы.

При всем разнообразии средств, способных образовывать рифму на [а + сонорный согласный], далеко не от каждого корня можно образовать глагол с аффиксом *-an* и далеко не каждый корень оканчивается на сочетание [а + сонорный согласный] или звук [а], к которому можно присоединить энклитическую частицу *-en/-n*. По нашим подсчетам, из имеющихся в тексте версии Ф. Маганы 1047 строк лишь около 380 имеют оригинальную рифму, а остальные 670 рифмуются на слово, которое раньше уже

встречалось в тексте (более чем половина из этих 670 строк имеет в качестве рифмы имя одного из героев).

Перейдем к рассмотрению текста с точки зрения количества слогов в строке — самому сложному аспекту изучения формы памятника.

В тексте нет ни одного отрезка, где количество слогов в строках было бы одинаковым на протяжении более чем трех строк, или же было бы каким-либо образом упорядочено. Одна строка может содержать от 6 до 16 слогов.

Это не означает, однако, что за кажущимся беспорядком не может стоять какой-то организующей модели или системы. Рассматривая данный памятник с точки зрения количества слогов в строках, стоит отказаться от попыток увидеть фиксированную последовательность чисел, которая повторялась бы на том или ином отрезке текста. Это может быть связано со многими причинами, например с песенным исполнением эпоса, когда некоторые слоги или фразы могли растягиваться, а некоторые быть произнесенными за более короткий отрезок времени. Также скажем, что свобода в отношении количества слогов в строках характерна для всей илоканской поэзии, как древней, так и современной⁹.

Что же касается «Жизни Лам-анга», то к некоторым выводам касательно данного аспекта мы пришли, еще когда работали с предыдущей версией памятника — версией Л. Ябеса, где ситуация с количеством слогов в строках примерно такая же, как и в рассматриваемом памятнике. Мы пришли к выводу, что в версии Л. Ябеса допустимое число слогов в строке всегда регламентировано ее минимальным окружением, которое составляют три строки, расположенные выше, или три строки, расположенные ниже рассматриваемой. Обычно это три строки, составляющие вместе с рассматриваемой строкой рифмованное четверостишие (если принять тот факт, что весь текст тяготеет к делению на четверостишия). Последнее не может быть применено к данной версии, поскольку объективных доказательств того, что этот текст делится на рифмованные четверостишия, у нас нет. Итак, любая

---

⁹ См.: [Яценко 2011: 111–113].

строка с любым количеством слогов всегда имеет в своем минимальном окружении другую строку, где количество слогов отличается максимум на два слога [Яценко 2009: 20–24]. Данная модель, к сожалению, не является в той же степени справедливой для версии Ф. Маганы [Яценко 2011: 113–116]. Тем не менее такого рода подход сам по себе не бесперспективен для поиска закономерностей. Особенно это касается идеи о том, что строки могут считаться «равными», даже если между ними существует небольшая разница в количестве слогов.

Мы постарались проанализировать количество слогов в строках в версии Ф. Маганы еще и сквозь призму содержания памятника, помня об уже упомянутых особенностях «равновесных» строк, и пришли к выводу, что нарратив строится следующим образом: основными его элементами являются пары строк, следующие друг за другом. Одна пара строк, по-видимому, образует законченную ритмическую единицу, а возможно, и минимальную законченную повествовательную единицу, а из таких единиц уже строится большая часть повествования. Как аргумент в пользу того, что пары строк образуют минимальную законченную повествовательную единицу, приведем небольшой пример:

<i>...Ket dengguenyo nga imatangan</i>	...И слушайте вы внимательно, и запоминайте
<i>Ti panagbiag si sumag-lalakin</i>	Рассказ о жизни Благородного
<i>Lam-ang</i>	Лам-анга,
<i>Ta si inana sumag-babain Dona</i>	И матери его, Благородной Доньи
<i>Milliang</i>	Миллианг,
<i>Inawenna idi ti dayta a bulan. (1)</i>	Которая зачала его в тот месяц. (1)

Первая строка по определению требует дополнения (что именно мы должны слушать), которое содержится в следующей строке. Третья строка связана с четвертой, поскольку в одной сказитель уточняет, что речь пойдет еще и о матери главного героя, а следующая строка как бы отвечает на вопрос, какой матери — «которая забеременела им в тот месяц».

Две соседние строки считаются парой, если разница в количестве слогов между ними не превышает трех слогов. В случаях когда у какой-либо строки нет пары, т.е. если она отличается от

соседних с ней строф более чем на три слога, такая строка будет иметь ключевое значение для повествования. Приведем пример:

8* <i>0 mannamed a nangato</i>	О высокий покровитель,
8 <i>Tulongannak aya Apo</i>	Помоги мне, Господи,
15 <i>Ket innak saritaen ti biag ti maysa a tao</i>	Потому что я буду рассказывать о жизни одного человека,
9 <i>Ket dengguenyo nga imatanganan</i>	И слушайте вы внимательно и запоминайте
12 <i>Ti panagbiag si sumag-lalakin Lam-ang</i>	Рассказ о жизни Благородного Лам-анга,
14 <i>Ta si inana sumag-babain Dona Milli-ang</i>	И матери его, Благородной Доньи Миллианг,
12 <i>Inawenna idi ti dayta a bulan.</i> (1)	Которая зачала его в тот месяц.
10 <i>Adu ti napanna kinakaan</i>	Много было того, что ела
10 <i>Si sumag-babain Dna. Milli-ang</i>	Благородная Донья Миллианг:
9 <i>Adu a kita nga ik-ikan</i>	Много видов рыбы,
8 <i>Bongbonga a sinoka-an</i>	Разные плоды, запавленные уксусом,
7 <i>Kak-kajel ken luk-lukban</i>	Апельсины и помело,
6 <i>Pias ken dal-daligan.</i> (2)	<i>Пиас</i> и <i>далиганы</i> ,
10 <i>Salamagui pay a marabanban</i>	А еще тамаринды нежные,
9 <i>Pana-pana ken maratang-tang</i>	Морских ежей, больших и маленьких,
7 <i>Kinalapan nga udang</i>	Пойманных лобстеров,
7 <i>Tirem a tinok-tokan</i>	Вскрытые устрицы,
7 <i>Pasayang a bog-bogyon</i>	Креветки, полные икры,
9 <i>Rasa, kippin a rinama-an.</i> (3)	Больших и маленьких крабов, пойманных с помощью <i>рама</i> ,
9 <i>Pokpoklo kan pay ken ping-pinggan</i>	А еще, говорят, зеленые морские водоросли и белых моллюсков,
10 <i>Gamet, ar-arosi, ken aragan</i>	Морские водоросли <i>гамет</i> , <i>ар-аросин</i> и <i>араган</i> ,
8 <i>Abuyo a sinil-loan</i>	Лесных птиц, пойманных в капкан,
8 <i>Ken ugsa a binatang</i>	И оленя, которого посчастливилось поймать,
5 <i>Siek ken ledda-ngan</i>	Пресноводных моллюсков и улиток –
11 <i>Ti kano napanna sinar-saramsam</i> (4)	Вот чем, говорят, питалась она.

* — Количество слогов в строке.

Из приведенного выше примера видно, что первые две строки образуют пару, а следующая за ними строка имеет количество слогов примерно в два раза большее, чем в предыдущей. Очевидно, что третья строка подытоживает две предыдущие. В первых двух сказитель обращается к Богу, а в третьей называется причина, по которой он это делает.

Далее идут две пары строк, в которых уточняется, о ком именно пойдет речь, после чего сказитель просит внимательно слушать его рассказ.

На протяжении следующих трех строф мы видим перечисление того, чем питалась мать главного героя, когда была беременна им. Здесь все по-прежнему укладывается в описанную нами модель: строки, следуя друг за другом, образуют пары. Разницу между соседними строками более чем в три слога мы наблюдаем, как и в случае с первой строфой, в последней строке четвертой строфы. Если в предыдущих строках мы имеем просто перечисление всех видов пищи, то последняя строка является подытоживающей, говорящей о том, что перечисление закончилось. Стоит отметить, что количество слогов в последней и предпоследней строке четвертой строфы отличается опять примерно в два раза. Если изобразить схематически сочетающиеся между собой пары строк в этих четырех строфах, то выглядеть это должно примерно следующим образом:

<i>O mannamed a nangato</i>	8 слогов	]	~ 2× конец эпизода новый эпизод
<i>Tulongannak aya Apo</i>	8 слогов		
<i>Ket innak saritaen ti biag ti maysa a tao</i>	15 слогов	]	
<i>Ket dengguenyo nga imatangan</i>	9 слогов		
<i>Ti panagbiag si sumag-lalakin Lam-ang</i>	12 слогов	]	
<i>Ta si inana sumag-babain Dona Milliang</i>	14 слогов		
<i>Inawenna idi ti dayta a bulan. (1)</i>	12 слогов	]	
<i>Adu ti napanna kinakaan</i>	10 слогов	]	
<i>Si sumag-babain Dna. Milliang</i>	10 слогов		
<i>Adu a kita nga ik-ikan</i>	9 слогов	]	
<i>Bongbonga a sinoka-an</i>	8 слогов		
<i>Kak-kajel ken luk-lukban</i>	7 слогов	]	
<i>Pias ken dal-daligan. (2)</i>	7 (6) слогов		

<i>Salamagui pay a marabanban</i>	10 слогов	]	
<i>Pana-pana ken maratang-tang</i>	9 слогов		
<i>Kinalapan nga udang</i>	7 слогов	]	
<i>Tirem a tinok-tokan</i>	7 слогов		
<i>Pasayang a bog-bogyang</i>	7 слогов	]	
<i>Rasa, kippin a rinama-an. (3)</i>	9 слогов		
<i>Pokpoklo kan pay ken ping-pinggan</i>	9 слогов	]	
<i>Gamet, ar-arosi, ken aragan</i>	10 слогов		
<i>Abuyo a sinil-loan</i>	8 слогов	]	
<i>Ken ugsa a binatanggan</i>	8 слогов		
<i>Siek ken ledda-ngan</i>	5 слогов	–	
<i>Ti kano napanna sinar-saramsam (4)</i>	11 слогов	~ 2×	

По-видимому, удвоение количества слогов в два раза по сравнению с предыдущей строкой является одним из приемов для маркировки моментов, значимых для повествования, причем не важно, имеет предыдущая строка пару или нет.

Рассмотрим следующий отрывок:

- 9 *Idi ngin-nginawennan Lam-ang* На третий месяц после того как был зачат Лам-анг,
 13 *Ti man kinona si asawana a Don Juan* Вот что сказал тогда ее муж Дон Хуан:
 9 “*Ay, asawak a Dna. Milliang* «Ай, жена моя Донья Миллианг,
 6 *Inka man ket luktan* Пойди ты, пожалуйста, и открой
 9 *Tay kamarin a kada-daklan* Тот самый большой амбар,
 8 *A mamitlo a mamin siam (5)* У которого три раза по девять
- 9 *Ti teddekna nga agpamianan* Свай, который выходит на север,
 9 *Ta innak mangala ti igam* И я возьму оружие,
 7 *Igam a pagsa-samsam* Оружие для добычи трофеев,
 8 *Ta innak maki-ay-ayam* Потому что я пойду сражаться
 9 *Sadiay ili ti Makayangyang. (6)* Туда, в страну Макайангйанг.

Пятая строфа начинается уже с нового мини-эпизода: Дон Хуан просит Донью Миллианг открыть большой амбар, чтобы взять оружие для того, чтобы идти сражаться с игоротами в страну Макайангйанг. Здесь следует выделить вторую строку: «*Ti man*

kinona si asawana a Don Juan» — «Сказал муж ее Дон Хуан». Она отличается от соседних с ней строк более чем на три слога. На четыре — если быть точным. По-видимому, именно эта строка выделяется здесь как значимая для повествования. В остальных строках (строфа пятая и шестая) идет описание того, что именно сказал Дон Хуан.

Открытым здесь остается вопрос о том, как именно образуют пары оставшиеся строки пятой и шестой строфы. По-видимому, это должно выглядеть так, что пятая строка не имеет пары, а пару образуют между собой первая и третья строки:

<i>Idi ngin-nginawennan Lam-ang</i>	9 слогов	]	новый эпизод — СКАЗАЛ
<i>Ti man kinona si asawana a Don Juan</i>	13 слогов		
<i>“Ay, asawak a Dna. Milliang</i>	9 слогов	]	
<i>Inka man ket luktan</i>	6 слогов		
<i>Tay kamarin a kada-daklan</i>	9 слогов	]	
<i>A mamitlo a mamin siam (5)</i>	8 слогов		
<i>Ti teddekna nga agpamianan</i>	9 слогов	]	
<i>Ta innak mangala ti igam</i>	9 слогов		
<i>Igam a pagsa-samsam</i>	7 слогов	]	
<i>Ta innak maki-ay-ayam</i>	8 слогов		
<i>Sadiay ili ti Makayangyang. (6)</i>	9 слогов	]	

Схожим образом нами были проанализированы первые шестьдесят строф версии Ф. Маганы. Результаты укладываются в рамки предлагаемой модели.

Естественно, не стоит забывать, что на данный момент это всего лишь гипотеза и не все конкретные куски могут полностью укладываться в предложенную нами модель. Важно отметить: строка, в которой указывается, что один из героев сказал что-то другому, выделяется из общего ряда по количеству слогов в строке и в силу объективных причин означает перемену в ходе повествования.

В целом описанный подход при всех недостатках может оказаться более продуктивным при описании илоканской эпической поэзии по сравнению с предложенной ранее моделью равновесных строк, поскольку он непосредственно связан как с содержа-

нием эпоса, так и с внешней стороны текста, что дает больше перспектив для понимания законов, по которым строится эпический нарратив.

Предварительно можно сделать вывод, что *нарратив строится из пар строк примерно одинаковой длины, которые образуют законченную смысловую и ритмическую единицу повествования*, являясь строительным материалом для более крупных образований. Это хорошо можно проиллюстрировать на примере повторяющихся эпических формул. Так, когда Дон Хуан говорит: «И я возьму оружие», — это никогда не может быть концом фразы, в следующей строке всегда будет пояснение о том, какое это оружие: «Что острое с обеих сторон», или «Что в обе стороны режет» и т.д. Другим важным приемом является *контрастирование между авторской речью и речью героев, о переходе между которыми часто сигнализируют строки, количество слогов в них превышает количество слогов в строках из их окружения*. Не исключено, что речь героев и авторская речь произносятся сказителем на разные голоса. *Также важным элементом для нарратива является выделение таким же способом определенных ключевых моментов повествования. Обычно это либо первая, либо последняя строка в выделяемых в тексте строфах.*

Тем не менее, чтобы дать окончательный ответ на вопрос, каким именно образом текст организован с точки зрения количества слогов в строках, нужно прежде всего знать, какие из слогов являются ударными, а какие — безударными. Решение кроется именно в этом, поскольку, по-видимому, в илоканском языке имеет место силлабо-тоническая организация поэтического текста. Еще лучше было бы услышать, как звучит декламируемый эпос. К сожалению, здесь мы можем только поставить вопрос, ответить на который еще предстоит в будущих исследованиях, посвященных памятнику.

Итак, главными отличительными особенностями формы произведения является сквозной концевой монорим на сочетание звуков [а + сонорный согласный], прежде всего на *-an*, *-am* и *-ang*, на всем протяжении текста. Именно концевой монорим и обуславливает наибольшую устойчивость рифмующихся слов в раз-

ных версиях текста памятника. Дело в том, что набор корневых морфем и производных слов, которые имели бы требуемое сочетание конечных звуков, относительно невелик. Большую часть уникальных слов, занимающих конечную позицию, составляют корни и производные от них, оканчивающиеся на требуемые сочетания звуков. Данная рифма скорее сковывает, чем раскрепощает процесс сочинительства и ввода новых эпизодов. Возможно, поэтому не произошло дальнейшего разрастания данного памятника в объеме.

Другой отличительной особенностью формы произведения является отсутствие деления поэтического текста на строфы как на упорядоченные отрезки текста с повторяющейся внутренней структурой и организацией, а также отсутствие фиксированного числа слогов в строках. Мы попытались выработать некую модель, которая была бы способна подчинить логике на первый взгляд хаотичную картину с числом слогов в строках. Если, рассматривая версию Л. Ябеса в нашей выпускной квалификационной работе бакалавра и пытаясь решить данную проблему, мы опирались исключительно на форму, то в нашей магистерской диссертации, рассматривая версию Ф. Маганы, мы взглянули на эту проблему, соотнося форму с содержанием. Прежде всего мы обратили внимание на то, что минимальные законченные повествовательные единицы текста, как правило, строятся из двустиший. Трехстишия и одностишия также встречаются, но реже и, как правило, занимают подчиненное положение (например, «и сказал Лам-анг») по отношению к доминирующему типу сочетания строк. Затем мы обратили внимание на то, что разница в числе слогов между строками, составляющими одно двустишие, почти никогда не превышает три слога. Довольно часто также встречаются случаи, когда отдельные строки без пары, завершающие собой мысль, которая развивалась в предшествующих ей двустишиях, содержат примерно в два раза больше слогов, чем предшествующая им строка, т.е. в одной этой строке содержится число слогов, равное сумме слогов в строках предшествующего ей двустишия.

Тем не менее невозможно со всей серьезностью говорить о данной проблеме, ни разу не слышав, как звучит текст во время

его исполнения. Ведь даже без прослушивания текста, а уже после прочтения его вслух (даже не обязательно с правильными ударениями) становится понятным, что определяющим фактором, влияющим и на количество слогов и на количество строк и т.д., является *ритм*.

Нерегулярное число слогов в строке — черта, присущая многим филиппинским эпическим сказаниям. Оно легко сглаживается растягиванием отдельных частей при исполнении. «Туваанг» багобо (центральный Минданао) также являет собой пример эпоса с нерегулярным числом слогов в строке. Тем не менее некоторые исполнители данного эпоса могут достигать регулярного числа слогов за счет индивидуального поэтического мастерства. Напротив, в эпосе «Хумадапнан», созданном народом сулод (центральная часть о-ва Панай), число слогов в строке является одинаковым [Arsenio Manuel 1963: 52–53].

Б.Б. Парникель говорит о том, что наиболее ранней поэтической формой у австронезийцев были построенные на звуковых и смысловых параллелизмах импровизированные дву-, трех- и четверостишия, где каждый стих включает ритмический период около восьми (и до 10–11) слогов. Данная поэтическая форма реализовывалась прежде всего в традиционной для народов Нусантары форме поэтического диалога-состязания между мужчиной и женщиной (малайские и ачехские *пантуны*, *дулло* тагалов, *даллот/арикенкен* илоканцев и т.д.). Во время данного состязания участники обмениваются импровизированными дву-, трех- и четверостишиями на различные темы. Данная поэтическая форма «в типологическом отношении представляет собой наиболее древнюю поэтическую форму австронезийских народов, сложившуюся еще в ту пору, когда предки этих народов жили бок о бок с предками аустроазиатов, не помышляя о том, чтобы покинуть континент. Это тем более вероятно, что у народов континентальной Юго-Восточной Азии, равно как и Южного Китая, сохранилось множество ритуалов, которые включали в себя перебрасывание песнями-загадками и были связаны, по мнению Ж. Пилюски, с исконно аустроазиатским «матриархальным» обычаем выбора невестой жениха [Парникель 1980: 13].

По наблюдениям Я. Гонды, эта же форма позднее легла в основу более длинных устных композиций, в том числе и эпического характера, «состоящих из коротких, по большей части двучленных параллельных и синонимичных долек, в которых одна и та же мысль выражается двояко», тяготеющих к изосиллабизму с колебаниями все в тех же указанных выше пределах [Парникель 1980: 13].

Все это, с некоторыми оговорками, укладывается в предложенную нами модель. Текст памятника определенно делится на минимальные значимые отрезки, состоящие из двух, трех или четырех строк. Об определенных допустимых пределах колебаний количества слогов в строках также было сказано выше. Здесь можно добавить, что средний арифметический показатель числа слогов в строках в «Жизни Лам-анга» окажется как раз в пределах восьми-десяти-одиннадцати слогов.

Наконец, к разговору о «синонимичных дольках». Продемонстрируем на уже приводившемся нами примере некоторые принципы устройства текста произведения:

<u>Inka</u> <u>man ket luktan</u> Tay kam <u>arin</u> a kada-daklan	<u>Пойди</u> ты и <i>открой</i> Тот самый большой амбар,
A <u>mamitlo</u> a <u>mamin siam</u> (5) Ti teddekna nga agr <u>am</u> ianan	У которого три раза по девять Опорных столбов, который выходит на север,
<u>Ta innak</u> <u>mangala</u> ti ig <u>am</u> I <u>gam</u> a pagsa-s <u>amsam</u>	И я <u>пойду</u> <i>возьму</i> оружие, Оружие для добычи трофеев,
<u>Ta innak</u> <u>maki-ay-ayam</u> Sadiay ili ti <u>Makayangyang</u> . (6)	Потому что я <u>пойду</u> <i>сражаться</i> Туда, в страну Макайангйанг.

Итак, большинство из представленных в этом отрезке строк действительно являются двучленными. Как нам кажется, именно на контрасте ритмического звучания двучленных и трехчленных строк, по-видимому, должен строиться ритм.

Все двуступишия, кроме второго, представляют собой синтаксически параллельные конструкции, где первая строка (состоя-

щая из основного и вспомогательного глагола in ‘идти; собираться делать что-либо’) называет какое-либо действие, требующее дополнения. Вторая строка каждого двустишия и первая строка второго двустишия также являются примером синтаксически параллельных конструкций, состоящих из определяемого и определения.

Наличие такого скопления параллельных синтаксических конструкций уже придает звучанию текста характерный ритм. Вдобавок к этому четверостишию присущ еще и фонетический параллелизм, обусловленный выбором слов. Доминирующим звуком здесь явно является звук [m].

Таким образом, организация текста памятника с точки зрения его формы (по крайней мере с точки зрения метрики) являет собой типичный пример исконного австронезийского фольклорно-поэтического текста.

В дальнейшем необходимо будет сопоставить форму всех доступных версий текста памятника, а затем форму «Жизни Лам-анга» с прочими эпическими памятниками народов Филиппин, прежде всего с эпической традицией горных народов северного Лусона.

Литература

Парникель 1980 — Парникель Б.Б. Введение в литературную историю Нусантары IX–XIX вв. М., 1980.

Яценко 2009 — Яценко С.И. Илоканская богатырская сказка «Жизнь Лам-анга». Выпускная квалификационная работа бакалавра. Научный руководитель Г.Е. Рачков. СПб., 2009. [Рукопись]

Яценко 2011 — Яценко С.И. Новая версия илоканского эпоса «Жизнь Лам-анга». Магистерская диссертация. Научный руководитель Г.Е.Рачков. СПб., 2011. [Рукопись].

Antolohiya 1984 — «Lam-ang» ang epiko ng mga Ilokano // Antolohiya ng mga panitikang ASEAN: Mga epiko ng Pilipinas / Ed. J.V. Castro. Quezon City, 1984. P. 63–114.

Arsenio Manuel 1963 — Arsenio Manuel E. A survey of Philippine folk epics. Quezon City, 1963.

Jamias 1948 — Jamias N.F. A study on Biag ni Lam-ang, the Ilocano epic. University of the Philippines, 1947 — 1948. [Рукопись].

Parayno 2005 — Lam-ang. Ti bersion ti Imprinta Parayno ken ti bersion ni Leonardo Y. Yabes. Quezon City, 2005.

Reyes 1890 — Reyes I. de los Vida de Lam-ang (antiguo poema popular de Ilocos) // El folklore Filipino. Manila, 1890. P. 235–297.

Rubino 2000 — Rubino C. Ilocano dictionary and grammar: Ilocano-English, English-Ilocano. Honolulu: HI, 2000.

Yabes 1935 — Yabes L.Y. The Ilocano Epic. Manila, 1935.

О. В. Колтыга

**ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА
КЛАССИКА ТАГАЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ФРАНСИСКО БАЛАГТАСА
НА ФИЛИППИНАХ И В РОССИИ**

Франсиско Балагтас (1788–1862), настоящее имя Франсиско Бальтасар (Francisco Baltazar), является классиком филиппинской литературы. Его называют «королем тагальской поэзии» и считают основоположником тагальского литературного языка. Его именем названы поэтические турниры балагтасаны и национальная премия за литературное мастерство.

Франсиско Балагтас родился 2 апреля 1788 г. в семье небогатого кузнеца в небольшом городке Пангинай провинции Булакан. Как и большинство коренных филиппинцев, он мог получить лишь начальное образование, которое предоставлялось только церковно-приходскими школами, где дети обучались в первую очередь христианской доктрине, а также основам чтения и счета. Немногие могли позволить себе продолжить обучение после окончания приходской школы. Образованные филиппинцы, знающие испанский язык и умеющие писать на нем, занимали привилегированную нишу в обществе. Их называли *ladinos*, изначально испанцы употребляли этот термин по отношению к маврам, говорящим на испанском языке.

Окончив приходскую школу, Ф. Балагтас в одиннадцать лет по совету матери и с ее помощью переехал в Манилу. Он поселился в доме у дальних родственников в Тондо, одном из районов Манилы, который в те годы славился своей литературной атмосферой. В начале XIX в. в Тондо жил и творил знаменитый филиппинский поэт и драматург Хосе де ла Крус, известный под именем Хосе Сисиу (Хосе Цыпленок). Это прозвище Хосе де ла Крус получил за то, что за каждое сочиненное стихотворение или поэму, а также за помощь молодым поэтам он просил в качестве платы цыпленка.

За прилежность и усердие, которое Ф. Балагтас проявил, работая в доме у своих покровителей, он был устроен учиться в Коллегию Сан Хуан де Летран (Collegio de San Juan de Letran), а затем и в Коллегию Сан Хосе (Collegio de San Jose). В течение шести лет он изучал богословие, латынь, испанский язык, риторику, поэтику, философию. В Коллегии Сан Хосе особенно строго подходили к изучению латыни, и Ф. Балагтас, бесспорно, получал доступ к образцам классической и античной литературы.

Закончив обучение, Ф. Балагтас остался в доме своих покровителей в Тондо и продолжал помогать им, на этот раз в качестве адвоката и ходатая по делам.

Его увлекла поэзия, и свободное время он посвящал сочинению стихотворений и пьес. Свой поэтический талант он не раз использовал для того, чтобы заработать на жизнь — писал на заказ элегии для влюбленных пар или выступал перед публикой во время городских праздников. Он стал известен как талантливый драматург, автор множества *комедья*¹.

В 1835 г. Франсиско Балагтас переехал в пригород Манилы Пандакан. Здесь он познакомился с очаровательной молодой филиппинкой по имени Мария Асунсьон Ривера. Франсиско страстно полюбил ее, и не без взаимности. Но на его пути появился соперник, Мариано Капули. По его ложному обвинению Ф. Балагтаса арестовали и заключили в тюрьму. Считается, что именно в тюрьме, узнав, что возлюбленная обвенчалась с Мариано Капули, Франсиско Балагтас написал первую и единственную поэму «Флоранте и Лаура», сюжет которой начинается с описания черного и страшного леса, в самой чаще которого к огромному дереву привязан юноша на растерзание диким львам и тиграм. Несчастный предан страной и любимой — здесь Ф. Балагтас с помощью аллегории изобразил собственную судьбу.

---

¹ Комедья (или моро-моро) — филиппинская драматическая форма. Филиппинская драма не была в полной мере самостоятельным явлением, а представляла собой сценическое переложение популярных романов в стихах, встречавшихся на Филиппинах в двух формах: *авит* (поэтическое произведение, написанное двенадцатисложным стихом) и *корридо* (поэтическое произведение, написанное восьмисложным стихом). Филиппинский роман в стихах был главенствующим литературным жанром на Филиппинах с середины XVII до конца XIX в.

Вскоре после освобождения в 1938 г. Ф. Балагтас опубликовал поэму. С этого момента история «Флоранте и Лауры» отделилась от истории своего создателя. Поэма находила все новых и новых читателей и поклонников, и в течение многих лет ее слава намного превосходила славу самого поэта, чье имя более чем полвека скрывалось за инициалами F.V.

Именно с восстановления авторства поэмы «Флоранте и Лаура» начинается история исследования творчества Франсиско Балагтаса, история филиппинского «балагтасоведения».

Кто написал «Флоранте»?

В 1906 г. в Маниле на прилавках книжного магазина *Libreria Manila Filatélico* появилась небольшая книга молодого филиппинца Херменегильдо Круса с любопытным названием *Kun sino ang Kumatha nang «Florante»* («Кто написал “Флоранте”»). Этот вопрос задавал себе не одно поколение филиппинцев, читавших поэму «Флоранте и Лаура».

С 1838 г., предположительной даты первой публикации, «Флоранте и Лаура» переиздавалась еще двенадцать раз, в общей сложности 106 000² копий поэмы распространились по Филиппинам. Но об ее авторе читателям было известно только то, что указывалось в полном названии поэмы: «*Pinagdaanang Buhay ni Florante at ni Laura sa Cahariang Albania. Quinuha sa madlang “cuadro historico” o pinturang nagsasabi sa mga nangyayari nang unang panahon sa Imperio nang Grecia, at tinula ng isang matouain sa versong tagalog*»³ — «Жизнь Флоранте и Лауры из Королевства Албания. Взято из “исторических картин”, или описаний, повествующих о случившемся некогда в Греческой империи, и изложено в стихах почитателем тагальской поэзии»⁴. Свое имя «почитатель тагальской поэзии» предпочел скрыть, указав во вступительной части поэмы — обращении «К Селии» — лишь инициалы:

² Эти цифры впервые названы именно в работе *Kun sino ang Kumatha nang «Florante»*, авторы позднейших исследований единодушно ссылаются на эти данные, полностью доверяя Херменегильдо Крусу.

³ Название взято из переиздания текста поэмы 1921 г.: Francisco Balagtas. *Florante at Laura* (Large Print Edition). BiblioBazaar, 2006.

⁴ Здесь и далее переводы с тагальского автора статьи.

Icao na bulaclac niyaring dili-dili,
Celiang saguisag mo,i, ang M.A.R.
sa Virgeng mag-Ina,i, ipamintacasi
ang tapat mong lingcod na si F.B.

Ты, цветок моих грез,
Селия, чьи символы М. А. Р.
Деве Матери и Сыну помолись
За верного твоего слугу Ф. Б.

К моменту выхода книги Х. Круса загадочные буквы Ф. Б. приписывали двум поэтам: Франсиско Балагтасу и Франсиско Бальтасару. Например, знаменитый филиппинский писатель и общественный деятель Хосе Рисаль, равно как и его современники, называл автором поэмы Франсиско Бальтасара [Melendez-Cruz 1985: 329]. Херменегильдо Крус положил конец этой путанице и доказал, что Франсиско Балагтас и Франсиско Бальтасар — это имена одного человека: рожденный под именем Бальтасара, поэт со временем взял себе имя Франсиско Балагтас, под этим псевдонимом он создал все свои произведения.

Таким образом, Х. Крус вернул знаменитой поэме ее автора, а филиппинской литературе — поэта Франсиско Балагтаса и увенчал его славой создателя великого произведения, чью роль в истории Филиппин Х. Крус выделял особо.

Книге Х. Круса «Кто написал “Флоранте”» было суждено стать краеугольным камнем всего «балагтасоведения». В книге собран основной фактический материал: все доступные сведения о жизни Франсиско Балагтаса — где и когда родился, учился, как стал поэтом и что писал. Собирая эти сведения, Х. Крус общался с детьми Ф. Балагтаса, а также с теми, кто лично знал поэта или встречался с ним.

Помимо биографии Франсиско Балагтаса Х. Крус включил в книгу полные тексты поэмы «Флоранте и Лаура» и сайнете «Прекрасная индианка и влюбленный негрито», стихотворения «Раскаяние», «Наказ девице, выходящей замуж», «Двенадцать ран сердца», а также собрал почти все сохранившиеся в публикациях и в памяти детей и знакомых Балагтаса отрывки и сцены из погибших в пожаре произведений поэта: сцены из пьес «Абдаль и Мизерена», «Гордиев узел», «Родольфо и Розамунда», «Байасето и Дорлииска» и «Оросман и Зафира». Х. Крус собрал почти все, что осталось от наследия поэта, подарив филиппинским читателям возможность оценить во всей полноте поэтический талант Франсиско Балагтаса.

Не менее важным вкладом Херменегильдо Круса в развитие «балагтасоведения» стал его анализ поэмы «Флоранте и Лаура». Он надолго определил тон многих последующих работ о Ф. Балагтасе.

Херменегильдо Крус с особой гордостью относился к Революции 1896 г.⁵, которая, по его словам, «принесла явления, которые до этого были нам не известны, открыла ум нашего народа для новых идей, а его сердце заставила переживать чувства, которые тот не испытывал и, возможно, не смог бы испытать еще долгое-долгое время» [Sevilla 1997: 6]. Революционные идеи особенно отчетливо выразил в своих романах «Noli me Tangere» и «Флибустьеры» Хосе Рисаль, в которых он, распространяя идею свободы, выносил приговор испанскому правлению. Но Херменегильдо Крус заговорил о возможности зарождения новых национальных идей гораздо раньше, до Х. Рисаля: «В какой еще книге, до появления в 1887 г. “Noli Me Tangere” Рисаля, мы можем обнаружить то же осознание злосчастия родины, если не в поэме Балагтаса. Почти за 25 лет до рождения Рисаля Балагтас благодаря характерной ему остроте восприятия и богатому воображению описал всю жестокость, тиранию и несправедливость колониального правления на Филиппинах, которые совершались частью из-за невежества нашего народа и, вероятно, из-за его собственных поступков, но большей частью по причине ужасной эксплуатации всеми теми колониальными хозяевами поработщенного народа» [Sevilla 1997: 6].

По мнению Круса, именно в поэме «Флоранте и Лаура» впервые зазвучала, зародилась новая национальная идея, которую позже взрастил, развил и дополнил в своих произведениях Х. Рисаль и которая привела к революции 1896 г. Для Херменегильдо Круса художественные достоинства поэмы были не столь важными, как ее содержание. Поэма для Х. Круса, равно как и фигура Франсиско Балагтаса, имела значение в контексте историческом, а не литературном.

---

⁵ Революция 1896 г. — вооруженное столкновение филиппинцев с испанскими колониальными властями, начатое Андресом Бонифасио и основанным им Катипунаном (*Kataas-taasang, Kagalang-galang Katipunan ng mgá Anak ng Bayan* — Верховный, досточтимый союз сыновей народа). Революция 1896 г. привела к окончанию почти трехвекового правления Испании на Филиппинах.

Поэтика и четыре бунта

Ровно через 10 лет после выхода книги Херменегильдо Круса «Кто написал “Флоранте”», в 1916 г., в книжных магазинах Манилы появилась вторая значительная работа о филиппинском поэте Франсиско Балагтасе — книга Эпифанио де лос Сантоса «Балагтас и его “Флоранте”» (Epifanio de los Santos. *Balagtas y Su Florente*). Э. де лос Сантос гармонично дополнил Х. Круса — в своей работе он подверг анализу как раз форму поэмы «Флоранте и Лаура», не углубляясь в вопросы исторической значимости ее содержания.

Э. де лос Сантос впервые заговорил об особенностях поэтического стиля Франсиско Балагтаса, который во всем совершенстве проявился в поэме «Флоранте и Лаура». Во-первых, это мастерское умение писать особым филиппинским двенадцатисложным стихом с обязательной цезурой после шестого слога, когда строка должна делиться на грамматически завершенные части таким образом, чтобы в ее середине звучала четкая пауза:

Lumipas ang arao √ na lubhang matamis	Минули дни сладчайшие,
At ualang natira √ condi ang pag-ibig,	И не осталось ничего, кроме любви,
Tapat na pag suyong √ lalagui sa dibdib	Верной любви, что сохранится в сердце,
Hanggang sa libingan √ bangcay co'i, maidlip.	Пока я не усну навечно в могиле.

Во-вторых, это такое же замечательное владение правилами рифмовки тагальского стиха. Согласно этим правилам в пределах одной строфы соблюдалась единая рифма (по типу aaaa, bbbb...). Окончания подразделялись на сильные и слабые, например, -at, -ad, -ak, -ag, -ap, -as — гласный плюс сильный согласный; -aw, -am, -an, -ang, -ay, -al, -ar — гласный плюс слабый согласный. При рифмовке сильное окончание должно было рифмоваться только с сильным же окончанием, а слабое, соответственно, только со слабым. В приведенном выше четверостишии наблюдаем рифмовку между сильными окончаниями:

matamis
pag-ibig
dibdib
maidlip

Часто окончания с гласным *i* рифмовались с окончаниями с *e*, а гласный *o* — с гласным *u*, это не нарушало норм тагальского стихосложения, поэтому к такой рифмовке прибегали многие современники Ф. Балагтаса, но сам поэт избегал подобных «неточностей» и соблюдал идеальную рифмовку.

Совершенство поэтической формы поэмы «Флоранте и Лаура» и богатство ее лексики — две стороны, которые Эпифанио де лос Сантос раскрыл в своей книге «Балагтас и его Флоранте». Во многом благодаря этой книге произведение Франсиско Балагтаса стало считаться каноном тагальской поэтики, а сам автор получил титул «короля филиппинской поэзии».

Со временем появлялось все больше работ, вдохновленных книгой именно Херменегильдо Круса, а не Э. де лос Сантоса. Авторы новых исследований продолжали обсуждать значение поэмы «Флоранте и Лаура» в историческом контексте, в большинстве своем не обращая внимания на литературные достоинства (равно как и недостатки) поэмы и поэтическое мастерство ее создателя. Таких работ о Ф. Балагтасе очень много — можно привести внушительный список монографий и статей, отводящих поэме «Флоранте и Лаура» роль произведения, в котором впервые зазвучали ноты филиппинской национальной идеи.

Франсиско Балагтас сделал первый шаг к обретению свободы не столько от колониального правления, сколько от колониального мышления, присущего самим филиппинцам. Одной из форм выражения такого колониального мышления была современная Ф. Балагтасу литература: авит и корридо, моро-моро и комедья — эти литературные формы верно «служили» католической церкви. Не могло быть и речи о свободе мышления, когда главным мотивом самых популярных среди народа литературных жанров — авита и корридо — оставалась борьба героев-христиан с героями-мусульманами.

В то время контроль над литературой осуществлял специальный институт — Постоянная Комиссия по цензуре (Comision Permanente de Censura) [Макаренко 1978: 71]. Все печатные издания проходили через Комиссию, одобренные книги помечались специальными печатями: *gobierno civil* и *gobierno eclesiastico* («правительственная канцелярия» и «духовная канцелярия»). Книги, не имевшие этих печатей, относились к запрещенной литературе, а чтение запрещенной литературы считалось тяжким грехом, за который отлучали от церкви. И первое, что сделал Ф. Балагтас, — исключил из своих произведений насаждаемый церковью мотив религиозной борьбы мусульман и христиан. Это был один из четырех бунтов Ф. Балагтаса, о которых пишет другой исследователь его творчества, Лопе К. Сантос, в книге «Четыре бунта Франсиско Балагтаса» (Lope K. Santos. *Ang Apat na Himagsik ni Francisco Balagtas*) — бунт против ложной веры. Тримя другими бунтами Ф. Балагтаса, по мнению Л. Сантоса, были:

— бунт против жестокого правления. Обличение жестокости и несправедливости колониальных правителей, выразившееся в строках поэмы «Флоранте и Лаура», ставших хрестоматийными:

Sa loob at labas ng bayan cong saui	В моей несчастной стране и за ее пределами
Caliluha,i, siyang nanguyaring hari	Царит предательство.
Cagalinga,t, bait ay nalulugami	Великодушие и добродетель
Ininis sa hucau nang dusa,t, pighati.	Растоптаны, задушены страданием и скорбью.

— бунт против превратных представлений, т.е. против тех извращенных обычаев, которые также насаждались церковью;

— бунт против низкопробной литературы. По мнению Лопе К. Сантоса, Ф. Балагтас намеренно выбирает для своей поэмы форму авита (самую популярную форму, которая к тому же всегда одобрялась цензурой), чтобы изнутри разрушить современную ему литературу низкого качества.

Книга Лопе К. Сантоса вышла в 1955 г., почти 10 лет спустя после того как в 1946 г. Соединенные Штаты официально объявили Филиппины независимыми. Но официально провозглашенная не-

зависимость не подразумевала фактической свободы: проблема поиска филиппинского сознания и свободного мышления оставалась актуальной, а возможно, что теперь эта проблема ощущалась острее, чем столетие назад. В такой обстановке филиппинские литературоведы, и не только, снова принялись искать зерна нового национального мышления в поэме «Флоранте и Лаура».

По мнению Ромео Г. Дисона (профессора факультета филиппинского языка и литературы в Университете Филиппин в Дилимане), Лопе К. Сантос положил начало социополитическому прочтению поэмы «Флоранте и Лаура» [Dizon 1997: xv]. В отличие от Херменегильдо Круса, который также говорил о революционном характере поэмы, но все же не решился поставить Ф. Балагтаса в один ряд с Х. Рисалем и его романом «Noli me Tangere», Лопе К. Сантос считал вышеперечисленные четыре бунта достаточным свидетельством заслуг Ф. Балагтаса. И для него Франсиско Балагтас — национальный герой не меньше, чем Хосе Рисаль.

Три новых шага

В период с 1967 по 1984 г. одна за другой выходят три большие работы о Франсиско Балагтасе и поэме «Флоранте и Лаура»:

«Флоранте и Лаура: Формализация традиций» Биенвенидо Лумберы (Bienvenido Lumbera. *Florante at Laura: The Formalization of Tradition*);

«Балагтас: Искусство и революция» Эпифанио Сан Хуана (Epifanio San Juan. *Balagtas: Art and Revolution*);

«Флоранте и Лаура: Трансценденция поэмы и аллегория» Лусийи Хосийос (Lucilla Hosillos. *Florante at Laura: A Transcendence of Romance and Allegory*).

Три автора начинают исследование с анализа формы поэмы «Флоранте и Лаура», затем постепенно обращаются к ее содержанию, но каждый приходит к собственным выводам, которые в своей полемичности составляют любопытную перспективу интерпретаций и трактовок поэмы Ф. Балагтаса.

Для Биенвенидо Лумберы поэма «Флоранте и Лаура» своей формой установила традиции тагальского стихосложения. Как он пишет, «ее наиболее выдающимся художественным особенностям <...> суждено было закрепиться в качестве основных харак-

теристик тагальской поэзии» [Dizon 1997: xvi]. В число выдающихся художественных особенностей Б. Лумбера включает использование таких риторических фигур, как апострофа и персонификация, употребление метонимии и синекдохи, особая манера изображения куртуазной любви — сложные и изысканные сравнения. Вслед за Эпифанио де лос Сантосом Б. Лумбера говорит о двенадцатисложном стихе, которым написана поэма: после Ф. Балагтаса такой стих становится нормой для светской поэзии. В вопросе содержания поэмы «Флоранте и Лаура» Б. Лумбера высказывает предостережение исследователям, склонным чрезмерно увлекаться политическим прочтением поэмы: «Традиция приписывать произведению Бальтасара намеренный политический замысел упускает из виду тот факт, что сам поэт сделал акцент на любви между Флоранте и Лаурой, и любой, кто прочитывает поэму как политическую аллегорию, оставляет без внимания множество деталей» [Dizon 1997: xvi].

Оппонентом Б. Лумберы в этом вопросе становится Эпифанио Сан Хуан, который, базируя свой анализ на теориях К. Маркса, С. Кьеркегора, З. Фрейда, а также на работах по гештальт-психологии, исследует проблему классового конфликта, духовного отчуждения и колониальной тирании, изображенных Ф. Балагтасом в поэме «Флоранте и Лаура». По его мнению, «“Флоранте” — нескончаемое поэтическое вопрошание о природе правосудия, истины и стремления человека к социально-политической справедливости. В ней [поэме] идет речь о значении клятвы и соглашения, обещания и предательства, индивидуализма и сплоченности. В ней говорится об исторической связи: между отцом и сыном, властвующим и подвластным, любящим и любимым, христианином и мусульманином, мужчиной и женщиной» [Dizon 1997: xvii]. Для Эпифанио Сан Хуана противопоставление — один из важнейших методов исследования, он выстраивает свои заключения на полярных сравнениях героев поэмы, переходя от пар героев-антагонистов к взаимодополняющим парам. Такие пары иллюстрируют либо внутреннее противоречие старых авторитарных систем, либо слияние разных культур при достижении социально-политической справедливости. Например, пара Флоранте — Адольфо выражает антагонизм между жителями одной

страны, Албании, порожденный жаждой авторитарной власти, а пара Флоранте — Аладин — братство представителей разных вер, христианства и ислама.

В свою очередь Лусийа Хосийос предлагает третий вариант интерпретации поэмы «Флоранте и Лаура». Не вступая в полемику о социально-политическом содержании поэмы, она сосредоточивает внимание на оригинальности и новизне произведения Ф. Балагтаса.

В период когда Ф. Балагтас задумал свою поэму, единственным доступным средством для ее создания являлась форма стихотворного романа (авита или корридо). Ко второй половине XIX в. эта форма, не обладавшая уже оригинальностью, а часто воплощавшая жалкие поэтические старания посредственных сочинителей, использовалась повсеместно. Центральная тема стихотворных романов — тема любви — превратилась в банальность. В такой обстановке Ф. Балагтас пишет поэму о любви в форме авита, но удивительным образом его «Флоранте и Лаура» не смешивается с безликой массой других романов о любви, а достигает высот поэтического искусства. Для Лусийи Хосийос причина этого заключена в аллегоричности поэмы Ф. Балагтаса: «Оригинальность как способ отмщения требовала, чтобы Балгасар вышел за пределы самой формы и элементов, к которым он прибег. Он добился этого, изменив эту форму и эти элементы в рамках подлинной филиппинской поэтики, личных переживаний и современной ему действительности. Только с помощью аллегории он мог написать о своих глубоких сожалениях и невзгодах, о потерянной радости, о горестях, неудачах, о жизни того, кто был несправедливо лишен свободы в стране, где богатый и влиятельный притесняет и угнетает» [Dizon 1997: xviii].

Слова Лусийи Хосийос перекликаются с суждением Лопе К. Сантоса о бунте Ф. Балагтаса против низкопробной литературы. Но в отличие от Лопе К. Сантоса, считавшего, что Ф. Балагтас намеренно выбрал самую популярную форму, чтобы изнутри разрушить ее, Л. Хосийос считает, что у Ф. Балагтаса и не было другого выхода, он обязан был разрушить эту форму, оставив от нее только оболочку — двенадцатисложный стих. И он разрушил ее с помощью аллегории.

Франсиско Балагтас в России

В отечественном филиппиноведении специальных опубликованных работ, посвященных Франсиско Балагтасу, нет. Существующие исследования его жизни и творчества представлены в виде курсовых и выпускных квалификационных работ студентов-филиппинистов Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Это дипломная работа Елены Михалевич «Филиппинский поэт Франсиско Балагтас и его поэма “Флоранте и Лаура”» (1972), курсовая работа Светланы Хавроненко «Перевод и комментарий пьесы Франсиско Балагтаса “Прекрасная индианка и влюбленный негрито”» (2002), работы автора статьи «Франсиско Балагтас и его поэма “Флоранте и Лаура”» (2007), «Образ леса в поэме Франсиско Балагтаса “Флоранте и Лаура”» (2008), «Пьеса Франсиско Балагтаса “Оросман и Зафира”» (2010). Три крупных произведения Франсиско Балагтаса (поэма «Флоранте и Лаура», пьеса «Оросман и Зафира», сайнете «Прекрасная индианка и влюбленный негрито») были переведены на русский язык и исследованы в этих работах.

Кроме того, краткую биографию и историю творчества Франсиско Балагтаса можно найти в шестом томе энциклопедии «История всемирной литературы» в рубрике «Филиппинская литература», автором которой является московский филиппинист В.А. Макаренко. Некоторые неупомянутые в статье В.А. Макаренко факты биографии Франсиско Балагтаса и, наиболее примечательно, краткий очерк его творчества в ракурсе исторического развития филиппинской поэзии можно обнаружить в книге другого известного московского филиппиниста И.В. Подберезского «Эволюция творчества Хосе Рисаля».

Заключение

Конечно, история изучения творчества Франсиско Балагтаса не исчерпывается рассмотренными здесь работами. Составление подробной библиографии всех работ о Ф. Балагтасе требует отдельного исследования. Наша цель была скромнее: дать представление отечественным филиппиноведам и не только о зарождении и общем развитии «балагтасоведения» на Филиппинах и в России.

Автор надеется, что его статья пробудит интерес отечественных филиппиноведов к творчеству этого знаменитого классика тагальской литературы. Тем более что даже при наличии большого количества филиппинских балагтасоведческих работ некоторые вопросы и проблемы пока остаются совершенно незатронутыми и неисследованными в силу специфики филиппинского «балагтасоведения».

Тот факт, что первая работа о Франсиско Балагтасе — «Кто написал “Флоранте”» Херменегильдо Круса — начинается с установления авторства поэмы «Флоранте и Лаура», изначально выделил эту поэму среди других произведений Ф. Балагтаса. Это определило характер всех последующих работ о творчестве филиппинского классика, которые выстраивались вокруг анализа поэмы «Флоранте и Лаура».

Работы о Ф. Балагтасе и поэме «Флоранте и Лаура» имели двойственный характер: исследования в рамках истории и социополитики (связь Ф. Балагтаса и его поэмы с национальной идеей и процессом формирования подлинно филиппинского сознания) перемежались с литературоведческими исследованиями (оценка художественных особенностей поэмы и поэтического таланта Ф. Балагтаса в рамках филиппинской литературы). И так получилось, что собственно литературоведческие работы о Ф. Балагтасе на шаг отставали от исторических. Исследователи-историки уже провозгласили Франсиско Балагтаса великим филиппинским поэтом, а исследователи-литературоведы еще только приступают к анализу поэтического мастерства Ф. Балагтаса.

На наш взгляд, будущие исследователи творчества Франсиско Балагтаса, как филиппинские, так и отечественные, должны обратить особое внимание на сравнительный литературоведческий анализ нескольких произведений Ф. Балагтаса. Несомненно, что большой интерес могли бы вызвать работы, затрагивающие вопрос художественного языка поэмы «Флоранте и Лаура» и пьесы «Оросман и Зафира» или посвященные специфическому и любопытному площадному языку шутов в той же пьесе «Оросман и Зафира» и в сайнете «Прекрасная индианка и влюбленный негрито».

Немногие сохранившиеся произведения Франсиско Балагтаса представляют интереснейшее исследовательское поле для литературоведов на Филиппинах и в России.

Литература

Dizon 1997 — Dizon R.G. Reintroducing Balagtas and His Work // *Poet of the People Francisco Balagtas and the Roots of Filipino Nationalism: Life and Times of the Great Filipino Poet and His Legacy of Literary Excellence and Political Activism*. Fred Sevilla; Manila, 1997.

Макаренко 1978 — Francisco Balagtas // Учебная хрестоматия по тагальскому языку для студентов IV курса филиппинского отделения историко-филологического факультета ИСАА при МГУ / Сост. В.А. Макаренко. М., 1978. С. 61–146.

Melendrez-Cruz 1985 — Melendrez-Cruz P. Introduction to the poem «Florante at Laura» // *Anthology of ASEAN literature: Philippine metrical romances* / Ed. J. Ventura Castro. Quezon City; EDSA, 1985.

Sevilla 1997 — Sevilla F. *Poet of the People Francisco Balagtas and the Roots of Filipino Nationalism: Life and Times of the Great Filipino Poet and His Legacy of Literary Excellence and Political Activism*. Manila: Trade-mark, 1997.

Часть III

ЛИНГВИСТИКА

А. К. Оглоблин

**О ЗАЛОГОВЫХ СООТВЕТСТВИЯХ В ЯЗЫКАХ
ЗАПАДНОЙ АВСТРОНЕЗИИ
(ЧЕТЫРЕ ФАЗЫ В ИСТОРИИ
ПАССИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ)¹**

*Геннадью Евгеньевичу Рачкову,
основателю филиппинистики в Петербурге*

Вводные замечания

Прогресс диахронической типологии в грамматике немислим без создания фонда данных об исторических изменениях грамматических категорий и структур². Настоящая статья посвящена изменениям категории залога и пассивных конструкций в западной группе малайско-полинезийских языков, особенно в яванском и малайском (индонезийский и малайзийский нормативные варианты и некоторые малайские диалекты) сравнительно с филиппинскими языками, среди которых лучше других исследован тагальский (нынешнее официальное наименование — филипино)³. Эта тема широко обсуждается в австронезистике. Имеющиеся факты позволяют наметить периодизацию истории залога и залоговых конструкций, причем яванский и малайский языки предоставляют данные многовековой письменной фиксации (хотя по малайскому языку ранние данные очень скудны).

Малайский и яванский языки находятся в отдаленном родстве с филиппинскими. Как полагают, праязык, давший начало австронезийской семье, существовал несколько тысяч лет назад в районе Тай-

---

¹ Краткий вариант настоящей статьи на английском языке см.: Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2011. Вып. 1. С. 111–121.

² См. об этом: [Kulikov 2010], где предлагается анкета по историческим изменениям глагольных категорий, связанных с синтаксисом.

³ К филиппинским относятся языки не только собственно Филиппин, но и языки севера Калимантана (территория Малайзии и Брунея) и Сулавеси. Новейшие данные на русском языке см.: [Сирк 2008].

ваня. Оттуда часть носителей этого праязыка мигрировала в южном направлении, что привело к формированию огромной по числу языков малайско-полинезийской (МП) группы. Первым обширным полем МП экспансии стали Филиппины, а дальнейшие миграции на Индонезийский архипелаг происходили в 1500–500 гг. до н.э.

Накопленные материалы по специфике залоговых структур и отношений в филиппинской и малайско-индонезийской языковых областях можно обобщить с некоторыми оговорками следующим образом:

i — между залоговыми формами актива и пассива нет определенного направления производности, эти формы образуют эквицентную («симметричную») оппозицию. Ср. со многими другими языками, в которых пассивные формы производны от активных;

ii — показатели пассивного залога являются одновременно показателями переходности глагола. Ср. рус. *-ся*, *используемый* и в пассивных формах, и в непереходных глаголах. Показатели актива не являются показателями переходности, поскольку используются и в непереходных глаголах. Заметим, что некоторые исследователи не признают активные формы переходными, считая их непереходными антипассивными;

iii — переходность, насколько она поддерживается значением глагола (акциональным, аспектуальным) и условиями контекста (определенность объекта и другие известные критерии по параметрам Хоппера — Томпсон) выше в пассивной конструкции, чем в активной;

iv — обозначение агенса (субъекта действия) в пассивной конструкции очень обычно, а в некоторых видах пассива даже обязательно.

Эти характеристики относятся к трем первым из следующих четырех фаз, или стадий, в исторических изменениях актива и пассива:

1) полипассивная, с наличием разных пассивных форм в зависимости от семантики подлежащего (пациенс, адресат, место и др.);

2) политранзитивная, с разными показателями переходности в зависимости от семантики ближайшего объекта действия (пациенс, адресат, место и др.), с единой пассивной формой;

3) редуцированная, с сокращением функций эксплицитных показателей пассива;

4) беззалоговая (изолирующая), причем конструкции активной и пассивной диатез строятся с помощью служебных слов и порядка, а глагол выступает в них в одной и той же форме.

Хронологически эти стадии для разных языков различны, так как исторические изменения происходят в языках с разной скоростью.

Первую стадию представляют филиппинские языки. Считается, что полипассивность существовала и в малайско-полинезийском праязыке. Тем самым филиппинские языки в австронезийской семье оказываются относительно архаичными, консервативными. Вторую стадию представляют языки древнеяванский (и среднеяванский) IX–XVII вв. на Яве, позже только на о-ве Бали и древнемалайский (с конца VII по XVI в., но, как уже упоминалось, данных о нем очень мало). Древнемалайский язык сформировался на Суматре, но был известен на Яве, на Филиппинах и, вероятно, в других районах Малайского архипелага. Ко второй стадии относятся также современные языки района Явы — сунданский (западная Ява) и мадурский (восток Явы и о-в Мадуро). Третья стадия представлена современными яванским и малайским языками, а четвертая — некоторыми малайскими диалектами. Стадиям 2–4 могут соответствовать и другие языки малайско-индонезийского ареала с теми или иными отклонениями от приведенной выше простой схемы, а в некоторых исторические изменения шли иными путями.

Далее рассмотрим в п. 1 характерные черты полипассивной системы, а в пп. 2 и 3 — политранзитивной. П. 4 содержит сопоставление этих двух систем, п. 5 исторический комментарий, п. 6 представляет редуцированную и беззалоговую системы, п. 7 заключительное замечание. Некоторые примеры воспроизводятся из наших предыдущих публикаций.

1. Полипассивная система (на тагальских примерах)

Подлежащее пассивного предложения в филиппинских языках может означать пациенс, адресат (получатель), место,

бенефициент (заинтересованное лицо), стимул, орудие, средство. В тагальском языке для того или иного значения подлежащего в пассивной конструкции выбирается, согласно большинству описаний, одна из трех пассивных форм (четвертую форму — каузального пассива — указывает Г.Е. Рачков [1981]). В других языках может быть больше пассивных форм, например для илоканского (илоко) языка на о-ве Лусон таковых приводится семь [Rubino 2005: 336]. Полипассивная система является одновременно политранзитивной, так как пассивная форма характеризует тот или иной вид объекта действия, выраженного подлежащим, т.е. вид переходности глагола [Алиева 1975].

Примеры (1–3) из книги по тагальской морфологии [Рачков 1981: 140] показывают использование глагольных форм от корневой основы *tanóng* ‘вопрос’ (корневые морфемы со значением действия грамматически относятся к именам)⁴. Пассивный префикс *i-* соответствует семантике содержания вопроса в позиции подлежащего, а суффикс *-in* — семантике адресата вопроса в этой же позиции. Морфологическая строка согласована с анализом Рачкова. Формы глагола (1–3) относятся к неопределенному виду, которому противопоставлен длительный вид, оформленный частичной редупликацией корня, см. *u-iwí* ‘возвращаться’ в (1). Неопределенный и длительный виды у других авторов именуются совершенным и несовершенным (*perfective*, *imperfective*).

В примере (1) пассивный глагол «спрашиваться» маркирован префиксом *i-*, а инфикс *-in-* означает реальное наклонение. Содержание вопроса выражено в придаточной части в подлежащей функции. Адресат действия «спрашивать» маркирован предлогом *sa* (предлог *sa* также используется при нарицательных существительных, а при именах собственных, как в (3), употребляется косвенный артикль).

---

⁴ Термин *форма* (залога) используется по традиции. Точнее считать разные залоговые формы дериватами [Himmelman 2005b: 364]. К собственно словоизменению относятся модально-видовременные формы, в принципе свойственные любому такому деривату, см. ниже.

(1) Gabi-gabi _{1,2}	ay		<i>i-t<in>anóng nilá</i>	
каждый ₁ вечер ₂	COP		<REAL>-PV-спрашивать 3p:pl	
sa	akin	kung ₃ kailán ₄	ka	u-uwí
PREP	1sg	когда _{3,4}	2p	DUR-возвращаться

‘Каждый вечер они спрашивают у меня (букв. *спрашиваюсь я ими*), когда ты вернешься’.

В (2) инфикс *-in-* — тот же показатель реального наклонения, а пассив выражен нулевым алломорфом суффикса *-in*⁵. Адресат действия — подлежащее, что показано артиклем *ang*.

(2) <i>T<in>anóng-∅</i>	niyá	ang	babae	
<REAL>-спрашивать-PV	3sg	ART	женщина	

‘Он спросил (букв. *была спрошена им*) женщина’.

Обеим пассивным формам соответствует только одна активная. Активный префикс *nag-* в (3) означает реальное наклонение. Адресат *Danding* — первое дополнение с косвенным (локативным/дативным) артиклем *kay*. Второе дополнение — придаточная часть.

(3) Wawa't ₁	ay	<i>nag-tanóng</i>	kay Danding	kay ₃ anó ₄	ang	lagáy
isá ₂						
каждый _{1,2}	COP	AV:REAL- спрашивать	ART PN	как _{3,4}	ART	состояние
ng	kanyá-ng		amá-ng			maysakit
GEN	3p:sg-LIG		отец-LIG			больной

‘Каждый спрашивал у Дандинга, каково состояние его большого отца’.

⁵ Отсутствие суффикса *-in* в реальном наклонении интерпретируется иначе, если считать инфикс *-in-*, который используется только в реальном наклонении пассива, показателем не только модального, но и залогового значения, как при отсутствии, так и при наличии суффикса *-in*. Так, согласно Л.И. Шкарбан, модальное значение у этого инфикса неотделимо от залогового [Шкарбан 1995: 99]. Некоторые исследователи, отмечает Шкарбан, отказываются связывать значения наклонения, вида и залога с отдельными аффиксами: набор значений как целое приписывается глагольной форме как целому [Там же: 100].

Тагальские пассивные формы ориентированы на семантику подлежащего. Тем самым двухвалентные глаголы разных значений имеют разные пассивные формы. Большая часть их, например со значениями «использовать», «создавать», «звать», «искать», «чистить», «видеть», образуют пассив с суффиксом *-in* или нулевым, тогда как пассивные формы глаголов, означающих «ухаживать», «изучать» или «зажигать», имеют суффикс *-an*, а глагол «рисовать» — префикс *i-*. Подлежащему при всех этих пассивных глаголах в активе соответствует дополнение без предлога. Имеются двухвалентные глаголы, требующие предложного дополнения в активе (опять-таки с разными пассивными показателями (*-an*, *-in* / нулевой или *i-*), глаголы с вариантным управлением в активе и глаголы без соответствующих активных форм (*passiva tantum*) [Рачков 1981: 136–138].

2. Политранзитивная система в древнеяванском

В политранзитивной системе семантика неагентивного участника ситуации глагола не меняет залоговых показателей: подлежащему пассивного предложения соответствует дополнение (обычно первое) неагентивного, притом что это дополнение обозначает пациенс, адресат, бенефициент, орудие или место. Свертывание выбора из нескольких пассивных форм компенсируется с помощью деривационных аффиксов (в новых работах часто называемых аппликативными). Древнеяванский пассивный аффикс *-in-* (инфикс при согласном-начальном корне и префикс при гласном-начальном) безразличен к семантике пассивного подлежащего и применим ко всем переходным глаголам без исключения. Семантические различия отражены в транзитивных аффиксах, которые входят в глагольную основу. Наиболее важны суффиксы *-i* и *-akĕn* (иногда именуемые 1 и 2 транзитивом; эти термины применимы и к глаголу с данным суффиксом).

Предложения (4–5) содержат пассивную и активную формы бенефактивного глагола *-pājarakĕn* ‘говорить от имени (кого-л.), передавать (чьи-то слова)’, образованного с помощью конфикса *pa-* *-akĕn* от корня *ajar* ‘сообщение’. Пациентом и подлежащим в (10а) является *wiwus* ‘слова, речь’. Бенефициент (чьи слова передаются) выражен определением *-ku* ‘мой’ к подлежащему. Форма

pājarakēna — пассив ирреалиса (показатель пассива *-in-* в наклонении ирреалиса неупотребителен).

(4) *iki wuwus-ku ya teki pājarakēnanta* [pa-ajar-akēn-a-nta]
эти слова-1р PTL PTL.этот BEN-сообщать-BEN-IRR-2р

‘Передай эти мои слова’ (букв. «да будут переданы тобой»)
[Z: 32].

В активном предложении (5) пациенс и дополнение — *sawuwusira* ‘все слова (чьи-л.)’, бенефициент (чьи слова передаются) *Jaratkāru* — определение к дополнению.

(5) *Kāri ta sang nāginī [...] mājarakēn* [m-pa- sa-wuwus-ira sang
ajar-akēn] Jaratkāru
остаться PTL ART жена-змея AV-BEN-сообщать- все-слово-GEN ART
BEN PN

‘Жена-змея осталась [одна]; [она] пересказала все, что говорил Джараткару’ [Ad: 28].

Корень *kalung* ‘ожерелье’ дает начало глаголам в двух транзитивных предложениях с суффиксами *-an/-i* (1 транзитив, обычный для локативного и адресивного значений, причем *-an* замещает *-i* в пассиве и в косвенных наклонениях) и *-akēn* (2 транзитив, обычный для инструментивного и каузативного значений). Пассив *k-in-alung-an* от основы *-kalung-i* ‘быть украшенным ожерельем’; подлежащее в (6) — *ya* ‘она’ (“та, чья шея украшена *kalung*”).

(6) *s<in>inghēl-an k<in>alung-an ya*
<PV>singhēl-TR1 <PV>ожерелье-TR1 3р

‘Она была наряжена в *синхел* и ожерелье’ (*singhēl* ‘свисающий предмет одежды’) [Z: 778].

Активная форма в (7) — *k-um-alung-i*, пациенс «тот, чья шея украшена *kalung*» — первое дополнение места/адресата, которое вводится предлогом *ri* с широким, абстрактным значением. Тот же предлог вводит и второе дополнение, обозначающее пациенс. Удвоение глагола в (7) очевидно имеет экспрессивное значение неодобрения, или даже скорее гнева. Активный аффикс *-um-* по позиции аналогичен *-in-*.

- (7) Ika ng ratu Parikṣit [...] k<um>alung-kalung-i ri bapa-ngku ri
 этот ART царь PN <AV>ожерелье-PJR-TR1 PREP отец-1р PREP
 ng ulā
 ART змея

‘Этот царь Париксит [бессовестно] повесил в виде ожерелья на моего отца [дохлую] змею’ [букв. «об-ожерелил» отца; ZS: 93].

2-й транзитив *k-in-alung-akĕn* в пассиве и *k-um-alung-akĕn* в активе от основы *kalung* — ‘использовать как ожерелье’. Пациенс этого глагола (что-либо используемое как ожерелье) при пассивном глаголе — подлежащее, при активном — дополнение.

- (8) hana ta wangke ni ng ulā dĕlĕs, ya ta [...] k<in>alung-akĕn i gulū
 есть PTL труп GEN ART змея dĕlĕs 3р PTL <PV>ожерелье-TR2 PREP шея
 bhagawān Samīti
 святой PN

‘[Там] был труп змеи *dĕlĕs*, он был [им] повешен на шею святого Самити’ [ZS: 92].

Форма глагола в (9) означает состояние (не действие).

- (9) Hana ta sira mangke k<um>alung-akĕn ulā ri gulū-nira
 есть PTL 3р теперь <AV>ожерелье-TR2 змея PREP шея-3р:POS

‘И [сидит] он теперь со змеей на шее’ [ZS: 93].

Подобные производные глаголы продуктивны. Ср. *t-in-ambakan* ‘снабжаться плотиной’ и *t-um-ambak-akĕn* ‘использовать как плотину’, *t-in-ambak-akĕn* ‘использоваться в качестве плотины’ от корня *tambak* ‘плотина’ [Z: 1916].

Другой вид древнеяванских пассивных производных глаголов — акцидентальный пассив — образован префиксом *ka-* и конфиксом *ka- -an*, означающими неконтролируемый результат. Производные *ka-*глаголы соответствуют переходным глаголам с суффиксом *-akĕn*: ср. *s-um-or-akĕn* ‘побеждать’ (от *sor* ‘нижний, низший’) и *ka-sor* ‘побежден’, *ang-lumrah-akĕn* ‘распространять’ — *ka-lumrah* ‘известный, знаменитый’. См. также примеры (10–15) с глаголами *-ton* ‘видеть’ и *-pin-ton-akĕn* ‘показывать; являть’ и соответствующими формами акцидентального пассива.

- (10) larwa-larwan t<um>on dilah ni ng dipa
летучие.муравьи <AV>-видят пламя GEN ART светильник
'Летучие муравьи видят пламя светильника' [Z: 2029].
- (11) t<in>-on-ira ta wangkay sang Sāmba
<PV>-видеть-3р: AG PTL труп ART PN
'Он увидел труп Самбы' (букв. был увиден им) [ZS: 116].
- 12) Ka-ton tâwak [ta awak]-nira ngkanê [ngkana+i] ng sawah de sang guru
АСР-видеть PTL тело-3р:POS там PREP ART поле PREP ART учитель
'Он был замечен на поле учителем' (букв. его тело) [ZS: 75].
- (13) datëng aminton[aN-pinton]-akëñ rûpa-nyu
прийти AV-являть-TR2 внешность-3р:POS
'[Он] пришел, явив свою внешность' [Z: 2029].
- (14) p<in>inton-akëñ pwa gāñdewa-nira
<PV>-показывать-TR2 PTL лук-3р:POS
'Он показал свой лук' [Ibid.]
- (15) ka-pinton-a kasatyan i nghulun
АСР-являть-IRR верность GEN 1р
'Пусть будет явлена моя верность' [Ibid.]

Акцидентальный глагол образуется и от непереходных глаголов и существительных: *lunggha* 'идти' — *ka-lunggha-lunggha* 'идти далеко, бродить', *śarīra* 'тело' — *ka-śarīra* 'воплощаться'. Конфикс *ka-* *-an* соответствует переходным глаголам с суффиксом *-i*: *atëpët-i* 'закрыть, запереть' (*aN-pëpët-i*, от *pëpët* 'закрыт, отрезан') и *ka-pëpët-an* 'заперт'. Но некоторые дериваты с *ka-* *-an* не имеют соответствующих *-i*-глаголов: *ka-paty-an* 'потерять умершего (родного, близкого)' от существительного *pati* 'смерть, кончина', *ka-ton-an* = *ka-ton* 'замечен, увиден'. И *ka-*, и *ka-* *-an* образуют также имена существительные, как *ka-pati* 'смерть' и *kasatyan* < *ka-satya-an* 'верность' (15). Соответствия между акцидентальным пассивом и другими конструкциями требуют дальнейших исследований.

Образование древнеяванских залоговых форм носит промежуточный характер между словоизменением и словообразованием. Залоговый аффикс может применяться для образования переходного глагола от непереходного глагола или от существительного,

с добавочным каузативным, инструментивным или другим значением.

- (16) Sakweh sang watĕk dewatā ma-höm   rĭ   pucak   i   ng
 все ART сонм бог INTR-собираться PREP вершина GEN ART
 Mahāmeruparwata
 PN.гора

‘Весь сонм богов собрался на вершине горы Махамеру’ [ZS: 78].

- (17) Ikā h<in>öm-nira
 этот <PV>-обсуждать-3р:AG

‘Это обсуждалось ими (их целью было заполучить нектар)’ [Ibid.].

Еще примеры: *pĕs* ‘слабость’ — *in-apĕs* ‘быть ослабленным’, *ang-alih* ‘переходить, перемещаться’ — *in-alih* ‘перемещаться (пасс.)’, быть перемещаемым’, *luput* ‘избегать’ — *l-um-luput* ‘отпускать’, *pukĕt* ‘сеть’ — *amukĕt* < *aN-pukĕt*, пасс. *p-in-ukĕt* ‘ловить(ся) сетью’, *talinga* ‘ухо’ — *t-um-alinga* ‘слушать внимательно’, *t-in-alinga* ‘слушаться (пасс.) внимательно’, *gajah* ‘слон’ — *g-in-ajah* ‘делаться в виде слона’.

3. Политранзитивность в малайском языке

Малайский язык, как сказано выше, относится к третьей фазе истории пассивной конструкции, но суффиксы переходности в нем аналогичны древнеяванским. Например, индонезийская пассивная форма *di-tanam-i* ‘быть местом посадки (растений; 1 транзитив)’ требует подлежащего с семантикой «неподвижного объекта» (места, как огород, поле и т. п.), см. (18). Пассивные формы *di-tanam*, *di-tanam-kan* ‘сажаться’ (19) предполагают в роли подлежащего «подвижный объект» (пациенс) действия (рис, кукуруза и т.п. то, что сажают; суффикс 2 транзитива *-kan* выражает намеренность, интенсивность действия, определенность объекта).

- (18) Kebun itu di-tanam-i   jagung oleh Амир
 огород этот PV-сажать-TR1 кукуруза PREP PN

‘Этот огород Амир засаживает кукурузой (букв. засаживается)’.

- (19) Jagung di-tanam(-kan) oleh Амир di kebun itu
 кукуруза PV-сажать(-TR2) PREP PN в огороде этот
 ‘Кукуруза высаживается Амиром в этом огороде’.

Обе пассивные формы имеют активные соответствия с префиксом *meN-* и теми же самыми суффиксами: *menanam-i* и *menanam(-kan)*, причем подлежащему в пассиве соответствует первое дополнение в активе⁶. Первый транзитив имеет добавочное экстенсивное значение полного охвата объекта или многих объектов.

- (20) Амир *menanami* [meN-tanam-i] kebun dengan jagung
 PN AV-сажать-TR1 огороде PREP кукуруза
 ‘Амир засаживает огороде кукурузой’.

- (21) Амир *menanam(kan)* [meN-tanam-kan] jagung di kebun itu
 PN AV-сажать-TR2 кукуруза PREP огороде этот
 ‘Амир сажает кукурузу в (этом) огороде’.

От глагольной основы *-baca* ‘читать’ образованы бенефактив *-baca-kan* ‘читать (кому-л., вслух)’ и экстенсив *-baca-i* ‘читать много, прочитывать’. Последний используется в тех же конструкциях, что и *-baca*.

- (22) Buku-buku itu di-baca(-i) oleh Амир
 книга-pl этот PV-читать-(TR1 полностью) PREP PN
 ‘Эти книги читаются / прочитываются Амиром’.

- (23) Амир *mem-baca(-i)* buku
 PN AV-читать(-полностью) книга
 ‘Амир читает/прочитывает книгу’.

⁶ Символ *N* означает один из назальных согласных *m, n, ny* [ŋ] или *ng* [ŋ], выбор которого определяется началом следующей морфемы. Некоторые индонезийские примеры составлены автором по известным образцам. Перевод формой настоящего или иного времени русского языка определяется реальным или предполагаемым контекстом.

Глагол *-baca-kan* ‘читать (кому-л.)’ допускает две пассивных конструкции, обе с пассивным префиксом *di-*:

А. Бенефициент — предложное дополнение, пациенс — подлежащее. От (23) конструкция отличается обязательностью обозначения бенефициента.

(24) Surat Yasin di-baca-kan untuk Pak Harto
сура PN PV-читать-TR2 PREP господин PN

‘Сура «Йасин» [из Корана] была прочитана за упокой господина Харто’ [Koran Indonesia, 12.01.08].

При пропуске обозначения бенефициента он подразумевается по контексту.

(25) Vonis di-baca-kan oleh hakim
приговор PV-читать-TR2 PREP судья
‘Приговор читается (вслух) судьей’.

В. Бенефициент — подлежащее, см. *anak* ‘ребенок’ в (26), а пациенс (*cerita* ‘рассказ’) — дополнение.

(26) Anak kecil di-baca-kan cerita tentang sejarah dan budaya
ребенок малый PV-читать-TR2 рассказ PREP история и культура
Tionghoa
китайский

‘Рассказы о китайской истории и культуре читаются маленьким детям’ [http-1].

У обеих этих конструкций есть активные соответствия.

(27) ia telah mem-baca-kan surat itu untuk ibu-nya
3p:sg PRF AV-читать-TR2 письмо этот PREP мать-3p:POS

‘Он прочел это письмо своей матери’ [Johns: 62].

(28) Saya tiap malam mem-baca-kan anak saya cerita
1p:sg каждый вечер AV-читать-TR2 ребенок 1p:sg рассказ

‘Я читаю рассказы своим детям каждый вечер (перед сном)’ [Ibid.: 227].

Конструкция (28) характерна для учебной литературы, но встречается и в обычных текстах, см. *men-cari-kan* ‘подыскивать для (кого-л.)’ в (29).

(29) *Aku sendiri akan men-cari-kan-mu rumah*
1р:sg сам FUT AV-подыскать-TR2-2р:OB дом

‘Я сам подыщу тебе дом’ [Adams].

Ср.. пассивное предложение с тем же глаголом.

(30) *Uang [...] malah di-cari-kan sponsor oleh*
деньги даже PV-искать-TR2 спонсор PREP
Manajemen timnas
правление национальная.команда

‘Правление национальной команды даже подыскивает спонсора для финансирования (букв. «денег»)’ (зд. бенефициент не лицо, а предмет — «деньги») [http-2].

4. Сопоставление полипассивных и политранзитивных структур

Тагальские глаголы могут выступать в четырех словоизменительных формах, объединяющих значения вида, модальности и времени. Эти значения выражаются совместно посредством редупликации, чередования префиксальных алломорфов с начальным *m-* или *n-*, аффиксов *-um-* и *-in-*, ср. (1–3) выше. Кроме того, класс глаголов подразделяется на ряд деривационных подклассов, связанных с определенными семантическими категориями и имеющих разные показатели активного залога.. Так, имеются активные глаголы с префиксами *mag-*, *maN-*, *um-* (с нулевым алломорфом), *magka-*, *maká-*, *maKa-*, *maki-*. Например, *mag-* глаголы означают каузатив, рефлексив, интенсификатор и др.; *maká-* образует глаголы неконтролируемого действия, *maki-* означает совместность [Рачков 1981: 103; Шкарбан 1995: 142]⁷. Все они относятся

⁷ Николаус Химмельман выделяет особый подкласс потенциальных (potentive) глаголов, означающих неумышленное действие, и стативные глаголы [Himmelmann 2005b: 369–372]. В цитируемой книге Г.Е. Рачкова ясно показано, что глаголы разных деривационных подклассов актива и пассива могут иметь одинаковые словоизменительные парадигмы [Рачков 1981: 144, след.].

к ирреальному наклонению и, кроме *-um-*, противопоставляются показателям реального наклонения с начальным *n-*, то есть *nag-*, *naN-*, *nagka-* и т.п.; некоторые подлежат редупликации с вариантами *magkaka-*, *makiki-* и т. п. Г. Е. Рачков предложил новую интерпретацию этих префиксов.

«Формальным признаком активного залога традиционно считаются префиксы *tag/nag*, *mang/nang*, *um*, *magka/nagka*, *ma/na*, *maka/naka*, *maki/naki*, как бы совмещающие залоговые, аспектные и отчасти модально-временные значения. Однако если сопоставить активные словоформы с пассивными и принять во внимание тот факт, что в пассивных залоговые и аспектные значения выражаются раздельно <...> можно считать формальным признаком активного залога отсутствие аффиксов пассивного залога» [Рачков 1981: 128].

Таким образом, аффиксы активных глаголов выражают только вид, модальность и время. С нашей точки зрения, это означает, что активный залог передается нулевым префиксом. Ср. ниже нулевой показатель активного залога в языке кимараганг.

Древнеяванская система намного проще тагальской, хотя древнеяванский глагол имеет два показателя актива, а именно, *maN-* (с вариантом *aN-*) и *-um-* (с теми же позициями в слове, как и *-in-*, и как те же самые аффиксы в тагальском). Префиксы-варианты *maN-* и *aN-*, как и показатели непереходности *ma-* и *a-*, свободно чередуются почти во всех конструкциях, хотя исторически могут быть связаны с модальностью. В части древнеяванских глаголов вполне синонимичны также *(m)aN-* и *-um-*: ср. *r-um-ěngö*, *mang-rěngö* от корневой основы *rěngö* ‘слышать’. У другой части *(m)aN-* образует активный переходный глагол, а *-um-* непереходный: *ang-guyu* ‘высмеивать’ — *g-um-uyu* ‘смеяться’⁸. Имеются и синонимичные непереходные глаголы с обоими аффиксами: *ang-doh*, *d-um-oh* ‘удаляться’, а также глаголы с префиксом *aN-*, употребительные и в непереходном, и в переходном значении.

⁸ В новояванском языке префикс *aN-* сохранился в архаичном литературном стиле, а наиболее обычный активный показатель — назальный согласный (символ *N-*); аффикс *-um-* встречается в лексикализованных непереходных глаголах и также ассоциируется с архаичным стилем.

ях: *añakra* 1) ‘поражать (боевым) диском’, 2) ‘вращаться колесом’ от *sakra* 1) ‘диск’, 2) ‘колесо’.

Аффиксы неактива (*-um-*, *maN-* и др.) и в тагальском, и в древнеяванском используются в активной форме переходных и в (неизменяемых по залогу) непереходных глаголах. То же относится к малайскому *meN-*. Это исторически устойчивая черта системы. Со структурной точки зрения пассив в этих языках «более переходный», чем актив (табл. 1).

Таблица 1

**Соотношение пассивных и неактивных показателей
с переходностью**

	Переходные	Непереходные
<u>Пассив:</u> тагальск. <i>-in/-Ø</i> , древнеяванск. <i>-in-</i> , малайск. <i>di-</i>	+	-
<u>Неактив:</u> тагальск. <i>-um-</i> , <i>mag-</i> , <i>maka-</i> , <i>maká-</i> , <i>maki-</i> , древнеяванск. <i>-um-</i> , <i>maN-/ aN-</i> , малайск. <i>men-</i>	+	+

Некоторые тагальские и древнеяванские аффиксы внешне идентичны, но функционально различаются. Префикс *maN-* в тагальском чаще встречается в непереходных глаголах обычной или профессиональной деятельности [Рачков 1981: 116–118], в древнеяванском *maN-* эта семантика не выражена. Аффикс *-in-* в тагальском, как сказано выше, используется в пассивном залоге реальной серии, в древнеяванском он стал пассивным показателем без особого модально-видового значения. В отличие от тагальского *maka-*, древнеяванский *maka-* не имеет значения потенциальности, а используется в посессивно-рефлексивных глаголах с семантикой ‘иметь/делать своим/для себя’: *stri* ‘жена’ — *makastrī* ‘жениться, брать в жены’ (либо в значении ‘становиться (чем/кем-л.)/быть в качестве’ (чего/кого-л.)).

Видовые значения в древнеяванском выражаются факультативными вспомогательными словами, как в изолирующих языках: *huwus* ‘уже’, *turung* ‘еще не’ и т.п., время выражается наречиями или просто контекстом, а неиндикативная модальность суффиксами *-a* и *-ĕn*. Эти суффиксы ирреалиса передают широ-

кий спектр значений, включая будущее, сослагательность и побуждение (повелительность). Кроме того, имеется несколько собственно императивных форм [Оглоблин 2003; Ogloblin 2005: 620]⁹.

Тем самым различия в глагольной аффиксации между тагальским и древнеяванским языками значительны, что согласуется с отдаленным временем их исторического расхождения.

Отметим, что в малайском в отличие от тагальского и древнеяванского залоговое чередование форм — словоизменительное, исключений из регулярных правил немного. Критерием переходности поэтому служит морфологический: регулярное соответствие между активом и пассивом, поскольку в нем нет образования пассива от непереходных глаголов. В тагальском такая дефиниция не подходит, и различие по переходности/непереходности можно определять лишь по синтаксическому критерию сочетаемости с дополнением (беспредложным, либо, конвенционально, включая также предложное). Другое решение для тагальского, упоминавшееся выше, — вообще не причислять активные формы к переходным и считать переходными только пассивные. Древнеяванский сходен с малайским наличием политранзитивности (и единственности пассивной формы, «монопассивности»), а с тагальским — наличием пассивов от непереходных глаголов. и существительных, то есть занимает промежуточное положение.

5. Исторические изменения ухода от полипассивности и возврата к ней

Факт исторического перехода от систем с несколькими пассивными залогами к системе с одним пассивом и несколькими показателями переходности Ю.Х. Сирк называет «переломом в глагольной морфологии» [Сирк 2008: 335]. Промежуточную стадию в этом переломе — более близкую к тагальскому по сравнению с древнеяванским — демонстрируют языки на периферии филиппинского ареала, на Калимантане с двумя или даже одним пассивом. Они, по словам Беатрис Клэр, «занимают промежуточное

⁹ О некоторых древнеяванских вспомогательных словах см.: [Оглоблин 2009].

положение между языками Сабаха на севере, имеющими развитую фокусную (иначе залоговую) систему, и языками Саравака и [индонезийской части] Калимантана на юге, имеющими сильно редуцированную фокусную (залоговую) систему, или даже утратившими таковую» [Clayre 2005: 17]. Например, язык лун-дайех хранит реликтовые свидетельства того, что наряду с прямым и инструментивным залогом «в нем существовал еще один залог, который был, вероятно, локативным или бенефактивным» [Clayre 2005: 18]¹⁰. К сожалению, пока у нас нет сведений о способах выражения инструментивного или бенефактивного значения в калимантанских языках с одним-единственным пассивом, но, скорее всего, такие языки обходятся без суффиксов переходности, прибегая к изолирующей технике порядка слов и предлогов. См. пример из языка бераван, приведенный Б. Клэр в другой ее работе: (31) *akko₁ mer₂ra₃ ubi₃ la'an₄* 'Я₁ разбрасываю₂ корм₃ курам₄' [Clayre 1997: 237]. Практическое отсутствие транзитивных суффиксов на Калимантане было отмечено Ю.Х. Сирком в его статье об исторической грамматике АН языков [Сирк 1968]. Они, однако, имеются в языках района Сулавеси, например, в бугийском и макасарском, в туканг-беси (с тремя транзитивными суффиксами) [Donohue 1997]) или нижнеморийском (Mori Wawah, с четырьмя транзитивными суффиксами) [Mead 2005].

Древнеяванский суффикс *-akĕn* родствен древнемалайскому *-akan*, малайскому *-kan*, и суффиксам в других языках западной Индонезии: сунданскому *-kĕn* на Яве, каро-батакскому *-kĕn* и тоба-батакскому *-hon* на Суматре. В мадурском, новояванском (неофициального стиля), бугийском, балийском языках такие суффиксы имеют другую форму (табл. 2), что указывает на параллельное, но генетически отличное развитие политранзитивности в особой истории этих языков.

¹⁰ В языке лун-дайех суффикс *-a* используется в императиве и согласно Б. Клэр представляет бывшую форму локативного или бенефактивного ирреалиса («projective», non-real, non-indicative). Суффикс *-a* возводится к МП праязыку. Он был утрачен в ряде филиппинских языков, но сохранился в некоторых других, как *-o* в кимарагангском, а также в древнем и новом яванском и древнемалайском. В императивном значении суффикс *-a* употребителен в малагасийском языке, происходящем от мааньянского на юго-востоке Калимантана.

Таблица 2

**Суффиксы первого и второго транзитива в некоторых
языках западной Индонезии**

	1	2	3	4	5	6	7	8
1 тр-в	-i/-an ^x	-i	-i	-i	-e	-an	-i	-i
2 тр-в	-akĕn	-akan ^{xx}	-ake ^{xxx}	-kan	-aghi	-kōn	-ang	-ang

1 — древнеяванский, 2 — древнемалайский, 3 — новояванский (неофициальный стиль), 4 — малайский/индонезийский, 5 — мадурский, 6 — сунданский, 7 — балийский, 8 — бугийский

^x -an в пассиве и косвенных наклонениях, преемник филиппинского суффикса локативного пассива

^{xx} возможно, не суффикс, а предлог (см. ниже)

^{xxx} чередуется с -akĕn в повышенных стилях

Транзитивные суффиксы, как показывает Ю.Х. Сирк, происходят от предлогов, которые вводят дополнение, следующее за глаголом в сочетании с препозитивным артиклем [Сирк 2008: 336, след.], а древнемалайский akan в VII в., возможно, еще сохранял статус предлога (данных о его употреблении недостаточно [Mahdi 2005]). Процесс синтеза глагольного деривата из синтаксического сегмента «глагол + предлог» или «глагол + предлог + артикль» происходил на базе активной конструкции; а предыдущая стадия развития могла представлять аналогию бераванской изолирующей технике. Соответствующая пассивная форма получилась, вероятно, в результате обобщения синтезированного глагола для обеих диатез, активной и пассивной.

Однако некоторые филиппинские языки приобрели элементы политранзитивности, сохранив полипассивную систему. Так, кимарагангский язык в Сабахе на северо-востоке Калимантана имеет два транзитивных префикса наряду с четырьмя пассивными формами. Префикс *po-* напоминает 2 транзитив западноиндонезийских систем, а префикс *poN* — их 1 транзитив. В (32ab) эти префиксы входят в состав двух каузативных глаголов, образованных от корневой основы *suwang* ‘входить’, с разным порядком дополнений [Kroeger 2005].

(32a) Ø-po-suwang okuh ditih sada sid pata'an 'Я₂ положу₁ эту₃ рыбу₄ в₅ корзину₆'

(32b) Monuwang [m-po-suwang] okuh do pata'an do sada 'Я₂ наполню,
корзину_{2,3} рыбой_{5,6}'.

С другой стороны, проявления полипассивной структуры наблюдаются в политранзитивных мадурском и сунданском языках: формально различаются пассивные бенефактивные глаголы соответственно чередованию пациенса и бенефициента в позиции подлежащего. Это различие исторически не связано с филиппинской полипассивностью и оказывается «архаизирующей инновацией» [Оглоблин 1996; 2009].

Как известно, транзитивные суффиксы имеются также в АН языках Океании. Основной поток МП миграции в Океанию проходил вдоль северного берега Новой Гвинеи, а исходные рубежи миграции локализовались к югу от Филиппин, между северным Калимантаном, северным Сулавеси, Хальмахерой и Молукками, приблизительно около 2 тыс. лет до н.э. [Сирк 2008]. Тем самым можно предполагать существование младшего праязыка или группы прадиалектов с транзитивными суффиксами, давшим начало древнеяванскому и другим языкам западной Индонезии. Возможно, «перелом в глагольной морфологии» совершился в силу контактов с неавстронезийскими языками этих мест, в которых встречаются аналогичные явления политранзитивности¹¹.

6. Редукция пассива и тенденция к изолирующему строю (третья и четвертая фазы изменения пассивной конструкции)

Под редукцией пассива условимся понимать замену ненулевого пассивного показателя нулевым. Использование нулевого показателя в принципе не означает уменьшения различительного потенциала в системе, но оно может служить предпосылкой к нему путем замены нуля незначимым отсутствием показателя.

В древнеяванском языке конструкция с глаголом без залогового префикса известна в значении намерения или самопобуждения (последнее является, собственно, императивом 1 лица). Перед

---

¹¹ Возможно, однако, обратное заимствование из АН в неавстронезийские, см.: [Сирк 1969].

глаголом ставится частица *ndak* (вариант — *dak*) ‘я намерен; дай-ка я’.

(33) *ndak gañjar kita* ‘Отплачу(-ка)₁₋₂ я тебе₃’ [Z: 1181]

Явных признаков актива или пассива в конструкции нет. Лишь по аналогии с непереходным неpassивным глаголом в той же конструкции можно заключить о близости ее скорее к активной, чем к пассивной.

(34) *ndak a-takwan ta ri kita*
PTL INTR-спрашивать PTL PREP ты

‘Спрошу(-ка) я у тебя’ [Z: 1181]

Возможность употребления в данной конструкции непереходного глагола не позволяет считать пропуск показателя залога переходного глагола нулевым знаком.

В более поздних текстах конструкция включает, наряду с указанной частицей, личное местоимение 1 лица, которое семантически ее дублирует.

(35) *mati ko ngong dak wunuh* ‘Умрешь₁ ты₂, я₃ убью₄₋₅ [тебя]’ [Z: 1181]

В некоторых контекстах это личное местоимение замещает частицу, как в (36), содержащем параллельные конструкции, с тем же значением намерения-самопобуждения.

(36) *ngong patyani, dak pupak mastakanya* ‘Я₁ убью₂ [его], оторву₃₋₄ ему₅ голову₅’ (-нуа₅ ‘его’, притяжательное местоимение 3 лица) [Ibid.]

В новояванском языке прежняя частица, обычно в виде *dak*, стала местоименной проклитикой 1 лица. Модальное значение волеизъявления при этом утрачено. Проклитика *dak* чередуется с проклитикой 2 лица *kok*, а в повышенных стилях чередуется с самостоятельными местоимениями (*kula* офиц. ‘я’, *panjenengan* ‘Вы’ и др.). Тем самым исключается трактовка проклитики как части глагольного слова, что встречается в грамматических описаниях.

(37) *Layang kuwi dakwasa / kokwasa* ‘Эту₂ книгу₁ я₃ читаю₃ / ты₃ читаешь₃’

(38) *Serat punika panjenengan waos* ‘Эту₂ книгу₁ Вы₃ читаете₄’

Эта конструкция пассивна по критерию соотношения между ней и другой конструкцией, а именно, с относительным служебным словом *sing* ‘который; тот, что/кто’ (и синонимичными ему): *layang sing dakwaca / kokwaca* ‘книга, которую я читаю’. Это так называемая трансформация релятивизации. Яванский относится к языкам, допускающим релятивизацию только подлежащего как в активной, так и в пассивной конструкции, иными словами, есть конструкции типа русских *все, кто говорил об этой женщине* или *Джек, который построил дом*, но нет конструкций типа *женщина, о которой все говорили*, или *дом, который построил Джек*. Буквально-грамматический перевод примеров (37–38), таким образом, будет ‘Эта книга (подлежащее) мной/тобой/Вами читается’. Особенность данной пассивной конструкции — обязательность обозначения агенса.

Пропуск показателя залога оказывается в такой повествовательной конструкции нулевым знаком пассива 1 и 2 лиц. Таким образом, точная морфологическая запись примеров (37–38) включает нулевой показатель залога-лица агенса: (37a) *Layang kuwi dak-Ø-waca / ko(k)-Ø-waca*, (38a) *Serat punika panjenengan Ø-waos*.

В пассивных конструкциях 3 лица агенса пропуск пассивного показателя (им является в новояванском префикс *di-*, офиц. *dipun-*) также встречается, но в нормативном языке довольно редко¹². Такой пропуск обычно имеет анафорическое значение (‘он/она/они’).

В малайском языке нуль-префиксальная форма без предшествующего обозначения агенса означает императив: (39) *Baca* ‘Читай’, (40) *Jelaskan* ‘Объясни’. Она используется также в конструкции с глаголами побуждения, при том, что подлежащее означает объект действия, к которому побуждают.

(41) *Vuku itu saya suruh baca*
книга этот я велеть читать

Букв. ‘Эту книгу мною велено читать’.

Вероятна исконная связь этой формы с модальностью, как и в яванском языке. В остальном положение в малайском языке

¹² О происхождении яванского *di-* см.: [Оглоблин 2010].

во многом аналогично яванскому. Префикс пассива *di-* в литературной норме требует агенса 3 лица и не сочетается с агенсом 1 и 2 лиц. При 1–2 лицах агенса пассив выступает с нулевым префиксом (лично-пассивная конструкция). Проклитика *ku-* ‘мною’ в позиции перед нуль-префиксальным пассивом чередуется с самостоятельным местоимением *aku* ‘я’ (неофици.) и другими.

(42) Surat ini ku- / aku / kita Ø-baca
 письмо этот 1р / 1р / 1рl PV-читать

‘Это письмо мною/ нами читается’.

С корневым глаголом нулевой префикс в некоторых контекстах создает грамматическую омонимию переходной и непереходной конструкции: *kita baca* ‘нами читается’ внешне идентично *kita duduk* ‘мы сидим’, *kita hidup* ‘мы живем’.

Нормы современного малайского языка свободнее, чем в яванском. Во-первых, лично-пассивная конструкция допускает агенса 3 лица.

(43) Surat ini dia Ø-baca / mereka Ø-baca

‘Это письмо им (ею)/ими читается’.

Во-вторых, в просторечии, в газетных заголовках, рекламе та же нуль-префиксальная форма употребительна в предложениях активного строя, что выражается порядком «подлежащее — сказуемое — дополнение». Тем самым налицо тенденция к превращению нулевого префикса в незначимое отсутствие префикса: активный или пассивный характер конструкции выражается только порядком слов, а глагол имеет в них одну и ту же внешнюю форму¹³.

Более или менее законченный характер эта тенденция принимает в малайских диалектах, контактирующих с тайским языком в провинции Паттани в Таиланде, в штате Келантан северо-востока Полуостровной Малайзии и близких районах. В келантанском диалекте, судя по данным Абдул-Хамида Махмуда, при одной и той же форме корневого (неаффиксального) глагола

¹³ О пассивных конструкциях индонезийского языка подробнее см.: [Оглоблин 2008: 271–278] и указанные там работы.

в двухместной конструкции возможны четыре варианта порядка участников ситуации глагола: (i) «агенса — глагол — пациенс», (ii) «глагол — пациенс — агенса», (iii) «пациенса — глагол — агенса» и (iv) «пациенса — агенса — глагол». Порядки (i) и (ii) представляют активную конструкцию: агенса = подлежащему, пациенс = дополнению. При этом в (ii) группа «глагол — пациенс» выделена логическим ударением.

(44) *musò makẽ kuwe* ‘Муса ест пирожное’ [Mahmood 1994, ms. 199]¹⁴

(45) *makẽ kuwe musò* ‘[Именно] ест пирожное Муса’ [Ibid., ms. 201]

В (i) между подлежащим и глаголом могут быть другие слова.

(46) *mu jangẽ makẽ nasi' ni* ‘Ты не ешь этот рис’ (запрещение, *jangẽ* — прохибитивное отрицание) [Ibid., ms. 222]

Порядки (iii) и (iv) представляют пассивную конструкцию. Показателем пассива является служебное слово (препозитивное относительно глагола) *añò*, второй слог которого, вероятно, родственен притяжательно-объектной лично-местоименной энклитике 3 лица *-nya* [ña] ‘его, ее, их’ нормативного малайского языка. Это служебное слово употребительно при агенсе любого лица. Агенса может вводиться предлогом, быть беспредложным, или вместо предлога используется удвоение первого согласного слова, обозначающего агенса. В (47–48) дополнение агенса вводится предлогом *di*.

(47) *baju añò raka di Mama'*
куртка PAS *надеть* PREP PN

‘Куртка (была) надета Мамаком’ [Ibid., ms. 203]

(48) *dəyũ tu añò ame' di amò ta' di*
дуриан тот PAS *братъ* PREP я давеча

‘Дуриан тот я взял давеча’ (букв. мной был взят) [Ibid.]

¹⁴ В келантанских примерах сохраняем транскрипцию источника с небольшими изменениями: ò = открытому o, ʔ = смычногортанному согласному.

В (49–50) используется удвоение первого согласного слова-агенса.

(49) ikẽ tu aĩ̀ ò makẽ kkuĩ̀

‘Рыба эта (была) съедена кошкой’ (kkuĩ̀ ‘кошка’) [Ibid., ms. 104]

(50) pađĩ tu aĩ̀ ò ame` ddao`

‘Рис этот (был) взят Даоком’ (диалектный вариант имени Daud ‘Дауд’) [Ibid., ms. 203]

Порядок (iv) Абдул-Хамид Махмуд называет «псевдо-пассивом» (pasif semu). Функция агенса маркирована только его позицией перед глаголом, притом что пациенс находится перед агенсом и является подлежащим. Эта конструкция сходна с малайско-яванской лично-пассивной.

(51) ġuru` kitò tanẽ ‘Траву мы сажаем’ (букв. нами₂ сажается₃) [Ibid., ms. 209]

(52) siyeh tò` ttuwò amò makẽ ‘Бетель тесть мой жует’ (букв. тестем моим поедается₄) [Ibid., ms. 208]

Приведенные примеры показывают применение изолирующей техники в маркировке диатезы глагола. К этому может добавляться и морфологическая маркировка активной формы глагола: она может быть представлена, помимо корневой формы, также формой с префиксом *məN-* (как в малайском), или с заменой префикса удвоением первого согласного корня. Префикс *məN-* приводится автором в разделе морфологии, но в разделе синтаксиса фигурирует большей частью корневая, реже форма с удвоенным начальным согласным, которая может заменять и другие префиксы, предлог, как в (49–50), и даже первый компонент удвоенного корня и поэтому не может считаться показателем именно активного залога. Интересный материал келантанского диалекта требует дальнейшего исследования.

Изолирующие конструкции представлены также в чамском языке, относительно близко родственном малайскому и находящемся в многовековом контакте с вьетнамским языком [Алиева, Буй 1994: 80] (в этой книге средства выражения пассивности названы аналитическими).

7. Заключительное замечание

Намеченная выше линия изменений выражения пассивности показывает прогрессирующее упрощение морфологии: филиппинские языки морфологически сложнее древнеяванского, еще проще новояванский и особенно малайский, а в келантанском диалекте морфология играет незначительную роль. Вероятно, такая тенденция, наблюдаемая во многих других языковых семьях, обусловлена главным образом языковыми контактами: на востоке Индонезии — с более древними неавстронезийскими (вероятно, близкими исконным доавстронезийским языкам Новой Гвинеи), на западе — с изолирующими языками Индокитая. У малайского языка, многовекового языка-посредника в обширном ареале Юго-Восточной Азии, контакты были наиболее интенсивными. В то же время, как отмечалось выше в связи с мадурским и сунданским языками, наблюдаются и циклические явления возврата к прежним структурам.

Литература

Алиева 1975 — Алиева Н.Ф. Индонезийский глагол. Категория переходности. М., 1975.

Алиева, Буй 1994 — Алиева Н.Ф., Буй Кхань Тхе. Язык чам. Устные говоры восточного диалекта. СПб., 1999.

Оглоблин 1996; 2009 — Оглоблин А.К. Очерк диахронической типологии малайско-яванских языков. М.: Новое тысячелетие, 1996; Либроком, 2009.

Оглоблин 2008 — Оглоблин А.К. Грамматика индонезийского литературного языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

Оглоблин 2009 — Таксис в древнеяванском языке // Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. М.: Знак, 2009. С. 624–650.

Оглоблин 2010 — К истории яванского пассива (формы третьего лица субъекта действия) // Проблемы грамматики и типологии: Сб. статей памяти В.П. Неद्याлкова. М.: Знак, 2010. С. 209–239.

Рачков 1981 — Рачков Г.Е. Введение в морфологию современного тагальского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 216 с.

Сирк 1968 — Сирк Ю.Х. К исторической грамматике австронезийских языков // Ученые записки Тартуского ун-та. 201. Тарту, 1968. С. 38–50.

Сирк 1969 — Некоторые типологические изоглоссы в Восточной Индонезии // Языковые универсалии и лингвистическая типология / Отв. ред. И.Ф. Вардуль. М.: Наука, 1969. С. 288–296

Сирк 2008 — Австронезийские языки: Введение в сравнительно-историческое изучение. М.: Вост. лит-ра, 2008.

Шкарбан 1995 — Шкарбан Л.И. Грамматический строй тагальского языка. М.: Вост. лит-ра, 1995. 248 с.

Adelaar 1989 — Adelaar S. Les langues austronésiennes et la place du malagasy dans leur ensemble // Archipel. 1989. T. 38. P. 25–52.

Adelaar 1995 — Asian roots of the Malagasy: a linguistic perspective // Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde. 1995. D. 151, afl. 3. P. 325–356.

Clayre 1997 — Clayre B. Verb affixes in Berawan // Ode C., Stokhof W., with assist. C. Baak (eds). Proceedings of the Seventh Internat. Conf. on Austronesian Linguistics. Amsterdam etc.: Rodopi, 1997. P. 17–57.

Clayre 2005 — Kelabitic languages and the fate of ‘focus’: evidence from the Kerayan // I Wayan Arka and M. Ross (eds). The many faces of Austronesian voice systems: some new empirical studies. Canberra: Pacific Linguistics, 2005.

Donohue 1997 — Donohue M. The applicative construction in Tukang Besi // Ode C., Stokhof W., with assist. C. Baak (eds). Proceedings of the Seventh Internat. Conf. on Austronesian Linguistics. Amsterdam etc.: Rodopi, 1997. P. 415–432.

Himmelman 2005 — Tagalog // Adelaar A. and Himmelmann N.P. (eds). The Austronesian languages of Asia and Madagascar. London: Routledge 2005. P. 350–376.

Kroeger 2005 — Kroeger P. Kimaragang // Adelaar A. and Himmelmann N.P. (eds). The Austronesian languages of Asia and Madagascar. London: Routledge 2005. P. 397–429.

Kulikov 2010 — Kulikov L. Bridging typology and diachrony: A preliminary questionnaire for a diachronic typological study of voice and valency-changing categories // Проблемы грамматики и типологии: Сб. статей памяти В.П. Недялкова. М.: Знак, 2010. С. 139–163.

Mahdi 2005 — Mahdi W. Old Malay // Adelaar A. and Himmelmann N.P. (eds). The Austronesian languages of Asia and Madagascar. London: Routledge 2005. P. 182–201.

Mahmood 1994 — Mahmood, Abdul Hamid. Sintaksis dialek Kelantan. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1994.

Mead 2005 — Mead D. Mori Bawah // Adelaar A. and Himmelmann N.P. (eds). The Austronesian languages of Asia and Madagascar. London: Routledge 2005. P. 683–708.

Ogloblin 2005 — Ogloblin A.K. Javanese // Adelaar A. and Himmelmann N.P. (eds). *The Austronesian languages of Asia and Madagascar*. London: Routledge 2005. P. 590–624.

Rubino 2005 — Rubino C. Iloko // Adelaar A. and Himmelmann N.P. (eds). *The Austronesian languages of Asia and Madagascar*. London: Routledge 2005. P. 326–349.

Zoetmulder 1983 — Zoetmulder P. *De taal van het Adiparwa. Een grammaticale studie van het Oudjavaans*. Dordrecht, 1983. viii, 261 p.

Цитированные источники

Ad — Juynboll H.H. (ed.) *Adiparwa. Oudjavaansch prosageschrift*. 's-Gravenhage, 1906.

Adams — Adams C.H. *Bung Karno penjangbung lidah rakjat Indonesia*. Alih bah. Abd. Bar Salim. Djakarta: Gunung Agung, 1966. xxiii, 470 p.

http-1 — <http://community.siutau.com>; quoted 30.09.2009.

http-2 — <http://forum-milanisti.com>; quoted 30.09.2009.

Johns — Johns Y., in collab. with Robyn Stokes. *Bahasa Indonesia: Introduction to Indonesian language and culture*. Book 1. Botany, NSW, Periplus, 1996. 388 p.

Kamus Besar. Jakarta: Balai Pustaka, 1989. xix, 1090 p.

Z — Zoetmulder P. J. with the collaboration of S. O. Robson. *Old Javanese — English dictionary*. Vol. 1–2. 's-Gravenhage, 1982.

ZS — Zoetmulder P. J. *Sĕkar Sumawur. Bunga rampai bahasa Djawa Kuno*. I. Djakarta, 1958.

Сокращения в морфологической нотации

АСР — акцидентальный пассив

ART — артикль

AV — актив / активный залог

BEN — бенефактив

COP — связка

DUR — длительный вид

FUT — будущее

GEN — генитивный показатель (последующего определения)

INTR — непереходный глагол

IRR — ирреальное наклонение

LIG — лигатура (между главным и зависимым членами группы)

pl — множ. число

PJR — пейоративность

PN — имя собственное

POS — притяжательность
PREP — предлог
PRF — перфектность
PTL — частица
PV — пассивный залог
REAL — реальное наклонение
sg — ед. число
TR1 — 1 транзитив
TR2 — 2 транзитив
1/2/3p — 1/2/3 лицо

Н. Ф. Алиева

**СРАВНЕНИЕ СИСТЕМ ЗАЛОГОВЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ
И ТАГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ.
К ВОПРОСУ О СИММЕТРИИ**

Приходится вернуться к проблеме дифференциации предикатно-объектных отношений в индонезийском/малайском языке (ИМЯ), о чем писалось уже немало, и мною тоже. Побуждает к этому тот факт, что в австронезийском языкознании в последнее время заостряется вопрос о симметричности категории залога как одной из основных структурных признаков западно-индонезийских языков, в которые включаются и западно-индонезийская, и филиппинская подсемьи. О симметрии залога пишет П. Химмельманн в своих статьях в специальных высокого уровня сборниках по типологии австронезийских языков, ряд авторов также повторяет этот тезис [Himmelmann 2002; 2005; Klamer 2002].

Предварительно подчеркнем, что в языках малайского типа (МТ) и филиппинского типа (ФТ), хотя и включаемых в одну группу, как раз в области залоговых систем есть существенные различия. Различаются системы построения активных и пассивных конструкций, основанных на дифференцированных объектных отношениях, которые в ностратических языках выражаются именными падежами.

Данная система представляется более стройной и очевидной в языках МТ, и мы начнем с нее, конкретно — с индонезийского языка. Нельзя не отметить, что эти разделы грамматического строя ИЯ разрабатывались и описывались российскими авторами и в общих работах по грамматике ИЯ, и в отдельных специальных исследованиях — диссертациях, монографиях, статьях.

Часть из них, написанных А.К. Оглоблиным, Г.Е. Рачковым, будет упомянута и названа в библиографии.

Теперь обратимся к проблеме залогов и, соответственно, предикатно-объектных отношений в ИЯ и ТАГ, выделяя специфические черты в этих языках.

Какие варианты объектных отношений имеются в виду?

Производные переходно-глагольные основы выражают разные отношения к объектам. Отношение простой переходности — к объекту, непосредственно используемому, подвергаемому воздействию (прямому), конечно, не только непосредственно физическому, но и, так сказать, виртуальному («видеть кого/что, вспоминать что/кого, желать чего» и т.п.); параллель в именных системах падежей — падеж винительный (*accusativus*). По морфологическим средствам сюда могут включаться отношения каузативные: изменять, создавать или уничтожать объект, использовать объект в данном качестве.

В этой статье даются самые основные сведения о переходности в ИЯ вообще и главное — о дифференцированной переходности. В специальной монографии 1975 г. эти явления описываются и систематизируются мною подробно, с учетом вариантов и с приложением большого числа оригинальных примеров из индонезийской и малайской классической литературы. Именно отсюда взяты те немногочисленные примеры, которыми иллюстрируется данное описание [Алиева 1975].

Сначала приведем примеры производных переходно-глагольных основ из ИМЯ.

1. От именных морфем — морфем 1-го класса:

tempat ‘место’ > *-tempatkan* ‘помещать’;

kurung ‘клетка; заключение’ > *-kurungkan* ‘сажать в клетку, в тюрьму’.

2. От морфем 2-го класса — стативных, со значениями состояния, движения, качества; в глагольных основах с суффиксом *-kan* преобладает каузативное значение: придать свойство, усилить, изменить; например:

datang ‘приходить’ > *-datangkan* ‘привести, привлечь’;

hilang ‘исчезнуть’ > *-hilangkan* ‘уничтожить’;

siap ‘готовый’ > *-siapkan* ‘приготовить’;
terang ‘ясный, светлый’ > *-terangkan* ‘объяснить’;
berani ‘храбрый’ > *-beranikan* ‘побудить к смелости’.

3. От морфем, имеющих переходно-глагольное значение (морфемы 3-го класса); присоединение к ним суффиксов *-kan* и *-i* создает основы с усилением связи переходности, а также — в чем и есть специфика — придает разные дополнительные значения объектной связи:

(1) инструментальные — с суффиксом *-kan*: в них присутствуют оттенки каузативности «использовать объект в качестве орудия, инструмента» (= творительному падежу): *tulis* ‘писать’ > *-tuliskan pensil* ‘писать карандашом’; *-beli* ‘покупать’ > *-belikan uang* ‘покупать за деньги’, также ‘потратить деньги’; *-tanam* ‘сажать’ > *tanamkan padi (di sawah)* ‘сажать рис (на поле)’;

(2) переходно-адресивные значения (локативное, бенефактивное) — возможно присоединение и *-kan*, и *-i* — «объект помещается куда-либо (= предложный падеж), передается адресату (= дательный или предложный падеж), действие совершается для другого лица»: *-tanam* ‘сажать’ > *-tanami sawah (dengan padi)* ‘засеять поле (рисом)’; *-kirim* ‘посылать’ > *-kirim ayah (surat)* ‘послать отцу (письмо)’; *-bawa* ‘приносить’ > *-bawakan anak (obat)* ‘принести ребенку (лекарство)’; *anak emas* ‘ребенок золото’ > *-anak-emaskan* ‘относиться как к любимому ребенку’.

Ниже приводятся примеры предложений из индонезийских текстов, с залоговыми трансформациями.

В старой традиционной малайской грамматике, в работах М. Лубиса [Lubis 1954], Х. Мунафа [Munaf 1951] значения переходности глаголов различались по типу объектов. Считалось, что суффикс *-kan* обычно указывает на наличие объектов «подвижных»: передвигаемых, передаваемых, меняющих свое состояние, возникающих, исчезающих; наличие суффикса *-i* указывает на объекты «неподвижные»: локативные, воспринимаемые органами чувств, на лица, заинтересованные в результате.

Существенная, типологически значимая особенность морфологии МТ в том, что переходные глаголы с разными указателями

значений переходности употребляются — вполне обычно — и в активных, и в пассивных конструкциях (в последних чаще). Симметрия явно имеет место. Также такие глаголы выступают и как сказуемые независимых предложений, и как ядерные слова зависимых предикативных групп в усложненных предложениях.

Если представление того или иного прямого объекта в качестве подлежащего в пассивном предложении для европейского сознания понятно, то превращение инструментальных, локативных, бенефактивных объектов в подлежащее предложения пассивного строя является достаточно необычной процедурой, ведь у нас трансформация в подлежащее нормальна только для прямых дополнений в винительном падеже без предлога. В языках МТ в качестве подлежащего пассивной конструкции вполне естественно употребление инструментального, локативного или бенефактивного актанта.

Примеры на подлежащие, выражающие подвижные, в том числе инструментальные, объекты (из ИЯ — приведены в: [Алиева 1975: 72–96]; активные трансформации построены мною для данной статьи):

1. *Semua kepunyaanmu sudah kau kurbankan.* ‘Ты пожертвовал всем, что имел’ (*kurban* ‘жертва’) [РАТВ: 71]; пассив с нулевой формой глагола и местоимением в препозиции; **актив:** *Kau sudah mengurbankan semua kepunyaanmu.*

2. *Aku tak tahu apa yang musti diobrolkan.* ‘Я не знаю, о чем нужно разговаривать’ (*obrol* ‘разговор, болтать’) [ДК: 86]; пассив с нулевой формой глагола и местоимением в препозиции: *Apa yang musti kita obrolkan*; **актив:** *Aku tak tahu kita musti mengobrolkan apa.*

3. *Tiap-tiap perkara harus dilakukan dengan cepat, secepat kilat.* ‘Каждое дело должно выполняться с молниеносной быстротой’ (*laku* ‘двигаться, движение’) [ИМ: 25]; **актив:** *Harus melakukan tiap-tiap perkara dengan cepat, secepat kilat.*

4. *Atau akan kau tinggalkan begini saja aku ini?* ‘Или ты собираешься совсем оставить меня?’ (*tinggal* ‘оставаться’) [РАТВ: 221]; пассив с нулевой формой глагола и местоимением в препозиции; **актив:** *Kau akan meninggalkan begini saja aku ini?*

5. *Jadi Tjut Meuthia telah dilarikan militer.* ‘Стало быть, Чут Мытхию увезли военные’ (*lari* ‘бежать’) [ИМ: 57]; пассив на *-di*; актив: *Jadi militer telah melarikan Tjut Meuthia.*

6. *Daerah ini dikuatkan oleh Surapati secara mestinya.* ‘Этот район Сурапати укрепил как требовалось’ (*dikuatkan* — форма пассива залога < — *kuatkan* ‘усилить’ < *kuat* ‘сильный’) [МС: 176]; актив: *Surapati menguatkan daerah ini secara mestinya.*

Примеры на пассивные предложения с подлежащими, выражающими неподвижные: локативные и бенефактивные объекты, также с залоговыми трансформациями:

1. *Dan sebuah tiang jemuran di depan rumah masih disangkut pakaian.* ‘Перекладина перед домом еще увешана одеждой’ (*disangkut* — форма пассива с локативным значением ‘быть тем, к чему прикреплено, на чем висит, чего касается’ < *sangkut* ‘вешать, прикреплять на что-либо, касаться’; актор отсутствует) [МВМ: 93]; актив: *Ada sesiapa yang sudah menyangkut dengan pakaian sebuah tiang jemuran di depan rumah* (локативное дополнение) // ... *yang sudah menyangkutkan pakaian pada sebuah tiang jemuran* (Дополнение прямого объекта)... Пассив: *Pakaian disangkutkan pada sebuah tiang jemuran di depan rumah.*

2. *Musuh terpaksa lari menghindari rumah-rumah.* ‘Врагам пришлось бежать, держась подальше от домов’ (*hindar* ‘избегать, удаляться’ > *-hindari* > *menghindari* ‘избегать’ — локатив) [РАТВ: 95]; пассив (подлежащее — локативный актант): *Rumah-rumah dihindari oleh musuh yang terpaksa lari.* // (подлежащее — прямой каузируемый актант): *Musuh dihindarkan jauh dari rumah-rumah dengan terpaksa lari.*

3. *Tapi jika sawah-sawah selesai dipanen enak benar rasanya.* ‘А вот когда с заливных полей собран урожай, тогда хорошо’ (*panen* ‘урожай’ > пассив: *dipanen*; подлежащее — локативный актант: ‘быть тем, откуда собран урожай’); актив: *Orang tani enak benar rasanya jika selesai memanen sawah-sawah* (прямое локативное дополнение).

4. *Dan si Kusan takut akan dimarahi orang tuanya.* ‘А Кусан боится, что родители будут на него сердиться’ (*marah* ‘сердиться’ > *marahi/dimarahi* — пассив. форма) подлежащее — локативный ак-

тант [DK: 105]; **актив:** *Dan si Kusan takut (bahwa) orang tuanya akan memarahinya. (-nya — прямое локативное дополнение).*

5. *Tikar yang kita duduki tadi...* ‘Циновка, на которой мы тогда сидели...’ (*duduk* ‘сидеть’ > *-duduki* /*diduduki* — пасс. форма ; *tikar* — подлежащее, актанта с локативным значением); **актив:** *Tadi kita menduduki tikar ini.* (прямое дополнение — локативный актанта).

В данных трансформациях показано в общих чертах своеобразие этой системы и ее возможности: превращение в прямое дополнение и в подлежащее непрямым объектов и при этом образование симметричных залоговых диатез.

С точки зрения общелингвистической типологии аналогий подобной категориальной системы предикатно-актантных отношений вне АН семьи нам не известно, поэтому в этой маленькой статье ей посвящен сравнительно большой раздел именно на примере структур ИЯ. Выбор ИЯ не случаен, т.к. в Малайе/Малайзии и в литературных формах, не говоря о разговорных местных диалектах, рассматриваемые суффиксы давно утратили продуктивность и многими авторами не употребляются или почти не употребляются. Как и другие признаки усиления аналитизма, это естественное следствие конвергенции, обусловленное тесными контактами с такими языками, как китайский и тайский.

Исследование предикатно-актантных отношений именно в рассматриваемом выше аспекте представляется особенно важным, поскольку не получает достаточного внимания не только в работах по общей типологии, но и в теоретических работах по языкам МТ. Например, в подробной и основательной, базированной на учениях Ч. Филлмора, Э. Сэпира, Дж. Гринберга и В. Лемана диссертации/монографии индонезийского лингвиста Сударьянто «Предикат — объект в индонезийском языке: система структурных моделей» [Sudaryanto 1983] дифференцированные значения переходности рассматриваются как функции, как значения аффиксов в пассивных глаголах. При этом к пассивным отнесены и императивные формы переходных глаголов. Но главное, что удивляет, автор объявляет маргинальной и не рассматривает вообще активную парадигму переходных глаголов [Sudaryanto 1983: 96]. В результате специфичность характерной для МТ

симметричной системы переходности с дифференциацией объектных отношений и в активе, и в пассиве в этой монографии утеряна.

В другой большой работе — сборнике статей «Исследование пассива в индонезийском языке» под редакцией и с участием Б. Касванти Пурво [Kaswanti Purwo, Bambang 1989], видного специалиста-лингвиста, самые разные проблемы, связанные с формами глаголов, строем активных и пассивных предложений, наличием эргативности, рассматриваются подробно и, можно сказать, с фантазией, но проблемы дифференцированной переходности также обойдены.

Создается впечатление, что происходит это под влиянием работ лингвистов австралийских и гавайских, выдвигающих на первый план систему падежей и залогов ностратического типа и залогов/фокусов филиппинских языков, в первую очередь тагальского. В последних отношении к объектам морфологически дифференцируется как раз в пассивных глаголах, в активных конструкциях морфология для этого не используется, и в случае надобности объектные дополнения вводятся предлогами. Мы покажем это ниже.

Именно в этой дифференцированности с помощью морфологии пассивных форм глаголов по объектным отношениям имеет место близость между двумя АН типами — МТ и ФТ, в ФТ чаще говорят о формах фокусов. Но это с одной — пассивной — стороны диатезы. Снова подчеркнем, что дифференциация с помощью морфологии объектных отношений в активных конструкциях, т.е. наличие в них дифференцированной переходности и в результате симметрия по выражению объектных отношений в активно-пассивной диатезе, — это черта, отличающая МТ, для языков ФТ не свойственная. Однако, как говорилось, в последнее время у многих авторов встречаем определение «языки с симметричным залогом» (*symmetrical voice languages*), относимое ко всем западно-индонезийским языкам.

Теперь обратимся к активно-пассивным структурам в ФТ, действительно весьма своеобразным и не имеющим прямых аналогов в других семьях языков. Упомянем, что оригинальную систему описания залоговых конструкций в ТАГ предложил в своей

книге 1973 г. Г.Е. Рачков. Анализируя активные и пассивные предложения, он различает валентности глагольных форм: синтаксические и семантические валентности, которые могут иметь варианты оптимальные и потенциальные [Рачков 1973: 126–133]. Эта система имеет достаточно общий характер и может быть применена при анализе не только языков ФТ, но и МТ и, видимо, других типов. Практически, описывая грамматическую структуру языка, каждый автор, в той или иной мере сознательно, использует эти подходы.

Главное, что отличает морфологические структуры языков ФТ, — это весьма богатые аффиксальные системы глаголов, не только деривативные, но и особо многообразные системы грамматического назначения. В ТАГ это категория активного-пассивного залога, обогащаемая двумя группами значений.

Во-первых, одной или двум активным, ориентированным на актора залоговым формам соответствуют образуемые от той же основы как минимум три пассивные формы. Во-вторых, каждая из залоговых форм является основой для образования форм с различными модальными и видовременными значениями, т.е. существует в парадигме из четырех форм.

Все пассивные формы различаются по значению превращаемого в подлежащее объектного актанта. Это объекты (1) прямой, непосредственный, (2) локальный, бенефактивный, (3) инструментальный (можно по значению сопоставлять с именными падежами в РЯ: (1) с винительным, (2) дательным и предложным, (3) творительным). Чтобы подчеркнуть специфику такой залоговой системы, часто принято использовать термины «фокус», «фокусная система», также предлагался термин «триггеры».

Особенная черта всей залоговой системы, например, в ТАГ — это отсутствие параллельных морфологических средств выражения объектных связей в пассиве и активе: если в пассиве эти связи полностью выражаются морфологически — аффиксами (префиксами, суффиксами и инфиксами), то в активе такие показатели отсутствуют и связи выражаются синтаксическими служебными словами (артиклями, предлогами, местоименными клитиками). В этом принципиальное отличие категории залога в ТАГ

и других языках ФТ от аналогичной категории в МТ, где в активных формах, как и в пассивных, также используются аффиксы (в основном суффиксы *-i*, *-kan*, *-ake*), дифференцирующие значения объектных связей, т.е. переходности.

Именно поэтому должно быть подчеркнуто, что залог в МТ имеет симметричный характер, а к ФТ это определение, по моему мнению, неприменимо. Это было отмечено Л.И. Шкарбан еще ранее [Шкарбан 1995: 109].

Чтобы проиллюстрировать основную парадигму залоговых форм, включающую одну активную и три пассивных — фокусных — конструкции, здесь заимствован отрывок из монографии Шкарбан [1995: 101–102].

Отметим, что чередования значений видовременных и модальных сюда не включены, это дополнительные парадигмы.

«Приведем парадигму из четырех глагольных предложений, объединенных лексическим тождеством однокорневых залоговых дериватов: *b.um.ili* ‘покупать’, *bilh.in* ‘быть купленным’, *bilh.an* ‘быть местом купли’, *i.bili* ‘быть тем, для кого покупают’. Все глаголы образованы от КМ *-bili-* ‘купля, продажа’ присоединением залогового аффикса: *-um-* (активный залог), *-in-* (прямообъектный пассив), *-an* (местный пассив), *i-* (бенефактивный пассив). Каждый глагол представлен формой мгновенного вида реального наклонения *b.um.ili*, *b.in.ili*, *b.in.ilh.an*, *i.b.in.ili* (...). Данные залоговые дериваты — небольшой фрагмент сложной залоговой системы ТЯ» (мною добавлены названия залогов (Н.А.):

(№ 1 — актив): *Bumili(1) siya(2) nang isda(3) sa palengke(4)*; ‘купил(1) он(2) рыбу(3) на рынке(4)’;

(№ 2 — прямообъектный пассив): *Binili(1) niya(2) ang isda(3) sa palengke(4)*; ‘куплена(1) им(2) рыба (3) на рынке(4)’;

(№ 3 — местный пассив): *Ang palengkeng (1) binilhan(2) niya(3) nang isda(4)*; ‘рынок (1)был местом купли(2) им(3) рыбы(4)’;

(№ 4 бенефактивный пассив): *Ibinili(1) niya(2) ako(3) nang isda(4) sa palengke(5)* ‘куплена-для(1) им(2) для-меня(3) рыба(4) на рынке(5)’.

Приведенная парадигма для ТЯ — основной ряд залоговых конструкций. Читателю, привыкшему к смене залоговых диатез по но-

стратическому типу, здесь сразу диатез не хватает. Простую диатезу — прямую залоговую трансформацию — образуют первые два предложения: (1) Он купил рыбу, (2) Им куплена рыба = Рыба куплена им. В № 3 локативный пассив/фокус с определенным оформлением глагола не перестраивается в актив с тем же фокусным оформлением. В № 4 глагол с бенефактивным залоговым/фокусным оформлением также не перестраивается из пассива в актив. Актив остается только в № 1 с прямообъектным отношением в глаголе, а связи с косвенными актантами — места, лица, получающего рыбу, — выражаются служебными словами при той же активной глагольной форме» [Шкарбан 1995: 101–102].

Показанная выше парадигма — это лишь начальный этап глагольного словоизменения. Причем это аффиксация синкретичная по характеру — во многих случаях в ней совмещаются деривация, создание как бы глагольной основы с присвоением ей разных грамматических — залоговых — значений. Проявляется специфический характер агглютинации индонезийского типа, определение которого по синкретичности деривации и словоизменения было предложено мною довольно давно [Алиева 1963; 1998; Alieva 1967].

Кроме залоговых значений члены данной парадигмы, как упоминалось, имеют также вторичную парадигму форм со значениями видовременного и модального порядка, но и этот второй уровень спряжения не исчерпывает собой всю глагольную морфологию. На основные значения посредством присоединения разных аффиксов и способа редупликации накладываются многие дополнительные: каузативность, интенсивность, взаимность, произвольность и т.п. Эта система имеет особо сложный, отработанный и нормализованный характер в ТАГ, что весьма тщательно и утонченно описано и проанализировано в работе Л. Шкарбан [1995].

Мы ограничимся здесь данными краткими характеристиками залоговых конструкций в индонезийском и тагальском языках с главной целью — проиллюстрировать наличие и отсутствие симметрии.

Литература

Алиева 1963 — Алиева Н.Ф. О сущности глагольной аффиксации в индонезийском языке // Языки Южного Китая и ЮВА. М.: ИВЛ, 1963. С. 5–80.

Алиева 1963 — Алиева Н.Ф. Соотношение словообразовательных и синтаксических функций глагольных аффиксов в индонезийском языке // ВЯ. 1963. № 2. С. 103–111.

Алиева 1975 — Алиева Н.Ф. Индонезийский глагол. Категория переходности. М.: ГРВЛ, 1975. 142 с.

Алиева 1998 — Алиева Н.Ф. Типологические аспекты индонезийской грамматики. Аналитизм и синтетизм. Посессивность. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1998. 328 с.

Крус, Шкарбан 1966 — Крус М., Шкарбан Л.И. Краткий очерк грамматики тагальского языка. М.: ГРВЛ, 1966. 103 с.

Оглоблин 1974 — Оглоблин А.К. Из истории изучения залога переходных глаголов в индонезийском языке. // Востоковедение. 1974. № 1. С. 82–92.

Оглоблин 1978 — Оглоблин А.К. О соотношении актива и пассива в языках яванской группы // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 251–258.

Оглоблин, Холодович 1974 — Оглоблин А., Холодович А. Диатезы и залоговые конструкции в индонезийском языке // Типология пассивных конструкций. Л., 1974. С. 139–167.

Подберезский 1967 — Подберезский И.В. Морфологическая структура слова в тагальском языке // Языки ЮВА. М., 1967. С. 213–224.

Поздеева, Рачков 1977 — Поздеева Т.А., Рачков Г.Е. Бенефактивные конструкции в тагальском языке // Востоковедение. 1977. № 5. С. 74–83.

Рачков 1981 — Рачков Г.Е. Введение в морфологию современного тагальского языка. Л., 1981. 216 с.

Шкарбан 1995 — Шкарбан Л.И. Грамматический строй тагальского языка. М.: Восточная литература, 1995. 248 с.

Himmelman 2002 — Himmelman N.P. Voice in western Austronesian: an update // Wouk F. and Ross M. (eds.) The history and typology of western Austronesian voice systems. Canberra: Pacific Linguistics, 2002. P. 7–15.

Himmelman 2005 — Himmelman N.P. The Austronesian languages of Asia and Madagascar: Typological characteristics // Adelaar A. and Himmelman N.P. (eds.). Austronesian languages. N.Y.: Routledge, 2005. P. 110–181.

Husain Munaf 1951 — Husain Munaf. Tatabahasa Indonesia, dj. 1–2. Djakarta, 1951.

Kaswanti, Bambang 1989 — Kaswanti Purwo, Bambang (ed). Serpilh-serpilh telaah pasif Bahasa Indonesia. Yogyakarta: Penerbit Kanisius, 1989. 483 hal. (Seri ILDEP).

Klamer 2002 — Klamer M. Typical features of Austronesian Languages in Central/Eastern Indonesia. // *Oceanic Linguistics*. 2002. Vol. 41. No 2.

Lubis 1954 — Lubis, Madong. Paramasastera landjut. Amsterdam—Jakarta, 1954. 240 hal.

Sudaryanto 1983 — Predikat-objek dalam Bahasa Indonesia. Keselarasan pola-urutan. Jakarta: Penerbit Djembatan, 1983. 358 hal. (Seri ILDEP).

Ю. И. Студеничник

ГЛАГОЛЫ ТАГЛИШ: mag- vs. -um-

Пожалуй, из всех условий, определяющих языковую ситуацию на Филиппинах в последние сто лет, одно остается неизменным — это взаимодействие двух генетически разных языков, английского и тагальского, имеющих повсеместное распространение и оказывающих друг на друга непосредственное влияние. Основной характеристикой современной языковой ситуации на Филиппинах является функциональное тагальско-английское двуязычие. Как следствие, характерными стали разного рода слияния и смешения английского и тагальского языков, причем не только в диалогической разговорной речи, но и в письменной. Некоторые филиппинские лингвисты приходят к выводу, что вариант переключения или смешения кодов английского и тагальского будет основным языком в бизнесе, промышленности, судостроении, гуманитарном университетском образовании, кино, на радио и телевидении¹.

Высокую степень переключения и смешения кодов можно объяснить нынешним состоянием лексики тагальского языка. Названные явления языкового контакта служат для облегчения коммуникации. Билингвы передают и получают информацию при помощи любых средств, доступных им в момент речи, таким образом, использование в речи лексических единиц другого языка можно считать естественным устройством для выражения новых реалий и явлений. Клайн, Хауген и Поплак приводят примеры

---

¹ Такой прогноз был частично подтвержден исследованием Кармен Крус в 1993 г., которое показало, что филиппинские билингвы, имеющие высшее образование, в своей речи пользуются тремя языковыми вариантами. Эти варианты распределились следующим образом: 23 % — тагальский язык, 27 % — английский язык и 50 % — смешение кодов английский-тагальский. Причем 48 % всех английских элементов, включенных в предложения тагальской структуры, представляли собой отдельные слова, а английские придаточные предложения и словосочетания составили 21 % и 31 % соответственно [Cruz 1993: 95].

данного явления в речи немецких эмигрантов в Австралии (немецкий-английский), норвежцев в США (норвежский-английский) и пуэрториканцев в США (испанский-английский) [Clupe 1967; Naugen 1969; Poplack 1981]. В лингвистике для обозначения такого явления в зависимости от пары контактирующих языков используют термины «Spanglish», «Engluskys», «Taglish» и др.

Разобраться, что же такое таглиш, и в самом деле нелегко. Проблеме в значительной мере усложняет политическая подоплека языковой рефлексии, характерная для последних двух десятилетий. Литература, посвященная вопросам тагальско-английского языкового взаимодействия, носит скорее публицистический, чем научный характер. В большинстве работ авторы не столько анализируют таглиш, сколько выражают отношение к нему. Следствием этого являются такие определения таглиша, как «свидетельство духовно-интеллектуальной ущербности», «высшая степень духовного плебейства» и т.п. [Sol 2004]. Авторы подобных характеристик рассматривают носителя таглиша как человека, лишённого национальной идентичности, не филиппинца и не американца, а в ситуации двуязычия, где существует противоборство языков, усматривают борьбу за доминирование определенного типа ментальности, определенной идеологии. Такие характеристики фигурируют даже в ряде научных исследований, в которых представлены попытки лингвистического анализа таглиша. Таглиш называют неполноязычием, языковой болезнью, обезображенной формой языка, языковой аномалией и т.п. [Vincente 1995].

Лингвистический анализ таглиша чаще всего ограничивается общими замечаниями о том, что таглиш — это хаотическое заполнение разрушенных звеньев структуры тагальского языка элементами поверхностно усвоенного английского, что особенно сильно его является английская лексика при частично тагальских синтаксисе, фонетике и морфологии. Нередко таглиш воспринимается как искаженный вариант тагальского языка и поэтому привлекает внимание лишь с точки зрения отклонения от норм тагальского языка под влиянием английского. Другой аспект изучения таглиша связан с его происхождением. Процесс формирования таглиша определяют как гиперинтерференцию, суперинтерференцию (неосознанное билингвами смешение в речи

различных языковых систем), своего рода полуязык без определенной языковой доминанты [Roger 2003].

Существует и более узкое определение таглиша как языкового образования, возникающего в процессе «пиджинизации». Сопоставить таглиш с пиджином позволяет то обстоятельство, что таглиш, как и пиджин, имеет словарную основу языка-колонизатора при сохранении фонетики родного языка, а изменяется при этом морфология тагальского языка и упрощается синтаксис. В то же время существует ряд причин, в силу которых таглиш не может быть определен как пиджин. Таглиш не является таким упрощенным, как пиджин, он достаточно вариативен и может быть первым «языком» для его носителей, причина возникновения таглиша не связана с непониманием английского или тагальского.

Иногда таглиш сопоставляют с переключением кодов. Однако невозможно применить к таглишу термин «переключение кодов», не уточнив дефиниции последнего, так как в случае такого сопоставления нужно говорить о немотивированном переключении кодов, которое отличается немаркированностью перехода с одного кода на другой, что является характерным для таглиша и нетипичным для «стандартного» переключения кодов.

В целом анализ различных мнений свидетельствует о том, что под таглишем нередко понимаются явления, возникновение которых обусловлено разнообразием механизмов взаимодействия контактирующих языков.

Следовательно, таглиш — это смешение тагальской морфологии и синтаксиса со словарем английского языка², представляющее собой лексическое явление, в котором задействованы лишь знаменательные классы слов. Наиболее часто используются имена существительные и глаголы, прилагательные и наречия — реже. В следующей таблице³ приводятся данные об употреблении английских слов в тагальском контексте по частям речи.

---

² Владимир Афанасьевич Макаренко отмечал, что «в настоящее время практически любое английское слово в оригинальной графике может быть употреблено в филиппинском (тагальском) тексте» [Макаренко 1979: 120].

³ Данные получены на основании анализа текстов интервью с известными политиками и деятелями культуры Филиппин, опубликованных в журнале Университета Филиппин «The Diliman Review» за 1981–1990 гг.

**Употребление английских слов,
принадлежащих разным классам слов,
в тагальском контексте**

Класс слов	Количество	%
Имя прилагательное	86	6,3
Им существительное	1014	74,5
Наречие	23	1,7
Глагол	239	17,5
Всего	1362	100

Преобладание существительных над другими классами слов подтверждает тезис о том, что словарь тагальского языка находится все еще в процессе интенсивного расширения, такое соотношение указывает на то, что главными здесь являются понятия и предметы. Когда в тагальском языке нет точного слова для обозначения понятия или предмета, пробел может быть легко заполнен английским элементом.

За редким исключением английские слова в форме таглиш сохраняют признаки частей речи английского языка, например:

(1) Ang **upbringing**⁴ ni Lorie ay hindi kinakapos. — ‘Воспитание Лори не закончилось’.

(2) Nagkaroon ng mga **refund at discount** ang ibang estudyante. — ‘Другие студенты получили **компенсации и скидки**’.

(3) Sa bawa't bayan tumutugil ang **ten-wheels truck** na kinalagayan ng mga **sets, props, costumes**. — ‘В каждом населенном пункте останавливался **десятиколесный грузовик**, в котором были **декорации, реквизит, костюмы**’.

Как видно из приведенных примеров, английские существительные могут иметь окончание множественного числа (пример 3), причем с тагальской частицей множественности *mga* мо-

⁴ Жирным шрифтом выделяется английский элемент.

гут сочетаться английские существительные как в форме единственного числа (пример 2), так и множественного числа (пример 3).

Прилагательные употребляются главным образом в предикативной функции (пример 4), вероятно, потому что в этой функции они автономны, не требуют согласования, как в функции определения (пример 5).

(4) **Basically, antagonistic naman ang position ng censors at saka ng artists.** — ‘В основном же позиции цензоров и художников действительно враждебны’.

(5) **Is it because nakukulong sila sa world ng prostitution, o sa feudal na paniniwala ng functions ng pagiging babae, o sa colonial, feudal na illusiones.** — ‘Это из-за того, что их окружал мир проституции или феодальные предрассудки о функциях женщины, или колониальные, феодальные иллюзии’.

Английские прилагательные могут сочетаться с тагальскими аффиксами, используемыми для образования степеней сравнения и качества, например:

(6) Pero **I think, ang pinaka-effective** ay yung **exhibits.** — ‘Но, я полагаю, те экспонаты самые эффективные’.

(7) Kung may ... ito ay napaka-**idealistic.** — ‘Если есть ..., он (замысел) очень идеалистичен’.

Английские наречия также могут употребляться в тагальских предложениях:

(8) Sa ganoon, pero hindi ko **usually** ginawa iyon, **I usually don't want to get that involved.** — ‘Так, но я обычно не делал этого, я обычно не хочу так вмешиваться’.

Наибольший интерес представляет употребление английских глаголов. Они больше всего подвергаются модификации, так как семантика глагола более сложна и абстрактна по сравнению с другими классами слов. У глагола большая нагрузка в предложении, поэтому он связан с наличием специальных грамматических показателей.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть определенные предсказуемые модели употребления глаголов, образованных от английских лексем, и постараемся дать фонологическое, морфологическое и прагматическое объяснение этим формам.

Э. Моравчик, говоря о заимствовании глаголов, утверждает, что заимствуется фонетический комплекс, лексема, которая не может считаться глаголом, поскольку она обязательно сопровождается исконным глаголом, употребляющимся только с именным дополнением [Moravchik 1978: 111]. Такое явление исследователи отмечают в речи испаноговорящих американцев, сочетающих инфинитивную форму английского глагола с испанским глаголом широкой семантики *hacer* ‘делать’. Например:

(9) Ella hace **teach** (пример взят из: [Sobin 1982:178]). — ‘Она преподает’.

Однако существуют и другие модели модификации иноязычных глаголов. Так, Ю.А. Жлуктенко приводит примеры из речи украинцев в США: *бітувати* ‘бить’ (beat), *руновати* ‘руководить’ (run) [Жлуктенко 1974: 117, 142], подчеркивая, что основа воспроизводится очень точно.

В японском языке используется регулярный способ образования глаголов путем сочетания английской лексемы с японской граммемой, омонимичной глаголу со значением «делать» — словарная форма «suru». В результате образуются сочетания, не отличающиеся от обычных в японском языке синтаксем, при этом *suru* является деривативным элементом [Алпатов 1983: 112].

(10) Tada moo **memorize**-suru bakka! dakara (пример из: [Hatch 1972: 206]).

Существуют и другие модели и механизмы заимствования глаголов, и все они определяются внутренними особенностями языка-донора и языка реципиента. Среди факторов, препятствующих заимствованию глаголов, прежде всего следует отметить морфосинтаксические и фонологические различия, существующие между парой контактирующих языков. К таким различиям относятся фонотактические правила (в частности, количество и структура слогов) и направление аффиксации (т.е. префиксация, суффиксация, преимущественно префиксация или суффиксация, отсутствие аффиксации), общая морфосинтаксическая природа языка и т.д.

По морфологическому типу тагальский язык принадлежит к языкам агглютинативного типа с развитой аффиксацией. Преобладает префиксация, но помимо префиксов используются также

суффиксы и инфиксы. Как и в других австронезийских языках, корневая морфема способна самостоятельно функционировать в предложении как слово. С точки зрения синтаксиса современные лингвисты относят тагальский к языкам эргативного или эргативно-абсолютивного строя.

В тагальском языке глагол принадлежит к разряду производных слов, т.е. в нем отсутствуют непроизводные глаголы [Рачков 1981: 103]. Они образуются двумя способами — способом конверсии и способом редупликации. Глаголы, образованные от неглаголов, называют первичнопроизводными, а образованные от глаголов — вторичнопроизводными. Основная масса первичнопроизводных глаголов образуется набором формообразовательных аффиксов *mag-*, *-um-*, *mang-*, *magka-*, *-in*, *-an* и *i-*, где *mag-*, *-um-*, *mang-*, *magka-* — формальные признаки активного залога, а *-in*, *-an* и *i-* — формальные признаки пассивного залога, указывающие на семантическую роль подлежащего предложения. Аффиксы *така-*, *таки-* участвуют в образовании только активных вторичнопроизводных форм глагола. Каждая глагольная основа может сочетаться с определенным набором аффиксов.

«Гибридные» глагольные формы функционируют как обычные тагальские глаголы, т.е. имеют полную парадигму. Интересно отметить, что когда используется частичная редупликация (удвоение первого слога основы) для образования видовременных форм, то редупликант адаптируется фонологически, а на письме и орфографически, например: *nagga-graduate*, *nagda-drive*, *magri-predict*, *magre-premiere*, (в исконно тагальских словах отсутствуют слоги структуры ССГ), *nagsu-shooting*, *nagte-theory*, (фонемы [ʃ], [θ] отсутствуют в тагальском языке, поэтому они заменяется на [s] и [t] соответственно), *magdi-dare*, *nagti-text*, *magdi-devote*, *paghu-host*, *nagwu-worry*, *nagbi-video*, *nagsu-showing* ([i] и [e], [o] и [u] являются аллофонами одной фонемы).

Анализируя собранный материал⁵, мы обратили внимание на отсутствие случаев модификации английского глагола тагальски-

---

⁵ Материалом для анализа послужили заметки, опубликованные с 1 января 2009 г. по 31 мая 2009 г. в рубрике «Entertainment» электронной версии газеты «Abante Tonite» (<http://www.abante-tonite.com>).

ми аффиксами *-um-*, *mang-*. М. Баутиста, например, объясняет это тем, что префикс *mag-* легче использовать, чем инфикс *-um-*. Наряду с формами *mag-* широко распространено употребление форм *мака-* (см. примеры 13, 14), *маки-* (примеры 15, 16), *магка-* (примеры 11, 12) и *ма-* (примеры 24–27):

(11) ...someday **magka-studio** na kami — ‘когда-нибудь мы **обведемся студией**’.

(12) ...**magka-baby** sila kaagad — ‘...скоро у них **будет ребенок**’.

(13) ...**naka-graduate** na siya sa high school — ‘он уже **закончил** среднюю школу’.

(14) ...**naka-miss** sila ng isang episode ng kanilang paboritong soap opera — ‘они **пропустили** один эпизод из своей любимой мыльной оперы’.

(15) **Nakikipag-meeting** na rin kami sa isang interested distributor from New Zealand... — ‘мы также **встречаемся** с одним заинтересованным дистрибьютором из Новой Зеландии’.

(16) ...kong tanong kung **nakikipag-date** na ba siya ngayon — ‘...мой вопрос, идет ли он сегодня на свидание?’

Самым интересным наблюдением, сделанным на основе анализируемого материала, оказалось использование только трех префиксов для образования тагальских глаголов от английских лексем, а именно: *mag-*, *ма-* и *i-*. Наши данные⁶ показали следующее реальное использование глагольных аффиксов: *mag-* (45 %), *ма-* (18 %), *i-* (13 %), *-in* (7 %), *-um-* (0 %), *-an* (0 %). Такая модель употребления глаголов таглиш резко отличается от употребления аффиксов с тагальскими глаголами: *-in* (19 %), *ма-* (18 %), *-um-* (14 %), *mag-* (13 %), *-an* (11 %), *i-* (8 %) [McFarland 1989] за исключением *ма-* глаголов, которые совпали полностью по частоте употребления.

Далее мы сравнили эти показатели с данными для глаголов таглиш других исследователей, а именно — М. Баутиста [Bautista 1974] и С. Крус [Cruz 1993]. По данным М. Баутиста, *ма-* (27 %), *mag-* (21 %), *i-* (21 %), *-in* (1 %), *-um-* (0 %), *-an* (1 %); по данным

⁶ *mag-* 303 примера, *i-* — 88, *-in* — 50, *ма-* — 122, *магка-* — 18, *мака-* — 66, *маки-* — 17.

С. Крус, *i-* (33 %), *mag-* (28 %), *ma-* (19 %), *-in* (5 %), *-um-* (1 %), *-an* (1 %).

Сравнительный анализ наших данных и данных других исследователей подтверждает отсутствие *-um-* и *mag-* активных глаголов таглиш, а также пассивных *an-* глаголов. Естественно встает вопрос: чем обусловлен такой набор аффиксов и какие лингвистические или иные факторы управляют процессом выбора аффиксов для образования глаголов таглиш?

Различие между *-um-* глаголами и *mag-* глаголами давно является темой активного исследования именно в тагальском языке, поскольку почти все языки центральной части Филиппин утратили практически все противопоставления между этими двумя парадигмами. Так, Ричард Питман [Pittman 1966] и Тересита Рамос [Ramos 1974] исследовали семантические различия между глаголами, принимающими эти два аффикса. Объектом исследования Питмана были исключительно формы активного залога, в то время как Рамос включила в свое исследование и соответствующие пассивные формы. Каждый глагол выбирает ту или иную парадигму в зависимости от его семантических характеристик, некоторые корни, однако, могут сочетаться с обоими аффиксами, но при этом существует различие в значении глагола.

Питман выделяет шесть категорий глаголов, которые могут принимать аффиксы *-um-* и *mag-* для образования глаголов с разными значениями, двенадцать категорий, которые могут принимать только либо *-um-*, либо *mag-*. Особый интерес для нашего исследования представляют глаголы, которые могут сочетаться и с *-um-*, и с *mag-*, образуя семантически разные глаголы. Он выделяет следующие виды различий в действии, называемом глаголом: а) невозвратное *-um-* глагола и возвратное *mag-* глагола: *umahit* 'брить' и *mag-ahit* 'бриться'; б) некаузативное *-um-* глагола и каузативное *mag-* глагола: *umalis* 'уходить' и *mag-alis* 'удалять'; в) центростремительное *-um-* глагола и центробежное *mag-* глагола: *bumili* 'покупать' и *mag-bili* 'продавать'; г) недвойственное и не взаимное *-um-* глагола и двойственное и взаимное *mag-* глагола: *kumataw* 'пожать чью-то руку' и *mag-kataw* 'пожимать руки друг другу'; д) неповторяющееся *-um-* глагола и повторяющееся

mag- глагола: *bumasa* ‘читать’ и *mag-basa* ‘читать много и часто, учиться’; е) внутреннее изменение цвета -um- глагола и внешнее изменение цвета mag- глагола: *pumula* ‘покраснеть’ и *mag-pula* ‘выкрасить в красный цвет, надеть красное’.

Рамос указывает, что префикс mag- используется для образования глаголов со значением а) центробежного действия: *mag-bili* ‘продавать’, *mag-abot* ‘передавать’; б) возвратного действия: *mag-baril* ‘застрелиться’, *mag-bitay* ‘повеситься’. Напротив, аффикс -um- используется для образования глаголов со значением а) центростремительного действия: *humiram* ‘брать в долг’, *umim* ‘пить’; б) непереходного действия *pumunta* ‘идти’, *bumagsak* ‘падать’; в) действия природы *umulan* ‘идти (о дожде)’; г) действия по изменению состояния: *lumaki* ‘расти’, *gumanda* ‘становиться красивым’.

Г.Е. Рачков описывает такие глаголы следующим образом: «Значительная часть um- глаголов противостоит mag- глаголам как производные со значением непереходного некаузированного действия производным со значением переходного каузированного действия: ср. *umakuat* ‘подниматься, взбираться’ и *mag-akuat* ‘поднимать, вести наверх’, *umalis* ‘уходить’ и *mag-alis* ‘изгонять’, *bumaba* ‘опускаться’ и *mag-baba* ‘опускать’, *dumami* ‘пачкаться’ и *mag-dumi* ‘пачкать’, *lumabas* ‘выходить’ и *mag-labas* ‘вытаскивать’, *lumapit* ‘приблизиться’ и *mag-lapit* ‘приближать’, *pumasok* ‘входить’ и *mag-pasok* ‘вводить’, *sumama* ‘присоединиться’ и *mag-sama* ‘присоединять’, *tumaуо* ‘вставать’ и *mag-taуо* ‘ставить’ и т.п. Некоторая часть -um- глаголов противостоит mag- глаголам как производные со значением неинтенсивного действия производным со значением интензивного действия: ср. *bumasa* ‘читать’ и *mag-basa* ‘читать (много, интензивно)’, *kumain* ‘есть, кушать’ и *mag-kain* ‘есть (много, часто)’, *umisip* ‘думать’ и *mag-isip* ‘думать (много, упорно)’, *lumakad* ‘направляться, ходить’ и *mag-lakad* ‘ходить (много, настойчиво)’, *sumulat* ‘писать’ и *mag-sulat* ‘писать (много, интензивно)’ и т.п. Часть -um- глаголов противостоит mag- глаголам как производные со значением переходного действия производным со значением взаимного действия: ср. *lumaban* ‘бороться’ и *mag-laban* ‘бороться, драться с кем-либо’, *kumita* ‘увидеть’ и *mag-kita* ‘увидеть друг друга, встретиться’,

humíwalay ‘отделяться от кого-либо или чего-либо’ и mag-híwalay ‘отделяться друг от друга’, sumalubong ‘встречать кого-либо’ и mag-salubong ‘встречаться’ и т.п. Отдельные глаголы противопоставят *mag-* глаголам как производные с симметричными значениями: ср. bumili ‘покупать’ и mag-bili ‘продавать’» [Рачков 1981: 115].

Таким образом, можно сделать вывод, что *mag-* глаголы характеризуются общим действием, а *-um-* глаголы — специфическим действием. Кроме того, большинство сложных аффиксов (например, magpa-, magka-, magpaka-, mag...-an, magsi- и др.) основаны на *mag-* парадигме. Как таковой *mag-* и связанные с ним аффиксы используются для большего числа функций и по этой причине их частотность, кажется, делает естественный выбор в его пользу перед *-um-*.

Другим важным и интересным аспектом функционирования глаголов таглиш является преобладающая залоговая модель. Она показывает доминирование *mag-*, *ma-* и *i-* форм и почти полное или полное игнорирование *-um-*, *-in*, и *-an* форм. Такая залоговая модель сильно отличается от модели чисто тагальских глаголов (см. выше).

Для того чтобы объяснить такое различие, рассмотрим распределение аффиксов в континууме переходности, поскольку категория переходности сильно связана с возможными залоговыми преобразованиями.

1. Подавляющее большинство одновалентных *mag-* глаголов (61 %) используются для обозначения непереходных действий:

(17) **Magho-hotel** sina Rufa Mae Quinto at Jon Avila sa Pebrero 14. — ‘14 февраля Руфа Ма Кинто и Джон Авила **проведут в отеле**’.

(18) ...at **nag-enjoy** pa kami sa scuba diving. — ‘...еще мы **получали удовольствие** от подводного плавания’.

(19) ...tapos, **mag-e-excuse** me na lang ako — ‘...затем я только **попрошу прощения**’.

2. Остальные 39 % двух- и трехвалентных *mag-* глаголов выполняют функцию антипассива. В континууме переходности эти глаголы находятся между одновалентными *mag-* глаголами и глаголами *ma-* и *-in*. Антипассивы обычно употребляются с неопределенным объектом и подчеркивают действие субъекта, а не влияние данного действия на объект:

(20) Sa June nga pala ay **magri-release** ng bagong album ang Baywalk Bodies. — ‘В июне уже Байвок Бодис **выпустят** новый альбом’.

(21) ...araw-araw rin siyang **nagri-rehearse** para sa concert niya — ‘...он также ежедневно **петепирует** для своего концерта’.

(22) Ako, **nagko-concentrate** muna ako sa trabaho ko ngayon. — ‘Я, сначала я сегодня **концентрируюсь** на своей работе’.

(23) Ang finalists ay **magre-perform** ng songs sa iba’t ibang genre at **magko-compose** ng isang original song... — ‘Финалисты **исполняют** песни в разных жанрах и **аранжируют** одну оригинальную песню’.

3. Ma- глаголы используются для обозначения самопроизвольного действия в таких конструкциях, в которых субъект действия либо скрыт, либо не называется. Если субъект действия присутствует, то ma- глаголы выражают возможность или случайность совершения действия, при отсутствии субъекта они выражают неожиданное наступление состояния или условия:

(24) Madali niyang **mare-penetrate** ang showbiz... — ‘быстро **окажется (проникнет)** он в шоу-бизнесе’.

(25) Posibleng **na-blacklist** si Martin Nievera dahil sa pag-awit niya ng Lupang Hinirang ... — ‘Возможно, **оказался** Мартин Нивьера в **черном списке** за исполнение песни «Любимая земля»’.

(26) Hindi raw siya **na-offend** sa mga isyung ‘yon... — ‘Говорят, он не **обиделся** на эти вопросы...’

(27) Hindi ako **nao-offend**. — ‘Я не **обижаюсь**’.

В отличие от i- и -in форм в ma- конструкциях отсутствует элемент сознательности и преднамеренности действия:

(28) Bakit mo **sine-shake up** ang lahat. — ‘Почему ты все **перетряхиваешь**’.

(29) **Tine-text** ko siya madalas, kinukumusta ko. — ‘Я часто **передавал** ему **смс-сообщения**, приветствовал’.

(30) ...kahapon ay **in-launch** sa Mall of Asia ang bagong Bench TV commercial ni Richard. — ‘Ричард вчера **запустил** в Мол Айша новую телевизионную рекламу’.

4. i- глаголы используются для обозначения переходных действий и подчеркивают действие субъекта, направленное на объект, который почти всегда индивидуализирован:

(31) **Ia-adjust** naman daw nila ito sa personality ni... — ‘Говорят, они **приспосабливают** это к личности...’

(32) ...in-interview siya sa US Embassy kamakailan para **i-renew** ang kanyang US visa. — ‘...недавно он был на интервью в посольстве США, чтобы **возобновить** свою визу’.

(33) Hanggang Mayo 11 daw sila roon para sa **i-celebrate** ang kaarawan ni Juday... — ‘Говорят, они там будут до 11 мая, чтобы **отпраздновать** день рождения Джудай...’

Определив основные функции названных аффиксов, мы можем сейчас расположить их в континууме переходности: *i-* глаголы располагаются на конце переходности такой шкалы, а одновалентные *mag-* глаголы занимают противоположный конец непереходности, в середине будут располагаться двухвалентные формы антипассивных *mag-* глаголов и *ma-* глаголы.

Рассмотрев различия между *-um-* глаголами и *mag-* глаголами, а также залоговую модель глаголов таглиш, попытаемся определить, почему эти глаголы сочетаются преимущественно с префиксами *mag-*, *i-*, *ma-*. Почему *mag-* вместо *-um-*? Почему не *-an* и *-in* вместо *i-*? Мы твердо убеждены в том, что некоторые тагальские аффиксы, а именно — *mang-*, *-um-*, *-an*, *-in*, относительно более специализированы с точки зрения семантических функций. Глаголы таглиш имеют тенденцию использовать неспециализированные аффиксы, такие как *mag-*, *ma-*, *i-*.

Как мы уже отмечали, *-um-* глаголы обычно выражают действие, внутреннее по отношению к субъекту, в то время как *mag-* глаголы выражают действие, внешнее по отношению к субъекту. Именно основообразующий префикс *rag-* от *mag-* глаголов продуктивно сочетается с именами существительными и прилагательными для обозначения того, что Шахтер называет «действием, включающим референта имени» [Schachter 1987: 306]. Эти производные *mag-* глаголов могут принимать разнообразные семантические роли пациента, инструмента, локатива и даже адьюнкта. Такие отглагольные существительные глаголов образуются при помощи префикса *rag-*, который сочетается как с частично-редуплицированной основой, так и с нередуплицированной. Например, *rag-develop* и *ragdi-develop* ‘развитие’, *rag-secure*

и *pagsi-secure* ‘обеспечение’. Аффикс *-um-* наделен такой способностью очень ограниченно.

(34) *Active na naman si Manay Lolit sa pag-attend-attend at pag-o-organize ng mga presscon...* — ‘Сестрица Лолит активна в посещениях и организации пресс-конференций...’

(35) *Hindi nila alam na regular ang aming pagdyi-gym...* — ‘Они не знали о нашем регулярном посещении спортивного зала...’

Важным является тот факт, что некоторые филиппинские языки показывают утрату *-um-* парадигмы или свободное варьирование с *tag-* парадигмой. Примером могут служить языки центральной части Филиппин, и только тагальский, себуано, варай-варай, таусуг и ринконада сохраняют полную *-um-* парадигму. Такие свидетельства языков центральной части Филиппин указывают на то, что некоторые элементы глагольной морфологии утрачиваются или упрощаются со временем. Можно предположить, что этот процесс осуществляется в несколько этапов [Reid 1992; Lobel 2004].

1. Полное разделение *-um-* парадигмы и *tag-* парадигмы. На этом этапе каждый глагол выбирает либо *-um-* либо *tag-* парадигму для своего основного значения, основываясь на семантических признаках, рассмотренных Рамос и Питманом. Некоторые формы могут иметь обе парадигмы с четким семантическим различием между *-um-* и *tag-* формами. Однако не все глаголы могут иметь обе парадигмы, и это, вероятно, тот ключевой структурный фактор, который позволяет этим языкам двигаться в сторону упрощения системы. Современный тагальский язык все еще находится на первом этапе, хотя образование глаголов таглиш может указывать на то, что оригинальная система начинает разрушаться.

2. Все еще сохраняется различие между *-um-* и *tag-* формами для корней, которые могут иметь обе парадигмы на первом этапе. Все остальные корни могут свободно следовать либо *-um-*, либо *tag-* парадигме без какого-либо семантического различия. В начале этого этапа (первые несколько поколений) может сохраняться слабая тенденция следовать парадигме, установившейся на первом этапе, но постепенно большинство начинает использовать свободное варьирование двух парадигм для оставшихся глаголов.

3. На этом этапе все или почти все корни могут иметь либо *-um-* либо *tag-* парадигму без различия в значении. По мере развития этого этапа одна парадигма становится предпочтительнее другой.

4. В течение этого долгого пути устанавливается одна парадигма, которая сейчас используется со всеми или почти со всеми глагольными корнями. Другая парадигма либо утрачивается совсем, сохраняясь лишь в некоторых застывших употреблениях, или, как произошло в современном северном бикольском, разрушилась и смешалась с более сильной парадигмой, чтобы сформировать одну пересмотренную парадигму. В языках центральной части Филиппин, когда была утрачена одна парадигма, всегда сохранялась *tag-* парадигма, как собственно и в других языках. Современный бикольский и большое количество других языков центральной части Филиппин (например, илонго/хилигайнон и все южные диалекты бикольского, за исключением ринконада) находятся на этом этапе, утратив *-um-* парадигму и передав основное значение *tag-* парадигме [Lobel 2004: 97].

Относительно аффиксов пассивного залога можно отметить, что аффикс *-in* используется для кодирования пациенса, а аффикс *-an* — для кодирования локатива. Такое распределение оставляет за аффиксом *i-* кодирование множества разнообразных семантических аргументов, таких как инструмент, объект, причина, бенефициент и др. Именно по этой причине мы и утверждаем, что аффиксы *-um-*, *-in*, и *-an* относительно более специализированы, чем аффиксы *tag-* и *i-*. Поэтому неудивительно, что переходные *i-* глаголы почти всегда имеют соответствующий активный *tag-* глагол.

С точки зрения фонологии все глаголы таглиш образуются только при помощи префиксов. Глагольные суффиксы вызывают сдвиг ударения на один слог вперед и нарушают оригинальную фонологическую конфигурацию основы, в то время как префиксы сохраняют оригинальное ударение английских лексем.

Мы попытались изложить лишь предварительные наблюдения по рассматриваемой теме. По мере того как число исследований в этой области будет возрастать, и на большем количестве языков, можно будет сделать более достоверный вывод о мотивации такого изменения в морфологии.

Литература

Алпатов 1983 — Алпатов В.М. О сосуществовании исконной и заимствованной подсистем в системе японского языка // Типологические, генетические и ареальные отношения языков Востока. М.: Наука, 1983. С. 103–114.

Жлуктенко 1974 — Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.

Макаренко 1979 — Макаренко В.А. Эволюция современного тагальского языка // Народы Азии и Африки. 1979. № 3. С. 116–125.

Рачков 1981 — Рачков Г.Е. Введение в морфологию современного тагальского языка. Л., 1981.

Bautista 1974 — Bautista M.L. The filipino bilingual's competence: A model based on analysis of Tagalog-English code-switching. Manila, 1974.

Clyne 1967 — Clyne M.G. Transference and triggering. The Hague: Mouton, 1967.

Cruz 1993 — Cruz C.C. Spoken discourse on the campus: A context for language intellectualization. Master's thesis, Philippine Normal University. Manila, 1993.

Hatch 1972 — Hatch E. Studies in language switching and mixing // Language and Man: Anthropological Issues. The Hague, 1972. P. 201–214.

Haugen 1969 — Haugen E. The Norwegian language in America. Bloomington, 1969.

Lobel 2004 — Lobel. J.W. Old Bikol -um- vs. mag- and the loss of a morphological paradigm // Oceanic Linguistics. 2004. Vol. 43. No 2. P. 469–497.

McFarland 1989 — McFarland C.D. A frequency count of Filipino. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 1989.

Moravchik 1978 — Moravchik E. Universals of language contact // Universals of human language. Vol. I. Method and theory. Stanford, 1978. P. 93–122.

Pittman 1966 — Pittman R. Tagalog -um- and mag-: An interim report // Papers in Philippine Linguistics. No. 1. Canberra: Pacific Linguistics (Series A–8), 1966. P. 9–20.

Poplack 1981 — Poplack S. Syntactic structure and social function of code-switching // Latino language and communicative behaviour. New Jersey, 1981. P. 153–168.

Ramos 1974 — Ramos T.V. The case system of Tagalog verbs. Series B–27. Canberra: Pacific Linguistics, 1974.

Reid 1992 — Reid L.A. On the development of the aspect system in some Philippine languages. // Oceanic Linguistics. 1992. No 31. P. 65–91.

Roger 2003 — Roger M. Filipino English and Taglish. Florida, 2003.

Schachter 1977 — Schachter P. Reference-related and role-related properties of subjects // *Syntax and semantics. Grammatical relations*. N.Y., 1977. P. 279–306.

Sobin 1982 — Sobin N. *Texas Spanish and Lexical Borrowing // Spanish in the United States: Sociolinguistic Aspects*. Cambridge, 1982. P. 166–181.

Sol 2004 — Sol J.V. Filipino English, not Taglish // *Manila Bulletin*. Tuesday, September 7, 2004.

Vincente 1995 — Vincente L. Taglish, or the Phantom Power of the *Lingua Franca* // *Public Culture* 1995. No 8. P. 101–126.

С. Б. Клименко

АККУЗАТИВНОСТЬ И ЭРГАТИВНОСТЬ В ТАГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Введение

Настоящая статья посвящена вопросу о том, каким синтаксическим строем обладает тагальский язык. Существование самых разных точек зрения и подходов к интерпретации строя тагальского языка² является причиной крайней запутанности рассматриваемой проблемы: тагалог разными исследователями трактуется как язык аккузативного, эргативного, посессивного строя или как язык, не входящий ни в одну из перечисленных групп. Наличие столь широкого спектра мнений обусловлено тем, что тагальская залоговая система, являясь одной из самых выдающихся характеристик грамматического строя тагалого, как и остальных языков филиппинской группы, в первом приближении проявляет некоторые свойства любой из упомянутых групп языков.

---

¹ Приношу благодарность М.В. Станюкович, в результате усилий которой группа студентов отделения тагальской филологии Восточного факультета СПбГУ, в том числе и я, смогла пройти стажировку в сентябре 2007 — мае 2008 г. в Университете Филиппин. В ходе стажировки была собрана значительная часть материалов, использованных для написания настоящей работы. Спасибо моему научному руководителю Г.Е. Рачкову за его неоценимые советы и наставления; А.К. Оглоблину за комментарии и отзыв о моей выпускной работе бакалавра, Stephen Quakenbush за доступ в библиотеку Летнего Института Лингвистики в Маниле, Lawrence Reid, Resty M. Ceña, Videa De Guzman и Rosario Del Rosario за помощь, оказанную в сборе материалов; а также Anne A. Abcede и Leo R.S. Laroza за помощь в анализе языковых примеров и ответы на мои многочисленные вопросы. За все ошибки, недочеты и другие недостатки, имеющиеся в настоящей работе, ответственность, разумеется, лежит только на мне.

² Далее название языка — «тагальский» — будет употребляться наравне с названием «тагалог», используемым в зарубежной литературе, как филиппинской, так и западной.

Первое, что следует сказать о рассматриваемой проблеме, — это то, что она далека от решения, вызывая и в настоящее время не менее активное, чем в более ранние периоды изучения тагальского языка, обсуждение в литературе. Во-вторых, эта проблема практически не изучалась в отечественной филиппинистике. Первые предложения толковать тагальский язык как эргативный прозвучали еще в 1970-е годы, но среди отечественных филиппинистов существование данной проблемы отмечает лишь [Шкарбан 1995]. Однако и Л.И. Шкарбан отказывается от ее более подробного рассмотрения, замечая, тем не менее, что ни один из подходов не представляется исчерпывающим для строя тагальского языка [Шкарбан 1995: 103].

Ниже будет объяснена суть разногласий, существующих между сторонниками различных подходов к толкованию тагальской залоговой системы, представлена краткая история изучения тагалога и проанализированы критерии для установления основной транзитивной конструкции, используемые в работах, посвященных рассматриваемому вопросу, с целью предварительного ответа на вопрос о строе тагальского языка.

Залог в тагальском языке

В тагальской залоговой системе выделяют, как правило, шесть залоговых конструкций, различающихся по тому, какой участник ситуации занимает позицию подлежащего, оформляемого падежным показателем так называемой группы *ang* (показатель неличных имен *ang* и показатели личных имен *si/sina*) или выражаемого местоимением группы *ang* (*ako* (1SG), *ikaw/ka* (2SG), *siya* (3SG), *kami* (1PL.EXCL), *tayo* (1PL.INCL), *kayo* (2PL), *sila* (3PL), *ito* (DEM-близко к говорящему), *iyon* (DEM-близко к слушающему), *iyon* (DEM-далеко от разговаривающих): субъектная, пациенсная, адресатная, инструментальная, бенефактивная, каузативная. Некоторые исследователи выделяют большее число залогов (например, см.: [Schachter, Otanes 1972]). Показателем залога является залоговый аффикс глагола. Число и тип образуемых залоговых конструкций для каждой глагольной основы различны. Кроме того, в тагальском языке отсутствует прямое соответствие между формой залогового аффикса и его значением, т.е. той за-

логовой конструкцией, экспонентом которой он является: одному глагольному аффиксу может соответствовать одно из нескольких залоговых значений, и, кроме того, одно залоговое значение может быть выражено разными аффиксами в зависимости от глагольной основы.

Причиной существующих разногласий относительно строя тагальского языка является тот факт, что тагалог допускает истолкование его залоговой системы и как аккумулятивной, и как эргативной в зависимости от того, какую из залоговых конструкций принять за основную:

(1) <i>Tumila</i>	<i>na</i>	<i>ang</i>	<i>ambon</i>	[II: 68].
PERFASP.AV(-um-).останавливаться	уже	ANG	дождь.	
			NOM/ABS	
			S/S	

‘Дождь уже прекратился’.

(2) <i>Dumampot</i>	<i>siya</i>	<i>ng</i>	<i>ga-kamaong</i>	<i>halo</i>	<i>ng</i>
PERFASP.AV(-um-).			величиной-с-кулак-		
поднимать	3SG.ANG	NG	LK	смесь	NG
	NOM/ABS			ACC/OBL	
	A/S			O/-	

<i>graba</i>	<i>at</i>	<i>buhangin</i> [II: 78].
гравий	и	песок

‘Он поднял горсть смеси гравия и песка’.

(3) <i>Mabilis</i>	<i>na</i>	<i>dinampot</i>	<i>ni</i>	<i>Ed</i>
быстро	LK	PERFASP.PV(-in-).поднимать	PERS.NG	Эд
				OBL/ERG
				-/A

<i>ang</i>	<i>mikropono...</i>	[II: 77].
ANG	микрофон	
	NOM/ABS	
	S/O	

‘Эд быстро поднял микрофон’.

В примерах (1)–(3) приведены три конструкции, представляющие одновалентную конструкцию (1) (субъектную) и две разные двухвалентные конструкции (2) (субъектную) и (3) (пациенсную), т.е. потенциально переходные³.

От того, какая из этих двух конструкций будет признана основной, т.е. грамматически переходной, зависит и то, с А или О⁴ будет группироваться по своему оформлению S, т.е. к эргативному или аккузативному строю будет относиться язык (в примерах (1)–(3) указывается, как трактуются участники глагольного окружения при аккузативном и эргативном подходах соответственно). При номинативно-аккузативном конструкция (2) признается транзитивной и, соответственно, активной, а конструкция (3) — пассивной. При абсолютивно-эргативном подходе конструкция (3) признается транзитивной и, соответственно, эргативной, а конструкция (2) — антипассивной.

История изучения тагальского языка

Начало описанию тагальского языка в терминах, использовавшихся европейцами применительно к аккузативным индоевропейским языкам, положили еще испанские грамматисты XVII–XVIII вв., такие как Ф.Б. де Сан Хосе и С. де Тотанес⁵, которые перенесли толкование, принятое для системы залогов в романских языках, на схожее явление в новом для них и еще не изученном языке.

³ Залоговая система тагальского языка далеко не исчерпывается конструкциями, представленными в примерах (1)–(3), которые иллюстрируют лишь субъектный и пациенсный залого. Однако для целей демонстрации различных подходов к толкованию залоговой системы в тагальском языке данных примеров достаточно.

⁴ Говоря об аккузативности и эргативности, мы опираемся на определение, представленное в: [Dixon 1994], которое, согласно Ю.Х. Сирку, стало «уже классическим» [Сирк 2008: 299]. Данное определение использует понятия А (субъект действия транзитивного глагола), О (объект действия транзитивного глагола) и S (подлежащее интранзитивного глагола). Аккузативная модель кодирования актантов предполагает одинаковое оформление S и А, тогда как эргативная модель — одинаковое оформление S и О. Определение эргативности см. также в: [Климов 1973].

⁵ De San Jose F.B. *Arte y Regalas de la Lengua*. Bataa. 1610; De Totanes S. *Arte de la Lengua Tagala*. Sampaloc. 1745. 217 p. (цит. по: [Garcia 1992: 25]).

Номинативно-аккузативного анализа тагальской системы залогов в конце XIX — первой половине XX в. придерживались Х. Рисаль, Ф. Блэйк, Л. Блумфилд⁶ и многие другие. За рубежом эта точка зрения распространена и в настоящее время [Kroeger 1993; Hirano 2006]. Доминирующим номинативно-аккузативный подход является и в работах крупнейших отечественных филиппинистов [Макаренко 1970: 89–92; Подберезский 1976: 401–407; Рачков 1981: 127–128].

Приблизительно в середине XX в. особенности, которые отличают залоговую систему тагальского языка от залоговой системы европейских языков, заставили многих лингвистов искать другие пути анализа залога в тагальском языке (и в филиппинских языках вообще), нежели как системы, противопоставляющей активную и пассивные формы. Причиной для пересмотра традиционных представлений в первую очередь явилось различие тагальского залога и залога, к примеру, английского языка с точки зрения их функциональности, которое нередко упоминалось и в работах сторонников номинативно-аккузативного анализа: английский активный залог представляется немаркированным стандартным средством описания двухвалентного действия, тогда как в тагальском языке такому толкованию субъектной конструкции противоречит тот факт, что «пассивные» конструкции употребляются не реже «активных», а по некоторым наблюдениям, даже чаще.

Гипотеза о системе фокусов в филиппинских языках была введена исследователями из Летнего Института Лингвистики (Summer Institute of Linguistics) в 1950-х годах и до сих пор является самой распространенной точкой зрения на залог в языках филиппинской группы [Liao 2004: 153].

Термин «фокус» относится к свойству тагальских глагольных аффиксов («фокусных аффиксов») устанавливать особый вид связи с одним из актантов, а именно — с актантом, маркирован-

---

⁶ Rizal J. Estudios sobre la lengua tagala. 1893; Blake F. Expression of case by the verbs in Tagalog // Journal of the American Oriental Society. 1906. Vol. 27. P. 183–189; Bloomfield L. Tagalog texts with grammatical analysis. University of Illinois studies in language and literature. Urbana, Illinois. 1917. Vol. 3. P. 2–4 (цит. по: [Garcia 1992: 33; Nolasco 2003: 26–27]).

ным показателем *ang/si/sina* либо выраженным местоимением группы *ang*, т.е. аффикс глагола указывает семантическую роль, выражаемую подлежащим предложения, которое часто в работах, придерживающихся фокусного анализа, именуется как «топик» (topic) или член предложения, «находящийся в фокусе». Вместо понятий «активный и пассивный залого» используются «агентный фокус», «объектный фокус», «инструментальный фокус» и т.д.

Предположение об эргативном строе тагальского языка впервые прозвучало в конце 1970-х годов в работах двух филиппинских лингвистов — Р. Сеña и В. де Гусман⁷.

Основной тезис, использованный в исследованиях обоими лингвистами, согласно источникам, заключается в том, что тагалог следует рассматривать как эргативный язык, поскольку именно пациенсу, как правило, отдается предпочтение при выборе подлежащего предложения, что и является причиной большой распространенности в тагальском языке несубъектных конструкций. Это предпочтение позволяет сторонникам эргативного подхода говорить об «особом положении» пациенса в тагальском предложении [Nolasco 2003: 44–48].

С конца 1980-х годов стали появляться работы, в которых предлагается не рассматривать тагальскую залоговую систему как аккузативную или эргативную, а считать все залоговые конструкции в тагалог равноправными. Такая точка зрения представлена в: [Shibatani 1988; Maclachlan 1994; 1996; Foley 1998; Katagiri 2005]⁸.

---

⁷ Ceña R. Patient primacy in Tagalog // Annual meeting, Linguistic Society of America. Chicago. 1977; De Guzman V. Syntactic derivation of Tagalog verbs // Oceanic Linguistics Special Publications. No 16. Honolulu: University Press of Hawaii. 1978; De Guzman V. Morphological evidence for the primacy of Patient as subject in Tagalog // Annual meeting, Linguistic Society of America. Los Angeles, 1979 (цит. по: [Gibson, Starosta 1990: 196]).

⁸ В целях экономии места здесь не рассматривается еще один подход к строю тагальского языка — уравнительный (equational), или посессивный, подход, представленный в работах [Подберезский 1976; Himmelmann 1991; Алиева 1998]. Согласно этому подходу, в тагальском языке стерто или вообще отсутствует разделение имен и глаголов, вследствие чего говорить об аккузативности или эргативности строя тагалог не приходится. Мы, однако, стоим на позиции,

Критерии для установления основной транзитивной конструкции

Формальная сложность и производность

Согласно критерию формальной сложности и производности одних залоговых конструкций от других, маркированная, т.е. производная, форма является более сложной, чем основная. Таким образом, в типичных номинативно-аккузативных и абсолютивно-эргативных языках пассивные и антипассивные конструкции являются более сложными по сравнению с активными и эргативными соответственно, имея специальный показатель производности.

Относительно тагальского языка при рассмотрении данного критерия в первую очередь следует заметить, что различия в формальной сложности между конструкциями разных залогов в нем могут быть обнаружены только в формах глаголов, поскольку в остальном структура всех конструкций является одинаковой.

В тагальском языке существует несколько типов соответствий между формами субъектных и несубъектных глаголов. Ниже приводятся глаголы разных залогов, которые, являясь примерами различных типов таких соответствий, далеко не исчерпывают, однако, все возможные варианты:

(4) ‘покупать’ *bumili* (AV) — *bilhin* (PV) — *bilhan* (DV) — *ibili* (IV) — *ibili* (BV)

(5) ‘вешать’ *magbitin* (AV) — *ibitin* (PV) — *bitinan* (DV)

(6) ‘двигаться по краю’ *tamaybay* (AV) — *baybayin* (DV)

(7) ‘дарить’ *magkaloob* (AV) — *ipagkaloob* (PV) — *pagkalooban* (DV)

(8) ‘обещать’ *mangako* (AV) — *ipangako* (PV) — *pangakuan* (DV)

Значительная часть глаголов в тагальском языке не вызывает споров относительно критерия формальной производности, например глаголы в (4)–(6), где во всех трех случаях глаголы всех

что тагальский язык имеет четкое разделение классов имен и глаголов, в первую очередь на основании данных морфологии, но также и синтаксиса (см.: [Рачков 1981; De Guzman 1996]).

залогов имеют одинаковую морфологическую структуру: корневая морфема, являющаяся общей основой для глаголов всех залогов, и тот или иной залоговый аффикс.

В толковании морфологии глаголов в (7) и (8), однако, могут возникнуть разногласия, поскольку глаголы несубъектных залогов в данных случаях помимо залоговых аффиксов содержат также аффиксы *rag-* или *rang-*. Возможны по крайней мере четыре различных трактовки взаимосвязи между такими аффиксами (или, согласно некоторым трактовкам, приведенным ниже, сочетаниями аффиксов), как *tag-* и *rag-*, *tang-* и *rang-*, которые распространяются также на аффиксы (или сочетания аффиксов) *nag-*, *nang-* и т.п., с которыми образуются формы незавершенного и завершенного вида субъектных *tag-*, *tang-* и т.п. глаголов (например, *nagkaloob* ‘подарил’, *nangako* ‘пообещал’).

1. Первая трактовка заключается в том, что *tag-*, *tang-* и т.п. являются цельными аффиксами, а аффиксы типа *rag-*, также являясь самостоятельными морфемами, служат образованию вторичной глагольной основы, которая образуется от первичной основы, т.е. от основы, от которой образуется субъектный глагол на *tag-* и которая используется для образования несубъектных глаголов путем добавления к ней одного из аффиксов несубъектных залогов. Такой точки зрения придерживаются, например, Г.Е. Рачков⁹ и Л.И. Шкарбан¹⁰. *Nag-*, *nang-* и т.п. также признаются при данном подходе самостоятельными аффиксами, которые при видовом формоизменении глаголов заменяют собой аффиксы *tag-*, *tang-* и т.п.¹¹

⁹ «Вторичная основа *tag-* глаголов образуется от первичной префиксом *rag-*, вторичная основа *tang-* глаголов — префиксом *rang-...*» [Рачков 1981: 121].

¹⁰ «Инвариантные соответствия между “активным” залогом и “пассивными” предполагают перекодирование залогоаспектных показателей “актива” в последовательности однозначных аффиксов в “пассивах”, в которых основообразующие аффиксы *rag-*, *rang-*, *raki-* являются видовыми коррелятами агенсных показателей, например *tag-*→*rag-in*, *rag-an*, *irag-...*» [Шкарбан 1995: 109].

¹¹ «Эти формы образуются тремя способами: <...> б) заменой глагольного префикса (ср. *maglaro* и *naglaro*, *makitawa* и *nakitawa*, *makalakad* и *nakalakad*)...» [Рачков 1981: 144].

2. *Mag-*, *nag-* и *pag-* являются одной и той же флектирующей морфемой, которая служит видовому и залоговому формоизменению глаголов. В отношении чередования в *mag-/nag-* и т.п. такой точки зрения придерживается Л.И. Шкарбан¹².

3. *Mag-*, *nag-* и *pag-* и т.п. каждый являются сочетанием двух аффиксов, один из которых является общим для всех трех — *-ag-*, к которому присоединяется *m-*, *n-* или *p-*.

При этих трех трактовках несубъектные глаголы в (7) и (8) рассматриваются как имеющие более сложную морфологию, чем соответствующие субъектные глаголы, поскольку имеют на один аффикс больше (ср. *mangako/ipangako/pangakuan*, где субъектный *mang-* глагол, согласно первой и второй трактовкам, содержит один аффикс или, согласно третьей трактовке, два аффикса, тогда как несубъектные *pang-* глаголы содержат, согласно первой и второй трактовкам, два аффикса или, согласно третьей трактовке, три аффикса).

4. В тагальском языке существует всего четыре залоговых аффикса: *-um-*, *i-*, *-in* и *-an*. Этот подход был предложен В. де Гусман в 1978 г. (цит. по: [Nolasco 2003: 144]). С этой точки зрения такие глаголы, как, например, *magkaloob* ‘дарить’ и *mangako* ‘обещать’ в (7) и (8), содержат один и тот же залоговый аффикс — *m-*, который является вариантом единственного аффикса субъектного залога *-um-* и присоединяется к основе, которая образуется при помощи префикса *pag-* или *pang-* и является общей как для субъектного глагола, так и для глаголов несубъектных залогов. Таким образом, при данном подходе морфология как субъектных *-um-*, *mag-* и *mang-* глаголов, так и несубъектных глаголов является в равной степени сложной.

В настоящей работе мы исходим из того, что прямых доказательств, непосредственно свидетельствующих в пользу одной из перечисленных трактовок, не существует. Однако, как нам представляется, подход, который принимают В. де Гусман и Р. Но-

---

¹² «Со строго определенной группой залоговых показателей — флектирующих морфем — связан ограниченный инвентарь собственных маркеров, которыми располагает категория наклонения. Это флексивные показатели *m-* и *p-*, дающие, по сути, модальные формы префиксов активного залога: *mag-/nag-*, *mang-/nang-*, *maki-/naki-...*» [Шкарбан 1995: 99].

ласко, является наиболее адекватным, поскольку он способен предоставить наиболее последовательное толкование фактов тагальского языка.

При первой трактовке, согласно которой *tag-*, *nag-* и *pag-* являются самостоятельными аффиксами, упускается из виду тот очевидный факт, что все три содержат общий элемент.

Принятие второй трактовки привело бы к тому, что мы были бы вынуждены признать наличие в тагальском языке флексии или чередования согласных в одном и том же аффиксе, однако при этом флектирующие аффиксы глаголов субъектного залога типа *tag-/nag-/pag-*, *tang-/nang-/pang-* и т.п. являлись бы единственным явлением флексии в тагальском языке, поскольку во всех остальных случаях способами слово- и формоизменения являются аффиксация, редупликация, сложение, сращение и перенос ударения.

Принятие третьей трактовки заставило бы нас признать, что в несубъектных глаголах типа *ipangako*, *ipagkaloob* и т.д. присутствуют два аффикса, формирующие глагольную основу — *p-* и *-ag-*. При этом остается неясным, каким значением обладает аффикс *p-* в несубъектных глаголах: он не служит показателем залога, поскольку все глаголы помимо *p-* и *-ag-* содержат также один из залоговых аффиксов, и не является необходимым для различения основ разных глаголов, образующихся от одного и того же корня (например, *bumili* (AV)/*bilhin* (PV) ‘покупать’ и *magbili* (AV)/*ipagbili* (PV) ‘продавать’), поскольку для выполнения этой функции аффикса *-ag-* оказывается достаточно.

При четвертой же трактовке складывается более цельная картина описания глагольной морфологии тагальского языка. Во-первых, она позволяет зафиксировать тот факт, что субъектные *tag-* глаголы и соответствующие несубъектные *pag-* глаголы и т.п. имеют общую основу, которая не ограничивается лишь именем, являющимся производящей основой для глагола (например, *kaloob* ‘подарок’ в случае с *magkaloob*(AV)/*ipagkaloob*(PV)/*pagkalooban*(DV) ‘дарить’ и *ako* ‘обещание’ в случае с *tanggako*(AV)/*ipangako*(PV)/*pangakuan*(DV) ‘обещать’). Во-вторых, такая трактовка позволяет признать существование в тагальском

языке лишь одного аффикса субъектного залога, а именно — *-um-*, имеющего вариант *m-* при присоединении к глагольным основам на *pag-*, *pang-*, *paki-* и т.д., вместо того чтобы выделять целый ряд аффиксов субъектного залога — *-um-*, *tag-*, *tang-*, *maki-*, *ma-*, *maka-*, которые совмещают в себе залоговые, аспектуальные, модальные и другие значения. В-третьих, данная трактовка позволяет отождествить *n-* в формах завершенного и незавершенного вида субъектных глаголов типа *nagkaloob/nagkakaloob* и *nangako/nangangako* с видовым аффиксом *-in-*, с помощью которого образуются аналогичные видовые формы несубъектных глаголов (например, *ipinagkaloob/ipinagkakaloob* и *ipinangako/ipinangagako*). В-четвертых, при такой трактовке в отличие, например, от второй или третьей трактовок *pag-*, *pang-* и т.д. толкуются не как сочетание аффиксов *p-* и *-ag-* или как один аффикс, в котором происходит чередование согласных, а как цельные аффиксы, что выглядит более правдоподобным, если принять во внимание существование в тагальском языке аффиксов *pag-*, *pang-* и т.д., использующихся для образования так называемых деепричастных форм глагола и отглагольных существительных (например, *lumakad* ‘ходить’ → *paglakad* ‘ходьба’, *magkaloob* ‘дарить’ → *pagkakaloob* ‘дарение’, *pumasok* ‘входить’ → *pagpasok* ‘войдя’). Конечно, в случае с так называемыми деепричастными формами и отглагольными существительными аффиксы *pag-* и т.д. обладают иным значением, нежели в несубъектных глаголах, коррелирующих с субъектными *tag-* и т.д. глаголами, тем не менее, как нам представляется, подход, при котором *pag-* в последнем случае трактуется как цельный аффикс, является более последовательным, так как для тагальского языка характерна ситуация, когда одна и та же форма используется для выполнения разных функций и передачи разных значений, например, суффикс *-an*, способный быть показателем реципрока (*tulong* ‘помощь’ — *tulangan* ‘взаимопомощь’), социатива (*awit* ‘песня’ — *awitan* ‘хоровое пение’), показателем существительных со значением места хранения, изготовления, культивации, добычи, нахождения, действия и т.д. (*aklat* ‘книга’ — *aklatan* ‘библиотека’, *halaman* ‘растение’ — *halamanan* ‘сад, огород’), в сочетании с двусложной редупликацией корня показателем существительных со значени-

ем имитации того, что обозначено производящей основой (*digma* ‘война’ — *digma-digmaan* ‘игра в войну’) и показателем адресатного залога в глаголах (*ngumiti* ‘улыбаться’ — *ngitian* ‘улыбаться кому’) или, например, служебное слово *nang*, которое может быть показателем объектного дополнения, агентивного дополнения, именного определения, временным союзом ‘когда’ или лигатурой.

Стоит, однако, обратить внимание на то, что вне зависимости от того, какой трактовки мы придерживаемся, нельзя рассматривать все несубъектные глаголы в тагальском языке как производные от соответствующих субъектных глаголов. Даже если мы принимаем одну из трактовок, при которых субъектные *tag-*, *tang-* и т.п. глаголы предстают как менее сложные, чем соответствующие несубъектные *pag-*, *rang-* и т.п. глаголы, эту характеристику нельзя считать определяющей для тагальской залоговой системы, так как такой тип соответствия между субъектными и несубъектными глаголами, который существует между субъектными *tag-* и т.п. глаголами и несубъектными *pag-* и т.п. глаголами, не самый распространенный в тагальском языке.

Необходимо заметить, что, по мнению Ляо Сючуань, критерий формальной сложности залоговой формы глагола не может быть признан надежным показателем производности, в доказательство чего она приводит факты из полинезийских языков тонга и самоа, в которых, как утверждается, эргативный глагол имеет более сложную морфологию, чем антипассивный глагол:

(9) <i>Sā</i>	<i>va'aiina</i>	<i>e</i>	<i>Tai</i>	<i>Le</i>	<i>fafine.</i>
PST	видеть-Cia	ERG	Таи	DEF	женщина

‘Таи увидел женщину’.

(10) <i>Sā</i>	<i>va'ai</i>	<i>Tai</i>	<i>i</i>	<i>le</i>	<i>fahine.</i>
PST	видеть	Tai	OBL	DEF	женщина

‘Таи увидел женщину’.

В примере (9) из языка самоа использован глагол *va'aiina* ‘видеть’, который, согласно Ляо Сючуань, является эргативным, несмотря на то что имеет аффикс *-ina*, который отсутствует

у антипассивного глагола *va'ai* в (10), т.е. более сложная морфологически форма глагола признается исходной, тогда как менее сложная форма — производной [Liao 2004: 203].

Поскольку мы не владеем самоанским языком, нам трудно судить о справедливости выводов, которые делает Ляо Сючуань, и об основаниях, на которых языки тонга и самоа признаются эргативными, тогда как другие полинезийские языки, такие как гавайский и таитянский, обладающие схожей глагольной морфологией, признаются аккумулятивными. Стоит отметить, однако, что, даже если мы принимаем точку зрения Ляо Сючуань, это никоим образом не влияет на выводы, к которым мы приходим, используя результаты, полученные с использованием других критериев производности/исходности залоговых конструкций.

Критерий полноты выражения семантических единиц

Критерий полноты представленности семантических участников ситуации синтаксическими актантами предполагает, что в производных конструкциях один из участников (субъект действия при пассивной трансформации или объект действия при антипассивной трансформации) утрачивает статус обязательного члена синтаксического уровня, которым он обладал в исходной конструкции, и становится необязательным членом конструкции, который может быть опущен.

Некоторые исследователи используют данный критерий для доказательства неадекватности описания тагальского языка ни как аккумулятивного, ни как эргативного (например, см.: [Shibatani 1988: 91–94; Foley 1998: 5–7, 10–24]). Так, утверждается, что ни агентивное дополнение в тагальских несубъектных конструкциях, ни объектное дополнение в субъектных конструкциях в общем случае не являются необязательными членами, которые можно опустить. Как правило, наличие агентивного дополнения и объектного дополнения, если их нельзя восстановить из контекста, обязательно, что идет вразрез со свойствами типичной пассивной или антипассивной конструкции.

Необходимо сказать, однако, что невозможность опустить агентивное и объектное дополнения в тагальском языке не является строгим правилом, так как существуют конструкции, в кото-

рых они все-таки опускаются, поскольку агенс или объект представляет собой абстрактный партиципant или неизвестен. Рассмотрим следующую субъектную конструкцию:

(11) <i>Masama</i>	<i>siyang</i>	<i>Makatingin,</i>	<i>parang</i>
плохой	3SG.ANG-LK	INF.AV(maka-).смотреть	будто-LK
<i>mangangain</i>		<i>Ng</i>	<i>tao</i> [IX: 53].
CONTASP.AV(mang-).есть-кусочками	NG	человек	

‘Она смотрит недобрый взглядом, будто поедает человека’ (букв. ‘Плохо она **может-смотреть**, будто ест-по-кусочкам человека’).

Глагол *makatingin* ‘смотреть’ в (11) описывает ситуацию с абстрактным объектом, а не конкретным, поэтому он употреблен без объектного дополнения, которое невозможно восстановить из контекста. Однако все-таки чаще в конструкции с субъектным глаголом, в семантическое толкование которого входит объект, последний должен быть выражен, чтобы предложение было полным; опущение такого объекта приводит к эллипсису.

(12) <i>Hindi</i>	<i>siya</i>	<i>makatingin</i>	<i>kay</i>	<i>Pol</i> [VIII: 111].
		INF.AV(maka-).		
NEG	3SG.ABS	мочь-смотреть	PERS.SG.SA	Пол

‘Он не мог **смотреть на Пола.**’

В примере (12) глагол *makatingin* ‘смотреть’ имеет объектное дополнение, которое не может быть опущено, так как в таком случае предложение окажется неполным.

Аналогичным образом обстоит ситуация и с несубъектными конструкциями.

В заключение обсуждения данного критерия следует сказать о том, что Ляо Сючуань выдвигает возражение также против и его использования для определения производности/исходности конструкций. Как она утверждает, при антипассивизации, которая представляет собой операцию детранзитивизации, не всегда происходит уменьшение синтаксической валентности глагола. Таким образом, по мнению Ляо Сючуань, то, что объектное дополнение в субъектной конструкции в тагальском языке не становится кос-

венным членом, еще не означает того, что субъектная конструкция не является антипассивной [Liao 2004: 209–210]. Впрочем, это, разумеется, не означает и того, что субъектная конструкция является антипассивной, так как если мы принимаем данное выражение, то для доказательства антипассивности субъектной конструкции в тагальском языке необходимо обнаружить другие свидетельства, которых, однако, как нам представляется, нет.

Критерий текстовой частотности конструкций

Нехарактерная для аккумулятивных языков частотность несубъектных конструкций, которая в свое время побудила исследователей к созданию концепции фокусной системы для того, чтобы уйти от описания тагальской залоговой системы как состоящей из актива и пассива, указывает на принципиальное отличие тагальских несубъектных конструкций от типичных пассивных, частотность которых значительно ниже, чем частотность активных конструкций. Так, М. Сибатани приводит данные из английского языка (12 % конструкций — пассивные, 88 % — активные), японского языка (18 % — пассивные, 82 % — активные), тогда как для филиппинских языков М. Сибатани и А. Маклахлан приводят данные из разных источников, согласно которым 24–52 % конструкций — субъектные, 30–76 % — несубъектные. На основании приведенных данных М. Сибатани и А. Маклахлан делают вывод, что тагальские субъектные и несубъектные конструкции по критерию текстовой частотности не проявляют свойств типичных исходных и производных конструкций в других языках [Shibatani 1988: 91–96; Maclachlan 1996: 36–37].

Возражение Ляо Сючуань, согласно которой количественное соотношение в текстах активов и пассивов в аккумулятивных языках может отличаться от соотношения эргативов и антипассивов в эргативных языках [Liao 2004: 200], можно опровергнуть на основании данных, которые М. Сибатани приводит для австралийского языка варрунгу, где всего около 11 % предложений в текстах являются антипассивными, и эскимосского языка, где 4,9 % антипассивных предложений, что говорит о том, что в эргативных языках, по-видимому, соотношение эргативных и антипассивных конструкций является сопоставимым с соотношением активных и пас-

сивных конструкций в аккузативных языках [Shibatani 1988: 113].

Наши подсчеты частотности глаголов разных залогов в тагальских текстах дают схожие результаты (в подсчеты не были включены номинализованные глаголы и глаголы, выступающие в функции определения, так как используемый залог в таких случаях, как правило, зависит от того, какой участник ситуации обозначается глаголом): из 859 глагольных конструкций 425 (49,3 %) являются субъектными, 384 (45 %) — пациенсными, 43 (5 %) — адресатными, 1 (0,1 %) — инструментальными, 3 (0,3 %) — бенефактивными и 3 (0,3%) — каузальными¹³.

Приведенные данные, несмотря на их ограниченность, можно все-таки считать представительными, поскольку отчетливо видна тенденция приблизительно равного употребления глаголов субъектного и пациенсного залогов в тагальских текстах различной жанровой принадлежности.

Разительное отличие конструкций адресатного, бенефактивного, инструментального и каузального залогов по данному критерию побудило А. Маклахлан допустить, что они могут быть признаны вторичными по отношению к «исходным» субъектной и пациенсной [MacLachlan 1996: 36–37]. Однако, как нам представляется, на основании одного лишь факта значительно меньшей частотности конструкции других залогов кроме субъектного и пациенсного нельзя прийти к выводу, который предлагает А. Маклахлан. Признание существования в тагальском языке системы, которую предлагает А. Маклахлан, привело бы к признанию существования двух подсистем тагальского залога, в одну из которых входят субъектный и пациенсный залогов, а в другую — все остальные. Функционирование этих двух подсистем должно бы было основываться на двух группах правил: первая группа

---

¹³ Подсчеты проводились в следующих текстах: Reyez J.C. Tutubi, Tutubi, 'Wag Kang Magpahuli sa Mamang Salbahe. Quezon City, 2004 (худ. текст); Reyes E.M. Sa Mga Kuko Ng Liwanag. Quezon City, 2007 (худ. текст); Nolasco R.Ma. Ang Pagkatransitibo at Ikinaergatibo ng mga Wikang Pilipino: Isang Pagsusuri sa Sistemang Bose. Ph.D.Dissertation. University of the Philippines-Diliman, Diliman, Quezon City, 2003 (науч. текст); Paz C.J. Gabay sa fildwurk. Quezon City, 2005 (учеб. текст); Pinas, Blg.4, Mayo 26 — Hunyo 1, 2008. Manila (газета); Biblia, Tagalog popular version. Philippine Bible Society. Manila.

определяла бы выбор залога внутри каждой подсистемы, т.е. между субъектным и пациенсным или между адресатным, бенефактивным, инструментальным, каузальным; вторая группа должна была бы определять выбор между залогом из двух подсистем, т.е., например, между пациенсным и бенефактивным или субъектным и бенефактивным и т.д. Таким образом, для принятия этой интерпретации тагальской залоговой системы необходимо обосновать наличие таких наборов правил. Как нам представляется, меньшая частотность конструкций несубъектного и непациенсного залогов обусловлена только более редкостью таких семантических участников ситуаций, как адресат, бенефициент, инструмент, причина и т.д., относительно актора и пациенса.

Ляо Сючуань приводит также в поддержку эргативного анализа тагальского языка следующий аргумент: как она утверждает, несубъектные глаголы намного чаще субъектных используются в императивных конструкциях. Данное утверждение, однако, нуждается в тщательной проверке. Кроме того, даже если несубъективные императивы действительно являются более частотными, чем субъективные, правомерность использования одного лишь этого факта для признания первичности всех несубъектных конструкций над всеми субъектными вызывает большие сомнения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что по критерию текстовой частотности определить какую-либо из залоговых конструкций, например субъектную или пациенсную, как основную невозможно.

Критерий ограничений на дистрибуцию конструкций

Под ограничениями, налагаемыми факторами прагматики, на дистрибуцию конструкций разных залогов в отношении тагальского языка следует рассматривать гипотезу, ставшую весьма распространенной в исследованиях, посвященных филиппинским языкам, об особом значении референтного статуса объекта действия при выборе залога. Гипотеза эта заключается в том, что при наличии определенного или, согласно другим исследователям, конкретного (*specific*) объекта в конструкции должен быть ис-

пользован глагол одного из несубъектных залогов. Если же объект является неопределенным/неконкретным (*non-specific*)/неферментным, он не может выступать в конструкции в функции подлежащего, соответственно, при отсутствии определенного/конкретного объекта в конструкции должен быть использован глагол субъектного залога. Этой позиции, являющейся одной из самых распространенных точек зрения на принципы, определяющие функционирование тагальской залоговой системы, придерживались исследователи начиная еще с конца XIX — начала XX в. (Х. Рисаль, Л. Блумфилд, М. Паглинаванд [Garcia 1992: 33, 94; Nolasco 2003: 27]) вплоть до конца XX в. (К. Макфарланд [French 1988: 16–17], П. Шахтер и Ф. Отанес [Schachter & Otanes 1972: 60], С. Староста, Э. Поли, Л. Рид [Starosta, Pawley, Reid 1982: 151], Л.И. Шкарбан [Шкарбан 1995: 113], А. Маклахлан [MacLachlan 1996: 86]). Процветает данное представление и в настоящее время (Ляо Сючуань [Liao 2004: 162–172] и М. Катагири [Katagiri 2005: 15]).

Некоторые сторонники эргативного подхода, например С. Староста, Э. Поли и Л. Рид [Starosta, Pawley, Reid 1982: 151] и Ляо Сючуань [Liao 2004: 162–172], использовали представление о том, что при наличии определенного объекта именно он становится подлежащим конструкции, как свидетельство в пользу того, что тагалог является эргативным языком, так как в эргативных языках наблюдается предпочтительность к выбору именно объекта в качестве абсолютного члена конструкции.

Другие исследователи, в число которых входят Т. Рафаэль [Rafael 1978: 38], Н. Химмельманн [Himmelmann 1991: 39] и Р. Ноласко [Nolasco 2003: 100, 109–110], однако, отвергают данную гипотезу и утверждают, что любой участник ситуации в любой синтаксической функции может обладать как значением определенности, так и значением неопределенности.

Собранные нами примеры свидетельствуют о том, что далеко не всегда референтный статус объекта связан с выбором залога и тем, в какой синтаксической функции выступает объект.

Во-первых, объект может выступать в функции подлежащего, не обладая при этом определенной референтностью.

- (13) ...*na lalong naghangad na gapiin ang alinmang kalaban* [I: 16].
 INF.PV(-in).
 одолевать ANG любой-LK враг

‘который еще больше захотел **одолевать любого врага**’.

Во-вторых, объект может выступать в функции подлежащего, являясь нереферентным.

- (14) ...*inaasam ni Romy na magkaroon*
 IMPASP.PV(ø).желать PERS.SG.NG Рومي LK INF.AV(mag-).приобретать
ng maraming supling upang lumago ang kanilang
 INF.AV(-um-).
 NG многие-LK отпрыск чтобы разрастаться ANG 3PL.NG-LK
angkan [II: 154].

род

‘...Роми очень **хотел завести много детей**, чтобы их род преумножился’.

- (15)
Mahalaga ang pagpapaabot at pagpapalitan ng kaalaman o mga kaisipan upang
makamit ang tagumpaysa anumang
 INF.PV(ma-).
 достигать ANG победа SA какой-бы-то-ни-было-LK
larangan [II: 140].

сфера

‘Важно передавать и обмениваться знаниями и мыслями для достижения победы в любой сфере’ (букв. ‘Важна передача и обмен знания или мыслей, чтобы **достичь победы** в какой-бы-то-ни-было сфере’).

В-третьих, объектное дополнение может иметь определенную референтность, т.е. определенный объект не должен обязательно становиться подлежащим конструкции.

- (16) *Bakit ka nagbabasa nito?* [IX: 6]
 почему 2SG.ANG IMPASP.AV(nag-).читать DEM.NG

‘Почему ты **это читаешь**?’

(18) *Si Pangulong Aguinaldo sa pagbubukas ng Kongreso sa Barasoain na siyang nagtatag sa ating*
 PERS.SG.ANG президент-LK Агинальдо SA открытие NG конгресс SA
 Барасоаин LK то-LK учреждать SA 1PL.INCL.NG-LK
Republika ay nagbigay ng ganitong payo sa ating
 республика PART давать NG такой-LK совет 1PL.INCL.SA
mga kababayan... [V: 145].
 PL соотечественник

‘Президент Агинальдо на открытии Конгресса в Барасоаин, который основал нашу Республику, **дал нашим соотечественникам такой совет**’.

(19) *Ibinigay niya ito sa matanda* [II: 84].
 PERFASP.PV(i).давать 3SG.NG DEM.ANG SA старый
 ‘Он **дал его старику**’.

(20)
Uso ang body bag sa mga kabataan kaya naman naisip ng walker underwear na bigyan nito ang mga tumatangkilik Sa kanilang produkto [VII: 15].
 INF.DV(-an).давать DEM.NG AG PL IMPASP.AV(-um).поддерживать SA
 3PL.NG-LK продукция

‘Сумки популярны среди молодежи, поэтому walker underwear решили **давать их тем, кто поддерживает их продукцию**’.

В каждом из примеров (18)–(20) употреблен глагол «давать», который во всех трех случаях имеет помимо субъекта еще по два актанта, обозначающие пациенс (*ganitong payo* ‘такой совет’ в (18), *ito* ‘это, он, они’ в (19) и *nito* ‘это, он, они’ в (20) и адресат действия (*ating mga kababayan* ‘наши соотечественники’ в (18), *matanda* ‘старик’ в (19) и *mga tumatangkilik sa kanilang produkto* ‘поддерживающие их продукцию’ в (20), все из которых не отличаются друг от друга по своему референтному статусу. Несмотря на это, в примере (18) использован субъектный залог, в (19) — па-

циенный залог, а в (20) — адресатный залог. Определенностью объекта, как нам представляется, выбор залога в подобных случаях объяснить невозможно.

Таким образом, мы вынуждены не согласиться с тем, что выбор залога в тагальском языке полностью зависит от референтного статуса объекта, на основании существования множества случаев, которые противоречат данной гипотезе либо не могут быть объяснены ею.

Гипотеза транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон

Некоторые исследователи используют для доказательства эргативной сущности тагальского языка так называемую гипотезу транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper&Thompson 1980]. Согласно этим исследователям, в число которых входят Р. Ноласко [Nolasco 2003], Ляо Сючуань [Liao 2004: 162–172] и М. Саклот [Saclot 2006], гипотеза транзитивности позволяет установить основную переходную конструкцию в спорных случаях, определив, какая из конструкций, претендующих на это звание, проявляет признаки более высокой семантической транзитивности.

Ниже будет рассмотрена в основном работа Р. Ноласко, так как М. Саклот ссылается на уже переработанную им версию гипотезы, а Ляо Сючуань не рассматривает действие гипотезы применительно к тагалогу так подробно, как это делают другие авторы.

Р. Ноласко [Nolasco 2003; 2005] вносит некоторые изменения в гипотезу транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон, заменив пять из десяти параметров, предложенных авторами гипотезы: «намеренность» (intentionality), «определенность» (particularity), «направленность» (directionality), «усилие» (effort) и «выделенность Р» (exclusivity of P¹⁴) вместо «преднамеренность» (volitionality), «утвердительность» (affirmativity), «наклонение» (mode), «агенность» (agency) и «индивидуация О» (individuation of O). Р. Ноласко рассматривает каждый из десяти параметров, иллюстрируя их действие примерами, которые призваны показать, что в тагальском языке для несубъектных глаголов параметры принимают значения высокой транзитивности, тогда как для субъект-

¹⁴ Вместо символа О Р. Ноласко использует Р.

ных глаголов — значение низкой транзитивности. Этот факт Р. Ноласко использует для обоснования того, что несубъектные конструкции в тагальском языке являются грамматически транзитивными, а субъектные — интранзитивными.

Анализ гипотезы Р. Ноласко представляет некоторые трудности, связанные с тем, что во многих случаях толкование семантики предложений, приводимых им в качестве иллюстраций действия параметров, нельзя проверить на соответствие действительности ввиду отсутствия каких-либо формальных признаков, которые могли бы указывать на существование того или иного оттенка в значении, о котором говорит Р. Ноласко. Что касается контекста, то из него также зачастую невозможно почерпнуть какие-либо указания на то, в каком ключе следует понимать данное высказывание и действительно ли в нем содержится то или иное особое значение, о котором говорит автор гипотезы. Это свидетельствует о следующем: не исключена вероятность того, что противопоставление значений субъектных и несубъектных конструкций, которое Р. Ноласко привязывает к десяти параметрам, может быть сопряжено с высокой степенью произвольности в толковании предложений, обусловленной тем, что автор концепции полагается главным образом на свою языковую интуицию, которая не всегда может приводить к верным выводам и обобщениям. Данное утверждение можно проиллюстрировать примером, который Р. Ноласко приводит на параметр «активность»:

(21) *Naghihintay na lang ako ng resulta sa Board.*

IMPASP.AV(nag-). уже только 1SG.ANG NG результат SA комиссия
ждать

‘Я уже только **жду** результатов от комиссии’.

(22) ...*Matagal ka naming hinintay...*

долго 2SG.ANG 1PL.EXCL.NG-LK PERFASP.PV(-in-).ждать

‘Мы тебя долго **ждали...**’ [Nolasco 2003: 114].

На вопрос, почему в предложении (21) использован глагол *maghintay*, т.е. субъектного залога, а в предложении (22) — *hintayin* пациенсного залога, Р. Ноласко отвечает следующим образом. Между двумя конструкциями существует различие в значении: конструкция (21) описывает ситуацию ожидания, при которой

неизвестно, наступит или появится ли ожидаемое, поэтому действие нельзя назвать «активным», соответственно, оно ближе к состоянию. Конструкция (22), напротив, описывает ситуацию, в которой ожидание предполагает некие установленные временные рамки, договоренность либо известность о времени наступления ожидаемого, соответственно, глагол в данном случае описывает не состояние, а действие. Необходимо заметить, что в таком объяснении отсутствуют какие-либо указания на те или иные формальные признаки, которые позволяли бы установить названное отличие в семантике двух конструкций. Из контекста же такую информацию о семантике конструкций извлечь невозможно. Таким образом, все различие по данному параметру, которое Р. Ноласко проводит между глаголами разных залогов, сводится лишь к весьма расплывчато сформулированному определению, основывающемуся на семантике, которое, кроме того, проблематично применять к другим глаголам.

Прямые контраргументы или некоторые возражения косвенного характера, противоречащие утверждениям Р. Ноласко, можно найти на каждый предлагаемый им параметр, однако основным недостатком его работы следует считать то, что он фактически не объединяет предоставляемые параметры в систему: в его работах [Nolasco 2003, 2005] имеется слишком мало разъяснений о том, как взаимодействуют различные семантические условия, определяющие, согласно Р. Ноласко, выбор конструкции того или иного типа. Вариантов такого взаимодействия может быть два.

Первый вариант заключается в том, что синтаксически транзитивная конструкция, которой в представлении Р. Ноласко является конструкция несубъектного залога, по всем или по большинству из десяти параметров проявляет признаки высокой степени переходности, тогда как интранзитивная конструкция, т.е. конструкция субъектного залога, — признаки низкой степени переходности по всем или большинству из десяти параметров. Р. Ноласко высказывается в поддержку данной точки зрения в своей работе лишь мимоходом, заявляя о том, что одна семантическая характеристика, принимая значение транзитивности или интранзитивности, коррелирует с другими характеристиками, которые также принимают то же значение, что

и первая¹⁵. Такая позиция имеет один большой недостаток: ее легко опровергнуть с помощью примеров, где конструкция, описывающая определенную ситуацию, в которой большинство из десяти семантических параметров принимает значение высокой степени переходности, несмотря ни на что, используется в субъектном залоге, и наоборот, ситуация, для которой большинство параметров имеет значение низкой степени переходности, передается конструкцией одного из несубъектных залогов. Рассмотрим предложение, представленное в примере (18), в отношении того, какие значения в его случае принимают параметры Р. Ноласко:

- 1) число участников — три,
- 2) активность — так как Р. Ноласко не предоставляет никаких формальных инструментов для определения того, описывает глагол действие или состояние, мы вынуждены воздержаться от того, чтобы рассматривать ситуацию, описываемую глаголом *tagbigay* ‘давать’ как действие или состояние,
- 3) вид — завершённый,
- 4) пунктуальность — пунктуальное¹⁶,
- 5) намеренность¹⁷ — намеренное (мы затрудняемся толковать ситуацию, в которой президент дает соотечественникам совет на

¹⁵ «Sadya kong ipinakita na ang isang partikular na semantikong katangian sa isang hanay ng pagkatransitibo ay may korelasyon sa iba pang katangian sa parehong hanay» [Nolasco 2003: 126].

¹⁶ Параметром «пунктуальность» (punctuality) Р. Ноласко проводит границу между действиями, которые осуществляются без какой-либо переходной фазы между началом и завершением (punctual), и действиями, которые такой фазой обладают (non-punctual) («Ang isang kontensyon ay: ang mga panlaping boses ang nagtatakda kung titingnan ang isang pangyayari nang buo at daglian (kung ito ay isang buong pangyayari nang walang pagsasaalang-alang sa kanyang internal na istruktura) o matagalan (kung ito ay isang pangyayari na tumatagal)» [Nolasco 2003: 104]).

¹⁷ Параметром «намеренность» (intentionality) Р. Ноласко проводит границу между действиями «намеренными» (deliberate) и «произвольными» (volitional). Действие является «произвольным», если оно определяется природой вещи или человека, совершающего или переживающего действие («Sa akdang ito, «kusa» ang aksyon kung ito ay itinatakda ng kalikasan na rin ng bagay o personang gumagawa o dumadanas ng aksyon» [Nolasco 2003: 95]), а «намеренное» действие предполагает сознательное приложение усилий для его выполнения («Sadya ang isang aksyon, kung sa tingin ng tagapagsalita ay pinagsusumikapan ng isang pinakaahenteng argumento ang isang aksyon patungo sa isang pinakapasyente na argumento» [Nolasco 2003: 95]).

конгрессе, как «естественную и закономерную»: в такой же степени естественно было бы, если бы президент не давал вовсе никаких советов, поэтому мы классифицировали данное действие как «намеренное»),

6) определенность¹⁸ — если применительно к данной ситуации вообще уместно говорить о его распознавании как «определенной» или «общей», то, по-видимому, нельзя считать иначе, как то, что президент хотел дать именно тот совет, который он дал, и поэтому ситуация является «определенной»,

7) направленность¹⁹ — внешняя,

8) усилие²⁰ — с усилием,

9) задействованность P²¹ — в случае с данным параметром неясно, как можно классифицировать ситуацию «давания совета кому-либо» иначе, как в которой объект, т.е. «совет», задействован целиком. Невозможно представить, что в этой ситуации действие охватывает лишь часть объекта.

---

¹⁸ Параметром «определенность» (particularity) Р. Ноласко проводит границу между действиями «определенными» (particular), под которыми понимаются такие действия, которые нацелены на конкретный объект и в которых у субъекта существует определенная необходимость, и действиями «общими» (general), под которыми понимаются действия, не нацеленные на конкретный объект («Ang isang kilos ay tiyak kung sa paglalarawan ng ispiker sa aksyon ay may tiyak na pangangailangan, o layunin o pakay ang isang kalahok para sa nasabing kilos. Di tiyak ang isang kilos kung pinalalabas ng ispiker na disimulado ito o di kayay hindi nakatuon sa isang particular na layunin o bagay na pinatutungkulan ng isang aksyon» [Nolasco 2003: 86]).

¹⁹ Параметром «направленность» (directionality) Р. Ноласко проводит границу между действиями с «внешней направленностью» (external), т.е. действиями, имеющими некие внешние причины или субъект которых действует в интересах кого-то другого, и действиями со «внутренней направленностью» (internal), т.е. действиями, не имеющими каких-либо внешних причин либо совершаемыми субъектом в своих собственных интересах [Nolasco 2003: 121–126].

²⁰ Параметром «усилие» (effort) Р. Ноласко проводит границу между действиями, требующими усилий (effortful), и действиями, не требующими усилий (effortless) [Nolasco 2003: 116–119].

²¹ Параметром «задействованность Р» (affectedness of P) Р. Ноласко проводит границу между действиями, в которых объект полностью охвачен действием (P totally affected), и действиями, в которых объект оказывается задействованным не весь (P not affected) [Nolasco 2003: 99–104].

10) выделенность P^{22} — выделенный P , так как из сказанного в предложении нельзя извлечь никакой информации о том, было ли направлено действие «давания» на что-либо еще. Единственным объектом действия в данной ситуации является «совет».

Таким образом, по девяти параметрам (десятый параметр — «активность» — сформулирован слишком расплывчато, что не позволяет установить, как данную конструкцию следует трактовать с позиции определения, предлагаемого Р. Ноласко) ситуация, представленная в предложении (18), проявляет признаки высокой степени транзитивности. Тем не менее вопреки всем предсказаниям Р. Ноласко, она передается конструкцией в субъектном залоге.

Второй возможный вариант взаимодействия семантических условий, описываемых параметрами Р. Ноласко, заключается в том, что в каждом отдельном случае для выбора залога значимым оказывается действие лишь нескольких или даже только одного из десяти параметров. При такой точке зрения против гипотезы Р. Ноласко также встает ряд трудностей.

Во-первых, в тагальских текстах встречаются предложения, в случае с которыми все параметры (по крайней мере те, значение которых возможно установить) принимают одно значение — низкой или высокой степени транзитивности, однако выбор залога оказывается противоположным, т.е. несубъектный или субъектный соответственно. Примером такого случая является предложение (18), проанализированное выше.

Второй проблемой, встающей на пути признания гипотезы Р. Ноласко, если считать, что определяющим для выбора залога может быть и всего один параметр из десяти, является то, что при таком подходе неясно, как взаимодействуют разные параметры друг с другом, существует ли какая-либо иерархия параметров, каким образом можно установить, какой из параметров отвечает за выбор залога в каждом конкретном случае. На существование этой проблемы указывает в том числе тот факт, что сам Р. Ноласко

---

²² Параметром «выделенность P » (exclusivity of P) Р. Ноласко проводит границу между действиями с единственным объектом (exclusive P) и действиями со множеством объектов (non-exclusive P) [Nolasco 2005: 18–20].

некоторые примеры, использованные в его диссертации [Nolasco 2003] как иллюстрации параметров, приводит в статье [Nolasco 2005] как иллюстрации уже других параметров:

(23) ...*gi=undang* ko na ang pagpanigarilyo...

PAST=прекращать.TR(-un) 1ERG.SG уже ABS курение

‘Я уже **бросил** курить...’

Sds(24) ...*mi=undang* ko na sa pagpanigarilyo...

INT.PAST=прекращать 1ABS уже OBL курение

‘Я уже **бросил** курить...’ [Nolasco 2005: 13].

В статье Р. Ноласко использует данные примеры из филиппинского языка себуано как иллюстрацию параметра «намеренность», заявляя, что в (23) пациенсный глагол *giundang* ‘прекращать’ передает ситуацию, в которой бросание курения предполагает значительную «дисциплинированность» со стороны субъекта, а в (24) субъектный глагол *miundang* ‘прекращать’ передает ситуацию как простое сообщение о факте²³. В диссертации же Р. Ноласко приводит аналогичные примеры как иллюстрацию параметра «направленность», утверждая, что несубъектная конструкция передает ситуацию, где субъект бросил курить вследствие внешних причин, а субъектная конструкция — ситуацию, где субъект бросил курить вследствие причин внутренних [Nolasco 2003: 123]. Возникает вопрос, какая залоговая конструкция была бы использована, если бы автор хотел передать ситуацию, в которой, например, для того чтобы бросить курить, от субъекта требуются значительные усилия (или «дисциплинированность»), однако действие не является завершённым, т.е. субъект находится в процессе бросания курения? Была бы использована субъектная конструкция, так как параметр «вид» принимает значение низкой степени транзитивности, или же несубъектная конструкция, так как параметр «намеренность» принимает значе-

²³ «(31a) comes from a column of Greg Laconsay in the Bisaya magazine. The verb *giundang* denotes that it took a large amount of discipline on the part of the author to stop smoking. (31b) is a colorless and bland way of describing the event in a matter-of-fact fashion» [Nolasco 2005: 13].

ние высокой степени транзитивности? Какая конструкция была бы использована для описания ситуации, в которой от субъекта требуется «дисциплинированность», но курить он бросает по неким внутренним причинам, и почему? Ответы на подобные вопросы Р. Ноласко не дает и даже не указывает на возможные варианты их решения.

Третьей проблемой для признания гипотезы Р. Ноласко является то, что в тагальских текстах обнаруживаются пары конструкций, в которых глаголы, образованные от одного корня, отличаются залогом, однако какие-либо различия в их семантике, основываясь на параметрах Р. Ноласко, вывести не представляется возможным.

(25)

Kapag ang ningas nito ay napakaliwanag, umasang
 если ANG пламя DEM.NG PART очень-яркий INF.AV(um-).ожидать-LK
may tatanggaping isang magandang balita... [X: 142].
 есть CONTASP.PV(-in).получать-LKодин-LK красивый-LK новость

‘Если его пламя очень яркое, **ждите** хороших новостей’ (букв. ‘Если пламя его очень яркое, **ждите** (что) есть будет-полученная одна красивая новость’).

(26)

Kapag kayo’y nakaatoy ng kandila nang wala
 если 2PL.ANG PART PERFASP.AV(naka-).чуть-запах NG свеча когда нет
namang kandilang Sinindihan, asahang may
 EMPH-LK свеча-LK PERFASP.PV(-an).зажигать INF.PV(-an). есть
 ожидать-LK
multong dumadalaw sa inyong tahanan [X: 142].
 призрак-LK IMPASP.AV(-um-).посещать SA 2PL.NG-LK жилище

‘Если вы почували запах свечи, хотя рядом нет зажженной свечи, **знайте**, что ваш дом посещает призрак’ (букв. ‘Если вы почували-запах свечи, когда нет свечи зажженной, **ждите** (что) есть призрак, посещающий ваше жилище’).

Глаголы *umasa* и *asahan* в примерах (25) и (26), относящиеся к разным залогам, не проявляют, однако, различий по параметрам Р. Ноласко.

Четвертой проблемой на пути рассматриваемой гипотезы является тот факт, что в тагальском языке от одной основы могут образовываться глаголы нескольких несубъектных залогов, т.е. несколько различных транзитивных глаголов, согласно Р. Ноласко. Таким образом, возникает вопрос, что влияет на выбор того или иного транзитивного глагола.

(27) *Sa isang iglap ay hinugot niya ang mga lumang bulaklak sa Plorera at ipinalit ang dala*
 SA один-LK миг PART PERFASP.PV(ø).вынимать 3SG.NG ANG PL
 старый-LK цветок SA ваза и PERFASP.IV(i-). ANG ноша
 заменять
ko [II: 112].
 1SG.NG

‘В один миг она вынула старые цветы из вазы и **заменяла** на те, что принес я’ (букв. ‘В один миг вынула она старые цветы из вазы и **использовала-для-замены** принесенное мной’).

(28) *...dapat nating palitan ang marahas na rebolusyon ng rebolusyong kapani-paniwala: liberal, konstitusyonal at Marayapa* [V: 46].
 нужно 1PL.INCL.NG-LK INF.PV(-an).заменять ANG жестокий LK
 революция NG революция-LK вызывающий-доверие либеральный
 конституционный и Мирный

‘Мы должны **заменить** жестокую революцию на революцию, вызывающую доверие: либеральную, конституционную и мирную’.

В примере (27) употреблен глагол инструментального залога *ipalit* с тем участником, на который происходит замена, в функции подлежащего, тогда как в примере (28) употреблен глагол пациенсного залога *palitan* с участником, который заменятся, в функции подлежащего. Как нам представляется, параметры Р. Ноласко не могут объяснить выбор залога в случаях, подобных этому: почему в (27) не использован пациенсный глагол *palitan*, при котором конструкция выглядела бы следующим образом:

(29) *Sa isang iglap ay hinugot niya ang mga lumang bulaklak at pinalitan ng dala ko* — и почему в (28) не использован инструмен-

тальный глагол *ipalit*, с которым конструкция выглядела бы так: (30) ...*dapat nating ipalit ng marahas na rebolusyon ang rebolusyong kapani-paniwala...*

Очевидно, что единственное различие, если исходить из параметров, предложенных Р. Ноласко, в этих двух предложениях, как можно предположить, может быть связано с задействованностью или выделенностью Р, так как все другие условия в обоих предложениях являются равными. В соответствии с гипотезой Р. Ноласко оба предложения следует рассматривать как транзитивные, отличаются они лишь тем, какой из участников становится подлежащим конструкции. Однако мы не находим никаких различий в задействованности или выделенности, как они представлены у Р. Ноласко, между *mga lumang bulaklak* ‘старые цветы’ и *dala ko* ‘принесенное мной’ в (27) и *marahas na rebolusyon* ‘жестокая революция’ и *rebolusyong kapani-paniwala...* ‘революция, вызывающая доверие...’ в (28).

Наконец, значительной проблемой для принятия гипотезы Р. Ноласко является также тот факт, что зачастую выбор того или иного залога обуславливается чисто синтаксическими факторами, о чем упоминает и сам Р. Ноласко [Nolasco 2003: 212–213]. В конструкциях, где глагол выступает в функции определения или актанта, выбор залога этого глагола полностью зависит от того, какую роль в описываемой глаголом ситуации играет сам глагол, используемый в такой функции.

(31)
 ...*pook na pinangyarihan ng pagkuha sa maharlikang*
 место LK PERFASP.LV(-an).происходить NG взятие SA благородный-LK
prinsesa... [V: 196].

принцесса

‘...место, где была взята благородная принцесса...’ (букв. ‘...место, (где) произошло взятие благородной принцессы...’).

(32)
 ...*para punuin ang aking sinusulatan* [IX: 12].
 чтобы INF.PV(-in).заполнять ANG 1SG.NG-LK IMPASP.LV(-an).писать

‘...чтобы заполнить бумагу, которую я писал.’ (букв. ‘чтобы заполнить мое **то, где писал**’).

В примере (31) глагол *pangyarihan* ‘случаться’ используется в локативном залоге. Выбор залога глагола, используемого в функции определения, обусловлен тем, какую роль в описываемой глаголом ситуации играет определяемое слово. В примере (32) глагол *sulatan* ‘писать’ локативного залога использован в функции подлежащего. Выбор залога такого номинализованного глагола определяется тем, какую роль в ситуации, передаваемом сказуемым, он играет.

Подводя итог, мы можем сказать, что гипотеза Р. Ноласко, основанная на гипотезе транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон, как минимум требует серьезной доработки, поскольку в настоящем виде она не предоставляет адекватное описание залоговой системы тагальского языка, так как вызывает большое число возражений и содержит множество непоследовательностей и несоответствий фактам тагальского языка.

Критерий ограничений на образование залоговых форм и конструкций

Критерий ограничений, наложенных на образование залоговых форм и конструкций, используется в работе [Starosta, Pawley, Reid 1982], авторы которой утверждают, что в тагальском языке неаффиксированные глагольные основы всегда являются эргативными, поскольку подлежащим при них всегда выступает пациенс, а не агенс. Мы можем, однако, привести два возражения, которые, как нам представляется, не позволяют безоговорочно считать наблюдение этих авторов верным.

Во-первых, конструкции с неаффиксированными глагольными основами (т.е. просто корневыми морфемами), вопреки утверждению С. Старосты, Э. Поли и Л. Рида, бывают и «субъектного» типа, т.е. позицию подлежащего при них занимает субъект:

(33) *Sawa na rin ako sa soft drinks at sandwich,*
пресытившийся уже тоже 1SG.ANG SA безалкогольные напитки и сэндвич
mani at butong-pakwan [IX: 191].
арахис и арбузные-семечки

‘Мне уже надоели напитки и сэндвичи, арахис и арбузные семечки’ (букв. ‘Пресытившийся уже тоже я безалкогольными напитками и сэндвичами, арахисом и арбузными семечками’).

- (34) *Galing siya sa palaisdaan* [IX: 209].
 пришедший 3SG.ANG SA рыбоводный-пруд

‘Он пришел от рыбного пруда’ (букв. ‘**Пришедший он** от рыбного-пруда’).

В примере (33) использовано корневое слово *sawa* ‘пресыщение/пресыщенный’, от которого образуются глаголы *magsawa/sumawa/sawaan/kasawaan/pagsawaan/ikasawa* ‘пресыщаться’. Подлежащим, однако, при нем является местоимение *ako* ‘я’, которое обозначает субъекта ситуации. В примере (34) использовано корневое слово *galing* ‘пришедший’, от которого образуются глаголы *manggaling/panggalingan* ‘приходить’. Подлежащим в (34) является местоимение *siya* ‘он’, обозначающее субъекта ситуации.

Второе возражение заключается в том, что вопрос о частеречной принадлежности таких слов, которые могут употребляться вместо полной формы глаголов, не решен. Если такие слова являются существительными или прилагательными, использовать конструкции с ними в качестве аргумента в поддержку эргативного подхода к тагальскому языку нельзя.

Заметим, что в тагальском языке существуют также и другие случаи, когда неаффиксированная форма используется вместо глагола, а именно — императивные конструкции, в которых глагол может быть употреблен в виде корневой морфемы:

- (35) *Umuwi ka na...* [IV: 123].

INF.AV(um-).возвращаться-домой 2SG.ANG уже

‘Иди домой...’ (букв. ‘Вернись домой ты уже...’).

- (36) *Iwan mo nga ako rito* [IV: 123].

оставь 2SG.NG пожалуйста 1SG.ANG DEM.SA

‘Оставь, пожалуйста, меня здесь’.

В конструкции (35) использована полная форма императива глагола *umuwi* ‘возвращаться домой’, тогда как в конструкции (36) в функции императивного глагола используется корневое слово *iwan* ‘оставь’.

Необходимо обратить внимание на то, что на принадлежность таких «сокращенных» императивов к глаголам указывает тот факт, что конструкции с ними, которые являются равнозначными

конструкциям с соответствующими императивными глаголами полной формы, могут образовываться как по несубъектной модели, т.е. с объектом в функции подлежащего, так и по субъектной модели, т.е. с субъектом в подлежащем.

(37) *tigil mo iyang iyong mga kaululan.*
 прекрати 2SG.NG DEM.ANG-LK 2SG.ANG-LK PL глупость
 ‘Прекрати эти свои глупости’.

(38) ...*tigil ka niyang iyong mga kaululan* [IV: 123]
 прекрати 2SG.ANG DEM.NG-LK 2SG.NG-LK PL глупость
 ‘...прекрати эти свои глупости’.

Это, однако, невозможно в случае с неаффиксированными формами, которые не являются императивными. В подобных конструкциях позицию подлежащего может занимать всегда только один партиципant.

(39) *Halos tanaw na niya ang bubong ng kanilang bahay...* [II: 200–201].
 почти видимое-издалека уже 3SG.NG ANG крыша NG 3PL.NG-LK
 дом

‘Он уже почти **видел крышу** их дома...’

Например, конструкция (39) не может быть трансформирована таким образом, что подлежащим в ней будет выступать субъект действия ‘он’, обозначенный в предложении агентивным дополнением *niya*.

Кроме того, на принадлежность к прилагательным таких неаффиксированных форм указывает также тот факт, что они, как и многие другие прилагательные, могут использоваться в форме интенсивной степени качества, которая образуется путем повторения слова через лигатуру.

(40) *Kitang-kita kong lumapit si*
 видный-LK видный 1SG.NG-LK PERFASP.AV(-um-).подходить PERS.SG.ANG
Ka Ponso [IV: 130].
 Понсо дядюшка

‘Я **хорошо видел**, как подошел дядюшка Понсо’ (букв. ‘**Видный видный** мой, что подошел дядюшка Понсо’).

Сючуань, лишь несубъектными: *lakihan* ‘делать большим’, *tamisan* ‘делать сладким’, *alatan* ‘делать соленым’ [Liao 2004: 25–26].

На данный аргумент мы также можем привести два возражения. Во-первых, степень распространенности подобных примеров в тагальском языке неизвестна. Во всяком случае можно утверждать, что не всем одновалентным субъектным глаголам, корень которых обозначает качество, соответствуют лишь несубъектные двухвалентные глаголы. Например, глаголам *tumaas* ‘становиться высоким’, *bumaba* ‘спускаться, становиться низким’ и *lumayo* ‘становиться далеким’ соответствуют как несубъектные, так и субъектные двухвалентные глаголы: *magtaas(AV)/itaas(PV)* ‘делать высоким’, *magbaba(AV)/ibaba(PV)* ‘спускать, делать низким’ и *maglayo(AV)/ilayo(PV)* ‘делать далеким’. Во-вторых, несубъектные двухвалентные глаголы типа *tamisan* и *lakihan* являются лексическими каузативами, при этом параллельно с ними существуют морфологические каузативы с тем же значением, как несубъектные, так и субъектные.

lakihan(PV) — *magpalaki(AV)/palakihin(PV)* ‘делать большим’

tamisan(PV) — *magpatamis(AV)/patamisin(PV)/patamisan(PV)*

‘делать сладким’

alatan(PV) — *magpaalat(AV)/paalatin(PV)* ‘делать соленым’

Заключение

Анализ критериев, используемых для установления основных транзитивных конструкций, показал, что на основании критерия формальной сложности и производности, критерия полноты выражения семантических единиц и критерия текстовой частотности все залоговые конструкции в тагальском языке следует признать равноправными. Однако ввиду возражений, представленных Ляо Сючуань, будущим исследованиям предстоит уточнить целесообразность использования критериев формальной сложности и производности и полноты выражения семантических единиц для установления основной переходной конструкции. Гипотеза об определяющей роли референтного статуса объекта для выбора залога, которая рассматривается некоторыми исследователями как проявление критерия ограничений на дистрибуцию конструкций разных залогов, признана несостоятельной: наличие случаев,

в которых выбор залога противоречит гипотезе, и случаев, в которых гипотеза не способна объяснить выбор залога, не позволяет принять ее как адекватно объясняющую реалии тагальского языка, вследствие чего опираться на нее при исследовании вопроса о принадлежности тагалога к аккузативным или эргативным языкам, как нам представляется, нельзя. Возможность применить гипотезу транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон к тагальскому языку, которая впервые была предложена в: [Nolasco 2003], по нашему мнению, также наталкивается на непреодолимые препятствия. Аргументы С. Староста, Э. Поли, Л. Рида и Ляо Сючуань, объединенные в критерий ограничений на образование залоговых форм и конструкций, требуют дополнительных исследований. Предварительные данные, которыми мы располагаем, позволяют нам опровергнуть утверждение указанных авторов о том, что критерий ограничений на образование форм и конструкций может быть использован для доказательства эргативности тагальского языка.

В будущих исследованиях, посвященных рассматриваемой в настоящей статье проблеме, в круг показателей, используемых для установления основной транзитивной конструкции, должны быть вовлечены также данные, полученные с помощью других критериев, действие которых в тагальском языке в настоящее время изучено слабо. Важные свидетельства, например, может предоставить критерий ранней усваиваемости детьми конструкций разных залогов, данные которого, по всей видимости, пока не содержат достаточных оснований для их использования как доказательства в пользу первичности той или иной залоговой конструкции в тагальском языке. Так, опираясь на одни и те же исследования, А. Маклахлан приходит к выводу о равноправности всех залоговых конструкций в тагальском языке [MacLachlan 1996: 38–41], а Ляо Сючуань — к выводу о первичности пассивной конструкции [Liao 2004: 201]. Также следует провести дополнительные исследования по многим другим вопросам, например частотности разных залогов императивных конструкций.

На основании данных, полученных с использованием вышеперечисленных критериев, мы приходим к точке зрения, которую разделяют такие авторы, как М. Сибатани, А. Маклахлан, В. Фоли

и М. Катагири: тагальский язык не может быть классифицирован как аккузативный или эргативный, все тагальские залоговые конструкции следует рассматривать как равноправные.

Представленные здесь выводы являются, однако, всего лишь предварительными. Более тщательное исследование указанных выше вопросов и обнаружение новых данных, которые также возможно будет использовать в качестве критериев, могут предоставить дополнительные доказательства, либо подтверждающие представленные в настоящей работе выводы, либо опровергающие их.

Литература

Алиева 1998 — Алиева Н.Ф. Типологические аспекты индонезийской грамматики: Аналитизм и синтетизм. Посессивность. М., 1998.

Климов 1973 — Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.

Макаренко 1970 — Макаренко В.А. Тагальское словообразование. М., 1970.

Подберезский 1976 — Подберезский И.В. Учебник тагальского языка. М., 1976.

Рачков 1981 — Рачков Г.Е. Введение в морфологию современного тагальского языка. Л., 1981.

Сирк 2008 — Сирк Ю.Х. Австронезийские языки, введение в сравнительно-историческое изучение. М., 2008.

Храковский 1999 — Храковский В.С. Пассивные конструкции // Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб., 1999. С. 15–50.

Шкарбан 1995 — Шкарбан Л.И. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.

Comrie 1988 — Comrie B. Passive and voice // *Passive and voice* / Ed. Masayoshi Shibatani. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 9–23.

De Guzman 1988 — De Guzman V.P. Ergative analysis for Philippine languages: An analysis // *Studies in Austronesian linguistics* / Ed. Richard McGinn. Athens; Ohio: Center for Southeast Asia Studies, Center for International Studies; Ohio University, 1988. P. 323–345.

De Guzman 1996 — De Guzman V.P. Lexical categories in Tagalog // *Pan-Asiatic Linguistics: Proceedings of the Fourth International Symposium on Languages and Linguistics*. Vol. 1. Mahidol University, 1996. P. 307–396.

Dixon 1994 — Dixon R.M.W. Ergativity // *Cambridge Studies in Linguistics*. No 69. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Foley 1998 — Foley W.A. Symmetrical voice systems and precategoryality in Philippine languages // *Proceedings of the LFG 98 Conference: Workshop on voice and grammatical functions in Austronesian languages* / Eds. Miriam Butt and Tracy Holloway King. Stanford: CSLI, 1998.

French 1988 — French K.M. The focus system in Philippine languages: A historical overview // *Philippine Journal of Linguistics*. 1988. No 18–19. P.1–25.

Garcia 1992 — Garcia L.G. *Mga Gramatikang Tagalog/Pilipino (1893–1977)*. Lunsod Quezon: Unibersidad ng Pilipinas, 1992.

Gibson, Starosta 1990 — Gibson J.D., and Starosta S. Ergativity east and west // *Linguistic change and reconstruction methodology* / Ed. Philip Baldi. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990. P. 195–210.

Himmelman 1991 — Himmelman N.P. The Philippine challenge to Universal Grammar. Arbeitspapier. Nr. 15 (Neue Folge): Institut für Sprachwissenschaft, Universität zu Köln, 1991.

Hirano 2006 — Hirano Ti. Subject and Topic in Tagalog // *10th International Conference on Austronesian Languages*. 2006.

Hopper, Thompson 1980 — Hopper P.J. and Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. No 56 (2). P. 251–299.

Katagiri 2005 — Katagiri M. Topicality, ergativity and transitivity in Tagalog: Implications for the Philippine-type system // *Taiwan-Japan Joint Workshop on Austronesian Languages*. June 23–25, 2005. Taipei: Howard International House, 2005.

Kroeger 1993 — Kroeger P.R. Another look at subjecthood in Tagalog // *The Philippine Journal of Linguistics*. 1993. Vol. 24. No 2. P. 1–15.

Liao 2004 — Liao H. Transitivity and ergativity in Formosan and Philippine languages: Ph.D. Dissertation. University of Hawai'i, 2004.

Maclachlan 1994 — Maclachlan A.E. Conjunction reduction and the syntax of case in Tagalog // *Proceeding of the Seventh International Conference on Austronesian Linguistics* / Eds. Cecilia Ode and Wim Stokhof. Leiden University, 1994. P. 443–460.

Maclachlan 1996 — Maclachlan A.E. Aspects of ergativity in Tagalog: Ph.D. Dissertation. McGill University, 1996.

Nolasco 2003 — Nolasco M.R. *Ang Pagkatransitibo at Ikinaergatibo ng mga Wikang Pilipino: Isang Pagsusuri sa Sistemang Bose*: Ph. D. Dissertation. Philippines, Quezon City: University of the Philippines–Diliman, 2003.

Nolasco 2005 — Nolasco R. What ergativity in Philippine languages really means // *Taiwan-Japan Joint Workshop on Austronesian Languages*. Taipei: National Taiwan University, 2005. P. 215–238.

Rafael 1978 — Rafael T.C. Topic in Tagalog revisited // *Studies in Philippine Linguistics*. 1978. Vol. 2. No 1, 1978. P. 36–48.

Saclot 2006 — Saclot M.J.D. On the Transitivity of the Actor Focus and Patient Focus Constructions in Tagalog // Tenth International Conference on Austronesian Linguistics. Philippines, Puerto Princesa City, 17–20 January 2006. <http://www.sil.org/asia/philippines/ical/papers.html>

Schachter, Otones 1972 — Schachter P., and Otones F.T. Tagalog reference grammar. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1972.

Shibatani — Shibatani M. Voice in Philippine languages // Passive and voice / Ed. M. Shibatani. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 85–142.

Starosta, Pawley, Reid 1982 — Starosta S., Pawley A.K., and Reid L.A. The Evolution of Focus in Austronesian // Papers from the Third International Conference on Austronesian Linguistics. Vol. 2. Tracking the Travelers / Eds. A. Halim, L. Carrington, and S.A. Wurm. Pacific Linguistics C-75. Canberra: Australian National University. 1982. P. 145–170.

Источники

- I — Balagtas F. Orosman at Zafira / Ed. B.S. Medina Jr. Manila, 1990.
- II — Balde A.M., Jr. Calvary road. Manila, Philippines, 2005.
- III — Biblia. Tagalog popular version. Manila: Philippine Bible Society.
- IV — Mga Piling Katha (1947–1948). Manila, 1948.
- V — Mga talumpati ng ating kasaysayan, tinapon ni Vivian L. Balaristica. Quezon City, 2006.
- VI — Paz C.J. Gabay sa fildwurk. Quezon City, 2005.
- VII — Pinas. Blg.4, Mayo 26 — Hunyo 1, 2008. Manila.
- VIII — Reyes E.M. Sa Mga Kuko Ng Liwanag. Quezon City, 2007.
- IX — Reyes J.C. Tutubi, Tutubi, ‘Wag Kang Magpahuli sa Mamang Salbahe. Quezon City, 2004.
- X — Silverio J.F. 1,001 Katutubong Pamahiin. Manila, 1997.

Список сокращений

- 1 — местоимение 1-го лица.
- 2 — местоимение 2-го лица.
- 3 — местоимение 3-го лица.
- ABS — абсолютный падеж.
- ACC — аккузативный падеж.
- ANG — падежный показатель или местоимение группы *ang*.
- AV — субъектный залог.
- BV — бенефактивный залог.
- CONTASP — глагольная форма неначатого действия.
- DEM — указательное местоимение.

- DV — адресатный залог.
EMPH — эмфатическая частица *natan*.
ERG — эргативный падеж.
EXCL — эксклюзивное местоимение.
IMPASP — глагольная форма незавершенного действия.
INCL — инклюзивное местоимение.
INF — инфинитив.
IV — инструментальный залог.
LK — лигатура *na/-ng/nang*.
LV — локативный залог.
NEG — отрицательная частица *hindi*.
NG — падежный показатель или местоимение группы *ng*.
NOM — номинативный падеж.
PART — показатель актуального членения *ay*.
PERFASP — глагольная форма завершенного действия.
PERS — личный падежный показатель.
PL — частица множественного числа *mga* либо местоимение множественного числа либо личный падежный показатель множественного числа.
PV — пациенский залог.
SA — падежный показатель или местоимение группы *sa*.
SG — местоимение единственного числа либо личный падежный показатель единственного числа.

Часть IV

АНТРОПОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Л.А. Рид

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ — КТО ОНИ? ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Введение

Статья написана на основе моего доклада на Первой международной конференции кордильерских исследований, которая состоялась в городе Багио, Филиппины, 7–9 февраля 2008 г. Организаторы конференции обратились ко мне с просьбой представить общую картину кордильерской лингвистики и выявить первоочередные проблемы исследования языков коренных народов («indigenous languages»)². Эти задачи различны, но тесно между собой связаны.

Прежде чем приступить к их разрешению, нужно понять, о чем собственно пойдет речь. ЧТО ТАКОЕ кордильерская лингвистика и ЧТО ТАКОЕ языки коренных народов? Я хотел бы начать со второго вопроса. Проще всего было бы ответить, что языки коренных народов — это языки, на которых говорят коренные народы. Однако если мы зададимся вопросом, кто такие коренные народы и почему их называют коренными, сразу же столкнемся с рядом интересных проблем.

---

¹ С большим удовольствием посвящаю эту статью профессору Геннадию Рачкову в день его 80-летия. Благодаря его неутомимым усилиям по преподаванию тагальского языка, решению сложных проблем морфологии и синтаксиса филиппинских языков в его публикациях отделение тагальской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского университета стало одним из ведущих российских центров исследования филиппинской лингвистики. Хочу также поблагодарить д-ра Марию Станюкович, принадлежащую к плеяде лучших учеников Г. Рачкова, которая предложила мне представить в сборник эту статью и перевела ее.

² Пленарный доклад Л.А. Рида был обращен к студентам-представителям коренных народов Университета Филиппин в Багио, что и обусловило особенности данной статьи. — Прим. пер.

Поэтому в первой части статьи я рассмотрю различные трактовки термина «коренные», с тем чтобы яснее представить отношения между языками, на которых говорят в районе Кордильеры, и языками, на которых говорят в других областях Филиппин. Во второй части я дам обзор сведений о происхождении филиппинских языков с точки зрения археологии и лингвистики, уделяя особое внимание изменениям или трансформациям, которые привели к появлению набора языков, получивших название кордильерских. В заключительной части на примере одного из этих языков я покажу современные проблемы, которые оказывают влияние не только на этот язык, но и на все языки, на которых говорят малые народы Кордильеры и других районов Филиппин, т.е. малые народы, которые на Филиппинах сейчас часто называют коренными. В выводах я постараюсь свести воедино различные нити рассуждений, чтобы подчеркнуть, что все языки Кордильеры находятся на грани исчезновения и необходимы согласованные усилия всех нас для того, чтобы следующие поколения не лишились своих языков и культур, которые и составляют сердцевину их идентичности как кордильерских народов.

Кто такие «коренные народы»?

В этом разделе я рассмотрю различные определения термина «коренные» («indigenous») или «коренные народы» («indigenous people»), начиная с определения из словаря Уэбстера, далее перейду к определениям ООН, Международной организации труда, Всемирного Банка и Филиппинской Национальной комиссии по коренным народам (National Commission on Indigenous Peoples — NCIP).

В словаре Уэбстера³ термин *indigenous* определен следующим образом: «1. Местный, рожденный, растущий или произведенный в данной местности, стране или регионе, не привнесенный (exotic), например кукуруза и хлопок — местные растения для Северной Америки. 2. Врожденный, унаследованный, при-

---

³ Webster's New Twentieth Century Dictionary of the English Language. Noah Webster; Jean L. McKechnie. New York: Webster's New World Dictionary, 1983. — Прим. пер.

рожденный. **Син[онимы]:** исконный, местный, аборигенный (original, native, aboriginal)».

Исходя из этого определения можно сделать вывод о том, что языки коренных народов — это языки, на которых говорят народы, являющиеся исконными, местными или аборигенными для данного региона, т.е. мы можем сказать, что кордильерские языки — языки коренных народов в Кордильерском регионе, потому что на них говорили первопоселенцы Кордильеры. Однако в этом случае возникает проблема, поскольку мы можем с тем же основанием сказать, что на Филиппинах любой народ, который был первопоселенцем в данной местности, является коренным, а значит язык этого народа должен называться языком коренного народа. В этом случае илоканский язык также может считаться таковым, поскольку на нем говорили первопоселенцы провинций Илокос. Однако достоверно ли нам известно, что илоканцы (или носители кордильерских языков) — первопоселенцы тех земель, которые они сейчас занимают? Можно задаться вопросом, какой народ был исконным в районе Манилы? Говорили ли эти люди по-тагалски (и тогда тагалы тоже станут коренным народом), или это были носители языка, ныне известного как капампанган, которых позже вытеснили говорящие по-тагалски переселенцы из Бисайского региона, как ясно показывают данные лингвистики (Zorc 1993; Gonzalez 2005)? В таком случае капампанган тоже следует считать языком коренного народа.

Посмотрим, какие еще существуют представления о том, кто такие коренные народы и что такое язык коренного народа.

13 сентября 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию о правах коренных народов⁴. Прежде чем декларацию представили на голосование, почти двадцать пять лет ее обсуждали различные рабочие группы ООН, однако, к сожалению, термин «коренные», который встречается в документе 113 раз, сам никогда не был определен. Г-жа Эрика Ирен Даэс, председатель рабочей группы, подготовившей декларацию, объяснила это тем, что «история показывает: коренные народы страдали от определений, привнесенных извне» (E/CN.4/Sub.2/AC.4/1995/3:3).

---

⁴ <http://www.un.org/esa/socdev/unpfii/ru/drip.html>

Тем не менее в 1972 г. рабочая группа предложила следующее предварительное определение: «Коренное население состоит из ныне существующих потомков народов, которые населяли данную территорию полностью или частично в тот момент, когда люди другой культуры или другого этнического происхождения прибыли туда из других районов мира, покорили их, победив в боях, заселив их территорию или другими способами поставив их в подчиненное положение или положение колонизованных; народы, которые ныне живут в большей степени в соответствии с собственными социальным, экономическим и традиционным укладом, чем по законам страны, частью которой они сейчас являются, и подчиняются институтам государства, национальные, социальные и культурные характеристики которого определяют другие, преобладающие, группы населения».

Это определение применимо в основном к доколониальному населению и неприменимо к другим изолятам или маргинальным группам. В действительности по этому определению все филиппинцы должны были бы считаться коренными народами в период испанской и американской колонизации, поскольку они были «потомками народов, которые населяли данную территорию полностью или частично в тот момент, когда люди другой культуры или другого этнического происхождения прибыли туда из других районов мира, покорили их, победив в боях, заселив их территорию или другими способами поставив их в подчиненное положение или положение колонизованных». Однако, когда Филиппины стали республикой, согласно этому определению они перестали бы считаться коренными народами, поскольку Филиппины перестали быть колонией. Поэтому в 1983 г. Рабочая группа по вопросам коренных народов (Working Group on Indigenous Populations — WGIP) расширила это определение, включив в него следующие критерии: «... (а) они являются потомками групп, которые были на данной территории в то время, когда туда прибыли другие группы иной культуры или иного этнического происхождения; (б) именно из-за своей изолированности от других групп населения страны они сохранили почти что в неприкосновенности обычаи и традиции своих предков, характеристики которых близки к коренным; (в) они подчиняются, хотя бы формально,

структуре государства, национальные, социальные и культурные характеристики которого чужды им...» (F/CN.4/Sub.2/1983/2/Add: 379).

Теперь пункт (б) выглядит уже приложимым к ситуации в Кордильерском регионе: в то время как большинство равнинных народов утратило большую часть своих доиспанских традиций (если не все), этнические группы Кордильеры, по крайней мере поколение или два поколения назад, сохраняли обычаи и традиции своих предков почти что в неприкосновенности. Далее, в 1986 г. был добавлен еще один пункт: «...(г) любой человек, определяющий себя как принадлежащего/принадлежащую к коренным народам и признанный/признанная в этом качестве группой или сообществом как член такового, должен считаться представителем коренного народа...» (E/CN.4/Sub.2/1986/7/Add: 381).

В 1989 г. Международная организация труда (МОТ) провела разграничение между племенными и коренными народами. В определении прав работников МОТ говорится, что это определение распространяется «...а) на **народы, ведущие племенной образ жизни** в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством; б) на **народы** в независимых странах, **которые рассматриваются как коренные** ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые независимо от их правового положения сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты (выделено мною. — Л.Р.)» (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml).

Здесь термин «коренные» тоже определен в колониальном смысле и неприменим к филиппинской ситуации, поскольку приложим ко всем филиппинцам; термин «народы, ведущие племенной образ жизни» более точно подходит к современным народам

Кордильеры. Однако этот термин имеет негативные коннотации, а потому малоупотребителен.

В 1991 г. Всемирный Банк представил следующий набор отличительных признаков для определения коренных народов: «...а) тесная привязанность к местам исторических поселений и природным ресурсам этих территорий; б) самоопределение или официальное определение части общества, принадлежащего к отдельной культурной группе; в) родной⁵ язык, часто отличающийся от национального языка; г) наличие традиционного общественно-политического уклада; д) производство, ориентированное в основном на натуральное хозяйство...» (http://www.arctic.org.ru/1996/1_5_96.htm).

Обратите внимание на то, что в дополнение к характеристикам, данным в предыдущих определениях (связь с землей предков, самоидентификация/самоопределение, институты обычного права), пункт (в) вводит новую, прежде не упоминавшуюся характеристику: родной язык, отличающийся от национального языка. Ясно, что это приложимо к тем областям, где колониальный язык стал национальным языком. Однако для Филиппин это определение не работает, поскольку оно означало бы, что илоканно, себуано, капампанган, пангасинан и все остальные филиппинские языки, кроме тагальского, являются языками коренных народов.

Посмотрим, как термин «коренной» определяет филиппинское законодательство. Акт о правах коренных народов (The Indigenous Peoples' Rights Act — IPRA) дает следующее определение коренных народов: «...группы людей или однородных сообществ, объединенных самосознанием и признанных окружающими, организованные общины которых длительное время населяли определенные ограниченные территории, которые по правам собственности с незапамятных времен занимали данные территории, владели ими, использовали их, будучи объединены общим языком, обычаями, традициями и другими выраженными чертами культуры, либо те, кто в ходе сопротивления политической, социальной и культурной колонизации, вторжению немест-

---

⁵ В английском варианте — «indigenous». — Прим. пер.

ных религий и культур, стал исторически отличаться от большинства филиппинцев <...> К числу коренных культурных сообществ, или коренных народов, также относятся народы, считающиеся таковыми как потомки групп, населявших страну во время колониальных захватов, вторжения неместных религий и культур или образования существующих в настоящее время государственных границ, которые сохраняют, полностью или частично, свои социальные, экономические, культурные и политические институты, несмотря на то что они вытеснены со своих традиционных территорий или переселены за пределы принадлежавших их предкам земель» (Republic Act 8371, Section 3h, Chapter 2).

Это определение включает практически все ключевые аспекты, в том числе привязанность к местам исторических поселений, самоопределение, институты обычного права, общий язык и сохранение доколониальных институтов. Особенно важно указание на «[группы, которые] стали исторически отличаться от большинства филиппинцев». Оно позволяет отнести к кореным народам все малые культурные группы страны, т.е. тех, кто говорит на языках, не относящихся к числу основных. Эта формулировка достаточно точно определяет народы Кордильеры и их языки.

Понятно, что правильно определить термин «коренные» нелегко. Тем не менее крайне отталкивающее впечатление производят грубые ошибки в трактовке этого термина, которые встречаются даже в документах, вывешенных на сайте Филиппинской национальной комиссии по правам коренных народов (НККН). Например, председатель НККН, ифугао по национальности, в речи от 1 октября 2001 г., обращенной к Азиатскому банку развития, сказала: «Термин “коренные народы” относится к нам, более чем 12 миллионам потомков первопоселенцев этого архипелага, которые пережили века сопротивления колонизации, сохранив свои обычаи, традиции и образ жизни. Когда-то наши предки были единственными жителями этих земель...»⁶.

---

⁶ <http://www.ncip.gov.ph/resourcesdetail.php?id=1>, accessed July 10, 2008.

Коренные народы можно определить как первоначальное население страны, как указано выше (см. словарное определение), но сказать, что предки ифугао или других народов Кордильеры или же предки тагалов или других равнинных народов являются потомками первопоселенцев Филиппин — попросту неверно. Когда ваши предки впервые появились на этих островах, здесь уже жили другие люди. Эти острова населяли группы негрито, которых было, вероятно, несколько сот. Большая часть этих групп были полностью ассимилированы или вымерли, однако до сих пор существует около двадцати пяти отдельных групп негрито. Все они находятся на грани вымирания. Они-то и есть настоящие первые филиппинцы, именно негрито в буквальном смысле коренные филиппинцы, предки которых заселили эти острова, вероятно, более 50 тыс. лет назад. Ваши предки появились здесь всего 4,5 тыс. лет назад, они и были первыми колонизаторами этих островов. Печально, что именно первые филиппинцы занимают самое низшее положение. Филиппинское общество совершенно вытеснило их на обочину общественной жизни, они острее всех нуждаются в помощи, без которой им не выжить. Сегодня в Кордильере, по-видимому, больше нет групп негрито. А между тем есть свидетельства, что негрито алта прежде жили на территории ифугао, хотя сейчас живут в горах Сьерра Madre и в прилегающих к ним районах⁷.

⁷ На обширном пространстве Сьерра Madre, простирающемся от востока провинции Нуэва Эсика до границ провинций Аурора и Нуэва Бискайя на север от города Мариа Аурора, встречаются группы негрито, говорящие на двух языках алта. Северный и южный языки алта очень сильно различаются, они не взаимопонимаемы. По северному языку алта есть лишь две публикации: Вановверберга [Vanoverbergh 1937], который называет этот язык балер негрито, и Рида [Reid 1991]. Публикация Рида также является единственной по южному языку алта. Первое упоминание об алта, по всей видимости, содержится в работе Фердинанда Блюментритта «Versuch einer Ethnographie der Philippinen» [Blumentritt 1882: 32], которую цитирует Вустер [Worcester 1906: 791]. Блюментритт упоминает группу под названием «алтасанес», которая жила на северо-западе пров. Нуэва Бискайя. Вустер [Worcester 1906: 826] решительно заявляет: «Алтасанес. Так раньше назывались *ифугао* северо-запада Нуэва Бискайи. Этого народа больше не существует». Между тем нарративный текст ифугао Амганана повествует о контактах ифугао с негрито алта. Он опубликован в: [Madrid 1980: 117–121]. В тексте говорится, что эти негрито жили в пещерах «на вершине горы

Мы обсудили определение коренных народов НККН и сомнительное заявление, помещенное на первой странице веб-сайта Филиппинской комиссии. Бросим теперь взгляд на другие поражающие непрофессиональностью и некомпетентностью пассажи о культурных меньшинствах Филиппин (теперь именуемых коренными народами Кордильерского административного района), размещенные в этнолингвистических профилях этих народов на сайте НККН и на других сайтах, перепечатающих оттуда эти сведения. Мы обнаруживаем там материалы из непрофессиональных описаний и давно устаревших учебников истории. Они основаны на гипотезе о многочисленных миграциях, принадлежащей Г.О. Байеру⁸, который в свое время был ведущим этнологом-филиппинистом. Как мне говорили, эту теорию до сих пор преподают в филиппинских школах.

В этих пассажах ифугао описаны как потомки первой волны малайских поселенцев, прибывших на острова. Калинга там названы потомками второй группы малайских переселенцев. Ибалои подаются как «мирные, работающие и гостеприимные племена. Они обычно светлокожи, тела их хорошо развиты, рост достигает 4–5 футов. У них носы средней ширины и узкие, у некоторых широкие плоские. Глаза карие и черные, глубоко посаженные». В описании каллаханов также уделено внимание форме носа: «...икалаханы — люди небольшого роста, светлокожие, с черными круглыми глазами, черными прямыми шелковистыми волосами. Носы хорошо развиты». О бугкалотах (которых обычно называют илонготами): «У истоков могучей реки Касекнан живет другая группа — племя италон. Члены племени имеют обычное телосложение [sic!] и монгольские черты лица — узкие раскосые глаза и орлиные носы». О калинга говорится: «Известно, что они обычно высокого роста, темнокожие, гибкие, носы с высокой переносицей. Физически очень крепкие, хорошо сло-

---

между Хингйоном и Убвагом». Более точного указания на расположение этих мест в статье нет, однако они явно находились в охотничьей зоне амганадских ифугао.

⁸ Байер Генри Отли (1883–1966) — американский антрополог, основатель археологического и этнологического исследования Филиппин, отец филиппинской школы археологии и этнологии. — Прим. пер.

жены, их воинственные наклонности делают их похожими на солдат». О народе йогад (который живет в провинции Исабела, не входящей в Кордильерский административный район): «Йогады — часть христианизированных калинга. Они в основном принадлежат к индонезийскому типу с небольшой примесью крови негрито и китайской крови. Кожа от красновато-коричневой до темно-коричневой, круглоголовые, имеют прямые черные волосы, темно-карие глаза, носы средней ширины, с грубыми правильными чертами лица. Как и другие народы Филиппин, они практически безбороды». О живущих на островах Батанес иватанах, которых тоже включили в Кордильерский административный район, написано следующее: «Доминирующий физический тип — смешанный малайский: невысокие, приземистые, с сильной примесью низкорослого монгольского типа. У отдельных лиц обнаруживаются физические характеристики, свойственные айнам Японии». Подобные абсурдные и совершенно ненаучные описания читают во всем мире, они не только дают искаженное представление о коренных народах Филиппин, но и представляют уровень филиппинской науки в очень непривлекательном свете.

Откуда пришли коренные народы?

В материалах по коренным народам Филиппин не упомянут важнейший факт: все языки народов Филиппин принадлежат к австронезийской семье. Вероятно, все студенты филиппинских университетов, по крайней мере те, кто слушал курсы по истории английского языка, знают, что английский принадлежит к германской подгруппе индоевропейских языков. Однако сколько из них знают, что кордильерские языки составляют отдельную группу внетайваньской (известной также как малайско-полинезийская) ветви австронезийских языков, а также то, что все живые филиппинские языки сформировались в результате переселения народов с территории, ныне называемой Тайванем, около 4,5 тыс. лет назад? Большинство, к сожалению, по сей день верит в донаучный миф о том, что филиппинские языки представляют собой деформированные варианты малайского, сформировавшиеся в результате многочисленных миграций с юга. Археология

и лингвистика, ключевые дисциплины для понимания доисторических переселений человечества, имеют неоспоримые свидетельства происхождения народов Филиппин.

Чтобы понять, что именно обозначает термин «австронезийский», рассмотрим имеющиеся факты. Сегодня в мире более 1000 австронезийских языков, и все они в той или иной мере родственны примерно 150-ти языкам, на которых говорят на Филиппинах [Gordon 2005]. К австронезийским языкам принадлежит около дюжины языков коренных народов Тайваня⁹, большинство языков Индонезии и Малайзии, чамские языки континентальной Юго-Восточной Азии, языки Мадагаскара у побережья Африки и большинство языков Океании — Меланезии, Микронезии и Полинезии. До того как на Филиппинах появились носители австронезийских языков, на островах жили группы негрито, говорившие на языках, которые впоследствии были полностью заменены языками их австронезийских соседей [Reid 1987; 2007].

Свидетельства археологии. Археологи разграничивают стоянки ранних австронезийцев и стоянки негрито благодаря наличию керамики и других артефактов, которые никогда не получили развития в культуре негрито. Эти черты наряду со свидетельствами наличия земледелия позволяют отнести стоянки ранних австронезийцев к неолитической культуре, существовавшей на юго-западном Тайване и распространившейся оттуда на юг, на острова Батанес и на Северный Лусон.

Питер Беллвуд, всемирно известный специалист по археологии и доистории, пишет следующее: «У нас есть новая стоянка, Пещера Реранум, на самой северной оконечности Итбайата¹⁰. Ее археологический комплекс включает краснолощеную керамику и фрагменты сосудов с тонким веревочным орнаментом классического тайваньского типа, относящегося к 4500–4000 гг. до н.э. Мы располагаем также датой 4000 г. до н.э. для Пещеры Торонган, тоже расположенной на Итбайате. Небезынтересным являет-

---

⁹ По крайней мере столько же коренных языков Тайваня вымерли за последние двести лет, а все оставшиеся находятся на грани исчезновения [Blust 1999: 33; Li 2004: 49].

¹⁰ Остров Итбайат относится к островам Батанес, расположенным между Тайванем и северной оконечностью Лусона. — Прим. пер.

ся еще и тот факт, что в период 2000–1500 лет назад население стоянки Анаро на Итбайате было вовлечено в производство линглинг-о¹¹, [серег] из тайваньской яшмы [личное сообщение, 7 мая 2006 г.].

В статье, написанной совместно с Эусебио Дисоном (Eusebio Dizon) из Национального музея Манилы, Беллвуд пишет также: «В целом общий объем археологических находок, свидетельствующих о том, что неолит островов Батанес происходит с восточного Тайваня в период 4500–4000 гг. до н.э. <...> столь велик, что возникает соблазн связать это движение с лингвистическим формированием протомалайе-полинезийцев, а также с происхождением внетайваньской ветви австронезийских языков <...> В свете того, что нам известно сегодня, гипотеза о южном происхождении (с юга Филиппин, из Индонезии и Малайзии) всего неолитического комплекса, обнаруженного на [островах] Батанес и в Кагайане, уже не может считаться удовлетворительной. Сегодня мы располагаем достаточным количеством радиоуглеродных дат с [островов] Батанес и из Кагайана <...> которые показывают, что этот регион на несколько столетий, возможно даже на тысячелетие <...> древнее самых ранних неолитических стоянок восточной Индонезии, о которых известно сегодня» [Bellwood and Dizon 2005: 28–29].

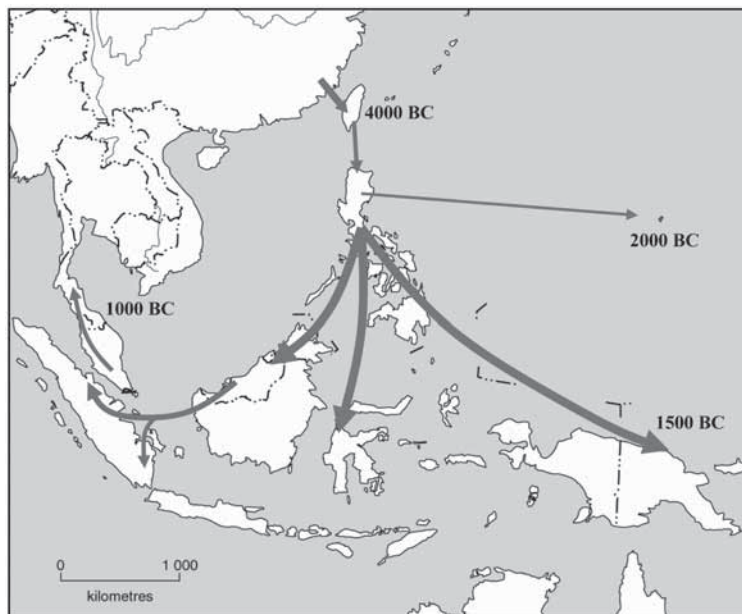
Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о том, что люди, говорившие на австронезийских языках, двигались с Тайваня на юг, и далее распространились по всей Океании, как показано на картах 1 и 2¹².

Свидетельства лингвистики. Два ключевых факта позволяют лингвистам принимать обоснованные решения о родстве языков, определять, какие языки являются родными братьями, какие — двоюродными и троюродными, а какие вообще не состоят в род-

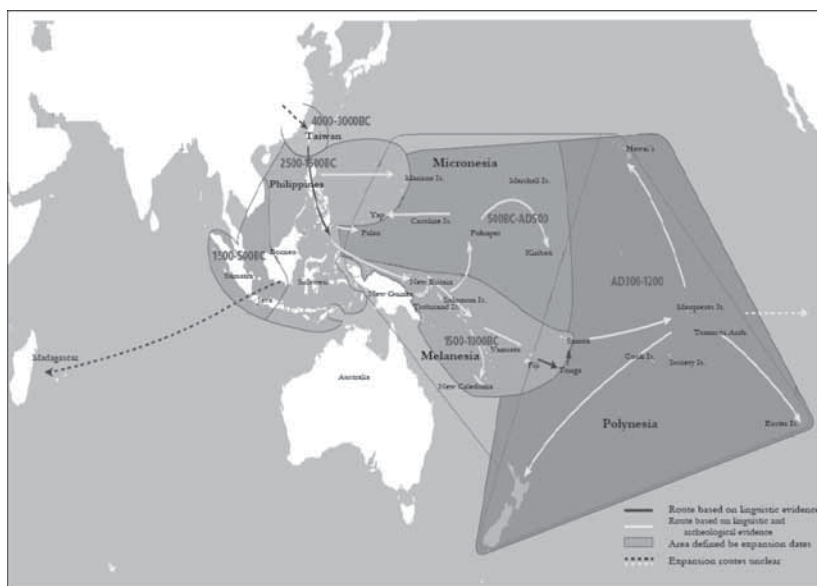
---

¹¹ Изображение *линглинг-о*, украшения, использовавшегося как серьги, подвески и т.д. на большей части территории Филиппин, является логотипом серии «Маклаевский сборник» (см. обложку данного издания). — Прим. пер.

¹² Карта 2 «Экспансия австронезийских народов», основана на карте, опубликованной на с. 2–3 издания *Oceania: Umi-no Jinrui Dai-idou* [Oceania: Expansions of the Great Seafarers]. Kyoto: Shōwadō, National Museum of Ethnology, Japan, 2007.

Карта 1. Распространение австронезийских языков с Тайваня на Филиппины

Карта 2. Экспансия австронезийских народов

стве между собой. Семейная метафора важна, поскольку подчеркивает первый ключевой факт: каждый язык постоянно меняется в процессе того, как его выучивает заново каждое последующее поколение детей. Таким образом, языки, на которых говорят сегодня, являются дочерними по отношению к породившим их языкам. Второй факт — в процессе изменения языков их звуки изменяются систематически, т.е. когда на замену определенному звуку в родительском языке приходит другой звук в дочернем, он, как правило, изменяется одинаково во всех словах, в которых этот звук имеется.

Языкам лишь столько лет, сколько лет тому поколению, которое на них говорит. Не может быть доисторического языка, на котором говорят сегодня: все доисторические языки вымерли вместе с их носителями. Сохранился язык, который они передали своим детям и детям своих детей. Различия в языке двух поколений, как правило, минимальны, но, как я покажу чуть позже, могут быть и весьма значительны. Внуки обычно говорят совсем иначе, чем деды, это показатель изменений языка, которые могут затрагивать все его аспекты. Изменения лексикона, употребляемых нами слов принадлежат к наиболее очевидным. Ребенком я жил в Новой Зеландии, где основной денежной единицей, как в Англии, был *фунт*. Двадцать *шиллингов* составляли фунт, или *соверен* (*quid*). Двадцать один шиллинг составлял *гинею*. Двенадцать *пенни* составляли шиллинг, или боб (*bob*). Пенни делились на *полупенни* (*halfpennies*, произносилось «haur-peys»), которые в свою очередь делились на *фартинги*, по четыре фартинга в пенни. На фартинг я мог купить один леденец (*lolly*). Название монеты в два пенни произносилось «tuppince», и был еще целый ряд других названий для монет, например монета в три пенни называлась трехпенсовик (произносилось «thripince») или *threepeny bit* (произносилось «thripny bit»), и так далее. Сегодня эти термины исчезли из языка, поскольку инфляция обесценила мелкие монеты, а денежные единицы поменялись на доллары и центы, таким образом в язык вошел новый набор терминов. Старые слова можно найти в словарях, но дети сегодня не слышат их в разговорном языке, а если и услышат, то, вероятно, не поймут.

Звуки языка тоже меняются, и это едва ли не первое, что мы замечаем в речи людей из других мест. Мне не было еще и двадцати, когда я поступил в колледж в Австралии, где меня дразнили за мой акцент «киви». Я произносил гласный *i* в таких словах, как *this*, *his*, *him*, *sin*, *rip*, как звук шва [э] (очень похоже на гласный, обозначаемый буквой *e* в бонтокском, канканайском, пангасинанском и южных диалектах илоканского), в то время как в австралийском произношении здесь долгое «и» — «*ee*». «Осси»¹³ думали, что правильно их произношение, я же считал, что мое. Мы могли понять друг друга, мы говорили на диалектах одного языка, но звуки его претерпели изменение. Мое произношение было правильным для тех мест, откуда я приехал, их произношение было правильным там, где они жили. Однако по прошествии значительного времени изменения в каждом месте накапливаются, и тогда люди перестают понимать друг друга. В этот момент диалекты становятся отдельными языками, как показано на рис. 1 а, б.

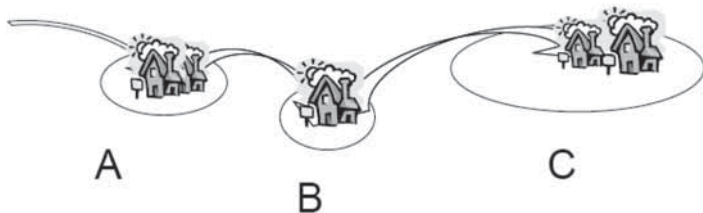

Рис. 1а. Заселение островов А, В и С

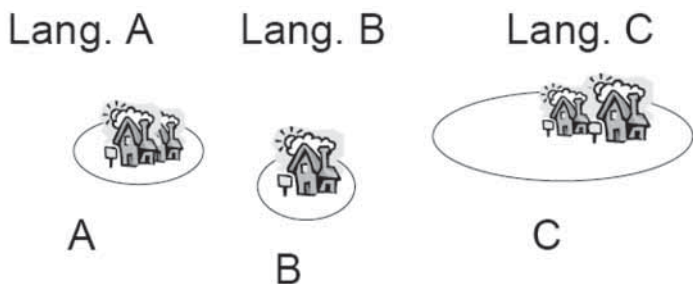

Рис. 1б. Развитие языков А, В и С

¹³ Австралийцы. — Прим. пер.

Люди, которые переселились на первый из этих трех островов, теперь говорят на языке А. Но еще до того как появились изменения, сформировавшие сегодняшний язык, несколько семей уже переселились на остров В. Язык продолжал изменяться, сначала это был чуть иной диалект, который постепенно стал отдельным языком, ныне называемым язык В. То же произошло бы, если бы часть жителей острова В переселились бы на остров С и их язык постепенно стал бы языком С.

Приведенный пример разницы в произношении гласного *i* в Новой Зеландии и Австралии иллюстрирует второй ключевой принцип, на который опираются лингвисты для определения родства языков. Разница между двумя гласными носит систематический характер, иначе говоря, присутствует не только в некоторых словах, но в каждом слове с гласным *i*, подобным приведенным выше. Два гласных происходят из единого произношения в родительском языке, к которому восходят эти два диалекта, и мы говорим, что эти два звука находятся в фонетическом соответствии.

Легко найти слова, одинаковые по звучанию и значению, даже в совершенно неродственных языках. Рыбы и дельфины плавают в море, но принадлежат к совершенно разным видам. Птицы, летучие мыши и пчелы летают, но от этого не становятся представителями одного вида. Они похожи, но между ними нет соответствий. То же и с языком. В тайском, например, слово *fai* обозначает огонь (англ. «fire»), а слово *rim* — край, обод (англ. «rim»), но это не говорит о том, что тайский и английский — родственные языки. Это просто случайные совпадения. Точно так же илоканское местоимение *yu* «вы (мн.)» и английское «you (мн.)» — случайные совпадения, равно как и отрицание *nat*, «не» в языке карао, и английское «not». Они не свидетельствуют о родстве филиппинских языков с английским. В разных языках похожие по форме и значению слова могут появляться и в результате заимствований. Например, английское слово *boondocks* («захолустье, пустыня, глушь») — заимствование из тагальского (слово *bundok* «гора»), а бонтокское *manakáti* «срезать траву на корм животным» — испанское заимствование (через илоканский, слово *zakate*).

Когда языки развиваются из общего языка-предка, мы говорим, что они связаны генетически. Звуки, существовавшие в язы-

ке-предке, развиваются систематически, и, когда мы обнаруживаем эти систематические сходства, мы можем определить вид и степень отношений, которые связывают эти языки. Подобным образом, когда мы видим однородные изменения в словах, звуках или других аспектах языка, которые обнаруживает целая группа языков, мы делаем вывод, что это языки-родственники, что присутствующие во всех этих языках изменения изначально происходили в языке-предке и были унаследованы ими так же, как дети наследуют черты своих родителей. Языки связывает генетическое родство, поскольку они восходят к единому праязыку, как показано на рис. 2 а, б, в упрощенном виде иллюстрирующих процесс формирования языков. Реконструируемый праязык группы, показанной на схеме, будет называться Пра-ABC (Proto-ABC), а праязык подгруппы — Пра-BC (Proto-BC).

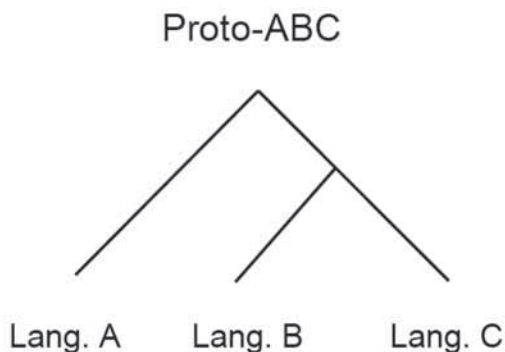

Рис. 2а. Генетические отношения языков А, В и С

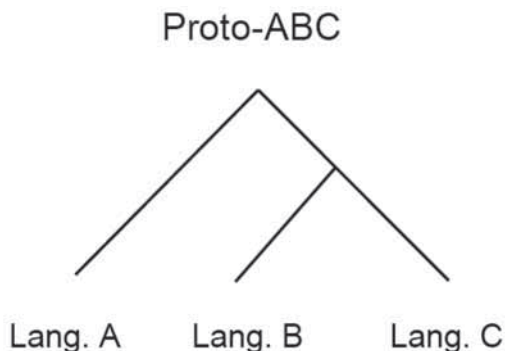

Рис. 2б. Инновации в изменениях звуков в языках А, В и С

В Пра-АВС есть слова, различающиеся одним из трех самостоятельных звуков: *l, *d и *r¹⁴. В Пра-ВС было уже только два звука — *l и *d. Слова, которые первоначально содержали звук r, уже произносились со звуком l. Когда был заселен остров С, l был утрачен. Все слова, которые первоначально содержали звуки l или r, стали произноситься со звуком d.

В этой статье не хватает места описать подробно, как именно нам стало известно, что все языки района Кордильеры восходят к одному языку, или хотя бы указать некоторые черты, которые отделяют их от других филиппинских языков. Это можно узнать из ряда уже опубликованных статей [Reid 1974; 1978; 1979; 2001; 2006a; 2006b; Himes 1998; 1996; 1997; Zorc 1979 и др.]. Достаточно посмотреть на генеалогическое древо этих языков (взято из: [Reid 2007]).

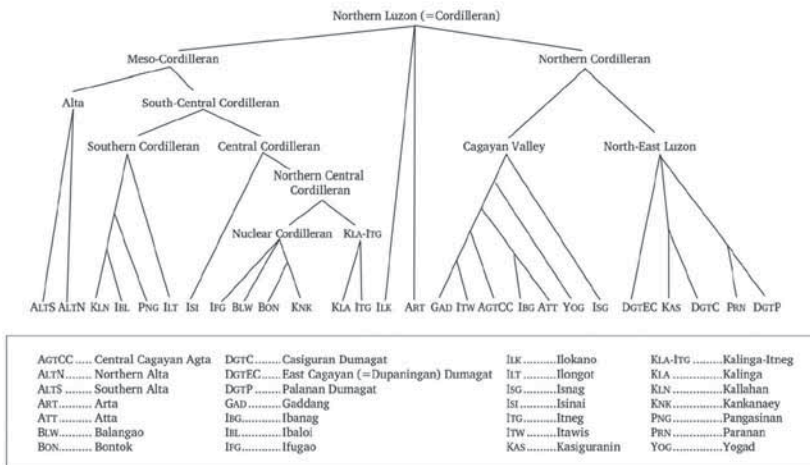

Рис. 3. Классификация языков Северного Лусона

Следует иметь в виду, что в эту группу входят отнюдь не только языки так называемых коренных народов Кордильеры. В эту группу входят, например, илоканский, пангасинан, все языки долины Кагайан, языки, на которых говорят в горах Сьерра Ма-

¹⁴ Астериск перед звуками означает, что это реконструированные звуки родительского языка, которые выведены из современного произношения.

дре и в низменностях восточного побережья Северного Лусона. Вот почему я больше не называю эту группу кордильерской и ее язык-предок (праязык) — пракордильерским, а использую название «севернолусонская» для языковой группы и «прасевернолусонский» для праязыка. В рассматриваемом контексте важно подчеркнуть, что языки коренных народов Кордильеры не составляют отдельной группы филиппинских языков. Язык пангасинан, не принадлежащий ни к кордильерским, ни к языкам коренных народов, является более близким родственником языков инибалои и каллахан (а также других южнокордильерских языков, таких как карао и и-уак, из-за нехватки места не включенных в схему), чем какие-либо языки, на которых говорят в Кордильере.

Изменения, или трансформации, происходившие в последние несколько тысяч лет, результатом которых стала дифференциация языков, о которой мы только что говорили, были результатом коммуникативной изоляции: по мере постепенного переселения в горы и долины, прежде не заселенные, люди развивали собственные диалекты, которые постепенно преобразовались в самостоятельные языки. Географические условия — горы и реки, а также региональные и локальные конфликты — все это уменьшало возможность встречаться и взаимодействовать с людьми, первоначально говорившими на том же языке, и способствовало речевой дифференциации в каждом районе. Однако сегодня все это изменилось. Даже самые отдаленные барангаи связаны дорогами и мостами с городами и другими барангаями. Региональные и локальные распри редко приводят к опасным противостояниям, так что сегодня происходит свободное общение между деревнями, которые несколько поколений назад разделяла заклятая вражда. К этому нужно добавить еще два немаловажных фактора: 1) почти повсеместное присутствие современных систем связи, таких как радио, телевидение, интернет, мобильные телефоны, которые буквально приводят весь мир к нашему порогу, и 2) использование в основном некордильерских языков в современных образовательных системах, в результате чего в местных языках происходят колоссальные изменения, в первую очередь под влиянием филиппино-тагальского, илоканского и английского — основных языков преподавания.

Бонтокский язык

Почти пятьдесят лет я езжу в Горную провинцию, изучаю бонтокский язык и наблюдаю кардинальные изменения, происходящие в барангаях в результате обозначенных выше факторов. Язык, на котором говорят сегодня, очень сильно отличается от того, на котором говорили, когда я впервые приехал в Гинаанг в 1959 г. В то время девочки практически не ходили в школу, в начальных классах училась горстка мальчиков, но большинство жителей деревни никогда не посещали школу. Большая часть жителей не бывали нигде дальше центра провинции, до которого от деревни тогда нужно было добираться два часа по горам; о внешнем мире знали мало. Не было ни дорог, ни электричества, ни базара, ни магазинчиков *сари-сари*¹⁵, не было и больницы. Сильны были позиции традиционных институтов — брачных ритуалов, земледельческих обрядов, система рабочих групп. Сегодня все иначе. Сегодня в деревне полная начальная и средняя школа, значительная доля молодежи закончила как минимум среднюю школу, молодые мужчины и женщины, которые пятьдесят лет назад думали бы только о работе на полях, сегодня мечтают об обучении в университете и о работе за зарплату после его окончания. Есть уже юристы, священники, школьные учителя и преподаватели колледжей, окончившие начальную школу в Гинаанге, но дальше обучавшиеся уже в больших городах, таких как Багио и Манила. Сегодня многие обряды уже не практикуют, большинство стариков, знавших обрядовые молитвы, умерло, а молодые мужчины их не помнят (или не хотят их учить). Развалилась система рабочих групп (*obfo*). Исчезли *pangis* — дома, в которых ночевали девушки, прежде эти дома играли ключевую роль в формировании рабочих групп [Reid 1972]. Нет больше традиционных построек, инструментов и оружия — их продали торговцам антиквариатом для того, чтобы послать детей в колледж или на работу за границу.

Все эти изменения повлияли и продолжают влиять на язык, которым пользуется деревенское сообщество. Другие источни-

---

¹⁵ *Сари-сари* — «всякая всячина» (тагальск.), название маленьких лавочек, где продаются разнообразные товары первой необходимости. — Прим. пер.

ки изменений — приезд чужаков, например учителей, из-за пределов деревни, неместные мужья и жены, которых привезли обучавшиеся в Багио и Маниле, и гастарбайтеры, возвратившиеся с деньгами, с тем чтобы построить многоэтажные роскошные дома вместо непритязательных традиционных хижин в одну комнату, крытых пальмовыми листьями, в которых жили их родители и деды. Я писал о некоторых из этих нововведений [Reid 2005]. Больше всего меня огорчают не новые слова или новые выражения, которыми пользуются сегодня, это лишь часть естественного хода вещей, результаты интенсивных языковых контактов. Меня огорчает утрата традиционного знания. Исчезают не только ритуальные знания — молодые люди больше не знают и повседневных слов для обозначения традиционных корзинок и их функций. Названия всех растений и животных, кроме самых расхожих, забыты или заменены илоканскими или тагальскими. Иными словами, богатства местной речи под угрозой. Это происходит не только с диалектом, на котором говорят в Гинаанге, но и с диалектами, на которых говорят в каждом из 15-ти других бонтокских барангаев, и, вероятно, во всех остальных частях Кордильеры. Уникальные богатства местной речи под угрозой. Пятьдесят лет назад местными языками пользовались во всех коммуникативных ситуациях, сейчас же вместо них часто предпочитают говорить на илоканском или тагальском, ограничивая употребление местных языков только домашним использованием. Местными языками пользуются все реже. Говорить на собственном местном диалекте немодно, к не получившим формального образования старикам, которые одни только и владеют богатствами, выделяющими данное сообщество из окружающих, относятся пренебрежительно, поскольку они не владеют языками, имеющими более высокий статус.

Выводы

Стоит ли считать эти тенденции тревожными, и если да, то что нам в связи с этим делать? Все это — признаки языков, находящихся на грани исчезновения. Из 6000 языков, на которых говорят сегодня в мире, более половины могут исчезнуть в течение

следующего столетия. Эмиграция носителей местных языков и иммиграция говорящих только на илоканском или тагальском способствует тому, что местные языки быстро присоединяются к числу исчезающих. Даже пангасинанский, язык Северного Лусона, на котором говорит более миллиона носителей, углубленное исследование позволяет считать находящимся под угрозой уничтожения [Anderson and Anderson 2007].

Культура воплощается в используемом нами языке, а значит степень утраты наших традиционных языков есть степень утраты наших традиционных культур. Хорошо это или плохо? Никто не хочет перевести часы назад на сотню лет, даже на пятьдесят. Мы не хотим возвращаться к лишениям прошлого, отказываться от прогресса, достигнутого благодаря образованию и введению современного образа жизни. Однако гомогенизация означает в итоге потерю идентичности, и я полагаю, что изменение названия «коренные народы» вместо «культурных меньшинств», особенно здесь, в Кордильере, — это попытка изменить самосознание перед лицом современной действительности, в которой действуют мощнейшие тенденции глобализации и обезличивания языков и культур.

Однако наше самосознание строится не только на том, кто мы и что мы представляем собой в действительности, но также на наших знаниях о том, что мы представляли собой в прошлом. Это означает, что мы должны с уважением относиться к прошлому, доисторическому и историческому, благодаря которому появилось столь ценное нами разнообразие языков и культур. Носители больших языков могут обратиться к словарям и грамматикам, созданным испанскими миссионерами-лингвистами сотни лет назад, чтобы узнать, как было устроено их общество в те времена (см., например: [Mintz 2005; 2006]), но для малых языков у нас нет источников, позволяющих узнать об устройстве общества в прошлом и о терминологии, применявшейся тогда. Поэтому необходимо зафиксировать как можно больше сведений, которые еще хранятся в памяти стариков, прежде чем они унесут эти драгоценные знания с собой в могилу.

Кто сегодня занимается кордильерскими языками? Таких людей немного. В нескольких областях работают лингвисты Филипп

пинского отделения SIL¹⁶. Однако совершенно необходимо, чтобы местные жители, такие как вы, серьезно заинтересовались записью местных говоров, отличающих каждый барангай от других. Помните, что разнообразие — ценность, и, собирая характерные местные черты и особенности, мы не только воздаем должное неповторимой собственной культуре, но и защищаем ее от сил глобализации, которая грозит уничтожить наши культуры и то, что осталось от наших языков.

Позвольте в заключение напомнить о ваших правах, зафиксированных в декларации ООН по Правам коренных народов, в области языков:

Статья 13

1. Коренные народы имеют право возрождать, использовать, развивать и передавать будущим поколениям свою историю, языки, традиции устного творчества, философию, письменность и литературу, а также давать собственные названия и имена общинам, местам и лицам и сохранять их.

2. Государства принимают действенные меры по обеспечению защиты этого права, а также по обеспечению того, чтобы коренные народы могли понимать происходящее и быть понятыми в ходе политических, судебных и административных процессов путем, если это необходимо, обеспечения перевода или с помощью других надлежащих средств.

Статья 14

1. Коренные народы имеют право создавать и контролировать свои системы образования и учебные заведения, обеспечивающие образование на их родных языках, таким образом, чтобы это соответствовало свойственным их культуре методам преподавания и обучения.

2. Лица, принадлежащие к коренным народам, в особенности дети, имеют право на получение государственного образования всех уровней и во всех формах без какой-либо дискриминации.

---

¹⁶ SIL — Summer Institute of Linguistics (Летний Институт Лингвистики), протестантская организация переводчиков Библии. Последние пятьдесят лет является ведущим центром исследования малых языков Филиппин. — Прим. пер.

3. Государства совместно с коренными народами принимают действенные меры для того, чтобы принадлежащие к коренным народам лица, в особенности дети, в том числе проживающие вне своих общин, имели, когда это возможно, доступ к образованию с учетом их культурных традиций и на их языке.

Статья 16

1. Коренные народы имеют право создавать собственные средства массовой информации на своих языках и получать доступ ко всем видам средств массовой информации, не принадлежащих коренным народам, без какой-либо дискриминации.

Если вы расцениваете себя как представителя коренной группы, неважно, принадлежит ли эта группа к числу тех, кто первым заселил Филиппины, или к австронезийским культурным меньшинствам, которые теперь называются коренными народами, у вас есть законное основание требовать осуществления ваших прав, что даст вам возможность хотя бы отчасти восстановить вашу быстро исчезающую культуру и передать ее своим детям.

Литература

Anderson and Anderson 2007 — Anderson V.B., Anderson J.N. Pangasinan — An Endangered Language? Retrospect and Prospect // *Philippine Studies*. 2007. No 55 (1). P. 116–144.

Bellwood and Dizon 2005 — Bellwood P., Dizon E. The Batanes archaeological project and the «out-of-Taiwan» hypothesis for Austronesian dispersal // *Journal of Austronesian Studies*. 2005. No1 (1). P. 1–36.

Blust 1999 — Blust R.A. Subgrouping, Circularity and Extinction: Some Issues in Austronesian Comparative Linguistics // *Selected Papers from the Eighth International Conference on Austronesian Linguistics* / Ed. by E. Zeitoun and P.J. Kuei Li. Taipei: Academia Sinica, 1999. P. 31–94.

Gonzalez 2005 — Gonzalez A. Contemporary Filipino (Tagalog) and Kapampangan: Two Philippine languages in contact // *Current Issues in Philippine Linguistics and Anthropology: Parangal kay Lawrence A. Reid* / Ed. by H. Liao and C.R. Galvez Rubino. Manila: Linguistic Society of the Philippines and SIL Philippines, 2005. P. 93–114.

Gordon 2005 — Gordon R.G., Jr. (ed.). *Ethnologue: Languages of the World, Fifteenth Edition*. Dallas, Texas: SIL International, 2005. Online version: <http://www.ethnologue.com/>

Himes 1996 — Himes R.S. Isinai: Reconstructions and Relations // *Philippine Journal of Linguistics*. 1996. No 27 (1, 2). P. 83–109.

Himes 1997 — Himes R.S. Reconstructions in Kalinga-Itneg. *Oceanic Linguistics*. 1997. No 36 (1). P.102–134.

Himes 1998 — Himes R.S. The Southern Cordilleran group of Philippine languages // *Oceanic Linguistics*. 1998. No 37 (1). P. 120–177.

Li 2004 — Li P.J.-K. *Formosan Linguistics: The State of the Art* // *Selected Papers on Formosan linguistics by Paul Jen-Kuei Li*. Vol. 1. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2004. P. 49–65.

Madrid 1980 — Madrid H. Four discourse genre in Amganad Ifugao // *Studies in Philippine Linguistics*. 1980. No 4 (1). P. 101–143.

Mintz 2005 — Mintz M.W. Terms of Religious Adaptation: The Introduction of Christianity to the Bikol Region of the Philippines // *Current Issues in Philippine Linguistics and Anthropology: Parangal kay Lawrence A. Reid* / Ed. by H. Liao and C.R. Galvez Rubino. Manila: The Linguistic Society of the Philippines and SIL Philippines, 2005. P. 167–210.

Mintz 2006 — Mintz M.W. Crime and Punishment in Pre-Hispanic Philippine Society // *Online Journal Intersections: Gender, History and Culture in the Asian Context*. 2006. URL: <http://www.she.murdoch.edu.au/intersections/issue13/mintz.html>

Reid 1972 — Reid L.A. Wards and Working Groups in Guinaang, Bontoc, Luzon // *Anthropos*. 1972. No 67. P. 530–563.

Reid 1974 — Reid L.A. The Central Cordilleran subgroup of Philippine languages // *Oceanic Linguistics*. 1974. No 13. P. 511–560.

Reid 1978 — Reid L.A. Problems in the reconstruction of Proto-Philippine construction markers // *Second International Conference on Austronesian Linguistics: Proceedings*. Vol. 1 / Ed. by S.A. Wurm and L. Carrington. Canberra: Department of Linguistics, Research School of Pacific Studies; Australian National University, 1978. P. 33–66.

Reid 1979 — Reid L.A. Towards a reconstruction of the pronominal systems of Proto-Cordilleran, Philippines // *South-East Asian Linguistic Studies*. Vol. 3 / Ed. by D.L. Nguyen. Canberra: Department of Linguistics; Research School of Pacific Studies; The Australian National University, 1979. P. 259–275.

Reid 1987 — Reid L.A. The Early Switch Hypothesis: Linguistic Evidence for Contact Between Negritos and Austronesians // *Man and Culture in Oceania*. 1987. No 3 (Special Issue). P. 41–60.

Reid 1991 — Reid L.A. The Alta languages of the Philippines // *VICAL 2: Western Austronesian and Contact languages: Papers from the Fifth International Conference on Austronesian Linguistics* / Ed. by R. Harlow. Auckland: Linguistics Society of New Zealand, 1991. P. 265–297.

Reid 2001 — Reid L.A. On the Development of Agreement Markers in Some Northern Philippine Languages // *Issues in Austronesian Morphology: A focusschrift for Byron W. Bender*. Vol. 519 / Ed. by J. Bradshaw and K.L. Rehg. Canberra: Pacific Linguistics, 2001. P. 235–257.

Reid 2005 — Reid L.A. A Cross-Generational View of Contact-Related Phenomena in a Philippine Language: Phonology // *Sociolinguistics and Language Education in the Philippines and Beyond: Festschrift in Honor of Ma. Lourdes S. Bautista* / Ed. by S. Quakenbush and D. Dayag. Manila: Linguistic Society of the Philippines; the Summer Institute of Linguistics, 2005.

Reid 2006a — Reid L.A. Human Noun Pluralization in Northern Luzon Languages // *Streams converging into an ocean: Festschrift in Honor of Professor Paul Li on his 70th birthday* / Ed. by H.Y. Chang, L.M. Huang and D. Ho. Taipei: Academia Sinica, 2006. P. 49–70.

Reid 2006b — Reid L.A. On Reconstructing the Morphosyntax of Proto-Northern Luzon // *Philippine Journal of Linguistics*. 2006. No 37 (2). P. 1–64.

Reid 2007 — Reid L.A. Historical Linguistics and Philippine Hunter-Gatherers // *Piakanandu ami Dr. Howard P. McKaughan* / Ed. by L. Billings and N. Goudswaard. Manila: Linguistic Society of the Philippines; SIL Philippines, 2007. P. 6–32.

Vanoverbergh 1937 — Vanoverbergh M. *Some Undescribed Languages of Luzon*. Nijmegen: Dekker and van de Vegt N.V., 1937.

Worcester 1906 — Worcester D.C. The non-Christian tribes of Northern Luzon. // *The Philippine Journal of Science*. 1906. No 8 (1). P. 791–864.

Zorc 1979 — Zorc R.D.P. On the Development of Contrastive Word Accent: Pangasinan, a Case in Point // *Southeast Asian Linguistic Studies*. Vol. 3 / Ed. by N.D. Liem. Canberra: Department of Linguistics; Research School of Pacific Studies; The Australian National University, 1979. P. 241–258.

Zorc 1993 — Zorc R.D.P. The Prehistory and Origin of the Tagalog People // *Language — a Doorway Between Human Cultures: Tributes to Dr. Otto Chr. Dahl on His Ninetieth Birthday* / Ed. by Øyvind Dahl. Oslo: Novus, 1993. P. 201–211.

Пер. М. В. Станюкович

C.N. Flores

**THE CATTLE CARAVANS OF ANCIENT CABOLOAN
(INTERIOR PLAINS OF PANGASINAN):
CONNECTING HISTORY, CULTURE
AND COMMERCE BY CARTWHEEL**

Caravan cultures throughout the world depict stories of real journeys, discoveries and exploits. They also account for the construction of local histories, territories and market societies. At best, caravan routes map the geoeconomic and the ethnohistoric trail of peoples on the road towards venture capitalism in the earlier centuries.

But in the 21st century, the history of caravan cultures remain only in the people's memory as artefact (or artifice?) and which has been romanticized into bioepics or heroic adventures of legendary men caught in the age of material adventurism from the 13th to 16th centuries. In this day of global network and cyber transactions, it is fascinating and at the same time remarkable how the caravan culture still persists in the Philippines. Its persistence as a vestige of feudal past in an era of intensified commercialization and industrialization is indeed indicative of uneven modes of development, as it is symbolic of intersecting diverse cultures where the rural locale ventures into the national and into the global with far reaching implications on issues of ethnicity and cultural import.

The cattle caravans of ancient Caboloan continue to peddle their bamboo-based products from the province of Pangasinan to the highways of Metro Manila. These are the ubiquitous cattle-drawn carriages selling hammocks, bamboo chairs and bookshelves we see in front of SM Fairview, Commonwealth, East and C.P. Garcia Avenues. But not until recently when Metro Manila Development Authority (MMDA) agents found them illegally parked along national roads thereby considered obstruction to traffic.

More than just a cultural icon for tourists, the cattle caravans trace its origins to the ancient Caboloan, an interior ethnic state in the province of Pangasinan. *Caboloan* refers to a place where 'bolo'

(a specie of bamboo) is abundant which explains why the cattle caravans up to this day peddle goods made from bamboo and rattan. These bamboo-based products are traded in prehispanic times with the coastal villages known then as 'Panag-asinan' or where salt was produced. This interior(*alog*)-coast (*baybay*) dichotomy and its accompanying trading relations was obscured by the colonial mapping of Spanish Augustinian missionaries, who coming from the coastal town of Bolinao named the entire region as *Pangasinan*. This prehispanic cultural relations between the interior-coast dichotomy of *Caboloan-Pangasinan* noted by Scott and Keesing to be vital in the paper of ethnohistories, continue to exist through the living artefact which is the cattle caravan trade.

Locating the cattle caravans of ancient Caboloan, this paper aims at reconstructing local history. Journeying through the caravan routes from the heart of Caboloan to Metro Manila, the cartwheel connects culture and commerce from the village to the metropolis. The cattle caravans' anachronism in today's world market economy becomes an assertion of locality and ethnicity in the face of the hegemonic ethnonational and the reifying global system. While the province of Pangasinan is valued in political terms because of its significant voting population, its ethnocultural history and reality is perceived to be merely subsumed under the mythic kingdom of the Greater Ilocandia. Thus, the cattle caravans serve both as a romantic symbol of an ancient Caboloan culture and as an ethnocultural text amidst the flux of emerging societies and economies.

Caravan Cultures in the World

As man emerges from his foraging episodes to a sedentary life dependent on agriculture, he finds himself as purveyor of domestic goods for an incipient market. Household economics such as carpentry, metallurgy, pottery-making and weaving developed an industry that impelled commercial transport of goods and products. Expanding beyond the borders of the domestic market, *merchant caravans* have accelerated material progress and have also facilitated culture contact between locales.

The word *caravan* was first used in 1588, borrowed from Middle French *caravane* or from Medieval Latin *caravana*, both derived from

Persian *kārwan*. The meaning of covered carriage or wagon is first recorded in English in 1674 from which the British house trailer developed [Barnhart 1988]. Today, a *caravan* is defined as a group of merchants, pilgrims, or travelers journeying together, usually for mutual protection in deserts or hostile regions [Encyclopaedia 2002]. Caravan traders and pilgrims are usually sighted in the desert zones of Asia and north Africa. The *camel* was the most commonly used animal for caravans because of its “catholic appetite, its ability to go without water for several days, and its loading capacity” [Ibid]. *Camel caravans* have been recorded to be the most numerous, particularly those used by Muslim pilgrims from Cairo to Damascus to Mecca. Around 10,000 camels were reportedly used to reach the holy place.

As early as two millenia before Christ, the spirit of *venture capitalism* brought early Cretans to the whole of eastern Mediterranean, with their embroidery products, weapons and ornaments as well as oil and wine contained in very large jars [Koutsoupakis]. Thirteenth century adventurer Marco Polo once wrote about Xinjiang as a fabled city deep in the Taklimakan desert of Central Asia where merchants on *camel caravans* brought to the world (read: Europe) cotton, hemp, flax, grain, wine and other articles through the famed Silk Road as early as the second century B.C. The nomadic Irish people in the 19th century utilized the ‘bow-topped’ gypsy wagon, a *horsedrawn caravan* used to transport their wares throughout Ireland¹.

Merchant caravans have been known to link disparate cultures and to standardize lifeways especially in continental regions of the world. Empires and civilizations flourished as new exciting goods from erstwhile unknown territories reach the market capital. Along perilous routes, some emergent communities mushroomed as the caravans continued to make their trade to some faraway land. Cultures and histories are formed and transformed by vigorous trading attendant in merchant caravans. Caravan cultures throughout the world necessarily

---

¹ Today as part of its tourist attraction, the horsedrawn caravan is commercially known as the ‘Romany caravan’ which can accommodate 4 persons complete with lodging paraphernalia for tourists’ enjoyment and relaxation. See for example: Carra Caravan and Camping Park, Mayo. Official web-site. URL: www.horsedrawn.mayonet.com/MayoCaravan.htm.

mapped new landscapes and mindscapes of peoples swept by the capitalist spirit as early as Weber's precapitalist societies.

With the opening of new sea routes from Europe to the East, the traditional caravan trade route began to decline. The great Silk Road from China to the Mediterranean gave way to this new alternative sea route which was shorter and more efficient. In the 19th century, with the construction of roads and rail transport, and with the abolition of slavery, the caravan trade had to accede to modernity resulting to its eventual demise. Muslim pilgrim caravans, however, continue to this day in spite of more practical means to reach Mecca because of the religious belief that the traditional slow, long, and arduous route heightens the religious fervor among the believers.

Today, caravans throughout the world had to give way to faster, more modern means of transport. These covered carriages or wagons have been transformed into tourist inns and micro hotels for newlyweds and vacationing families. Caravan trade had seen better days. With the internet and automated machines, commerce and trade are facilitated through the hiways of cyberspace. Yet, the caravan trade in the Philippines manages to survive in spite of the advent of modern means of transport and global transactions, for some reasons beyond its exotic appeal or advantage.

Caravans in the Philippines

It was historian Isagani Medina who first took notice of the presence of caravans in Metro Manila. He wrote about what he called then the *cart caravans* peddling bamboo-based products to different areas in Luzon, including Manila and Quezon City. Medina cited the province of Pangasinan as the origins of the caravans. He however, failed to pursue the caravans' Caboloan roots and the province's history of trade and commerce. Medina's citation focused on the farmer's continuous use of bamboo sleds and carts in transporting agricultural produce [Medina 1977].

In 1986, "Philippine Panorama" featured a hat vendor of San Carlos City, Pangasinan as its cover photo. San Carlos City formerly Binalatongan was once believed to be the nucleus town of ancient Caboloan. Panorama feature writer Margot Bateria wrote about Philippine basketry featuring the San Carlos weavers. She cited the

extensive work done by Silahis Arts and Crafts storeowner Robert Lane who as the story goes, “fell in love with Philippine baskets”. Lane with photographer-friend Jacinto Tee published a 232 page coffee table book entitled, “Philippine Basketry and Appreciation”, in the same year. For Lane, “basketry is the primary craft from which everything starts”, ever since primitive peoples started tying something together as in weaving [Baterina 1986].

In 1990, an undergraduate thesis by Fernando Sepe, Jr. submitted to the College of Mass Communication of the University of the Philippines, was the first serious attempt to document the lives of the caravan traders through photography. Entitled, “Caravan: A Photographic Documentation”, Sepe lived with the caravan traders from Manila to Laguna for over a month. He documented the daily routine of the caravan traders who plied the southern routes. The thesis which was one of the first to use photography as a form of documentation was presented to the public through an exhibit sponsored by Don Jaime Zobel de Ayala.

The cart caravan has been a favorite device in movies and advertisements to add local color to production design. Sepe mentions a 1960 movie entitled “Together Again” produced by Gretas Production which starred Nida Blanca leading the life of a caravan viajero. Selling handicrafts on the road, actress comedienne Blanca meets king of comedy Dolphy in a series of misfortunes and misadventures typical of any musical comedy during that period. In recent years, a number of soap operas on primetime television made use of the ox-drawn caravan as backdrop of romantic scenes to heighten the drama. From the turn of the century Philippine picture postcards² to current television commercials, the caravan is made to pose to symbolize a romantic notion of a nation. The image of a caravan has also been exoticized through fiestas and town anniversaries within the metropolis which showcased the caravan as a vehicle of art in a touristy exhibit and fashion. In all these, the cart caravan serves as a museum piece — an object displayed for viewers’ attention. This exoticization of the

---

² See pictures of carabao drawn carts used to ferry people and farm products in: [Best 1994]. See also covered carriages of cattle caravan from Luzon to Mindanao in: [Ciriaco 1995].

caravan consequently obscured its historical and cultural meaning. Though ubiquitous in the metropolis, the cart caravan traces its historical and cultural origins in the interior plains of Pangasinan, known then as ancient Caboloan.

Cart caravans and bamboo are almost always synonymous to Pangasinan, particularly, to the city of San Carlos. Every Saturday as it is the '*araw ng tienda*', the entire sleepy town of San Carlos suddenly becomes awake when people from the barrios load all their bamboo work near the plaza frenzy with commercial activities. In the early 70s, the carts or wagons were still roofless. Then, *tambobong-less kariton*³ dominated the market plaza. People from San Carlos used to refer to this means of transport as 'kariton' until Manileños, including foreigners, identified it as 'caravan'. Nowadays, San Carlos folk both from the *poblacion* and the barrios have used this outside ascription to refer to this specific system of trade, curiously, with pride and a sense of achievement. Because it was an English word and sounded modern, the 'caravan' displaced the 'kariton' with a connotation as a vehicle of technological advancement.

Without supplanting the tradition and history of the 'kariton', the paper would refer to this merchant trade of Pangasinan folk as the *Cattle Caravans of Ancient Caboloan* for it is historically rooted to the once upon a time kingdom of Caboloan, a bamboo rich vast expanse of land, believed by historian Zeus Salazar to be an important ethnic state in prehispanic Philippines.

A Brief History of Pangasinan's Culture and Trades

Like most place-names in the country, *Pangasinan* is also toponymic. From the root word '*asin*' with the prefix '*pang*' and suffix '*-an*', denoting place, *Pangasinan* ('*panag-aasinan*'/'*pinag-aasinan*') means 'land of salt'. This only referred then to the coastal villages where *asin* was found. The interior was separately known as the *Luyag na Caboloan* (Place known as Caboloan). According to local historian Restituto Basa writing on the history of Dagupan, ancient folk refer to

---

³ '*Tambobong*' is a Pangasinan word that refers to the 'roof' of the wagon which is made of bamboo and *sawali*. 'Kariton' is the familiar name of the cattle-drawn caravan.

Caboloan as “*luyag ed dapit-ilog*” which literally means a place near the river. On the other hand, reference to *Pangasinan* was “*luyag ed dapit-baybay*” or a place near the coast. Thus, since *Caboloan* was beside the Agno river which was South of *Panag-asinan*, the description ‘*dapit-ilog*’ eventually meant ‘south’. Similarly, since *Panag-asinan* was a coastal village North of *Caboloan*, ‘*dapit-baybay*’ meant literally ‘north’ [Basa 1997: 1]⁴.

Caboloan is from the root word ‘*bolo*’ (*Gigantochloa levis*), a specie of bamboo which abounds in the interior plains of the province [Cortes 1990: 1-2]. In Baldomero Pulido’s doctoral dissertation, he described this as the *Kingdom of Caboloan* ruled by an *Ari Kasikis*⁵. Basa corroborates Pulido’s statement and pinpoints to *Caboloan* and *Pangasinan* as ancient kingdoms ruled by *Ari Kasikis (Caboloan)* and *Ari Kasilag (Pangasinan)* [Basa 1997: 5-7].

The word *Caboloan* was first cited in Fr. Mariano Pellicer’s 1840 grammar book, *Arte de la Lengua Pangasinana o Caboloan*. He based his paper on an earlier grammar book which came out in 1690. The author of this book however, was not identified. In Wenceslao Retaña’s *Biblioteca Idiomática Oriental* (1906), *Pangasinan* was synonymous to *Caboloan* [Cortes 1974: 1]⁶. In the 1918 Census, *Caboloan* was cited as kingdom ruled by an *Ari Kasikis*. It also mentioned *Sapan Palapar* as the center of *Caboloan* which is now the city of San Carlos. *Sapan Palapar* literally means wide river and actually refers to the mighty Agno river which widens from its mouth in Lingayen to the interior state of old Binalatongan which is now San Carlos [Census... 1920: 233].

Reference to *Luyag na Caboloan* and its *Ari Kasikis* also appeared in the 1957 History of Lingayen by Santiago S. Velasquez [Velasquez 1957: 3]. Similarly, it was also contained in the History of San Carlos

⁴ Pangasinan names for direction can also be found in: [Amurrio 1970].

⁵ The *Kingdom of Caboloan* and the rule of *Ari Kasikis* points to the existence of an ethnic state, in Zeus Salazar’s *kaharian-karahaan-sultanato* matrix. Going beyond the conceptual formulations of *chiefdomship*, Salazar believes that we can identify specific local categories to a generic class of *chiefs* using his matrix. See: [Pulido 1936], cited in: [Nelmidia 1982].

⁶ Cortes cited Wenceslao Retaña’s “*Biblioteca Idiomática Oriental*” in: [Retaña 1906: I, 35].

written by Jose Ag. Muñoz [Muñoz 1990: 4]. In the novel by Fr. Evaristo Marcelino, he referred to *Kasikis* as the Prince of Mabalbalino [Marcelino: 29]. Mabalbalino is a barrio of San Carlos which sits exactly along the river Agno.

But in 16th century when Spanish forces including Agustinian friars reached the shores of Bolinao and consequently moved towards the direction of Lingayen Gulf, the name of the coastal villages which they first occupied, was adopted by the colonizers to refer to the entire region. Pangasinan since then was used to refer to both coastal communities and interior settlements. Albeit, according to historian Rosario Cortes, the name *Caboloan* remained until about 19th century. According to Cortes, the name fell into disuse almost about the same time when indiscriminate cutting of the *bolo* rendered it near extinct [Cortes 1974].

The history of Pangasinan culture and trades can be traced back to pre-hispanic economic relations between the coastal and the interior. The coastal communities traded salt in exchange for bamboo-based, agricultural and forest products from the interior. Studies on local history show that this dichotomous relationship between the coastal-interior or *ilaya-ilawud* (in Pangasinan, *baybayalog*) place the interior settlements as the one more stable and developed. In a Letter of Fray Diego de Rojas to the governor of the colony in 29 March 1591, he forewarned that the indios would rather go to the interior than remain in the *encomiendas* of his Majesty established in the coastal areas because as he said, “the whole land is in a bad state [since] it is all sandstone. Thus, they go to the interior, to the *encomiendas* of private individuals.” [The Philippines... 1994: 162].

What facilitated exchange of goods between coastal Pangasinan and interior Caboloan was the great Agno River at a time when the river was the most important channel for transport and movement. Originating from the eastern towns of Asingan and Tayug, the circuitous Agno river winds its way to the central towns of Camiling (before a part of Caboloan until the creation of the province of Tarlac in 1875), Bayambang and Binalatongan (now San Carlos) before it joins the China Sea through the coastal towns of Labrador, Lingayen, Binmaley and Dagupan. These coastal towns where the river meets

the sea is also referred to as the Agno delta where the legendary Limahong was believed to have dugged a canal used in his great escape from the forces of Juan de Salcedo on 4 August 1575 [Cortes 1974: 59]. This long stretch of Agno river served as the geoeconomic link in the Pangasinan-Caboloan matrix.

Later, riverine movements would give way to road networks so that by the time Governor General Jose de Basco y Vargas encouraged agricultural production in 1778-1787, rice and other farm products for trade were transported via cattle-drawn caravans. Consequently, the opening of the Philippines to International Trade by the British in 1834 saw the opening of the port of Sual in Pangasinan by 1855, allowing the free flow of rice exportation to China from Caboloan's fertile ricefields. In an article entitled "Blazing a Green Trail", written by Lourdes Diaz-Trechuelo and Carlos Quirino, a picture of a *carreta de palay* or carabao-drawn sled is shown transporting rice sheafs, to depict an era of intensified agricultural production [Diaz-Trechuelo and Quirino 1978: 1380].

It is in the better developed interior Caboloan where early Pangasinan folk learned the art of basket weaving and other crafts related to bamboo. Stable agriculture-based economy provided Caboloan settlers the luxury of time to resort to other alternative occupations. It must be reiterated here that *Binalatongan* (now San Carlos) was the center of ancient Caboloan which grew *balatong* or mingo that sustained the basic consumptive needs of its inhabitants. *Binalatongan* is precisely derived from the word *balatong* or mingo. When the Dominican friars entered Binalatongan through the San Juan river, a tributary of the Agno river, they established it as their religious capital confident in its resources to maintain a large congregation of its religious order. Enshrining the Our Lady of Manaoag within its jurisdiction, Binalatongan in Dominican annals was fondly called the "Motherhouse of the Province" [Serraon 1998].

Rich with a supply of *bolo* (*Gigantochloa levis*) and other species of bamboo, *Caboloan* settlers from Mangatarem, Binalatongan (San Carlos), Gabon (Calasiao), Mangaldan, Manaoag, Mapandan, Malasiqui, Bayambang, Tolong (Sta. Barbara), and Gerona, Camiling, Paniqui and Moncada (now part of the province of Tarlac), had

constructed their *bahay kubo* as well as the *tubong* or bamboo tubes used for fetching water, with this ubiquitous grass. Isagani Medina enumerates a litany of the bamboo's practical use for early Filipinos from the household *binulu* or *bulu* (cooking pots) for kitchen purposes to *patibong* (trap) utilized as part of the art of warfare [Medina 1977: 539-545]. But remarkable display of artistry by Caboloan folk which have been transmitted up to the present generation is found in their diverse designs and motifs in basket-making. The folk baskets' primary function was to carry agricultural crops from the fields to the homes. Bigger storage baskets were woven used to store grain, and other similar items or even clothing such as the *baul* in the home. Other baskets served as fishing traps or *talakeb* that come in cylindrical forms.

In the 20th century, urban-led developmental programs such as the NACIDA in the 1960s dictated market demands and thus encouraged a cottage industry based on the production of household furniture such as bamboo sala sets, book shelves, hampers, magazine racks, toilet and bathroom accessories. Eyeing foreign market, the NACIDA identified regional centers to standardize quality-controlled products for export. San Carlos City and the town of Basista (both belong to the Old Binalatongan of Ancient Caboloan) were the first NACIDA cottage industry centers in the province. But since the area of commercial development in the 20th century is concentrated in the melting pot city of Dagupan (from the word '*pandaragupan*' or "where people gather and meet"), two of the biggest exporters of handicraft in the province, as of late, are based in this coastal city.

Undeniably, handicraft manufacturing industry remains to be the top dollar earner in an industrializing Pangasinan. Based on the provincial Department of Trade and Industries 1997 figures, "there are 202 registered firms in Pangasinan with a total employment size of 4,040. On the average, each firm employs a total of 20 workers mostly on a subcontractual basis... About 63% of the total handicraft industries in Pangasinan are considered cottage industries with a capitalization of P150,000.00 and below while 7% fall under the micro industry level with asset sizes ranging from more than P150,000.00 to P15,000,000.00 and are categorized as small industries" [Pan-

gasinan's... 1997] (This researcher is still awaiting the updated figures, at least as of year 2000)⁷.

With an export-oriented economy, Caboloan's bamboo-based arts and crafts have been remodeled to suit the ever changing tastes and demands of the foreign market. These products find their way directly through the hands of local exporters while reject materials are the ones that trickle down to the local market. These 'rejects' are those which are bought and brought by *viajeros* in their cattle caravans to peddle to local consumers in different towns and barangays as they ply their route down south of Luzon.

Locating the caravans in the context of globalization, it is both ironic and heartwarming to find struggling *viajero* families go on with their age-old trade in spite of severe competition against the advent of plastic wares and the mall culture.

The Cattle Caravan in the Metropolis

In Metro Manila, a number of caravan-*viajeros* situated at the C.P. Garcia Avenue are now stationed at the SM Fairview and scattered along Commonwealth Avenue (particularly beside the Shell Station in front of the Paskong Pasiklab grounds) since the road widening of C-5⁸. According to thirty-six year-old Ubalde 'Aday' de los Santos and his assistant 19 year-old Arnold Payopay of *Barangay Turac* in San Carlos, the metropolis is slowly becoming hostile to their kind.

Aday who has been travelling since he was 15 years of age reports that C.P. Garcia has long been a favorite destination of most *viajeros*. He remembers it as a quiet place perfect for pasturing his cattle beside the grassy UP Stud farm. Nowadays, it has become a congested alternative route by motorists after having it asphalted as extension of

---

⁷ Pangasinan's Handicraft Industry: Top Dollar Earner // Panangidayew '97. A Project of The Department of Trade and Industry, Don Alipio Fernandez, Sr. Sports Complex, Dagupan City, 24-28 November 1997. As of this writing, "Panangidayew 2000" is ongoing at the Mega Trade, 3rd floor, SM Megamall, Mandaluyong. See also "The Profile of Cottage Industries in the Ilocos," published by the NACIDA, 1977; the "5-Year Accomplishment Report CY 1987-1991" by the DTI, Pangasinan Provincial Office.

⁸ Interview with Ubalde 'Aday' de los Santos and Arnold Payopay in front of SM Fairview, 10 February 2004.

C-5. *Viajeros* use this now as their stopover before continuing their journey down south; their final destinations are Cavite, Laguna, and Batangas. Lately, however, the *viajeros* at the C.P. Garcia are forced to transfer because of two reasons: road officials who find them obstructions to traffic and the loss of greener pastures for their cattle after having the grassy areas paved as part of road widening.

Santi Benitez Tagulao cannot but agree with Adoy. Santi's cart is next to Adoy's. Thirty-one year-old Santi recounts how his distant uncle (whose name he could not remember) would describe the old C.P. Garcia as a rugged terrain with wild shrubs and tall grasses adorning few nipa-thatched houses in the 1960s. Santi is from Barangay Dumpay of Basista.⁹

Adoy and Santi enumerated several places in Metro Manila where cattle caravans used to occupy: Agham Road near Philippine Science High School, a portion of East Avenue near the Medical Center, a grassy area beside the ABS-CBN network in Mother Ignacia, SM Fairview, Marikina, the former Q.I. Bldg. which now houses Philippine Sweepstakes, a Project 4 site, somewhere in New Manila, and of course, C.P. Garcia within UP Diliman Campus. According to the two, it was their practice to exchange locations with other *viajeros* as in a rigodon to let their cattle move around Metro Manila. Nowadays, we see less of the cattle caravans in these enumerated places. The surroundings have been hostile to the *viajeros* and their cattle resulting in the transfer of pasture towards the southern districts like Cavite and Laguna which have become now their final destination. In Metro Manila today, the cattle caravan's stations can be found in Marikina, Commonwealth Avenue, Jordan Plains in Novaliches, and Better Living Subdivision in Parañaque.

Still according to Adoy and Santi, the cattle caravans in Metro Manila will likely dwindle in number if not totally disappear in the next few years because of the unpredictability of the market and the hostilities they receive from the urban population.

Based on Sepe's interview with Mang Pidong from Barangay Basista of San Carlos City in 1990, the earliest travel to Manila from Pangasinan started in the 1950s. There were then about 6 carts

⁹ Interview with Santi Benitez Tagulao in front of SM Fairview, 10 February 2004.

composing a caravan. These were still roofless (or without *tambobong*). The *tambobong* karitons or covered carriages began when journeys were extended for days, and roofs were built for shelter and protection. According to Mang Pidong, the first trip he could remember was in 1954 when the viajeros reached Bulacan from Pangasinan in 3 weeks. In 1962, a permanent station was established in Meycauayan. This enabled the viajeros to station their carts, load and unload their wares through the first 'paktura' system (or the loading of wares through modern transit) via trains in the 60s. With a change in marketing strategy, the viajeros need no longer travel back to Pangasinan to replenish their depleted stocks.

But in the same year, the viajeros moved on to Manila and transferred their post from Meycauayan to the grassy area beside the Pantranco bus station in Quezon City. The mode of the 'paktura' system also changed with the Pantranco bus now loading the viajeros' wares. Sometime in 1965, the viajeros transferred their post to the then grasslands of Ortigas Avenue. Their permanent station here required them to order their wares via trucking. And since this time, viajeros through the years have been using the truck as the mode of transport for their wares through the 'paktura' system. But with the construction of office buildings in Ortigas in 1972 and the eventual reduction of grassy space for their cattle, the caravan broke into small and scattered groups. In 1978, they reestablished themselves as a big group again in Valenzuela. But in 1983, they came back to Manila since the market was here and found a veritable station in what is now the commercial area near the SM North. SM City opened in 1984. The place did not only serve as their permanent station but also as center of operations that eventually became retail outlets for their goods.

According to Mang Pidong, the 1980s was the most financially rewarding decade for the viajeros. During this decade, subdivisions of middleclass homes mushroomed in the metropolis and these middle-income families were the market for their wares. This was also the same period when viajeros ventured into southern destinations such as Laguna, Cavite and Batangas.

This recollection of Mang Pidong in 1990 is corroborated by Ricardo Solar and Mario Banaag of Barangay Turac, San Carlos

City¹⁰. The Solars of Barangay Turac, the Bravos of Barangay Anambongan, and the De Veras of Barangay Gamata have all been considered the patriarch of the caravan culture in their respective barangays. They have lived through what Mang Pidong considers the most prosperous years for the caravan viajeros. Now all retired as viajeros, they have passed on this family tradition either to their sons or to the sons of their village friends. Caravan trading since the 1990s have never been the same. With the Mt. Pinatubo eruption in the 1990s which altered the age-old trade route from Pangasinan to Pampanga, and with the advent of globalization by the turn of the 21st century, caravan trading is now in its lowest season. Its existence today is very much threatened by aggressive urbanization and cosmopolitanism. The caravan in the metropolis is gasping for more space in an environment directed towards citification at a time of local and global uncertainties.

The Heart of Caravan Culture Within Caboloan

Of the several towns within the heart of Caboloan, it is in the city of San Carlos (formerly Binalatongan) where the majority of cattle caravan traders nestles. San Carlos was the biggest town in Pangasinan (which is 6.47% of the total area of the province) which became a city on 1 January 1966 [Guide 1995], only on the basis of land mass and population figures, and not in terms of revenues or industrial potential. As a vast expanse of agricultural lands with a very small *poblacion*, one has to take the trouble of getting into the innermost barrios of San Carlos and its neighboring town of Basista (formerly a barangay of San Carlos) to locate the cattle caravan traders. These barrios are often than not in the middle of rice paddies cradled by the boundless agricultural fields of the interior Caboloan.

Barangay Anambongan, Basista

'Tinong Bravo' is a famed leader of *viajeros* in Barangay Anambongan, Basista. It takes an hour and a half to reach this remote barangay. Tinong Bravo's house is the biggest in the area. It is a two-

---

¹⁰ Interview with Ricardo Solar and Mario Banaag, October 28, 2004, Barangay Turac, San Carlos City.

storey concrete house with marbled floor, and a cemented front area where a *kuliglig* (motorized vehicle for transporting *palay*) usually is parked. A tv set and a component occupy a visible space in the sala while cavans of palay and other bamboo materials lay unattended in its corners. Faustino 'Tinong' Bravo is considered the leader of the caravan trade and the most successful trader among the Bravos which include his brother Victoriano Bravo and children Jessie and Lourdes who have all been engaged in the caravan trade.

Victoriano Bravo who is now 67 years of age admit that it is his kuya Tinong who rallied his clan to try the cattle-caravan trade. This was in the 1970s when harvests were not so good at a time when stories about rice being imported in the *poblacion* market began circulating. Their first capital was P3,000 with quick returns only after 2 weeks of trade. Still halfway through their journey, their caravans had already been emptied while only in Tarlac so they returned in no time to Pangasinan to buy more goods. Back in the 1970s, they were content to reach Pampanga or Nueva Ecija because the demand for their goods was astonishingly high. But lolo Victoriano boasts for having reached Naga in Bicol, together with Tinong's other men just to check how far they could go. This was a one-time affair however, since the long trip was not worth their cattle's maintenance. The Bravo caravan would usually set forth during the dry months of December to April after the harvest season because most of their clientele belonged to the rural mass. Victoriano ceased transporting goods in early 1990s when the going became rough.

Jessie Bravo, the 28 year-old son of Tinong attempted to carry the family tradition but was dismayed by the slow return of capital. Approximately 6–8 years ago, Jessie released a capital of P15,000 but it took him more than 4–5 months to get it back. Since that time, he opted to stay in the house and help in the farm. According to Jessie, his fellow young *viajeros* nowadays are forced to borrow P20,000 and above worth of capital goods from middlemen whose return may not even be certain at all.

Jessie's 41 year-old sister Lourdes once had a retail outlet in front of SM North EDSA until it was demolished together with other Pangasinan retail handicraft business in early 1990s to give way to a Shopping Mart. Today, Lourdes stays in a squatter area near the

place still receiving intermittent orders from previous *suki*. According to Lourdes, it was the advent of plastic chairs which competed with their *bamboo bangkito* that spelled doom for this kind of business. Victoriano and Jessie emphasized this point by saying that it is the plastic business which is killing the *viajeros*' merchant business resulting to unprecedented losses in the past 12 years.

The Bravos attribute this trade to tradition, i.e. "*abangonan*" or something that they were born into. Victoriano's best recollection points to his grandfather Romulo 'Lolong' Bravo who was originally from *Barangay Dumpay* in this same town of Basista. According to him, it was probably in the 1950s when Romulo 'Lolong' Bravo, the patriarch of the *Bravo caravan family* started plying his wares to other towns. Prior to Lolong's venture trips, the Bravos have no idea who came before Lolong. As far as caravan trading in Barangay Anambongan is concerned, it is only the Bravos and their kins who have been long-time *viajeros*. Lolong's son Evaristo who is father to Victoriano and Tinong only tried a few number of times to join his father in his caravan but remained "*dumaralos*" or a farmer up to the end¹¹.

Barangay Turac, San Carlos

If Barangay Anambongan, Basista is a long and winding rocky path, the innermost sitios of Barangay Turac of San Carlos is a muddy carabao trail difficult to negotiate on a 4-wheeled vehicle. The well-known *viajero* family in this barangay is the Cayabyab-Solar clan. Cayabyab is a big clan in the city of San Carlos of which the maestro Ryan Cayabyab is a part of. The caravan trader's residence in this barangay could be reached through a narrow path where mud is almost knee-deep high in the middle of endless clumps of bamboo and rice paddies.

Kagawad Ricardo Cayabyab Solar and his brother Freddie are the known *viajeros* in this Barangay in the city of San Carlos. Kagawad Ricardo is the elder brother of Freddie who was recognized as the forefather of caravan trading among the Solars. The Cayabyab-Solar compound contains several structures. Freddie's house is just beside

¹¹ Interview with Victoriano Bravo and children Jessie and Lourdes, April 16, 2004, Barangay Anambongan, Basista.

Ricardo's while the rest of the structures are occupied by the other Solars. The 58 year-old Ricardo enthusiastically narrated how he began as a young, independent *viajero* in the 1960s. Only 16 years of age, Ricardo with 3 cattle-drawn kariton took on his first adventure and arrived in Tarlac which became his first base. Later, he would reach Pampanga and Nueva Ecija with his supply of bamboo products such as *bigao* (rice thresher), *anduyan* (crib for babies and hammock for adults), *paypay* (fans) and *bangkitos* (small chair). He was able to experience trading in Manila but left it to his younger relatives to manage sometime in the 1980s.

Ricardo recalls that way back in the 60s, business was good then. He only spent around P45-P100 in his first ventures. With this amount, his kariton was already full-house where goods were easily consumed in less than 2 weeks. Like the Bravos, Ricardo laments that what used to be a booming business is now imperilled by the manufacture of *plastic wares* which is preferred by most Filipino consumers because of its fine features and colorful selections. Recent estimates show that an average capital outlay per *viajero* in the latter part of 1990s is P15-20,000. This huge amount, Ricardo confesses, does not guarantee money back even after 2–3 months of trading. Ricardo stopped plying his route in 1994 together with his brother Freddie. However, the younger Solars — his nephew and other distant relatives continue the tradition, in spite of its very modest returns.

Of the many *viajeros* from the 60s to 90s, it is only the Solar family according to Ricardo who still make that real journey from the heart of Caboloan to metropolitan Manila. Others like Aday, Santi, the Bravos have ceased doing it because of the following reasons: slow return of capital, dangerous roadtrip after the Mt. Pinatubo eruption, the construction of supermarkets and malls in the urban centers from Pangasinan, Tarlac and Pampanga which sell plastic wares, and the hostile environment especially in the metropolis.

Majority of *viajeros* in recent times, resort to the *paktura* system where cattle carts are permanently stationed in Manila and goods are replenished through truck loading from its origin in Pangasinan. The carts now serve as retail outlets for bamboo-based products from interior Caboloan. In this way, the *viajeros* simply await the cargo in Manila without necessarily having to travel back with their cattle and wagons.

The Solars now make this long journey only once a year. Every month of September, the Solar *viajeros* leave Pangasinan and come back by bus during All Soul's Day, after which they go back to Manila after a two-week vacation where they dispatch a truckload of goods to their Manila base. Ricardo is alarmed by the implications of the *paktura* system as a replacement to the traditional caravan journey. Though he has stopped his caravan trade, he assumes responsibility for his younger family members whom he believed inherited his business. For the Solars and the rest of the *viajeros*, the trend of events does not augur well for both business and tradition. This long-time tradition may be lost in the very competitive world of global commerce.

Ricardo Solar who was joined by his brother-in-law Wilfredo Frias and sister-in-law Rebecca Manzon were quick to point to Ricardo's uncle Romulo 'Lolong' Bravo of *Barangay Dumpay* as the forerunner of the caravan trade. Lolong died in 1998. Romulo's half brother (maternal side) Juanito who was father to Ricardo was also a *viajero*. Romulo is the grandfather of Victoriano Bravo of Barangay Anambongan which makes him cousin to Ricardo Solar. Thus, the Bravos of Anambongan in Basista and the Solars of *Turac* in San Carlos belong to one family tree whose common lineage can still be traced to Romulo Bravo of Dumpay in Basista. No wonder why the *viajeros* are always associated with these barangays which is the heart of the caravan culture.

With Romulo Bravo gone, Ricardo Solar serves as the culture bearer among the Solar-Cayabyab clan. As far as his memory can remember, Ricardo notes that even before the 1950s, cattle caravans had been transporting agricultural and bamboo products to other towns. But he could not be certain anymore of names or if they were already plying the famous route to Manila. Beaming with a hint of pride, Ricardo showed his first wagon with the family name etched in black to identify its owner. It is indeed a vintage vehicle of art that has fed several families and that has sustained a rural economy amidst an export-led industrialization program of the government.

Leaving the Solar compound near dusk, one is led to a forest of bamboo after a clearing. Ricardo Cayabyab Solar, the cattle caravan trader served briefly as a police officer and then later became a Kagawad in Barangay Turac of San Carlos City.

Barangay Gamata, San Carlos

The De Vera and the Tagulao clans of Barangay Gamata are also well-known *viajeros* of the kariton. From Barangay Buenglat, a crossroad would lead either to the De Veras to the left or to the Tagulao' village to the right. *Viajeros* in Barangay Gamata are famous for their unusual caravan route which is to the northern Ilocos instead of the usual southern destinations.

Alfredo de Vera is a picture of a jaded veteran *viajero* who has lost interest in the trade and in life after his eldest daughter died of a mysterious disease after arriving from Singapore and Taiwan where she worked as an OCW. Her beautiful pictures decorate their modest living room. Her well-chiselled face, fair skinned *mestiza* features contrasts with the sun-drenched fields of Barangay Gamata. Alfredo's trading days, to him, have all been in vain.

Forty-six year old Alfredo humbly recognized the De Veras as one of the first *viajeros* in Barangay Gamata¹². He mentioned the Tagulaoes as another prominent *viajero* family. But according to him, the De Veras and the Tagulaoes have long ceased operating the caravan trade. Starting in 1977, Alfredo paid P6,000 for a fullhouse cart which returned instantly. Contrary to the information gathered, Alfredo like other de Vera *viajeros* peddled their wares down south. Bataan and Olongapo were their favorite destinations. But after 10 years as *viajero* in 1987, someone lured him to try fishnet business in the Ilocos. A number of his kin joined him but later fled the place after his brother impregnated an Ilukana which angered the entire Iluko village folk.

Alfredo however admitted that *viajeros* tread the uphill Ilukos mountains but not through cattle caravans. Instead, *viajeros* use horsedrawn carts or *caromata* because they believe it's faster but not necessarily stronger than cattle. Horsedrawn carts however have small compartments to accommodate goods and to shelter the *viajero* at night. Alfredo points to Barangays Pangoloan and Quintong where one can find a significant number of horsedrawn caravans.

He attributes his inherited trade to his grandfather Daniel Cayabyab who in the 1940s — 1950s was already transporting agricultural and

---

¹² Interview with Alfredo de Vera of Barangay Gamata, 19 April 2004.

farm products to nearby towns such as Mangatarem and Labrador. But Alfredo explained that his grandfather's cart had no *tambobong* yet. He believes that it was only around 1967–70 when *tambobongs* were fashioned as roofs to protect the goods and the *vijero* on long journeys. His grandfather Daniel Cayabyab used to sell *belas* (rice), *larac* (coconut oil), *niyog* (coconut) and *asin* (salt) through his *tambobong*-less *kariton*.

Alfredo has heard of the Bravos of Anambongan or the Solars of Turac, but he did not know them personally. Alfredo also cited the town of Basista, Barangays Turac and Dumpay as places where veteran *vijeros* can be located. After almost 13 years after his last trip, Alfredo's family continue to create *obong* or chicken nests which they sell at the *poblacion's palengke*.

Just a few years back, the bamboo handicraft business center had been relocated at the back of Central I Pilot School from the original *palengke* site near the plaza. Several middlemen constructed their own shops at the new site where handicraft products are now concentrated. Like in the old days, Saturday, being the 'araw ng *tienda*', handicraft makers from the barrio still flock to the *poblacion* loading their products, but now on a new site through 'arkilado' jeeps and tricycles. Foremost middleman is Pepe Ferrer who lives just a few blocks away from the plaza.

Nobody from the old residents of the *poblacion* remember Ferrer as member of the community. Some *pueblo* folk consider Pepe Ferrer as a successful entrepreneur from the barrio who is a parvenu in the city. But Ferrer's large commercial trucks which are frequently parked in front of his residence only indicate that he has conquered this agricultural city.

Pepe Ferrer according to the Bravos lend money to *vijeros* for as much as P30,000 with a monthly interest of approximately 10–13% in 1998. (This was the last year the Bravos borrowed money from Ferrer. This researcher set an interview with Ferrer but was always said to be out of town. 'Recent figures' is still being pursued by this researcher as of this writing.) Through the system of '*paktura*', *vijeros* buy bamboo products from Ferrer's shop then load this to his truck which will be unloaded once it reached Manila. This way, the *vijeros* no longer have to bring their cattle and cart back to Pangasinan to

replenish their wares. According to the Bravos, it is Pepe Ferrer who is getting richer in this trade while the *vijeros* can only hope for a windfall.

Alfredo de Vera's *obong* only commands so little from the local marketplace so he depends entirely in his farm for daily sustenance. His aging mother continues to do *obong* however, as it is the only thing she said she knew how to support his son's family. The jaded and lugubrious Alfredo De Vera somehow prefigures the cattle caravan as an outdated and forlorn vehicle of trade at a time when the global market demands OCWs (as in his daughter who died as a domestic helper) rather than actual goods and products. Like the house and the looks of Alfredo, the cattle caravan has indeed seen better days.

Barangay Pangoloan, San Carlos

Barangay Pangoloan is an adjacent barangay after Gamata, and is said to be the home of the famous *tambobong* maker, Macario 'Ariong' Ramos. Ramos lives alone with his wife in a rather spacious house near the barangay high school. With a colored TV set and a mini component (status symbols in most homes in the barrios), a revolving ceiling fan with lamp and 2 sets of electric fan, the Ramos couple seems to be living comfortably. The septuagenarian Ramos couple even look younger than their age. Ariong credits their relatively well-off life to his children working in the city who periodically send him money.

Curious why the caravans' *tambobong* all look the same, Ariong believed it was a tradition and commerce handed down either through friends and families or through paid learning sessions by a master weaver. The latter one was how Ariong became the next master weaver in the area. According to Ariong, someone from Barangay Gamata invited him to a training session of sorts on how to make a *tambobong*¹³. This was in the 1950s when there were still a number of *tambobong makers* in Gamata. Two decades later, Ariong survived them all and had become the only *tambobong maker* in the place. The De Veras all went to him in the 70s for their *tambobongs*. Ariong remembers the

---

¹³ Interview with Macario 'Ariong' Ramos and wife 'Esting' of Barangay Pangoloan, 19 April 2004.

measly P2 a day payment for his artwork. The craft could be completed in a week's time with 2–3 co-workers. He charged P5 a day in the 1970s and when he stopped making *tambobongs* in the 90s, he was already charging P200 a day. Since '*pakyaw*' or orders became rare, he retired himself from making *tambobongs*.

Ariong has never heard of a Tony Ferrer who is the renowned *tambobong* maker in Anambongan. He believes however that the basic design of the *tambobong* could have originated from Dumpay, Turac and its contiguous barangays whom he considers as the heart of caravan culture. Ariong admits that his Barangay Pangoloan was more into the *caromata* trade rather than the *cattle caravans* with the signature *tambobongs*.

Ariong relates how his son-in-law from Barangay Gamata attempted to try the cattle caravan trade during the early 1990s. Borrowing money from a middleman, Ariong's son-in-law became indebted to him and was forced to sell the kariton to someone from Barangay Palaming for the amount of P1,500. The 10% interest according to Ariong burdened his son-in-law who went back to farming after a dismal attempt at caravan trading.

Ariong's signature *tambobong* went beyond the aesthetic value of the 'kariton' as a vehicle of art for it was primarily a roof and a shelter for the *viajeros* day and night under a moonlit sky or in a raging storm.

Under the Yoke: Travails of a Travelling Life

There are basically two stories about the life of a *viajero* within crossroads at the market capital of the Philippines. The younger generation through Adoy de los Santos, Arnold Payopay, Santi Tagulao and Jessie Bravo have experienced hostilities in Metro Manila either through '*pangongotong*' by the police or by rude street gangsters. For the earlier batch of *viajeros* such as Victoriano Bravo, Ricardo Solar and Alfredo de Vera, they were generally received warmly by people from the city. The elder *viajeros* perceive Manila not only where lucrative trade beckons but as a place full of grandeur and wonder. They all marvel at the skyscrapers, movie houses and other infrastructure as something that is synonymous to progress or development. For the younger crop, they are here because of the pragmatics of doing business in a capital city. While they momentarily enjoy

watching movies or stroll inside a mall, which happens rarely, they seem indifferent to the enticements of visual advertising or of the urban setting.

When the squatters area at East Avenue (where families of *viajeros* were ensconced) was burned in 1997, *viajeros* felt greater hostility and a sense of alienation from city dwellers. This increased the number of *viajeros* going farther south such as in Cavite, Laguna and Batangas as their alternative destination. Few years earlier, the caravan traders stationed beside SM North Edsa were displaced by a commercial enterprise which sought to compete with the giant SM. Again, after the great fire in 1997, the cattle caravan situated at Quezon Boulevard were ordered to relocate to avoid traffic in that busy area. And recently, *viajeros* in the C.P. Garcia and Commonwealth Avenues were apprehended for illegal parking and obstruction to traffic on national roads. These events affected the morale of many *viajeros* although some were able to doggedly transplant themselves to other more hospitable places.

Jessie Bravo also experienced being robbed 4 cattle while in Cavite. This dampened his spirits and never recovered after that. Ironically, his uncle Victoriano however had fond memories of Cavite and La Pacita in Laguna where according to him, he was chased by women. He could not recall anyone who had taken advantage of his caravan back in those years.

But the common problem all *viajeros* face is '*iliw*' or separation anxiety from their loved ones. Ricardo Solar said he couldn't manage to be away from his family more than a month. Adoy and Santi would rather not talk about '*iliw*' to avoid the pain since they both have babies left at home. Though most *viajeros* interviewed attest to the presence of many beautiful women in the metropolis as likely temptation, it has not in any way diminish their relations with their provincial wives.

Life in the city for these *viajeros* is spent in '*tongtongan*' or small talk among themselves which serve as their socialization in a foreign territory. While all *viajeros* interviewed are Roman Catholics, they are not regular churchgoers. The reason is that even in the province, seldom would they be able to attend Sunday mass since the travel to the *poblacion* church from their barangays already requires money,

time and effort. The only time they go to church is when they attend weddings, baptisms, and funerals.

There is a consensus among all the *viajeros* interviewed that what constitutes a good Catholic is when he does not take advantage of another, as in trading. Life must not be lived as '*makilot*' or dirty (read: shrewd) because honesty is the highest Catholic virtue. According to them, though they are poor folk, they know how to live honestly. Family is also their top priority. They say they opt to become *viajeros* not necessarily to see the world but because they want to provide for their families. Thus, they speak of '*iliw*' as the greatest compromise of their semi-nomadic life as traders. Although, what influenced them to become *viajeros* are their elder *viajero* relatives who lured them into this enterprise. For most, its '*tawir*', or an inherited business from forebears.

Generally, caravan *viajeros* have been receptive of Tagalog and its accompanying culture. They show no aversion to the Tagalization of most schools in the province where schoolchildren are penalized in speaking vernacular instead of Tagalog or English. But in spite of this openness to Tagalog or Manila culture, the *viajeros* still look at themselves at the margins of the Tagalog community in Metro Manila. For them, it is enough that they get respect from Tagalog city-dwellers as poor folk from the province. *Viajero*'s relatives (usually the women) who put up small retail outlets in the metropolis are the ones easily assimilated than the male *viajeros*. This assimilationist tendency of Pangasinan women into the fabric of Manila life is interesting as it may be informative of something that is perhaps, gender-related in the paper of ethnicity, trade and migration. One reason maybe is the fact that it is the Pangasinan women as retail mainstays in the city who encounter the Tagalog-speaking clientele on an everyday and regular basis while the male *viajeros* still manage to go home for several months.

In spite of the unprofitability and dangers accompanying the caravan trade, younger *viajeros* seem to be resigned to the fact that prospects of money can only be pursued in the big city. Elder *viajeros* could only reminisce of the time when caravan trading was at its peak in the 70s up to late 80s. Tinong Bravo's marbled-floor house for instance is a reminder of that era. Admirably, all the *viajeros* inter-

viewed never complained of the discomforts of travelling under a *tambobong* which shelters them from rain, storms and cold. Except for *'iliw'* or separation anxiety, *viajeros* are inured to the travails of the travelling life.

Connecting Culture and Commerce by Cartwheel

The Philippines is said to be a 'bamboo country' because of its swampy coasts and rivers. Historian Isagani Medina lists several place-names which pay tribute to the bamboo such as Meycauyan in Bulacan, Pasong Kawayan in General Trias, Cavite, Cauayan in Negros Occidental and Caoayan in Ilocos Sur [Medina 1977: 545]. To add to this list is Caboloan of the interior plains of Pangasinan. While the bamboo industry is spread out in different parts of the archipelago, it is only in Caboloan where the tradition of transporting bamboo-based products through the cattle caravan persists up to this day and age.

Tourism takes delight in this seemingly quaint, exotic, museum piece of cattle caravans parading at the outskirts of Manila which are occasionally used to attract foreign tourists. The Tourism office however fails to look at the caravan beyond its cultural significance.

In Pangasinan alone, handicraft industry is boasted as the top dollar earner. Ironically, the industry does not translate to the upliftment of small handicraft family businesses, more so, the mercantile needs of *viajeros* of the cattle caravan. It is the class of middlemen and big-time exporters who benefit from its economic advantages, citing Pepe Ferrer's phenomenal success. *Viajeros* and handicraft makers alike succumb to loans with interests which middlemen force on them. In the end, they become indebted for life.

The cattle caravan is merely a recipient of reject products which did not pass the export standard NACIDA has established during Marcos time. Today, young, aggressive and mostly Chinese entrepreneurs are the ones which replaced the NACIDA, as exporters of bamboo-based products. The rejects from this exporting companies are the ones which trickle down the local market including those peddled by the caravan traders. The debilitating effect of the plastic wares' competition against the bamboo in recent times heightens the already disadvantaged position of small merchant traders.

How will globalization affect the **cattle caravans of Ancient Caboloan**? Will the world economic system submerge it by its gigantic tentacles from first world capitalists? Will it be obscured by dominant cultures? Or will its recuperative nomenclature '*glocalization*' recognize the distinctiveness of its existence? Locating the caravans of Caboloan in the context of globalization, this researcher finds the persistence of feudal culture in an age of robust commercialization and industrialization.

Ricardo Solar's nephews and relatives continue the age-old tradition of adventure in spite of its minimal returns. Since it is '*tawir*' or inherited, for the Solars, it is the only business thing they know. Though there is only a hint of a little art/cultural appreciation on their part, they all recognize its economic importance because the Solar caravan has fed their families through the years and has sustained them in times of crisis. Perhaps, this recognition can explain why *viajeros* remain loyal to their roots in spite of the lure of enterprise and cosmopolitan living in Manila, it being the market and cultural capital of the Philippines. But the question still remains, is the long and winding caravan route the road to progress? Or is their return trip by truck indicative of marginality and alienation?

Whether the cattle caravans of Ancient Caboloan signifies an underdeveloped economy, it is nevertheless a cartwheel that connects history, culture and commerce for the Filipinos.

The Last Actual Journey from the Heart of Caboloan to Metro Manila

With the '*paktura*' system as a more efficient, practical and convenient means to load bamboo-based products and wares to the stationed carts in Manila, real journey from Pangasinan has been supplanted and considered dated. The ubiquitous cattle caravan that we see in the metropolis are rolling stores that go around their favorite grassy spots from Marikina, Commonwealth Avenue to Jordan Plains in Novaliches. The *viajeros* could no longer afford to go on an actual journey using their cattle from their place of origin in Pangasinan to the metropolis.

First, there is a significant reduction of buyers from the old towns and municipalities which they used to roam from the province of

Pangasinan to Pampanga. The old folk who used to patronize the 'bangkito' now prefer colorful plastic chairs which are sold at the very enticing provincial malls.

Second, since the trade has been most attractive to foreign tourists, the caravan traders ceased to become viajeros and have thus become merely vendors in the metropolis. The bestselling products nowadays are the lounging chair made of rattan using colorful plastic tapestries and the cloth hammock for newly born babies. These items have evolved from purely bamboo based products to the use of plastic and cloth materials which are the preferences of modern day buyers.

And third, the age-old route has been altered by the Mt. Pinatubo eruption making it a laharscape difficult and longer to traverse. It is the viajeros' cattle which suffer the brunt of a long winding and punishing road. The past decade changed not only the tastes of a cosmopolitanizing Filipino but also the attitude towards the viajeros living a gypsy way of life. While the old folk of yesteryears were very hospitable as to offer them water for drinking and cooking, the viajeros today had to buy their own water by gallons. No viajero today would risk his cattle and his life on the road under the conditions of lahar, inhospitable folk and hostile environment.

For Adoy de los Santos and his group, the last actual journey was in 1995. Santi Tagulao and his group in 1992. For old patriarchs and leaders of the band Solar, Bravo and De Vera, in the late 80s. No one dared to venture the old traditional way during the turn of the 21st century except for Mario Banaag who wanted to make a name in history as the last viajero to go on the long arduous journey from Barangay Turac, San Carlos City of Pangasinan to Metro Manila. His real journey started on November 15, 2004.

Mario Banaag, 43 years old is the assistant of patriarch viajero Ricardo Solar of Barangay Turac in San Carlos City. He was very active on the road until the 1990s. He stopped joining the caravan in the early 90s and became a tricycle driver. He would intermittently be part of the caravan again in the late 90s. He never thought he'd make this historical journey alone with only his son Michael, 15 years old, as his companion, and of course, his trusted bull 'Junior'. The story of his journey is a story of the Philippines grappling with the effects of globalization and its consequent import on issues affecting ethnicity,

identity, and the survival of a nation. Mario Banaag's story is also the story of all of us who take risks on the road, venturing into dangerous zones, looking for destinations where adventures have no beginning and ending in a perpetual journey that is life...

Bibliography

Allen 1996 — Allen Thomas. Xinjiang // National Geographic. 1996, March. Vol. 189. № 3.

Amurrio 1970 — Amurrio Fidel, O.F.M. CAP. Pangasinan Grammar. 1970.

Barnhart 1988 — The Barnhart Dictionary of Etymology. USA: H.W. Wilson Company, 1988.

Basa 1997 — Basa Restituto. The Story of Dagupan. Dagupan: Manaois Press, 1997.

Baterina 1986 — Baterina Margot. Love Affair with Philippine Baskets // Philippine Panorama (Sunday Magazine of the Manila Bulletin). 1986, 6 July. Pp. 20-22.

Best 1994 — Best Jonathan. Philippine Picture Postcards, 1903–1920. Bookmark, 1994.

Census... 1920 — Census of the Philippine Islands Taken under the Direction of the Philippine Legislature in the Year 1918. Vol. 1. Geography, History, and Climatology / Director Ignacio Villamor. Manila Bureau of Printing, 1920.

Ciriaco 1995 — Ciriaco Conrado F. Catalogue of Philippine Picture Postcards, American Period 1898-1941. Manila: Fontmaster Printing Services, 1995.

Cortes 1974 — Cortes Rosario. Pangasinan: 1801–1900: The Beginnings of Modernization. Quezon City: New Day Publishers, 1974.

Cortes 1990 — Cortes Rosario M. Pangasinan 1572–1800. Quezon City: New Day Publishers, 1990.

Diaz-Trechuelo and Quirino 1978 — Diaz-Trechuelo Lourdes and Carlos Quirino. Blazing a Green Trail // Filipino Heritage: The Making of a Nation / Edited by Alfredo A. Roces. Manila: Lahing Pilipino Publishing Inc., 1978.

Encyclopaedia 2002 — The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 2. 15th Edition. USA: Encyclopaedia Britannica, Inc., 2002.

Guide 1995 — Guide to Pangasinan Resources. Pangasinan Federation of Non-Government Organizations (PF-NGOs), 1995.

Koutsoupakis — Koutsoupakis Spyros. A Brief History of Crete. URL: hellasweb.com/omonoiacr/Histcrete.htm.

Marcelino — Marcelino Evaristo. *Princess Urduja: The Amazon Warrior of the North*. Dagupan: Johannine Press, n.d.

Medina 1977 — Medina Isagani. *The Bountiful Bamboo // Filipino Heritage: The Making of a Nation / Edited by Alfredo A. Roces*. Manila: Lahing Pilipino Publishing Inc., 1977. Vol. 2.

Muñoz 1990 — Muñoz Jose Ag. *The Binalatongan (San Carlos) Story: Then and Now: September 1587–1990*. San Carlos: Sanchez Press, 1990.

Nelmida 1982 — Nelmida Perla. *Pangasinan Folk Literature*. Doctoral Dissertation, University of Philippines, Diliman, 1982.

Pulido 1936 — Pulido Baldomero. *History of Pangasinan*. Doctoral Dissertation, University of Santo Tomas, 1936.

Retaña 1906 — Retaña Wenceslao. *Aparato Bibliografico de la Historia General de Filipinas: Años 1524–1800*. Madrid: Impr. de la Sucesora de M. Minuesa de los Rios, 1906. 3 Volumes.

Serraon 1998 — Serraon Fr. Melquiades, Rev. *Historical Notes on the Church of St. Dominic // Christ the King Celebration*. 1998, 22 November. Saint Dominic Parish, San Carlos City, Pangasinan.

The Philippines... 1994 — *The Philippines Under Spain (Reproduction of the Original Spanish Documents with English Translation)*. Book V (1590–1593): *Church vs. State, Bishop Domingo Salazar and Governor Gomez Perez Dasmariñas / Edited by Virginia Benitez Licuanan and Jose Llavador Mira*. National Trust for Historic and Cultural Preservation of the Philippines, with IFPC, UNESCO and The Toyota Foundation with the assistance of The American Express Foundation and University of the Philippines, 1994. p. 162.

Velasquez 1957 — Velasquez Santiago S. *Sipi Awaray Baley na Lingayen*. Unpublished Manuscript. 1957. Pangasinan Provincial Library.

Е. Г. Фролова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В БОЛЬШОЙ МАНИЛЕ

Языковая ситуация — это «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Словарь 2006: 266]. Языковая ситуация на Филиппинах вообще и в Большой Маниле в частности весьма сложна, так как в стране существуют более ста местных языков (в основном относящихся к филиппинской подгруппе индонезийской ветви малайско-полинезийской семьи), важную роль играли и играют арабский, испанский и английский языки, и правительство проводит весьма противоречивую языковую политику. Поэтому для начала хотелось бы рассмотреть некоторые отдельные сферы применения языков в Большой Маниле (столичном административном округе), а потом попробовать сделать некоторые выводы.

В регионе Большой Манилы в разных сферах в основном используются два языка: английский и филипино, которые являются официальными языками Республики Филиппины и о которых мы и будем говорить. Но если с английским языком более или менее понятно, что речь идет о филиппинском варианте английского языка со своими фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями, то про язык филипино хотелось бы сказать несколько слов.

Как известно, по первой Конституции Филиппин 1898 г. официальный статус впервые приобрел тагальский язык, затем в Конституции Автономных Филиппин 1935 г. было записано: «Конгресс должен предпринять шаги, направленные на развитие и усвоение общенационального языка, основанного на одном из существующих местных языков». В декабре 1937 г. национальный язык, основанный на тагальском, был официально провоз-

глашен «общенациональным языком Филиппин», а по Конституции Республики Филиппин 1946 г. был объявлен «официальным языком страны наряду с английским и испанским» [Макаренко, Погадаев 1999: 72–73]. С 1937 по 1958 г. он называется национальным языком, в 1959 г. его переименовывают в пилипино, наконец, в 1987 г. — в филипино. Конституция Филиппин 1974 г. подтвердила статус пилипино в качестве официального языка, а ныне действующая Конституция Филиппин, принятая 2 февраля 1987 г., в ст. 14, гл. «Язык», раздел 6, провозглашает: «Государственный язык Филиппин — филипино. В процессе своего развития он должен развиваться и обогащаться на основе существующих языков Филиппин и других языков» [Dokumentasyon 2001: 490–491].

Что же такое язык филипино с точки зрения законодательства?

Тринадцатого мая 1992 г. Комиссия по языку филипино принимает Резолюцию № 92-1, утверждающую рабочее описание языка филипино. В соответствии с этим описанием «это исконный (*native/katutubo*) язык, устный и письменный, в Большой Маниле, государственном столичном регионе, и других центральных городах архипелага, который используется как средство коммуникации между этническими группами. Как любой живой язык, филипино находится в процессе развития посредством заимствования из филиппинских и нефилиппинских языков и посредством развития различных вариантов языка для различных социальных ситуаций среди говорящих с разным социальным положением для разных тем обсуждения и учебных дисциплин» [Dokumentasyon 2001: 711–712].

В 1996 г. Комиссия принимает поправки в это определение, заменив фразу о том, что филипино — это «язык, устный и письменный, в Большой Маниле, государственном столичном регионе, и других центральных городах архипелага», на «язык, который используется по всей стране» [Dokumentasyon 2001: 828–831].

Что касается отличий языка филипино от тагальского языка, то 06.08.1987 г. Министерство образования, культуры и спорта принимает приказ № 81 «Алфавит и руководство по правописанию языка филипино» [Dokumentasyon 2001: 560–577]. В соответствии с этим приказом в алфавит тагальского языка добавля-

ются восемь новых букв (с, f, j, ñ, q, v, x, z). Таким образом, алфавит языка филипино теперь состоит из 28 букв. Все буквы читаются, как в английском и испанском (ñ) языках. Чтение совпадает с написанием, т.е. принцип «одна буква равняется одному звуку», который филиппинские лингвисты считают основополагающим для сохранения структуры языка филипино, не нарушается.

Новые буквы используются:

(1) в именах собственных, например: *Carmelita*, *Canada* (что было и раньше в тагальском языке. — Е.Ф.);

(2) в словах, заимствованных из других языков Филиппин, например: *sañao* ‘церемониальный танец игоротов’, *hadji* ‘мужчина-мусульманин, совершивший паломничество в Мекку’, *masjid* ‘мечеть, молитвенное место’, *vakul* ‘головной убор из листа пальмы или банана’, *ifun* ‘вид мелкой рыбы’, *azan* ‘первый призыв к молитве’;

(3) в эквивалентах заимствованным словам.

При поиске эквивалента заимствованному из английского языка слову, по мнению авторов реформы, следует идти следующим путем:

1) попытаться подобрать эквивалент из современного языка филипино, например: *tuntunin* ‘правило’ (это тагальское слово, что доказывает: авторы реформы воспринимают язык филипино как тагальский. — Е.Ф.);

2) если такой эквивалент не найден, использовать слова из других филиппинских языков, например: *imam* ‘имам’, *hadji* ‘хаджи’;

3) если и такового не обнаружено, то при наличии заимствованных слов из английского и испанского языков, предпочтение отдавать заимствованиям из испанского, так как слоговое построение языка филипино совпадает с испанским, например:

английский	испанский	филипино	перевод на русский
check	cheque	<i>tseke</i>	‘чек’
liter	litro	<i>litro</i>	‘литр’
liquid	liquido	<i>likido</i>	‘жидкий’
education	educacion	<i>edukasyon</i>	‘образование’

4) если не существует заимствованного из испанского эквивалента или все-таки он существует, но его не понимает большинство населения, можно заимствовать английское слово и произносить и писать его следующим образом:

а) если в слове буквы соответствуют звуку, заимствовать без изменений:

иностранное слово	филипино	перевод на русский
reporter	<i>reporter</i>	‘репортер’
editor	<i>editor</i>	‘редактор’

б) если буквы не соответствуют звуку, писать и произносить по правилу «как произносится, так и пишется, и наоборот»:

иностранное слово	филипино	перевод на русский
control	<i>control</i>	‘контроль’
meeting	<i>miting</i>	‘собрание’

Однако существуют заимствованные слова, которые можно писать/произносить двумя способами, но при этом должно соблюдаться правило соответствия одной буквы одному звуку, например: tango или tanggo ‘танго’, kongreso или konggreso ‘конгресс’;

в) есть английские и другие слова, в которых написание и чтение расходятся существенно, тогда можно идти следующим путем:

— принять оригинальное написание, если при переводе на алфавит языка филипино нельзя проследить оригинальное написание, например: *coach* ‘тренер’, *sandwich* ‘бутерброд’, *sausage* ‘сосиска, колбаса’;

— заимствовать без изменений научные и технические термины, например: *calcium* ‘кальций’, *x-ray* ‘рентгеновский луч’;

г) заимствуются без изменений научные символы, например: *Fe* ‘железо’.

Заимствованные слова с последовательными гласными можно писать и произносить двумя способами, но должен соблюдаться принцип «одна буква — один звук», например: piano — *pyano*, *piyano* ‘пианино’, dialecto — *dyalekto*, *diyalecto* ‘диалект’,

tiempo — *tyempo*, *tiyempo* ‘ритм, такт’, Dios — *Dyos*, *Diyos* ‘бог’, гуаро — *gwapo*, *guwapo* ‘красивый, симпатичный’.

Далее авторы указывают, что в тагальском языке было четыре типа слога (Г, СГ, ГС, СГС), а в филипино будет девять, добавляются ССГ (*pri-to* ‘жареный’), ГСС (*eks-per-to* ‘эксперт’), ССГС (*plan-tsa* ‘утюг’), СГСС (*kard* ‘карточка’), ССАСС (*trans-krip-syon* ‘транскрипция’), и описывают новые правила разделения слов на слоги, удвоения слогов и использования дефиса [Dokumentasyon 2001: 560–577].

В 2001 г. принимается новый документ «Ревизия алфавита и руководство по правописанию на языке филипино», где авторы заявляют, что ревизия алфавита заключается в том, что восемь новых букв разрешается использовать во всех заимствованных словах, а не только в формальной и технической терминологии, как было ранее. Те слова, которые были заимствованы ранее и писались в соответствии с правописанием, принятым ранее в языке филипино, приобретают второй вариант написания, т.е. совпадающее с их написанием в исходном языке. На данном этапе они имеют два равноправных варианта написания, но со временем, как считают авторы, старый вариант выйдет из употребления и будет считаться устаревшим. Авторы считают, что такое нововведение не разрушает исконную систему письменности, поскольку она базируется на принципе «произношение совпадает с написанием». Этот принцип, по их мнению, сохраняется, так как новые буквы обозначают конкретные звуки и имеют статус фонемы. Новые восемь букв авторы делят на две группы: буквы *f*, *j*, *v* и *z*, имеющие определенный фонетический статус, и буквы *s*, *ñ*, *q* и *x*, у которых несколько вариантов произношения. Только буквы из первой группы (*f*, *j*, *v* и *z*) могут использоваться в написании незаимствованных слов, которое соответственно меняется. Буквы из второй группы имеют разное произношение в зависимости от места в слове или от той буквы, которая стоит за ними в слове в английском или испанском языках. Следовательно, использование этих букв нарушает принцип простоты и экономичности системы написания. Эти буквы можно использовать в заимствованных словах, если они содержатся в исходном языке, при этом слово пишется так же, как оно пишется в исходном языке при соблюдении следующих условий:

- 1) если слово является именем собственным, т.е. именем человека, географическим названием, названием события или вещи;
- 2) если слово является техническим или научным термином;
- 3) если слово имеет особое культурологическое значение;
- 4) если слово имеет «неправильное» написание, т.е. в нем используются две или более букв, которые не обозначают звуков, например *bouquet* ‘букет’;
- 5) слово имеет интернационально признанную форму и произношение, например слово *taxi* ‘такси’.

По утверждению авторов, введение восьми новых букв в язык филипино не нарушает принципа эффективности письменной системы языка и при этом делает ее более гибкой и усиливает способность языка к изменениям в результате межъязыковых контактов, так как расширяет возможности проникновения элементов других языков в язык филипино, будь то официальная, техническая или обычная речь.

Как считают авторы, широкое и всеобщее применение этих новых правил приведет к следующим результатам:

- 1) стандартизация языка филипино, так как при переходе устной формы языка в письменную достигается унификация или кодификация языка, уменьшается количество различий или расхождений в языковых правилах. Таким образом, возникает языковая норма, становятся более постоянными произношение, словарь и структура языка. На заключительном этапе развития языка может возникнуть новая форма дискурса и стили, такие как официальный, научный и технический;
- 2) модернизация и лексическое совершенствование языка филипино, так как ускорится модернизация национального языка и одновременно с этим модернизация культуры и жизни. При открытии языка филипино для других языков (в соответствии с принципом гибкости) с соблюдением ограничений, устанавливаемых правилом соответствия «одна буква — один звук» (в соответствии с принципом простоты и экономичности) расширится лексический запас языка филипино. Таким образом, ускорится процесс перевода на язык филипино и с этого языка на другие развитые языки мира;
- 3) всеобщая грамотность, так как чтение становится естественным и автоматическим, потому что в языке филипино суще-

ствуется ясное соответствие одного звука одной букве. Можно будет использовать также интернационально признанные слова для более высокого уровня чтения, такого как ознакомительное и просмотровое чтение. Повысится уровень грамотности населения, так как ускорится и станет проще процесс обучения чтению и письму [Revisyon 2001: 76–102].

Таким образом, на данный момент алфавит языка филипино состоит из 28 букв, т.е. 20-ти старых букв тагальского алфавита и восьми новых, которые «взяты из существующих языков Филиппин и других языков» [Revisyon 2001: 84]. Буквы располагаются в алфавите в новом порядке (изменяется позиция буквы *k*) и читаются по-новому, как в английском (с, f, j, q, v, x, z) и испанском (буква ñ) алфавитах. Насколько реально эти правила будут управлять процессом дальнейшего развития языка филипино, покажет время. А мы попробуем рассмотреть разные сферы использования языка в Маниле, для того чтобы попытаться оценить языковую ситуацию в столичном регионе Филиппин.

В официальной сфере господствует английский язык, несмотря на то, что записано в Конституции, и на некоторые законодательные акты, предписывающие внедрение филипино в эту сферу. Например, 12 марта 1987 г. Министерство образования, культуры и спорта приняло приказ № 22, в котором говорится о необходимости внедрения и поддержания использования языка филипино в сфере официальной коммуникации и образования [Dokumentasyon 2001: 520–521]. В 1988 г. президент Филиппин Корасон Акино приняла указ № 335, предписывавший всем министерствам, бюро, учреждениям, агентствам и подразделениям правительства предпринять шаги, необходимые для использования филипино в официальном делопроизводстве, взаимоотношениях и переписке [Dokumentasyon 2001: 620–621]. Но, как пишет Ральф Г. Ректо, «в судах процессы идут на английском языке, даже решения Верховного суда принимаются на английском, хотя местные органы власти (особенно в тагалоязычных районах) работают в основном на языке филипино» [Recto 2003: 26].

Другой важнейшей сферой использования языка, влияющей и на все остальные сферы, является образование, которое тесно

связано с государственной службой. Экзамены, которые необходимо сдать, чтобы быть принятым на работу государством, самым крупным работодателем, проходят на английском языке, так же как и экзамены, которые проводит Комиссия по профессиональной аттестации, государственный орган, который выдает лицензии на право работы почти по всем специальностям. Лицензионные экзамены на право заниматься юридической практикой проводятся Верховным судом также на английском, как и вступительные экзамены в государственные колледжи и университеты [Sibayan 1994: 224].

Что касается языка обучения, т.е. того языка, на котором на самом деле говорят в аудитории, то это в основном, как пишут филиппинские ученые, таглиш или тагальско-английское переключение кодов, вариант смеси, на которой говорят многие филиппинцы, получившие образование на английском языке. «Сегодня на Филиппинах практически нельзя найти аудитории, где не говорят на таглише» [Sibayan 1994: 220].

До 1974 г. английский был практически единственным языком обучения, но с 1974 г. на Филиппинах официально проводится политика двуязычного обучения, в рамках которой английский и филипино преподаются как самостоятельные дисциплины и используются как языки преподавания других дисциплин. Объем часов, отводимых под филипино, английский и дисциплины, преподаваемые на них, постоянно меняется.

В настоящее время в соответствии с указом от 17 мая 2003 г. президента Филиппин Глории Макапагал-Арройо и последующих меморандумов и приказов министерства образования преподавание английского языка как второго должно вестись с 1-го класса школы, английский язык должен использоваться как язык преподавания самого английского, а также математики и других научных дисциплин по крайней мере с третьего класса. Кроме того, английский должен использоваться как основной язык обучения во всех государственных и частных учебных заведениях, дающих среднее образование, и в связи с этим преподавание на нем должно составлять не менее 70 % всего аудиторного времени в средней школе. Что касается высших учебных заведений, то их также призывают использовать английский как основ-

ной язык высшего образования. Кроме того, в этом указе говорится о предоставлении необходимых финансовых средств для обеспечения соответствующими учебными материалами, что, как мы знаем, весьма немаловажно в процессе преподавания. Филипино же в соответствии с этим приказом остается языком преподавания самого филипино и общественных дисциплин [Filipino 2005: 322–323]. После этого указа президента министерство образования приняло соответствующие приказы, обеспечивающие преподавание на английском языке в объеме не менее 70 % общего количества аудиторных часов.

Эти приказы вызвали широкие протесты среди преподавателей и общественных деятелей, а Университет Филиппин, играющий большую роль в развитии и распространении языка филипино, провел ряд мероприятий, на которых были подведены некоторые итоги работы по распространению языка филипино, в частности Форум за язык филипино и образование на филипино 6 октября 2006 г., организованный кафедрой языка филипино и филиппинской литературы филологического факультета и Центром языка филипино Университета Филиппин, Дилиман. Участники форума сообщили, что с 1989 г. университет предпринял и предпринимает следующие шаги:

1) кафедра языка филипино и филиппинской литературы разработала программы новых дисциплин для преподавания как бакалаврам, так и магистрам;

2) Университет Филиппин (УФ) ускоряет интеллектуализацию языка филипино с помощью многочисленных исследований и публикаций;

3) УФ создал Центр языка филипино, который поддерживает исследования в области языка филипино, печатает переводы и оригинальные материалы по различным дисциплинам, написанные на языке филипино;

4) УФ проводит семинары, конференции и форумы, которые повышают уровень использования языка филипино;

5) УФ возглавляет различные языковые движения, такие как Национальное общество за язык (*Pambansang Samahan sa Wika*), Коллега-учитель языка филипино (*Kaguro sa Filipino*) и Совет по филипино (*SANGFIL*).

На этом же форуме было отмечено, что начинания и успехи Университета Филиппин в области применения филипино были в большой степени обесценены противоречивой политикой администрации Глории Макапагал-Арройо. Расширение использования языка филипино как языка обучения было остановлено Исполнительным приказом № 210, подписанным министром образования Джесли Лапусом, и постановлениями других правительственных агентств, что вступает в прямое противоречие с Конституцией 1987 г.

Другой важной сферой использования языка является пресса, которая как отражает языковую ситуацию, так и формирует ее. По данным за 2006 г., на Филиппинах не выходит ни одной газеты большого формата на языке филипино, на нем публикуются только таблоиды, хотя у них и немаленький тираж.

Если взять совместный тираж трех самых популярных газет, выходящих на английском языке («Manila Bulletin», «Philippine Daily Inquirer» и «Philippine Star»), то в 1990 г. он составил 692,61 тыс. экземпляров [Philippine 1990], в 1997 г. — 743 тыс. экземпляров [Media 1996–1997], в 2000 г. — 748,5 тыс. экземпляров [Philippine 2000]. К сожалению, более поздних данных о тиражах англоязычной прессы мне найти не удалось.

Если же взять три самые популярные филипиноязычные газеты того же периода («Abante», «Balita» и «People's Journal»), то их совместный за эти же годы тираж был соответственно 1291,2 тыс. экземпляров [Philippine 1990], 720 тыс. экземпляров [Media 1996–1997] и 817 тыс. экземпляров [Philippine 2000]. Судя по этим данным, можно сказать, что в начале 90-х годов газеты на филипино имели тираж практически в два раза больше, чем на английском языке, в конце 90-х годов тираж англоязычных изданий несколько превысил тираж филипиноязычных изданий, но к 2000 г. филипиноязычные издания опять вышли вперед. По данным за 2003 г., тираж филипиноязычных изданий вырос в разы, например тираж «Abante» составил 500 тыс. экземпляров, «People's Journal» — 472 тыс., «Bulgar» — 500 тыс., «Kabayan» — 465 тыс., «Philippine Star Ngayon» — 500 тыс., «PM» — 435 тыс., «Taliba» — 458 тыс., «Tempo» — 460 тыс. и «Tumпок» — 429 тыс. экземпляров [Guevara 2003], что свиде-

тельствует об активизации процесса распространения языка филипино.

Если проанализировать соотношение английского и тагальского языков в филипиноязычной прессе, то можно привести следующие данные, полученные в результате небольшого исследования. Мною было просчитано соотношение тагальской, английской и другой иностранной лексики и слов в так называемом новом написании в материалах трех газет. Получены следующие результаты:

1) в газете «Balita» за 6 июня 1984 г. на первых двух страницах встретилось тагальских самостоятельных и служебных слов — 1405, слов в «новом написании» — 4, английских и других иностранных слов — 609, из которых имена личные — 171, полные названия организаций — 152, сокращенные названия — 43, названия должностей — 41, другие отдельные слова — 66, слова в словосочетаниях — 66;

2) в газете «Balita» за 16 октября 2006 г. на первых двух страницах встретилось тагальских самостоятельных и служебных слов — 1575, слов в «новом написании» — 14, английских и других иностранных слов — 783, из которых имена личные — 122, полные названия организаций — 153, сокращенные названия — 63, названия должностей — 23, другие отдельные слова — 38, слова в словосочетаниях — 118, в дискурсе — 276;

3) в газете «Tanod» за 16 октября 2006 г. на первых двух страницах встретилось тагальских самостоятельных и служебных слов — 924, слов в «новом написании» — 6, английских и других иностранных слов — 431, из которых имена личные — 64, полные названия организаций — 110, сокращенные названия — 43, названия должностей — 31, другие отдельные слова — 19, слова в словосочетаниях — 101, в дискурсе — 127.

Из этих данных можно сделать некоторые выводы:

1) так называемое новое написание заимствованных слов встречается уже в газетах 1984 г., т.е. задолго до принятия новых правил орфографии, например: *sambayanang Filipino* ‘филиппинский народ’ («Balita», 06.06.1984, ст. «Nat'l Stability»), в этой же газете встречаются такие слова, как *ma-salvage* ‘спасать’, *nakapagbo-blow-out* ‘взрывать’ (ст. «Probe...»), *napublish* ‘опубли-

ковано', *na-hijack* 'захвачен' (ст. «8 Suspects...»). Конечно, таких слов встречается гораздо больше в газете «Balita» за 2006 г., хотя здесь хотелось бы отметить, что эта газета выходит под заголовком «Ang Nangungunang Pahayagang Tagalog sa Bansa» («Ведущая тагальская газета страны»);

2) между английскими словами и словосочетаниями сохраняются тагальские служебные слова, например *ang hearing ng 10 suspect* 'слушания по делу 10-ти подозреваемых' («Balita» 06.06.1984, ст. «3 PC, 1 pulis...»), *graduating class ng National Defence College of the Philippines* 'выпускной класс Колледжа национальной обороны Филиппин' («Balita», 06.06.1984, ст. «Nat'l Stability»), *aktibong pakikilahok sa economic, political at social development program ng gobyerno* 'активное участие в правительственных программах экономического, политического и социального развития' («Balita», 06.06.1984, ст. «Nat'l Stability»), *matapos ang ginawang recomputation ng Professional Regulation Commission (PRC) ng test scores* 'закончить проведенный Комиссией по профессиональной аттестации пересчет результатов тестирования' («Balita», 16.10.2006, ст. «CA...»), *leakage sa board exams* 'утечка информации на выпускных экзаменах' (там же). Английские служебные слова используются только в английском дискурсе.

Таким образом, можно сказать, что две проведенные реформы национального языка фактически просто узаконили положение, которое уже сложилось естественным образом в существующем языке. При этом хотелось бы отметить, что сильному влиянию других языков подверглись области фонетики и лексики, но морфология и синтаксис пока сохраняются почти в неизменном виде.

На радио и телевидении в равных долях используются язык филиппино и английский. Официальных статистических данных о том, какие языки используются какими каналами и в каких передачах, найти не удалось, и, скорее всего, их и нет, так как практически во всех программах встречается переключение кодов, т.е. переход с одного языка на другой. Но можно примерно оценить, какие языки являются основными для каждой передачи. Исследовались пять общенациональных каналов (ABC-CBN, NBN, ABC-5, GMA-7, RPN-9) и три канала, которые ведут вещание

в основном в Маниле (SBN-21, Studio 23 и MTV Phils). В результате были получены следующие данные:

1) 3 ноября 2006 г. (пятница) общее количество часов вещания на английском языке составило 63 ч., а на филипино — 79 ч.;

2) 19 ноября 2006 г. (воскресенье) распределение языков было следующим: английский — 72 ч. и филипино — 72 ч.

Что касается содержания программ, то следует отметить, что полностью на английском языке идет канал MTV Phils с довольно ограниченной аудиторией, в основном молодежной, и большое количество передач на каналах RPN-9 и SBN-21, целиком посвященных рекламе разных товаров, которые можно купить, заказав их по телефону. На канале ABC-5 много репортажей о спортивных соревнованиях. Они в основном идут на английском языке, хотя и со вставками на тагальском. Этот язык сами филиппинцы называют энгалог (Engalog). Остальные каналы ведут вещание в основном на языке филипино, хотя это не исключает каких-то частей вещания на английском. Даже в ходе филипиноязычной передачи кто-либо из участников может выступить на английском или произнести отдельное слово или целую фразу на английском языке.

Особо хотелось бы отметить большое количество религиозных передач на телевидении, в частности церкви Иглесии ни Кристо. Передачи этой церкви идут полностью на тагальском языке, хотя католическая церковь вещает как на английском, так и на тагальском.

В рекламе на телевидении практически в равном объеме используются и филипино, и английский, а в основном таглиш. Хотелось бы привести несколько примеров рекламы и названий постоянных рубрик на таглише:

1. *My skin is firmer, my pores are smaller and my lines parang nawala* ‘Моя кожа более упругая, поры меньше, а морщины как будто исчезли’ (Studio 23, 07.X.2006, 22:00).

2. *Bagsak si Teacher* ‘Учитель рухнул’(название рубрики) (Studio 23, 08.X.2006, 20:20).

3. *Dati hindi nag-sha-shine ang hair ko... Ngayon nag-sha-shine ang bawat hair ko* ‘Раньше мои волосы не блестели... Теперь блестит каждый волосок’ (Net 25, 08.X.2006, 23:50).

4. *Winner ako* 'Я победитель' (GMA, 22.X.2006, 18:10).

5. *Buhay ang arts dito* 'Здесь живы музы' (реклама Культурного центра Филиппин) (Channel 23, 14.X.2006, 22:30).

6. *...nag-aabsorb ng amoy* 'поглощают запах' (реклама памперсов) (GMA, 14.X.2006, 23:05).

7. *One product para sa lahat* 'Один продукт для всего' (реклама крема O'lay) (GMA, 24.X.2006, 22:20).

Говоря о роли филиппино в кино, Ральф Г. Ректо заявляет: «Наш язык — это язык культуры и национального самосознания филиппинцев. С помощью этого языка выражаются верования, чувства, взгляды, понятия и мечты граждан. Это хорошо видно на примере филиппинской киноиндустрии. Киноискусство и другие виды искусств демонстрируют, как распространяется, активно используется и обогащается мышление на языке филиппино. С помощью поп-культуры, такой как кино, язык филиппино добирается до самых дальних уголков Филиппин. С помощью киноиндустрии и поп-культуры язык филиппино все более становится языком масс» [Recto 2003: 26–27].

Но другой ученый, Конрадо де Кирос, оценивает роль языка филиппино в кино по-другому. Он пишет: «В языке кино отражается раскол, существующий в нашем обществе. Если изображается богатая семья, то диалоги, конечно, будут на английском. Если героиня-домработница, то она будет говорить по-тагальски, особенно если действие происходит в провинциях Батангас или Булакан. Даже артисты, давая интервью, отвечают по-английски, чтобы показать свой класс» [Quiros 2003: 31].

Отдельно хотелось бы сказать о языке церкви, которая играет очень большую роль в общественной жизни страны.

Как известно, Филиппины являются крупнейшей христианской страной в Азии. Большинство населения страны католики, хотя множество людей является протестантами и адвентистами, не говоря уже о мусульманах и приверженцах церкви Иглесия ни Кристо, о которой подробнее будет сказано далее.

Следует отметить, что католическая церковь использует примерно в равных долях английский и тагальский языки, на обоих языках проводятся службы и читаются проповеди в церквях Манилы. Также поступают и адвентисты. Протестанты в большей

степени проповедают на английском, хотя и проводят отдельные службы на языке филипино. К сожалению, у меня нет данных о языке мусульманских служб, но предполагаю, что они проводятся традиционно на арабском языке.

Особый интерес с точки зрения языка представляет церковь Иглесия ни Кристо. Это очень влиятельная филиппинская независимая церковь, которая имеет более одного миллиона приверженцев на Филиппинах и в других странах мира. Здания церквей Иглесии ни Кристо, отличающиеся особым архитектурным дизайном, действительно можно увидеть по всей стране. Приверженцы этой церкви строго следуют правилам поведения, установленным их наставниками. Церковь довольно закрытая. Несмотря на широкую пропагандистскую кампанию, проводимую ею, в том числе на радио и на телевидении, попасть внутрь этой церкви для людей, не являющихся ее приверженцами, не представляется возможным. Но ее язык, являющийся интересным лингвистическим феноменом, и языковая политика вообще подверглись изучению. Как я уже говорила, на телевидении большое количество передач этой церкви, и все они идут на чистом тагальском языке. Известно также, что в нетагальских районах Филиппин эта церковь использует другие филиппинские языки, например себуано и другие бисайские языки, пампанго, бикольский. За пределами Филиппин (а эта церковь имеет последователей в США, Канаде, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Израиле, на Гавайских островах, Гуаме и в Гонконге) Иглесия ни Кристо проводит свои службы на английском или других местных языках, но основные понятия религиозной доктрины вводятся на тагальском языке. Изучению языка церкви Иглесия ни Кристо посвящена очень интересная книга филиппинского лингвиста профессора Университета Филиппин Д.М. Перегринно «Таинство языка: дискурс Иглесии ни Кристо» [Peregrino 2001].

Автор пишет, что он занялся изучением языка этой церкви, поскольку она использует именно язык как знак, отличающий ее сторонников от последователей других церквей. Язык этой церкви состоит из обычных слов тагальского языка, которым придается значение своеобразных терминов. Иногда значение этих слов в языке Иглесии ни Кристо отличается от их значения в языке

католической церкви, т.е. именно в языке, в значении слов отражаются отличия в религиозной доктрине, например слово *anghel* ‘ангел’ в языке католической церкви обозначает создание Бога (обычно его изображают с крыльями), посланника Бога, приносящим благие вести. В языке Иглесии ни Кристо это тоже посланец Бога, приносящий благую весть, но это слово связано с именем Феликса Манало, основателя этой церкви. Доктрина этой церкви считает Феликса Манало одним из пяти ангелов, пришедших с Дальнего Востока, которые, по словам ее проповедников, считаются в Библии Последними посланниками Бога на земле. Конечно, католическая церковь не может согласиться с таким значением этого слова. Другой пример — это значение слова *diyos* ‘бог’. Для католиков Бог един в трех лицах, для приверженца Иглесии ни Кристо бог — это только Бог-отец. Различия в значениях этих и других слов отображают отличия в религиозных доктринах.

Здесь хотелось бы отметить, что вообще Иглесия ни Кристо (ИнК) была основана Феликсом Манало потому, что он считал, что другие церкви неправильно интерпретируют Библию.

По мнению последователей ИнК, язык является основным звеном, объединяющим их церковь. Это «особый язык, язык веры, живой язык, эксклюзивный язык, которым пользуются приверженцы этой церкви» [Peregrino 2001: 86]. Языковая политика ИнК подчинена цели распространения ее учения. Биенвенидо С. Сантьяго, один из священников и руководителей отдела пропаганды этой церкви, сформулировал ее следующим образом: «Иглесия ни Кристо не является только филиппинской церковью. Ее приверженцами стали представители разных наций. Поэтому если в тагальских районах мы используем язык пилипино, то в других районах и других странах мы используем не пилипино, а языки, на которых там говорят люди» [Peregrino 2001: 87]. Однако приверженцы ИнК во Франции, Израиле, Италии, Германии, Испании, Великобритании, Америке и в других странах понимают и используют следующие слова: *binhi* ‘семя’, *akay* ‘ведомый за руку’, *mangagawa* ‘рабочий’, *kapilya* ‘часовня’, *katiwala* ‘ответственный’, *pulong* ‘собрание’ и многие другие. Узнавая эти слова внутри ИнК, они знают не общепринятое значение этих слов, а то значение, которое им придается в языке ИнК [Peregrino 2001: 86].

В быту в тагалоязычных районах, в том числе в столичном регионе, филиппинцы, даже хорошо образованные и хорошо знающие английский язык, по моим наблюдениям, в основном общаются между собой на таглише, хотя объем английского в их языке все же зависит от уровня образования. Чем выше уровень образования, тем больше они включают английских слов и фраз. Даже торговцы на рынке скажут вам «спасибо» и «приходите еще» и назовут свой товар по-английски, хотя при этом обязательно добавят тагальские частицы уважения *po* и *ho*.

На вопрос о том, какой филиппинский язык они или их дети изучали или изучают в школе, филиппинцы отвечают «тагальский». Ни один человек не ответил мне «филипино». Это свидетельствует о том, что термин «филипино» все-таки является политическим термином, а не общепринятым, а язык филипино воспринимается лингвистами как тагальский.

Еще одной бытовой сферой использования языка являются смс-сообщения, которые чрезвычайно популярны на Филиппинах, возможно, в силу того, что сотни их предоставляются бесплатно при оплате мобильного телефона. Язык смс-сообщений, естественно, является особой сферой, поскольку это не устный, а письменный язык. Между прочим, в нем ярко проявляется особая любовь филиппинцев к разного рода сокращениям. Все смс-сообщения пишутся на таглише или энгалоге, и я приведу пару примеров:

1. Prof frolova, *susundin po kayo at olga and dmitry ni bobot* b4 брт. С и. 'Проф. Фролова, за вами с Ольгой и Дмитрием заедет Бобот перед 6-ю часами вечера. Увидимся' (26.11.06 17:28).

2. *Magandang umaga po! Sisikapin naming sa tamang oras* 11:30 am rm 201 new cal bldg. *Inaanyayahan din kayo ng dept sa isang munting salo-salo pagkatapos. Salamat.* 'Доброе утро! Мы постараемся начать вовремя в 11:30 утра, комната 201, новое здание Колледжа филологии. Кафедра вас также приглашает на небольшой праздник после (лекции. — Е.Ф.). Спасибо' (24.11.06 09:57).

Какие выводы мы можем сделать из приведенных данных?

1. Новые правила орфографии 2001 г. фактически законодательно закрепили те изменения в языке, которые произошли по крайней мере двадцать лет назад.

2. Языковая политика, проводимая Комиссией по языку филипино, к сожалению, оказывается малоэффективной. Язык филипино почти не используется в официальной переписке, на государственном и правительственном уровне. Кроме Университета Филиппин другие высшие учебные заведения предпочитают максимально полно использовать английский язык в качестве языка преподавания. То же самое происходит и в средних учебных заведениях.

3. Политика президента Филиппин Глории Макапагал-Аройо направлена на расширение преподавания и использования английского языка во всех сферах жизни страны, что, по ее мнению, даст филиппинцам преимущества в сфере экономики в ходе глобализации. И государство настойчиво и эффективно проводит эту политику.

Многие филиппинские ученые объясняют сильные позиции английского языка и слабость языка филипино процессом глобализации. Но известный филиппинский ученый Биенвенидо Л. Люмбера в статье «Вопрос о языке и литературе на филипино и участие Филиппин в глобализации» пишет: «Не только лидеры должны принимать решения о предстоящих шагах и проектах (в связи с участием Филиппин в процессе глобализации. — *Е.Ф.*). Естественно, они должны советоваться с гражданами относительно решений, связанных с процессом глобализации. Реформы в экономике пройдут гладко и спокойно, если будет существовать согласие основных слоев общества. Участие любой страны в процессе глобализации будет полным и эффективным, если граждане будут убеждены в том, что изменения, которых она требует, принесут им пользу. А граждан можно убедить только в том случае, если руководство советуется с ними. И языком этих консультаций должен быть филипино <...> потому что только он может стать языком взаимопонимания между гражданами и их лидерами. Вопросы, связанные с процессами глобализации, сложны, и граждане могут понять и принять их только на языке своей повседневной жизни» [Lumbera 2003:14].

По словам Бенилды С. Сантос, перед языком филипино в первую очередь стоит проблема стандартизации, причем не только орфографии. Эту проблему действительно трудно решить, пото-

му что с ней связаны другие проблемы. В первую очередь нужно создать определенный словарь и стиль речи для различных дисциплин. Это трудно сделать, так как сохраняется нехватка публикаций на языке филипино, особенно учебников по различным дисциплинам, которые преподаются на этом языке. Хотя многие исследователи пишут на филипино, но пока не достигнута «критическая масса» публикаций, которая вызвала бы постепенную кристаллизацию языковой традиции, в дальнейшем приведшей бы к стандартизации и выработке правил. Одновременно с этим автор отмечает, что нет нехватки в поэтах, романистах, драматургах и кинематографистах, создающих свои произведения на филипино [Santos 2003: 5].

Многие नेताгалы считают язык филипино не общенациональным языком, а тагальским и поэтому не признают его роли в формировании филиппинской нации. Они хотели бы, чтобы их языки послужили основой общего филиппинского языка, и не хотят обучать своих детей на филипино. А без всеобщей поддержки филипино, видимо, не сможет реально стать национальным языком Филиппин, используемым во всех сферах общественной жизни.

Филиппинский ученый Бонифасио П. Сибаян описывает нынешнюю ситуацию следующим образом: «Почти все образованные филиппинцы, включая тех, кто занимает высокие должности, теперь используют таглиш везде, кроме официальных ситуаций, где может использоваться только английский или “чистый” филипино. Пока таглиш еще не является языком, но, по мнению многих, включая и автора, он на пути к тому, чтобы стать таковым <...> Становится ясно, что филипино нуждается в английском для своей интеллектуализации, что на практике оправдывает таглиш, и что будущий интеллектуализированный вариант филипино будет вариантом таглиша <...> Вклад исконно филиппинских языков в развитие филипино в основном будет заключаться в обогащении словаря, необходимого для повседневного общения, в то время как английский будет основным источником интеллектуализированной части словаря» [Sibayan 1994: 220].

Если попробовать оценить языковую ситуацию в Большой Маниле с теоретической точки зрения, применив критерии, предложенные Л.Б. Никольским [Никольский 1976: 80–83], то она,

конечно, является экзогlossной, т.е. представляет собой совокупность отдельных языков, а не подязыков и функциональных стилей. Кроме того, эта языковая ситуация не сбалансирована, так как ее компоненты распределены по сферам общения и социальным группам. Хотя, как уже было сказано выше, практически ни в одной из сфер не используется только один язык из тех двух, о которых мы говорили, и каждый из них может в ближайшем будущем стать языком-макропосредником.

Литература

Беликов, Крысин 2001 — Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М., 2001.

Макаренко, Погадаев 1999 — Макаренко В.А., Погадаев В.А. Языковая ситуация и языковая политика в Юго-Восточной Азии: сравнительное исследование // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1999. № 2. С. 66–81.

Никольский 1976 — Никольский Л.Б. Синхронная социоллингвистика (теория и проблемы). М., 1976.

Словарь 2006 — Словарь социоллингвистических терминов. М., 2006.

David 2003 — David R.S. Politika ng Wika, Wika ng Politika // Ang Wikang Filipino sa Loob at Labas ng Akademya't Bansa. Unang Sourcebook ng SangFil 1994–2001. Sangunian sa Filipino, UP Sentro ng Wikang Filipino. Diliman, National Commission for Culture and the Arts, 2003. P. 15–22.

Dokumentasyon 2001 — Dokumentasyon ng mga Batas Pangwika, Komisyon sa Wikang Filipino at Iba pang Kaugnay na Batas (1935–2000). Inihanda at Ipinalimbag ng Komisyon sa Wikang Filipino. Maynila, 2001.

Filipino 2005 — Filipino at Pagpaplanong Pangwika. Ikalawang sourcebook ng SANGFIL. Quezon City. UP-SWF, 2005.

Guevara 2003 — Guevara M.P. Filipino sa Ilang Bilang Tabloid. MA Thesis, 2003.

Lumbera 2003 — Lumbera B.L. Ang Usapin ng Wika at Panitikang Filipino at ang Paglahok ng Pilipinas sa Globalisasyon // Ang Wikang Filipino sa Loob at Labas ng Akademya't Bansa. Unang Sourcebook ng SangFil 1994–2001. Sangunian sa Filipino, UP Sentro ng Wikang Filipino. Diliman, National Commission for Culture and the Arts, 2003. P. 11–14.

Media 1996–1997 — Media Factbook. 1996–1997. AAAA Philippines.

Peregrino 2001 — Peregrino J.M. Sakramentalisasyon ng Wika: Diskursong Iglesia ni Cristo. Dulaang Filipino, Quezon City, 2001.

Philippine April 2000 — Philippine Agenda for Educational Reform: The Presidential Commission on Educational Reform Report. April 2000.

Philippine 1990 — Philippine Media Factbook: Other Facts and Figures 1990. Media Studies Division, Philippine Information Agency, 1990.

Philippine 2000 — Philippine Media Factbook: Other Facts and Figures 2000. Media Studies Division, Philippine Information Agency, 2000.

Quiros 2003 — Quiros C. de. Ang Kapangyarihan ng Wika, Ang Wika ng Kapangyarihan // Ang Wikang Filipino sa Loob at Labas ng Akademya't Bansa. Unang Sourcebook ng SangFil 1994–2001. Sangunian sa Filipino, UP Sentro ng Wikang Filipino. Diliman, National Commission for Culture and the Arts, 2003. P. 28–33.

Recto 2003 — Recto R.G. Ang Wikang Filipino ay Wika ng Pagbabago: Ang Wikang Filipino sa Pamahalaan // Ang Wikang Filipino sa Loob at Labas ng Akademya't Bansa. Unang Sourcebook ng SangFil 1994–2001. Sangunian sa Filipino, UP Sentro ng Wikang Filipino. Diliman: National Commission for Culture and the Arts, 2003. P. 23–27.

Revisyon 2001 — Revisyon ng Alfabeto at Patnubay sa Ispeling sa Wikang Filipino (Revisyon ng DECSKautusang Pangkagawaran Blg.81, s. 1987), 2001.

Santos 2003 — Santos B.S. Introduksyon. Ang SANGFIL at ang Dokumentasyon ng Pag-unlad ng Filipino // Ang Wikang Filipino sa Loob at Labas ng Akademya't Bansa. Unang Sourcebook ng SangFil 1994–2001. Sangunian sa Filipino, UP Sentro ng Wikang Filipino. Diliman, 2001.

Sibayan 1994 — Sibayan B.P. The Role and Status of English vis-à-vis Filipino and Other Languages in the Philippines // English and Language Planning: A Southeast Asian Contribution. Centre for Advanced Studies. National University of Singapore. Times Academic Press, 1994.

Sibayan 1999 — Sibayan B.P. The Implementation of Language Policy // The Intellectualization of Filipino and other Essays on Education and Sociolinguistics. 1999.

Ю. Ю. Крылов

НАЗВАНИЯ МЕТАЛЛОВ: АВСТРОАЗИАТСКО-АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В настоящее время известно более 80-ти металлов, хотя еще к концу XVIII в. — во времена А. де Лавуазье — этот класс химических элементов включал лишь 17 единиц, десять из которых стали известны европейской науке только к концу средневековья. Только семь металлов были знакомы человечеству с глубокой древности. «Знакомство человека с металлами началось с золота, серебра и меди, т.е. с металлов, встречающихся в свободном состоянии на земной поверхности; впоследствии к ним присоединились металлы, значительно распространенные в природе и легко выделяемые из их соединений: олово, свинец, железо и ртуть» [Вуколов 1896: 157]. Вполне естественно, что средневековые алхимики оперировали только этими семью металлами, обозначавшимися символами семи планет¹, а также серой. Позже к ним добавились сурьма, висмут, цинк и мышьяк.

Металлы, открытые в новое и новейшее время, получали латинские или латинизированные названия, и именно под ними они известны в большинстве языков мира, в лучшем случае приобретая местные окончания. Таким образом, с точки зрения сравнительной лексикологии наибольший интерес представляют собой именно первые семь металлов, так как обычно они имеют оригинальные названия. Впрочем, и здесь отнюдь не исключается возможность лексического заимствования², хотя бы потому, что природные ископаемые распространены по поверхности Земли

---

¹ У алхимиков «семь металлов древности» обозначались так: золото — знаком Солнца, серебро — знаком Луны, железо — знаком Марса, ртуть — знаком Меркурия, олово — знаком Юпитера, медь — знаком Венеры, свинец — знаком Сатурна [Вуколов 1896: 158].

² Ср. названия металлов у маори, даже основные из которых заимствованы из английского: koura (gold), hiriva (silver), кара (copper), haeana (iron).

неравномерно, а навыки их добычи, обработки и использования у разных народов неодинаковы.

В языках Юго-Восточной Азии местные названия (включим сюда и неиндоевропейские заимствования) имеют обыкновенно не более шести металлов — золото, серебро, медь, железо, олово и свинец, причем некоторые металлы, особенно часто олово и свинец, считались, очевидно, просто разновидностями одного и того же вещества³.

Правомерен вопрос, почему в этой статье сравниваются именно австронезийские и австроазиатские названия металлов, а, допустим, не австронезийские и тайские или австроазиатские и тибето-бирманские?

Аустрическая теория, согласно которой австронезийские, тайские и австроазиатские языки входят в одну макросемью, до сих пор остается только гипотезой, по крайней мере в той ее части, которая касается родства австронезийских и австроазиатских языков: «Это родство до сих пор не было надлежащим образом продемонстрировано» [Benedict 1975: 461]. В связи с этим мы предпочитаем рассматривать их как таксономические единицы первого порядка.

Названия металлов, которые, впрочем, не включаются в списки Сводеша и в случае совпадения рассматриваются как культурные заимствования, в австронезийских языках не обнаруживают какого-либо сходства с тайскими. В то же время при сопоставлении их с соответствующими австроазиатскими лексемами картина радикально — в прямом и переносном смысле — меняется.

Мы далеки от мысли постулировать на этом основании особо близкую связь между этими двумя семьями, но факт остается фактом: именно при сопоставлении австронезийских и австроазиатских языков, как это ни неожиданно, обнаруживается наибольшее число материальных совпадений.

Безусловно, это результат тесных языковых контактов, причем направление заимствования, вне всякого сомнения, было от австронезийских к австроазиатским языкам. Об этом свидетель-

---

³ У древних индийцев было слово *loha*, общее для меди и железа. Лексическая дифференциация произошла, по-видимому, позднее.

ствуется широкое распространение соответствующих лексем в австронезийских языках, несмотря на порой весьма значительную географическую удаленность этих языков друг от друга — от Тайваня до Мадагаскара (ср. *атаэльск.* *pila*⁴, *тагал.* *pi:lak*, *индонез.* *pera*⁴ <*perak*>⁴, *мальгайск.* *vula* ‘серебро’), и лишь sporadическое их использование в австроазиатских языках. При этом в австроазиатских языках, несмотря на их сравнительную географическую близость, обнаруживается значительное количество лексических несовпадений (ср. *кхмер.* *prak*, *монск.* *səp* и *никобарск.* *lo:t* ‘серебро’⁵).

С точки зрения географии наиболее вероятные места непосредственных контактов австроазиатских языков с австронезийскими — это восточные районы Камбоджи и юг Вьетнама, где мон-кхмерские народы жили и живут по соседству с австронезийцами (чамами, джараи, радэ и др.), и южные провинции Таиланда, где моны и аслийские народы, аборигены полуострова Малакка, соседствуют с малайцами. Не исключены и даже вполне вероятны контакты и с «заморскими» австронезийцами, в первую очередь с ачех, минангкабау, яванцами и другими народами Суматры, Явы и других ближайших островов. По-видимому, именно соседство *разных* австроазиатских народов с *разными* австронезийскими объясняет то, что объектом заимствования были не одни и те же, а разные лексемы.

Разумеется, количество лексических соответствий различно для разных металлов. Наиболее широко распространены в австроазиатском мире австронезийские лексемы, обозначающие серебро, золото и железо.

Серебро. Австронезийские лексемы со значением «серебро» представлены двумя группами, условно *PERAK и *SALAK. Первая распространена на большей части западно-австронезийского ареала⁶.

⁴ Здесь и далее в угловые скобки заключена транслитерация или письменная форма слов.

⁵ В кар-никобарском первоначально — орнамент, выполненный из серебряной нити, когда серебро еще не имело специального названия.

⁶ Списки слов заимствованы из [CAD 1995] и дополнены из других источников.

Лексема	Язык и область его распространения
pilaʔ	Тайвань: атаяльский
pi:la	Тайвань: пазе
pi:lak	Филиппины: тагальский (о. Лусон), акланон (о. Себу)
pilak	Филиппины: пангасинанский (о. Лусон),
pirak	Филиппины: бикол, маранао (о. Лусон), палаван, молбог (о. Палаван), бангинги-сама (о. Минданао)
perak	Индонезия: сунданский (о. Ява), буру (о. Буру, Малуку), савай (Юж. Хальмахера)
perak	Индонезия: батак-тоба (о. Суматра)
pra:k <prak>	Вьетнам: джараи
piraʔ	Индонезия: ачех (о. Суматра)
peraʔ	Индонезия: яванский (о. Ява), минангкабау (о. Суматра)
peraʔ	Индонезия: индонезийский (о. Ява)
pera	Индонезия: добел (о. Ару)
pidok	Индонезия: мурут (о. Калимантан)
vula	Мадагаскар: малагаси (или: vula-fuci, букв. 'белое се-ребро')
bahar-bura	Индонезия: сика (о. Тимор)
lilo-fulak	Индонезия: роти (о. Роти, Тимор)

Именно эту лексему мы обнаруживаем в кхмерском. Материально *кхмер. prak* <prāk'> почти идентично соответствующему слову в джараи и весьма близко большинству других национальных форм.

Тагальская форма слова (pi:lak) в приводимом списке языковых соответствий появляется практически в виде исключения: как будет видно из дальнейшего изложения, обычно найти соответствия тагальским словам, обозначающим металлы, крайне трудно даже среди других филиппинских языков, не говоря о прочих. Интересно, что наряду с pi:lak тагалы пользуются и испанским заимствованием plata с тем же значением.

Лексемы класса *PERAK обычно используются для обозначения денег. Ср. *пангасинанск. pilak*, *бикольско-илоканск. pirak*, *кхмер. prak*, *малагасийск. vula* и т.п.

Бенедикт связывает слова группы *PERAK, в частности, с протоокеанийским *pirak 'белый', *тайск. phuak* 'белый, с признаками альбинизма' и *тагальск. bulak* 'хлопок' и полагает, что фор-

мы *pi*laʔ ~ *pi:lak* в языках Тайваня «следует рассматривать как заимствования» [Benedict 1975: 423]. Но такая трактовка едва ли оправдана, поскольку языки тайваньских австронезийцев наиболее консервативны и выделились из протоавстронезийского раньше других языков. В семантическом плане сближение **pu*gak, *pu*šak и *bu*lak также кажется довольно натянутым.

Вторая группа лексем (*SALAK) распространена в основном в языках Сулавеси.

Лексема	Язык и область его распространения
<i>salaka</i>	Индонезия: бугийский, да'а, конджо, волио (о. Сулавеси)
<i>salaka</i> ʔ	Индонезия: ума (о. Сулавеси)
<i>slakə</i>	Индонезия: балийский (о. Бали), сасак (о. Ломбок)
<i>tala</i> ʔa	Индонезия: горонтало (о. Сулавеси)

Родственная им джарайская форма *hla:k* <*hlak*> имеет значение ‘медь’. В австроазиатских языках она представлена монск. *hlaik* <*slāk* ~ *lhāk*> ‘бронза’. Вместо сомнительных тайских параллелей, предлагаемых Бенедиктом и Шорто [Benedict 1975; Shorto 1971], здесь уместнее, как нам кажется, обратиться именно к австронезийским лексемам группы *SALAK.

В пользу такого предположения говорит и наличие в языке джараи слова *pra*k <*pra*k>, также со значением «медь», родственного лексемам группы *PERAK ‘серебро’. Скорее всего, речь идет о разных диалектах этого языка, так как едва ли для различения бронзы и серебра было достаточно изменить долготу гласного.

Монская лексема *sɔp* <*sra*p> ‘серебро’, по-видимому, является собственно австроазиатской. Ее ближайшие мон-кхмерские соответствия — *ho*p в рианг-ланг и *gɔ*p в палаунг.

Золото. Австронезийские лексеммы со значением «золото» представлены тремя группами, условно *MAS, *BALITOK и *BULAWAN. Первая группа охватывает большинство⁷ языков Индонезии.

⁷ Говоря «большинство», мы исходим не из количества языков (австронезийских языков более 800, и проанализировать все из них невозможно, отчасти и из-за отсутствия данных), а из количества говорящих и охватываемого этими языками ареала.

Лексема	Язык и область его распространения
mas	Индонезия: яванский (о. Ява), балийский (о. Бали), сасак (о. Ломбок), савай (Юж. Хальмахера), батак-тоба (о. Суматра), ираруту (Новая Гвинея)
masa	Индонезия: добел (о. Ару)
amas	Индонезия: мурут (о. Калимантан)
emas	Индонезия: индонезийский, сунданский, яванский (о. Ява), манггарай (о. Флорес)
emas	Индонезия: мадурский (о. Мадуро)
mshh	Индонезия: ачех (о. Суматра)
ameh	Индонезия: минангкабау (о. Суматра)

Формы *MAS представлены и среди австронезийских языков Индокитая (ср. *джарайск.* и *радэ* ma:h <mah>, *чамск.* mshh). Весьма близкие и определенно заимствованные формы находим в кхмерском (miəh <mās>) и семелай (məs).

В языках Северного Лусона (илоканском, ифугао, пангасинанском) золото обозначают словом *BALITOK. По устному сообщению М.В. Станюкович, у ифугао Балиток — важнейший мифологический персонаж, сын Кидула, бога грома. Этимология этого слова неясна. В значении «серебро» оно встречается в языках канаканабу, саа (balituk) и пайванском (balitʉq). П. Бенедикт трактует его как сложносокращенное от *(m)baɣliaq > *bali(q) ‘железо’ и *(pu)ɕiq ‘белый’ [Benedict 1975: 424].

В языках Тайваня, Сулавеси и Филиппин (кроме тагальского и только что перечисленных языков Северного Лусона) представлены формы *BULAWAN.

Лексема	Язык и область его распространения
bula:wan	Филиппины: акланон (о. Себу), калинга (о. Лусон), палаван, молбог (о. Палаван)
balaoan ~ boraon	Филиппины: маранао (о. Лусон)
blawan	Филиппины: кагаянен (о. Кагаян, Палаван)
bulawan	Филиппины: бикол (о. Лусон), бангинги-сама (о. Минданао)
blawən	Филиппины: блаан (о. Минданао)
bulava	Индонезия: да’а (о. Сулавеси)
bulawa	Индонезия: волио (о. Сулавеси)

hulava	Индонезия: горонтало (о. Сулавеси)
bulaeŋ	Индонезия: конджо (о. Сулавеси)
flawan	Индонезия: буру (о. Буру, Малуку)
ulawiŋ	Соломоновы о-ва: лау
voawan	Тайвань: ями

П. Бенедикт связывает это слово с *индонез.* bulan ‘луна’ (ср. *джарай* blan, *чамск.* palan), но, по-видимому, без достаточных оснований.

Несомненно родственное этим формам слово bolavanə в языке рукай (Тайвань) обозначает не золото, а медь. Как будет показано ниже, практически все другие современные австронезийские языки для обозначения меди пользуются заимствованным словом *TUMBAGA. Если учесть, что на Филиппинах и в Индонезии медное дело было вполне традиционным, использование заимствованной лексики выглядит довольно странно. Можно предположить, что первоначально *BULAWAN обозначало именно «медь», и именно поэтому в современных австронезийских языках мы не находим собственных слов с этим значением.

Эта версия кажется вполне приемлемой, однако, по-видимому, не все так просто. Дело в том, что в языке бикол (Юго-Восточный Лусон) слово bulaw ~ bulawan, кроме значения «золото» имеет и другое — «коричневый», что вызывает немедленные ассоциации с *англ.* brown (ср. также форму boraon в языке маранао).

Цветовая гамма многих филиппинских народов довольно бедна. В ней часто отсутствуют соответствия, например, зеленому, синему, желтому цветам, которые обозначаются заимствованными словами: ср. berde в бикол, илокано, пангасинанском (от *исп.* verde), azul в бикол и пангасинанском (от *исп.* azul), amarילו в бикол (от *исп.* amarillo), и yellow там же. Поэтому заимствование слова brown для обозначения коричневого цвета не удивляет. В то же время использование эпитета «коричневый» по отношению к меди кажется более удачным, чем по отношению к золоту. Впрочем, разнообразие оттенков коричневого достаточно велико.

Использование названия цвета для обозначения какого-либо вещества — явление не такое уж редкое: вспомним йод (*греч.* ‘фиолетовый’), хлор (*греч.* ‘зелёный’), рубидий (от *лат.* *rubidus* ‘темно-красный, багровый’), цезий (*лат.* ‘голубой’), наконец, *индонез.* *kuningan* ‘латунь’, букв. ‘желтая’. Название золота на санскрите — нечто вроде эвфемизма: *svaṛṇa* (*su-varṇa*) ‘[металл] красивого цвета’ (возможно, настоящее его название было табуировано).

В малагаси, где слово *vula* ‘серебро’ используется для обозначения и других металлов (золота, ртути), необходимо употребление цветového эпитета. Золото обозначают словосочетанием *vula ména* (букв. ‘красное серебро’).

Монская лексема *thə <thav>* со значением «золото», вероятно, родственна с *вьет.* *tha:w <thau>* ‘латунь’. Ср. также *джарай* *mra:k thao* ‘латунь’, где первое слово восходит лексеме *PERAK ‘серебро’, а второе, скорее всего, заимствовано из вьетнамского. Поскольку *вьет.* *tha:w <thau>* не находит соответствий в китайском языке, откуда заимствовано подавляющее большинство вьетнамских названий металлов, можно предположить, что это собственно австроазиатское слово.

Тагальское *ginto*⁹ также стоит особняком, если не считать тех случаев, когда оно, скорее всего, является заимствованием⁸ и употребляется наряду с другими словами со значением «золото» (например, в пангасинанском). Интересно, насколько допустимо сближение *ginto*⁹ с *япон.* *kinzoku* ‘металл’?

Железо. Австронезийские лексемы со значением «железо» представлены двумя, возможно, родственными группами слов, условно *BASI и *ASE.

Лексема	Язык и область его распространения
<i>bəsi</i> ⁹	Филиппины: палаван (о. Палаван)
<i>bosi</i> ⁹	Филиппины: молбог (о. Палаван)
<i>basi</i> ⁹	Филиппины: бангинги-сама (о. Минданао)
<i>βasi</i>	Индонезия: минангкабау (о. Суматра)
<i>βosi</i>	Индонезия: батак-тоба (о. Суматра)

⁸ В авторском тексте имеется неясность (прим. ред.).

bəsi	Индонезия: индонезийский (о. Ява), балийский (о. Бали), сасак (о. Ломбок)
βesi	Индонезия: добел (о. Ару), роти (о. Роти, Тимор), савай (Юж. Хальмахера), ираруту (Новая Гвинея)
bəsi	Индонезия: манггарай (о. Флорес)
βassi	Индонезия: конджи (о. Сулавеси)
bissi	Индонезия: бугийский (о. Сулавеси)
bəssi	Индонезия: мадурский (о. Мадуро)
bisi <beusi>	Индонезия: сунданский (о. Ява)
wəsi	Индонезия: яванский (о. Ява)
bwsəe	Индонезия: ачех (о. Суматра)
pawasi	Папуа: тавала
ase	Индонезия: волио, да'а (о. Сулавеси)
ahəʔ	Индонезия: ума (о. Сулавеси)
fotoa	Филиппины: маранао (о. Лусон)

Родственные формы имеются и в австронезийских языках Индокитая: *джарай* рəсү:ј, *чамск.* рəthaj ~ thaj, *радэ мсеи*.

Из австроазиатских языков они отмечены в монском (рəsoa <pasay>) и семелай (bsiʔ 'металл; лезвие'). Возможно, сюда же относится кар-никобарское wet, фонетически близкое яванской форме wəsi.

Тагальское bakal и здесь не находит аналогий. Неизвестно, связано ли это слово как-то с *индонез.* bakal 'материал, предназначенный для чего-л.' или с *шлоканск.* bakal 'война, битва'. Кровельное железо тагальцы называют словом jero <yero>, от *исп.* hierro 'железо'.

Особняком стоят также *атаяльск.* baliq, *кхаси nar*, *кхмер.* daek <ṭək>.

Медь и ее сплавы. У многих народов мира они используются для изготовления металлических денег (монет), как правило, невысокого достоинства. Поэтому, как и слово «серебро», слово «медь» часто применяют и для обозначения денег вообще, но в особенности — мелких (ср. «медный грош», «медяк», *вьет.* đòng 'донг').

Уместно рассказать об одной ложной этимологии, хотя она и не связана с австронезийским материалом. В кхмерско-

английском словаре утверждается, что слово *luj* ‘деньги, цент’ восходит к имени Луи («Louis, name of a French king» [Headley 1977]). Впрочем, здесь просто повторяется версия кхмерского толкового словаря [VK 1958]. Такое толкование явно ошибочно. Дело в том, что французский луидор (*louis d'or*), во-первых, был золотой монетой, как явствует из самого названия, во-вторых, он вышел из употребления в 1795 г., за 68 лет до установления французского протектората над Камбоджей. Последний Людовик (Луи-Филипп, 1830–1848) также правил и до установления протектората, и до введения в обращение первых круглых монет, которые появились в Камбодже лишь в 1853 г., в царствование короля Анг Дуонга.

Можно вспомнить, что полное имя последнего французского императора Наполеона III (1852–1870) было *Луи* Наполеон Бонапарт. Однако на монетах, чеканившихся в его правление, была надпись *NAPOLEON III EMPEREUR*, а имя *Луи* не упоминалось⁹. Таким образом, независимо от достоинства монет, нет никаких оснований связывать название металлических денег, в особенности мелких, с именем какого бы то ни было французского короля.

Нам кажется разумным искать здесь мон-кхмерскую этимологию, и она с легкостью обнаруживается в монском языке. Монское название меди — *hləe* <*sluy* ~ *lhuy*> (также *hləe həkət*, букв. ‘красная медь’), конечно, никак не может быть связано с Луи. Более того, слово <*sluy*> в этом значении зафиксировано уже в древнемонском языке [Shorto 1971]. Наконец, в современном монском *hləe* имеет и значение «деньги», в особенности — мелкие. Таким образом, его тождественность с кхмерским *luj* <*luy*> вполне очевидна. Различие в составе инициалей имеет достаточно регулярный характер (ср. *монск.* *hloa* <*slay* ~ *lhay*> — *кхмер.* *tu:liəj* <*dülây*> ‘широкий’, *монск.* *hlak* <*sluik* ~ *lhuk*> ‘грязь’ — *кхмер.* *prə-lak* <*praġāk*> ‘пачкать’)¹⁰.

⁹ И вряд ли оно вообще было известно кхмерам!

¹⁰ Заметим также здесь *мал. разг.* *duit* ‘гроши, деньги’ (< голл.; в произношении этнических китайцев согласный [d] может заменяться близкими по ряду [l], [n]. — Прим. А.К. Оглобина).

Однако первоначальное значение слова *luj* ‘медь’ закрепилось в кхмерском за другой лексемой — *srɔɔn* <*sbānī*>, происхождение которой связывают с палийским *suvaṇṇa* ‘золото’ [Headley 1977]. Слово сочетание *srɔɔn srɔ:* (букв. ‘белая медь’) обозначает никель. Таким же образом именуют никель китайцы (*bai tong*), японцы (*hakudo*) и индонезийцы (*təmbaga putih*)¹¹, так что установить здесь чье-либо конкретное влияние невозможно. Любопытно обозначение серы в кхмерском языке — *srɔɔn thɔɔ* (‘медь’ + санскр. *dhara* ‘содержащий’).

Как обстоит дело с австронезийскими параллелями? Они обнаруживаются только при сопоставлении монского *hlai:k* <*slāk ~ lhāk*> ‘бронза’ с *джарайск.* *hla:k* <*hlak*> ‘медь’.

В языках Индонезии и Филиппин для обозначения меди чаще всего используют заимствованное слово *TUMBAGA в его местных фонетических вариантах, иногда с уточнением «красная», чтобы отличить ее от бронзы, латуни и никеля.

Лексема	Язык и область его распространения
<i>tumbaga</i>	Филиппины: бангинги-сама (о. Минданао)
<i>tumbaga?</i>	Филиппины: палаван (о. Палаван)
<i>tombaga</i>	Филиппины: маранао (о. Лусон), молбог (о. Палаван)
<i>tambaga ~ tətəgga?</i>	Филиппины: кагаянен (о. Кагаян, Палаван)
<i>təbɔgɔ</i>	Филиппины: блаан (о. Минданао)
<i>təmbaga</i>	Индонезия: индонезийский (<i>тжс.</i> <i>təmbaga merah</i>) и др.

Происхождение этого слова крайне туманно. С одной стороны, очевидна связь между *рус.* томпак (*англ.* и *франц.* *tombac*), *исп.* *tumbaga* и *индонез.* *təmbaga*, при том что означаемые этих слов не вполне идентичны: томпак — сплав меди и цинка, иначе называемый «красной латунью», *tumbaga* — сплав меди и золота (соотношение золота и меди не регламентировалось и могло доходить от 3 до 97 % того или другого), *təmbaga* — просто медь

¹¹ Но в филиппинском языке маранао *tombaga putih* — это одно из обозначений олова.

(и/или бронза). Общим для трех означаемых является обязательное наличие меди.

С другой стороны, остается непонятным, где и когда возникло это слово, какими путями распространялось. Испанцы считают его арабским (*tunbāk*), англичане — малайским, индонезийцы — санскритским (*tāmra*, *tāmra* ‘медь; цвета меди, темно-красный’), французы — тайским. Итальянцы, признавая посредническую роль французского и немецкого, осторожно говорят, что это слово восточного происхождения¹².

Попытаемся связать эти сведения в логическую цепочку.

Наиболее правдоподобно, что испанцы заимствовали слово *tunbāk* в форме *tumbaga* у арабов еще до открытия Америки. Известно, что этим словом они называли сплав золота и меди, обнаруженный ими при завоевании Центральной и Южной Америки¹³. Следовательно, уже к 1519–1532 гг. они им пользовались. Филиппины стали испанской колонией в 1564 г. Дальнейшее распространение слова *tumbaga*, сопряженное с определенным переосмыслением (от сплавов меди с золотом до просто меди, а затем до сплавов меди с цинком, никелем и другими менее ценными металлами), могло происходить уже в различных направлениях: от испанцев (скорее всего, обошлось без участия малайцев, которые в принципе могли перенять его непосредственно у арабов) к филиппинцам и голландцам, от последних — к французам, англичанам и немцам и т.д.

Кажется, все складно и логично, пока не возникает вопрос: а что же такое арабское *tunbāk*? И здесь начинается самое интересное. Оказывается, что по-арабски *tunbāk* (варианты: *tanbak*, *tumbāk*) — это не что иное, как «табак». Вариативность написания, как и четыре согласных, выдают в нем иноязычное происхождение. Скорее всего, оно происходит от персидского *tæmbaku* с тем же значением.

¹² URL: <http://buscon.rae.es/draeI/>; <http://www.merriam-webster.com/dictionary/tombac>; <http://ms.wikipedia.org/wiki/Tembaga>; <http://www.larousse.fr/encyclopedie/nom-commun-nom/tombac/>; http://www.treccani.it/Portale/elements/categories/Items.jsp?pathFile=/sites/default/BancaDati/Vocabolario_online/T/VIT_III_T_119035.xml.

¹³ URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Tumbaga>.

Считается, что испанцы завезли табак в Европу около 1518 г., т.е. задолго до знаменитого Жана Нико¹⁴. Его испанское название (*tabaco*), как полагают, аравакского происхождения. Однако уже с 1410 г. похожие слова широко использовались в испанском и итальянском для обозначения лечебных трав. У арабов слово *tabbaq* было известно с IX в. как название различных трав¹⁵.

Поразительное созвучие слов «табак» и «медь / медный сплав» во многих языках бассейна Индийского океана (ср. *малайск.* *tambakko* и *tambaga*, *индонез.* *təmbakau* и *təmbaga*, *яванск.* *təmbako* и *təmbaga*) не может не бросаться в глаза. Добавим сюда *гуджаратск.* *tamba*, *телугу* *tambram* и *санскр.* *tāmraka* ‘медь’, а также *балийск.* *tambroka* и *суахили* *tumbaku* ‘табак’¹⁶. При таком обилии созвучий речь, конечно, не может идти о случайных совпадениях.

Неизвестно, какова действительная связь между этими словами, но она определенно существует. Здесь, по-видимому, возможны два варианта толкования: во-первых, использование слова «медь» в качестве эфемизма для обозначения табака (известно, что в определенные периоды истории в некоторых странах курение было запрещено¹⁷), во-вторых, использование слова «табак» для обозначения меди на основе цветовой ассоциации (нельзя не согласиться, что трудно подобрать более удачное сравнение).

Последнее вполне вероятно. Что касается слова «медь» в русском языке, признают, что «существующие этимологии гадательны» [Фасмер 1986: 2.591]. Поэтому вполне допустима еще одна версия. Заманчиво предположить родство этого слова со словом «мёд», где также могла быть использована цветовая ассоциация. Само слово «медь» явно образовано по той же модели, что «зелень», «синь», «ярь». Как косвенное подтверждение этой версии

¹⁴ URL: http://en.wikipedia.org/wiki/History_of_tobacco#In_Western_Europe.

¹⁵ URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Tobacco#cite_note-7.

¹⁶ А если не ограничиваться рамками Азиатского региона, можно привести еще немало примеров: *франц.* *tabac* — *tombac*, *итал.* *tabacco* — *tombacco*, наконец, *рус.* *табак* — *топак*. Этот ряд можно продолжать, но нет необходимости.

¹⁷ В частности, и в России законами 1634 и 1649 г.

можно рассматривать такие примеры из словаря В. Даля: «Медная *зелень*, водная углекислая *медь*, *ярь*. Медная *лазурь*, *синь*, углекислая же синяя *медь* <...> Медная *чернь*, *чернедь*, *окись* меди» [Даль 1979: 2.367]. Как видно, сам контекст употребления слова «медь» и его производных изобилует словами того же морфологического типа, а определения то и дело меняются местами с определяемыми: *медная синь* — *синяя медь*. Тем не менее эта версия вполне может оказаться ошибочной: по-русски слова «мёд» и «медь» всегда писали с разными гласными: «мёд» через «е», а «медь» — через «ять». Во всех других славянских языках при совпадении гласных этих двух слов начальные согласные отличаются по признаку твердости/мягкости, а при совпадении согласных — имеют разные гласные. Только конечные согласные в слове «медь» везде палатализованные (что, между прочим, может свидетельствовать о морфологизованном чередовании).

Тагальское *tanso*? <*tansô*> ‘медь, бронза’ снова не находит соответствий в родственных языках.

В ЮВА медь и ее сплавы (бронза, латунь) обычно лексически не дифференцированы, хотя в отдельных языках они имеют специальные названия. Последние образуются путем добавления соответствующих эпитетов или заимствуются из других языков. Ср. *индонез.* *kuningan* ~ *tambaga kuning* ‘латунь’ (букв. ‘желтая медь’) — *pegunggu* ~ *tambaga pegunggu* ‘бронза’. Джарайское *mra:k thao* ‘латунь’ образовано от австронезийского слова группы *PERAK и заимствованного из вьетнамского элемента *thao* (от *вьет.* *thau* или *đồng thau* ‘латунь’).

В мон-кхмерских языках для наименования бронзы и латуни используют заимствования из австронезийских языков (*монск.* *hlaik* <*slāk*>) и из пали: *кхмер.* *səmɾt* <*saṃriḍḍh*>, *монск.* *hərɟt* <*dhamruit*>. Кроме того, кхмеры пользуются тайскими заимствованиями *tuŋ-daeŋ* <*daŋ'-tēŋ*> ‘сплав меди с благородными металлами’ (от *тайск.* *tho:ŋ dɛ:ŋ* ‘красная медь’, букв. ‘красное золото’) и *tuŋ-viə* <*daŋ'-hvā*> ‘сплав меди, золота и серебра’ (от *тайск.* *tho:ŋ fa:*, букв. ‘небесное золото’)¹⁸.

¹⁸ Тайцы пользуются словом *tho:ŋ* ‘золото’ (скорее всего, от китайского *tʰuŋ* ‘медь’; ср. с *вьет.* *đồng* ‘медь’, заимствованным из китайского) как родовым

Олово и свинец. Как уже было отмечено, олово и свинец часто различают недостаточно четко. Нечеткое различение олова и свинца, похоже, было свойственно многим народам мира и нашло отражение в лексике. Например, южные и западные славяне словом *olovo* и подобными называют свинец (Pb). К ним примыкают венгры (*ólom*). Напротив, восточные славяне используют это наименование применительно к олову (Sn). Так же поступают балтийские народы (*лит.* *alavas*, *латыш.* *alva*). В любом случае, те и другие соотносят Pb и Sn с разными лексемами¹⁹.

В языках ЮВА для обозначения того и другого, как правило, используется одно и то же слово *ТІМАН.

Лексема	Язык и область его распространения
<i>tima</i>	Индонезия: мадурский (о. Мадура); в добел (о. Ару) — ‘свинец’; в батак-тоба (о. Суматра) ‘олово’
<i>timah</i>	Индонезия: ачех, минангкабау (о. Суматра); в балийском и яванском — ‘олово’
<i>timohe</i>	Индонезия: горонтало (о. Сулавеси)
<i>timaga</i>	Индонезия: волио (о. Сулавеси)
<i>tumira</i>	Индонезия: бугийский (о. Сулавеси) ‘свинец’

В случае необходимости конкретное значение уточняется с помощью соответствующих эпитетов, подобно тому, как в Древнем Риме олово называли *Plumbum candidum* (букв. ‘чи-

---

словом для ряда металлов и их сплавов. Кстати, «черным золотом» (*tho:ŋ dam*) они называют опиум. В кхмерском слово *tuŋ* в значении «золото» самостоятельно не употребляется.

¹⁹ Подобные же примеры обнаруживаются в языках горцев Дагестана. Ср. *бежтинск.* *kobo* ‘олово’, *цезск.* и *гинухск.* *kebu*, *хваршинск.* *kibu*, *бежтинск.* и *гунизбск.* *kobo* ‘свинец’. Однако *багвалинск.*, *каратинск.*, *тиндинск.*, *чамалальск.* и *годоберинск.* *kuba*, *ботлихск.* *kobi* ~ *kubi* — это «железо» [Климов и Халилов 2003]. В бежтинском, как видно, не различаются олово и свинец, в целом они входят в одну «архилексему» с железом (!), хотя в современном состоянии этих языков рассматриваемые значения лексически дифференцированы.

стый свинец’), а собственно свинец — *Plumbum nigrum* (букв. ‘черный свинец’): «Малайский и яванский термин для олова, *timah*, — это слово, используемое на Архипелаге в качестве родового как для олова, так и для свинца, при этом эпитет “белый” или “цветистый” (*puteh* и *sari*) дается собственно олову, а “черный” (*itam*) — свинцу, металлу, с которым малайские народы едва знакомы, так как для них это совершенно чуждый продукт» [ЕА: 981].

	Свинец	Олово
индонез.	<i>timah hitam</i> (букв. ‘черное олово’)	<i>timah</i> (~ <i>putih</i>) ‘(белое) олово’*
сунданск.	<i>timah hidih</i> (букв. ‘черное олово’)	<i>timah</i>
балийск.	<i>timah sələm</i> (букв. ‘черное олово’)	<i>timah</i>
конджо	<i>tumera leʔleʔ</i>	<i>tumera</i>
малагаси	<i>fira-mainty</i>	<i>fira-potsy</i> [<i>putsi</i>]
джараи	<i>ʔi</i>	<i>li təpa:ŋ</i>
маранао		<i>kitap</i>

* Ср. также *timah wurung* ‘висмут’ (букв. ‘неудавшееся (?) олово’).

Действительно, весь полуостров Малакка, включая Тенассерим, представляет собой огромное месторождение чистейшего олова [ЕА: 981].

Кхмерам, по-видимому, лучше был знаком свинец, поэтому здесь именно название олова является производным: *кхмер.* *səmnp*: ~ *səmnp*: *phək* ~ *samnp*: *kmaw* ‘свинец’ (букв. ‘грязный ~ черный свинец’) — *səmnp*: *pa:haŋ* ‘олово’ (букв. ‘пахангский свинец’)²⁰. Моны используют цветовой контраст несколько иначе: *монск.* *hə ko* (~ *hətaiŋ*) <*phakov* (*batāñ*)> ‘свинец’ (букв. ‘белый свинец’). «Черным свинцом» называют графит.

В филиппинских языках — тагальском, акланон, бикол, молбог, палаван, бангинги-сама — для обозначения свинца используют сло-

²⁰ Паханг — султанат на полуострове Малакка, крупнейший штат Западной Малайзии. Эпитет подтверждает иноземное происхождение олова в Камбодже. Слово *səmnp*: является производным от *snp*: ‘острога, гарпун’. Очевидно, именно из этого металла изготавливались наконечники. Ясно, что свинец для этих целей — более подходящий материал, чем олово.

во *tiŋga*? (ср. *timbega*? ‘свинец’ в маранао, а также *təmægga*? ‘медь’ в языке кагаянен, которое, как полагают, восходит к испанскому *tumbaga* [CAD 1995]). Олово в тагальском, бикол и иснаг называют словом *lata* испанского происхождения (в маранао — *lata*)²¹.

Ртуть. В языках ЮВА названия ртути, как правило, представлены заимствованными словами европейского, индийского или китайского происхождения. Например, *монск.* *hətəa* <*badā*>, *кхмер.* *ba:ɾɔ:t* <*pārat* ~ *pārad*>, *тайск.* *paʔro:t*, *бирм.* *pjada* <*pradāh*> происходят от *санскр.* *pārata* ~ *pārada*, *тагальск.* *asoge* от *исп.* *azogue* ‘ртуть’.

Другим способом обозначения ртути является использование эпитета к названию более известного и в чем-то подобного металла, как правило, серебра. Ср. *малагаси* *vula veluna* (букв. ‘живое серебро’). Но индонезийско-сунданское *raksa*, вероятно, связано с арабским названием свинца и олова — *rassas* ~ *ressas*.

Подведем краткий итог.

1. В западно-австронезийском ареале из «семи металлов древности» были известны шесть: серебро, золото, железо, медь, олово, свинец. Последние два, как правило, считались разновидностями одного и того же вещества. Ртуть имеет только заимствованные названия.

2. Перечисленным металлам соответствуют девять основных лексем:

серебро — *PERAK, *SALAK;

золото — *MAS, *BALITOK, *BULAWAN;

железо — *BASI, *ASE (возможно, являются родственными);

медь — *TUMBAGA;

олово и свинец — *ТИМАН.

3. Лексемы *PERAK, *MAS, *BASI и *ТИМАН можно признать собственно австронезийскими и изначально соответствовавшими их современным значениям.

4. Лексемы *SALAK и/или *BULAWAN (если последняя не является заимствованной), вероятно, первоначально обозначали медь, пока не были вытеснены заимствованной лексемой

²¹ Однако *lata* по-испански не «олово» (*estaño*), а «жесть».

*TUMBAGA, после чего были переосмыслены: *SALAK — как «серебро», *BULAWAN — как «золото».

5. Употребление лексем со значениями «серебро» и «золото» отличается областью географического распространения. На большей части западно-австронезийского ареала «серебро» обозначают лексемой *PERAK, на языках островов Сулавеси, Бали и Ломбок — лексемой *SALAK. В большинстве языков Индонезии и в австронезийских языках Индокитая золото обозначают вариантами лексемы *MAS, в языках Северного Лусона — *BALITOK, на остальной части Филиппин, на Тайване и Сулавеси — *BULAWAN.

6. Лексемы *PERAK, *SALAK (в значении «бронза»), *MAS, *BASI представлены в австроазиатских (мон-кхмерских) языках как австронезийские заимствования.

7. В сфере лексики, связанной с металлами, австронезийские языки обнаруживают гораздо большее сходство с австроазиатскими, чем с какими-либо другими языками, включая якобы родственные тайские. Это сходство, безусловно, объясняется тесными языковыми контактами. Было бы интересно обнаружить австроазиатскую лексику в австронезийских языках.

Некоторые из высказанных в этой статье положений, естественно, требуют уточнения и проверки, тем не менее общая ситуация отражена, по-видимому, достаточно объективно.

Литература

Вуколов 1896 — Вуколов С.П. Металлы и неметаллы // Энциклопедический словарь. Т. 19 (= полутом 37). СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1896. С. 157–159.

Даль 1979 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1979. Т. 2.

Климов и Халилов 2003 — Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики. М.: Вост. лит., 2003.

Фасмер 1986 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

Benedict 1975 — Benedict P.K. Austro-Thai language and culture. S. I: HRAF Pr., 1975.

CAD 1995 — Comparative Austronesian dictionary / Ed. by Darrell T. Tryon. 4 pts. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1995. (Trends in linguistics 10).

EA — Encyclopaedia Asiatica / Ed. by E. Balfour. Vol. 9. New Delhi, 1976.

Headley 1977 — Headley R.K., Jr., et al. Cambodian-English dictionary: 2 vols. Washington (DC): The Catholic Univ. of America Pr., 1977.

Shorto 1971 — Shorto H.L. A dictionary of the Mon inscriptions from the sixth to the sixteenth centuries. L.: Oxford Univ. Pr., 1971.

VK 1958 — Vacanānukram khmaer. Vol. 2. Phnom Penh, 1958 [Толковый словарь кхмерского языка].

А. А. Лебедева

ТРАДИЦИОННЫЕ СУДА ФИЛИППИН

Морская торговля и морские промыслы традиционно играли существенную роль в экономике островной Юго-Восточной Азии. Именно при помощи водных путей здесь соседствовало и взаимодействовало множество культур. Эти два фактора можно считать основными в развитии водного транспорта, формировании богатых судостроительных традиций региона в целом, и в том числе островов Филиппинского архипелага.

Очевидно, что и между судами одного региона существуют различия, обусловленные в первую очередь их назначением и районом плавания. В этой связи можно обозначить несколько основных функциональных групп судов, распространенных на Филиппинах. Так, вблизи побережий и на внутренних водоемах повсеместно использовались небольшие пироги для рыбной ловли. Как правило, они выдалбливались из одного ствола, иногда борта дополнительно надстраивались. Пироги были оснащены двойным балансиrom и в некоторых случаях парусом прямого или шпринтового типа, сделанным из циновок (рис. 1) [Paris 1841–1843, I: 71]. Плавсредства, используемые для более масштабного лова, представляли собой плоты, на которых устанавливалась система сетей, управляемых лебедками.

Суда, занимавшиеся перевозкой разнообразных грузов и сельскохозяйственной продукции, были предназначены для более удаленного каботажа, а также для плавания по рекам. Они имели большие размеры, около 10 и более метров, наборный, сделанный из досок корпус и, как правило, уплощенное днище. Нередко помимо двойного балансира с каждого борта находились платформы из бамбука, уложенные на крепкие бимсы. Некоторые суда не несли балансиров, но имели эти платформы, которые, располагаясь ниже уровня борта, при соприкосновении с водой (в случае крена, или если лодка была перегружена) служили своего рода страховкой, увеличивая остойчивость. Кроме прочего платформы

Рис. 1

могли использоваться и как место для размещения грузов. Парусное вооружение состояло из двух прямых парусов, установленных на двух мачтах (рис. 2) [Paris 1841–1843: 73].

Большие пассажирские парусники в окрестностях Манилы носили название *bilalo*. Корпус около 20 метров в длину имел заостренные оконечности, а посередине был довольно широким и плоскодонным. Суда несли двойной балансир, поплавки которого состояли из нескольких стволов бамбука. *Bilalo* были также оснащены двумя мачтами, на каждой из которых был установлен латинский парус из хлопчатобумажной ткани (рис. 3) [Paris 1841–1843: 69].

Сохранились сведения и о военных судах филиппинцев. Так, на Висайских островах существовало *karakoa* — судно, рассчитанное на команду из нескольких десятков человек. Оно несло всего одну мачту с четырехугольным (прямым) парусом. Корпус имел высокие штевни одинаковой формы. На выносах двойного балансира крепились настилы, где располагались гребцы. Поплавки балансира были связаны из нескольких стволов бамбука [Scott 1994: 63].

Помимо различий, обусловленных в первую очередь функциями судов, локальные особенности, которые существовали в кон-

Рис. 2

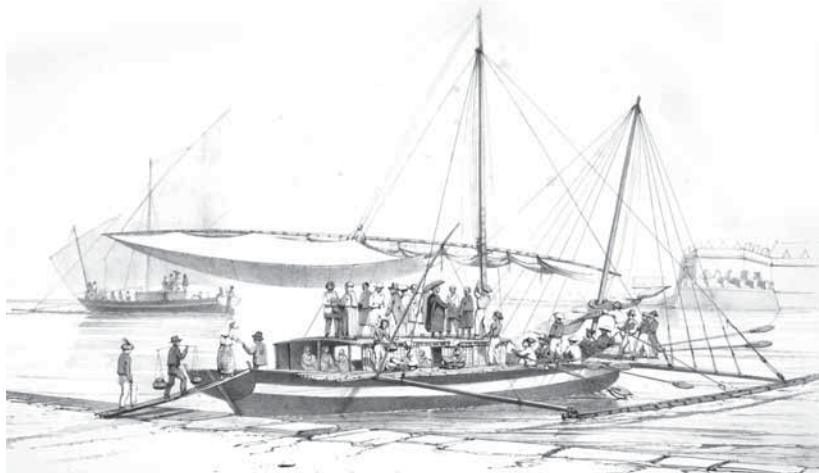

Рис. 3

струкции и оснащении лодок различных островов Филиппин, связаны с влиянием нескольких судостроительных традиций. Уже капитан Пари, создатель подробного и полного источника по традиционным судам, в том числе и Азиатско-тихоокеанского региона, отмечал, что филиппинское судостроение обладает черта-

ми китайской и малайской традиций [Paris 1841–1843: 65]. Заметной «ниточкой», тянущейся в сторону Восточной Азии, несомненно, является парусное вооружение, поскольку здесь встречаются паруса, по своему устройству очень похожие на паруса, которыми были оснащены китайские джонки. Этот чрезвычайно характерный облик достигается тем, что между полосами циновки, составляющими полотнища паруса, проходит множество горизонтальных реек. Они помогают сохранять правильный профиль паруса и предупреждают его деформацию.

Любопытной и, как представляется, переходной деталью являются выступающие платформы, которые, как упоминалось, тянутся вдоль бортов некоторых филиппинских лодок. Двойной балансир может создавать определенные затруднения при маневрировании в условиях скопления судов или при прохождении узких участков. Широкие обводы и плоскодонность грузовых судов (черты, также распространенные в целом ряде регионов островной и материковой Азии) делали использование балансира для остойчивости избыточным. Вероятно, они редуцировали в небольшие «закрылки», которые были достаточной страховкой при крене или увеличении осадки. Если это так, то такие платформы являются своего рода «атавизмом» австронезийской традиции, о которой также нельзя забывать, соглашаясь с тезисом о комплексном характере филиппинского судостроения.

Известно, что балансир — характерная особенность судостроительной культуры австронезийских народов, благодаря которой во многом и стало возможным заселение Океании. Как мы видели, не все лодки и суда на Филиппинах оснащены балансирами. Важно, однако, что если балансир присутствовал, то он был двусторонний. В этой связи кажется небезынтересным вопрос о возможном движении и/или трансформации этой культурной особенности в процессе освоения Океании.

Непосредственно с Филиппин заселялись, по всей вероятности, западные области Микронезии. Но если в соседних с Микронезией районах северо-запада Меланезии есть аналоги микронезийскому каноэ, то именно на Филиппинах — в регионе, который являлся, возможно, «стартовой» точкой освоения Микронезии, суда имеют немного общего с микронезийскими. Так, именно

двойной балансир в Микронезии нигде не встречается; аутригер микронезийского каноэ состоит из значительного числа конструктивных связей, в то время как на филиппинских судах поплавок непосредственно крепится к прямым или изогнутым выносным брускам. Различны и типы парусного вооружения.

Тем не менее представляется вполне закономерным, что разница между каноэ названных регионов достаточно велика, как велика и разница между островным миром и открытым океаном. Появление каноэ микронезийского типа с одним балансиром и взаимозаменяемыми носом и кормой (для возможности всегда удерживать балансир с наветренной стороны) обусловлено выходом предков микронезийцев в открытый океан. Судно с двухсторонним балансиром хуже приспособлено для плавания в подобной акватории. В случае крена подветренный поплавок погружается в воду и работает за счет сил выталкивания, а не силы тяжести, как наветренный, который, напротив, отрывается от воды. При этом подветренный поплавок создает дополнительное сопротивление, что в условиях океанского волнения негативно сказывается на скорости и управляемости лодки.

Но именно филиппинские суда с двумя балансирами благодаря своей поперечной симметрии могли стать той формой, из которой возникла специфическая продольная симметрия микронезийского каноэ — не только внешняя, но и выраженная в приемах управления и пришедшая на смену симметрии поперечной, избыточность которой явно проявилась в новых условиях. При этом местное население сохранило, адаптировав к своим нуждам, по всей вероятности, более ранний, но вполне удовлетворяющий условиям островной акватории тип каноэ — каноэ с двумя балансирами. Те же австронезийские мигранты, которые устремились далее в Тихий океан, развивали свое судостроительное мастерство в соответствии с изменявшимися навигационными требованиями.

Литература

Paris 1841–1843 — *Essai sur la construction natale des peuples extraeuropeens ou collection des navires es piroconsruits par les habitants de l'Asie, de la Malasie, du Grand Okean et de l' Amerique; dessines et mesures*

par m. Paris, capitaine de corvette de l'Astrolabe, la Favorite et l'Artemist. 1841–1843.

Haddon A.C., Hornell J. Canoes of Oceania. Vol. 1. Canoes of Polynesia, Fiji and Micronesia. Honolulu, 1936.

Haddon A.C., Hornell J. Canoes of Oceania. Vol. 2. Canoes of Melanesia, Queensland and New Guinea. Honolulu, 1937.

Hornell J. Was the double-outrigger known in Polynesia and Micronesia? // Journal of the Polynesian society. 1932. Vol. 41. No 2. P. 131–143.

Koch G. Boote aus alter Welt: Katalog zur Sonderausstellung. Berlin, 1984.

Scott 1994 — Scott W.H. Barangay. Sixteenth-Century Philippine Culture and Society. Manila, 1994.

В. Р. Атнашев

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ФИЛИППИНЫ (МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются основные конституционные права и свободы с точки зрения международного права и в связи с такой актуальной темой, как защита прав коренных народов на Филиппинах.

Национальную нормативную основу защиты прав человека в Республике Филиппины составляют Конституция, законы, судебная практика, а также обычаи и традиционная практика. Как известно, филиппинская конституция стала одной из первых и одной из самых демократических в Азии.

Действующая Конституция 1987 г. состоит из 18 статей и 321 раздела. В ней содержатся основные положения относительно территории страны, избирательного права, правосудия, оговариваются основные гражданские и политические права, определяются мандаты и полномочия основных учреждений, которые отвечают за защиту прав человека. Конституция предполагает установление и разделение властей на исполнительную, судебную и законодательную (двухпалатный Конгресс).

Следует отметить, что Филиппины — одно из первых государств, ратифицировавших семь основных международных договоров по правам человека. Филиппины также являются участником и других международных договоров, касающихся прав человека.

К числу важных компонентов Конституции относятся Билль о правах (ст. 3), статьи о правах человека и социальной справедливости, отчетности государственных должностных лиц, гражданстве, избирательном праве, национальной экономике и наследии. Билль о правах гарантирует, в частности, свободу совести и вероисповедания, свободу слова и свободу выражения, свободу общественных движений и собраний, право на неприкосновен-

ность личной жизни, право быть свободным от дачи невыгодных для себя показаний и право на habeas corpus. Следует отметить, что в менее пространном виде билль содержался еще в актах 1902 г. и 1916 г. и был расширен в Конституции 1935 г.

Однако на практике эти свободы и права далеко не всегда соблюдались. Так, известно о притеснении филиппинцев, которые после событий 1948 г. требовали соблюдения статьи 3-й Конституции 1935 г., проведения аграрной реформы и демократических преобразований. Более того, на протяжении ряда лет было приостановлено действие конституционных гарантий, в том числе приказа habeas corpus, а в филиппинском конгрессе была создана комиссия по расследованию «антифилиппинской деятельности» [КГЮОВА 1960: 588].

В настоящее время масштабы и ограничения в отношении вышеуказанных прав в основном определяются решениями Верховного суда, который в соответствии со статьей VIII Конституции также обладает исключительной юрисдикцией обнародовать положения, касающиеся защиты и обеспечения конституционных прав.

Помимо Билля о правах действующая Конституция также содержит положения о гражданстве, избирательном праве, отчетности государственных должностных лиц, национальной экономике. Особое внимание в Конституции уделяется социальной справедливости, семье, положению женщин, молодежи, трудовым вопросам, частному сектору, неправительственным, общественным и секторальным организациям, праву на здоровье, праву на сбалансированную экологию, сельскому развитию и сельскохозяйственной реформе, общинам с коренной культурой и правам человека.

Предусмотренная Конституцией 1987 г. система уголовно-процессуальных прав и гарантий почти дословно воспроизводит формулировки из Конституции и законов США. Так, согласно Биллю о правах, никто не должен быть лишен жизни, свободы или собственности без должной правовой процедуры, и при этом никому не должно быть отказано в равной защите законом (разд. 1). Любой обыск или арест может быть произведен только по судебному ордеру, выданному на достаточном основании, ко-

торое определяет лично судья после допроса под присягой или торжественного заявления истца и свидетелей и при условии точного описания места, подлежащего обыску, и лиц или предметов, подлежащих аресту (разд. 2). Любое доказательство, полученное с нарушением установленного Конституцией и законом порядка, признается недопустимым.

Любой человек при уголовном расследовании имеет право, о котором он должен быть информирован, хранить молчание и пользоваться помощью компетентного и независимого адвоката по своему выбору. Если человек не может позволить себе услуги адвоката, он должен быть обеспечен ими за счет государства (разд. 12). Никто не должен быть принужден свидетельствовать против себя (разд. 17).

Обвиняемый имеет право на быстрый, беспристрастный и публичный судебный процесс, на очную ставку со свидетелями и вызов их в суд (разд. 14). Все лица, кроме обвиняемых в преступлениях, наказуемых пожизненным заключением (когда есть веское свидетельство вины), до вынесения приговора имеют право на освобождение под залог с достаточными гарантиями или на освобождение под обязательство о явке. Не должен требоваться чрезмерный залог (разд. 13). Однако привилегия *habeas corpus* может быть приостановлена в случае иностранного вторжения или восстания, «когда этого требует государственная безопасность», хотя право на залог при этом продолжает действовать (разд. 15).

Несмотря на демократичность положений Билля о правах Конституции 1987 г., законодатель и в них сохранил или ввел ряд оговорок. Например, раздел 3 гарантирует тайну переписки, но за исключением случаев, когда ее нарушения требуют «государственная безопасность и порядок». Раздел 8 провозглашает право трудящихся создавать объединения или общества, но только «для целей, не противоречащих закону» и т.д. Если в США подушный избирательный налог был отменен 24-й поправкой в 1964 г., то в действующей Конституции Филиппин лишь говорится, что никто не может быть лишен свободы за неуплату долга или избирательного налога (разд. 20, ст. 3).

В целом многочисленные права и свободы по своей юридической силе и значению неоднозначны и располагаются в разных

частях Конституции Филиппин, подобно основному закону многих государств.

Так, в статье 2-й Конституции Филиппин закреплён принцип защиты и обеспечения прав человека: государство «ценит достоинство каждого человека и гарантирует неукоснительное уважение прав человека» (разд. 11), стремится к реализации стратегий по предоставлению гражданам надлежащих социальных услуг, поощрения полной занятости, повышения уровня жизни и улучшения качества жизни для всего населения. Статья 13-я полностью посвящена социальной справедливости и правам человека, а также учреждению независимой Филиппинской комиссии по правам человека. Отдельный раздел «Женщины» провозглашает право работающих женщин на безопасные и здоровые условия труда и «такие условия и возможности, которые улучшают их благосостояние и дают им возможность полностью реализовать себя на службе своей стране» (разд. 14, ст. 13).

Согласно статье 14-й, государство защищает и обеспечивает право всех граждан на качественное образование всех уровней и должно предпринимать соответствующие меры для обеспечения общедоступности такого образования (разд. 1).

Положительной тенденцией является то, что после 1987 г. Конгрессом Филиппин принимаются различные правозащитные и связанные с правами человека законы, в том числе поддерживающие права и благосостояние неблагополучных и уязвимых групп, в частности женщин, детей, коренных народов, мигрантов и инвалидов. Кроме того, реализацию конституционных положений по обеспечению экономических, социальных и культурных прав обеспечивают такие законы, как Трудовой кодекс, Закон о повестке для социальной реформы и Семейный кодекс, и такие стратегические программы, как Среднесрочный план развития или Стратегия по искоренению нищеты.

С декабря 2006 г. на Филиппинах усилилась роль Президентского комитета по правам человека, на который возложены функции по разработке Национального плана действий по правам человека и координации стратегий и действий исполнительной власти в области прав человека. Общеизвестно, что специализированные государственные органы (например, омбудсмен, комис-

сия по правам человека) во многих государствах способны эффективно осуществлять защиту прав и свобод человека, при этом ввиду их универсальности они могут быть адаптированы к различным правовым системам.

Отделы по правам человека созданы в Вооруженных силах Филиппин, в Филиппинской национальной полиции и Национальном бюро расследований. В настоящее время во всех полицейских участках и подразделениях страны имеются специальные отделы по защите женщин и детей и рассмотрению жалоб.

На Филиппинах также созданы межведомственные советы по рассмотрению различных проблем в области прав человека. К ним относятся Межведомственный совет по борьбе с торговлей людьми, Межведомственный совет по вопросам насилия в отношении женщин и детей, Межведомственный совет по проблемам детей, вовлеченных в вооруженный конфликт и Совет по вопросам отправления правосудия в отношении несовершеннолетних и социального обеспечения несовершеннолетних.

На основе «Кодекса местного самоуправления» 1991 г. была создана система *катарунганг памбарангай* (система деревенского правосудия) с целью содействия в разрешении споров между односельчанами. Она узаконивает альтернативное разрешение споров и является самым важным механизмом достижения мирного урегулирования на местном уровне.

Для Филиппин особое значение имеет ситуация с правами этноконфессиональных меньшинств и коренных народов. Коренные народы Филиппин образуют 110 основных этнолингвистических групп и проживают почти во всех провинциях, но главным образом в отдаленных горных, лесных районах и низменностях. Они представляют собой самую бедную и социально не защищенную часть населения, права которой в течение долгого времени нарушались по ряду причин: недостаточности знаний, понимания значения коренных народов и общин; отсутствия механизмов, законов и процедур защиты их прав и требований; политических и экономических интересов в отношении их территорий; наконец, отсутствия у них политических средств.

В одной из первых статей Конституции говорится, что государство признает и обеспечивает права коренных культурных об-

щин в рамках национального единства и развития (разд. 22, ст. 2). Для дачи консультаций президенту Филиппин по вопросам политики, касающейся коренных культурных общин, Конгресс может создать совещательный орган, большинство членов которого должны быть выходцами из этих общин (разд. 12, ст. 16).

Согласно статье 5-й, при условии соблюдения положений Конституции и национальной политики развития, «государство защищает права коренных культурных общин на земли их предков для обеспечения их экономического, социального и культурного процветания» (разд. 5). Там же говорится, что Конгресс может предусмотреть применение обычного права при регулировании прав собственности для определения владения и размера родовых земель. Кроме того, государство должно «признавать, уважать и защищать права коренных культурных общин с целью сохранения и развития их культур, традиций и институтов», при этом эти права должны учитываться при формировании национальной политики (разд. 17 ст. 14).

В Республиканском законе № 8371, известном также как Закон о правах коренных народов 1997 г., признаются различные системы правосудия и институты разрешения конфликтов, существующие у коренных народов. Они основаны на традиционной практике и также представляют собой механизмы альтернативного разрешения споров.

Интересно, что в президентском указе № 1083 предусматриваются кодификация персональных законов о мусульманах и признание шариатской системы правосудия, основанной на исламском религиозном праве, что означает принятие представления филиппинских мусульман относительно того, что является справедливым и законным в гражданских отношениях. В то же время преступления по-прежнему относятся к сфере действия пересмотренного Уголовного кодекса и других законов, а не шариатской системы правосудия. Представляется, что филиппинский опыт может быть использован и в России, где доля мусульманского населения значительно выше, чем на Филиппинах.

Для коренных народов во многих странах ключевыми являются вопросы землевладения и землепользования, прежде всего в традиционных районах их расселения. Игнорирование и тем

более усугубление земельной проблемы может привести к очень серьезным последствиям.

Приток переселенцев с севера Филиппин, сопровождавшийся захватом земель в традиционно мусульманских районах, стал одной из причин распространения сепаратизма на юге Филиппин, появления Движения за независимость мусульман (1968 г.) и Фронта национального освобождения моро (1969 г.) [Мосяков, Тюрин 2004: 318]. Ситуация на юге стала улучшаться лишь после образования в 1989 г. Автономной области в мусульманской части Минданао, куда вошли четыре провинции: Южный Ланао, Магинданао, Тави-Тави и Сулу (в соответствии с республиканским законом № 6734). В то же время в нарушение мирного соглашения между Фронтом национального освобождения моро и правительством Республики Филиппины в эту автономную область позже не вошли Замбоанга дель Сур и дель Норте, Северный и Южный Котабато, Султан Кударат, Ланао дель Норте и дель Сур, Давао дель Сур, Палаван. Камнем преткновения в отношениях филиппинского правительства с другой организацией моро, Фронтом исламского освобождения моро, стало неподписание Меморандума о договоре о родовых владениях (MOA-AD), т.е. также по крайне важному для моро вопросу.

В филиппинском Законе о комплексной аграрной реформе под коренным народом понимается «группа людей, которые связаны общими узами языка, обычаев, традиций и других отличительных культурных черт и которые испокон веков занимали, владели и пользовались какой-либо территорией» [ENRAP 1998: 310]. Соответственно, представляется естественным их право на земли своих предков.

Рассмотрим основные особенности регулирования собственности на землю и земельных отношений на Филиппинах.

До завоевания испанцами Филиппин земля там рассматривалась не просто как товар, но как нечто священное. Вероятно, это отношение к земле сохранилось у некоторых национальных меньшинств, несмотря на сильное влияние рыночной экономики и глобализации на филиппинское общество [ENRAP 1998: 310]. В настоящее время получить землю в собственность могут только граждане Филиппин по рождению, при этом к ним предъявляют-

ся определенные требования. Согласно Закону о государственных землях, филиппинцы могут получить землю 1) безвозмездно; 2) под жилище с прилегающим к нему участком; 3) по договору купли-продажи.

Так, безвозмездно заявитель может получить отчуждаемую или находящуюся в свободном распоряжении землю для сельскохозяйственных целей путем подтверждения в административном порядке неполного правового титула. Основные требования, которые должны быть соблюдены:

— земельный участок является отчуждаемым или находится в свободном распоряжении;

— заявитель должен быть гражданином Филиппин по рождению;

— заявитель должен владеть не более чем 12 гектарами земли;

— земля должна находиться во владении, а налоги на недвижимость должны быть уплачены заявителем или предшественником в праве;

— на участке должна быть произведена съемка, а проект границ участка должен быть утвержден.

Кроме того, новый способ получения в административном порядке правового титула на землю, введенный республиканским законом № 8371 от 30 октября 1997 г., — собственность на родовые земли. Этот способ распространяется только на коренные народы (общины).

Согласно указанному выше Закону о правах коренных народов при администрации президента Филиппин была создана Национальная комиссия по коренным народам. Она осуществляет контроль за выдачей свидетельств о праве собственности на родовые земли коренным народам в отношении земель, которые, как считается, находятся в их владении с незапамятных времен. Такие свидетельства могут быть выданы как на лесные угодья, так и на отчуждаемые или находящиеся в свободном распоряжении земли.

Очевидно, Закон о правах коренных народов усложняет процесс управления землями обоих типов, поскольку его положения идут вразрез со сложившимся разделением компетенций между различными органами и порождают противоречия в интерпрета-

ции законодательства. Тем не менее налицо позитивные изменения в политике правительства Филиппин в отношении коренных народов и прогресс в защите их прав. Вслед за Декларацией ООН о правах коренных народов Департамент окружающей среды и природных ресурсов признает право коренных народов на самоопределение и самоуправление, на полную свободу в развитии своих экономических, социальных и культурных институтов. Кодекс местного самоуправления 1991 г. и Закон о правах коренных народов содержат условия о положении коренных народов, направленные на улучшение их социально-экономического развития, предоставление адекватных образовательных и медицинских услуг, а также гарантию их физической безопасности и благополучия.

Специально созданная Национальная комиссия по делам коренных народов Филиппин (НККН) занимается защитой прав и благополучия коренных народов и общин с коренной культурой, осуществлением в их интересах различных программ. Законодательной базой деятельности комиссии являются соответствующие положения Закона о правах коренных народов, Правил и заявлений, практики и процедуры Национальной комиссии по делам коренных народов, Руководящих принципов Национальной комиссии по делам коренных народов по вопросу о свободном, предварительном и осознанном согласии, а также других действующих юридических документов.

Одной из задач деятельности этой комиссии является обеспечение права собственности коренных народов на земли их предков. Так, в 2008 г. НККН выдала 57 свидетельств о праве собственности на территории предков, охватывающие 1 116 260 га земли, что составляет 20 % предполагаемых 6 млн га родовых территорий во всей стране. Ранее НККН выдавала так называемые свидетельства о заявлении права на территории предков. Данный вид документа служил соглашением между правительством и коренным народом (общиной) о признании права последнего на территории предков.

Комиссия также выдала 172 свидетельства о праве собственности на земли предков, охватывающие площадь в 4838 га, и оказала помощь в разработке 21 плана устойчивого развития и защи-

ты территории предков [НДФПЧ 2008: 20]. Как видно, средний размер участка составляет 28 га.

НККН поддерживает партнерские отношения с Постоянным форумом Организации Объединенных Наций по вопросам коренных народов. Здесь необходимо отметить, что НККН обязалась «быстрее предоставлять свои услуги по картированию и выдаче документов на земельную собственность, с тем чтобы обеспечивать права коренных народов на территории и земли их предков» [НДФПЧ 2008: 35]. Действительно, для коренных народов очень долгий путь от законодательного закрепления их прав до реального пользования предоставленными им преимуществами.

Консультативный орган коренных народов, представляющий собой совет лидеров коренных народов, руководит усилиями по защите их интересов на всех уровнях, в том числе в рассматриваемой области.

Таким образом, в Республике Филиппины наблюдается положительная тенденция к расширению деятельности в сфере защиты прав коренных народов, включая право на земли их предков. В то же время незавершенность аграрной реформы, медленный процесс оформления документов на земельную собственность, социально-экономическая и политическая нестабильность в обществе замедляют прогресс в этом направлении.

В Конституции Филиппин достаточное внимание уделяется сельскому развитию, общинам, являющимся носителями коренной культуры, и правам человека. Тем не менее представляется, что для обеспечения прав коренных народов и прав человека в целом правительству Филиппин следует последовательно реализовывать программу устойчивого развития и защиты родовых территорий, развивать соответствующие механизмы защиты и поощрения коллективных и индивидуальных прав. Поскольку национальные меньшинства и прежде всего социально уязвимые группы в их составе являются наиболее незащищенной частью населения, представляется необходимым усилить отстаивание их прав институтами гражданского общества, правозащитными организациями, соответствующими государственными структурами, Консультативным органом коренных народов, организациями местного самоуправления.

Литература

КГЮВА 1960 — Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. М., 1960.

Мосяков, Тюрин 2004 — Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М., 2004.

ENRAP 1998 — Environment and Natural Resources Atlas of the Philippines. Manila, 1998.

НДФПЧ 2008 — Национальный доклад Филиппин по правам человека. Совет по правам человека ООН. Женева, 7–18 апреля 2008 г.

И. Ю. Котин

СИКХИ, СИНДХИ И ДРУГИЕ «БУМБАИ»: ИНДИЙЦЫ НА ФИЛИППИНАХ

Индийская диаспора — одна из крупнейших в мире. Она насчитывает около 20 млн человек (см.: [Котин, 2003]). Считается, что индийцы появились на Филиппинах в конце XIX в. Однако еще в древности существовали торговые и культурные контакты между Филиппинами и Индией, о чем свидетельствует наличие в словаре тагальского языка слов индийского происхождения, таких как «будхи» (разум), «дукха» (страдалец), «гуру» (скр. «гуру», учитель) и т.д. Эти контакты были, вероятно, и долгими, и прочными, но к началу нового времени они иссякли. В XVIII в. индийцы прибыли на Филиппины уже как часть новой силы — британских колонизаторов. Во время английской кампании против Испании в 1762 г. индийцы, в том числе 600 сипаев, разбили испанский гарнизон и захватили Манилу. В 1764 г. война закончилась, но значительная часть индийцев решила остаться на островах. В настоящее время число индийцев на Филиппинах оценивается в 20–30 тыс. человек. Это прежде всего панджабцы-сикхи, торговцы-гуджаратцы и синдхи, нередко называемые по порту отправления просто «бумбаи».

Филиппины стали также важным транзитным центром, через который индийцы попадали в США. Причиной этому было и географическое положение архипелага, и его временное пребывание под контролем США. Кто же такие сикхи и как они обосновались на Филиппинах?

Сикхи — представители особой конфессиональной группы в составе панджабцев — одного из крупных народов северо-западной Индии и Пакистана. Они являются сторонниками религиозного реформатора гуру Нанак (1469–1539) и девяти последовательно трактовавших и развивавших его учение проповедников, также известных как гуру, из которых пятый, Арджун (1581–1606), и последний, десятый, Гобинд Сингх (1675–1708) внесли

особый вклад в оформление сикхизма как самостоятельной религии. После смерти Гобинд Сингха сикхи руководствуются мнением большинства общины (*хальса*) и авторитетом священной книги «Ади Грантх», считающейся воплощением гуру. Сикхи говорят преимущественно на панджаби, что объединяет их с проживающими в индийском штате Пенджаб индусами и с мусульманами из пакистанской провинции Пенджаб. Однако индусы все больше переходят на хинди, а мусульмане — на урду, оставляя панджаби в качестве литературного языка преимущественно сикхов. Многие исследователи считают, что в настоящее время сикхи оформились в самостоятельную этноконфессиональную общность.

Пропагандистская книга «Религия сикхов», изданная миссионерским центром в Аризоне (США), следующим образом характеризует положения первоначального учения гуру Нанак: Бог Един и Вездесущ. Служить ему нужно не столько молитвой и песнопениями (пренебрегать которыми, однако, тоже не следует), сколько добродетельной жизнью, проявляющейся в труде, щедрости, дружелюбии. Все перед Богом равны [Религия сикхов 1997]. Значение касты и имущественного неравенства в сикхизме изначально отрицалось. Нанак был основателем традиции обязательной общей трапезы на кухне — *лангаре*. Для того чтобы идти праведным путем (*пантх*) стало легче, была организована община последователей Нанак. Последователи должны были следовать заповедям Нанак, как ученики (сикхи) урокам учителя (гуру). По сути своей учение гуру Нанак мало отличалось от верований сотен аналогичных сект по всей Индии. Однако, поскольку Нанак отрицал свою принадлежность к исламу или индуизму, можно формально считать его вероучением новым. В то же время Нанак не настаивал на внешнем выделении своего учения среди прочих или противопоставлении его индуизму или исламу. Об этом красноречиво гласит легенда о превращении тела умершего Нанак в гору цветов, половину которых похоронили мусульмане, а половину кремировали индусы.

Перед смертью Нанак назначил своего ученика Бхай Лехну новым гуру, известным впоследствии как Гуру Ангад. Бхай Лехна был призван руководствоваться как мыслями, уже изложенными в стихотворных изречениях Нанак, так и собственным мнением.

Он, как и следующие гуру сикхов, был признан живым воплощением Гуру Нанака, его аватарой. Поскольку Бхаи Лехна был назначен гуру в обход сына Нанака Шри Чанда, то последний, не признав этого решения, создал собственную секту — *удаси* (букв. «опечаленные»). Члены этой секты видели путь совершенствования души в истязании тела. Позднее именно из их среды выделилась категория сикхских священнослужителей — *грантхи*. После смерти Нанака был создан первый молитвенный дом сикхов — *гурдвара*.

Гуру Ангад (1504–1552, гуру с 1539 по 1552 г.) считается создателем алфавита гурмукхи. Гуру Амар Дас (1479–1574, гуру с 1552 по 1574 г.) совершил паломничество в Хардвар и на Курукшетру, которое современные идеологи сикхизма трактуют как начало миссионерской деятельности их гуру. Гуру Рам Дас (1534–1581, гуру с 1574 по 1581 г.) известен как строитель священного города сикхов Амритсара. Он также установил дружбу со Шри Чандом, сблизив две секты, ведущие происхождение от гуру Нанака. Рам Дас разделил зону своего влияния на округа для миссионерской деятельности — *масанды*. В масандах с сикхов собиралась *дасвандх* — десятина на содержание гурдвар. Гуру Арджун (1563–1606, гуру с 1581 по 1606 г.) был первым сыном гуру (хотя и младшим), получившим титул по наследству, а умер он, согласно сикхской традиции, слившись с небом, войдя в р. Биас и, вероятно, утонув в ней. Старший брат Арджуна Притхи Чанд всю жизнь строил ему козни. Притхи Чанд, в частности, выдавал свои стихотворные памфлеты против действий Арджуна за гимны Нанака. Арджун был вынужден ввести системную запись гимнов Нанака, а также включить в антологию созвучные мыслям гуру более древние произведения. Так возник «Ади Грантх». В 1604 г. текст «Ади Грантх» был записан, и его оригинал был помещен в Хар Мандир. Гуру Хар Гобинд (1595–1644, гуру с 1606 по 1644 г.) — ключевая фигура, ибо он сделал власть гуру наследственной, наряду с религиозной — светской, а также военной. Гуру Хар Рай (1630–1661, гуру с 1644 по 1661 г.) и гуру Хар Кишан (1656–1664, гуру с 1661 по 1664 г.) известны праведной жизнью, но их вклад в учение сикхов скромнен. Гуру Тегх Бахадур (1621–1675, гуру с 1664 по 1675) основал Анандпур, путешество-

вал и вел проповеди в Северной Индии. Казнен по приказу Аурангзеба.

Гуру Гобинд Сингх (годы правления 1666–1708, годы наставничества и правления 1675–1708) — создатель сикхской общины *хальсы*, точнее, военизированного ордена при общине. Это обстоятельство часто опускается современными идеологами общины. При Гобинде произошло примирение с «альтернативным» гуру Рам Раем, ставленником делийских падишахов. 1699 — год создания хальсы. Среди заветов гуру — запрет для членов хальсы курения, использования одурманивающих веществ и прелюбодеяния. Это больше похоже на кодекс чести рыцаря, нежели на канон верующего. После смерти Гобинд Сингха большинство сикхов следует указаниям, содержащимся в «Ади Грантхе», и мнению старейшин.

Уже через столетие после смерти Гобинд Сингха в сикхской общине наметился раскол. Из общины выделились секты *намдхари*¹ и *ниранкари*². Сикхи, следовавшие авторитету всех десяти гуру и священной книги «Ади грантх», также не были во всем едины. В последние сто лет между членами сикхского военного ордена *кешдхари*, или *акали*, и сикхами-мирянками *сахадждхари* не раз возникали столкновения.

Если первоначально ни языком, ни внешним видом, ни в быту, ни характером религиозных церемоний сикхи Северо-Западной Индии не отличались от членов многочисленных индуcских сект, то по мере их удаления от последних, частично связанного с эгалитаристской антикастовой риторикой гуру и усиливавшимся военизированным характером общины, появилась необходимость внешнего выражения избранности сикхов, точнее, их вооруженной части *кешдхари* — мужчин-членов военной общины *хальсы*. Гобинд Сингх призвал членов хальсы носить пять отличительных признаков, «пять “к”», названные так потому, что все эти пять предметов имеют на панджаби названия, начинающиеся с бук-

¹ Намдхари — последователи Бхагат Джавахар Мала (1799–1862) и его ученика Балак Сингха. Верят в сохранение преемственности и существование живого гуру.

² Ниранкари — последователи реформатора Даял Даса (XIX в.). Верят в живого гуру, не признают военную традицию акали.

вы “к”. Член хальсы должен носить длинные волосы (*кеша*), гребень (*кангха*), стальной браслет (*када*), саблю-кинжал-меч (*кирпан*), широкие штаны (*каччха*).

Длинные нестриженные волосы и гребень символизируют чистоту помыслов и стремление к святости (совершенству) по образцу древних аскетов. Длинные волосы также уподоблялись гриве льва, не случайно Гобинд Сингх дал своим последователям имена Сингх (лев) и Каур (львица). Широкие штаны — часть крестьянской одежды. Вероятно, первоначально, как более практичные для воинов, они противопоставлялись различным монашеским одеяниям и шкурам аскетов. Стальной браслет восходит к простейшим щитковым орудиям защиты от удара кинжалом или мечом, а кирпан является оружием нападения. Как мы видим, первоначальные «пять “к”» определенно являлись атрибутами воина-сикха, а не сикха вообще. Если слово «сикх» означает «ученик» и относится ко всем последователям Нанака, то «сингх» («лев») — название, которое давали сторонникам гуру Говинд Сингха. Не случайно в сикхизме всегда существовали секты (*удаси*), члены которых не признавали «пять “к”» или имели свои отличительные знаки (*намдхари*, *ниранкари*). Кроме того, еще более двухсот лет после смерти Говинд Сингха сикхская община делилась в большей степени на аскетов *удаси*, мирян *сахадждхари*, строго не придерживавшихся правила ношения внешних атрибутов сикхизма и периодически стригших волосы и, наконец, на членов хальсы, не стригших волосы, т.е. бывшими «львиноволосыми» *кешдхари*. Именно последние обязательно носили «пять “к”». В XX в. в результате трансформации сикхской общины атрибуты членов хальсы все в большей степени стали восприниматься как отличительные признаки всех мужчин-сикхов. Более того, сикхские женщины стали носить один из атрибутов членов хальсы — каду. Суть трансформации, таким образом, заключается в превращении «сикхов» в «сингхов».

В 1947 г. произошел раздел Индии по конфессиональному признаку, тяжело отразившийся на дальнейшем политическом и социально-культурном развитии Панджаба. Восточная часть провинции досталась Индии. В 1966 г. после многолетних политических и прочих акций сикхские фундаменталисты добились

раздела уже индийского Пенджаба на собственно Пенджаб, где доминируют сикхи, и Хариану, населенную преимущественно индусами. В настоящее время сикхские фундаменталисты борются за создание независимого сикхского государства Халистан, т.е. страны хальсы — сикхской общины. Неудивительно, что всеми средствами, включая насилие, фундаменталисты добиваются единообразия среди сикхов, в том числе и внешнего, отмеченного ношением «пяти “к”» мужчинами, т.е. превращения всех мужчин-сикхов в *кешдхари*.

В силу ряда обстоятельств, рассмотренных ранее, сикхи принимали активное участие в эмиграции из Индии. В настоящее время большие общины сикхов существуют не только в Великобритании, но и в Канаде, США, Сингапуре, Австралии, ЮАР, странах Восточной Африки, на Фиджи и в Тринидаде. Как некогда в Индии, сикхи за рубежом столкнулись с необходимостью сохранить свою самобытность, выражаемую в том числе и во внешних отличительных признаках. При этом повсеместно традиционный панджабский головной убор — тюрбан — стал восприниматься как часть именно сикхской одежды и атрибут сикхской религии. В данной ситуации этническая и религиозная идентификация столь сложно и крепко переплелись, что сикхи диаспоры отнесли тюрбан *пагри* к разряду главных атрибутов своей веры.

Другая значительная группа индийцев на Филиппинах — синдхи. Синдхи — индусы из Синда, в августе 1947 г. вошедшего в состав Пакистана. Значительная часть синдхиговорящих индусов бежала в Индию и осела в Бомбее (современный Мумбаи), Дели и ряде других индийских городов. Кроме того, банкиры-синдхи из Шикарпура, подрядчики (*ироффы*) из Карачи, предприниматели *синдворхи* из синдского (теперь в Пакистане) Хайдерабада, занимаясь торговлей хлопком и опиумом, ростовщичеством и обменом денег, освоили такие дальние уголки мира, как Тринидад и Тобаго, Сьерра Леоне, Либерия, Гана, Танжер (в Алжире), Тунис, Дубай, Намибия, Филиппины, Сингапур, Гонконг (Сянган). Сейчас синдхи живут преимущественно в Канаде, США, на Карибах, Канарских островах, в Испании, Англии, особенно в Лондоне, в Африке, ОАЭ, Малайзии, Индонезии, Синга-

пуре, Гонконге, Австралии и в Японии. Почти везде они находили клиентуру среди индийцев — законтракованных рабочих, чиновников и военных, но этим не ограничивались. Соседями и конкурентами синдхов повсеместно были родственные им гуджаратцы. Это соперничество, чужое окружение, общность языка и религиозных верований (индуизм вишнуитского толка при наличии культа Джхулевала — «культурного героя») определили тесное сотрудничество синдхов (синдхи), разделенных на подгруппы: Лохана, Бхагнари, Чхапри, Сахиту, Бхаибанд, Амил, Бхатийя, Покарно, Сарасват, Брахми [Falzon 2000: 32]. Конечно, в рамках подгрупп солидарность сильнее. Между отдельными группами, например между Амил и Бхаибанд, существовало даже определенное разделение функций и не утихало соперничество (Амил были британскими колониальными чиновниками, Бхаибанд занимались коммерцией). Тем не менее немногочисленность синдхов в диаспоре заставляла их оказывать друг другу помощь. В то же время в рамках той или иной семьи, подгруппы сохранялись крепкие связи, соединявшие своих членов в разных странах. Фэлзон, посвятивший синдхской диаспоре докторскую диссертацию, рассматривает, например, одну из бирадари синдхи, состоящую из 175 человек. Из них 62 человека проживают в Мумбаи, один — на Гавайях, один — в Техасе, трое — в Коннектикуте, трое — в Мадриде, две — в Барселоне, один — в Греции, 41 — в Дубаи, 114 — в Индии, один — в Момбасе, двое — в Дохе, один — в Сьерра Леоне [Falzon 2000: 46].

Хотя сикхи считают свою веру особой, а синдхи причисляют себя к индусам, и те и другие поклоняются гуру Нанаку, одни — как святому вероучителю, другие — как индусскому святому [Gold 2008]. Это обстоятельство способствует посещению индуских храмов в Маниле сикхами, а сикхских гурдвар — индусами-синдхами. Граница между общинами не является непроходимой. В то же время наиболее радикально настроенные сикхи стремятся дистанцироваться от синдхов, да и от братьев по вере требуют большей «ортодоксальности». Это проявляется в споре за контроль над сикхскими храмами — гурдварами.

В последнее время за спорами, возникающими за стенами сикхских гурдвар, с интересом, а порой и с беспокойством следит

филиппинская пресса. В сентябре 2008 г. в газете «Манила стандарт» появилась публикация о столкновениях внутри сикхской общины прихожан сикхского «Хальса Диван» в районе Манилы Пако (Turf War rocks Sikh Temple). Из статьи мы узнаем, что один из руководителей общины был убит в споре за 100 млн песо — накопления прихода. Дело в том, что сикхам предписано тратить *дасвандх* — десятую часть от своих доходов — на нужды общины. Как правило, эти деньги собирает казначей гурдвары — храма и общественного центра, места, где хранится священная книга сикхов «Ади Грантх». Фактически же этими деньгами распоряжается председатель храмового совета. Избранный председателем храмового совета Бхагвант Рай Бансал использовал деньги прихода по своему усмотрению и, по мнению многих молодых радикалов, истратил не по назначению 30 миллионов песо. У этого деятеля возникли проблемы с предшествующим руководством храма и руководителями группы, не согласившейся с результатами новых выборов. Комментарии к статье, вывешенные в Интернете в виде тематического блога, называют Байсала профессиональным преступником (Manjinder Kumar, 18 Oct. 2008).

Нам трудно судить о правоте позиций той или иной группы в общине, но представляется, что, подобно общинам в других странах индийской диаспоры, сикхи разделились на группу влиятельных «пионеров-иммигрантов», весьма успешных бизнесменов, основных вкладчиков, создателей фондов общины, и более молодых иммигрантов, настроенных как в вопросах веры, так и по проблемам распоряжения имуществом общины весьма радикально. Внешне раскол имеет форму спора между *сахадждхари*, т.е. не соблюдающими строго норм ношения «пяти “к”», и *кешдхари* из новоприбывших сикхов, считающих ношение «пяти “к”» обязательным и главным проявлением сикхской религиозности.

Интересно отметить, что, хотя многие индийцы попали на Филиппины из порта Калькутты, а немало недавно прибывших прилетели на самолете, за индийцами, как пассажирами кораблей из Бомбея, закрепилось название «бумбай». Слово «бумбай» стало даже своеобразной «пугалкой» для детишек-тагалов, которых за плохое поведение матери грозят отдать «бумбай». Впрочем, наверняка подобные «пугалки» станут достоянием только иссле-

дователей фольклора. Индийцы достаточно заметны на Филиппинах. В Маниле есть сикхские гурдвары, одна — в самом центре, на Юнайтед Интернэшнел Авеню, индуские храмы, в том числе и созданный совместно индийцами и филиппинскими кришнаитами — Радха-Мадхава Мандир, есть построенные индийцами больницы и рестораны индийской кухни. Индийцы-«бумбаи» стали частью мультикультурной мозаики Филиппин.

Литература

Котин 2003 — Котин И.Ю. Побег баньяна: Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры. СПб., 2003.

Gold 2008 — Gold D.R. Hindu, Sufi, or Sikh: Contested Practices and Identifications of Sindhi Hindus in India and Beyond. N.Y.: Cornell University Press, 2008.

Falzon 2000 — Falzon M.A. Cosmopolitan Connections. The Sindhi Diaspora, 1860–2000. Leiden, 2000.

Thapan 2002 — Thapan A.R. Sindhi Diaspora in Manila, Hong Kong, and Jakarta. Ateneo de Manila University Press, 2002.

C. Stone

THE PHILIPPINES AND GUATEMALA: A TALE OF THREE TEXTILES

The subject of the Manila Galleons, linking Europe, Asia and South America, has a particular fascination as one of the forerunners of globalization so much discussed today. Some of the most important items to be traded were textiles and so it seems appropriate for this conference to consider three cases in which these regions of the world were linked culturally or technologically, as well as economically: *piña*, *ikat* and the so-called *mantón de Manila* or Manila shawl.

Piña

This is not the place to go into the trade history of Manila and the Philippines, nor the Manila galleon, subjects which have been admirably dealt with elsewhere. Antonio de Morga's work "Sucesos de las Islas Filipinas", published in Mexico in 1609¹ provides a fascinating insight into the early years of the Spaniards in the Philippines and their influence. Numerous more recent works include W.L. Schurz's classic [Schurz 1939], and the analysis of the trade between the islands and China, and the links with the New World and Spain, by Philippine scholar Serafin Quiason [Quiason 1966].

The wealth of Manila derived from its position as an *entrepôt*, rather than from its productivity. As the Jesuit Father Colín [Colín 1663] said in 1663, all the wonders of the world were to be found in that city. He set down a long list of the goods available there, including silks from Persia, carpets from Hormuz and Malabar, bedcovers and hangings from Bengal, many kinds of multicoloured cloth, including rare pieces from Japan and of course numerous types of Chinese silk. Everything from raw silk to velvet, damasks, taffetas and embroidered linens was to be found. The English were even trying hard — although

---

¹ A very good modern edition is available, published in Madrid in 1997 and there is also a translation by J.S. Cummins in the Hakluyt Series [Morga 1971].

rather unsuccessfully because of the climate — to find a market for Norfolk woollens.

Given that the people of Manila had the world's finest textiles easily available by this date, there was relatively little incentive for them to produce their own in any quantity, except for certain local fibres and village homespun, which, in common with much of East Asia, used a range of plant materials, often requiring complex processing², such as *ramie* (*Boehmeria nivea* or Chinese Nettle) and *abacá*, derived from the banana plant (*Musa textilis*)³.

Abacá is recorded in the Ryukyu Islands at least as early as the 13th century. It has been suggested that production in the Philippines was part of the cultural exchange between the two areas [Respicio] and it is probable that the technology spread north from there to the main islands of Japan. It has been convincingly suggested that its ultimate origin was South China [Hendrickx 2007].

The pineapple (*Ananas comosus*) is indigenous to southern Brazil and Paraguay, where the fibre seems to have been used for cord and, in particular, because of its resistance to water, fishing nets, but not for textiles. *Piña* fabric does not seem to have been produced in the New World until the 19th–20th centuries, when the manufacturing technique was imported from the Philippines and then, unlike *abacá*, only on a very small scale.

The plant had already spread to Central America and the West Indies before the arrival of Columbus, who saw the fruit for the first time on the island of Guadalupe in 1493; the Carib Indians are said to have placed them outside their dwellings as a sign of hospitality. The Portuguese introduced them into India about 1548 and into Africa at roughly the same time; pineapples were growing in China by 1594.

---

² In Japan, for example, before cotton was permitted to the working classes, farmers used wisteria (*fuiji*), mulberry (*kōzo*), nettles (*irakusa*), linden (*shina*), while the Ainu prepared cloth using elm bark (*ohyō*) See: [Dusenbury 2004: 228].

³ *Abacá* is particularly labour intensive with 100kg of leaves being required to produce some 13 kg of fibre. Until recently, the leaves were scraped by hand using a shell, broken plate or coconut scraper and a fast worker could process as many as 500 leaves a day, each one yielding 15–18 pieces of fibre about 60cm long [Heritage Arts and Crafts of the Philippines, personal communication 2007].

It is not clear how or where the complicated and very labour intensive technique of extracting pineapple fibre developed, but it seems likely given the connections between the two areas and the long tradition of working with a range of plant materials that it should have been in the Philippines. Weaving on backstrap looms was also well established there long before the arrival of the Spanish and the gauze-like material similar to fine linen and deliciously cool to wear in a hot climate produced from *piña* soon became the most prized local material.

About the year 1595, the Governor of the Philippines, Luis Pérez Dasmariñas, made a serious effort to stimulate the textile industry [Morga 1971] in order to take advantage of the growing demand for Philippine products abroad, in particular the fashion in the New World for *piña*. Ships to the New World were already carrying considerable quantities of cotton cloth — *lampotes* — from Cebú which were much prized in Mexico, household linen, such as sheets, tablecloths, bed hangings and bedspreads from Lubang and Luzón, stockings and petticoats from Manila, and hammocks from Ilocos and Lona.

However, although demand outstripped supply, Dasmariñas was quite unable to convince the people of Manila to put production on an industrial footing. The difficulties of working with *piña*, added to the fact that less than a centimetre a day was the usual weaving rate, goes a long way to explain this reluctance. It is also an important fact, often ignored, that people are frequently prepared to put much greater efforts into producing something for themselves, with complex social rewards, than when it is a matter of a simple commercial transaction, even if their skill is adequately remunerated. A similar reluctance was to occur later, incidentally, with Dasmariñas' projects for growing spices. This lack of interest in commercial productivity by the non-Chinese inhabitants of the Philippines, native and Spanish alike, was to be commented on frequently in the centuries to come.

The costume of the Philippines is relatively well documented. In about 1595, Dasmariñas commissioned an illuminated manuscript to show the King of Spain, Philip II, what his subjects there looked like. The 305 pages and 75 illustrations, which make up what is known today as the "Boxer Codex", include 15 different types of Filipino dress, as well as — less plausibly — the dress of neighbouring

countries⁴. Boxer has written a fascinating article on the history of the *Codex* [Boxer 1985].

A couple of centuries later, the expedition of Alejandro Malespina again recorded the costumes of the Philippines [Serrano 1982], while in 1815, the Archbishop of Cebú commissioned a set of watercolours, now in the Archivo General de Indias in Seville, entitled “Tipos del País” and “Indumentaria Filipina” for the city of Cadiz.

Besides these collections, there are large numbers of genre paintings, often by known Filipino artists⁵, such as the Filipino-Chinese, Damian Domingo y Gabor (1790–1835), dating from the late 18th and 19th centuries, many of which show examples of clothing which it can be assumed from their diaphanous appearance were made of *piña* [Torres 1984]. Much appreciated by visitors, many of these paintings are in collections outside the Philippines.

Early examples of *piña*, particularly those made by locals for their own use, have not survived and it is unclear precisely what was exported to the New World in the first period of trade contact. A study of paintings might provide some clues⁶, as might research in Church sacristies, since the finest materials were often offered to the Church, in particular for dressing images of the Virgin, and hence were preserved as those in secular use were not; Islamic textiles at an earlier period being a case in point.

Some of the main types of *piña* work still made today, for example at Kalibo in Aklan Province are:

Sinuksuk — weaving using the floating weft technique, often with typical designs such as a five-petalled flower and butterfly

Ringgue — producing a lattice design

Sumbra — shadow stitch

Callado — drawn thread work [La Vera 1989]

---

⁴ “Boxer Codex”, Lilly Library, University of Indiana, USA. According to the library website (www.indiana.edu), the manuscript, together with the rest of the Boxer Collection, has remained unarranged and uncatalogued since 1994.

⁵ Among the earliest to engrave local scenes were Francisco Suarez (c.1690–1762) and Nicolas de la Cruz Bagay (1702–1765), who proudly added to their signatures “indio tagalo” to differentiate themselves from European or Chinese artists.

⁶ Again examining the numerous Peruvian and Mexican genre paintings, for example the naïf watercolours of Francisco Fierro (1807–1879), 78 of which are in the Kunstkamera at St. Petersburg.

Both the techniques and the designs indicate a combination of Philippine, European and Chinese influences. Because, as has been said, *piña* was used for articles that by their nature wore out, there are few examples earlier than the 19th century. A cap embroidered by nuns from one of the Manila convents, now in the Powerhouse Museum in Sydney⁷ and a fine *pañuelo* can be dated to c.1800 and the motifs — scrolls and flowers — and stitches are, as might be expected, European.

The motifs used in many of these early pieces are essentially western in design, even when they represent something exotic, such as a palm tree. Particularly fine work, sometimes done in human hair⁸ is to be found on the *pañuelos* or *fichus*, worn in the interests of modesty, much insisted upon by the Church, at the neck of the low-cut dresses. Sir John Bowring, writing in the middle of the 19th century tells us of the *pañuelos*: "...prices which seem fabulous are being paid for the most elaborate specimens — one or two ounces of gold being frequently given for a small handkerchief" [Bowring 1859]⁹.

The light *piña* would have been much more comfortable in the climate of Manila than the heavy silk of Chinese shawls and it is probable that such pieces were exported to the New World, since low bulk and high value was always a major issue in the galleon trade. The Casa Manila Museum has some splendid examples of this embroidery, as does the Museo Nacional de Antropología in Madrid. The Victoria and Albert again has fine pieces, accurately dated to the mid–19th century, that were offered as gifts to members of the royal family [La piña 2005: 62–63]¹⁰. The best embroidery is to be found on handkerchiefs, on the wide bell-sleeves, typical of the elegant Manila dress, known as the *María Clara*¹¹, on baby clothes, in particular Christening robes, and again on men's dress shirts.

⁷ 135A, 133A and also a beautiful table centre, probably professional work and perhaps later — H3773.

⁸ For example one piece in the Victoria and Albert Museum in London, embroidered "Memoria de Fernanda".

⁹ Gold c.£420 per ounce (2008).

¹⁰ See also [Montinola 1991], unfortunately not available while writing this paper.

¹¹ Named after the heroine of the Philippine patriot José Rizal's novel "Noli Me Tangere" (1887).

Piña was, and indeed still is, used for the shirts which have come to be part of Philippine men's national dress, the *barong tagalog*, 19th century examples of which were often very elaborately worked. The garment has been much discussed and it has been claimed as the origin of the very similar shirt made in a variety of fabrics worn across South America: the *guayabera*. In the 19th century these shirts were known there as *filipinas*, which might support the argument, although Cuba has firmly laid claim to their invention and this style is still worn, particularly by older men, in Andalucia, where it is known as *cubana*. There is, as always, the possibility of similar shaped garments having evolved in different places in reaction to similar needs, cultural or climatic, but the debate as to the origin of this particular piece of clothing continues and it may in fact go back to the *kurta* and have been introduced by Indian merchants trading textiles throughout the archipelago.

Piña production in general declined from the 1870s, partly because of the availability of much cheaper cottons, gauzes, etc. and partly in response to mass demand for exotic merchandise for a less critical clientele. The Catalogue of the "Exposición General de la Isles Filipinas" celebrated in Madrid in 1887, provides a very complete record of Philippine crafts at that date [La piña 2005]. There are hundreds of examples of local weaving, many using exotic fibres such as *abacá* and *piña*¹².

The examples of *piña* most commonly found in Europe and North America today are the tablecloths and other items of household linen manufactured for the Western market in the period 1880–1920. They were clearly mass-produced, probably to a large extent by Chinese workers and have motifs perceived by the west as typically Chinese such as flowers, good-luck characters and dragons — theoretically forbidden for general use in China until after 1905 and the end of the Empire. They are embroidered in the range of stitches used for Manila shawls, in addition to the elaborate drawn thread work found on the older *pañuelos*. Although extremely competently executed and in

---

¹² There is surprisingly little embroidery, apart from one or two scarves and a few liturgical vestments, such as catalogue item N°.18 in group 51, which is described as: "An embroidered alb and amice. They were worked in Manila by twelve Indian women, who spent two months on them and were each paid between 10 and 16 *reales fuertes* per day."

themselves attractive, they have none of the originality nor the wonderfully fine embroidery found on the pieces made in the Philippines for local consumption.

Some such items must have found their way to South and Central America, although I am not aware of any, but independence from Spain, the ceding of the Philippines to the United States after the Treaty of Paris, as well as changing commercial patterns, had broken the centuries' long connection between the two areas by the end of the 19th century.

Mantones de Manila

Today, the so-called *mantón de Manila* is an item of traditional dress emblematic of Andalucía and indeed of Spain and few pieces of clothing could better symbolize the interchange, cultural and economic, between the Hispanic world, Asia and the Americas.

The Spanish conquests in South and Central America — “New Spain” — were largely complete by 1543 and were quickly followed by the annexing of the Philippines in 1559, the islands being placed under the jurisdiction of the Viceroyalty of Mexico. Because of the difficulties of establishing factories in China, Manila soon became an important emporium. Luxury goods, especially silks and porcelain from China, as well as chintzes from India and other merchandise, were brought to Manila and re-exported both to Spain and to the Spanish colonies in the New World. Because of the concern with bullion flowing east and being “lost”, and the extremely restrictive economic policies of the Hapsburgs, the Spanish Crown generally limited the number of galleons with permission to sail between Manila and Acapulco to four a year and finally to only one. The extremely valuable cargo was transported between Acapulco and Vera Cruz, and from there forwarded to Spain.

In Spain, *mantones de Manila* are still often believed to have originated in Manila, but this is not the case except, perhaps, for a small number in a very distinctive style. These are worked using a different range of stitches, including *callado* — drawn thread — a technique introduced into the Philippines, probably by Spanish nuns, which became typical of local embroidery. Most of the shawls were in fact made in Canton (Guangzhou and Guangdong province) and

forwarded on via Manila, although it is possible that the Chinese in the Philippines also set up workshops there to meet demand, since they would have had access to a skilled labour force. A fascinating account of the trade is given, incidentally, in Pérez Galdós' novel "Fortunata y Jacinta"¹³.

South America was extremely rich, but there was little to buy and the limitation on imports of luxury goods was much resented and circumvented whenever possible. Mugaburu, in his diary 1640–1697, "Crónica de la Lima colonial" [Mugaburu 1935], mentions a ship sent by the Conde de Lemos in September 1671, which was supposed in theory to be carrying arms to Mexico. In fact, it "returned to Callao eight months later bearing an enormous quantity of clothing from China as well as other textiles."

Legally or illegally imported, the quantity of Chinese textiles in the New World was considerable. The English Dominican, Thomas Gage [Gage 1655; Gage 1985], who spent the years 1625–1637 in Mexico and Guatemala repeatedly mentions the use of Chinese materials, linen as well as silk, and Roderigo de Vivero¹⁴, writing at about the same date exhorted the King of Spain to liberate the Indians of Mexico from forced labour and allow them to work freely at textile production, since he was convinced their work was of fine enough quality to make Chinese and other Far Eastern imports unnecessary. Such goods would all have reached the New World via the Philippines.

Embroideries from the early period are rare, since personal and household items tend to wear out and be destroyed; the surviving examples are in church treasuries where a few examples of vestments and adornments for the altar originating in China, Macao and, possibly, the Philippines have been lovingly preserved. It is also worth mentioning, as evidence of the influence of these textiles, that painted robes on figures of the Virgin and Saints, particularly in Guatemala¹⁵

---

¹³ Galdós Pérez, Benito. *Fortunata y Jacinta*. Madrid, 1887. On-line at Project Gutenberg: www.gutenberg.org.

¹⁴ Rodrigo de Vivero, "Abisoy proyectos para el buen gobierno de la Monarchia española", text in: [Vivero 1972: 77–131].

¹⁵ The Metropolitan Museum in New York has a number of examples dating from the 18th century, particularly of nativity figures, from both Guatemala and Ecuador, that show the influence of Chinese silks in the painting of the robes.

show a familiarity with Chinese motifs, presumably copied from vanished silk originals. There was also an export from the Philippines to the New World of complete figures, as well as carved heads and hands, which explain the distinctive oriental colouring and physical traits of a number of the smaller religious statues found in South and Central America.

Chinese embroideries, then, entered Spain via the Americas. They reached the Casa de la Contratación in Seville and, after the “Free Trade Agreement”, Cádiz. The Royal Company of the Philippines was originally founded in 1785 and soon after Spain was able to enter into direct relations with its easternmost colony. In 1821, the port of Seville once more opened to ships from Manila and, interestingly, it was about this time that the shawls known as *mantones de Manila* began to make their appearance as a key element in Andalusian and, more generally, Spanish dress.

It is difficult to date the appearance of these shawls in Central and South America. Although there are numerous descriptions of women’s costume in Lima, Cuzco, Arequipa and Valparaíso from the 17th century on, there is no mention of *mantones de Manila* — even by Mugaburu, who comments on everything — although references to local forms of shawl and wrap, such as the *rebozo*, are frequent. It has been suggested, although not to my mind very convincingly, that the *rebozo* used as a shoulder cloth was not part of the pre-Columbian or European tradition and was therefore likely to have been introduced from Asia in imitation of the *slendang* or *selendang*, a common element of costume across South East Asia and Indonesia and in certain areas of the Philippines [King 1979]. Interestingly, the elegant way to wear a *mantón de Manila* on formal occasions in Spain today is folded in a strip so as to show off the embroidery to best advantage and draped like a *slendang* over the left shoulder, something very uncommon in European dress.

The French traveller, Amadée Frézier, has left us such detailed descriptions of the various articles of clothing of the women of Peru and Chile in the early years of the 18th century, that it is very surprising that they should have come from the pen of a military man, in fact a sailor. Frézier describes the passion the women had for lace (a number of pieces of Philippine *piña* are obvious imitations of European

lace, incidentally) and he describes both the *mantilla* and the *haque* — an Arabic word (*haik*), clearly imported from Andalusia — preferred in Chile, with its gold and silver ribbons and panels of lace; but not a single mention of an embroidered shawl [Frézier 1714; Frézier 1718]. This form of dress, ultimately Islamic in origin, spread also to the Philippines and to Macao, where it was worn in imitation of the Spanish *tapadas* rather than by the Muslim population. The fashion is recorded in a number paintings and drawings, both *tipos filipinos*¹⁶ and in the case of Macao, the drawings of George Chinnery [Hutcheon 1989].

The first reference I have found to a *mantón de Manila*, is in the “Mémoires et pérégrinations d’une paria”, 1833–1834, by Flora Tristan [Tristan 1838; Tristan 2004], grandmother of the painter Gauguin. She reached the city of Lima in 1833, while trying to trace her father’s family and on the way mentions — unflatteringly — the dress of the ladies in Cabo Verde, one of whom wore “...a vast *mantón* in sky blue *crêpe-de-chine*, embroidered with very beautiful white roses, [which] served her sometimes as a *mantilla* and sometimes as a shawl. This enormous *mantón* covered the whole of the back of her head and the general effect was most extravagant...” She mentions another equally spectacular example worn, very much *à contre cœur*, since she preferred male dress, by the political and military leader, Sra. Pencha de Gamarra, whom she met at Callao in Peru on her way into exile.

It is clear that at the time of Flora Tristán’s travels, Manila shawls were already a standard article of elegant dress, not an exotic rarity. Frances Calderón de la Barca writing in Mexico a few years later, mentions them frequently as being worn by women of the more prosperous working class, both rural and urban [Calderón de la Barca 1987[1842]]. Clearly they were already being mass-produced in China, which must have reacted quickly to changes in Western demand as regards fashion and also the changes in Latin America which, with Independence — 1821 in the case of both Mexico and Peru — was free to make its own trading arrangements with the East instead of being dominated by the policies of Spain.

---

¹⁶ See, for example: [La piña 2005: 47].

Natalie Robinson, in her article, has suggested that the designs of the very elaborate shawls, heavily embroidered with highly coloured flowers, originated in South America [Robinson 1987]. Certainly, they were extremely fashionable in Mexico and the fashion caught on in Spain in the latter part of the 19th century. She mentions a shawl she saw in Manila, perhaps made for the Mexican market, although the border of parakeets and the centre filled with highly coloured parrots and other tropical birds could equally well be of Philippine inspiration. Among the *tipos filipinos* previously mentioned, I have not found any figures wearing a *mantón de Manila*, but this may well be for reasons of climate which would have made the heavy silk uncomfortable at all times of the year.

This very flamboyant style rarely reached Europe, but in South America the motifs embroidered on the *mantones de Manila* seem to have influenced local dress. Even today, the blouses worn by the women of Quito are worked with large brilliantly coloured “roses”, stylized in much the same way as the peonies so much in evidence in Chinese embroidery. Echoes of Chinese shawls also seem to appear in the rustic wool on wool embroideries decorating bed-covers and hangings in Mexico and even up into New Mexico.

The similarities are even more striking in the magnificent and much studied *china poblana* costume of the Puebla region of Southern Mexico or again the festival Tehuana costume from Oaxaca¹⁷. Frances Calderón de la Barca, a close observer of dress, who mentions the *china poblana* — and, in her day, its somewhat dubious social connotations — a number of times, describes it as it was worn in Mexico City on Good Friday 1840 [1987: 137]: “And above all, here and there, a flashing Poblana, with a dress of real value and much taste, and often with a face and figure of extraordinary beauty, especially the figure....the petticoat of her dress frequently fringed and embroidered in real massive gold, and *reboso* either shot with gold or a bright-coloured China crape shawl, coquettishly thrown over her head. We saw several whose dresses could not have cost less than five hundred dollars”¹⁸.

¹⁷ A spectacular example is illustrated in: [Sayer 1985: 171].

¹⁸ If FCB was referring to US \$\$ this would be in the order of \$11 500 today (2008).

What is of particular interest about many of these descriptions and drawings is the evidence they provide that working women, both in the New World and the Philippines, had access to luxury clothing, imported as well as locally made, implying a certain level of purchasing power.

There are also more subtle suggestions of Chinese influence dating back to before the advent of the Manila shawl. A very fine 18th century Mexican *rebozo* in the Parham Park collection is embroidered in silk with little genre scenes reminiscent of those found on Chinese robes and hangings, and later on the borders of the finest shawls. The actual scenes are typical of Colonial Mexico, but the arrangement and stylization have a very definite Chinese flavour¹⁹.

Shawls, or perhaps Chinese embroideries in general, have also had a certain influence in Guatemala. The *huipiles* — in this case much heavier woven blouses than those of Mexico — of some regions, such as Chichicastenango or Comalapa, are worked with large brightly coloured flowers, with “roses” or orchids predominating, which have no connection with the indigenous tradition. Other designs very clearly come from the European embroidery pattern books given away with certain makes of thread such as DMC and, curiously, for this reason there are motifs that find close parallels with mid–20th century dresses from Palestine, another area where European embroidery cotton and silk was widely sold [Stone 2011].

Other designs, again particularly from Comalapa, are related to much older European silk brocades, imported by the Spaniards, often for Church vestments [Sierra de la Calle 1991]. Here again, the subject is complex, since European silks in their turn show a wide range of stylistic influences. Pauline Johnstone mentions a church vestment, probably from 14th century Lucca, made of a silk that shows strong Chinese influence both in the exotic beasts portrayed and the form of stylization [Johnstone 2002: 35, fig. 25].

Another group of *huipiles*, for example from San Francisco el Alto or Quetzaltenango, have an appliqué at the neck, embroidered on velvet, cotton or occasionally silk, predominantly in satin stitch, with flowers and butterflies, motifs repeatedly found on shawls. Another

---

¹⁹ Illustrated in: [Sayer1985: 51, 107].

source of Chinese influence were undoubtedly the woven and embroidered ribbons, which seem to have found their way even to the Guatemalan Highlands and to have been copied, for example at Jacatenango [Altman and West 1992: 109].

These ribbons were probably introduced by the Chinese peddlers described by Renée Méndez Capote [Méndez Capote 1964] in Cuba, while Lilly de Jongh Osborne [Kelsey and Jongh Osborne 1948] mentions them as having been active in the 19th century in Guatemala, at which date they would probably have reached the area from the Philippines. Chinese trade goods, in limited quantities, would, of course, have been available in cities such as La Habana and La Antigua from a much earlier date, although not on the scale of Mexico or Lima. Another very comparable geographical area where Chinese pedlars established themselves, as soon as it was opened up to outside influence, was the High Desert in Oregon²⁰. These embroidered Chinese ribbons play an interesting role in the dissemination of Chinese embroidery and embroidery motifs along the west coast of India, as well as in the New World [Gill 2003]²¹.

Ikat

There is always much discussion as to whether inventions happened once and spread from a single centre, or whether there were multiple points at which similar circumstances led to similar solutions. The back strap loom, for example, has been a subject of this debate, so too has *ikat* [King 1979].

While it is generally considered that the technique developed in India, and paintings at Ajanta dating from the 7th century seem to indicate striped *ikat* textiles, the pattern of dissemination becomes unclear beyond the countries lying within the area of Indian cultural influence or contact, which included present-day Indonesia and South East Asia, Yemen, and the lands along the Silk Road, following the spread of Buddhism north [Crill 1998: 16–18]. The idea of the

---

²⁰ www.highdesertmuseum.org — photographic records and exhibits of the Chinese traders in the area in the second half of the 19th century.

²¹ See online at www.embroidery-embroiderersguild.com.

technique evolving independently at various points should therefore be borne in mind [Wong 2005: 105–108].

Among the earliest surviving examples of *ikat* are the pieces used as Buddhist banners from the Shōsōin at Nara. Their place of manufacture is uncertain, but they probably date to the 7th century, although it was not until 756 A.D. that they were among the some 600 treasures, many with exotic provenances, that the Empress Kōmyō dedicated in memory of her husband, the late Emperor Shōmu. Curiously, although the bold and strongly coloured design of at least one example is reminiscent of the *ikat* known to have been produced in Central Asia from the 19th century [Fitz Gibbon and Hale 1997: 31–33], there is no evidence of its manufacture in the region during the intervening period.

Similarly, complex *ikat* techniques do not appear to have been adopted in Japan until a much later period. From the 14th century, *kasuri* was made in both *ramie* and *abacá* in the Ryukyus (Okinawa), but it is not clear where the technique came from, but probably from China or Taiwan rather than the Philippines. In any case, indigo and white *ikat*, seems to have been produced in Japan only for the past two centuries [Tomita and Tomita 1982: 4–5] and being quite different in style is certainly unconnected to anything found in Central America.

Simple warp *ikat* designs, particularly in red and white, and perhaps an evolution from *plangi*, or tie-dye, were produced in Peru in the Pre-Columbian period, and there are occasional examples of brown and white *ikat* retrieved archaeologically from the coast of Ecuador. There is no evidence to suggest that either of these were the origin of the much later *ikat* found in Guatemala, although some comparable designs are produced — or were until very recently — in the region today, notably for shawls [Miller 1996]²².

The traditional dress of a number of Guatemalan villages, particularly in the highlands and especially that of men, shows a clear affinity to the peasant costume of 16th–19th century Spain and is unrelated to the pre-Conquest mode [Altman and West 1992: 36–50]. As early as 1630, clothes from the Mixco region were described by

---

²² See also the illustration of the striped *rebozo* made for Sabina Mendoza in: [Miller 1996: 334].

Thomas Gage [Gage 1946: 219] and remained in essence unchanged until the 20th century. It would be very interesting to see whether there are any similarities between these introductions in Guatemala and those in certain regions of the Philippines, for example the costume of the Atitlán region and that of the Bagobo, in highland Mindanao, both curiously reminiscent of the matador's *traje de luces*, which itself dates from the 17th–18th centuries.

Textile techniques, such as the use of the foot-loom and certain forms of embroidery, were again introduced by the Spaniards, but complex *ikat* designs and double *ikat* certainly did not reach Central America from Europe. Is it possible that it arrived from the Far East with the Manila galleons? The Philippines and New Spain were, of course, in regular contact — in 1608–9, for example, Roderigo de Vivero [Vivero 1972], a Spaniard from Mexico, was interim Governor of the Philippines — and small numbers of Asians reached New Spain from an early date.

Nevertheless, it is hard to visualise how the introduction would have taken place, given that the Philippine and Indonesian styles of *ikat* are not known to have been an export trade item of any importance, if at all. Admittedly, as far back as 1738, Fr. Juan Francisco de San Antonio mentions that the Caraga region of Mandaya “...pay their annual feudal dues in *guinaras* and *madriñaques* in order to be defended from the moros” ([San Antonio 1903], cited in: [Reyes 1992: 71]). These particular textiles, were plain gauze-type *abacá* and were certainly traded, as de Morga tells us [Morga 1971: 263], and may thus have reached the New World; possibly some *ikat* went with them. They were perhaps for use as mosquito netting, something exported from China across the Indian Ocean from at least the early 15th century. There are several mentions in Arabic sources, as Paul Lunde points out: “The Anonymous Rasulid Chronicle”, under the date of 31 January, 1423 tells us, in relation to the Sixth of the Ming Voyages, of the arrival of “...splendid China ware and textiles and carpets and extremely fine mosquito nets...”²³.

---

²³ See [Lunde 2007] for Arabic text and translation. Lunde also points out that mosquito nets were also among the gifts sent by the Yongle emperor to the king of Borneo in 1412.

Something more might be learned by studying the bills of lading for the galleons, although generally not enough information is given to make identification possible. Unfortunately detailed textile history does not go back in Guatemala beyond the 19th — 20th centuries, apart from a few luxury textiles in church treasuries, and a large debt is owed to Lily de Jongh Osborne [Kelsey and Jongh Osborne 1939] without whom much of the information that we do have would have vanished. The type of *ikat* most similar to the pre-Columbian examples is found on *perrajes* or *rebozos*.

Fashion, of course, changes in Guatemala as elsewhere. The *perrajes* worn, for example, at Santiago Atitlán, have evolved over fifty years from indigo cotton woven on a backstrap loom with white stripes, to indigo (generally synthetic) and white with stripes of other colours some of which are enriched with very simple *ikat*, to all over *ikat* patterning giving a check or arrow-head effect, to factory produced synthetic material with checks, generally in purple or dark blue and white.

Far more complex and worked in elaborate designs with narrow highly decorated stripes, is the *jaspe* which provides the standard material for women's skirts in numerous areas of Guatemala and in the past was also used for shawls, particularly in the highlands, although this is rarer today. Generally the skirts are of the tubular or sarong type, not dissimilar to those of South East Asia and the Philippines, although in other regions, probably indicative of Spanish influence, they are full, gathered in with a drawstring at the waist.

While traditionally the *huipil*, or blouse, was homemade on a backstrap loom and an important indicator of the owner's skill — this is still often the case — *jaspe* involved a different and complex expertise. It is normally produced on a foot-loom by male professionals, especially from the Quetzaltenango region, with the finest and sharpest designs coming from San Cristóbal Totonicapán. Interestingly, the villages and towns particularly associated with fine *jaspe* production were settled in the early days of the Conquest by people brought from Mexico by Pedro de Alvarado. There is no trace of such *ikat* being produced in Mexico in the pre-Conquest period, so this is another coincidence well worth exploring.

The most traditional colour combination was indigo and white, although a number of villages, such as San Cristobal, prefer a range of very brilliant colours, echoed in the *perraje*, which is finished off with large pompoms or tassels, as at Zunil and Almolonga. The general tendency has been for designs to become increasingly elaborate and colours to become brighter — in recent years young women have generally chosen not to wear indigo and white, perceived as “elderly” and old-fashioned and an admixture of tinsel thread has become very popular. This means the *ikat* that first reached Guatemala may have looked very different from the examples seen in the markets today, with the technique being borrowed rather than the design.

It is still not established how the technique involved in these elaborate *ikats*, single and double, reached Guatemala and became so widespread. Merely importing the cloth might have introduced the designs, as in the case of Chinese style embroidery (see the section on *mantones de Manila*), but would not have transmitted the skill. It is tempting to think of it arriving with immigrants from the Asia, but there is simply no evidence for this and, as far as I know, not even legends, of the kind associated with the *china poblana* costume of Mexico, exist.

Finding a close parallel to *jaspe* designs is not easy. Altman points out analogies between certain *ikats* from Eastern Thailand or Laos and those of Totonicapán [Altman and West 1992: 92], but it could be argued that in general lay-out and intention some of the *ikat* from the Philippines provides a closer parallel. This is particularly true of Mandaya skirt pieces, woven of hemp with narrow, elaborately patterned stripes, the motifs — stylized men, crocodiles, etc. — having great ritual significance. The colours are generally in the red-black-brown range, rather than indigo and white [Reyes 1992]. However, aesthetic coincidence should never be ruled out: a fine shoulder cloth from Pha Chet in Laos [Mis and Mis 2001: 146], for example, is similar in colour choice and general design to the more rustic *cintas* and *fajas* of the Ixil region of Guatemala, especially Chajul, but it is extremely unlikely that there is any connection.

Unfortunately, it was not possible to visit the main *jaspe* producing centres on my last visits to Guatemala and the explanations of the

designs given by the women selling the pieces tend to be rather random, different names being given to what is clearly the same motif: tree, lyre, snake, etc. Whether this is because they have real significance and it is not felt appropriate to discuss it with an outsider, or whether the sellers do not know is hard to establish. Certainly it contrasts with the weavers and embroiderers of *huipils*, who are quite often happy to tell the stories associated with their designs. More work would need to be done on the symbolism of Guatemalan *jaspe*, speaking to the men who actually make it. It should also be remembered that a number of favourite embroidery designs in the region were taken recently from European pattern books and so any symbolism attributed to them is clearly *ex post facto*; the same may be true of some of the *jaspe* motifs.

Conclusion

In conclusion, the route of the *mantones de Manila* and their influence is fairly straightforward and clear.

The rapid exploitation of what would appear to be an unpromising raw material — the leaves of the *Ananas comosus* — so soon after its introduction is surprising, but perhaps less so when the textile tradition of the Philippines and indeed South East Asia and East Asia is considered. It would be nice to establish exactly how and where the technical breakthrough was first made, but it is quite likely we will never know.

The *jaspe* of the Totoncapán and Quetzaltenango region has technical and aesthetic similarities to that of the Mandaya of the Philippines, and textiles from the area were both traded locally and given to the Spaniards in lieu of tax. However, it is hard to imagine any scheme of things that would have led people of Highland Mindanao to teach their skill to the people of Highland Guatemala. Did examples of Asian *ikat* reach the area, which is perfectly possible? And were the local weavers, already highly skilled in numerous other techniques, inspired to imitate it? Or was it a complete independent development and the similarities nothing but coincidence? As we have seen in the case of the Chinese-style embroideries, contact and influence can be proven, but work still remains to be done to untie the *ikat* threads and discover their pattern.

Bibliography

Altman and West 1992 — Altman, Patricia B. and Caroline D. West. *Threads of Identity*. L.A.: University of California, 1992.

Bowring 1859 — Bowring, John, Sir. *A Visit to the Philippine Islands*. L., 1859.

Boxer 1985 — Boxer, C.R. *A late 16th century Manila MS // Portuguese Conquest and Commerce in Southern Asia 1500–1750*. London: Variorum Reprints, 1985. (Originally published in: *The Journal of the Royal Asiatic Society*. 1950. Vol. 82. Issue 1–2. P. 37–49).

Calderón de la Barca 1987 [1842] — Calderón de la Barca, Frances. *Life in Mexico*. London, 1987.

Colín 1663 — Colín, Francisco. *Labor Evangélica, Ministerios Apostolicos de los Obreros de la Compañía de Iesus, Fundacion, y Progressos de su Provincia en las Islas Filipinas*. Madrid, 1663.

Crill 1998 — Crill, Rosemary. *Indian Ikat Textiles*. L.: Victoria and Albert Publications, 1998.

Dusenbury 2004 — Dusenbury, Mary M. *Flowers, Dragons and Pine Trees: Asian textiles in the Spencer Museum of Art*. N.Y., 2004.

Fitz Gibbon and Hale 1997 — Fitz Gibbon, Kate and Andrew Hale. *Ikat — the Guido Goldman Collection*. L.: Laurence King, 1997.

Frézier 1714 — Frézier, Amadée. *Relation du voyage de la Mer du Sud, 1712, 1713, 1714*. Paris, 1714.

Frézier 1718 — Frézier, Amadée. *Relation of the Voyage to the South Sea*. L., 1718.

Gage 1655 — Gage, Thomas. *A New Survey of the West India's*. L., 1655.

Gage 1946 — Gage, Thomas. *The English-American: A New Survey of the West Indies, 1648* / Ed. by A.P. Newton. L.: Routledge, 1946.

Gage 1985 — Gage, Thomas. *Travels in the New World* / Ed. and intro. by J. Eric S. Thompson. University of Oklahoma Press, 1985 [first edition 1958].

Gill 2003 — Gill, Brinda. *Silken Connections // Embroidery*. 2003. Vol. 54. No 3.

Hendrickx 2007 — Hendrickx, Katrien. *The Origins of Banana-fibre Cloth in the Ryukyus, Japan*. Leyden University Press, 2007. (*Studia Anthropologica*. Vol. 12).

Hutcheon 1989 — Hutcheon, Robin. *Chinnery*. Hong Kong, 1989.

Johnstone 2002 — Johnstone, Pauline. *High Fashion in the Church*. L., 2002.

Kelsey and Jongh Osborne 1939 — Kelsey, Vera and Lilly de Jongh Osborne. *Four Keys to Guatemala*. N.Y.; L., 1939.

Kelsey and Jongh Osborne 1948 — Kelsey, Vera and Lilly de Jongh Osborne. *Four Keys to Guatemala*. N.Y., 1948.

King 1979 — King, Elizabeth Mary. *Possible Indonesian or Southeast Asian Influences in New World Textile Industries // Indonesian Textiles / Ed. by Mattiebelle Gittinger*. Washington D.C.: The Textile Museum, Washington D.C., 1979. P. 365–369.

La piña 2005 — *La piña: El tejido del paraíso / Edited by IFEMA*. Madrid, 2005.

La Vera 1989 — La Vera, Teresa. *A Comparative Study of Traditional and Modern Modes of Embroidery in Batangas and Bulacan*. Manila, 1989.

Lunde 2007 — Lunde, Paul. *Arabic Sources for the Ming Voyages // Natural Resources and Cultural Connections of the Red Sea / Edited by Janet Starkey et al*. London: British Museum, 2007. P. 229–246.

Méndez Capote 1964 — Méndez Capote, Renée. *Memorias de una cubanita que nació con el siglo*. La Habana, 1964.

Miller 1996 — Miller, Laura Martin. *The Ikat Shawl Traditions of Northern Peru and Southern Ecuador // Textile Traditions of Mesoamerica and the Andes: An Anthology / Ed. by Margo Blum Schevill et al*. Austin: University of Texas Press, 1996. P. 337–358.

Mis and Mis 2001 — Mis, Marcel and Zaira Mis. *Asian Costumes and Textiles from the Bosphorus to Fujiyama*. Milan: Skira, 2001.

Montinola 1991 — Montinola, Lourdes. *Piña*. Metro Manila: Amon Foundation, 1991.

Morga 1971 — Morga, Antonio de. *Sucesos De Las Islas Filipinas (1609) / Translated by J.S. Cummins*. L.: C.U.P., 1971.

Mugaburu 1935 — Mugaburu, Josephe y Francisco, de. *Diario de Lima (1640–1694)*. Lima, 1935.

Quiason 1966 — Quiason, Serafin. *English “Country Trade” with the Philippines, 1644–1765*. Quezon City: University of the Philippines Press, 1966.

Respicio — Respicio, Norma A. *Philippines and Okinawa*. URL: www.okinawanstudies.com.

Reyes 1992 — Reyes, Lynda Angelica N. *The Textiles of Southern Philippines*. Quezon City: University of the Philippines, 1992. P. 62–86.

Robinson 1987 — Robinson, Natalie. *Mantones de Manila: their role in China’s silk trade // Arts of Asia*. 1987. Vol. 17. Issue 1. P. 65–75.

San Antonio 1903 — San Antonio, Juan Francisco de, O.S.F. *The Native Peoples and Their Customs // The Philippine Islands: 1493–1898 / Ed. by Emma Helen Blair and James Alexander Robertson*. Cleveland, 1903. Vol. XL.

San Antonio and de Vivero 1988 — San Antonio, G. y R. de Vivero. *Relaciones de la Camboya y el Japón / Red. Roberto Ferrando*. Madrid, 1988.

Sayer 1985 — Sayer, Chloë. *Costumes of Mexico*. Austin: University of Texas Press, 1985.

Schurz 1939 — Schurz, Lytle W. *The Manila Galleon*. N.Y., 1939.

Serrano 1982 — Serrano, Carmen Sotos. *Los pintores de la expedición de Alejandro Malaspina*. Madrid: Real Academia de la Historia, 1982.

Sierra de la Calle 1991 — Sierra de la Calle, Blas. *Vientos de Acapulco*. Valladolid, 1991.

Stone 2011 — Stone, Caroline. *Textiles and Cultural Contacts: exchanges of Traditions and Techniques across the World*. Exhibition catalogue. Cambridge, July 2011.

Tomita and Tomita 1982 — Tomita, Jun and Tomiko Tomita. *Japanese Ikat Weaving*. L.: RKP, 1982.

Torres 1984 — Torres, Emmanuel. *One Hundred Years of Philippine Painting*. Pasadena: Pacific Asia Museum, 1984.

Tristan 1838 — Tristan, Flora. *Mémoires et pérégrinations d'une paria 1833–1834*. P., 1838.

Tristan 2004 — Tristan, Flora. *Mémoires et pérégrinations d'une paria* / Ed. by Stéphane Michaud. Arles: Actes Sud, 2004.

Vivero 1972 — Vivero, Roderigo de. *Du Japon et du bon gouvernement de l'Espagne et des Indes* / Trad. Juliette Monbeig. P., 1972.

Wang 2005 — Wang, H. *Exploratory Study of the Origin of the Ancient Ikat Dyeing Technique and Its Spread in China* // *Journal of the Textile Institute*. 2005. Vol. 96. No 2. P. 105–108.

Часть V

ФИЛИППИНЫ В РОССИЙСКОМ ИСКУССТВЕ, МУЗЕЯХ И БИБЛИОТЕКАХ

И. Н. Воевуцкий

**ФИЛИППИНСКИЕ ИЗДАНИЯ
И ЗАПАДНЫЕ ИЗДАНИЯ О ФИЛИППИНАХ
В БИБЛИОТЕКЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН**

В Азиатском музее и его преемниках (Институт народов Азии, Институт востоковедения, Ленинградское отделение, Ленинградский филиал, Санкт-Петербургский филиал, Институт восточных рукописей (ИВР) никогда не занимались филиппинистическими исследованиями. Тем не менее в фондах его библиотеки есть небольшая коллекция изданий по данной теме. Ее существование объясняется традициями Азиатского музея, не только комплектовавшего свои книжные фонды насущной литературой для конкретных исследователей, но и стремившегося наиболее полно собрать литературу по востоковедению, имея в виду и потенциальных читателей. Интерес библиотеки, исходя из профиля ее комплектования, могут представлять 1) австронезийские языки Филиппин; 2) древняя и средневековая история Филиппин; 3) традиционная словесность народов Филиппин; 4) ислам на Филиппинах; помимо этого могут встретиться совсем случайные издания, если они вышли в какой-либо серии, полностью получаемой библиотекой. Источником получения могут быть как самостоятельные поступления: дары, книги из обменных фондов российских библиотек и т.п., — так и книгообмен, осуществляемый при посредничестве Библиотеки Российской академии наук, хотя книгообмен с Филиппинами весьма затруднен: филиппинские издательства (даже университетские) предпочитают продавать свои издания, но в то же время филиппинские публикации можно обнаружить в дублетных списках библиотек Европы и Америки.

Филиппинские издания

В фонде языков Юго-Восточной Азии есть лишь две книги на тагальском языке:

1. Lázaro Francisco. *Ilaw sa Hilaga*. Quezon City, 1980. Книга получена из БАН, но историю ее приобретения уже не восстановить.

2. *Mga epiko ng Pilipinas*. Quezon, 1984. Эта книга входит в серию «*Antolohiya ng mga panitikang ASEAN*» и была отобрана в 1988 г. в обменном фонде Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) вместе с еще двумя англоязычными выпусками (английское название серии — «*Anthology of ASEAN literatures*»): *Epics of the Philippines*. Manila, 1984 (английский вариант упомянутого тагальского издания) и *Philippine metrical romances*. Quezon City, 1985.

Тремя годами ранее из обменного фонда ВГБИЛ была получена монография: Eric S. Casiño. *The Jama Mapun: A changing small society in the Southern Philippines*. Quezon City, 1976.

Наконец, еще одно филиппинское англоязычное издание было получено из БАН по дублетным спискам одной из американских библиотек: Doreen G. Fernández. *The Iloilo zarzuela: 1903–1930*. Quezon City, 1978.

Наиболее старое филиппинское периодическое издание — *Ethnological survey publications* — представлено единственным выпуском: Vol. 4, pt. 1, 1905. Он полностью отдан монографии Najeeb M. Saleeby. *Studies in Moro history, law and religion*. Издание интересно тем, что включает фотокопии рукописей в оригинальной арабской графике.

Еще четыре периодических издания были получены при помощи БАН в рамках книгообмена с Dansalan college foundation, единственным учреждением, с которым Библиотека установила регулярный обмен из-за интереса к исламоведческим исследованиям на Филиппинах, хотя филиппинский ислам является маргинальным для группы исламоведов института.

Bibliographical bulletin / Dansalan research center представлен четырьмя библиографиями, составленными Ismael Pumbaya: *Materials relating to women, marriage, family life and the life cycle of Filipino Muslims* (No 2, 1975); *Materials relating to the history of the Moros* (No 4, 1976); *Master theses on Muslim Filipinos: additional to Bibliographical bulletin No 5* (No 6, 1977); *Doctoral dissertations on Muslim Filipinos* (No 7, 1978).

Research bulletin представлен восемью тематическими сборниками и монографическими выпусками: The Maranao woman (Vol. 1. No 4, 1975); So Karegosor a Ranao=Lanao Progress (Vol. 1. No 7, 1976); Some food and nutrition practices among the Maranao (Vol. 1. No 10, 1976); Maranao traditional social organization in Ditsaan-Ramain (Vol. 2. No 7, 1977); Ismael Pumbaya. Field notes on the Maranao "Balbal" ("witches") (Vol. 3. No 2, 1977); Carter Berntley. Comments on Maranao kin terms (Vol. 3. No 7, 1978); Lela G. Noble. Chronology of Muslim rebellion in the Southern Philippines (Vol. 4. No 1–2, 1978), What's in a name? Reflections on Moro, tribal Filipino, Samal and Sulu (Vol. 4. No 3–4, 1978).

Occasional papers представлены десятью монографиями или сборниками: Peter G. Gowing. Moros and Khaek: The position of Muslim minorities in the Philippines and Thailand (No 1, 1975); он же. Past and present postures in Christian-Muslim relations in insular Southeast Asia (No 2, 1975); Batua A. Macaraya. Brief essays on the culture and rites of the Maranao (No 3, 1975); Carlton L. Riemer. Maranao maratabat and the concepts of pride, honour and self esteem (No 4, 1976); Michael O. Mastura. Administrative policies towards the Muslims in the Philippines: A study in historical continuity and trends (No 5, 1976); Mamitua Saber. Of Maranao musical instruments and bird traps: 2 essays (No 10, 1978); Four Muslim Filipino groups (No 11, 1978); Documents from three national Muslim-Christian dialogues in the Philippines (No 12, 1979); Maisie D. van Vactor. Resources for the study of Muslim Filipino history at the Dansalan research center (No 13, 1979); Cesar Adib Majul. The bases of human rights in Islam (No 14, 1979).

С 1985 г. регулярно поступал Dansalan quarterly, однако с 1999 г. Dansalan college foundation прекратил обмен. В библиотеке представлены Vol. 6. No 3–4, 1985, Vol. 7–11 (1986–1991), Vol. 13, 1993, Vol. 14. No 3–4, 1994, Vol. 15, No 1–2, 1995, Vol. 16. No 2–4, 1996, Vol. 17–18 (1997–1998).

Тринадцать номеров журнала являются авторским монографическими выпусками: Rcaya M. Maidan. The influence of some socio-economic and cultural factors on the family planning knowledge, attitudes and practices of selected Maranao housewives: Urban-rural contrast (Vol. 6. No 3–4, 1985); Labi Hadjui Sarip. A profile of

the economic activities of Maranao women in Marantao; Mulondo and the Islamic City of Marawi, Lanao del Sur (Vol. 7. No 1–2, 1986); Jumdanan J. Sandangan. Muslim-Christian inter-marriages in Jolo, Sulu (Vol. 7. No 3–4, 1986); Robert D. McAmis. Interreligious dialog and the search for peace in the Southern Philippines (Vol. 8. No 1–2, 1987); Amina T. Tominaman. The Maranao “Tonong”: A study on Lake Lanao waterlore (Vol. 9. No 1, 1987); Manuel R. Tawagon. The Moro struggle for self-determination: A fourth alternative (Vol. 9. No 2–3, 1988); Aminah P. Usodan-Sumagayan. The changing role of Maranao women in a Maranao rural society (Vol. 9. No 4, 1987); Dalomabi L. Bula. The Muslims in the Philippine public elementary and secondary school textbooks: A content analysis (Vol. 10. No 3–4, 1989); Atty. Hamid Aminoddin Barra. The Sharia law in the Philippines: An introduction (Vol. 13. No 1–4, 1993); Calima Hadji Rasid Mamad. The adult education functional literacy classes of the Dansalan college foundation, incorporated (Vol. 15. No 1–2, 1995); Manuel R. Tawagon. Ethnographic study of the Maranao family life cycle (Vol. 16. No 2–4, 1996); Myrthena L. Fianza. Japanese ODA and Moro women in Southern Philippines: A preliminary study (Vol. 17. No 1–2, 1997); Manuel R. Tawagon. The Darangen as a pre-Islamic oral tradition (Vol. 17. No 3–4, 1997).

Помимо периодических изданий из Dansalan college были получены две монографии: The Dansalan college Maranao-English dictionary, 1975; Maranao tales of magic and myth/adapted by Betty Yarrow, 1977.

Можно упомянуть еще одно филиппинское периодическое издание (The University of Santo Tomas library bulletin, Vol. 1. No 2, 3, 1968, Vol. 2. No 1, 1969), однако его содержание не имеет отношения к филиппинским исследованиям, это библиография редких европейских изданий XVI–XVIII вв., хранящихся в этой библиотеке.

Западные издания

Прекрасно налаженный книгообмен БАН с испанскими научными учреждениями позволил получить издание Casa hispano-árabe: Angel Rodríguez Bachiller. El islám en Filipinas. Madrid, 1968 и три издания Ediciones de cultura hispánica: Antonio M. Molina.

Historia de Filipinas Madrid, 1984 (в двух томах), William Lytle Schurtz. El galeón de Manila. Madrid, 1992 (комментированный испанский перевод книги, вышедшей по-английски в Нью-Йорке в 1939 г.) и Fray Francisco de San José. Arte y reglas de la lengua tagala. Madrid, 1997 (факсимильное воспроизведение издания 1610 г. и исследование Antonio Quilis).

Не менее успешный книгообмен БАН с французским Centre national de la recherche scientifique позволил получить книгу Charles Macdonald. Sinsin: le théâtre des génies: Le cycle rituel féminin de Punang-Iräräj, Palawan, Philippines. Paris, 1990.

В магазине «Мир» была приобретена книга, изданная в ГДР: В. Sander. W. Kubiczek. Die Philippinen: Geschichte und Gegenwart. Berlin, 1981.

Несколько японских научных учреждений безвозмездно присылают свои издания в качестве обмена научной информацией непосредственно в библиотеку. Так, The center for East Asian cultural studies регулярно присылал журнал и несколько серий: Directories. No 5 (Research institutes and researchers of Asian studies in the Philippines. Tokyo, 1966), East Asian cultural studies series No 21 (Leslie E. Bauzon. Deficit government: Mexico and the Philippine "Situado". Tokyo, 1981). Журнал East Asian cultural studies. Vol. 18. No 1–4, 1979 является монографическим выпуском: Leslie E. Bauzon. Asian studies in the Philippines.

National museum of ethnology присылает все выпуски серии Senri ethnological studies. Филиппинам посвящен № 22: Masaru Miyamoto. The Hanunoo-Mangyan: Society, religion and law among a mountain people of Mindoro Island, Philippines. Osaka, 1988.

С максимальной полнотой присылает свои издания Institute for the study of languages and cultures of Asia and Africa. В серии Study of languages and cultures of Asia and Africa monograph series несколько выпусков посвящены Филиппинам. Три из них принадлежат перу Curtis D. McFarland: A provisional classification of Tagalog verbs (No 8, 1976); Northern Philippine linguistic geography (No 9, 1977); A linguistic atlas of the Philippines (No 15, 1980). Кроме того, Maria Lourdes S. Bautista. Patterns of speaking in Pilipino radio dramas: A sociolinguistic analysis (No 13, 1979) и Virgilio G. Enriquez. Indigenous psychology and national consciousness

(No 23, 1989). Вне серий издано исследование Ernesto Constantino. *Isinay texts and translations*. Tokyo, 1982.

Возможно, что в японском фонде библиотеки среди различных серий «Тою bunko» также могут встретиться выпуски, посвященные Филиппинам, но подтвердить это предположение в настоящее время невозможно.

Остается упомянуть еще несколько изданий, поступивших в библиотеку в составе серий более широкой тематики. Так, библиотека стремилась максимально полно приобретать *Handbuch der Orientalistik*. Среди прочих выпусков есть и 3. Abteilung: *Indonesien, Malaysia und die Philippine*, Bd. 6: *Musik*. Leiden/Köln, 1972 с исследованием José Maceda. В серии *Beiträge zur Südasiensforschung/Südasiens-Institut, Universität Heidelberg* два выпуска посвящены Филиппинам: Markus Ramer. *Effektive Protektion von Rohstoffproduktion und — verarbeitung: mit empirischen Untersuchungen zur philippinischen Volkswirtschaft* (Bd. 123, 1988) и Norbert Kohlen. *Traditionelle Medizin auf den Philippinen: Angstbewältigung und Kognition bei Krankheiten* (Bd. 154, 1992). В серии *Southeast Asia studies reprint series/Yale university* No 40, 1970: Jose Veloso Abueva. *The Philippines: Tradition and change* (переиздание статьи, опубликованной в *Asian survey*. Vol. 10. No 1, 1970). В серии *International studies, East Asian series research publication / Center for East Asian studies, The University of Kansas* No 10, 1979: Leocadio de Asis. *From Bataan to Tokyo: Diary of a Filipino student in wartime Japan 1943–1944 / Ed. with an introd. by Grant K. Goodman*.

Наконец, еще одна книга, вернее, первый выпуск *Hull monographs on South-East Asia*: Michael Leifer. *The Philippine claim to Sabah*. Zug, 1968, была передана в библиотеку вместе с прочими книгами из собрания Ю.В. Маретина.

Как видно, большая часть филиппинских или филиппинистических изданий Библиотеки Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения — это довольно случайные поступления. Тем удивительнее то, что есть и два микрофильма, ведь микрофильмы случайными не бывают и производятся специально. Но если появление одного из них (Frank R. Blake. *A grammar of the Tagalog language: The chief native idiom of the Philippine islands*. New Haven, 1925) можно объяснить стремлением восполнить

недостающие номера American Oriental series (это первый выпуск серии), то копия José Villa Panganiban. Diksiyunaryo-tesauro Pilipino-Ingles. Quezon, 1972 явно была выполнена по чьей-то личной просьбе.

А. К. Касаткина

КОЛЛЕКЦИИ ФИЛИППИНСКИХ ФОТОГРАФИЙ Р. Ф. БАРТОНА В МАЭ РАН

Р.Ф. Бартон (1883–1947) — американский этнограф, значительную часть своей жизни посвятивший изучению горных народов Северного Лусона. Он совершил несколько исследовательских экспедиций на Филиппины, откуда привез коллекции этнографических предметов и иллюстративных материалов. Биографии и научной деятельности Бартона посвящены несколько публикаций, среди них некролог, написанный А. Кребером [Kroeber 1949], две статьи М.В. Станюкович [Станюкович 1979; Stanyukovich 2004], статья Д. Прайса, основанная на недавно рассекреченных документах о российско-американских отношениях [Price 2001], доклад Дж. Прилл-Бретт, представленный в 2008 г. на конференции в Университете Багио на Филиппинах [Prill-Brett 2008].

Десятилетие с 1930 по 1940 г. Бартон провел в России, занимая должность научного сотрудника ленинградской Кунсткамеры. Отсюда в 1937 г. он ездил в экспедицию на Филиппины, и с тех самых пор в МАЭ хранятся привезенные им этнографические коллекции, а также две коллекции фотоиллюстративных материалов, о которых и пойдет речь в этой статье.

Начнем с той коллекции, которая поступила в музей позже, но собрана была значительно раньше, чем другая. В 1940 г. Нина Львовна Бартон продала МАЭ 105 стеклянных диапозитивов, зарегистрированных Л.Э. Каруновской под номером И-1124. Известно, что в 1940 г. Бартон был вынужден покинуть Россию и оставить здесь свою русскую супругу Нину Львовну с маленькой дочкой. Очевидно, продажа совершилась после его отъезда. Диапозитивы коллекции И-1124 — это двойные стеклянные пластины размером 9×12 сантиметров, большая часть черно-белые, но некоторые раскрашены. Эти снимки были сделаны во время первой поездки Бартона на Филиппины, когда его направили туда работать учителем. С 1906 г. Бартон преподавал среди равнинных

народов Филиппин. По собственной инициативе он три месяца изучал этнографию с университетскими профессорами, а в 1908 г. добился направления в Горную провинцию, где сначала работал у племени канканай (канканаэй), потом у ифугао и калинга [Станюкович 1979: 77]. Самый ранний снимок в коллекции И-1124 датирован 1910 г., самый поздний — 1916 г.

Снимки, сделанные Бартоном во время этой первой поездки, публиковались чаще всего. Они иллюстрируют многие его ранние публикации с 1919 по 1935 г. [Barton 1919; 1922; 1930; Бартон 1931; 1935]. Не все эти иллюстрации представлены в коллекции И-1124. Утраченных снимков, судя по нумерации, за годы хранения в музее не было, в то время как даже в статьях, опубликованных в журнале «Советская этнография» в период пребывания Бартона в СССР, встречаются фотографии, которых нет в МАЭ. Это значит, что некоторая часть снимков, сделанных во время первой поездки Бартона на Филиппины, не попала в Кунсткамеру. Возможно, в 1940 г. Нина Львовна Бартон передала музею не все снимки, которые были в распоряжении ее мужа, пока он работал в СССР. А может быть, у Бартона и не было этих фотографий при себе в России, и он переснимал недостающие иллюстрации из своих уже опубликованных на тот момент книг.

Сравнение диапозитивов И-1124 с опубликованными иллюстрациями показывает, что они, по всей видимости, представляют собой не оригинальные снимки: опубликованные изображения часто значительно больше, фотографии из МАЭ по сравнению с ними выглядят обрезанными. Оригиналы ранних снимков Бартона, вероятно, хранятся в Антропологическом музее Харста (Hearst Museum of Anthropology) в Беркли, Калифорния, куда он в 1918 г. передал этнографические предметы ифугао [Stanyukovich 2004]. Это подтверждается тем, что в 1969 г. издательство Университета Калифорнии выпустило новое издание знаменитой книги Бартона «Ifugao Law», иллюстрированное ранее не публиковавшимися фотографиями Бартона, и некоторые из них отсутствуют в коллекции Кунсткамеры [Barton 1969].

Вторая иллюстративная коллекция Бартона, хранящаяся в МАЭ, состоит из отпечатков фотографий, которые он сделал во время своей второй поездки на Филиппины в 1937 г. Эти фотоотпечатки

поступили в МАЭ в том же 1937 г. и, судя по книге поступлений музея, зарегистрированы самим Бартоном под номером И-812. Однако полноценной описи он так и не сделал, только составил машинописный список названий снимков на английском языке. В коллекции зарегистрировано 888 номеров и 936 предметов; 48 дополнительных предметов — это дублиеты отпечатков, что подтверждает список позитивов отдела Индонезии, составленный приблизительно в 1939 г.: под номером И-812 здесь отмечено 866 отпечатков и 48 дублиетов. Расписки, имеющиеся в архиве отдела, сообщают, что в 1938 г. 16 фотографий коллекции были отданы журналу «Пионер» и газете «Пионерская правда». Некоторые из них, возможно, так и не были возвращены (И-812-435, И-812-537, И-812-784). Так или иначе по данным сверки 2009 г. в коллекции И-812 отсутствуют 8 номеров и 4 дублиета, кроме того, один снимок, отмеченный как дублиет И-812-93, на самом деле таковым не является, хотя и явно сделан очень близко по времени (отличается только поза изображенной женщины). Таких кадров, разделенных мгновениями, Бартон делал в тот период довольно много.

Каждый отпечаток И-812 имеет двойную нумерацию: номер пленки/кадра на пленке, явно первичный, и регистрационный номер, явно присвоенный позднее. В списке собирателя снимки указаны под номерами кадров и классифицированы по пленкам (всего 28 пленок). Завершает список раздел «unclassified», объединяющий кадры, которые, видимо, не удалось отнести к какой-либо пленке (на месте номера пленки стоит 0). Это позволяет предположить, что в России Бартон работал не с исходными негативами, а только с этими фотоотпечатками, которые нумеровал по памяти. Это подтверждается тем, что внутри коллекции И-812 встречаются снимки, полностью дублирующие друг друга, но при этом разделенные десятками других номеров. Таким образом, порядок номеров в коллекции не воспроизводит точный хронологический порядок создания фотографий. Коллекционные номера отпечаткам присваивал, по всей видимости, не Бартон. При регистрации два снимка из последнего раздела по какой-то причине оказались без коллекционных номеров (0/10 и 0/11). Также найдены два отпечатка, явно сделанные Бартоном в той же экспедиции, но вовсе не имеющие номера.

Интересно было бы выяснить, какова судьба исходных негативов, с которых были сделаны эти отпечатки. В негатке МАЭ хранится фотопленка, помеченная тем же номером И-812. К ней даже имеется опись, но ее поступление в музей не зарегистрировано, и потому ее статус оказывается сомнительным. Опись составлена на русском языке в 1937 г., судя по записи на обложке, Авдеевым «со слов Бартона». На обложке описи указано время поступления пленок — 15.10.1937, хотя известно, что в это время Бартон был еще в экспедиции на Филиппинах. Либо время указано ошибочно (что вероятно, т.к. «1937» приписано карандашом), либо Бартон выслал эти пленки почтой, будучи еще в поле. В описи говорится о семи коробках негативной пленки и 214 снимках, при этом описаны 215 кадров. Из них к 2009 г. сохранились 174. Все кадры, кроме шести, имеют соответствующие фотоотпечатки в коллекции И-812. Соответствия отчасти указаны в описи, т.е. кто-то уже пытался сопоставлять пленки и фотоотпечатки. Некоторые кадры позволяют восстановить утраченные коллекционные фотографии (И-812-292, И-812-435, И-812-829). Тем не менее порядок следования кадров на пленке (она разрезана лишь частично) показывает, что это, скорее всего, не те оригинальные негативы, которые Бартон делал на Филиппинах. Видимо, эта пленка появилась в результате того, что оригинальные кадры располагали в каком-то ином порядке и переснимали. Кто это делал, зачем и где оригинальная пленка, с которой делались отпечатки И-812, остается неясным.

Известно, что после экспедиции 1937 г. Бартон не сразу вернулся в СССР, а сначала поехал в Англию, чтобы поработать в Британском музее [Price 2001]. В Британии в 1938 г. вышла его знаменитая книга «Philippine Pagans: Autobiographies of Three Ifugaos», обильно иллюстрированная фотографиями [Barton 1938]. Из 30 опубликованных в ней фотографий в коллекции И-812 есть 27. Это значит, что в Британию Бартон привез из экспедиции больше снимков, чем потом передал ленинградской Кунсткамере. Можно предположить, что оригинальные пленки остались в Англии. По сведениям, любезно предоставленным британскими коллегами¹, в Британском музее фотографий Бартона нет.

---

¹ Мы благодарим за консультации Б. Дарренса и Г. Персода.

От истории иллюстративных коллекций Бартона обратимся к их содержанию. В отличие от первой поездки Бартона на Филиппины, где он выполнял обязанности учителя и инспектора по образованию, в 1937 г. он предпринял настоящую этнографическую экспедицию с соответствующими задачами и экипировкой. Бартон взял с собой одну из самых ранних моделей пленочной фотокамеры «Лейка» и явно старался максимально использовать ее возможности, ведь до этого ему приходилось снимать на хрупкие стеклянные пластины с помощью тяжелой неповоротливой фотокамеры. Понятно, что снимки его более ранней коллекции И-1124 в основном постановочные и гораздо более статичны. Во время экспедиции 1937 г. Бартон снимал много, с разных ракурсов, снимал в движении, много раз подряд нажимал на кнопку, как будто стремясь запечатлеть каждое мгновение происходивших событий. В результате получались целые серии снимков с весьма небольшими различиями, фигуры на них часто смазаны, т.к. сняты в движении.

Большая часть снимков в обеих описываемых коллекциях посвящена племени ифугао. Одиннадцать снимков коллекции И-1124 изображают бонтоков, они сделаны между 1911 и 1915 гг. Пять снимков калинга сделаны в 1916 г., когда Бартон работал школьным инспектором у этого племени [Barton 1949]. Два снимка канканаэй сделаны в 1913 г., три снимка негрито датируются 1911 г. В коллекции И-812 имеются единичные изображения, сделанные среди илокано и гаддан, пара десятков — в племени бонток. Тематика фотографий отражает научные интересы Бартона и сравнима с тематической структурой классической этнографической монографии. Обе коллекции можно назвать визуальными полевыми дневниками, хорошим дополнением к полевым заметкам исследователя. Пленка весит меньше и более компактна, чем стеклянные пластины, поэтому, если фотографии И-1124 только намечают интересующие исследователя темы, снимки И-812 представляют многочисленные мелкие детали тех же фрагментов культуры и подробности событий, ранее отраженных только частично. Много внимания в обеих коллекциях уделено среде обитания изучаемых народов: это фотографии внушительных каскадов горных террас, на которых растет рис, виды деревень,

юющихся в горных долинах, горных дорог, рек. Широко представлены этнографические детали: жилища разных типов и на разных стадиях строительства, сцены сельскохозяйственного труда, ремесла — ткачество, кузнечное и гончарное ремесла, плетение. В точном соответствии с интересами исследователя больше всего внимания уделено ритуальной сфере культуры ифугао (снимков обрядов других народов нет). Запечатлены элементы похоронного, свадебного обрядов, обряды, связанные с охотой за головами, с повышением социального статуса. Зафиксированы сцены гадания, исполнения мифов, элементы праздников урожая.

В снимках коллекции И-812 широко используются возможности легкой, быстрой и подвижной пленочной фотокамеры. Например, фотография И-812-216 сделана с верхней точки, хорошо видно, как на праздник с разных сторон стекаются толпы людей (рис. 1). Ритуальное действо, выполняемое во время обряда охоты за головами, запечатлено по меньшей мере на восьми кадрах, которые можно просматривать друг за другом, как фильм (И-812-117–124).

Рис. 1. И-812-216. МАЭ РАН

Некоторые снимки выдают интересные подробности полевой работы Бартона и его взаимодействия с информантами. На фото-

графии И-812-135 исследователь призывает своих предков на потешном празднестве отрубленной головы, устроенном в честь его сына Гарольда (рис. 2).

Рис. 2. И-812-135. МАЭ РАН

На И-812-169 Бартон, профессиональный дантист, удаляет зуб мужчине-ифугао. Другие фотографии иллюстрируют рассказы о полевой работе, изложенные в его книгах. Так, снимок И-812-36 изображает Бартона за работой с информантом по имени Нгидулу. На фотографии И-812-113 можно видеть группу ифугао, которые шли в поле, но остановились отдохнуть и поговорить возле дома Бартона — эту практику он описывает в одной из своих книг: жители деревни останавливались отдохнуть и пообщаться возле его дома всякий раз по пути на работу в поле [Barton 1938]. На фотографии И-812-765 изображена женщина по имени Буган нак Мангхе, чью автобиографию Бартон включил в свою книгу «*Philippine Pagans: Autobiographies of Three Ifugaos*» [Barton 1938], в ней можно найти и историю этого снимка. Буган нак Мангхе, пишет он, обладала не слишком сговорчивым нравом и отказывалась фотографироваться бесплатно. Тем не менее исследователю удалось ее перехитрить: он поймал момент, когда она отвернулась, навел на нее фотоаппарат и нажал на кнопку. Получившийся портрет, по

словам Бартона, передает нрав госпожи Мангхе лучше, чем любой постановочный снимок [Barton 1938: 144]. Значительную часть фотографий, сделанных в экспедиции 1937 г., составляют антропологические снимки мужчин и женщин ифугао в фас и профиль.

Особый интерес для антрополога представляют фотографии, отражающие взаимодействие разных этнических и социальных групп. Например, на снимке И-812-411 ифугао моют в реке мясо после ритуального дележа туши буйвола, и здесь же солдаты в форменной одежде пытаются выполнять свои обязанности и следить за порядком (рис. 3).

Рис. 3. И-812-411. МАЭ РАН

На фотографии И-812-659 люди из одной области заключают торговую сделку с жителями другой, видны различия в их одежде, их позы (рис. 4).

Отдельная серия фотографий коллекции И-812 посвящена политике США на Филиппинах. На снимках праздничного парада в честь Дня Содружества (Commonwealth)² филиппинские солда-

² Содружество (Commonwealth) — статус частичной зависимости Филиппин от США, в котором страна пребывала с 1935 по 1946 г.

Рис. 4. И-812-659. МАЭ РАН

ты, курсанты филиппинских военных училищ, маршируют по улицам Манилы, демонстрируют американскую военную технику (И-812-313–319). Фотографии И-812-319-324 изображают памятники в парке Манилы, возведенные в целях пропаганды. Бартон снабдил эти снимки довольно язвительными комментариями, особенно по поводу искусственно насаждаемого на Филиппинах единого национального языка (И-812-321). Также в коллекции можно увидеть портреты ученых-филиппинистов, с которыми встречался Бартон, среди них Х.О. Байер из Университета Филиппин, сфотографированный у очага каменного века в окрестностях Манилы (И-812-349).

Стеклянные диапозитивы И-1124 сохранились очень хорошо, пластин с трещинами единицы, все изображения прекрасного качества. Отпечатки И-812 существенно уступают им в четкости. Сохранились они тоже неплохо, однако оригинальная пленка, к сожалению, уже была повреждена, иногда довольно значительно, поэтому многие фотографии испещрены белыми пятнами. Несколько фотографий И-812 когда-то подверглись грубому ретушированию, видимо, их таким образом готовили к публикации. К счастью, таких пострадавших немного.

В 1940 г. Р.Ф. Бартон был вынужден покинуть СССР и сразу отправился на Филиппины, где продолжал заниматься исследовательской работой до своего возвращения в США в 1945 г. [Barton 1969: XI]. Из этого путешествия он привез новые фотографии, некоторые из них можно увидеть в книге о народе калинга, которую он успел подготовить к изданию перед смертью [Barton 1949], но в МАЭ этих фотографий, естественно, нет. Возможно, они хранятся в Университете Чикаго, который выпустил эту монографию. После смерти Бартона вышли еще две книги, подготовленные по его материалам, но уже без иллюстраций [Barton 1946; 1955].

Литература

Бартон 1931 — Бартон Р.Ф. Ифугао, малайское племя нагорной части Филиппин // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 116–149.

Бартон 1935 — Бартон Р.Ф. Использование мифов как магии у горных народов Филиппин // Советская этнография. 1935. № 3. С. 77–95.

Станюкович 1979 — Станюкович М.В. Необычная биография (Рой Фрэнклин Бартон, 1883–1947) // Советская этнография. 1979. № 1. С. 76–83.

Barton 1919 — Ifugao Law // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. [1919]. Vol. 15. No. 1. P. 1–186. Перездано: Barton 1969 — Barton R.F. Ifugao Law. University of California Press: Berkeley and Los Angeles, 1969.

Barton 1922 — Barton R.F. Ifugao Economics // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 1922. Vol. 15. No 5. P. 385–446.

Barton 1930 — Barton R.F. The Half-Way Sun: Life among the Headhunters of the Philippines. N.Y., 1930.

Barton 1938 — Barton R.F. Philippine Pagans: Autobiographies of Three Ifugaos. London, 1938.

Barton 1946 — Barton R.F. The Religion of the Ifugaos // American Anthropologist. 1946. Vol. 48. No 4. Pt 2. P. 1–219.

Barton 1949 — Barton R.F. The Kalingas, Their Institutions and Custom Law. Chicago: University of Chicago Press, 1949.

Barton 1955 — Barton R.F. The Mythology of the Ifugaos // Memoirs of the American Folklore Society. 1955. Vol. 46. P. 1–244.

Kroeber 1949 — Kroeber A.L. Roy Franklin Barton, 1883–1947 // American Anthropologist. 1949. Vol. 51. No 1. P. 91.

Price 2001 — Price D.H. Fear and Loathing in the Soviet Union: Roy Barton and the NKVD // *History of Anthropology newsletter*. 2001. Vol. XXVIII. No 2. P. 3–8.

Prill-Brett 2008 — Prill-Brett J. Roy Franklin Barton: his Contributions to Cordillera Ethnographic and Cultural Studies. International Cordillera Studies Conference held at the University of the Philippines Baguio, Baguio City, Philippines, 7–9 February 2008.

Stanyukovich 2004 — Stanyukovich M.V. R.F. Barton, an Outstanding American Anthropologist, as a Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Leningrad, 1930–1940 // *Russian-American Links: 300 Years of Cooperation*. St. Petersburg, 2004. P. 34–49.

В. Н. Кисляков

РАННИЕ ФИЛИППИНСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В МАЭ РАН

Этнографические коллекции по народам Филиппин в музеях бывшего СССР (и, соответственно, современной России) крайне немногочисленны [Станюкович 2009]. Наш музей владеет практически единственным собранием подобного рода. Начало этнографического изучения Филиппин в нашей стране относится к 1930-м годам. В то время в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде работал американский ученый, специалист по Филиппинам Рой Фрэнклин Бартон. К середине XX в. в музее хранилось несколько сотен разнообразных предметов, отражающих различные стороны традиционной культуры местного населения (одежда, оружие, орудия охоты и рыбной ловли, утварь и пр.). Благодаря экспедициям М.В. Станюкович на Филиппины в 1995–2011 гг. Кунсткамера пополнилась шестью коллекциями (№ 7161, 7315, 7397, 7398, 7399, 7479) общим числом более тысячи предметов по традиционной культуре ифугао, илоканцев, висайя, негрито и других народов Филиппин, в том числе ранее не представленных в собраниях МАЭ (бонтоков, яттука, палаванов, сулу).

Полного описания филиппинских коллекций МАЭ до сих пор не существует, есть лишь краткое описание истории сборов и их предварительная оценка [Станюкович 2007: 239–242]. В разные годы появлялись публикации, посвященные отдельным филиппинским предметам или их комплексам [Тихонов 1966; 1969; Станюкович 2002; 2007].

В Музее антропологии и этнографии АН СССР филиппинские предметы не выставлялись на постоянных экспозициях. Нет их и на нынешней экспозиции. Однако уже в середине 1930-х годов в круглом зале на втором этаже здания Кунсткамеры был установлен макет террасных рисовых полей ифугао (о. Лусон), существующий и в настоящее время.

В настоящей статье мне хотелось бы дать краткую характеристику ранних филиппинских собраний (XIX — середина XX в.). Наиболее крупными из них по объему являются коллекция Тёрнбалла, купленная в 1915 г. (№ 2316), и коллекция Роя Фрэнклина Бартона, купленная в 1940 г. (№ 5688).

Из ранних собирателей хотелось бы отметить следующих:

— Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846–1888) (колл. № 402, 3279)¹;

— Владимир Владимирович Святловский (1861–1927) (колл. № 1283);

— Ганс Мейер (1858–1926) (колл. № 1189);

— Олаф Романович Штакельберг (1818–1903) (колл. № 222);

— Рой Фрэнклин Бартон (1883–1947) (колл. № 5688).

В наш музей поступали также филиппинские предметы из нескольких отечественных и зарубежных музеев, в частности, из Берлинского Музея народоведения (колл. № 610) и из Центрального Военно-морского музея (колл. № 5046).

Краткие сведения о собирателях ранних филиппинских коллекций

Бартон Рой Фрэнклин (1883–1947)

Американский этнограф-филиппинист, с 1930 по 1940 г. — сотрудник отдела Индонезии МАЭ АН СССР, Ленинград. Коллекцию привез из экспедиции на Филиппины 1937 г.

О нем: [Станюкович 1979; Stanyukovich 2004].

Вольф Густав

Скульптор. По данным описи колл. № 4609 он приобрел ложку ифугао в Гамбурге у судовладельца Адольфа Вурманна. Коллекции Вольфа из других регионов, хранящиеся в МАЭ: № 4609. 1932 г. Западная Африка. Берег Слоновой Кости.

---

¹ В статье говорится лишь о филиппинских предметах, привезенных Н.Н. Миклухо-Маклаем.

Марионес (Доминго Марионес-и-Мурильо Сабалета-и-Сане-де Оргокуита) (1823–1881)

Генерал-губернатор Филиппин, 28.02.1877–20.03.1880 [Республика Филиппины]. По данным описи, в 1879 г. подарил О.Р. Штакельбергу пику (№ 222-5).

Мейер Ганс (1858–1926)

Крупный немецкий географ и путешественник, побывавший во многих районах Азии и Африки и собравший там большие коллекции. О нем см.: [Энциклопедический 1896]. О связях Г. Мейера с нашим музеем см.: [Мухлинов 1977].

Коллекции Мейера из других регионов, хранящиеся в МАЭ РАН:

№ 595. 1900 г. Африка. Бенин; № 598. 1901 г. Африка. Килиманджаро. Джагга.

№ 599. 1901 г. Новая Гвинея. Папуасы.

№ 707. 1903 г. Новая Зеландия. Маори.

№ 732. 1903 г. Индокитай. Аннам.

Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846–1888)

Выдающийся российский путешественник, ученый, общественный деятель.

В 1870-х — первой половине 1880-х годов жил и работал на Новой Гвинее у папуасов и в Австралии.

О жизни и деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая существует обширная литература. См., например: [Путилов 1981; Человек 1982; Putilov 1982]. Последнее подробное описание коллекций Н.Н. Миклухо-Маклая см.: [Миклухо-Маклай 1999].

Коллекции Миклухо-Маклая из других регионов, хранящиеся в МАЭ РАН:

№ 168. 1886 г. Океания. Новая Гвинея. Папуасы. Меланезия. Полинезия. Восточная Индонезия.

№ 231. 1893 г. Океания. Новая Гвинея. Папуасы. Из Зоологического музея.

№ 402. 1891 г. Океания. Новая Гвинея. Папуасы. Меланезия. О-в Пасхи. Австралия. Восточная Индонезия. Южная Америка. Из Императорского Русского Географического общества.

№ 738 (дополнение к № 168). Океания. Новая Гвинея.

№ 1103. 1907 г. Океания. Новая Гвинея. Императорское Русское Географическое общество.

№ 1228. 1871 г. и др. Южная Америка. Боливия, Патагония. Н.Н. Миклухо-Маклай (1871 г.) и директор Музея в Сантьяго де Чили.

№ 2028. 1892 г. Южная Америка. Перу. Из Императорского Русского Географического общества.

Святловский Владимир Владимирович (1861–1927)

Российский ученый-экономист. В начале 1890-х годов увлекся марксизмом. Опасаясь преследований, бежал за границу. Окончил Мюнхенский университет. После возвращения в Россию долгое время преподавал в Петербургском (Ленинградском) университете и в других вузах. В 1907–1908 гг. совершил путешествие по Океании, во время которого собрал значительные этнографические коллекции для МАЭ.

О нем см.: [Розина 1974].

Коллекции Святловского из других регионов, хранящиеся в МАЭ РАН:

№ 1198. 1907 г. Новая Гвинея, Фиджи, Новая Зеландия.

№ 1282 1908 г. Новая Зеландия. Маори.

№ 1314. 1908 г. Гавайские острова.

№ 1333. 1908 г. Канада. Лесные индейцы.

№ 1352. 1908 г. Новая Гвинея, Новые Гебриды, Соломоновы острова, острова Адмиралтейства.

№ 1616. 1908 г. Цейлон. Сингалы.

№ 2026. 1912 г. Африка. Из Берлинского музея народоведения.

№ 2798. 1921 г. Новая Гвинея, О-в Пасхи, Фиджи, Микронезия.

№ 2802. 1921 г. Северная Америка. Гуроны. Археология.

Штакельберг Олаф Романович (1818–1903)

Российский военно-морской деятель, вице-адмирал. В 1877 г. был назначен командующим отрядом российских кораблей на Тихом океане. В течение 1877–1881 гг. совершал плавания по портам Тихого океана. Позже служил на Балтийском флоте.

О нем см.: [Общий морской 1900: 367–369]. Некоторые сведения о коллекциях по Восточной Азии, привезенных О.Р. Штакельбергом, приведены в: [Кисляков 2005].

Коллекции Штакельберга из других регионов, хранящиеся в МАЭ:

№ 213. 1882 г. Япония.

№ 222. 1893 г. Япония.

№ 752. Сибирь. Чукчи. Разные собиратели (Вознесенский Илья Гаврилович, Литке Федор Петрович, Мертенс Андрей Карлович, Штакельберг Олаф Романович).

Ягор Федор Андрей (1816–1900)

Немецкий этнолог и путешественник. Во второй половине XIX в. неоднократно путешествовал по различным странам Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Оттуда привез богатые коллекции, поступившие в Берлинский Музей народоведения [Baessler Archiv 1973: 313–314].

О нем имеются сведения на русском языке [Энциклопедический 1904: 489–490].

Академия художеств

Высшее художественное учебное заведение дореволюционной России в Петербурге.

Была основана в 1757 г. В 1763 г. Академия получила статус Императорской. В 1918 г. Академия художеств была ликвидирована, но в 1921 г. воссоздана. В 1931 г. был создан Институт живописи, скульптуры и архитектуры (ныне — Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина).

В 1932 г. в Ленинграде создается Всероссийская академия художеств. В 1947 г. академия переводится в Москву и получает наименование Академия художеств СССР. С 1992 г. — Российская академия художеств.

Другие коллекции, переданные Академией художеств в МАЭ: № 4604. 1932 г. Средняя Азия. Белуджи.

Центральный Военно-морской музей (Санкт-Петербург)

Под этим названием существует с 1930 г. Ведет свою историю с 1709 г., когда в здании Адмиралтейства была сооружена Модельная камора (чертежная мастерская), которая с 1802 г. находилась в ведении Адмиралтейского департамента. В 1805–1827 гг. существовал Адмиралтейский Музеум с Модель-камерой, библиотекой и чертежной. Именно сюда поступали этнографические коллекции, привезенные первыми российскими кругосветными путешественниками. В 1827 г. Музеум был расформирован, причем Натуральный кабинет и редкости были переданы в Академию наук, а морские инструменты, медали, дубликаты моделей, портреты адмиралов, монеты, картины, часть орудий, одежда и изделия диких народов — в Морской корпус. В 1867 г. Морской музей и Модельная мастерская были воссозданы и поступили в ведение Морского технического комитета.

Подробнее историю ЦВММ см.: [Морской Музей 2000].

Другие коллекции, переданные МАЭ из Адмиралтейского музея:

№ 633. 1828 г. Северная Америка. Алеуты, тлинкиты.

№ 680. 1828 г. Япония.

№ 736. 1826 г. Океания.

№ 810. 1828 г. Курильские острова. Айны.

№ 887. 1828 г. Африка. Мадагаскар.

№ 2025. 1827 г. Южная Америка. Перу.

Из Центрального Военно-морского музея:

№ 4104. 1930 г. Северная Америка. Алеуты.

№ 4105. 1930 г. Северная Америка. Северо-западное побережье. Тлинкиты, хайда.

№ 4155. 1930 г. Северная Америка. Эскимосы или алеуты.

№ 4196. 1930 г. Северная Америка. Ирокезы ?

№ 4270. 1931 г. Северная Америка. Алеуты и западные эскимосы.

№ 4278. 1931 г. Индонезия.

№ 4300. 1931 г. Океания. Новая Гвинея.

№ 4301. 1931 г. Австралия. Австралийцы.

№ 4302. 1931 г. Океания. Гавайские острова.

- № 4303. 1931 г. Океания. Фиджи.
№ 4304. 1931 г. Океания. Самоа.
№ 4305. 1931 г. Океания. Острова Санта-Крус.
№ 4306. 1931 г. Океания. Остров Св. Матвея.
№ 4307. 1931 г. Океания. Соломоновы острова.
№ 4308. 1931 г. Океания. Новая Ирландия.
№ 4309. 1931 г. Океания. Новая Британия.
№ 4310. 1931 г. Океания. Остров Гервей.
№ 4311. 1931 г. Океания. Новая Каледония.
№ 4312. 1931 г. Океания. Остров Ротума.
№ 4313. 1931 г. Океания. Марианские острова.
№ 4314. 1931 г. Океания. Острова Гильберта.
№ 4315. 1931 г. Океания. Маршалловы острова.
№ 4316. 1931 г. Океания. Новые Гебриды.
№ 4317. 1931 г. Океания. Каролинские острова.
№ 4318. 1931 г. Океания. Полинезия.
№ 4319. 1931 г. Океания. Маркизские острова.
№ 4320. 1931 г. Океания. Новая Зеландия.
№ 4321. 1931 г. Океания. Острова Адмиралтейства.
№ 4570. 1932 г. Китай.
№ 4689. 1947 г. Восточная Африка. Ваньятуру и ваньямвези.
№ 4691. 1947 г. Западная Африка. Камерун.
№ 4692. 1947 г. Южная Африка. Банту.
№ 4704. 1946 г. Монголия.
№ 4745. 1947 г. Китай.
№ 4751. 1947 г. Япония.
№ 5132. 1932 г. Океания. Новая Гвинея. Антропология.
№ 5844. 1946 г. Сибирь.
№ 5845. 1946 г. Северная Америка. Индейцы пауни. Штат Небраска.
№ 6480. 1947 г. Океания. Самоа.

Берлинский Музей народоведения (Museum für Volkerkunde, Berlin)

Основан в 1873 г. Его первым директором был крупный немецкий ученый, путешественник и общественный деятель Адольф Бастиан (1826–1905). В 1895 г. в МАЭ поступила этнографическая

коллекция по различным азиатским народам, собранная Ф. Ягором. В 1899–1900 гг. МАЭ получил большие коллекции по народам Азии и Африки. Подробнее см.: [Кисляков 2001].

Жизни и деятельности А. Бастиана посвящена обширная литература [Adolf Bastian 2007]. На русском языке с его биографией можно ознакомиться в: [Бондаренко 2005].

Подробно история Берлинского Музея народоведения приводится в: [Baessler Archiv 1973].

В Берлинском Музее народоведения уже в начале 1880-х годов имелись экспонаты по филиппинским негрито [Baessler Archiv 1973: 329].

Другие коллекции, переданные Берлинским музеем в МАЭ:

№ 293. 1895 г. Индия, Индокитай, Китай, Япония (собиратель Ф. Ягор).

№ 602. 1900 г. Малайский архипелаг. О-в Тимор и другие острова.

№ 603. 1900 г. Молуккские острова.

№ 609. 1900 г. Цейлон.

№ 604. 1900 г. Северо-западная Индия, Бенгалия.

№ 606 1900 г. Малайский архипелаг. О-ва Ява, Флорес, Алор.

№ 608. 1900 г. Малайский архипелаг. Молуккские острова, Целебес.

№ 609. 1900 г. Цейлон.

№ 610. 1900 г. Малайский архипелаг. Целебес и соседние острова.

№ 612. 1900 г. Тибет.

№ 613. 1900 г. Ассам, Южная Индия.

№ 614. 1900 г. Южная Азия. Точные места не установлены.

№ 657. 1902 г. Африка. Западный Судан.

№ 658. 1902 г. Западная и Восточная Африка.

Список предметов из ранних филиппинских коллекций МАЭ

1. № 402. 1891 г. Дар. Филиппины. Миклухо-Маклай Николай Николаевич

402-184	Ложка деревянная
---------	------------------

2. № 3279. 1925 г. Передано из Отдела Океании. Филиппины, о. Лусон, негритосы. Миклухо-Маклай Николай Николаевич

3279-1	Гребень молодой девушки, бамбуковый
3279-2	Браслет из волос

3. № 222. 1893 г. Дар. Филиппины. Штакельберг Олаф Романович

222-5	Пи́ка почетная.
-------	-----------------

4. № 610. 1900 г. Обмен. Индонезия, Филиппины. Берлинский музей народоветедения

610-5 а, б	Трубка курительная металлическая с бамбуковым чубуком
610-6 а, б	Трубка курительная металлическая с бамбуковым чубуком

5. № 1189. 1907 г. Покупка. Филиппины. Мейер Ганс

1189-1	Циновка из листьев пандануса
1189-2	Циновка из листьев пандануса
1189-3	Циновка из листьев пандануса

6. № 1283. 1908 г. Покупка. Филиппины. Святловский Владимир Владимирович

1283-1	Шляпа из листьев пандануса
1283-2	Шляпа из листьев пандануса и пальмовых листьев
1283-3	Шляпа из листьев пандануса, соломы и пальмовых листьев
1283-4	Шляпа из листьев пандануса и соломы. Китайцы.
1283-5	Шляпа из листьев пандануса
1283-6	Шляпа из соломы
1283-7	Шляпа из соломы
1283-8	Шляпа из соломы
1283-9	Циновка из листьев пандануса
1283-10	Ткань прозрачная из растительных волокон

7. № 2316. 1915 г. Покупка. Филиппинские острова. Г-жа Тёрнбалл

2316-1 а, б	Меч с деревянной рукояткой и с деревянными ножами
2316-2 а, б	Нож железный с деревянными ножами
2316-3	Копье с деревянным древком и железным наконечником

2316-4	Копье с железным наконечником и деревянным древком
2316-5	Копье с металлическим наконечником и деревянным древком
2316-6	Наконечник копья металлический
2316-7	Копье с металлическим наконечником и деревянным древком. Это копье не является боевым оружием, а служит показателем высокого социального ранга его владельца
2316-8	Копье с металлическим наконечником и деревянным древком. Это копье не является боевым оружием, а служит показателем высокого социального ранга его владельца
2316-9	Копье с металлическим наконечником и деревянным древком. Это копье не является боевым оружием, а служит показателем высокого социального ранга его владельца
2316-10	Копье с металлическим наконечником и деревянным древком. Это копье не является боевым оружием, а служит показателем высокого социального ранга его владельца
2316-11	Копье с металлическим наконечником несколько иной формы, чем у предыдущих копий, и деревянным древком
2316-12	Копье с металлическим наконечником несколько иной формы, чем у предыдущих копий, и деревянным древком
2316-13	Копье с металлическим наконечником несколько иной формы, чем у предыдущих копий, и деревянным древком
2316-14	Копье с металлическим наконечником несколько иной формы, чем у предыдущих копий, и деревянным древком
2316-15	Копье с металлическим наконечником несколько иной формы, чем у предыдущих копий, и деревянным древком. Миниатюрный экземпляр
2316-16	Копье с металлическим сдвоенным наконечником и деревянным древком
2316-17	Копье военное с небольшим металлическим наконечником и деревянным древком
2316-18	Копье военное с металлическим наконечником (с тремя парами ответвлений) и деревянным древком
2316-19	Копье военное с металлическим наконечником (с двумя парами ответвлений) и деревянным древком
2316-20	Копье военное с металлическим наконечником (с шестью парами ответвлений) и деревянным древком
2316-21	Копье военное с бамбуковым наконечником и деревянным древком
2316-22	Копье военное с небольшим бамбуковым наконечником и деревянным древком

2316-23	Щит деревянный
2316-24	Корзина наспинная для несения голов врагов, плетенная из ротанга
2316-25	Корзина с крышкой наспинная для переноски еды, вещей и пр., плетенная из ротанга
2316-26	Набедренная повязка мужская домотканая
2316-27	Набедренная повязка мальчика или юноши домотканая, из покупной пряжи
2316-28	Юбка женская домотканая
2316-29	Набедренная повязка мальчика или юноши домотканая, из покупной пряжи
2316-30	Пояс на женскую юбку домотканый, из покупного хлопка
2316-31	Кромка на одеяло домотканая
2316-32	Кромка на одеяло домотканая
2316-33	Кромка на одеяло домотканая
2316-34	Набедренная повязка для мальчика или юноши
2316-35	Набедренная повязка для мальчика
2316-36	Чаша низкая круглая деревянная
2316-37	Чаша низкая круглая деревянная
2316-38	Чаша низкая круглая деревянная
2316-39	Чаша низкая круглая деревянная
2316-40	Чаша низкая круглая деревянная
2316-41	Чаша низкая круглая деревянная
2316-42	Чаша низкая круглая деревянная
2316-43	Чаша низкая круглая деревянная
2316-44	Чаша низкая круглая деревянная
2316-45	Чаша низкая круглая деревянная
2316-46	Чаша низкая круглая деревянная
2316-47	Чаша в форме вытянутого овала деревянная
2316-48	Чаша-шляпа в форме вытянутого овала тонкостенная деревянная
2316-49	Черпак-ковш деревянный
2316-50	Ковш неглубокий деревянный
2316-51	Ковш (большая ложка). Ручка вырезана в форме обнаженной мужской фигуры. Виргинский дуб
2316-52	Ложка с ручкой в форме мужской фигуры. Лимонное дерево
2316-53	Ложка с ручкой в форме двух совокупающихся фигурок мужчины и женщины. Лимонное дерево

2316-54	Ложка с ручкой в форме стоящей обнаженной женщины. Виргинский дуб
2316-55	Ложка с ручкой в форме стоящей обнаженной женщины. Виргинский дуб
2316-56	Ложка с ручкой в форме стоящей обнаженной женщины. Лимонное дерево
2316-57	Ложка с ручкой в форме стоящей обнаженной женщины. Лимонное дерево
2316-58	Ложка с ручкой в форме стоящей обнаженной женщины. Лимонное дерево
2316-59	Ложка с ручкой в форме стоящей обнаженной женщины. Лимонное дерево
2316-60	Ложка с ручкой в форме стоящей обнаженной женщины. Лимонное дерево
2316-61	Ложка с ручкой в форме стоящего обнаженного мужчины. Лимонное дерево
2316-62	Ложка с ручкой в форме стоящей обнаженной фигуры. Тяжелое дерево
2316-63	Ложка из тяжелого дерева. На конце ручки условный головной убор
2316-64	Ложка из виргинского дуба. На конце цилиндрической ручки условный головной убор
2316-65	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая
2316-66	Ложка из тяжелого дерева. Ручка цилиндрическая без орнамента
2316-67	Ложка из тяжелого дерева. Ручка цилиндрическая
2316-68	Ложка из тяжелого дерева. Ручка цилиндрическая
2316-69	Ложка из тяжелого дерева. Ручка цилиндрическая
2316-70	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая
2316-71	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая
2316-72	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая
2316-73	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая
2316-74	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая
2316-75	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая
2316-76	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая
2316-77	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая
2316-78	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая, Вместе с ложкой составляет угол почти в 90 градусов
2316-79	Ложка из виргинского дуба. Ручка цилиндрическая
2316-80	Ложка из виргинского дуба. Ручка почти плоская

8. № 4278. 1930 г. Передача. Индонезия, Филиппины. Центральный Военно-морской музей

4278-8	Копье со стальным наконечником. Манила ?
--------	--

9. № 4391. 1931 г. Передача. Филиппины. Академия художеств

4391-1	Плуг деревянный с железным лемехом
4391-2	Ярмо для буйвола деревянное
4391-3	Ярмо для буйвола деревянное
4391-4	Шляпа, плетенная из ротанга
4391-5	Шляпа, плетенная из коры пальмы
4391-6	Костюм рыбака из волосяного покрова пальмы
4391-7 а, б	Коробка, плетенная из ротанга
4391-8 а, б, в	Сосуд для хранения специй, плетенный из ротанга. Футляр, плетенный из растительных волокон
4391-9 а, б	Смычковый музыкальный инструмент из дерева. Смычок бамбуковый. Струны из конского волоса

10. № 4409. Безномерные вещи, обнаруженные при переучете в 1930 г. Индонезия, Филиппины

4409-5 а, б	Нож охотничий с деревянной рукояткой. Ножны деревянные
-------------	--

11. № 4609. 1937 г. Передана из отдела Африки. Филиппины. Густав Вольф от Адольфа Вурмана (Гамбург)

4609-2	Ложка бронзовая. Ифугао
--------	-------------------------

12. № 5046. 1933 г. Передача. Филиппины. Центральный Военно-морской музей

5045-1	Стрела. Отсутствует
5046-2	Древко стрелы без наконечника. Тростник
5046-3	Древко стрелы без наконечника. Тростник
5046-4	Древко стрелы без наконечника. Тростник
5046-5	Стрела из тростника со стальным наконечником
5046-6	Стрела из тростника с железным наконечником
5046-7	Стрела из тростника со стальным наконечником
5046-8	Стрела из тростника со стальным наконечником
5046-9	Стрела из тростника со стальным наконечником

5046-10	Стрела из тростника со стальным наконечником
5046-11	Стрела из тростника со стальным наконечником
5046-12	Стрела для ловли рыбы
5046-13	Стрела для ловли рыбы
5046-14	Стрела для ловли рыбы
5046-15	Стрела для ловли рыбы
5046-16	Стрела для ловли рыбы
5046-17	Стрела для ловли рыбы
5046-8	Древко стрелы из тростника
5046-19	Древко стрелы из тростника
5046-20	Стрела для тренировок с обломанным наконечником
5046-21	Стрела для тренировок с обломанным наконечником
5046-22	Наконечник стрелы для охоты на крупных птиц. Пять железных кованых перьев
5046-23	Заготовка для наконечника стрелы для охоты на крупных птиц. Шесть перьев из кованого железа.
5046-24	Заготовка для наконечника стрелы для охоты на крупных птиц. Четыре пера из кованого железа.
5046-25	Кувшин для воды из тыквы
5046-26	Тыква (возможно, игрушка)

13. № 5688. 1938 г. Командировка. Филиппины. О-в Лусон. Горная провинция. Ифугао. Бартон Рой Фрэнклин

5688-1	Сосуд для собирания улиток, съедобных насекомых и пр. Тыква
5688-2	Сосуд для собирания улиток, съедобных насекомых и пр. Тыква
5688-3	Сосуд для собирания улиток, съедобных насекомых и пр. Тыква
5688-4	«Изящная кобылка». Съедобное насекомое
5688-5	«Короткоспинный кузнечик». Съедобное насекомое
5688-6	«Молодой короткоспинный кузнечик». Съедобное насекомое
5688-7	«Кузнечик остроголовый». Съедобное насекомое
5688-8	«Кузнечик листообразный». Съедобное насекомое
5688-9	«Щелкун» (жук). Съедобное насекомое
5688-10	«Хрущик» (? не определен). Съедобное насекомое
5688-11	«Хрущ». Съедобное насекомое
5688-12	«Цветочный хрущик». Съедобное насекомое

5688-13	Термит. Исключен
5688-14	Гнездо муравьев. Съедобный предмет
5688-15	Муравьи. Съедобные насекомые
5688-15 а	Муравей. Съедобное насекомое
5688-16 а, б	Осиное гнездо и оса
5688-17	Соты пчелиные. Мед употребляют в пищу
5688-18 (35)	Раковины съедобных улиток
5688-19	Силок для ловли птиц. Ветка, веревка
5688-20	Силок для ловли птиц. Ветка, веревка
5688-21 а, б	Нож железный. Ножны деревянные
5688-22	Ножны деревянные
5688-23	Корень ядовитого растения, которое служит для травли рыбы
5688-24	Корзинка для кур, плетенная из ротанга. Используется во время жертвоприношений свиней или кур
5688-25 а, б	Орудие земледельческое. Палка для делания лунок в земле при посадке суходольного риса. Дерево, бамбук. Изготовлена в мастерских МАЭ по указаниям Р.Ф. Бартона.
5688-26	Трещотка ритуальная. Бамбук
5688-27	Трещотка ритуальная. Бамбук
5688-28	Копалка. Отсутствует
5688-29	Копалка с металлическим лезвием и деревянной рукояткой
5688-30	Орех арековой пальмы в мягкой скорлупе (для жевания бетеля)
5688-31	Орех арековой пальмы в мягкой скорлупе (для жевания бетеля)
5688-32	Орех арековой пальмы в мягкой скорлупе (для жевания бетеля)
5688-33	Орех арековой пальмы в мягкой скорлупе (для жевания бетеля)
5688-34	Орех арековой пальмы в мягкой скорлупе (для жевания бетеля)
5688-35	Орех арековой пальмы в мягкой скорлупе (для жевания бетеля)
5688-36	Орех арековой пальмы в мягкой скорлупе (для жевания бетеля)
5688-37	Орех арековой пальмы в мягкой скорлупе (для жевания бетеля)

5688-38	Орех арековой пальмы без скорлупы (для жевания бетеля)
5688-39	Ядро ореха арековой пальмы без скорлупы и волокон
5688-40	Ядро ореха арековой пальмы без скорлупы и волокон
5688-41	Ядро ореха арековой пальмы без скорлупы и волокон
5688-42	Кусок ядра ореха арековой пальмы
5688-43	Кусок ядра ореха арековой пальмы
5688-44	Кусок ядра ореха арековой пальмы
5688-45	Сосуд с пробкой для хранения извести при жевании бетеля. Бамбуковая основа с натянутой кожей оленя
5688-46 а, б	Сосуд с пробкой для хранения извести при жевании бетеля. Трубка бамбуковая. Пробка деревянная
5688-47 а, б	Сосуд с пробкой для хранения извести при жевании бетеля. Трубка бамбуковая. Пробка деревянная
5688-48	Трубка бамбуковая для хранения извести. Работа не закончена
5688-49	Трубка для курения табака. Желтая медь
5688-50	Молоток каменный без рукоятки
5688-51	Молоток каменный (диорит) с рукояткой из ствола ротанга
5688-52 а, б	Нож женский железный с бамбуковыми ножами
5688-53	Корень растения, из которого добывают краску
5688-54	Плоды растения, из которого делают бусы
5688-55	Ветки и листья дерева семейства фикусов. Листья используются для шлифовки
5688-56	Пучок травы, которая используется для плетения
5688-57	Веретено деревянное
5688-58	Щипчики для выдергивания волос на лице и на теле, железные
5688-59	Щипчики для выдергивания волос на лице и на теле. Две бамбуковые лопаточки
5688-60	Лопаточка бамбуковая. Она служит подставкой при выдергивании волос
5688-61	Браслет-амулет из медной проволоки. Его носят женщины на руке
5688-62	Браслет из расщепленного ротанга. Его носят мужчины и женщины на предплечье в знак траура
5688-63	Браслет из расщепленного ротанга. Его носят мужчины и женщины на предплечье в знак траура

5688-65	Жилой дом ифугао. Модель
5688-66	Метеорит — амулет для умножения урожая риса
5688-66	Метеорит — амулет для умножения урожая риса
5688-67	Сверток из листа кокосовой пальмы. В него заворачивают рис, ножи, листочки. Считается, что он обладает магической силой
5688-68	Связка листьев пальмы. Талисман
5688-69	Палочка магическая. Используется при гадании
5688-70	Головной убор из связок травы, используемый при охоте за головами
5688-71	Головной убор из связок травы, используемый при охоте за головами. Не обнаружен
5688-72	Набедренная повязка из растительных волокон. Используется как головной убор при охоте за головами
5688-73	Ожерелье (дерево или бамбук). Носится после охоты за головами
5688-74	«Петушинный хвост». Связки пальмовых листьев вокруг деревянной доски. Этот наряд носят на поясице во время исполнения обрядовых танцев
5688-75	Сосуд бамбуковый для хранения обломков зерен риса после молотбы. Эти зерна съедают куры.
5688-76	Палочки счетные деревянные. Четыре связки
5688-77	Палочки счетные деревянные. Пачка
5688-78	«Деньга». Кольцо из полосок расщепленного ротанга. Сверток служит денежной единицей равной одному сентаво
5688-79	Варган. Не обнаружен
5688-80	Ваза деревянная резная
5688-81	Шкурка птицы-вещуни. Отсутствует

Литература

Бондаренко 2005 — Бондаренко Д.М. Бастиан Адольф // Большая Российская Энциклопедия. Т. 3. Банкетная компания 1904 г. — Большой Иргиз. М., 2005. С. 94–95.

Кисляков 2001 — Кисляков В.Н. Первые международные контакты МАЭ (индонезийские коллекции из Берлинского этнографического музея) // Маклаевские чтения (1998–2000). Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия: народы, культура, история. Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 124–126.

Кисляков 2005 — Кисляков В.Н. Российские морские офицеры — собиратели коллекций МАЭ (Китай, Корея, Япония) // Кюнеровские чтения (2001–2004). Краткое содержание докладов. СПб., 2005. С. 75–82.

Миклухо-Маклай 1999 — Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений в шести томах. М., 1999. Т. 6. Ч. 1. Этнографические коллекции. Рисунки. С. 553–673.

Морской Музей 2000 — Морской музей России. Центральный Военно-морской музей. СПб., 2000.

Мухлинов 1977 — Мухлинов А.И. Одежда народов Вьетнама и Лаоса // Одежда народов Зарубежной Азии. Л. 1977. С. 80–110. (Сб. МАЭ. Т. XXXII).

Общий морской 1900 — Общий морской список. Т. XII. Царствование Николая I. СПб., 1900.

Путилов 1981 — Путилов Б.Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М.: Наука, 1981.

Розина 1974 — Розина Л.Г. В.В. Святловский — собиратель коллекций по Океании // Культура народов Австралии и Океании. Л., 1974. С. 127–139. (Сб. МАЭ. Т. XXX).

Станюкович 1979 — Станюкович М.В. Необычная биография (Рой Фрэнклин Бартон) (1883–1947) // Советская этнография. 1979. № 1. С. 76–83.

Станюкович 2002 — Станюкович М.В. Музыкальные инструменты ифугао (Филиппины) из собрания МАЭ РАН // Музыка Кунсткамеры. СПб., 2002. С. 167–175.

Станюкович 2007 — Станюкович М.В. Новые поступления по Филиппинам: критерии сбора и состав коллекций № 7161 и 7315 // Культура и быт австронезийских народов (история коллекций и их собирателей). СПб., 2007. С. 237–298. (Сб. МАЭ. Т. LIII).

Станюкович 2009 — Станюкович М.В. Цена музейного предмета. Полевая работа и сбор коллекций на Филиппинах // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году. СПб., 2009. С. 187–193.

Тихонов 1966 — Тихонов Д.И. Жилище и типы сельских поселений на Филиппинах // Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов. М.; Л., 1966. С. 222–223. (Сб. МАЭ. Т. XXXIII).

Тихонов 1969 — Тихонов Д.И. Земледельческие орудия и культура земледелия у горных народов Лусона // Культура народов Зарубежной Азии и Океании. Л., 1969. С. 304–316. (Сб. МАЭ. Т. XXXV).

Человек 1982 — Человек с Луны. Дневники, письма, статьи Миклухо-Маклая / Сост., коммент. и послесловие Б.Н. Путилова М.: Молодая гвардия, 1982. 336 с.

Энциклопедический 1896 — Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XVII-А. Малолетство–Мейшагола. СПб., 1896.

Энциклопедический 1904 — Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XLI. Эрдан–Яйценошение. СПб., 1904.

Adolf Bastian 2007 — Adolf Bastian and His Universal Archive of Humanity. The Origins of German Anthropology / Ed. Manuela Fischer, Peter Bolz and Susan Kamel. Hildesheim; Zurich; New York, 2007.

Baessler Archiv 1973 — Baessler Archiv. Beiträge zur Völkerkunde. Neue Folge. Band XXI (XLVI Band). 100 Jahre Museum für Völkerkunde Berlin / Hg. K. Krieger und G. Koch. Berlin, 1973.

Putilov 1982 — Putilov B.N. Nikolai Miklouho-Maclay. M.: Progress, 1982.

Stanyukovich 2004 — Stanyukovich M.V. R.F. Barton, an outstanding American anthropologist, as a Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Leningrad, 1930–1940 // Russian–American Links: 300 Years of Cooperation. СПб., 2004. P. 34–49.

Ю. С. Рутенко

**М. Т. ТИХАНОВ (1789(?)-1862) —
ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЖИВОПИСЕЦ,
ПОБЫВАВШИЙ НА ФИЛИППИНАХ**

Интересы хозяйственного освоения и использования огромных естественных богатств северной части Тихого океана, развития промыслов, мореплавания требовали всестороннего и детального изучения тихоокеанских островов, подробного их географического описания и картирования, изучения навигационных и гидрологических условий плаваний. Работы по составлению новых и уточнению существовавших карт проводились и во время кругосветных путешествий русских моряков в начале XIX в.

Среди важных задач участников экспедиций было собирать материалы по географии, этнографии, лингвистике, знакомиться с местными народами, условиями их жизни, быта, обычаями, хозяйственной деятельностью. В то время когда фотографии еще не существовало, зарисовки художников были единственным средством фиксации путевых впечатлений и научных наблюдений, которые не могли быть описаны в дневниках и записках путешественников. Этим и объясняется включение художников в состав морских экспедиций (в кругосветных путешествиях того времени участвовали художники С.С. Курляндцев, М. Тиханов, П.Н. Михайлов, Е.М. Корнеев).

В 1817 г. была собрана кругосветная экспедиция во главе с капитаном Василием Михайловичем Головинным. Целью было посетить русские колонии в Америке и подробнее изучить северную часть Тихого океана. Как и во все подобные экспедиции, в ее состав был включен художник. «Чтобы документально и ярко запечатлеть жизнь народов, с которыми предстояло познакомиться русским мореплавателям, в экипаж шлюпа был зачислен художник Михаил Тиханов» [Головин 1965: 9]. Фотография в то время еще и не начинала развиваться, а для изучения жизни и быта ино-

земных племен, что входило в задачи экспедиции, были необходимы иллюстрации. А.А. Федоров-Давыдов, доктор искусствоведения, выдающийся ученый, пишет о той поре: «...продолжалась практика прикомандирования художников к разного рода экспедициям. При этом все чаще теперь вместо ремесленных рисовальщиков посылают квалифицированных художников, главным образом из числа оканчивающих Академию художеств» [Федоров-Давыдов 1953: 219].

Художников для этих целей должна была поставлять Академия художеств — лучшее художественно-образовательное учреждение, которое пользовалось уважением правительства. Тиханов был не первым художником, участвовавшим в кругосветном путешествии. «Так, если с Сарычевым в его плавание ездили еще неизвестные рисовальщики, то в 1803 году в кругосветное плавание Крузенштерна намеревались послать академика В. Причетникова и “назначенного” С. Курляндцева» [Федоров-Давыдов 1953: 220]. Пенсионер Академии Е.М. Корнеев в 1802–1805 гг. путешествовал по России с генералом Спренгпортенем, затем с Татищевым по Греции и Италии, а в 1819 г. принял участие в кругосветном путешествии капитана Васильева. Академик П.Н. Михайлов ходил в кругосветное плавание с Беллинсгаузеном и Лазаревым в 1819–1821 гг. Художники участвовали практически в каждой крупной экспедиции.

В 1817 г. в состав экспедиции В.М. Головнина в Восточный океан включается только что закончивший Академию художник М. Тиханов, для того чтобы «она в рассуждении ожидаемой от нее для наук и художеств пользы ни в чем не уступала другим сего рода экспедициям, отправленным прочими европейскими державами» [Головнин 1965: 27]. В.М. Головнин пишет в предисловии к книге «Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе “Камчатка” в 1817, 1818, и 1819 годах флота капитаном Головниным»: «Сверх морских чиновников старанием г-на президента Академии художеств* определен на шлюп молодой, но искусный живописец г-н Тиханов [Головнин 1965: 26]. В сноске В.М. Головнин добавляет: «*Тайный советник Алексей Николаевич Оленин». Именно благодаря Оленину Тиханов поехал в кругосветное путешествие. А.А. Федоров-Давыдов пишет

об этом: «Когда в 1817 г. всех оставленных при Академии решено было распустить, Оленин устроил Тиханова художником в экспедицию капитана Головнина, отправляющуюся в Восточный океан» [Федоров-Давыдов 1953: 220]. При этом президент Академии Оленин снабжает Тиханова специальной инструкцией, представляющей интерес с точки зрения того, какие требования предъявлялись к художнику-участнику экспедиции.

Михаил Тиханов обучался в Академии одиннадцать лет, до своего своего отъезда в кругосветное путешествие, и с уважением относился к своему учебному заведению. Его жизнь, как и многих других художников, была нелегка, но он выполнял все указания, данные ему Советом Академии художеств перед отправлением в путь.

За время путешествия шлюп «Камчатка» посетил множество портов Атлантического и Тихого океанов. 26 августа 1817 г. шлюп вышел из Кронштадта, а 5 сентября 1819 г. вошел в Кронштадтский порт. На Филиппинах он провел 35 дней, 20 из которых находился в порту Кавите, где занимались починкой и приведением корабля в порядок после длительного плавания. Головнин пишет, что в свободное от службы время он часто ездил в Манилу и Кавите, чтобы делать заметки о такой необычной стране.

Художник должен был запечатлевать необычные народы Океании и иллюстрировать весь путь шлюпа, но болезнь не позволила ему продолжить работу. Поэтому имеющиеся в нашем распоряжении акварели прерываются на Филиппинских островах.

Биография Михаила Тиханова

К сожалению, до наших дней дошло совсем немного сведений о судьбе Михаила Тиханова. Его жизнь до путешествия на шлюпе «Камчатка» мало интересовала историков и искусствоведов вплоть до современности. Лишь в 70-х годах XX в. Л. А. Шур напишет статью о творчестве художника, содержащую также его наиболее полную биографию из ныне существующих [Шур 1974].

Точный год рождения Михаила Тиханова не указан ни в одном из сохранившихся документов. Его биография начинается с 1806 г., когда князь Голицын обратился к Совету Академии ху-

дожеств с просьбой принять своего крепостного. В том же году Тиханова, 17-летнего юношу, приняли в Академию в качестве вольного пенсионера.

Здесь Тиханов учился 9 лет (1806–1815), по окончании академического курса был оставлен при Академии на казенном содержании для совершенствования. Он учился по классу исторической живописи у В.К. Шебуева. Его соучениками были Сильвестр Щедрин, Василий Сазонов и др.

Патриотический настрой, царивший во время и после войны 1812 г., побуждал и учеников Академии художеств создавать произведения, посвященные подвигам народа. Тиханов и Сазонов впервые стали известны благодаря картинам, написанным в 1813 г. по программе В.К. Шебуева, предлагавшей «Изобразить <...> русских граждан, которые, быв расстреливаемы в Москве, с твердым и благочестивым духом шли на смерть, не соглашаясь исполнить повеление Наполеоново» [Федоров-Давыдов 1953: 323]. Это были первые созданные в стенах Академии художеств исторические полотна, посвященные современности и отражавшие события Отечественной войны. Картины были отмечены высшими наградами: большую золотую медаль получил Сазонов, малую — Тиханов. Но медаль не была вручена Тиханову за неимением вольности.

Обе картины сохранились, долгое время шли споры об их авторстве, так как на обеих стоит подпись В.К. Шебуева. И лишь недавно искусствоведы установили, какая из картин принадлежит кисти М. Тиханова («Расстрел французами русских патриотов в Москве в 1812 году». Х., м. 1813. Третьяковская галерея), а какая — В. Сазонова («Расстрел французами русских патриотов в Москве в 1812 году». Х., м. 1813. Русский музей) [Целищева 1989: 38].

Произведений Тиханова, принадлежащих этому периоду, больше не сохранилось, хотя за годы обучения в Академии художеств он должен был написать немало работ. Так, имеются сведения еще об одной картине художника — «Ангелы, держащие образ Божьей матери», но и ее судьба неизвестна.

Незадолго до окончания курса Тиханов получил от князя М.Н. Голицына «вольность» и подал ее в Совет Академии. Для

ставшего свободным художника становится возможным получить по окончании Академии художеств аттестат и остаться при Академии для усовершенствования способностей. После получения вольной ему было дано звание художника и чин 14-го класса. Еще два года (1815–1817) Тиханов проводит в Академии. И вновь нет ни одной сохранившейся работы художника этого периода, отсутствуют и другие сведения о нем.

В 1817 г. А.Н. Оленин, новый президент Академии (1817–1843), порекомендовал М. Тиханова в качестве художника капитану В.М. Головнину, отправлявшемуся в кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка». «Во всех подобных путешествиях такой человек весьма нужен, ибо много есть вещей в отдаленных частях света, которых образцов невозможно привезти и самое подробное описание коих не в состоянии сообщить об них надлежащего понятия; в таком случае одна живопись может несколько заменить сии недостатки», — писал Головнин в своей книге о путешествии [Головнин 1965: 26].

На Филиппинах были сделаны последние рисунки Тиханова. Летом 1819 г. художник потерял рассудок. А.Н. Оленин писал об этом князю А.Н. Голицыну, министру духовных дел и народного просвещения: «...на возвратном пути в Россию в июне месяце на островах Азорских он начал более обыкновенного предаваться задумчивости, потом чрез несколько дней впал в ипохондрию и, наконец, имел несчастье совсем лишиться ума, и в сем положении привезен в Кронштадт» [Шур 1974: 175].

Некоторое время Тиханов провел в лазарете Академии художеств, где ему стало лучше. Тогда он принялся работать над рисунками из путешествия. К несчастью, вскоре Тиханову вновь стало хуже, и врач Академии посоветовал поместить художника в городскую психиатрическую больницу, где он находился до начала 1822 г.

В архиве Академии художеств находится переписка о болезни Тиханова. В ней можно найти сведения о том, что вдова Марья Чистякова пыталась забрать художника на свое попечение. Оленин не позволил Чистяковой забрать Тиханова из больницы, он писал: «Сия женщина уже давно имеет замысел соединить браком дочь свою с больным Тихановым...», — полагая, что целью

Чистяковой является капитал художника [Шур 1974: 176]. В февралю 1822 г. его отдали на попечение товарища художника И.В. Лучанинова, а после его смерти — А.И. Лучаниновой. В то же время М. Тиханову правительством была назначена пенсия в 600 рублей годовых. Художник умер 6 октября 1862 г. Болезнь так и не отпустила его. Акварели из кругосветного путешествия на шлюпе Головнина не были опубликованы при жизни художника. На небольшие сбережения, оставшиеся после смерти Тиханова, в Академии художеств была учреждена стипендия его имени.

Такая необычная судьба постигла Михаила Тиханова. Он был не единственным художником среди участвовавших как в различных морских и сухопутных экспедициях, так и кругосветных путешествиях, но, по словам Федорова-Давыдова, его письмо отличалось романтичностью: «Они (элементы романтики. — Ю.Р.) присущи и изображению экзотической природы в рисунках Тиханова <...> своеобразно сочетаясь с необычайно тщательным и даже дробным документирующим изображением. Таковы, например, “Водопад в Рио-де-Жанейро” Тиханова <...> Если тщательность диктовалась самой задачей, то романтика отражала веяния времени» [Федоров-Давыдов 1953: 226–227].

Творчество Михаила Тиханова

К сожалению, существует лишь одна картина Михаила Тиханова, по которой можно судить о его творчестве до кругосветного путешествия. После плавания же трагическая судьба не позволила талантливому художнику создать новые произведения. Акварели из плавания представляют большую художественную и научную ценность.

С первых дней путешествия Тиханов начал работать, тщательно выполняя полученную инструкцию. Капитан «Камчатки» был очень доволен корабельным художником.

Из Петропавловска 11 июня 1818 г. Тиханов написал А.Н. Оленину. Это единственное его письмо, дошедшее до нас: несколько листков, заполненных аккуратным писарским почерком и подпись — автограф художника [ААХ. Оп. 20. Д. 28. 1818 г.]. Тиханов спешит сообщить президенту Академии художеств, что он строго выполняет данную ему инструкцию: «Долгом считая ис-

полнять данную Вами мне инструкцию, я со всевозможным усердием упражняюсь в рисовании предметов, предписанных Вами, наблюдая с точностью характерические черты лиц разных народов, не опуская ни малейшей подробности и в одеянии их; также рисую птиц, рыб, отдаленные острова, изящные местоположения, значительные здания и бедные хижинки; все, что природа производит странного и красивого, стараюсь изображать в точном ее виде, и никак не смею украшать оную малым воображением своим, которого натура малейшую часть мне отделила; едва ли поэт может написать совершенство красот ее! А мне лишь должно замечать, удивляться и сколько можно подражать ей» [Шур 1974: 169]. Далее Тиханов благодарит Оленина за предоставленную ему возможность повидать мир: «...Вы открыли случай видеть мне Англию, Бразилию и Перу, но прошу Вас не требуйте от меня журнала или моих замечаний — Вам известно мое воспитание! Мой журнал — природа, а для познания моего есть книги великих людей, из которых иногда (во время волнения морских вод) почерпаю себе полезное...» [Шур 1974: 169].

«Путевым журналом» Тиханова стали его рисунки. Существует 44 рисунка, отражающих почти все этапы плавания. Они неравномерно распределены по отдельным районам путешествия: Бразилии посвящены 2 рисунка, Перу — 4, Аляске, Алеутским о-вам — 20, Калифорнии — 5, Гавайским о-вам — 4, островам Океании — 5, Филиппинам — 3. Один рисунок изображает альбатроса, пойманного у мыса Горн.

В статье, посвященной Тиханову, Л.А. Шур пишет, что это не все, существовали и другие зарисовки. Но они не дошли до нас. Сравнив «роспись рисункам», которые должны были быть изданы как приложение к описанию путешествия В.М. Головнина, с сохранившимися рисунками Тиханова, мы установили, что в нашем распоряжении нет следующих акварелей Тиханова: «Деревянный собор в Лиме», «Крепость Ново-Архангельская», «Индийцы Нового Альбиона, играющие в народную свою игру», «Вид города Манилы», «Вид города Вилла де Горта на острове Фаяле». Вероятно, пропали и некоторые другие рисунки, так как, несомненно, зарисовки делались начиная с первых дней плавания.

Сохранившиеся рисунки Тиханова хронологически начинаются с Бразилии. В Рио-де-Жанейро художник пробыл почти три недели, и красочная природа тропиков произвела на него, как и на других русских путешественников, большое впечатление. Удивление и восторг перед экзотической природой Нового Света явно чувствуются в акварели Тиханова «Водопад, находящийся в 20 верстах от Рио-Жанейро». Художник стремился создать драматизированный, романтический образ природы. Зарисовка «Водопад», где художник сумел передать величественную красоту дикой природы, показывает, что он не был чужд влиянию романтизма, которое чувствуется и в характере изображения экзотического пейзажа тропиков. Но влияние романтизма не вступает в противоречие с правдивостью, с какой он старался запечатлеть все то новое, что предстало перед его глазами. В частности, одно из проявлений реалистической тенденции — стремление художника к оживлению пейзажных изображений жанрово-бытовыми мотивами, характерное вообще для русской живописи первой трети XIX в. На рисунке «Водопад» художник поместил фигуры офицеров «Камчатки», а в левом углу изобразил самого себя.

В Бразилии, вероятно, были созданы сделанные на одном листе рисунки летучей рыбы и моллюсков. Тиханов побывал в Кальяо и Лиме, много рисовал. К сожалению, зарисовки зданий в Лиме, о которых писал Головнин, не сохранились. Известно лишь название одного из них — «Деревянный собор в Лиме». В феврале 1818 г. «Камчатка» пришла в Перу. Эта страна представлена в рисунках художника четырьмя работами — портретом «Потомок перуанских инков, ныне находящийся в Лиме слугою у одного испанца, называемый Петром» (анфас и в профиль) и двумя жанровыми сценами — «Перуанская дама» и «Перуанская дама с кавалером, купавшая[ся] на целительных водах у порта Каллао». «Перуанская дама» и «Перуанская дама с кавалером» — удачные зарисовки быта и нравов жителей Перу.

Следующим этапом пути «Камчатки» был Петропавловск, но, к сожалению, в зарисовках Тиханова он не отражен. Из Петропавловска В.М. Головнин направился вдоль Алеутских островов к острову Кадьяк, а затем в центр Русской Америки — г. Новоархангельск (ныне г. Ситка), расположенный на острове Баранова.

Пребывание в русской Америке нашло широкое отражение в рисунках Тиханова. Большая часть их — портреты жителей Алеутских островов, Кадьяка, острова Ситка и некоторых районов Аляски. Согласно инструкции, все аборигены изображены художником анфас и в профиль. Тщательно выписаны одежда, украшения, оружие и т.п. Таким образом, эти акварели — прекрасный этнографический источник. Несколько рисунков посвящено алеутам — «Алеут на промысле», «Алеуты в нарядных платьях показывают примерно, как они бывают на промысле» и др. Привлекают внимание многочисленные изображения индейцев колошей: «Семейство колошей с острова Ситхи», «С острова Ситхи колошинский тайон, по имени Котлеан со своею женою» и др.

В Новоархангельске в 1818 г. Тиханов написал портрет А.А. Баранова (1746–1819), бывшего в течение многих лет главным правителем Российско-Американской компании в Америке. Баранов основал поселения на побережье Северо-Западной Америки и островах Тихого океана, проводил поиски полезных ископаемых и налаживал их разработку, установил торговые связи с Испанской Калифорнией и другими странами. А.А. Баранов умер в апреле 1819 г., вскоре после того, как Тихановым был написан его портрет. Никаких сведений о других портретах Баранова нет. Все это дает основание с уверенностью предположить, что единственное известное ныне изображение А.А. Баранова принадлежит кисти Тиханова.

Из Новоархангельска «Камчатка» направилась в Калифорнию и посетила Монтерей и залив Румянцева (Бодега). Этому району посвящены пять рисунков Тиханова — жанровые зарисовки быта индейцев и портретные работы. Ф.Ф. Матюшкин, наблюдавший за работой Тиханова на берегу залива Румянцева, записал в дневнике, что художник, «будучи окружен дикими, играл с ними, смеялся и рисовал. Всего более забавляло их, когда они видели кого-нибудь из себя на бумаге. Михайло Тихонович, рисуя многое им в угоду, сделал между прочим две картины: одна представляет, как в хижине из прутьев и камыша лежит их начальник при смерти. Жена его в слезах, несколько человек окружают ложе его и один с пучком перьев, исполняющий, кажется, как должность лекаря (потому что перетягивал живот больного ремнями), так

и должность жреца, ворожил над больным. Другая — представляет женщину, приготавливающую пищу» [Матюшкин 1971: 341].

Из зарисовок индейцев Калифорнии выделяется портрет женщины с корзиной в руках. Доверчивость, прямодушие и привлекательность отразил художник в своей акварели. Для этих рисунков характерно сочетание этнографической точности облика и отчетливо выраженной образности характеристик. Художник видит в представителях «разноплеменных народов» живых людей с присущей им внутренней жизнью и человеческими качествами.

Из Калифорнии «Камчатка» отправилась на Гавайские (Сандвичевы) острова. Среди зарисовок, сделанных здесь, надо отметить портреты короля Тамеамеа, а также портрет девушки с Сандвичевых островов, изумительный по своей цветовой гамме.

Дальнейший путь шлюпа лежал к Марианским островам, а оттуда в Манилу. Во время стоянки у острова Гуахана (Гуам) и в Маниле Тиханов много работал. Особенно интересна акварель, которую художник назвал «Индеец в Маниле сорвал с г-на Тиханова шляпу подле китайских лавок и ушел». Это жанровая сцена, дающая представление о быте разных социальных слоев главного города Филиппинских островов. Но самое интересное, пожалуй, в акварели — фигура самого художника в центре картины. Это единственное известное нам изображение Тиханова, так как портрета его не сохранилось, а изображение художника на другой акварели («Водопад») слишком мелкое, чтобы можно было представить себе его облик. В.М. Головнин также упоминает о поездке Тиханова и нескольких офицеров к озеру, находящемуся в 12 часах езды на лодке от Манилы. Этим озером может быть только озеро Бай, но, по-видимому, зарисовок этой местности не сохранилось.

На Филиппинах «журнал» Тиханова обрывается.

Все акварели из путешествия хранятся в архиве Академии художеств. Поскольку картины имеют большую научную и культурную ценность, сразу после возвращения В.М. Головнин передал их А.Н. Оленину.

В 1821 г. В.М. Головнин закончил работать над своими записками из путешествия и представил рукопись к печати. Было ре-

шено печатать их за счет Адмиралтейского департамента. Рисунки Тиханова, естественно, должны были быть изданы одновременно с описанием плавания, и поэтому Головнин через начальника Морского штаба обращается в Академию художеств с просьбой передать ему их «для отбора некоторых и для гравирования», так как «печатание <...> путешествия, к которому оные принадлежат, приближается уже к концу» [Шур 1974: 177].

Очевидно, в мае-июне 1822 г. рисунки были переданы Головнину. Вероятно, при этом в Академии без участия художника был составлен их список — «Опись картинам, принадлежащим к путешествию флота капитан-командора В.М. Головнина» [Шур 1974: 178–179]. О том, что этот список побывал в руках Головнина, свидетельствует карандашная надпись на первом листе: «Василий Михайлович». Головнин отметил те рисунки Тиханова, которые он не считал нужным гравировать. Таких рисунков было 15 (из 43). Любопытно, что на рисунке «Водопад, находящийся в 20 верстах от Рио-Жанейро» есть зачеркнутая помета Головнина: «Я полагаю, что фигуры не нужно гравировать» [Шур 1974: 177]. После просмотра и разметки рисунки Тиханова были возвращены в Академию художеств.

Тридцать первого июля 1822 г. Оленин сообщил начальнику Морского штаба А.В. Моллеру, что по «высочайшему повелению» гравюры по рисункам Тиханова должны быть сделаны «художниками здешней Академии художеств по моему выбору и чтобы сумма, нужная на выгравирование 30 досок, на отпечатание оных в числе 600 экземпляров и на покупку бумаги, всего 12 т[ыс.] руб., была отпущена из кабинета Его Величеством в мое ведение...» [Шур 1974: 179]. Таким образом, Оленин добился, чтобы не только гравирование, но и издание рисунков Тиханова перешло в ведение Академии художеств.

К началу 1823 г. две части книги Головнина были отпечатаны, а подготовка к изданию рисунков и не начиналась. Поэтому 17 сентября 1823 г. он обращается в Адмиралтейский департамент с просьбой выпустить книгу в свет, не дожидаясь изготовления иллюстраций, так как «рисунки, может быть, и в продолжение целого года не будут выгравированы, а книга уже готова...» [Шур 1974: 178]. Чтобы объяснить читателям, почему рисунки

не публикуются одновременно с описанием путешествия, Головнин предложил поместить в первой части своего труда особое «предуведомление», в котором он указывал, что «при начале второй части сего путешествия упомянуто о принадлежащих к оному картах, планах и рисунках, на которые в разных местах повествования и ссылки есть, и между прочим замечено, что по высочайшей воле государя императора рисунки должны быть выгравированы и напечатаны в Академии художеств...» [Головнин 1829: Предисловие]. Далее он писал, что поскольку «к гравированию же рисунков еще не приступлено <...> а потому, чтоб не удерживать долее сего путешествия, давно уже напечатанного, от любопытства публики, Государственный Адмиралтейский департамент положил выдать оное в свет без рисунков, которые, вероятно, вскоре также покажутся» [Головнин 1829: Предисловие].

Однако рисунки Тиханова в свет так и не «показались», новое обращение начальника Морского штаба к Оленину в декабре 1824 г. с просьбой о гравировании и печатании рисунков «без дальнейшего отлагательства» успеха не имело. Что помешало своевременному изготовлению гравюр и почему они не были отпечатаны, установить пока не удалось. Возможно, одна из причин состоит в том, что Оленин получил необходимые ему ассигнования на изготовление гравюр лишь в 1826–1827 гг., причем не 12 тыс. руб., а лишь 8 тыс. Об этом свидетельствуют расписки, сохранившиеся в его архиве.

В 1831 г. гравер А.Г. Ухтомский изготовил 22 доски, гравированные грубым пунктиром для Атласа к путешествию Головнина. Но лишь в 1841 г. были сделаны наконец оттиски с этих досок, один экземпляр которых был оставлен в кабинете эстампов Академии, а другой передан в правление Академии. Ухтомский выгравировал и отпечатал только 22 рисунка Тиханова, хотя по первоначальному проекту Оленина предполагалось сделать 30 гравюр. При отборе рисунков гравер не всегда учитывал и пометки Головнина.

А.А. Федоров-Давыдов пишет о том, что Ухтомский был не очень хороший гравер [Федоров-Давыдов 1953: 227]. В апреле 1843 г. после смерти А. Н. Оленина акварели поступили в библиотеку Академии художеств. Там они хранились до 1941 г., а затем

были переданы в Музей Академии художеств, где и находятся в настоящее время. Вероятно, вскоре после поступления в библиотеку акварели Тиханова были наклеены на листы плотной бумаги и переплетены в альбом. При переплете в альбом были помещены также 22 оттиска гравюр Ухтомского и «Опись картинам...» (в синей бумажной обложке). Акварели были расположены не в хронологическом порядке, а согласно «Описи картинам...». Интересно заметить, что В.М. Головнин в списке рисунков, который он приложил ко второй части своей книги, перечислил выбранные им работы Тиханова в хронологической последовательности, что соответствовало изложению, принятому в труде Головнина.

Судя по всему, имя автора акварелей было забыто — ни в «Описи картинам...», ни в переписке Ухтомского с правлением Академии художеств об изготовлении гравюр Тиханов не упоминался.

В 1907 г. розысками рисунков Тиханова занялся историк и писатель А.С. Кротков. Он предположил, что они могут находиться в библиотеке Академии художеств. Вероятно, после запроса А.С. Кроткова в библиотеке заинтересовались Тихановым и сделали выписки о нем из известного труда П.Н. Петрова по истории Академии (эти выписки, а также письмо А.С. Кроткова, были затем вклеены в альбом Тиханова).

Так имя художника появилось на обороте форзаца альбома: «[Тиханов Михаил.] Альбом оригинальных акварельных рисунков к путешествию флота капитан-командора В.М. Головнина. 43 листа и 22 листа гравированных с них рисунков» [Шур 1974: 179].

Однако в печати работы Тиханова впервые появились лишь в 1949 г. Некоторые из них воспроизводились затем в отдельных монографиях, а в 1965 г. в новом издании книги В.М. Головнина были опубликованы 24 рисунка Тиханова. Однако все эти публикации, по существу, дали лишь весьма приблизительное представление об акварелях художника, так как были воспроизведены в черно-белом изображении. Цветовая гамма акварелей Тиханова, запечатлевшая яркие краски южных морей и характерные типы жителей Америки и Океании, полностью пропадала, что, естественно, мешало по достоинству оценить работы художника.

Рисунки, посвященные Филиппинам

До нас дошли всего три акварели Михаила Тиханова, посвященные Филиппинам. Все они приведены в книге Головнина, изданной в 1949 г. Это «Индеец в Маниле сорвал с Тиханова шляпу и убежал», «Малайцы острова Луконии, живущие в Маниле, — Арей и Томас» и «Манильские индейцы».

«С одного из наших офицеров сорвали они шляпу вечером, когда он ехал в коляске, и сие случилось подле самой гауптвахты, однако ж вор ушел, а с другим, шедшим по улице, то же случилось», — пишет Головнин [Головнин 1965: 259–260]. Тем «другим» и был Михаил Тиханов.

Рис. 1. «Индеец в Маниле сорвал с Тиханова шляпу и убежал»

Художник изобразил себя возле китайских лавок, в досаде, удивлении и негодовании вскинувшему руку и будто готовым прокричать что-то вору. Его одежда сразу бросается в глаза на фоне нарядов местных жителей. Лишь один человек на этой картине одет подобным образом — это господин, стоящий позади Тиханова и что-то покупающий в лавке. Он склонился над прилавком и протянул руку торговцу. Индейца мы видим уже сворачивающим за угол и стремительно убегающим со своей добычей.

На нем, как и на всех коренных жителях, изображенных на этой акварели, национальная филиппинская одежда — белая рубашка навыпуск и черные узкие брюки. В правом нижнем углу мы видим индейцев, заметивших происходящее. Один из них даже указывает рукой на художника.

На картине перед нами типичная манильская улица — неширокая, застроенная обычными для того времени домами. «Домы обывателей <...> о двух этажах: в нижних находятся подвалы, кладовые, конюшни и сараи, а в верхних — жилые покои <...> В таком климате в домах, построенных по обыкновенному европейскому расположению, было бы почти невозможно жить. Здесь комнаты второго, или жилого, этажа пространны и весьма высоки; в лучших домах имеют они до 3 сажень вышины. В стенах окон нет, а на расстоянии от 10 до 12 футов сделаны большие двери, против коих кругом всего дома идет крытый коридор шириною в 4 и 5 футов, утвержденных на выдавшихся за стену концах матиц. Снаружи сего коридора от полу фута на 4 обнесен он легким деревянным балюстрадом, на коем поставлены мелкопереплетенные задвижные рамы; вместо стекол в них вставлены выполированные плоские устричные раковины. Рамы сии можно все задвинуть и закрыть ими весь коридор или, отодвинув, открыть оный» [Головнин 1949: 409]. Все это можно увидеть на улице, изображенной Тихановым.

На второй репродукции «Малайцы острова Луконии, живущие в Маниле, — Арей и Томас» изображены два ребенка. В начале XIX в. пейзажная живопись была хорошо развита, а вот реалистическая и портретная живопись только начинала развиваться. Это видно по портретам детей, написанных по канонам русской живописи начала XIX в. Фигуры пропорциональнее, чем на других рисунках Тиханова из путешествия. Но все равно видны неестественные черты лица — слишком большой нос и глаза четкой овальной формы, которой просто не существует в природе. Непропорционально маленькие руки. К сожалению, репродукция не дает возможности увидеть, что у детей в руках. В отличие от фигур, одежда и складки на ней хорошо выписаны. Здесь проявляется академическое образование Тиханова — долгие часы, потраченные на выписывание драпировок на античных фигурах.

Рис. 2. «Малайцы острова Луконии, живущие в Маниле, — Арей и Томас»

Третья акварель, «Манильские индейцы», изображает бытовую сценку в городе. На заднем плане арка каменной крепостной стены, за которой виден пейзаж. На переднем — двое манильских индейцев увлеченно следят за дракой бойцовых петухов. Лиц индейцев не видно, одеты они в национальную одежду — белые рубашки навыпуск и черные брюки, индейцы босы. На головах расписанные узорами плетеные шляпы.

На Филиппинах петушиные бои были традиционным развлечением. Филиппинцы — импульсивный народ, и дух соревнования у них в крови. Еще Пигафетта, спутник Магеллана, описывая остров Палаван, заметил, что «все здесь имеют петухов, иногда заставляют их биться друг с другом и при этом ставят определен-

ную сумму» [Пигафетта 2009: 404]. Филиппинский просветитель Хосе Рисаль сто лет назад называл эту страсть болезнью, как у старозаветных китайцев — курение опиума. Непобедимый бойцовый петух в народных сказках сравним с лотерейным билетом — каждый мечтает разбогатеть с его помощью. На акварели один индеец весь напрягся в ожидании, второй сжал кулаки, они ждут исхода боя, который решит, кто из них получит выигрыш.

Рис. 3. «Манильские индейцы»

Михаил Тиханов был первым художником, который запечатлел виды Филиппинского архипелага, чтобы познакомить жителей России с народом и обычаями этой страны. Сохраняя максимальную точность и достоверность, они изображают реальность неприкрашенной и настолько близкой к натуре, насколько возможно.

Литература

Беллинсгаузен 1960 — Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 1820 и 1821 годов, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа «Восток», шлюпом «Мирный» начальствовал лейтенант Лазарев. М., 1960.

Ельцина (Рутенко) Ю.С. — М.Т. Тиханов (1789–1862), первый русский живописец, побывавший на Филиппинах. Курсовая работа. Научный руководитель М.В. Станюкович. СПбГУ, 2005. [Рукопись].

Головнин 1965 — Головнин В.М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головниным. М., 1965.

Головнин 1829 — Головнин В.М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг. СПб., 1829. Ч. I–II.

Головнин 1949 — Головнин В.М. Сочинения / Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 годах. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах. С приложением описания примечательных кораблекрушений, в разные времена претерпанных русскими мореплавателями. М; Л., 1949.

Гончарова 1979 — Гончарова Н.Н. О портретах А.А. Баранова // Летопись Севера. М., 1979. Т. IX.

Дивин 1967 — Дивин В.А. Русские мореплавания к берегам Америки после Беринга и Чирикова // От Аляски до Огненной Земли. М., 1967.

Коцебу 1987 — Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1987.

Крузенштерн 1976 — Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток, 1976.

Лисовский 1982 — Лисовский В.Г. Академия художеств. Л.: Лениздат, 1982.

Левтонова 1974 — Левтонова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. М., 1974.

Матюшкин 1971 — Матюшкин Ф.Ф. Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головнина // К берегам Нового Света / Ред. Л.А. Шур. М., 1971.

Пигафетта 2009 — Пигафетта А. Путешествие Магеллана. М., 2009.

Список 1914 — Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской академии художеств / Ред. С.Н. Кондаков. СПб., 1914.

Федоров-Давыдов 1953 — Федоров-Давыдов А.А. Русский пейзаж XVIII — начала XIX в. М., 1953.

Хлебников 1836 — Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя Российских колоний в Америке. СПб., 1836.

Целищева 1989 — Целищева Л. Забытые авторы известных картин // Художник. 1989. № 5. С. 38–42.

Шур 1971 — Шур Л.А. К берегам Нового Света. М., 1971.

Шур 1974 — Шур Л.А. Художник-путешественник Михаил Тиханов // Латинская Америка. № 5. М., 1974. С. 163–180.

Porco 1990 — Porco P. Russian Legacy // The Seattle Times. 1990.

Science 2000 — Science under sail: Russia's great voyages to America, 1728–1862 / Curated by B.S. Smith. Anchorage, 2000.

Shur 1990 — Shur L.A., Pierce R.A. Artists in Russian America: Mikhail Tikhonov (1818) // Arts. Seattle, 1990.

Wiswell 1981 — Wiswell E. Around the World on the Kamchatka, 1817–1819 by V.M. Golovnin // The Pacific Historical Review. University of California Press, 1981.

Источники

ААХ. Оп. 20. Д. 28. 1818.

Сокращения

ААХ — Архив Академии художеств.

Е. В. Шилова

ФИЛИППИНСКИЕ РАБОТЫ В.В. ВЕРЕЩАГИНА

Мало кто из русских художников, даже из тех, кто состоял при Русском Географическом обществе или Морском министерстве, смог побывать на Филиппинах. Знаменитому баталисту и художнику-путешественнику Василию Васильевичу Верещагину (1842–1904) удалось совершить путешествие в эту экзотическую и незнакомую для большинства его современников страну.

В.В. Верещагин родился 14 (26) октября 1842 г. в городе Череповце Новгородской губернии в семье дворянина. Начальное образование будущий художник получил в Александровском Царскосельском малолетнем кадетском корпусе под Петербургом, а в 1853 г. был переведен в петербургский Морской кадетский корпус. Еще в годы учебы в корпусе Верещагин увлекся рисованием, и с 1858 г. стал заниматься в Рисовальной школе петербургского Общества поощрения художников. В 1860 г. Верещагин, отказавшись от карьеры морского офицера, поступил в Академию художеств, где учился в классе исторической живописи у А.Т. Маркова и А.Е. Бейдемана. В 1864 г. он уехал в Париж, где в течение двух лет занимался в студии Ж.-Л. Жерома, знаменитого живописца-ориенталиста. С самого начала своей карьеры Верещагин начал путешествовать. В 1858 г., совершая плавание на фрегате «Камчатка», он побывал в Копенгагене, Бресте, Бордо, в 1859 г. на фрегатах «Светлана» и «Генерал-адмирал» плывал к берегам Англии. Маршруты дальнейших поездок живописца были в первую очередь связаны с военными операциями, в которых принимали участие русские войска, — Кавказ (1863–1865), Средняя Азия (1867–1869), Балканы (1877–1878), Япония (1903–1904). Исполняя обязанности художника-военного корреспондента, Верещагин стремился к документальной точности в воспроизведении событий, что, естественно, не могло не отразиться на его художественной манере, в которой всегда пре-

обладали академически правильный рисунок, строгая пластика форм, скрупулезность в трактовке деталей.

Верещагин побывал и в Индии. Эту страну он посетил дважды — в 1874–1876 и в 1882–1883 гг. Замечательные пейзажные этюды, написанные в Индии, показали возможности Верещагина в области работы на пленэре, в передаче солнечного света, раскрыли его дар колориста.

Одной из особенностей творчества Верещагина было то, что художник, как правило, создавал серии картин. Путешествуя по миру, он делал этюды, эскизы, зарисовки пейзажей, архитектуры, местных типов населения, их костюмов, утвари и т.д., а потом на их основе создавал у себя в мастерской картины, в которых с точностью, присущей более ученому, нежели живописцу, фиксировал разнообразные, в частности этнографические, подробности. Более того, наделенный литературным даром художник нередко снабжал свои произведения подробными комментариями и историческими разъяснениями. Он также издал несколько книг-воспоминаний о своих путешествиях [Очерки 1883–1884; Vereschagin 1888; На войне в Азии и Европе 1894; Верещагин 1894; 1895а; 1895б].

В конце 1880-х — начале 1890-х годов Верещагин несколько раз был в США. В 1901–1902 гг. совершил поездки на Кубу и Филиппины. В 1903 и 1904 гг. путешествовал по Японии и принимал участие в сражениях Русско-японской войны. 31 марта (13 апреля) 1904 г. Верещагин и адмирал С.О. Макаров погибли на броненосце «Петропавловск», подорвавшись на минах.

Художник часто устраивал выставки своих произведений в России, Европе, США и приобрел мировую известность. Его творчество всегда вызывало интерес и жаркие споры благодаря необычности и новизне тем и сюжетов, к которым он обращался, и своеобразию его живописной манеры, которая могла быть и иллюзорно натуралистична, и обобщенно декоративна.

Несмотря на широкий диапазон художественных возможностей, имя Верещагина прежде всего ассоциируется с батальным жанром. Его картины, изображающие и будни военной жизни, и жестокие сражения, всегда проникнуты антивоенным пафосом и идеей о том, что любая война приносит страдания людям. По-

водом для совершения далекого путешествия на Филиппины был интерес живописца к событиям испано-американской войны 1898 г., на тему которой он задумал написать серию картин.

В конце декабря 1900 г. он выехал из Москвы, а в начале апреля 1901 г. уже вернулся в Россию. Друг В.В. Верещагина писатель и коллекционер А.В. Жиркевич замечал в своем дневнике: «Замыслы кипят в его душе. И он с сожалением бросает любимую семью, удобства и едет в туманную даль на новые подвиги и опасности. Предчувствие смерти живет в нем. Ему кажется, что он не вернется в Россию. А едет <...> Удивительный человек!» (цит. по: [Лебедев. 1958: 276]).

Россия не принимала непосредственного участия в испано-американской войне. Тем не менее события кампании освещались специальными наблюдателями российского Генерального штаба и активно обсуждались и анализировались в русской прессе. Необходимо заметить, что Россия не хотела портить отношения с США, и ход испано-американской войны интерпретировался в прессе с позиций этой державы.

Верещагин всегда стремился к точно отвечающей действительности передаче изображаемого. Известный художественный критик В.В. Стасов, много писавший о Верещагине, отмечал, что художнику необходимо было видеть собственными глазами то, что впоследствии он воспроизводил на своих военных полотнах. Более того, Верещагин никогда не ограничивался только ролью зрителя или художника-наблюдателя, а с увлечением превращался сам в действующее лицо.

Испано-американская война в это время была окончена, на Филиппинах в начале 1900-х годов продолжались военные выступления, направленные против американцев. Верещагин посещал места сражений, беседовал с американскими солдатами — участниками боев. Он знакомился с организацией американской армии, собрал и привез домой образцы обмундирования, оружия и снаряжения.

Поездка на Филиппины оказалась трудной. Вернувшись в Москву, Верещагин писал А.В. Жиркевичу: «Я воротился из Манилы, сделавши там путевые этюды из малой войны <...> между американцами и филиппинцами <...> Уж и жарко же

в тропиках, — когда был молод меньше чувствовал муку от этой убийственной температуры — что-то трудно передаваемое!» (цит. по: [Лебедев 1958: 276]).

Созданные непосредственно на Филиппинах работы — это рисунки и пейзажные этюды маслом. Работа над созданием серии картин была начата художником вскоре после возвращения в Москву. Наиболее полно серия была показана в ноябре 1904 г. в Петербурге в залах Общества поощрения художеств на посмертной выставке картин и этюдов Верещагина. В каталоге выставки, составленном В.В. Стасовым, к этой серии отнесены сорок четыре работы. В настоящее время произведения филиппинской серии принадлежат коллекциям Киевского музея русского искусства, Государственного Русского музея, Николаевского художественного музея им. В.В. Верещагина, Ярославского художественного музея. В собрании Русского музея преобладают графические работы. Все произведения филиппинской серии поступили в Русский музей с посмертной выставки В.В. Верещагина в составе дара Николая II в 1904 г.

Имея богатый опыт художника-баталиста и военного корреспондента, принимавшего участие во многих кампаниях, Верещагин, как обычно в путешествиях, тщательно фиксировал увиденное: делал зарисовки типов местного населения, оружия, военной формы. Филиппинские работы существенно отличаются от произведений, созданных художником во время других путешествий, например в Среднюю Азию и Индию, в которых он передавал с максимальной точностью разнообразные этнографические детали и особенности. Они носят характер беглых набросков.

Филиппинские рисунки выполнены в основном в путевых альбомах. Многие из них незакончены, лишены моделировки. Это изображения берегов, тропических растений, фортов, орудий, палаток, деталей обмундирования, сцен артиллерийской перестрелки, затопленных судов. Верещагин в самых общих чертах схватывает абрис предметов, схематично передает виды местности. Видимо, художник собирался использовать рисунки при работе над картинами в качестве подсобных материалов, помогающих восстановить в памяти увиденное.

В рисунках, изображающих военных, всадников, художник, передавая самое общее в фигуре, позе человека, прибегает в более четкой манере, работает широкими штрихами, использует светотеневую моделировку.

Несколько рисунков, изображающих сцены в госпитале, представляют схематичные наброски композиций будущих картин.

Живописные этюды — это морские пейзажи, написанные с натуры, по всей вероятности, с палубы корабля, когда художник приближался к филиппинским берегам. Их отличает мастерство передачи воздушной среды, фактуры воды, эффектов освещения, достоинства колористического решения в трактовке взаимодействия моря и неба, тонких нюансов цвета, свобода художественной манеры.

Вернувшись в Россию, Верещагин, по воспоминаниям сына художника, много рассказывал близким о поездке на Филиппины, результатом которой явилось создание антивоенной серии картин, «повествующих о печальной участи американского солдата, от его ранения до смерти в госпитале».

В 1901 г. живописец, уже находясь в Москве, написал картины «Раненый» (Киевский музей русского искусства), «В госпитале» (Николаевский художественный музей им. В.В. Верещагина), «Письмо к матери» (Ярославский художественный музей), «Письмо прервано» (Николаевский художественный музей им. В.В. Верещагина), «Письмо осталось неоконченным» (Николаевский художественный музей им. В.В. Верещагина).

Сюжет картины «Раненый» был подсказан опытом собственного тяжелого ранения художника, полученного им еще в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. на миноноске «Шутка» при попытке взрыва турецкого парохода на Дунае. «Раненого» Верещагин писал в мастерской летом 1901 г., выбирая самые жаркие солнечные дни, видимо, вспоминая тропическую филиппинскую жару. Натурщиком был постоянный служащий Верещагина Василий Платонович. Чучело лошади заседлывалось привезенными с Филиппин кавалерийским седлом, переметными сумами, карабином и т.д.

Картины филиппинской серии, связанные с госпитальной темой, писались осенью 1901 г. Жена художника Лидия Васильевна

позировала для образа сестры милосердия. Она одета в форменное платье медицинской сестры, привезенное с Филиппин. Оттуда же была привезена и госпитальная кровать, изображенная на картинах.

Рис. 1. В госпитале. Николаевский художественный музей им. В.В. Верещагина

Рис. 2. Допрос перебежчика. Николаевский художественный музей им. В.В. Верещагина

В декабре 1901 г. в Чикаго, во второй раз в Соединенных Штатах Америки, открылась выставка произведений Верещагина, на которой важное место занимали картины Филиппинской серии. Американцам эти работы были интересны как отклик на события недавнего времени, волновавшие их страну. Картины на госпитальную тему, выразившие главную идею творчества Верещагина-баталиста о том, что любая война несет в себе разрушение и личную трагедию для многих людей, придали всей экспозиции гражданское звучание. Путешествовавшая по многим городам Америки, выставка имела большой успех в Нью-Йорке, где и завершила свою работу в ноябре 1902 г.

Литература

Очерки 1883–1884 — Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных. СПб., 1883. Ч. 1; 1884. Ч. 2.

Vereschagin 1888 — Vereschagin V. Painter-Soldier-Traveller. Autobiographical sketches. New York, 1888.

На войне в Азии и Европе 1894 — На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника В.В. Верещагина. М., 1894.

Верещагин 1894 — Верещагин В.В. Литератор (повесть). М., 1894

Верещагин 1895а — Верещагин В.В. Иллюстрированная автобиография нескольких незамечательных русских людей. М., 1895.

Верещагин 1895б — Верещагин В.В. На Северной Двине. По деревянским церквам. М., 1895.

Лебедев 1958 — Лебедев А.К. В.В. Верещагин. Жизнь и творчество. М.: Искусство, 1958.

Работы В.В. Верещагина, связанные с путешествием на Филиппины, и картины на темы испано-американской войны 1898 г.

Море. Х., м. 28×16,5. ГРМ

Море. Х., м. 14×34. ГРМ

У моря. Х., м. 14,2×38. ГРМ

Море. Х. на к. 18,5×16,5. ГРМ

Море. М., дерево. 17×27. ГРМ

Близ Константинополя. Х., м. 12×17,5. ГРМ

Солдат американской армии. Х., м. 61×40,5. ГРМ

Этюд моря. Х., м. 24×15,5. Омский музей изобразительных искусств

Суэц. Этюд. Х., м. 16×33,5. Омский музей изобразительных искусств

Жилище местных жителей. Этюд. Х. на к., м. 12,8×12,9. Киевский музей русского искусства

Архипелаг. Этюд. Х. на к., м., 13,5×15,2. Киевский музей русского искусства

Близ Дарданелл. Этюд. Х. на к., м. 13,5×18,5. Киевский музей русского искусства

В море. Этюд. Х. на к., м. 14,4×14,5. Киевский музей русского искусства

Море. Этюд. Х. на к., м. 14,5×18,7. Киевский музей русского искусства

В госпитале. Х., м. 100×86. Николаевский художественный музей им. В.В. Верещагина

Письмо прервано. Х., м. 100×86. Николаевский художественный музей им. В.В. Верещагина

Допрос перебежчика. Х., м. 100×115. Николаевский художественный музей им. В.В. Верещагина

Письмо осталось неоконченным. Х., м. 100×86. Николаевский художественный музей им. В.В. Верещагина

Письмо на родину. (Письмо к матери). Х., м. 100×88. Ярославский художественный музей

Кровать. Этюд к картине «В госпитале». Х. на к., м. 26×22. Киевский музей русского искусства

Раненый. Х., м. 100×72,5. Киевский музей русского искусства

Шпион. Х., м. 127×102. Львовская картинная галерея

Мужчина. Набросок в альбоме. На обороте зарисовка пальмы. Б., кар. 16,8×12,5. ГРМ

Тропическая растительность. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Домики горят. Набросок в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Очертания гор. Набросок в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Лошадь и всадник. Набросок в альбоме. Б., кар. 16,8×12,5. ГРМ

Палатка. Набросок в альбоме. На обороте набросок артиллерийского боя. Б., кар. 16,8×12,5. ГРМ

Артиллерийский бой. Набросок в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Мужские фигуры на форте и рисунок фигуры в комнате. 12,5×17. ГРМ

Сражение. Набросок в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Сцены в лазарете. Наброски в альбоме к серии картин «Письмо к матери». Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Знамя. Набросок в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Артиллерийский бой. Набросок в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Вид форта. Набросок в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Форт и другие наброски в альбоме. Б., кар. 16,8×12,5. ГРМ

Трехдюймовые гаубицы. Набросок в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Наброски человеческой фигуры в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ.

Дарданеллы, левый берег. Наброски в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Дарданеллы. Перспективный вид. Набросок в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Дарданеллы. Набросок в альбоме. Б., кар. 12,5×16,8. ГРМ

Список сокращений

ГРМ — Государственный Русский музей

б. — бумага

кар. — картон

м. — масло

х. — холст

А.К. Касаткина

**БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ПО ФИЛИППИНАМ,
ХРАНЯЩИХСЯ В ОТДЕЛЕ АВСТРАЛИИ, ОКЕАНИИ
И ИНДОНЕЗИИ МАЭ РАН¹**

I. Монографии, сборники статей, отчеты

1. Agoncillo T.A. A Short History of the Philippines / Teodoro A. Agoncillo; The New American Library. — Caloocan City: Philippine Graphic Arts, 1975. — 319 p.
2. Agulto A.M. An Assessment of the KKK: its Social Justice Implications and Administrative Capability: Occasional paper No 83-1 / Ana Marie Agulto. — Manila: Research and Publications program, College of Public Administration, University of the Philippines, 1983.
3. Alegre, E.N. Sarap: Essays on Philippine Food / Edilberto N. Alegre, Doreen G. Fernandes. — [Manila]: Mr. & Ms. Publishing Company, 1988. — 239 p.
4. Aquino, B.A. The Transnational Dynamics of the Marcos Plunder / Belinda A. Aquino. — Quezon City: University of the Philippines Diliman; National College of Public Administration and Governance, 1999. — 38 p. — (NCPAG Reprint Series. 99-1).
5. Archaeological Research on the Lower Cagayan River — Study on the Historical Process of Hunter-Gatherer/Farmer Interdependent Relationship: Report / Grant-in-Aid for International Scientific Research (Field Research); The Ministry of Education, Science, Sports and Culture; ed. by Hidefumi Ogawa. — Tokyo: University of Foreign Studies, 2002. — 232 p.
6. Bacareza, H.E. Philippine-German Relations: A Modern History (1834–2006): Vol. 1 / Hermógenes E. Bacareza. — Manila: UST Publishing House, 2006. — 311 p.
7. Building Bridges across Cultures: Perspectives on Intercultural Communication-Theory and Practice / Ed. by Nobleza C. Asuncion-Landé and Emy M. Pascasio. — Manila: Solidaridad Publishing House, 1981. — 253 p.
8. Bulatao, R.A. The Value of Children: A Cross-National Study: Vol. 2: Philippines / Rodolfo A. Bulatao. — Honolulu: East-West population institute, 1975. — 222 p.

---

¹ Это часть личной библиотеки М.В. Станюкович, хранящаяся в отделе МАЭ РАН. Книги выдаются коллегам по записи, которую ведет составитель данной библиографии.

9. Cannell, F. Power and Intimacy in the Christian Philippines / Fenella Cannell. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 316 p. — (Cambridge Studies in Social and Cultural Anthropology. No 109).
10. Capability Building Approaches Towards Organized Participation of the Bangus Fry Catchers and Upland Landless Farmers: The PBSP Experience in Antique / Philippine Business for Social Progress. — Manila: PBSP, 1986. — 32 p.
11. Carroll, J. J. The Church and the Dilemmas of Social Change: A View from the Third World / John J. Carroll. — Metro Manila: Human development Research and Documentation, 1985. — 15 p. — (Human Society. No 27).
12. Carroll, J. J. The Church: a Political Force? (Philippine Context) / John J. Carroll. — Metro Manila: Human Development Research and Documentation, La Ignaciana Apostolic Center, 1985. — 28 p. — (Human Society. No 25).
13. Cayron, J. G. Stringing the Past: An Archaeological Understanding of Early Southeast Asian Glass Bead Trade / Jun G. Cayron. — Quezon City: The University of Philippines Press, 2006. — 93 p. — (Contributions to Archaeology Series).
14. Conklin, H.C. Ethnographic Atlas of Ifugao: A Study of Environment, Culture, and Society in Northern Luzon / Harold C. Conklin with the special assistance of Puggūwon Lupāih and Miklos Pinther. — New Haven and London: Yale University Press, 1980. — 116 p.
15. Conklin, J.M. An Ifugao Notebook / Jean M. Conklin. — 1stBooks Library, 2002. — 94 p.
16. Constantino, R. Dissent and Counter-Consciousness / R. Constantino. — Manila: Erehwon, 1979. — 191 p.
17. Constantino, R., Constantino, L.R. The Philippines: the Continuing Past / Renato Constantino, Letizia R. Constantino. — Quezon City: The Foundation for Nationalist Studies, 1979. — 410 p.
18. Cordillera in June: Essays Celebrating June Prill-Brett, Anthropologist / Ed. by B.P. Tapang. — Quezon City: University of the Philippines Press, 2007. — 270 p.
19. Current Issues in Philippine Linguistics and Anthropology: Parangal kay Lawrence A. Reid / Ed. by Hsiu-chuan Liao, Carl R. Galvez Rubino. — Manila: The Linguistic Society of the Philippines and SIL Philippines, 2005. — 435 p.
20. Darrah, L.B. Agricultural Marketing in the Philippines / L.B. Darrah, F.A. Tiongson. — Los Baños, Laguna: University of the Philippines; College of Agriculture, 1969.
21. Doronila, A. The state, Economic Transformation, and Political Change in the Philippines, 1946–1972 / Amando Doronila. — Singapore: Oxford University Press, 1992. — 199 p.

22. Economic Recovery and Long-Run Growth: Agenda for Reforms: Vol. 1: Main report / Philippine Institute for Development Studies. — Makati: Philippine Institute for Development Studies, 1986. — 202 p.
23. Feliciano, G.D. The Farm and Home Development Project: an Evaluation / Gloria D. Feliciano. — Diliman, Quezon City: Community Development Research Council, University of the Philippines, 1968. — 374 p. — (Study series. No 30).
24. Filipino Diaspora in Asia: Social and Personal Networks, Organizing, Empowerment, Ethnicity and Culture: Report Submitted to the Japan Academy for the Promotion of Sciences / Coord. and ed. by Mamoru Tsuda. — Osaka: University of Foreign Studies, 2002. — 228 p.
25. Firmalino, T.C. The 1963 Local Elections in Aklan: A Study of the Recruitment of Political Leaders and its Relation to Administration: Report / Tito C. Firmalino, Nestor N. Pilar. — Manila: Local Government Center, College of Public Administration, University of Philippines, 1968. — 51 p.
26. Fry, H.T. A History of the Mountain Province / Howard T. Fry. — Rev. ed. — Quezon City: New Day Publishers, 2006. — 310 p.
27. Gomes, Dom Martin de Jesus H. Worship and Weave: Towards Filipino Liturgical Vestments / Dom Martin de Jesus H. Gomes; photo. by G. Tapan. — Philippines: Ayala Foundation, Inc. and Monastery of Transfiguration, 2001. — 332 p.
28. Hudhud and Noh. A Dialogue of Cultures: Colloquia and Performances: 2001 UNESCO Masterpieces of the Oral and Intangible Heritage of Humanity / Ed. by Amparo Adelina C. Umali, III; Naohiko Umewaka. — Manila: University of the Philippines Center for International Studies; Palabas; Japan Foundation, 2007. — 98 p.
29. Iletto R.C. Pasyon and Revolution: Popular Movements in the Philippines, 1840–1910 / Reynaldo Clementa Iletto. — Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 1989. — 282 p.
30. Iletto, R.C. The Diorama Experience: A Visual History of the Philippines / Reynaldo C. Iletto. — Makati City: Ayala Foundation, Inc., 2004. — 160 p.
31. Kessler, R.J. Rebellion and Repression in the Philippines / R.J. Kessler. — New Haven and London: Yale University Press, 1989. — 227 p.
32. Keesing, F.M. Taming Philippine Headhunters: A Study in Government and of Cultural Change in Northern Luzon / Felix M. Keesing, Marie Keesing. — California: Stanford University Press, 1934. — 288 p.
33. Labadan, M.M. Corn and the Feedmilling Industry in the Philippines: Paper presented at the 15th ASEAN Seminar on Grain Post-Harvest Technology, 1992, Sept. 8–11, Excelsior hotel, Singapore / Mario M. Labadan. — Philippines, 1992. — 45 p.

34. Leon, M.S.J. de. Government Expenditures and Agricultural Policies in the Philippines, 1955–80 / M.S.J. de Leon. — The Philippines: Philippine Institute for Development Studies. — 48 p. — (Philippine Institute for Development Studies. Working paper No 83–60).
35. Mary Ng. Natido Binwag Weaves the Bango / Mary Ng. — Quezon city: The Council for Living Traditions, 1978. — 87 p.
36. Masaru Miyamoto. The Hanunoo-Mangyan: Society, Religion and Law among a Mountain People of Mindoro Island, Philippines / Masaru Miyamoto. — Osaka: National Museum of Ethnology, 1988. — 240 p. — (Senri Ethnological studies. No 22).
37. Matias-Valera, L. Taraon (Indigenous Ilocano Recipes) / Lorma Matias-Valera, Marilyn Pammit-Domingo. — Laoag City: Grace Printing Press, 2000. — 83 p.
38. McAndrew, J.P. A Philippine Worldview of Spirit Encounters: People of Power / J.P. McAndrew. — Manila: Ateneo de Manila University Press, 2001. — 171 p.
39. Medina, C.R. C.I.C.M. Missionaries and Indigenous Filipinos (An Essay in Anthropology of Religion) / Carlos R. Medina. — A research project funded by the Saint-Louis University Cordillera Research and Development Foundation 1999–2000. — Baguio: SLU-CRDF, 2000. — 112 p.
40. Medina, C.R. Missionaries and Development / Carlos R. Medina. — A research project of the Saint-Louis University Cordillera Research and Development Foundation. — Baguio: SLU-CRDF, 2004. — 160 p.
41. Medina, C.R. Toward Understanding BU'GAN YA WI'GAN AD CHU-LI'GAN / Carlos R. Medina. — A research project of the Saint-Louis University Cordillera Research and Development Foundation. — Baguio: SLU-CRDF, 2002. — 447 p.
42. Medina, C.R. Understanding The Ifugao Rice Terraces / Carlos R. Medina. — A research project of the Saint-Louis University Cordillera Research and Development Foundation. — Baguio: SLU-CRDF, 2003. — 126 p.
43. Montemayor, J. M. Socio-economic Profile on Farm Workers in the sugar industry / Jesus M. Montemayor; Department of Land Tenure and Management Agrarian Reform Institute, University of the Philippines at Los Baños College. — Laguna: University of the Philippines at Los Baños College, 1975. — 248 p.
44. Mulder, N. South-East Asian Images: Towards Civil Society? / Niels Mulder. — Chiang Mai: Silksworm Books, 2003. — 235 p.
45. Muro L. La expedicion Legazpi-Urdaneta a las Filipinas (1557–1564) / Luis Muro. — México: SepSetentas, 1975. — 160 p.
46. Nelmda-Flores, M. The Cattle Caravans of Ancient Caboloan (Interior Plains of Pangasinan): Connecting History, Culture and Commerce by

Cartwheel / M. Nelmidia-Flores. — Manila: National Historical Institute, 2007. — 88 p.

47. Netzorg, M.J. Backward, Turn Backward: A Study of Books for Children in the Philippines: 1866 to 1945 / Morton J. Netzorg. — Manila: National Book Store, 1985. — 248 p.

48. Paderanga, C.W. Real property taxation in the Philippines: Issues and Research Directions / Cayetano W. Paderanga, Jr. — Philippine Institute for Development Studies. — (Staff paper Series. No 84-01).

49. Parangal kay Cecilio Lopez: Essays in Honor of Cecilio Lopez on his Seventy-Fifth Birthday / Ed. by Andrew B. Gonzalez. — Quezon City: Linguistic Society of the Philippines, 1973. — 291 p. — (Philippine Journal of Linguistics Special Monograph Issue. No 4).

50. Parreñas, R.S. Servants of globalization: Women, Migration and Domestic Work / Rhacel Salazar Parreñas. — Stanford, California: Stanford University Press, 2001. — 309 p.

51. Pastor-Roces, M. Sinanuag Habi: Philippine Ancestral Weave / Marian Pastor-Roces. — Manila. — Communication Technologies, 1991. — 312 p. — (The Nikki Coseteng Filipiniana Series).

52. Pertierra, R. Philippine Localities and Global Perspectives: Essays on Society and Culture / R. Pertierra. — Manila: Ateneo de Manila University Press, 1995. — 216 p.

53. Pertierra, R. Txt-ing Selves: Cellphones and Philippine Modernity / Raul Pertierra, Eduardo F. Ugart [et al.]. — Manila: De la Salle University Press, 2002. — 197 p.

54. Philippine Agrarian Reform Program in the New Society: Progress Report / Ministry of Agrarian Reform. — Diliman; Quezon City, 1980. — 40 p.

55. Philippine Minor Languages: Word Lists and Phonologies / Ed. by Lawrence A. Reid. — Honolulu: University of Hawaii Press, 1971. — 241 p. — (Oceanic Linguistics Special Publication. No 8).

56. Philippines-Japan Relations. / Ed. by Ikenata Setsuho, Lydia N. Yu Jose. — Manila: Ateneo de Manila University Press, 2003. — 618 p.

57. Raedt, J. de. Kalinga Sacrifice / Jules de Raedt. — Baguio City: Cordillera Studies Center, University of the Philippines, College Baguio, 1989. — 289 p. — (Cordillera monograph. No 4).

58. Responsible Parenthood in the Philippines / Ed. by Vitaliano R. Gorospe, S.J. — Manila: Ateneo Publications Office, 1970. — 268 p. — (Philippine National Development Series).

59. Reyes, I. de los. The Tinguian / Isabelo de los Reyes; transl. from the Spanish by E. P. Imson. — Baguio City: University of the Philippines Baguio, 2007. — 71 p.

60. Schult, V. Mindoro. A Social History of a Philippine Island in the 20th Century: A Case Study of a Delayed Developmental Process / V. Schult. — Manila: Divine Word Publications, 1991. — 213 p.
61. Scott, W.H. The Discovery of the Igorots: Spanish Contacts with the Pagans of Northern Luzon / William Henry Scott. — Quezon City: New Day Publishers, 1974. — 370 p.
62. Sharing in Development: A Program of Employment, Equity and Growth for the Philippines / International Labour Office. — Manila: National Economic and Development Authority, 1974. — 687 p.
63. Stories, 1907–1970 / reconstructed by Carlos R. Medina. — A research project of the Saint-Louis University Cordillera Research and Development Foundation. — Baguio: SLU-CRDF, 2006. — 453 p.
64. Stuhr, D., Lieffers, J. By Faith: 31 Days of Faith and Bible Translation: 50 years in Asia, Philippines / Diana Stuhr, Jean Lieffers. — Manila: Summer Institute of Linguistics, 2002. — (50th Anniversary Publications).
65. Stuhr, D., Lieffers, J. By Word: 31 Days of Literacy and Language: 50 years in Asia, Philippines / Diana Stuhr, Jean Lieffers. — Manila: Summer Institute of Linguistics, 2006. — 80 p. — (50th Anniversary Publications).
66. Summer Institute of Linguistics: Annual report 1993–1994 / Manila: Summer Institute of Linguistics. — 28 p.
67. Synthesis 2: Where Has All the Power Gone? / Ed. by Manuel F. Montes, Lilia Quindoza Santiago. — Quezon City: Interdisciplinary forum, University of Philippines, 1988. — 148 p.
68. Tabayag: Lime Containers of the Cordilleras: From the Collection of Bencab / Photo by Wig Tysmans; Introd. by Floy C. Quintos. — Hong Kong: Bencab Art Foundation, 2006. — 201 p.
69. Tejon G. Juan Villaverde, O.P. Missionary and Road-BUILDER, 1841–1897: A History of the Dominican Missions in Ifugao / Guillermo Tejon. — Manila: University of Santo Tomas, 1991. — 391 p. — (Orientalia Dominicana. No 1).
70. The Past, Love, Money and Much More: Philippine-Japan Relations Since the End of Second World War / Ed. by Lidia N. Yu Jose. — Quezon City: Japanese Studies Program, Ateneo de Manila University, 2008. — 228 p.
71. The Philippines: End of an Illusion: Pambungad sa Kasayasayan ng Pilipinas / Association for Radical East Asian Studies and Journal of Contemporary Asia. — AREAS and Journal of Contemporary Asia, 1973. — 157 p. — (Journal of Contemporary Asia. Vol. 2. — No 2).
72. The Philippines: Priorities and Prospects for Development: A World Bank Country Economic Report / The World Bank. — Republic of Philippines: National Economic and Development Authority, 1977. — 573 p.

73. The Socialist Vision and Other Documents / Second BISIG Congress. — Philippines: Bukluran sa ikauunlad ng sosyalistang isip at gawa, 1987. — 74 p.
74. Toh Goda. Cordillera: Diversity in Culture Change: Social Anthropology of Hill People in Northern Luzon, Philippines / Toh Goda. — Quezon City: New Day Pub., 2001. — 158 p.
75. Torres-Mejia, P. Peasants, Merchants and Politicians in Tobacco Production: Philippine Social Relations in a Global Economy / Patricia Torres-Mejia. — Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 2000. — 233 p.
76. Travel Accounts of the Islands (1513–1787) / Filipiniana Book Guild. — Manila: Filipiniana Book Guild, 1971. — 408 p. — (Publications of the Filipiniana Book Guild. XIX).
77. Vergara, B.M. Displaying Filipinos: Photography and colonialism in Early 20th Century Philippines / Benito M. Vergara, Jr. — Quezon City: University of the Philippines Press, University of the Philippines, 1995. — 194 p.
78. Villegas, R.N. Art of a Golden Age: Sining ng Panahong Ginintuan / Ramon N. Villegas. — Manila: National Commission of Culture and Arts; Metropolitan Museum of Manila, 1999. — 53 p.
79. Warren, J.F. The Sulu Zone 1768–1898: The Dynamics of External Trade, Slavery, and Ethnicity in the Transformation of a Southeast Asian Maritime State / James Francis Warren. — Quezon City: New Day Publishers, 1985. — 390 p.
80. What Place for Hunter-Gatherers in Millennium Three? / Ed. by Thomas N. Headland and Doris E. Blood. — Dallas, Texas: SIL International and International Museum of Cultures, 2002. — 107 p. — (SIL International and International Museum of Cultures Publications in Ethnography. No 39).
81. Women and Gender Relations in the Philippines / Ed. by J. F. I. Illo. — Quezon City: Women's Studies Association of the Philippines, 1999. — 199 p. — (Selected Readings in Women's Studies, Vol. 1).
82. Yasushi Kikuchi. Mindoro highlanders: The Life of the Swidden Agriculturists / Yasushi Kikuchi. — Quezon City: New Day Publishers, 1984. — 111 p.
83. Yoshihara Kunio. Philippine Industrialization: Foreign and Domestic Capital / Yoshihara Kunio. — Quezon City: Ateneo de Manila University Press; Oxford University Press, 1985. — 180 p.
84. 100+1 Banana Recipes / Banana Export Industry Foundation. — Quezon City: New Day Publishers, 2006. — 112 p.
85. Абайя, Э. Нерассказанная история Филиппин / Эрнандо Абайя; Пер. с англ. С.А. Рапопорт; Ред. и вст. ст. Г.И. Левинсона. — М.: Прогресс, 1970. — 384 с.

86. Архипов, В.Я. Внешнеэкономические связи Филиппин / В.Я. Архипов. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1984. — 240 с.
87. Барышникова, О.Г. Экономика Филиппин в настоящем и будущем / О.Г. Барышникова. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986. — 320 с.
88. Барышникова, О.Г., Жулев, И.Ф. Филиппины / О.Г. Барышникова, И.Ф. Жулев. — М.: Мысль, 1975. — 152 с. — (Социально-экономические проблемы развивающихся стран).
89. Борисова, И.Б., Волжин, Н.П. Внешняя политика Филиппин (1946–1986) / И.Б. Борисова, Н.П. Волжин. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. — 168 с.
90. Губер, А.А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм / А.А. Губер. — М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1948. — 508 с.
91. Круус, М. Филиппины в борьбе за свободу / Мануэль Круус; Пер. с англ. Л.А. Седова. — М.: Издательство восточной литературы, 1958. — 92 с.
92. Кузнецов, Л.М. Цена манильской сигары / Л. М. Кузнецов. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1987. — 176 с. — (Рассказы о странах Востока).
93. Лауринчюкас, А.К. Горсть риса: Заметки о Филиппинах / А.К. Лауринчюкас; Пер. с литовского Б. Балашявичюса. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981. — 72 с. — (Рассказы о странах Востока).
94. Левинсон, Г.И. Идеологи филиппинского национализма / Г.И. Левинсон. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. — 192 с.
95. Левинсон, Г.И. Рабочее движение на Филиппинах / Г.И. Левинсон. — М.: Издательство восточной литературы, 1957. — 88 с.
96. Левинсон, Г.И. Филиппины на пути к независимости (1901–1946) / Г.И. Левинсон. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972. — 400 с.
97. Левтонова, Ю.О. История общественной мысли на Филиппинах (вторая половина XIX в.) / Ю.О. Левтонова. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1973. — 224 с.
98. Левтонова, Ю.О. Эволюция политической системы современных Филиппин / Ю.О. Левтонова. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1985. — 216 с.
99. Макаренко, В.А. Тагальское словообразование / В.А. Макаренко. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1970. — 172 с.

100. Макош, У. Молитва в цитадели / Ульрих Макош; Сокр. пер. с нем. Т.С. Райской; Послесл. Г.И. Левинсона. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. — 200 с. — (Рассказы о странах Востока).
101. Подберезский, И.В. Католическая церковь на Филиппинах / И.В. Подберезский. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. — 288 с.
102. Подберезский, И.В. Хосе Рисаль / И.В. Подберезский. — М.: Молодая гвардия, 1982. — 319 с. — (Жизнь замечательных людей).
103. Подберезский, И.В. Эволюция творчества Хосе Рисаля: Зарождение современной филиппинской литературы / И.В. Подберезский. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982. — 327 с.
104. Порфирьев, Б.Н. Филиппины: Социально-экономическое развитие и окружающая среда / Б.Н. Порфирьев. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1984. — 136 с.
105. Сантос, А. Филиппинская литература: Краткий очерк / А. Сантос. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1965. — 93 с. — (Литература Востока).
106. Сумленова, Е.В. Острова Сампагиты / Е.В. Сумленова. — М.: Мысль, 1985. — 144 с.
107. Сумский, В.В. Фиеста Филипина: Реформы, революции и активное ненасилие в развивающемся обществе: в 2 кн.: кн. I / В.В. Сумский. — М.: Восточная литература, 2003. — 527 с.
108. Сумский, В.В. Фиеста Филипина: Реформы, революции и активное ненасилие в развивающемся обществе: в 2 кн.: кн. II / В.В. Сумский. — М.: Восточная литература, 2003. — 494 с.
109. Тайван, Л.Л. Крестьянские восстания на Филиппинах в XX веке / Л.Л. Тайван. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980. — 116 с.
110. Шкарбан, Л.И. Грамматический строй тагальского языка / Л.И. Шкарбан. — М.: Восточная литература, 1995. — 248 с.

II. Авторефераты диссертаций

111. Мешков, К.Ю. Основные этапы этнической истории Филиппин: автореф. дис. ... канд. ист. наук / К.Ю. Мешков. — М., 1969. — 19 с.
112. Почагина, О.В. Семья у народов Филиппин: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / О.В. Почагина. — М., 1987. — 20 с.

III. Сборники тезисов конференций, посвященных Филиппинам

113. Changing Landscapes, Humanscapes and Mindscales in a Globalizing World. Icophil-7. Seventh International Conference on Philippine Studies. IIAS, Leiden, 16–19 June 2004: Program and Book of Abstracts. — Leiden: IIAS, 2004. — 148 p.

114. Labor's Vision of the Economic Recovery: Proceedings of the Roundtable Conference July 7–8, 1986 / Institute of Industrial Relations; University of the Philippines. — Diliman, Quezon City: University of the Philippines, 1986. — 133 p.

115. Maragtas Symposium (1968; Manila). A Symposium on the Maragtas, 27th of January 1968/ National Historical Commission. — Manila: National Historical Commission, 1970. — 96 p.

116. Self- and Other- Images of Hunter-Gatherers. Eighth International Conference on Hunting and Gathering Societies. National Museum of Ethnology, Osaka, October 1998: Papers/ Ed. by H. Stewart, A. Barnard, Keiichi Omura. — Osaka: National Museum of Ethnology, 2002. — 219 p. — (Senri Ethnological Studies. No 60).

IV. Словари, учебники языков

117. Anayo N. Ang Makabagong Alpabeto: Para sa Pangunahing Hakbang sa Pagbasa / Nilda Anayo. — PSM Publication. — 60 p.

118. Andres, T. D. Dictionary of Filipino Culture and Values / Tomas D. Andres. — Quezon City: A Giraffe Book, 1994. — 198 p.

119. Arte de la Lengua Pampanga: The English Translation of the Spanish-Kapampangan Grammar written by Fray Diego Bergano of the Order of Saint Augustin, First Published in 1729 and reprinted in 1736 / Father Edilberto V. Santos (transl.); the Juan D. Nepomuceno Centre for Kapampangan Studies; Holy Angel University. — Angeles City: Holy Angel University Press, 2006. — 217 p.

120. Aspillera, P.S. Basic Tagalog for Foreigners and non-Tagalogs / Paraluman S. Aspillera. — Rutland; Vermont; Tokyo: Charles E. Tuttle Co Publishers, 1969. — 236 p.

121. Concepcion L. Ang Abakada: Pangunahing hakbang sa Pagbasa (Primary Steps in Reading) / Lito Concepcion at Boy F. Madriguera. — 64 p.

122. English-Tagalog-Ilocano Vocabulary Containing More than 20 000 Words Commonly Used by Elementary and Secondary School Students / Amos Books, Inc. — Caloocan City: Philippine Graphic Arts, 2006. — 211 p.

123. Enriquez, M.J., Guzman, M.O. English-Tagalog, Tagalog-English Vocabulary / M. Jacobo Enriquez, Maria Odulio Guzman. — Manila: Philippine Book Company, 1974. — 184 p.
124. Geladé, Rev. G.P. Ilokano-English Dictionary / Rev. George P. Geladé. — Quezon City: CICM Missionaries, Inc., 1993. — 719 p.
125. Panganiban, J.V. Concise English-Tagalog Dictionary / Jose Villa Panganiban. — Rutland; Vermont; Tokyo: Charles E. Tuttle Company Publishers, 1969. — 170 p.
126. Ramos, T.V. Tagalog Dictionary / Teresita V. Ramos. — Honolulu: University of Hawaii Press, 1982. — 330 p.
127. Vocabulary of the Kapampangan Language in Spanish and Dictionary of the Spanish Language in Kapampangan: The English Translation of the Kapampangan-Spanish Dictionary Written by Fray Diego Bergano of the Order of Saint Augustin, First Published in 1732 and reprinted in 1860 / Father Venancio Q. Samson (transl.); the Juan D. Nepomuceno Centre for Kapampangan Studies; Holy Angel University. — Angeles City: Holy Angel University Press, 2007. — 519 p.

V. Библиографии, книжные каталоги

128. A Bibliography of Philippine Language Dictionaries and Vocabularies / Compiled by G.R. Hendrickson and L.E. Newell. — Manila: Linguistic Society of the Philippines, 1991. — 163 p. — (Linguistic Society of the Philippines. Special Monograph Issue. No 30).
129. Catalogue of Rare Books: University of Santo Tomas Library: Vol. 1: 1492–1600 / Ed. by A. Aparicio, O.P. — Quezon City: Bookman Printing House, Inc., 2001. — 613 p.
130. Conklin, H.C. A Bibliography of William Henry Scott / Harold C. Conklin // Pilipinas. A journal of Philippine Studies. — 1994. — No 22.
131. Dutch Filipiniana: An Annotated Bibliography of Dutch Publications on the Philippines / Otto van de Muijzenberg. — Leiden: KITLV Press. — 1992. — 135 p. — (Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde. Working Papers. No 9).
132. Pot, B. Philippines. Bibliographie thématique en Langue française: Annotée et commentée / B. Pot. — Paris: Societe Nouvelle Librarie Orientaliste Paul Geuthner; Seven Orients, 2003. — 183 p.
133. Southeast Asia Catalog with an Emphasis on the Philippines / Robert S. Baird, Bookseller. — Corvallis: The Book Bin Pacifica, 2001. — 99 p. — (Southeast Asia Catalog. No 13).

VI. Справочники и определители

134. 100 Wild Plants: A Centennial Science and Technology Research Project of Centro Escolar University / Centro Escolar University. — Manila: Centro Escolar University, 2005. — 196 p.
135. Broad, G. Fishes of the Philippines: A Guide to Identification of Families / Genevieve Broad. — Pasig City: Anvil Publishing, 2003. — 512 p.
136. Castro, I.R. A Guide to Families of Common Flowering Plants in the Philippines / Irma Remo Castro. — Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2006. — 201 p.
137. Fisher, T., Hicks, N. A Photographic Guide to Birds of the Philippines / Tim Fisher and Nigel Hicks. — London; Cape Town; Sydney; Auckland: New Holland Publishers (UK), 2006. — 144 p.
138. Lantin-Rosario, Teresite. Fragrant Ornamental Plants in the Philippines / Teresita Lantin-Rosario. — Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2005. — 86 p.
139. Plants of the Philippines / The Science Education Center, University of the Philippines. — Philippines: The University of the Philippines Press, 1980. — 512 p.
140. Research Institutes and Researchers of Asian Studies in the Philippines / Ed. by Kazuo Enoki; The Center for East Asian Cultural Studies. — Tokyo: Hinode Co, 1966. — 133 p.

VII. Журналы

141. Archipelago: The International Magazine of the Philippines / Publications of the Department of Public Information. — 1976. — Vol. 3. — No 2. — 42 p.
142. Cuadernos del Instituto Cervantes de Manila / Instituto Cervantes. — 1994, Sept-Dic. — Número 1. — 93 p.
143. Ethnohistory and Culture: A Glimpse of the Peoples of Old Nueva Vizcaya / Saint-Mary's University. — 2003. — 220 p. — (Saint Mary's University Research Journal. Vol. V. Diamond Jubilee Issue).
144. Focus on Northern Luzon: Local History in the Context of National History / Ed. by Digna Balangue Apilado; Philippine National Historical Society. — Diliman, Quezon City: Philippine National Historical Society, 2006. — 309 p. — (The Journal of History. 2006, Jan-Dec. — Vol. XLII).
145. IBON Facts and Figures: Socio-Economic Bulletin / IBON Databank Philippines. — Manila: IBON Databank Philippines, 1988, Vol. XI, Issues 1–24.
146. Journal of Southeast Asian Studies / National University of Singapore. — 1984, Sept. — Vol. XV. — No 2.

147. Kinaadman (Wisdom): A Journal of the Southern Philippines / Xavier University; Ateneo de Zamboanga; Ateneo de Naga. — 1980. — Vol. II.
148. Kinaadman (Wisdom): A Journal of the Southern Philippines / Xavier University; Ateneo de Zamboanga; Ateneo de Naga. — 1981. — Vol. III.
149. Kinaadman (Wisdom): A Journal of the Southern Philippines / Xavier University; Ateneo de Zamboanga; Ateneo de Naga. — 1982. — Vol. IV.
150. Kinaadman (Wisdom): A Journal of the Southern Philippines / Xavier University; Ateneo de Zamboanga; Ateneo de Naga. — 1984. — Vol. VI. — No 2.
151. Kinaadman (Wisdom): A Journal of the Southern Philippines / Xavier University; Ateneo de Zamboanga; Ateneo de Naga. — 1985. — Vol. VII. — No 1.
152. Kinaadman (Wisdom): A Journal of the Southern Philippines / Xavier University; Ateneo de Zamboanga; Ateneo de Naga. — 1985. — Vol. VII. — No 2.
153. Kinaadman (Wisdom): A Journal of the Southern Philippines / Xavier University; Ateneo de Zamboanga; Ateneo de Naga. — 1986. — Vol. VIII.
154. Kinaadman (Wisdom): A Journal of the Southern Philippines / Xavier University; The Ateneo de Cagayan; Cagayan de Oro. — 2004. — Vol. XXVI.
155. Kinaadman (Wisdom): A Journal of the Southern Philippines / Xavier University; The Ateneo de Cagayan; Cagayan de Oro. — 2005. — Vol. XXVII.
156. Kinaadman (Wisdom): A Journal of the Southern Philippines: 27-year Index: Volumes I-XXVII 1979–2005 / Xavier University; The Ateneo de Cagayan; Cagayan de Oro. — 2005. — 217 p.
157. Mindanao focus / Alternate Resource Center in Davao City. — 1986, Dec. — No 12. — 58 p.
158. Mindanao focus / Alternate Resource Center in Davao City. — 1986, Sept. — No 11. — 58 p.
159. National Museum Papers / National Museum and the Concerned Citizens for the National Museum, Inc. — Manila. — 1992. -Vol. 3. — No 2. — 94 p.
160. NEDA Development Digest / National Economic and Development Authority. — 1974, July. — Vol. II. — No 4. — 32 p.
161. Philippine Journal of Linguistics / The Linguistic Society of the Philippines. — 2006, Vol. 37, No 1. — 126 p.

162. *Philippine Studies* / Ateneo de Manila University. — Manila. — 2003. — Vol. 51. — No 1.
163. *Philippine Studies* / Ateneo de Manila University. — Manila. — 2003. — Vol. 51. — No 2.
164. *Philippine Studies* / Ateneo de Manila University. — Manila. — 2003. — Vol. 51. — No 3.
165. *Philippine Studies* / Ateneo de Manila University. — Manila. — 2003. — Vol. 51. — No 4.
166. *Philippine Studies* / Ateneo de Manila University. — Manila. — 2004. — Vol. 52. — No 1.
167. *Philippine Studies* / Ateneo de Manila University. — Manila. — 2006. — Vol. 54. — No 3.
168. *Philippine Studies* / Ateneo de Manila University. — Manila. — 2007. — Vol. 55. — No 1.
169. *Philippine Studies* / Ateneo de Manila University. — Manila. — 2007. — Vol. 55. — No 2.
170. *Philippine Studies* / Ateneo de Manila University. — Manila. — 2007. — Vol. 55. — No 3.
171. *Philippine Studies* / Ateneo de Manila University. — Manila. — 2007. — Vol. 55. — No 4.
172. *Revisiting Visayan Historiography, Revisioning Philippine Historiography* / Ed. by Rolando O. Borrinaga; Philippine National Historical Society. — Diliman, Quezon City: Philippine National Historical Society, 2007. — 363 p. — (The Journal of History. 2007, Jan-Dec. — Vol. LIII).
173. *Sagisag: Ang magasin ng Pilipino* / Research and Analysis Center, Department of Public Information. — 1976, Agosto. — Tomo II. — Bilang 8. — 58 p.
174. *Selected Papers in Bicol Studies* / Ed. by Bernardita Reyes Churchill; Philippine National Historical Society. — Diliman, Quezon City: Philippine National Historical Society, 1998. — 184 p. — (The Journal of History. 1991, Jan-Dec. — Vol. XXXVI. — No 1&2. — 1992, Jan-Dec. — Vol. XXXVII. — No 1&2).
175. *Solidarity: Current Affairs, Ideas and the Arts* / Solidaridad Publishing House. — 1987, May — June. — No 112. — 168 p.
176. *Solidarity: Current Affairs, Ideas and the Arts* / Solidaridad Publishing House. — 1993, July — December. — No 139–140. — 174 p.
177. *Studies in Agutainen* / J.S. Quackenbush (Part 1, comp.); G.R. Hendrickson and M.S. Melvin (Part 2); Linguistic Society of the Philippines; Summer Institute of Linguistics. — Manila. — 1999. — 115 p. — (Studies in Philippine Languages and Cultures. — 1999. — Vol. 11. — No 1).

178. Trésors des Philippines: Un Archipel de Rites / sous la direction de T. Battesti, H-J. Schubnel. — Paris: Muséum National d'Histoire Naturelle, 1994. — 96 p. — (Revue de Gemmologie. Numéro Spécial).

VIII. Отдельные статьи в периодических изданиях

179. Beer, B. Mga dili ingon nato (Die nicht wie wir sind): Weisse Geister und fremde Menschen auf den Philippinen / B. Beer // Baessler-Archiv. Beitrage zur Volkerkunde. — 1999. — Neue Folge Band XLVII (LXXII Band). — Heft 2. — P. 299–323.

180. Campomanes, O.V. La Revolución Filipina in the Age of Empire [Reprint] / Oscar V. Campomanes // The Japanese Journal of American Studies. — 2007. — No 18. — P. 87–105.

181. Conklin, H.C. Des orientments, des vents, des riz... Pour une etude lexicologique des saviors traditionnels [Reprint] / Harold C. Conklin // Journal d'Agriculture Traditionnelle et de Botanique Appliquée. — 1986. — Vol. XXXIII. — 10 p.

182. Goodway, M. Quenched High-Tin Bronzes from the Philippines [Reprint] / Martha Goodway, Harold C. Conklin // Archeomaterials. — 1987. — Vol. 2. — No 1. — 27 p.

183. Lane, Max. Communist Party in the Philippines: Background to the Split / Max Lane // LINKS: International Journal of Socialist Renewal. — 1994, April-July. — No 1. — P. 43–56.

184. Melencio, Sonny. Leninism versus Stalinism: Current Debate in the Communist Party of the Philippines / Sonny Melencio // LINKS: International Journal of Socialist Renewal. — 1994, April-July. — No 1. — P. 29–42.

185. Solheim II, W. G. Two Tribes of Hunters and Food-Gatherers on the Island of Luzon / Wilhelm G. Solheim II // Bulletin of the International Committee on Urgent Anthropological and Ethnological Research. — 1960. — No 3. — P. 75.

186. The Philippines Left: Prospects of Resurgence: Interview with Francisco Nemenzo // LINKS: International Journal of Socialist Renewal. — 1994, July-September. — No 2. — P. 83–94.

187. The Philippines under Martial Law / Communist Party of the Philippines // Political Affairs: Journal of Marxist Thought & Analysis. — 1973, January. — Vol. LII. — No 1. — P. 40–52.

188. Макаренко, В.А., Мешков, К.Ю. Основные проблемы исследования древнефилиппинского письма / В. А. Макаренко, В.А. Мешков // Советская этнография. — 1973. — № 2. — С. 42–50.

189. Рачков, Г.Е. Предикативы наличия в тагальском языке / Г.Е. Рачков // Вестник Ленинградского университета: История, язык, литература / ЛГУ. — 1967, янв. — № 2. — Вып.1. С. 110–114.

190. Рачков, Г.Е. Фазовые глаголы и фазовые конструкции в тагальском языке [Отдельный оттиск] / Г. Е. Рачков // Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами / Отв. ред. В.С. Храковский; Институт языкознания АН СССР. — Л.: Наука, 1983. — С. 168–175.

IX. Отдельные статьи в сборниках

191. Genzor, J. Philippine Studies in the Soviet Union / Jozef Genzor // Asian and African studies. — 1979. — XV. — P. 165–176.

192. Genzor, J. The Most Recent Phenomena in the Evolution of Contemporary Tagalog Language and Prognosis of its Development / J. Genzor, V. Makarenko // Asian and African Studies. — 1981. — XVII. — P. 165–175.

193. Griffin, P.B. An Ethnographic View of the Pig in Selected Traditional Southeast Asian Societies / P. Bion Griffin // Ancestors for the Pigs: Pigs in Prehistory / Ed. by Sarah M. Nelson. — Philadelphia, 1998. — p. 27–37 — (MASCA Research Papers in Science and Archaeology. Vol. 15).

194. Griffin, M.B. Homicide and Aggression among the Agta of Eastern Luzon, the Philippines, 1910–1985 / Marcus B. Griffin // Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflicts, Resistance and Self-Determination / Ed. by Peter R. Schweitzer, Megan Biesele, Robert K. Hitchcock. — New York; Oxford, 2000. — P. 94–109.

195. Respicio, N.A. Abel ti Amianan / Norma A. Respicio. // Abel Iloco. Handwoven Textiles of Ilocos Norte. — 1999.

196. Stanyukovich, M.V. Peacemaking Ideology in a Headhunting Society. Hudhud, Women's Epic of the Ifugao / Maria V. Stanyukovich // Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflicts, Resistance and Self-Determination / Ed. by Peter R. Schweitzer, Megan Biesele, Robert K. Hitchcock. — New York; Oxford, 2000. — P. 399–409.

197. Барышникова, О.Г. Землевладение и землепользование на Филиппинах / О.Г. Барышникова // Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии / Отв. ред. Г.Г. Котовский. — М., 1968. — С. 209–235.

198. Барышникова, О.Г. Роль образования в преодолении экономической отсталости (на примере Филиппин) / О.Г. Барышникова // Идеология и культура стран Юго-Восточной Азии / Отв. ред. А.Н. Узянов, И.В. Можейко. — М., 1973. — С. 177–206.

199. Жулев, И.Ф. Ремесло и вопросы образования рынка рабочей силы на Филиппинах (XVI–XX вв.) / И.Ф. Жулев // Очерки из истории Юго-Восточной Азии / Ред. В.А. Тюрин. — М., 1965. — С. 93–117.

200. Ионова, А.И. Католицизм на Филиппинах и во Вьетнаме: предпосылки и особенности формирования современной политической позиции клира и верующих / А.И. Ионова // Становление региона: инте-

грационные процессы в Юго-Восточной Азии: Тезисы научной конференции / Институт востоковедения АН СССР. — М., 1989. — С. 56–57.

201. Круус, М. Языки и диалекты Филиппин и их распространение / М. Круус // Конференция по языкам Юго-Восточной Азии: 23–25 ноября 1964 г. / Институт народов Азии АН СССР. — М., 1964. — С. 18.

202. Левтонова, Ю.О. Общественно-политические взгляды Аполинарио Мабини (из истории общественно-политической мысли на Филиппинах) / Ю.О. Левтонова // Из истории стран Юго-Восточной Азии / Отв. ред. Л.А. Седов, В.А. Тюрин, А.Н. Узянов. — М., 1968. — С. 158–180.

203. Лекомцев, Ю.К. О степени различения классов слов (на материале тибетского, сантали и тагальского языков) / Ю.К. Лекомцев // Конференция по языкам Юго-Восточной Азии: 23–25 ноября 1964 г. / Институт народов Азии АН СССР. — М., 1964. — С. 45–46.

204. Макаренко, В.А. О степени родства тагальского и индонезийского языков / В.А. Макаренко // Вопросы филологии стран Юго-Восточной Азии / Ред. Ю.Н. Мазур. — М., 1965. — С. 73–103.

205. Макаренко, В.А. Роль фольклора в развитии филиппинской литературы / В.А. Макаренко // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии / Отв. ред. Н.И. Никулин. — М., 1988. — С. 123–142.

206. Макаренко, В.А. Тагальско-индонезийские словообразовательные параллели / В.А. Макаренко // Вопросы филологии стран Юго-Восточной Азии / Ред. Ю.Н. Мазур. — М., 1965. — С. 25–46.

207. [Рецензия] / В. Макаренко // Современная художественная литература за рубежом: Информационный сборник. — М.: Прогресс, 1979. — С. 90–93. — Рец. На кн.: The development of Philippine Literature in English (since 1900) / Richard V. Croghan. — Quezon City: Alemar-Phoenix Publishing House, 1975. — 511 p.

208. Макаренко, В.А. Хосе Рисаль и его влияние на развитие филиппинской литературы первой трети XX столетия / В.А. Макаренко // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии / Отв. ред. Н.И. Никулин. — М., 1982. — С. 174–192.

209. Михалевич, Е.П. Проблема языка в филиппинской литературе / Е.П. Михалевич // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии, декабрь 1969 / ЛГУ. — Л., 1969. — С. 27.

210. Плотник, Ю.Е. Филиппины / Ю. Е. Плотник // Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии / Отв. ред. А.М. Решетов, Н.Н. Чебоксаров, Я.В. Чеснов. — М., 1974. — С. 280–285.

211. Рачков, Г.Е. Корневые словари и корневые морфемы тагальского языка / Г.Е. Рачков // Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины:

Нусантарский сборник: 1993–1994 ак. год / Общество «Нусантара». — СПб, 1994. — С. 20–24.

212. Рачков, Г.Е. К вопросу о грамматических категориях тагальского глагола / Г.Е. Рачков // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии / ЛГУ. — Л., 1967. — С. 32.

213. Рачков, Г.Е. О двойственном числе в тагальском языке / Г.Е. Рачков // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии, декабрь 1969 / ЛГУ. — Л., 1969. — С. 37–39.

214. Станюкович, М.В. Эпическое творчество народов Филиппин / М.В. Станюкович // Краткое содержание докладов сессии Института этнографии АН СССР, посвященной столетию создания первого академического этнографо-антропологического центра / ИЭ АН СССР. — Л., 1980. — С. 84–85.

215. Станюкович, М.В. Эпос и обряд у горных народов Филиппин [отдельный оттиск] / М.В. Станюкович // Советская этнография. — 1981. — № 5. — С. 72–83.

216. Станюкович, М.В. Ифугао (Филиппины) и айны: некоторые данные фольклора / М.В. Станюкович // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке / Институт этнографии АН СССР. — Л., 1983. — С. 35–36.

217. Станюкович, М.В. О связи эпической традиции ифугао с земледельческой практикой / М.В. Станюкович // Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре: Сборник статей / ИЭ АН СССР. — М., 1983. — С. 123–134.

218. Станюкович, М.В. Полевые исследования, переводы и публикации эпоса на Филиппинах / М.В. Станюкович // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 годов: тезисы докладов / Институт этнографии АН СССР; Марийский НИИ языка, литературы и истории при СМ Марийской АССР. — Йошкар-Ола, 1986. — С. 274–275.

219. Станюкович, М.В. Этнографические исследования и формирование национального самосознания филиппинцев / М.В. Станюкович // Роль этнографии в идеологической работе и в ускорении социально-экономического развития общества: Всесоюзная научная конференция «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний»: тезисы докладов / ОмГУ. — Омск, 1987. — С. 176–178.

220. Станюкович, М.В. Этнографическая наука на Филиппинах / М.В. Станюкович // Этнографическая наука в странах Азии: Южная и Юго-Восточная Азия / Отв. ред. М.В. Крюков, А.М. Решетов. — М., 1993. — С. 210–228.

221. Станюкович, М.В. Охота за головами у ифугао: практика и ритуал (по материалам начала XX в.) / М. В. Станюкович // Маклаевские чтения (1995–1997): Этнография, история и культура стран южных морей / Отв. ред. Е.В. Ревуненкова, Н.А. Бутинов; МАЭ РАН. — СПб, 1997. — С. 141–150.

222. Станюкович, М.В. Календарь экспедиции на Филиппины 1994–1995 гг. / М.В. Станюкович // Материалы полевых этнографических исследований. Выпуск 4 / МАЭ РАН. — СПб, 1998. — С. 66–72.

223. Станюкович, М.В. Малые народы северного Лусона: многообразие в единстве / М.В. Станюкович // Этнос: Ландшафт: Культура: Материалы конференции / Отв. ред. Л.Р. Павлинская; МАЭ РАН РГО. — СПб, 1999. — С. 262–265.

224. Станюкович, М.В. Филиппинистика в Европе / М.В. Станюкович // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов / МАЭ РАН. — СПб, 2001. — С. 197–200.

225. Станюкович, М.В. Эдуардо Масферре, фотограф-летописец Горной провинции Северного Лусона, и проблема реабилитации горской культуры / М.В. Станюкович // Маклаевские чтения (1998–2000): Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия: народы, культура, история: Краткое содержание докладов / Отв. ред. А.М. Решетов; МАЭ РАН. — СПб, 2001. — С. 46–50.

226. Станюкович, М.В. Музыкальные инструменты ифугао (Филиппины) из собрания МАЭ РАН / М.В. Станюкович // Музыка Кунсткамеры: Материалы Первой инструментоведческой научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 2002 г.) / МАЭ РАН; Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. — СПб, 2002. — С. 167–175.

227. Станюкович, М.В. Корпус текстов по эпике ифугао / М.В. Станюкович // Маклаевские чтения (2002–2006): Историко-культурные связи народов Тихоокеанского бассейна / МАЭ РАН. — СПб, 2006. — С. 174–180.

228. Станюкович, М.В. Новые поступления по Филиппинам: критерии сбора и состав коллекций № 7761 и № 7315 / М.В. Станюкович // Культура и быт австронезийских народов (история коллекций и их собиратели): Сборник МАЭ. Т. LIII / МАЭ РАН. — СПб, 2007. — С. 237–298.

229. Сумский, В.В. Отец Джон Кэрролл. Портрет иезуита в филиппинском политическом интерьере / В.В. Сумский // Малайско-индонезийские исследования. Выпуск XI / Общество «Нусантара». — М., 1998. — С. 69–75.

230. Тайван, Л.Л. К вопросу об истории мусульманско-христианских противоречий на Филиппинах / Л.Л. Тайван // Социально-экономи-

ческие проблемы стран Южной и Юго-Восточной Азии / Ред. В.А. Жаров. — М., 1977. — С. 207–217.

231. Тайван, Л.Л. Становление советской историографии Филиппин / Л.Л. Тайван // Советская историография Юго-Восточной Азии / Отв. ред. Б.Г. Гафуров. — М., 1977. — С. 124–167.

232. Тихонов, Д.И. Жилища и типы сельских поселений на Филиппинах / Д.И. Тихонов // Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов. — Сборник МАЭ РАН. Т. XXIII / МАЭ РАН. — М.; Л., 1966. — С. 222–233.

233. Тихонов, Д.И. Земледельческие орудия и культура земледелия у горных народов Лусона / Д.И. Тихонов // Культура народов зарубежной Азии и Океании: Сборник МАЭ РАН. Т. XXV / МАЭ РАН. — Л., 1969. — С. 304–316.

234. Тихонов, Д.И. К характеристике общины у горных народов Филиппин / Д.И. Тихонов // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии, декабрь 1969 / ЛГУ. — Л., 1969. — С. 45–46.

235. Шкарбан, Л.И. О синтаксических и морфологических свойствах тагальского глагола / Л.И. Шкарбан // Конференция по языкам Юго-Восточной Азии: 23–25 ноября 1964 г. / Институт народов Азии АН СССР. — М., 1964. — С. 29.

Х. Книги на языках народов Филиппин

236. Alamat Ng Mga Kayumanggi / Sinulat ni P. R. Villanueva. — Manila: Philippine Book Company, 1953. — 113 p.

237. Alaras, C.R. Pamathalaan: ang Pagbubukas sa Tipan na mahal na ina / Consolacion R. Alaras. — Kolonya, Alemanya: UP Diliman, 1988. — 316 p.

238. Ang Bagong Tipan ng magandang balita Biblia: The New Testament in Today's English Version / Philippine Bible Society. — Manila: Philippine Bible Society, 1994. — 819 p.

239. Constantino, T.J. The Two Cultures and the Asian Writer / Teresa Josefina Constantino. — Quezon City: Carmelite Monastery of St. Therese. — 32 p.

240. Gorbachev, M. Programa sa Paglipol na Mga Sandatang Nukleyar / Mikhail Gorbachev. — 1986. — 12 p.

241. In Tranquil Solitary Grandeur (Poetry and St. John of the Cross) / Carmelite Monastery of St. Terese. — Quezon City: Kayumanggi Press, 1991. — 148 p.

242. Landicho, D.S. Sining ng Komunikasyon: Para sa mag-aaral na Pilipino / Domingo G. Landicho. — Makati: Makati Trade Times Publishing Co., 1979. — 187 p.

243. Leaping Beyond to... ("I don't-know-what"): St John of the Cross Quadricentennial Souvenir Edition (1591 December 14 — 1991) / Carmelite Monastery of St. Terese. — Quezon City: Vibal Publishing House, 1991. — 110 p.
244. Makarenko, V. Ang Unyong Sobyet at ang Pilipinas: kahapon at Ngayon / V. Makarenko, A. Olenin. — Manila: Novosti Press Agency. — 105 p.
245. Mercene, F.P., Leon, Z.S. de, Cabaysa, W.G. Sining ng Pakikipagta-lastasan: Para sa Kolehiyo / Felisa P. Mercene [et al.]. — Manila: National Book Store, 1983. — 357 p.
246. Nan Kalin Apu Dios: Tuwali Ifugao: The New Testament in Tuwali Ifugao / International Bible Society. — Manila: International Bible Society, 1991. — 826 p.
247. José, F.S. Viajero: A Filipino Novel / F. Sionil José. — Manila: Solidaridad Publishing House, 1993. — 278 p.
248. Ya Ehel Meknengan ni Impatudek Tu: Antipolo Ifugao: The New Testament / New York International Bible Society. — Manila: Marshburn Press, 1980. — 1061 p.

XI. Художественная литература

249. Бамбуковая флейта: Сборник стихов: Пер. с тагал., исп., англ. / Предисл. В. А. Макаренко. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977. — 293 с.
250. Из филиппинской поэзии XX века: Пер. с тагал., илокан., англ., исп. / Сост., вст. статья, справки об авторах, примеч. В. Макаренко. — М.: Худож. лит., 1981. — 255 с. — (Поэзия Востока XX в.).
251. Пульс земли: Рассказы: Пер. с тагал. и англ. / Вст. статья Г. Левинсона. — М.: Худож. лит., 1973. — 264 с. — (Современная зарубежная новелла).
252. Рассказы филиппинских писателей: Пер. с англ. и тагал. / Сост. С. Игнашев; Предисл. В. Макаренко. — М.: Прогресс, 1969. — 166 с.
253. Рисаль, Х. Избранное / Хосе Рисаль; Пер. с исп., тагал. и англ. — М.: Издательство восточной литературы, 1961. — 259 с.
254. Рисаль, Х. Не прикасайся ко мне / Хосе Рисаль; Пер. с исп. М. Былинкиной; Вст. статья А. Губера; Коммент. Ю. Левтоновой. — М.: Худож. лит., 1978. — 431 с.
255. Современная филиппинская новелла: 60–70-е годы: Пер. с тагал. и англ. / Сост., предисл., справки об авторах В. Макаренко. — М.: Радуга, 1984. — 432 с.
256. Филиппинские новеллы / Сост., пер. с англ. и таг. В. Макаренко. — Алма-Ата: Жазушы, 1973. — 160 с.

257. Франсиско Сиониль Хосе. Дерево; Мой брат, мой палач: Романы / Франсиско Сиониль Хосе; Пер. с англ. И. Подберезского; Послесл. Ю. Рытхэу. — М.: Радуга, 1983. — 448 с.

258. Франсиско Сиониль Хосе. Притворщики: Роман / Франсиско Сиониль Хосе; Пер. с англ. И. Подберезский. — М.: Молодая гвардия, 1971. — 270 с.

259. Эрнандес, А.В. Зерна риса / Амадо В. Эрнандес; пер. с тагал. А. Ревич. — М.: Худож. лит., 1971. — 224 с.

260. Эрнандес, А. Хищные птицы: Роман / Амадо Эрнандес; Пер. с тагал. С. Игнашова и В. Макаренко. — М.: Худож. лит., 1976. — 352 с. — (Зарубежный роман XX века).

ХII. Издания фольклорных текстов

261. 106 Ifugao Abu'wab Tales Documented by Frans Lambrecht, C.I.C.M: from 1932 to 1957 / Compiled, annotated and edited by Carlos R. Medina. — A research project of the Saint-Louis University Cordillera Research and Development Foundation 2000–2001: Project 2 Indigenous literature. — Baguio: SLU-CRDF, 2001. — 564 p.

262. Constantino, E. Isinay Texts and translations / E. Constantino. — Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1982. — 561 p.

263. Constantino, E. The Abduction and Wedding of Two Negrito Maidens (Sung by Baket Anag of Maraburab, Alcalá, Cagayan, Philippines) / Ernesto Constantino; Pref. by Tsunekazu Moriguchi. — Kyoto: Nakanishi Printing Co, 2003. — 211 p. (Endangered Languages of the Pacific Rim Publications Series. A3-008).

264. Guinaang Kalinga Texts / Compiled by Richard Gieser. — Manila: Linguistic Society of the Philippines, SIL, 1987. — 133 p. — (Studies in Philippine Linguistics: Supplementary Series: Philippine Texts. No 4).

265. Hudhud Hidin Penghana: A Story Book in Eastern Ifugao I / Summer Institute of Linguistics. — Manila: Summer Institute of Linguistics, 1986. — 49 p.

266. Hudhud Hidin Penghana: Stories from Long Ago: A Story Book in Eastern Ifugao II / Summer Institute of Linguistics. — Manila: Summer Institute of Linguistics, 1986. — 49 p.

267. Medina, C. R. Six Ifugao Abuwab Tales / Carlos R. Medina. — A research project of the Saint-Louis University Cordillera Research and Development Foundation. — Baguio: SLU-CRDF, 2002. — 85 p.

268. Nanang: I Taguwasi anna Innagawan (Epic: Taguwasi and Innagawan): An Agta Negrito Epic Chanted by Baket Anag / Ed. by E. Constantino. Pref. by Moriguchi Tsunekazu. — Kyoto: Nakanishi Printing Co., 2001. —

126 p. — (Endangered Languages of the Pacific Rim Publications Series. A3-003).

269. Philippine Folk Literature: The Myths / Comp. and ed. by D.L. Eugenio. — Quezon City: University of the Philippines Press, 1994. — 511 p. — (Philippine Folk Literature Series. Vol. IV).

270. The Maiden of Many Nations: Skymaiden who Married a Man from Earth / Ed. by Hazel J. Wrigglesworth. — Manila: Linguistic Society of the Philippines, 1991. — 321 p. — (Linguistic Society of the Philippines, Special monograph Issue. No 31).

271. Ullalim Banna: a Kalinga epic. Inyullalim Gaano Laudi, Idalupa, Pasil, Kalinga, Pilipinas (Sung by Gaano Laudi, from Dalupa, Pasil, Kalinga, Philippines) / Ed. by E. Constantino. Pref. by Moriguchi Tsunekazu. — Kyoto: Nakanishi Printing Co., 2002. — 89 p. — (Endangered Languages of the Pacific Rim Publications Series. A3-007).

272. Upper Tanudan Kalinga Texts / Compiled by Sherry Brainard. — Manila: Linguistic Society of the Philippines, SIL, 1985. — 128 p. — (Studies in Philippine Linguistics: Supplementary Series: Philippine Texts. No 1).

273. Сказки и мифы народов Филиппин / Сост., пер. с англ. и тагал. Р.Л. Рыбкина; Предисл. Б. Б. Парникеля. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1975. — 429 с. — (Сказки и мифы народов Востока).

274. Филиппинские сказки и легенды / Пер. с тагал. С.П. Игнашева. — М.: Издательство восточной литературы, 1962. — 48 с.

XIII. Картографические издания

275. Ez Map Baguio / United Tourist Promotions. — 1: 3000. — 1: 8400. — United Tourist Promotions, 2008.

276. Metro-Manila. Street Map with Complete Street Index on the Back / Bureau of Coast and Geodetic Survey; Ocular Survey NAMRIA Heinrich Engeler. — 1: 20 000. — Philippines: National Book Store, 2004.

277. Philippines Country Maps / Periplus Travel Maps. — Singapore: Periplus.

278. The Baguio Landmarks Map / FSS Creative Art Techniques Corporation. — Manila: FSS Creative Art Techniques Corporation, 1994.

279. The Philippines. Tourist Map of the Philippines Plus Street Map of Manila / Department of Tourism. — 1:25 000 meters. — 1: 3100 000 km. — Hong Cong: Ismay Publications, 1999.

280. Tourist Map of the Philippines Plus Street Map of Manila / Rediscovery Philippines. — 1: 3 100 000. — Rediscovery Philippines, 1999.

XIV. Электронные носители

281. Filipiniana Book Guild [CD-ROM]. Series 1 / National Commission for Culture and the Arts; Filipinas Heritage Library. — 1 CD-ROM. — Requirements: Pentium PC, Windows 95 or better.

282. Pioneers of Philippine Art. Luna, Amorsolo, Zobel [Documentary] / Produced by Filipinas Heritage Library for the Ayala Museum. — Ayala Foundation, 2006. — 1 DVD-ROM.

М. В. Станюкович, Т. И. Шаскольская

**БИБЛИОГРАФИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ФИЛИППИНИСТИКИ XX — НАЧАЛА XXI В.:
ФИЛОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ**

В данную библиографию включены публикации петербургских исследователей, изданные в России и за рубежом, публикации ученых из других городов и стран, изданные в Санкт-Петербурге, а также работы, созданные в Петербурге, например классические труды Р.Ф. Бартона, написанные им в бытность сотрудником МАЭ РАН (1930–1940), но опубликованные после отъезда из России. Это в основном статьи и тезисы по антропологии, этнологии, этнографии, лингвистике, фольклору и литературе Филиппин, есть и несколько монографий. В список также включены работы, в которых филиппинские сюжеты занимают не центральное, но существенное место. Библиография не полна. Надеемся, что в будущем она пополнится, в том числе и с помощью коллег: просим посылать выходные данные на электронный адрес mstan@kunstkamera.ru. Не учтены работы по географии и истории географических открытий, демографии, политологии, международным отношениям, экономике и другим областям, не входящим в сферу компетенции составителей. Исключение сделано для статей, изданных в сборниках Санкт-Петербургского государственного университета и МАЭ РАН по австронезийскому региону. Фамилии бывших студентов Г.Е. Рачкова, выпускников тагальского (филиппинского) отделения СПбГУ, помечены звездочкой (напр., *Клименко С.Б.).

Публикация представляется совершенно необходимой, так как существенно дополняет ранее изданные библиографии¹. В предла-

---

¹ Библиография Юго-Восточной Азии: дореволюционная и советская литература на русском языке, оригинальная и переводная / Сост. А.М. Гришина, М.И. Нефедов, Д.А. Бирман и др. М., 1960. 256 с.; Макаренко В.А. Изучение в СССР филиппинских языков до и после Октября // Народы Азии и Африки. М., 1967. № 6. С. 100–107; Макаренко В.А. Изучение филиппинских языков

гаемом списке публикации разбиты по тематическим разделам, внутри которых они приведены в алфавитном порядке по фамилиям авторов. Работы каждого автора внутри раздела организованы по годам издания, начиная с самых ранних. Для удобства пользования в список включены и статьи, опубликованные в данном сборнике.

Благодарим Г.Е. Рачкова, А.К. Оглоблина и Е.А. Черепневу за помощь и консультации.

I. Филиппины и Россия: история знакомства, культурные связи, преподавание, исследования и конференции в России

II. Филиппинские исследования и преподавание на Филиппинах, филиппиниана в зарубежных странах

III. Культура и история Филиппин в сравнительном освещении

IV. Лингвистика, языковая ситуация

IV.1. Общие работы

IV.2. Тагальский язык

IV.3. Другие филиппинские языки

V. Антропология, этнология, физическая антропология

V.1. Народы Филиппин. Этнографические очерки, этническая история

в России (XVIII–XX вв.) // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. М., 2002. № 1. С. 74–82; Алиева Н.Ф. О вкладе российских лингвистов в австронезийское языкознание // Тр. межинститут. науч. конф. «Востоковедные чтения 2008» (Москва, 8–10 октября 2008 г.). М.: ИВ РАН, 2010. С. 27–53. (Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 17); Библиография трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1900–1962 / Сост. О.В. Бунакова, Р.В. Каменецкая. Л., 1967. 281 с.; То же, 1963–1975 / Сост. Т.И. Шаскольская, Н.М. Сысоева. СПб., 2008. 427 с.; То же, 1976–1985 / Сост. Т.И. Шаскольская, Н.М. Сысоева, Е.В. Шепелева. СПб., 2011. 452 с.; Библиография трудов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 1992–2002 / Сост. Т.И. Шаскольская, Н.М. Сысоева. СПб., 2004. 224 с. Электронный вариант библиографии трудов МАЭ РАН доступен на сайте музея (<http://web1.kunstkamera.ru/library/MAE9202.files/>) и постоянно пополняется.

- V.2. Национальная идентичность филиппинцев**
- V.3. Социализация, социальная организация, терминология родства, гендерные исследования, государство и право**
- V.4. Шаманизм и другие верования. Религиозная ситуация**
- V.5 Война и мир**
- V.6. Персоналии**
- V.7. Этикет**
- V.8. Этноботаника**
- V.9. Физическая антропология**

VI. Этнография

- VI.1. Материальная культура**
- VI.2. Полевые исследования на Филиппинах**
- VI.3. Этнографическое коллекционирование: сбор и изучение коллекций по Филиппинам**

VII. Фольклор и мифология народов Филиппин

- VII.1. Мифология: общие работы**
- VII.2. Эпос народов Филиппин: общие работы**
- VII.3. Эпос илоканцев**
- VII.4. Эпос, мифология и ритуал горных народов Лусона (ифугао и каллаханов)**
- VII.5. Язык эпоса, других жанров фольклора и литературы**

VIII. Литературоведение, теория перевода

IX. Переводы

- IX.1. Художественные переводы филиппинской литературы**
- IX.1. Переводы научных работ по Филиппинам**

X. Библиографии

XI. Рецензии на публикации петербургских исследователей по Филиппинам

І. Филиппины и Россия: история знакомства, культурные связи, преподавание, исследования и конференции в России

1. *Демин Л.М. В.В.* Верещагин в Юго-Восточной Азии // Нусантара. Юго-Восточная Азия: Сб. материалов. 1997–1998 акад. год / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 1998. С. 17–25.

2. *Gallop A.Teh.* From Caucasia to Southeast Asia: Daghistani Qur'ans and the Islamic manuscript tradition in Brunei and the southern Philippines. I // *Manuscripta Orientalia*. SPb., 2008. Vol. 14. No. 1. P. 32–56.

3. *Gallop A.Teh.* From Caucasia to Southeast Asia: Daghistani Qur'ans and the Islamic manuscript tradition in Brunei and the southern Philippines. I // *Manuscripta Orientalia*. SPb., 2008. Vol. 14. No. 1. P. 3–20.

4. *Lontoc Jo., Florendo B.* UP profs constitute RP contingent in 1st Phil Studies meet in St. Petersburg // *UP Newsletter*. 2010. Vol. XXXI. No 3. URL: <http://up.edu.ph/upnewsletter.php/upnewsletter2.php?i=1005&pg=1018&pgi>

5. *Носков В.В.* От «Паллады» до «Авроры»: русские крейсера в Маниле // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы*. СПб., 2009. С. 16.

То же на англ. яз: *Noskov V.V.* From 'Pallada' to 'Aurora': Russian Cruisers in Manila // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts*. St. Petersburg, 2009. P. 16–17.

6. *Носков В.В.* От «Паллады» до «Авроры»: русские крейсера в Маниле // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович*. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 69–83 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

7. *Jose R.* The Russo-Japanese War and the Philippines // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович*. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 59–68 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

8. *Рачков Г.Е.* Тридцать лет петербургскому филиппиноведению // *Культура стран Малайского архипелага. Индонезия, Филиппины, Малайзия: Сб. материалов, 1996–1997 акад. год / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин*. СПб., 1997. С. 133–134.

9. *Ревуненкова Е.В.* Конференция «Pilipinas muna!» — «Филиппины прежде всего!» // *Антропологический форум*. 2010. № 12. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_revunen-kova.pdf

10. **Рутенко Ю.С.* Тагальский язык в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П.С. Палласа // *Радловский сборник: научные*

исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 357–363.

11. **Рутенко Ю.С.* Николай Тиханов — первый русский художник, посетивший Филиппины, и его рисунки из кругосветного плавания шлюпа «Камчатка» (1817–1819) // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы* СПб., 2009. С. 18.

То же на англ. яз.: *Rutenko J.S. Mikhail Tikhonov — the first Russian painter to visit the Philippines, and his paintings from the 1817–1819 overseas voyage of ‘Kamchatka’ sloop // Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts.* St. Petersburg, 2009. P. 19.

12. **Рутенко Ю.С.* М.Т. Тиханов (1789(?)–1862) — первый русский живописец, побывавший на Филиппинах // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович.* СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 530–548 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

13. **Станюкович М.В.* Петербургская филиппинистика: итоги и перспективы // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы.* СПб., 2009. С. 19.

То же на англ. яз.: *Stanyukovich M.V. Philippine Studies in St. Petersburg: Results and Perspectives // Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and Abstracts.* St. Petersburg, 2009. P. 20.

14. **Станюкович М.В.* История филиппинистики в России: взгляд из Санкт-Петербурга // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович.* СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 21–58 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

15. *Шилова Е.В.* Филиппинские работы В.В. Верещагина // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович.* СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 549–557 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

См. также: 197–205.

II. Филиппинские исследования и преподавание на Филиппинах, филиппиниана в других зарубежных странах

16. *Дорофеева Т.В.* Преподавание индонезийского/малайского языков в странах мира // *Индонезийцы и их соседи: Festschrift E.V. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович.* СПб.: МАЭ РАН., 2008. С. 74–87. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

17. **Зуева-Носова И.А.* Центры преподавания филиппинской филологии в Японии // *Филология стран Нусантары (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Восточный Тимор): Материалы докл. Междунар. науч.*

сессии, 24–25 апреля 2003 г. / Отв. ред. А.К. Оглоблин. СПб., 2003. С. 81–82.

То же на англ. яз.: **Zueva-Nosova I.A.* Centers of Teaching Languages and Literature of the Philippines in Japan // Там же. С. 82–83.

18. **Клименко С.Б.* Первая филиппинская конференция-симпозиум по многоязычному образованию на родных языках (18–20 февраля 2010 г., Кагаян де Оро, Филиппины) // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории (статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг.) / Отв. ред. и сост. Е.В. Ревуненкова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 114–119. (Маклаевский сборник. Вып. 3).

19. **Станюкович М.В.* Этнографическая наука на Филиппинах // Этнографическая наука в странах Азии. Южная и Юго-Восточная Азия / Отв. ред. М.В. Крюков, А.М. Решетов. М., 1993. С. 210–229.

20. **Станюкович М.В.* Филиппинские негрито через сто лет после Миклухо-Маклая (исследования Летнего Института Лингвистики) // Выдающийся путешественник и гуманист: Материалы к Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. Н.Н. Миклухо-Маклая. СПб., 1996. С. 40–42.

21. **Станюкович М.В.* Филиппинистика в Европе // Кюнеровские чтения (1998–2000): Крат. содерж. докл. СПб., 2001. С. 198–201.

22. *Умали А.А. III.* От мастера к ученику: преподавание в школе ифугаоского эпоса *худхуд*, бонтокского орлиного танца и *комедии* // *Pilipinas muna!* Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 22.

То же на англ. яз.: *Umali A.A.C. III.* Learning from the Masters: Teaching Ifugao *Hudhud* Chants, San Dionisio *Komedy*a and the Bontoc Eagle Dance in the Classroom // *Pilipinas muna!* The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts. St. Petersburg, 2009. P. 23.

23. *Umali A.A.C. III.* Learning from the Masters: Teaching Ifugao *Hudhud* Chants, San Dionisio *Komedy*a and the Bontoc Eagle Dance in the Classroom // *Pilipinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 128–135 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

III. Культура и история Филиппин в сравнительном освещении

24. *Бандиленко Г.Г.* Новонайденная средневековая надпись // Индонезия. Малайзия. Филиппины: Сб. материалов по культуре Нусантары. 1994–1995 акад. год / Сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 1995. С. 23–24.

25. *Сланевская Н.М.* Формирование австралийской идентичности // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и исто-

рии (статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг.) / Отв. ред. и сост. Е.В. Ревуненкова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 69–80. (Маклаевский сборник. Вып. 3).

26. *Станюкович М.В. Ифугао (Филиппины) и айны: некоторые данные фольклора // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке. Л.: Наука, 1983. С. 35–37.

27. *Станюкович М.В. Живая шаманская эпика филиппинских горцев и эпос народов Сибири // V Конгресс этнографов и антропологов России, Омск, 9–12 июня 2003 г.: Тез. докл. М., 2003. С. 77–78.

То же // Информационный бюллетень координационного Центра комплексных исследований эпической традиции (при отделе Севера ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва). 2003. № 2. С. 5. URL: http://old.iea.ras.ru/periodika/bullet/number_2.pdf

28. *Станюкович М.В. Пища (по материалам экспедиции 1987 года) [со сравнительным разделом по филиппинской пище] // Традиционная материальная культура сельского населения Кубы / Отв. ред. Э.Г. Александренков, А.Х. Гарсиа Далли. М.: Наука, 2003. С. 312–337.

29. Станюкович М.В. Филиппины и Куба: две модели испанской колонизации // Радловские чтения — 2002: Материалы годич. науч. сессии МАЭ РАН. СПб., 2002. С. 111–116.

30. *Stanyukovich M.V. Poetics, Stylistics and Ritual Functions of Hudhud and Noh // Hudhud and Noh: A Dialogue of cultures / Univ. of the Philippines, Center for International Studies (Palabas), Japan Foundation. Manila, 2007. P. 62–67, 71–74.

31. Stone C. The Philippines and Guatemala — a Tale of Three Textiles // Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 470–490 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

32. Татарова К.В. Восточноазиатские диаспоры современного Мельбурна как пример транснациональных общин // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории (статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг.) / Отв. ред. и сост. Е.В. Ревуненкова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 331–336. (Маклаевский сборник. Вып. 3).

33. Штернберг Л.Я. Айнская проблема // Сб. МАЭ. Т. 8. Л., 1929. С. 334–374.

См. также: 39, 40, 44, 47

IV. Лингвистика, языковая ситуация

IV.1. Общие работы

34. *Алиева Н.Ф.* Типология грамматических структур в островных и полуостровных языках Юго-Восточной Азии: глагольные системы // Филология стран Нусантары (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Восточный Тимор): Междунар. науч. сессия, 24–25 апр. 2003 г.: Материалы докл. / Отв. ред. А.К. Оглоблин. СПб., 2003. С. 6–8.

То же на англ. яз.: *Alieva N.F.* A Typology of Grammatical Structures of Southern Asian Insular and Peninsular Languages: Verbal systems // Там же. С. 8–9.

35. *Алиева Н.Ф.* Сравнение систем залоговых конструкций в индонезийском и тагальском языках. К вопросу о симметрии // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 277–288 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

36. **Григорьев И.В.* Типологические особенности формального выражения категории ирреального условия в малагасийском и тагальском языках // *Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Тезисы докладов.* СПб., 1992. Ч. 2. С. 17.

37. **Григорьев И.В.* Типология условных конструкций: На материале тагальского и малагасийского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.20). СПб., 1996.

38. *Зарбалиев Х.М.* Числительные: суммы произведений с коэффициентами, неэталонные суммы // *Филиппины в малайском мире* / Сост. Б.Б. Парникель. М., 1994. С. 71–76. (Малайско-индонезийские исслед. Вып. 5).

39. *Крылов Ю.Ю.* Обозначение стран света в некоторых языках Юго-Восточной Азии и Океании // *Индонезийцы и их соседи: Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 100–115. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

40. *Крылов Ю.Ю.* Названия металлов: австроазиатско-австронезийские параллели // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы.* СПб., 2009. С. 16.

То же на англ. яз.: *Krylov Yu.Yu.* Names of Metals: Austroasiatic Versus Austronesian // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts.* St. Petersburg, 2009. P. 16.

41. *Крылов Ю.Ю.* Названия металлов: австроазиатско-австронезийские параллели // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 425–443 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

42. *Оглоблин А.К.* Диахрония и морфонология малайско-яванских языков // *Вопр. языкознания*. 1985. № 3. С. 108–117.
43. *Ogloblin A.K.* Some problems of diachronic typology of the Malayo-Javanic languages // *Papers from the Fourth International Conference on Austronesian linguistics / Ed. by P. Geraghty, L. Carrington and S.A. Wurm*. Canberra, 1986. P. 111–122.
44. *Оглоблин А.К.* Малайское ронон («дереву») и родственные слова // *Востоковедение / Отв. ред. В.Б. Касевич, Ю.М. Осипов*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. Вып. 15. С. 72–76.
45. *Оглоблин А.К.* Очерк диахронической типологии малайско-яванских языков. М.: Новое тысячелетие, 1996. 192 с.; 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS-Либроком, 2009. 200 с.
46. *Оглоблин А.К.* From inert to actional causative // *Typology of verbal categories: Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday / Ed. by L. Kulikov & H. Vater*. Tuebingen: Niemeyer, 1998. P. 179–183.
47. *Оглоблин А.К.* Названия стран света в западноавстронезийском ареале // *Страны и народы Востока*. СПб.: Наука, 2002. Вып. XXI. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 6. С. 301–314.
48. *Оглоблин А.К.* К истории артиклей в некоторых языках малайско-яванского ареала // *Филология стран Нусантары (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Восточный Тимор): Междунар. науч. сессия, 24–25 апр. 2003 г.: Материалы докл. / Отв. ред. А.К. Оглоблин*. СПб., 2003. С. 31–32.
49. *Ogloblin A.K.* On History of Articles in Some Languages of Malayo-Javanic Area // *Там же*. С. 32–36.
50. *Ogloblin A.K.* Javanese // *Austronesian languages of Asia and Madagascar / Eds A. Adelaar, N.P. Himmelmann*. L.: Routledge, 2005. P. 590–624.
51. *Оглоблин А.К.* К истории яванского глагола: от филиппинского типа к малайскому // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы*. СПб., 2009. С. 17.
- То же на англ. яз: *On the history of Javanese Verb: from the Philippine type to the Malay type // Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts*. St. Petersburg, 2009. P. 17.
52. *Ogloblin A.K.* On the voice conformity in West Austronesian domain // *Вестн. СПбГУ*. 2011. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. Вып. 1. С. 111–121.
53. *Оглоблин А.К.* Полипассивность и политранзитивность в западноавстронезийском ареале // *Международная конференция, посвящ. 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тез.*

докл. / Редкол.: С.Ю. Дмитренко и др. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 140–141.

54. *Оглоблин А.К.* О залоговых соответствиях в языках Западной Австронезии (четыре фазы в истории пассивной конструкции) // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 249–276 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

55. *Поливанов Е.Д.* Одна из японо-малайских параллелей // Изв. Рос. акад. наук. Пг., 1918. Сер. VI. Т. XII. № 18. С. 2283–2284. (Переизд.: Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 143–145).

56. *Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928. 220 с.

57. *Поливанов Е.Д.* Историческое языкознание и языковая политика // *За марксистское языкознание: Сб. популярных лингвистических статей.* М., 1931. С. 10–35.

58. *Рачков Г.Е.* Грамматические сведения в словарях восточных языков // *Проблемы лексикографии* / Под ред. А.С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб., 1997. С. 54–79 (совм. с И.С. Быстровым, Н.В. Гуровым, Д.И. Еловковым).

59. **Студеничник Ю.И.* О месте переключения кодов в системе языковых контактов. Деп. в ИНИОН АН СССР 28.12.91. № 45827. 12 с.

60. **Студеничник Ю.И.* О понятии «переключение кодов» // *Актуальные проблемы лингвистики: Материалы рабочего совещ. / Четвертые февр. лингв. чтения (февр. 1991 г.).* Свердловск, 1991. С. 23–24.

61. *Фролова Е.Г.* Некоторые аспекты современной языковой ситуации в Большой Маниле // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего!* Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 21–22.

То же на англ. яз.: *Frolova E.G.* Some aspects of the modern language situation in Metro Manila // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority!* Conference Program and abstracts. St. Petersburg 2009. P. 11–12.

62. *Фролова Е.Г.* Некоторые аспекты современной языковой ситуации в Большой Маниле // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 404–424 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

63. *Шкарбан Л.И.* О соотношении морфемы и слога в филиппинских языках в контексте интегральной лингвистической типологии // *Нусантара. Юго-Восточная Азия: Сб. материалов / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин.* СПб., 2002. Вып. 3. С. 7–16.

64. *Шкарбан Л.И.* Об особенностях кодирования семантической роли пациенса в залоговых конструкциях филиппинских языков // *Фи-*

лология стран Нусантары (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Восточный Тимор): Междунар. науч. сессия, 24–25 апр. 2003 г.: Материалы докл. / Отв. ред. А.К. Оглоблин. СПб., 2003. С. 36–38.

То же на англ. яз.: *Shkarban L.I. On Certain Aspects of Coding Patient in Philippine Languages* // Там же. С. 38–39.

65. *Яхонтов С.Е.* Наиболее устойчивые слова опытных списков глоттохронологии // Культура стран Малайского архипелага. Индонезия, Филиппины, Малайзия: Сб. материалов, 1996–1997 акад. год / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 1997. С. 10–18.

См. также № 15, 28.

66. *Яхонтов С.Е.* Глоттохронология и степени вежливости в яванских языках // Индонезийцы и их соседи: Festschrift E.B. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 130–139 (Маклаевский сборник. Вып. 1).

IV.2. Тагальский язык

67. *Бакланова Е.А.* Виды заимствований в тагальском языке // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы: Междунар. науч. конф., 4–6 апр. 2006: Тез. докл. / СПб.: Вост. фак. СПбГУ, 2006. С. 82–83.

68. *Бакланова Е.А.* О видах лексических заимствований в тагальском языке // Вестник молодых ученых. Сер. «Филологические науки». СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2006. Вып. 1. С. 73–80.

69. *Бакланова Е.А.* Обзор работ о заимствованиях в тагальском языке // Индонезийцы и их соседи: Festschrift E.B. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 55–73. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

70. *Бакланова Е.А.* К вопросу о тенденциях употребления испанских и английских лексем в современной тагальской коммуникации // *Pilipinas tuna!* Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 10–11.

71. **Григорьев И.В.* Система условных конструкций в тагальском языке // Филиппины в малайском мире / Сост. Б.Б. Парникель. М., 1994. С. 62–71. (Малайско-индонезийские исслед. Вып. 5).

72. **Григорьев И.В.* Условные конструкции в тагальском и малагазийском языках // Общее языкознание, языки Китая и Юго-Восточной Азии: Тез. докл. конф., посвящ. памяти Г. фон Габеленца (1840–1893), 14–15 июня 1994 г. СПб., 1995. С. 4–6.

73. **Григорьев И.В.* Условно-уступительные конструкции в тагальском языке // Культура стран Малайского архипелага. Индонезия, Фи-

липпины, Малайзия: Сб. материалов, 1996–1997 acad. год / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 1997. С. 19–28.

74. **Grigoriev I. V.* Verb transposition in Tagalog (Pilipino) // «North-West — South-East»: North-Western Intern. Acad. Session on South-East Asia, 16–18 June 1998. Abstr. and short papers of Rus. participants = «Северо-Запад — Юго-Восток»: Северо-Западная междунар. науч. сессия по Юго-Восточной Азии, 16–18 июня 1998 г.: Тез. и материалы докл. рос. участников / Ed. Alexandr K. Ogloblin. СПб., 1998. С. 52–59.

75. **Клименко С.Б.* Аккузативность и эргативность в тагальском языке // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы.* СПб., 2009. С. 14.

То же на англ. яз: **Klimenko S.B.* Accusativity and Ergativity in Tagalog // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts.* St. Petersburg, 2009. P. 14.

76. **Клименко С.Б.* Аккузативность и эргативность в тагальском языке // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 306–346 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

77. **Клименко С.Б.* К проблеме определения транзитивности в тагальском языке // *Acta Linguistica Petropolitana.* СПб. (в печати)

78. **Климов Е.А.* Модальные слова и модальные конструкции в тагальском языке // *Вестник ЛГУ.* 1988. Сер. 2. Вып. 4. С. 59–64.

79. **Климов Е.А.* Конструкции с предикатными актантами. Модальные конструкции в тагальском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 15 с.

80. **Osadchuk D.E.* Causative verbs and causative constructions in Tagalog // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts.* St. Petersburg, 2009. P. 17–18.

81. **Поздеева Т.А., Рачков Г.Е.* Бенефактивные конструкции в тагальском языке // *Востоковедение* / Отв. ред. А.Н. Болдырев, С.Н. Иванов. Л., 1977. № 5. С. 74–83.

82. *Рачков Г.Е.* Конфигурации с неспрягаемыми глаголами в тагальском языке // *Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: Тез. докл. науч. конф. вост. фак-та, 1965–1966 уч. год.* Л., 1966. С. 46.

83. *Рачков Г.Е.* Служебное слово *ay* в тагальском языке // *Исследования по филологии стран Азии и Африки* : Сб. статей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. С. 89–94.

84. *Рачков Г.Е.* Предикативы наличия в тагальском языке // *Вестник ЛГУ.* 1967. № 2. С. 110–114.

85. *Рачков Г.Е.* К вопросу о грамматических категориях тагальского глагола // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 32–33.
86. *Рачков Г.Е.* Сложные предложения с придаточным определительным в тагальском языке // IV научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии: Тез. докл. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. С. 57–59.
87. *Рачков Г.Е.* К характеристике тагальских двусоставных определений // Вестник ЛГУ. 1973. № 2. Сер. истории, яз. и лит. Вып. 1. С. 132–138.
88. *Рачков Г.Е.* Некоторые вопросы перевода с русского на тагальский // Пятая научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии: Тез. докл. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. С. 36–37.
89. *Рачков Г.Е.* Именные однородные члены в тагальском языке // Востоковедение / Отв. ред. Ю.М. Осипов, С.Е. Яхонтов. Л., 1976. № 2. С. 73–78.
90. *Рачков Г.Е.* Выбор залоговой формы глагола при переводе с русского языка на тагальский // Востоковедение / Отв. ред. С.Н. Иванов, Е.А. Серебряков. Л., 1977. № 3. С. 39–49.
91. *Рачков Г.Е.* Введение в морфологию современного тагальского языка: Учеб. пос. Л.: Изд-во ЛГУ. 1981. 216 с.
92. *Рачков Г.Е.* Тагальский язык // Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 141–152.
93. *Рачков Г.Е.* Фазовые глаголы и фазовые конструкции в тагальском языке // Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1983. С. 168–175.
94. *Рачков Г.Е.* Об одном тагальском инфиксе // Востоковедение / Отв. ред. А.А. Долинина. Л., 1986. № 12. С. 76–78.
95. *Рачков Г.Е.* Тагальский реципрок // Востоковедение. Л., 1988. № 14. С. 81–89.
96. *Рачков Г.Е.* Корневые слова и корневые морфемы тагальского языка // Индонезия. Малайзия. Сингапур. Филиппины: Нусантарский сб., 1993–1994 acad. год / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 1994. С. 20–24.
97. *Рачков Г.Е.* [Рецензия] // Вестник СПбГУ. 1997. Сер. 2. Вып. 4. С. 115–117 (совм. с В.А. Макаренко). Рец. на кн.: Шкарбан Л.И. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.
98. *Рачков Г.Е.* Словарь филиппинского сленга: [Рецензия] // Нусантара. Юго-Восточная Азия: Сб. материалов, 1998–1999 и 1999–2000 acad. гг. / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 2000. С. 144–145.

99. *Rachkov G.E.* Imperative and Prohibitive Constructions in Tagalog // Typology of Imperative Constructions / Ed. Victor S. Xrakovskij. 2001. P. 438–457. (LINCOS Studies in Theoretical Linguistics. 09).

100. *Rachkov G.E.* Reciprocal, sociative and comitative constructions in Tagalog // Typology of reciprocal constructions / Ed. VI. Nedjalkov. Benjamins, 2007. P. 887–932 (coauthored with Lina I. Shkarban).

101. *Рачков Г.Е.* Новый тагальско-русский словарь. Т. I–II. СПб.: Изд-во СПбГУ (в печати). 1200 с.

102. **Skorynin S.* Grundprobleme der Lexikographie des Tagalog / Filipino unter besonderer Berücksichtigung der Wort- und Formbildung des Verbs. Berlin, 1985. Ph. D. 201 S. (MS).

103. **Skorynin S.* Zu einigen Aspekten des phonetisch-phonologischen Systems der Filipino-Konsonanten // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1989. H. 42.6. S. 771–778.

104. **Skorynin S.* Zur Formierung der philippinischen Nationalsprache — Aspekte eines alten Problems // Asien, Afrika, Lateinamerika. 1990. Bd. 18. No 1.

105. **Студеничник Ю.И.* Tagalog vs. Taglish // Индонезия, Малайзия, Филиппины: Сборник материалов по культуре Нусантары, 1994–1995 акад. год / Сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 1995. С. 11–17.

106. **Студеничник Ю.И.* О лингвистических ограничениях тагальско-английского переключения кодов // Университетское переводоведение. СПб., 2006. Вып. 7. Материалы VII Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения». С. 468–475.

107. **Студеничник Ю.И.* Tagalog vs. Taglish (К проблеме разграничения заимствований и лексической интерференции) // XXXV междунар. филол. конф. СПб., 2006. Вып. 2. Актуальные проблемы переводоведения. С. 49–52.

108. **Студеничник Ю.И.* Английско-тагальское переключение кодов в условиях двуязычия на Филиппинах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 17 с.

109. **Студеничник Ю.И.* Глаголы Taglish: mag- vs. -um- // Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 20–21.

То же на англ. яз.: Taglish verbs: mag- vs. -um- // Pilipinas muna! The Philippines is a priority! Conference program and abstracts. St. Petersburg, 2009. P. 21–22.

110. **Студеничник Ю.И.* Глаголы таглиш: mag- vs. -um- // Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 289–305 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

111. **Студеничник Ю.И.* Таглиш в жизненном цикле английского языка на Филиппинах // Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения и 50-летию преподавательской деятельности Н.А. Шехтмана, Оренбург, 17–18 февр. 2011 г.: Сб. статей / редкол.: И.А. Горбачева (отв. ред.) и др. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. педуниверситета, 2011. С. 254–257.

112. **Студеничник Ю.И.* Переключение кодов: Tagalog vs. English. Взаимодействие английского и тагальского языков в условиях двуязычия на Филиппинах. М.: Книга по требованию, 2011. 136 с.

См. также № 18, 36, 37, 61–62.

IV.3. Другие филиппинские языки

113. **Григорьев И.В.* Характерные особенности языка библейских текстов на чавакано // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. СПб., 1999. Вып. 3. С. 141–150.

114. **Григорьев И.В.* Испаноязычные пиджины на Филиппинах (чавакано) // Нусантара. Юго-Восточная Азия : Сб. материалов, 1998–1999 и 1999–2000 acad. г. / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 2000. С. 23–33.

См. также № 222, 223, 238, 245, 246.

V. Антропология, этнология, физическая антропология

V.1. Народы Филиппин. Этнографические очерки, этническая история

115. *Афабле П.О.* Очерки этнической истории Южной Кордильеры Северного Лусона: народ калангуя (Kalanguya) // Индонезийцы и их соседи: Festschrift E.V. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 277–302. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

116. *Бартон Р.Ф.* Ифугао, малайское племя нагорной части Филиппин // СЭ. 1931. № 1–2. С. 116–149.

117. *Barton R.F.* Philippine pagans — Autobiographies of three Ifugaos. London: Routledge, 1938. XXI, 271 p. Переизд.: Barton R.F. Autobiographies of Three Pagans in the Philippines. New Hyde Park, N.Y.: Univ. Books, 1963. XXXV, 271 p.

118. *Котин И.Ю.* Сикхи, синдхи и другие «бумбаи» — индийцы на Филиппинах // Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 15.

То же на англ. яз: *Kotin I.Yu.* Sikhs, Sindhs And Other 'Bumbai' — Indians On The Philippines // Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts. St. Petersburg, 2009. P. 15.

119. *Котин И.Ю.* Сикхи, синдхи и другие «бумбаи»: индийцы на Филиппинах // *Pilipinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 461–469 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

120. *Миклухо-Маклай Н.Н.* О папуасах (негритосах) на острове Лючоне (из письма г. академику К.М. фон Бэру) // *Собр. соч.*: В 6 т. М.: Наука, 1994. Т. 4. С. 6–8.

121. *Миклухо-Маклай Н.Н.* Этнографические коллекции. Рисунки // *Собр. соч.*: В 6 т. М.: Наука, 1999. Т. 6. Ч. 1. С. 160–161, 487–514.

122. *Рид Л.А.* Коренные народы — кто они? Происхождение и трансформации // *Pilipinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 349–374 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

123. **Станюкович М.В.* Малые народы Северного Лусона: многообразие в единстве // *Этнос. Ландшафт. Культура.* СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 262–266.

124. **Станюкович М.В.* Аэта // БРЭ. 2005. Т. 2. С. 610.

125. **Станюкович М.В.* Бисайя // БРЭ. 2005. Т. 3. С. 378.

126. **Станюкович М.В.* Бонтоки // БРЭ. 2006. Т. 4. С. 28–29.

127. **Станюкович М.В.* Илоканцы // БРЭ. 2008. Т. 11. С. 111.

128. **Станюкович М.В.* Ифугао // БРЭ. 2008. Т. 12. С. 245–246.

129. **Станюкович М.В.* Калинга // Там же. С. 508–509.

130. **Станюкович М.В.* Канканаи // Там же. С. 724–725.

131. **Станюкович М.В.* Магинданао // БРЭ. 2011. Т. 18 (в печати).

132. **Станюкович М.В.* Маранао // Там же (в печати).

133. **Станюкович М.В.* Моро // Там же (в печати).

134. **Станюкович М.В.* Моро // НРЭ. М.: Индра-М, 2011. Т. 10. Кн. 1 (в печати).

135. *Тихонов Д.И.* Равнинные народы Филиппин // *Народы мира. Этнографические очерки. Народы Юго-Восточной Азии.* М.: Наука, 1966. С. 652.

136. *Тихонов Д.И.* Тагалы // Там же. С. 653–659.

137. *Тихонов Д.И.* Висайя // Там же. С. 659–661.

138. *Тихонов Д.И.* Илоки // Там же. С. 661–663.

139. *Тихонов Д.И.* Другие народности равнин Лусона // Там же. С. 663–664.

140. *Тихонов Д.И.* Бонтоки // Там же. С. 667–670.

141. *Тихонов Д.И.* Тингианы // Там же. С. 670–672.

142. *Тихонов Д.И.* Калинги // Там же. С. 672–673.

143. *Тихонов Д.И.* Гадданы // Там же. С. 673–674.

144. *Тихонов Д.И.* Прочие горные народы Лусона // Там же. С. 674.

145. *Тихонов Д.И.* Иватаны // Там же. С. 674.
146. *Тихонов Д.И.* Горные народы Минданао // Там же. С. 674–675.
147. *Тихонов Д.И.* Этническое развитие народов Республики Филиппины // Этническая история народов Азии / Отв. ред. С.М. Абрамзон, Р.Ф. Итс. М.: Наука, 1972. С. 228–245.
148. *Тихонов Д.И.* Аэта Филиппинских островов // Охотники, собиратели, рыболовы: Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе / Отв. ред. А.М. Решетов. Л.: Наука, 1972. С. 147–159.
149. *Флорес К.Н.* Караваны быков на Филиппинах: колеса истории, культуры и торговли // *Pilipinas muna!* Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 23.
То же на англ. яз.: *Flores C.N.* The cattle caravans in the Philippines: connecting history, culture and commerce by cartwheel // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts.* St. Petersburg, 2009. P. 10–11.
150. *Flores C.N.* The cattle caravans in the Philippines: connecting history, culture and commerce by cartwheel // *Pilipinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 375–403 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

У.2. Национальная идентичность филиппинцев

151. **Станюкович М.В.* Этнографические исследования и формирование филиппинской национальной идентичности // Этнографические исследования и пропаганда этнографических знаний: Тез. докл. все-союз. науч. конф. Омск, 1987. С. 176–178.
152. **Студеничник Ю.И.* Лексическая интерференция и национальное самосознание в многоязычном государстве (на примере Филиппин) // Проблемы функционального описания языковых единиц: Тез. межвуз. конф. Свердловск. 1990. С. 196–197.

У.3. Социализация, социальная организация, терминология родства, гендерные исследования, государство и право

153. *Атнашев В.Р.* Особенности конституционного статуса личности в Республике Филиппины // *Pilipinas muna!* Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 9.
То же на англ. яз.: *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts.* St. Petersburg, 2009. P. 9.
154. *Атнашев В.Р.* Особенности конституционного статуса личности в Республике Филиппины (международно-правовой аспект) // *Pilipi-*

nas tuna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 450–460 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

155. *Бартон Р.Ф.* Предварительный анализ древнейшего слоя терминов родства у племени ифугао // Советская этнография: Сб. статей. М.; Л. 1940. № 3. С. 201–206.

156. *Barton R.F.* The Kalingas. Their institutions and custom law. Chicago: UCP, 1949. 275 p.

157. **Станюкович М.В.* Социализация детей и подростков у ифугао (Филиппины) // Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / Отв. ред. И.С. Кон. М., 1983. С. 205–231.

158. **Станюкович М.В.* Мегалитическая культура горцев Лусона и их социальная организация // Маклаевские чтения 1992 г.: Крат. соерж. докл. СПб., 1992. С. 47–49.

159. **Станюкович М.В.* Культурные модели трансвестизма на Филиппинах // III Конгресс этнографов и антропологов России, 8–11 июня 1999 г.: Тез. докл. М., 1999. С. 214–215.

160. *Тихонов Д.И.* К характеристике общины у горных народов Филиппин // Тезисы кон. по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии, декабрь 1969. Л., 1969. С. 45–46.

См. также № 117, 167, 168, 169, 224, 232.

В.4. Шаманизм и другие верования. Религиозная ситуация

161. *Бартон Р.Ф.* Верховное божество у племен аэта на Филиппинах // Антирелигиозник. 1933. № 5. С. 20–26.

162. *Бартон Р.Ф.* Использование мифов как магии у горных племен Филиппин // СЭ. 1935. № 3. С. 77–96.

163. *Barton R.F.* The Religion of the Ifugaos. Menasha; Wisconsin, 1946. 219 p. (Amer. Anthropologist. Vol. 48. No. 4. Pt 2 / Memoir ser. of the Amer. Anthropol. Assoc. Vol. 65).

164. **Станюкович М.В.* Традиционные шаманские верования и различные направления христианства в провинции Ифугао, Филиппины // Религиозный синкретизм: проблемы теоретического и исторического исследования: Материалы IV Санкт-Петербургских религиозед. чтений. СПб., 1997. С. 47–48.

165. **Stanyukovich M.* The Shamanism in a Christian State: Philippine Highlanders // «North-West — South-East»: North-Western Intern. Acad. Session on South-East Asia, 16–18 June 1998. Abstr. and short papers of Rus. participants = «Северо-Запад — Юго-Восток»: Северо-Западная междунар. науч. сессия по Юго-Восточной Азии, 16–18 июня 1998 г.: Тез.

и материалы докл. рос. участников / Ed. A.K. Ogloblin. СПб., 1998. С. 140–141

166. *Станюкович М.В. Когда мужчины-жрецы обращаются к духам-помощникам шаманок: эпос, любовная магия и национальные выборы на Филиппинах // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: Материалы междунар. конгр., посвящ. памяти А.В. Анохина, Н.П. Дыренковой, С.М. Широкогорова, Москва, 7–12 июня 1999 г. (= Shamanism and Other Indigenous Spiritual Beliefs and Practices: Proceedings of the Intern. Congr.: In memoriam A.V. Anokhin, N.P. Dyrenkova, S.M. Shirokogorov). М., 2001. С. 270. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам = Ethnological Studies of Shamanism and Other Indigenous Spiritual Beliefs and Practices. Т. 5. Ч. 2).

То же на англ. яз.: *Staniukovitch M.V. Love Charms and National Elections: The use of female shamanistic epic heroes/guardian spirits by Ifugao male priests (the Philippines)* // Там же. С. 271.

167. *Станюкович М.В. Когда мужчины-жрецы обращаются к духам-помощникам шаманок: эпос, любовная магия и национальные выборы на Филиппинах // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: Материалы междунар. конгр., посвящ. памяти А.В. Анохина, Н.П. Дыренковой, С.М. Широкогорова, Москва, 7–12 июня 1999 г. (= Shamanism and Other Indigenous Spiritual Beliefs and Practices: Proceedings of the Intern. Congr. In memoriam A.V. Anokhin, N.P. Dyrenkova, S.M. Shirokogorov). М., 2001. С. 177–192. (Этнол. исслед. по шаманству и иным традиц. верованиям и практикам = Ethnological Studies of Shamanism and Other Indigenous Spiritual Beliefs and Practices. Т. 5. Ч. 3).

См. также № 26, 27, 30, 159, 215, 224, 225, 226, 231–233, 237, 242, 243.

V.5 Война и мир

168. *Станюкович М.В. Охота за головами у ифугао: практика и ритуал (по материалам начала XX в.) // Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 141–150.

169. **Stanyukovich M. Peacemaking Ideology in a Headhunting Society: Hudhud, Women's Epic of the Ifugao* // *Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflict, Resistance and Self-Determination*. N.Y.; Oxford, 2000. P. 399–409.

См. также № 157, 163, 164.

V.6. Персоналии

170. *Станюкович М.В. Необычная биография (Рой Фрэнклин Бартон, 1883–1947) // СЭ. 1979. № 1. С. 76–83.

171. *Станюкович М.В. Эдуардо Масферре, фотограф-летописец Горной провинции Северного Лусона, и проблема реабилитации горской культуры // Маклаевские чтения (1998–2000): Крат. содерж. докл. СПб., 2001. С. 46–51.

172. *Stanyukovich M.V. R.F. Barton, American anthropologist, as a Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Leningrad, 1930–1940 // Российско-Американские связи: 300 лет сотрудничества = Russian-American Links: 300 Years of Cooperation / Ред. Ю.П. Третьяков, Н.А. Александрова. СПб.: Акад. проект, 2004. С. 34–49.

173. *Станюкович М.В. Байер Генри Отли // БРЭ. 2005. Т. 2. С. 658.

174. *Станюкович М.В. Бартон Рой Франклин // БРЭ. 2005. Т. 3. С. 77–78.

175. *Станюкович М.В. Гриффин Персиваль Байон // БРЭ. 2007. Т. 8. 23–24.

См. также № 262.

V.7. Этикет

176. *Станюкович М.В. Женский взгляд на воинский этикет: худху-ды ифугао // Этикет у народов Юго-Восточной Азии / Отв. ред. Е.В. Иванова, А.М. Решетов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 180–189.

См. также № 28, 157, 179, 180, 189.

V.8. Этноботаника

177. *Станюкович М.В. Символическое значение тканей и компонентов бетельной жвачки у ифугао, Филиппины // VI Конгресс этнографов и антропологов России, С.-Петербург, 28 июня — 2 июля 2005 г.: Тез. докл. СПб., 2005. С. 163.

178. *Станюкович М.В. «Сын бетельного ореха и перечного листа»: мотив непорочного зачатия в эпосе и мифологии севера Филиппин // VI Конгресс этнографов и антропологов России, С.-Петербург, 28 июня — 2 июля 2005 г.: Тез. докл. СПб., 2005. С. 201–202.

179. *Станюкович М.В. Бетель и другие легкие жевательные стимуляторы растительного происхождения. Основные направления исследования (программа) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 323–328.

180. *Станюкович М.В. «Сын бетельного ореха и листа бетеля»: символика Areca Catechu и Piper Betle в фольклоре и традиционной культуре ифугао и других народов Филиппин // Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В.Б. Колосова. СПб.: Наука, 2010. С. 306–340. (Acta Linguistica Petropolitana. Т. VI. Ч. 1).

181. *Станюкович М.В. Роль *Areca Catechu* L. в распространении обычая искусственной деформации зубов и формировании идеала красоты в Юго-Восточной Азии // IX Конгресс этнографов и антропологов России, Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 2011. С. 519.

См. также № 44, 189, 190.

В.9. Физическая антропология

182. *Козинцев А.Г.* Население Филиппин и эволюция человеческих популяций Тихоокеанского бассейна // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы.* СПб., 2009. С. 15.

То же на англ. яз.: *Kozintsev A.G.* Philippine Population And Evolution of Human Populations Of The Pacific Basin // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts.* St. Petersburg 2009. P. 15.

183. *Roginski Ya.Ya, Barton R.F.* Ifugao Somatology // *Philippine Journal of Science.* 1941. Vol. 74. No 4.

VI. Этнография

VI.1. Материальная культура

184. *Иванова Е.В.* Одежда и украшения народов Юго-Восточной Азии: опыт сравнительно-типологического исследования. СПб.: МАЭ РАН, 2002. 174 с.

185. *Лебедева А.А.* Традиционные суда Филиппин // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы.* СПб., 2009. С. 16.

То же на англ. яз.: *Lebedeva A.A.* Traditional Ships of The Philippines // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts.* St. Petersburg, 2009. P. 16.

186. *Лебедева А.А.* Традиционные суда Филиппин // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович.* СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 444–449 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

187. *Станюкович М.В. Традиционное ткачество у ифугао сегодня // *Традиционное искусство: диалог эпох.* СПб., 1997. С. 48–49.

188. *Станюкович М.В. Лестница в небо [рисовые поля ифугао] // *Наш следопыт.* 1998. № 5. С. 10–11.

189. *Станюкович М.В. О влиянии испанской колонизации на систему питания народов Филиппин // *Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона.* СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 348–364.

190. *Станюкович М.В. Алкогольные напитки в филиппинском ритуале // Кюнеровские чтения (2001–2004). СПб., 2005. С. 148–151.

191. Тихонов Д.И. Жилище и типы сельских поселений на Филиппинах // Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов. М.; Л., 1966. С. 222–223. (Сб. МАЭ. Т. XXIII).

192. Тихонов Д.И. Земледельческие орудия и культура земледелия у горных народов Лусона // Культура народов Зарубежной Азии и Океании. Л., 1969. С. 304–316. (Сб. МАЭ. Т. XXV).

См. также № 28, 31, 158, 177, 194–196, 203–205.

VI.2. Полевые исследования на Филиппинах

193. *Станюкович М.В. Календарь экспедиции на Филиппины 1994–1995 гг. // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1998. Вып. 4. С. 66–72.

194. *Станюкович М.В. Новые поступления по Филиппинам: критерии сбора и состав коллекций № 7161 и № 7315 // Культура и быт австронезийских народов. СПб., 2007. С. 237–299. (Сб. МАЭ. Т. LIII).

195. *Станюкович М.В. Цена музейного предмета. Полевая работа и сбор коллекций на Филиппинах // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 187–193.

196. Ушаков Н.В. Бытование вещей на фотографии (на примере материалов экспедиции М.В. Станюкович на Филиппины в 2008 г.) // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории (статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг.) / Отв. ред. и сост. Е.В. Ревуненкова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 142–166. (Маклаевский сборник. Вып. 3).

См. также разделы **V.4. Шаманизм и другие верования. Религиозная ситуация; V.8. Этноботаника; VII.4. Эпос, мифология и ритуал горных народов Лусона (ифугао и каллаханов)**

VI.3. Этнографическое коллекционирование: сбор и изучение коллекций по Филиппинам

197. Иванова Е.В., Решетов А.М. Формирование и исследование фондов МАЭ по Юго-Восточной Азии // Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии. СПб., 1995. С. 5–32. (Сб. МАЭ. Т. XLI).

198. Касаткина А.К. Иллюстративные материалы отдела Австралии, Океании и Индонезии по островам Юго-Восточной Азии // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 277–281.

199. *Касаткина А.К.* Иллюстративные коллекции Р.Ф. Бартона, хранящиеся в МАЭ РАН // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего!* Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 13.

То же на англ. яз: *Kasatkina A.K.* Collections of Photographs by R.F. Barton Stored at MAE RAS // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority!* Conference Program and abstracts. St. Petersburg 2009. P. 13.

200. *Касаткина А.К.* Коллекции филиппинских фотографий Р.Ф. Бартона в МАЭ РАН // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 500–510 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

201. *Кисляков В.Н.* Ранние филиппинские коллекции в МАЭ РАН // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 511–529 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

202. *Соболева Е.С.* Каталог коллекций МАЭ по островной части Юго-Восточной Азии // *Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии.* СПб., 1995. С. 207–225. (Сб. МАЭ. Т. XLI).

203. **Станюкович М.В.* Музыкальные инструменты ифугао (Филиппины) из собрания МАЭ РАН // *Музыка Кунсткамеры: к 100-летию Санкт-Петербургского музея музыкальных инструментов: Материалы 1-й инструментовед. науч.-практ. конф.* СПб., 2002. С. 167–175.

204. **Stanyukovich M.V.* The symbolic meaning of ethnographic objects in Ifugao *hudhud* tradition // *Indigenous Peoples and Local Communities in Transition: 1st Intern. Conf. on Cordillera Studies, 7–9 February 2008, Baguio City, Philippines* / Cordillera Studies Center. Univ. of the Philippines. Baguio, 2008. P. 60.

205. **Stanyukovich M.V.* Ifugao ethnographic art and its symbolism in *hudhud* oral epics (with references to collections of St. Petersburg, Russia and Goteburg, Sweden) // *International conference ‘Southeast Asia: Art, Cultural Heritage, and Artistic Relations with Europe/Poland’.* Krakow (в печати).

См. также № 194–196.

VII. Фольклор и мифология народов Филиппин

VII.1. Мифология: общие работы

206. *Березкин Ю.Е.* Тихоокеанский и центральноевразийский компоненты америндейских мифологий // *Индонезийцы и их соседи: Festschrift E.V. Ревуненковой и А.К. Оглоблину* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 156–175. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

207. *Березкин Ю.Е.* Два мотива в мифологиях Западной Меланезии и происхождение лапиты // *Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории* (статьи по материалам Маклаевских чте-

ний 2007–2009 гг.) / Отв. ред. и сост. Е.В. Ревуненкова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 58–68. (Маклаевский сборник. Вып. 3).

208. *Березкин Ю.Е.* Три фольклорных мотива из трех эпох в истории Филиппин // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего!* Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 11.

То же на англ. яз // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts.* St. Petersburg, 2009. P. 9–10.

209. *Березкин Ю.Е.* Четыре фольклорных мотива из трех эпох в истории Филиппин и Индонезии // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 136–172 (Маклаевский сборник. Вып. 4). См. также 180.

VII.2. Эпос народов Филиппин: общие работы

210. *Revel N., *Stanyukovich M.V.* The Role of the Epic Singer and Epic Hero in Traditional Power Structures of the Philippines // Иерархия и власть в истории цивилизаций: Третья междунар. конф. Москва, 18–21 июня 2004 г.): Тез. докл. = *Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Third Intern. Conf. Moscow, June 18–21, 2004: Abstr. M., 2004.* С. 151.

211. *Revel N.* Heroic Characters as Models of Leader in Philippines Oral Epics // Индонезийцы и их соседи. *Festschrift* Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 186–208. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

212. **Станюкович М.В.* Эпическое творчество народов Филиппин // Краткое содержание докладов сессии ИЭ АН СССР, посвящ. столетию создания первого академического этнографо-антропологического центра. Л.: Наука, 1980. С. 84–85.

213. **Станюкович М.В.* Эпос и обряд у горных народов Филиппин // СЭ. 1981. № 5. С. 72–83.

214. **Станюкович М.В.* Полевые исследования, переводы и публикации эпоса на Филиппинах // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 гг.: Тез. докл. Йошкар-Ола, 1986. С. 274–275.

215. **Станюкович М.В.* Устный эпос и шаманство: проблемы этнологического исследования народов Азии // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра: Материалы Междунар. науч. конф., 20–23 марта 2003 г. / Под ред. Ю.К. Чистова и В.А. Тишкова. СПб., 2003. Вып. 1. С. 174–185.

216. **Станюкович М.В.* Филиппинский эпос — российские и американские исследования // Российско-Американские связи: Схожие проблемы — различные взгляды. Программа конференции [Тезисы]. СПб., 2005. С. 11–12.

То же на англ. яз.: *Stanyukovich M.V. Filipino Epic — Russian and American Studies // Russian-American Links. Similar Issues — Different Visions. Conference program [Summaries].* SPb., 2005. P. 14.

217. **Станюкович М.В.* Филиппинский эпос и связанные с ним искусственные конструкции // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы» / Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2010. С. 156–164.

218. **Станюкович М.В.* О роли чужой культуры в формировании и сохранении эпической традиции. Филиппинские параллели к российским материалам // Второй Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докл. М., 2011 (в печати).

219. **Станюкович М.В.* Юбилей эпических сказаний // Юбилей в культуре / Отв. ред. Е.Е. Левкиевская, М.С. Лурье. М.: Изд-во РГГУ (в печати).

220. **Станюкович М.В.* Филиппинский фольклор: проблемы сбора, хранения и исследования полевых материалов // Мультимедийные и цифровые технологии в собирании, сохранении и изучении фольклора. ИМЛИ им. А.М. Горького. М. (в печати).

См. также № 180.

VII.3. Эпос илоканцев

221. *Козьмин А.В.* Урегулированность силлабики илоканского и монгольского эпоса: опыт сопоставления // *Pilipinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 196–202 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

222. **Яценко С.И.* Илоканский эпос «Жизнь Лам-анга»: история изучения и содержание памятника // *Pilipinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 173–195 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

223. **Яценко С.И.* Организация стиха в илоканском сказании «Лам-анг» // *Pilipinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 203–232 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

См. также № 217.

VII.4. Эпос, мифология и ритуал горных народов Лусона (ифугао и каллаханов)

224. *Barton R.F.* The mythology of the Ifugaos // *Memoirs of the American Folklore Society.* 1955. Vol. 46. 244 p.

225. *Станюкович М.В. Историческая типология и этнокультурные связи героического эпоса ифугао, Филиппины: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 15 с.

226. *Станюкович М.В. Изменение обрядовых связей эпоса ифугао в ходе этнического развития // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг., посвящ. 60-летию образования СССР: Тез. докл. Нальчик, 1982. С. 251–252.

227. *Станюкович М.В. О связи эпической традиции ифугао с земледельческой практикой [термин *hudhud*] // Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре / Ред. И.В. Крупник, В.А. Попов. М., 1983. С. 123–134.

228. *Stanyukovich M. Transforming violence: headhunting and the women's epics among the Ifugao // Proceedings of the 7th International Conference on Hunting and Gathering Societies / Eds.V. Shnirelman, L. Ellana. M., 1994. P. 644–656.

229. Stanyukovich M.V. Group-identification through hudhud singing in various areas of the Ifugao // III European Conference of Philippine Studies. Conference book. Aix-en-Provence. France, 1996. 2 p.

230. *Станюкович М.В. Кадаклан — большая река в эпосе и мифологии ифугао (Филиппины) // Природа и цивилизация: Реки и культуры: Материалы конф. СПб., 1997. С. 45–49.

231. *Stanyukovich M. Paths of the Soul among the Ifugao, the Philippines // Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach. M.: Russian State University for Humanities, 1998. P. 53–54.

232. *Stanyukovich M.V. The Wording of Gender: Ifugao Women's Epics and Male Ritual Performances // Филология стран Нусантары (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Восточный Тимор): Междунар. науч. сессия, 24–25 апр. 2003 г. : Материалы докл. / Отв. ред. А.К. Оглоблин. СПб., 2003. С. 68–73.

233. *Stanyukovich M.V. A living shamanistic oral tradition: Ifugao *hudhud*, the Philippines // Oral Tradition. 2003. Vol. 18. No 2. P. 249–251.

234. *Stanyukovich M.V. «Aliguyon nak Binenwahan» in the context of Ifugao Hudhud epics // The Philippines: Changing Landscapes, Human-scapes, and Mindscales in a Globalizing World: Seventh Intern. Conf. on Philippine Studies, 16–19 June 2004. Programme & Book of Abstracts. Leiden, 2004. P. 88.

235. *Станюкович М.В. Доминантный мужской смех в филиппинском женском эпосе // VI Конгресс этнографов и антропологов России, С.-Петербург, 28 июня — 2 июля 2005 г.: Тез. докл. СПб., 2005. С. 89.

236. **Stanyukovich M.V.* Factors affecting stability/variability of the Ifugao *hudhud* // 10-International Conference on Austronesian Linguistics. Puerto Princesa, Philippines. URL: <http://www.sil.org/asia/philippines/ical/papers/stanyukovich-hudhud.pdf> (15 p.).

Abstract of this paper is in: Tenth International Conference on Austronesian Linguistics, January 17–20, 2006, Puerto Princesa. Manila, 2006. P. 117.

237. **Станюкович М.В.* Корпус текстов по эпике ифугао // Историко-культурные связи народов Тихоокеанского бассейна: Маклаевские чтения, 2002–2006 гг. / Отв. ред. и сост. Е.В. Ревуненкова. СПб., 2006. С. 174–181.

238. **Станюкович М.В.* Эпическое сказание ифугао «Алигуён, сын Биненуахена»: сюжет, персонажи и топонимы // Индонезийцы и их соседи: Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб., 2008. С. 223–243. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

239. **Станюкович М.В.* Твари ифугаоского эпоса (Филиппины) // VIII Конгресс этнографов и антропологов России, Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 191.

240. **Станюкович М.В.* Худхуды ифугао: роль калануйской культуры в формировании эпической традиции ифугао // *Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы.* СПб., 2009. С. 20.

То же на англ. яз.: *Stanyukovich M.V.* The Hudhud Epics: the Role of Kalanguya in the Formation of the Ifugao Tradition // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority! Conference Program and abstracts.* St. Petersburg, 2009. P. 21.

241. **Stanyukovich M.V.* Hudhud of the Ifugao/Kalanguya. Living Epic Tradition, Local Groups and Cultural Heritage in Northern Luzon, Philippines // *Oral Tradition and Cultural Diversity: 16th World Congress of IUAES, Kunming, China, 2009* (компакт-диск).

242. **Станюкович М.В.* Эпос и память живых и мертвых // Классический фольклор сегодня: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Бориса Николаевича Путилова. Санкт-Петербург, 14–17 сентября 2009 г. / Отв. ред. Т.Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 472–491.

243. **Stanyukovich M.V.* Epic as a Means to Control the Memory and Emotions of Gods and Humans: Ritual Implications of the *Hudhud* Epics among the Ifugao and the Kalanguya // N. Revel, ed. *Songs of Memory. Epics and Ballads of the Philippines.* Cambridge University Press. 30 p. (в печати).

См. также № 26, 27, 30, 115, 117, 163, 164, 168, 169, 176, 180, 203, 213, 215.

VII.5. Язык эпоса, других жанров фольклора и литературы

244. *Михалевич Е.П. Проблема языка в филиппинской литературе // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л., 1969. С. 27.

245. *Станюкович М.В. О локальности, роли иноэтнической культуры и «чужого» языкового материала в эпической традиции. Былины Русского Севера и художды севера Филиппин // Рябининские чтения — 2011: Материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ, 2011. С. 391–394.

246. *Станюкович М.В. Проблемы языковой интерференции в алиме, ритуальном жанре фольклора ифугао (Филиппины) // XXVI Международная научная конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Модернизация и традиции»: Материалы конф. СПб., 2011. С. 368–369.

См. также 221–224.

VIII. Литературоведение, теория перевода

247. *Де ля Пенья У.* Золотой век филиппинско-испанской литературы (1898–1941) // *Pilipinas muna!* Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 18.

То же на англ. яз: *De La Peña W.* Revisiting the Golden Age of Fil-hispanic Literature (1898–1941) // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority!* Conference Program and abstracts. St. Petersburg, 2009. P. 19.

248. *De La Peña W.* Revisiting the Golden Age of Fil-hispanic Literature (1898–1941) // *Pilipinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 119–127 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

249. *Зуева-Носова И.А. Филиппинский поэт о поэте и поэзии // Нусантара. Юго-Восточная Азия: Сб. материалов / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 2002. Вып. 3. С. 78–83.

250. *Колтыга О.В. Исследование творчества классика тагальской литературы Франсиско Балагтаса на Филиппинах и в России // *Pilipinas muna!* Филиппины — прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009. С. 15.

То же на англ. яз: **Koltyga O.V.* “Balagtas Studies” in the Philippines and in Russia // *Pilipinas muna! The Philippines Is a Priority!* Conference Program and abstracts. St. Petersburg, 2009. P. 14.

251. *Колтыга О.В. Исследование творчества классика тагальской литературы Франсиско Балагтаса на Филиппинах и в России // *Pilipinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 233–246 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

252. Рачков Г.Е. Заметки о русской советской литературе на Филиппинах // *Востоковедение* / Отв. ред. В.Б. Касевич, Ю.М. Осипов. Л., 1989. Вып. 15. С. 123–132.

253. Рачков Г.Е. Афористические строки Франсиско Балагтаса // *Культура стран Малайского архипелага. Индонезия, Филиппины, Малайзия: Сб. материалов, 1996–1997 акад. год / О-во «Нусантара», СПбГУ; сост., ред. А.К. Оглоблин. СПб., 1997. С. 3–9 (со стихотворными переводами).*

См. также № 88, 90.

IX. Переводы

IX.1. Художественные переводы филиппинской литературы

254. [Рачков Г.Е., перевод с тагальск.] Асарес Л.А. Сухое дерево — зеленый баньян // *Современная филиппинская новелла: 60–70-е годы.* М., 1984. С. 30–34.

255. [Рачков Г.Е., перевод с тагальск.] Дандан П.С. В крови Таны // *Там же.* С. 81–87.

256. [Рачков Г.Е., перевод с тагальск.] Крисостомо В. Вьетнам не за морями // *Там же.* С. 108–121.

257. [Рачков Г.Е., перевод с тагальск.] Ордоньес Р.Р. Кровь штрейкбрехера // *Там же.* С. 153–156.

258. [Рачков Г.Е., перевод с тагальск.] Дандан П.С. Последняя ставка // *Во имя жизни: Сб. новелл филиппинских писателей.* М., 1986. С. 124–129.

См. также № 253.

IX.1. Переводы научных работ по Филиппинам

259. [*Станюкович М.В., перевод с англ.] Афабле П.О. Очерки этнической истории Южной Кордильеры Северного Лусона: народ калангуя (*Kalanguya*) // *Индонезийцы и их соседи: Festschrift E.V. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 277–302.* (Маклаевский сборник. Вып. 1).

260. [*Станюкович М.В., перевод с англ.] Рид Л.А. Коренные народы — кто они? Происхождение и трансформации // *Pilipinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова /

Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 349–374 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

Х. Библиографии

261. *Воевуцкий И.Н.* Филиппинские издания и западные издания о Филиппинах в Библиотеке Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 493–499 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

262. Список печатных работ Г.Е. Рачкова по филиппинистике // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 13–16 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

263. Библиография работ по Филиппинам, хранящихся в отделе Австралии, Океании и Индонезии МАЭ РАН / Сост. А.К. Касаткина // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 558–581 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

264. Библиография петербургской филиппинистики XX — начала XXI в.: филология, антропология и этнография / Сост. М.В. Станюкович, Т.И. Шаскольская // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова* / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 582–612 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

XI. Рецензии на публикации петербургских исследователей по Филиппинам

265. *Белик А.А.* [Рецензия] // ЭО. 2002. № 3. С. 139–145. Рец. на кн.: *Этикет у народов Юго-Восточной Азии*. СПб., 1999. 192 с.

266. *Горяева Л.В.* [Рецензия] // Восток. 2010. № 2. С. 197–200. Рец. на кн.: *Индонезийцы и их соседи*. Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / Отв. ред. и сост. М. В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2008. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

267. *Игнатъев Р.Н.* [Рецензия] // ЭО. 2005. № 3. С. 144–148. Рец. на кн.: *Традиционная материальная культура сельского населения Кубы* / Отв. ред. Э.Г. Александренков, А.Х. Гарсия Далли. М.: ИЭА РАН, 2003. 382 с.

268. *Макаренко В.А., Шкарбан Л.И.* [Рецензия] // Народы Азии и Африки. 1982. № 6. С. 201–202. Рец. на кн.: *Рачков Г.Е. Введение в морфологию современного тагальского языка: Учеб. пос.* Л.: ЛГУ. 1981. 216 с.

269. Рудникова Е.В. Океанистика в российской этнографии // Россия и АТР = Russia and the Pacific. 2005. № 2. С. 152–156. Рец. на кн.: Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона / Отв. ред. А.М. Решетов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 368 с.

270. Свиридов А.А. [Рецензия] // ЭО. 2005. № 4. С. 165–168. Рец. на кн.: Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона / Отв. ред. А.М. Решетов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 368 с.

271. Турьинская Х.М. [Рецензия] // ЭО. 2010. № 4. С. 214–216. Рец. на кн.: Культура и быт австронезийских народов (история коллекций и их собиратели) / Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. LIII / Отв. ред. П.Л. Белков, Е.В. Ревуненкова. СПб.: Наука, 2007. 368 с.

272. Тюнь Г.Т. [Рецензия] // Вестник СПбГУ. 2011. Сер. 13. Вып. 2. С. 95–99. Рец. на кн.: Индонезийцы и их соседи. Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2008. 432 с.; 16 ил. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

273. Tuula Tuisku. [Рецензия] // Indigenous Nations Studies Journal. 2001. Vol. 2. No 2. P. 103–104. Рец. на кн.: Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflict, Resistance, and Self-Determination / Eds. Peter P. Schweitzer, Megan Biesele and Robert K. Hitchcock, N.Y.; Oxford: Berg-hahn Books, 2000. XII, 498 p.

Список сокращений

БРЭ — Большая российская энциклопедия.

ИМЛИ — Институт мировой литературы.

КарНЦ — Карельский научный центр.

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской академии наук.

НРЭ — Новая российская энциклопедия.

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.

СЭ — Советская этнография.

IUAES — International Union of Anthropological and Ethnological studies.

UCP — University of California Press.

UP — University of the Philippines.

См. также: Медведев М.Ю. Символика султаната Сулу: наследие, контекст, реформы // Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 84-116 (Маклаевский сборник. Вып. 4).

ABSTRACTS

Gennadiy E. Rachkov: Bibliography of Work on the Philippines

Dr. Rachkov, the founder and the head (1967–2011) of Tagalog Philology Department in the School of Asian and African Studies, St. Petersburg State University, is a prominent linguist and the teacher of all the present-day specialists on the Philippines in St. Petersburg. Dr. Rachkov is wider known by his works on Korean language and literature. The present publication is the first comprehensive bibliography of Dr. Rachkov's work in the field of Philippine studies.

Editorial

The present collection of papers is based on the conference “Pilipinas Muna!”, the first big-scale international conference of Philippine studies in Russia that followed the pioneering one in Moscow in 1993, and the very first conference fully concentrated on the Philippines in St. Petersburg. “Pilipinas Muna!” conference, dedicated to 80th birthday of Dr. Gennadiy Evgenyevich Rachkov, was organized by MAE (Kunstkamera) RAS with the help of Philippine Embassy and Philippine Consulate in September 2009.

The first goal of this publication is to give tribute to our teacher and colleague Dr. Rachkov; the second one is to present a comprehensive picture of Philippine studies in St. Petersburg. We are happy to include papers written by some of our much respected colleagues from the Philippines, as well as from Moscow, UK and USA with whom we have long-time scholarly ties. The book also contains bibliographic lists and other data on sources for Philippine materials in St. Petersburg.

We hope that this volume will become a reference book for those studying the Philippines in Russia and those who are interested in Russian Philippine studies.

I. The Philippines and Russia

Philippine Studies in Russia: View From St. Petersburg

Maria V. Stanyukovich

The paper traces the development of Philippine studies in Russia from the early accumulating of knowledge about the archipelago, through the first encounters and gradual growth of interest in Philippine culture in the early XVII–XIX c., to the research of the late XIX — early XXith c. Special attention is paid to the development of ideas of exploration in tropical waters and to the image of the Philippines in the poetry and prose of the Golden Age of Russian literature (G. Derzhavin, M. Lomonosov, N. Karamzin, A. Pushkin, I. Goncharov et al).

St. Petersburg is a treasury of early Russian travelers' accounts of the Philippines that date back to the first overseas voyages. Some of these manuscripts are still in the archives waiting for publication; others, published long ago in naval journals, are to be re-discovered. The Kunstkamera museum is the cradle of the Russian Academy of Science and of all the state museums of the country. We have a wealth of Philippine ethnographic objects waiting to be published, and we continue to expand our collections. Other museums in St. Petersburg — Zoological and Botanical, as well as art museums such as the State Russian Museum and the Academy of Arts also have artefacts and works of art inspired by visits to the Philippines.

St. Petersburg is the place where the study and research of Tagalog, Bahasa Indonesia and other Austronesian languages originated in Russia in early XX c. through the work of B. Polivanov, L. Mervart and L. Karunovskaya. Our series — Maclay Publications — is named for the great Russian anthropologist Nikolay N. Miklouho-Maclay, who worked in New Guinea and the Pacific in the 1870s-1880s. He visited the Philippines three times and acquired part of our collection, although the studies in Philippine folklore, religion, cultural and social anthropology really began in Russia with the work of R. F. Barton, a specialist on Ifugao, who worked in the Kunstkamera museum (MAE RAS) in 1930-1940.

In 1967 Gennadiy E. Rachkov opened the Tagalog Philology Department at the School of Asian and African Languages, St. Petersburg State University. In 2007–2008 the first batch of Tagalog philology

students spent a year at the University of the Philippines following the agreement signed in 2006 between SPbSU and UP Diliman.

In 2009, the ‘Pilipinas muna!’ conference became an important step towards the integration of our studies. It will hopefully result in joint publications, projects and further cooperation that will enhance Russian Philippine studies.

The Russo-Japanese War and the Philippines

Ricardo Jose

The Russo-Japanese War had far reaching consequences throughout Southeast Asia, most countries of which had been colonized by Western powers. Rising nationalist movements, and suspicion and wariness among the colonial powers were given impetus. Many young nationalist leaders were inspired by the Japanese victory in the war, while the colonial powers now looked towards securing their colonies against the new movements and potential threats to their powers. The Philippines, as a colony of the United States, tended to epitomize the changes brought about by the Russo-Japanese War.

From “Pallada” to “Aurora”: Russian Cruisers in Manila

Vladimir V. Noskov

History of Russo-Philippine relations is not distinguished by remarkable events. That is why some of the few events of the kind were of special importance. At a few of the most dramatic moments in Russian history Manila became a port of refuge for famous ships of the Russian Navy. Residents of the Philippine capital witnessed the arrivals of the frigate Pallada made famous by Ivan Goncharov, as well as of the cruiser Aurora, the legendary ship of the Russian Revolution. The Pallada visited Manila at the very eve of the Crimean War. The arrival of the cruiser’s squadron in the 1905 was a consequence of the Russian defeat in her war with Japan. These two wars celebrated the beginning and the end of the specific epoch in the Russian history when she was trying to maintain her positions on the Pacific Ocean shores and her Navy was playing an important part in the fulfillment of this program. In 1905 the Russian officers witnessed the visit to Manila of War Secretary W.H. Taft. Two years later the route of the Taft’s world cruise connected Manila with St. Petersburg.

Symbols of the Royal Sultanate of Sulu: the Heritage, the Context, and the Reforms

Mikhail Yu. Medvedev

The recent heraldic acts of Raja Muda Muedzul I Lail Tan Kiram, the head of the Royal House of Sulu, are analysed in the paper as a synthesis of the rich and heterogeneous emblematic traditions of the Sultanate. The author refers to the purely heraldic context as well as to the legal background of the reforms.

II. Folklore and Literature

Revisiting the Golden Age of Fil-Hispanic Literature (1898–1941)

Wystan De La Peña

Literary histories, written both in Spanish and English, put the American colonial period (1898–1941) as the Golden Age of Fil-Hispanic Literature. This assessment has, by large, gone unquestioned. The paper examines the reasons behind this assessment.

Learning from the Masters: Teaching Ifugao Hudhud Chants, San Dionisio Komedyá and the Bontoc Eagle Dance in the Classroom

Amparo Adelina C. Umali, III

This paper discusses how the living performance traditions of the Ifugao Hudhud Chants, San Dionisio Komedyá and the Bontoc Eagle Dance are taught and transferred to the younger generation in a fun and enjoyable manner in the confines of the classroom at the University of the Philippines Diliman.

Four folklore motifs related to three epochs in history of the Philippines and Indonesia

Yuri E. Berezkin

Areal distribution of four motifs typical for mythology and folklore of Indonesia and the Philippines is compared with the data on the Southeast Asian prehistory. Such a comparison allows to evaluate a probable time of the spread of the motifs. “Sun eats its children” has African and South Asian parallels and is the earliest. It could spread

during the initial peopling of the Indo-Pacific borderlands of Asia by *Homo sapiens*. The “Moon weaver” motif spread later but probably also in pre-Austronesian times (Kubu, Mantra and Philippine Negrito versions share particular details). “Child of two deities cut in two” is an Austronesian motif and recorded on Taiwan, Luzon, Borneo and Cook Islands. Parallels among the Khmu of Laos also exist, however, so the motif could possibly originate on the Asian mainland. The “half-boy” (and the related motif of “half-cock”) is a fairy-tale motif recorded both in Mediterranean and in Southeast Asia with an intermediate case in South Asia (in Mahabharata). In Southeast Asia but not in the Mediterranean this motif preserves links with actual mythological beliefs. Therefore it probably spread from east to west and not otherwise. Such a dispersal can be related to the emergence of the informational network (the “world-system”) between the Mediterranean, South Asia and East Asia since the Roman times.

Ilocano Epic “The Life of Lam-ang”: History of Studies and Analysis of Contents

Sergey I. Yatsenko

“The Life of Lam-ang” (Biag ni Lam-ang) is one of the most well-known epics of the Philippines. The paper gives a brief account on the history of the epic’s studies in the Philippines and Russia. Despite the epic’s high popularity, much is left to be done concerning its literary analysis. Of 6 of the epic’s versions known to have existed, only 4 are available today. Only 3 of them have been translated into European languages. The most recent is the Russian translation of F. Magana’s version of the epic. The epic is included in our MA thesis together with its form and content analysis and the first ever Ilocano grammar sketch to be made in Russia. In addition, it is the first translation of the above noted version into a foreign language and the first Russian translation of an Ilocano literary piece in the history of Philippine studies in Russia. Since Magana’s version has not received much attention from scholars so far, the paper gives a brief overview of its content and at the same time compares it to that of the Yabes’ version. Having 400 verses less than the Yabes’ version (1047 vs. 1477), not only does the Magana’s version contain most of the episodes from the Yabes’ version (some of which are repeated with a surprising degree of similarity),

but it also contains two very interesting episodes which are not to be found in the Yabes' version (an episode where Lam-ang's mother's testing his warrior skills and an episode where Lam-ang encounters and defeats a serpent).

The second aspect the article focuses on is the epic's content analysis. Namely, defining the folklore genre that "Lam-ang" belongs to. Unlike in European/American tradition, Russian folklore studies' tradition tends to define two different genres in epic poetry: epic itself (*geroicheskiy epos*) and what could be vaguely translated as heroic tale (*bogatyrskaya skazka*). The difference between the two is that the former gives a general view on the people's past whereas the latter does not go beyond the boundaries of an individual family or clan. Also, the protagonist of an epic acts in the interests of the people (often associated with the tribe/race that protagonist belongs to) whereas the protagonist of "bogatyrskaya skazka" acts in the interests of his own although implementing the ideal behavior-pattern in an individual heroic act. Although the motifs that form the core of the Ilocano poem are peculiar to the genre of "bogatyrskaya skazka" (magical birth, avenging father's death, heroic wooing), Lam-ang's quest for *rarang* (giant mollusk) which he undergoes upon the request of village's head (or guests at his wedding in Magana's version) could be taken as a clause to partly defining the genre of the poem as an epic.

Metrics of the Iloko and Mongolian epic verse: a comparison

Artyom V. Kozmin

The goal of the paper is a formal comparison between two epic traditions: Iloko and Mongolian. Iloko and Mongolian oral traditions have long epic texts, but no full description of their verse exists. Some scholars argue that Mongolian epic verse is syllabic; statistical arguments supporting this opinion are possible. Iloko epic verse lacks formal description, and Serge Yatsenko's thesis is the only attempt to describe its metrics. Using his data I make a comparison between the syllabic structure of Iloko verse and Mongolian texts with the help of a standard statistical parameter the coefficient of variation. The main result of this comparison can be formulated as follows: Iloko verse has more formal restrictions than Mongolian if we compare the number of syllables in each line. Therefore, if Mongolian metrics is described as syllabic, Iloko metrics

must be described as syllabic too. Of course, this conclusion is a preliminary one, but it may become a good starting point for future research.

Verse organization in the Ilocano epic “The Life of Lam-ang”

Sergey I. Yatsenko

The paper focuses on the analysis of verse structure in the Ilocano epic *Biag ni Lam-ang*, namely, the rhyme and the verses' syllabic structure. The subjects of analysis were the L. Yabes and F. Magana's versions of the epic. In addition, the paper gives rhyming patterns in Ilocano poetry which were derived after analyzing over 40 popular Ilocano songs and over 10 Ilocano poems by XVII–XIX century Ilocano poets.

The main characteristic feature of the poem's poetical text is its prevailing monorhymical structure, although there are some exceptions to the rule. It appears that in the case of the Yabes version the exceptions could be explained by an author's revision of the text, whereas in Magana's version the exceptions could be explained by performer's introducing new episodes to the poem. Analysis of the means by which the desired monorhyme is accomplished shows that despite being a good instrument at a performer's disposal, monorhyme could have been the reason why the poem did not expand in size.

The second characteristic feature of the text's structure is an unstable number of syllables in each line, which varies from line to line. Analysis shows that an organizing pattern could be found behind the seeming chaos. The text is composed of minimal rhythmical segments (often coinciding with minimal semantical segments) consisting of two lines following each other. The difference in number of syllables between the two lines usually does not exceed three syllables. If it does, the line is of great importance to the narrative (usually marking the beginning of a new episode). The said pattern, in a way, could be characterized as typical of earliest examples of Austronesian poetry.

History and Evolution of Fransisco Balagtas Studies in the Philippines and in Russia

Olga V. Koltyga

The paper presents a brief history of “Balagtas studies”, a branch of philological studies of life and works of the prominent Filipino poet

Francisco Balagtas. My work describes the evolution of such studies, how the scholars modified over time their methodological approaches and views and therefore their analyses of the biography and poems of Francisco Balagtas. The article is based on the ideas of both Filipino and Russian scholars.

III. Linguistics

On voice conformity in West Austronesian area (four eras in the history of passive constructions)

Alexander K. Ogloblin

The article pursues one vector of changes in the history of the passive construction in Tagalog, Javanese and Malay as well as some other cognate languages. The Philippine system of several passive forms/derivations, being the most archaic, was transformed into the monopassive system with several transitive verbal derivations in Old Javanese, Old Malay and some other languages in Indonesia. Later Javanese and Malay reduced the distinctive potential of the passive by way of alternating its explicit markers with zero markers depending on the person or human /non-human distinctive features of the actor. Still further some Malay dialects abandoned the passive voice affixation at all, transferring the expression of passive functions to the syntax. So four eras in this particular history of the passive construction in Western Malayo-Polynesian language area may be posited, not synchronized for all of the languages under consideration, as changes from one system to the other proceed with different speed under different language contact conditions.

A comparison of voice construction systems in Indonesian and Tagalog

Natalya F. Alieva

I begin this article with an analysis of the old problem, i.e. the differentiation of predicate-object relations in Indonesian language. In Austronesian linguistics the problem about the so called symmetrical voice category is considered one of the important features of the west-Indonesian languages. Both the west-Indonesian and Philippine subfamilies are in this category. The symmetry of diathesis is discussed by N. P. Himmelmann in a number of articles, and some other authors

also show interest. [Himmelman N. P. 2002; 2005; Klamer M. 2002]. But my approach — and it is the purpose of this article is different. I agree that the active- passive voice constructions are symmetrical in IL, while in Tagalog the actant (case) relations are completely expressed by morphology in passive voice, but such expressions are absent in active sentences.

Taglish Verbs: mag- vs. -um-

Yury I. Studenichnik

An intriguing aspect of Taglish — an informal name for a mixture of Tagalog and English, as used in the Philippines and particularly in Manila — is the fact that any English verb, and even some nouns, can be converted into a Tagalog verb by following the normal verb tense constructions of Tagalog, usually by the addition of one or more prefixes or infixes and by the doubling of the starting sound of the base form of the verb or noun. A semantic contrast between verbs taking the -um- paradigm and those taking the mag- paradigm is known to exist in Tagalog but is virtually absent in Taglish. After a discussion of the categories of semantic contrast between -um- and mag- verbs in Tagalog an attempt is made to explain why the -um- vs. mag- contrast has been lost in Taglish.

Accusativity and Ergativity in Tagalog

Sergey B. Klimenko

The research focuses on the question whether Tagalog belongs to either languages of the accusative or ergative or neither of these syntactic types. The paper contains very short description of the voice system of Tagalog which is one of the languages of the so-called Philippine type having a highly developed category of voice, the main approaches to interpretation of the Tagalog language, namely nominative-accusative, focus, absolutive-ergative and symmetrical, are outlined. The cardinal part of the research consists of analyzing the criteria commonly used by linguists to define a basic transitive construction in a language in vague cases, including the criteria of formal complexity and derivation, completeness of semantic participants expression, textual frequency, discourse distribution restrictions for voice constructions, the hypothesis of transitivity by Hopper and Thompson, the criterion of voice forms

and constructions formation restrictions. Having analyzed the named criteria, the author of the paper arrives at a preliminary conclusion that Tagalog is a language none of the voice constructions of which can be recognized basic relative to all the rest. To put it differently, following W. Foley, Tagalog can be considered a language of the so-called symmetrical voice system.

IV. Anthropology, ethnology, ethnolinguistics

Who Are the Indigenous? Origins and Transformations

Lawrence A. Reid

This paper focuses on three issues: clarification of the different meanings of the term “indigenous”, particularly ‘native people’ versus ‘cultural minority’, an overview of the archaeological and linguistic evidence for the origins of the peoples of the Cordillera in relation to other peoples of the Philippines, and finally a summary account of prehistoric and present transformations of one local Cordilleran community, particularly with reference to the language they speak, and expectations for the future.

The Cattle Caravans of Ancient Caboloan (Interior Plains of Pangasinan): Connecting History, Culture and Commerce by Cartwheel

Ma. Crisanta N. Flores (Manila)

More than just a cultural icon for tourists, the cattle caravans trace its origins to the ancient Caboloan, an interior ethnic state in the province of Pangasinan. Caboloan refers to a place where ‘bolo’ (a specie of bamboo) is abundant which explains why the cattle caravans up to this day peddle goods made from bamboo and rattan. These bamboo-based products are traded in prehispanic times with the coastal villages known then as ‘Panag-asinan’ or where salt was produced. This interior (alog)-coast (baybay) dichotomy and its accompanying trading relations was obscured by the colonial mapping of Spanish Augustinian missionaries, who coming from the coastal town of Bolinao named the entire region as Pangasinan. This prehispanic cultural relations between the interior-coast dichotomy of Caboloan-Pangasinan noted by Scott and Keesing to be vital in the paper of ethnohistories, continue to exist through the living artefact which is the cattle caravan trade.

Locating the cattle caravans of ancient Caboloan, this paper aims at reconstructing local history. Journeying through the caravan routes from the heart of Caboloan to Metro Manila, the cartwheel connects culture and commerce from the village to the metropolis. The cattle caravans' anachronism in today's world market economy becomes an assertion of locality and ethnicity in the face of the hegemonic ethnonational and the reifying global system. While the province of Pangasinan is valued in political terms because of its significant voting population, its ethnocultural history and reality is perceived to be merely subsumed under the mythic kingdom of the Greater Ilocandia. Thus, the cattle caravans serve both as a romantic symbol of an ancient Caboloan culture and as an ethnocultural text amidst the flux of emerging societies and economies.

Some Aspects of the Modern Language Situation in Metro Manila

Elena G. Frolova

Two main languages, English and Filipino, are used as means of communication in Metro Manila. The official status of the national language (it was Tagalog then) was first defined in the Constitution of the Philippines in 1897. Then all the following constitutions (1935, 1946, 1974, 1987) confirmed this status. Later Commission on the Filipino Language gave the official definition of the Filipino language in 1992 and 1996. Besides that 8 letters (c, f, j, ñ, q, v, x, z) were added to the alphabet of the Filipino language and now it consists of 28 letters. It naturally caused the dramatic changes in the phonetic, morphological and lexical system of the language. The rules of the usage of these new 8 letters in the Filipino language were also declared in these documents.

Up to now the English language still prevails in the administrative sphere though some attempts to introduce the Filipino language there were made by the previous presidents of the Philippines.

In the sphere of education the bilingual policy was declared in 1974 and it has never been abolished officially. But since 2003 the President of the Philippines Gloria Macapagal Arroyo tries to promote the English language by all means and to decrease the usage of the Filipino language in this sphere.

Speaking of the language situation in mass media, it should be mentioned that at the present moment there is no one broadsheet published in Filipino. But speaking of the circulation of the newspapers in the Philippines one should point out that the circulation of the newspapers in Filipino is much larger than the one of the newspapers in English though this difference gets smaller for the last years.

If one tries to analyze the correlation of the native Tagalog vocabulary (including assimilated words) and foreign words, used in the newspapers (“Balita” and “Tanod”) in Filipino in 1984 and 2006 it will appear that this correlation hasn’t changed during the last 20 years. So we can draw the conclusion that the Revision of the Alphabet of 1987 and 2001 is not an instrument of changing the language, it simply makes standard the existing situation.

English and Filipino are equally used on the radio and TV. The same can be said about Catholic, Protestant and Adventist churches. The church of Iglesia ni Cristo is the only one which uses pure Tagalog in its sermon and numerous TV and radio programmes on the national channels. I’d like to mention that this church uses local languages in its sermons in non-Tagalog regions and even abroad but the main notions of their religious doctrine are introduced in Tagalog everywhere.

In his every day life the Filipino even highly educated and speaking English fluently mainly uses Taglish to speak to his compatriot.

I conclude that except in administrative spheres both Tagalog and English are used in Metro Manila and that English usage has not diminished.

Names of Metals: Austroasiatic vs. Austronesian

Yuri Yu. Krylov

Despite the lack of conclusive proof as to remote relationship of Austroasiatic to Austronesian, the largest number of the material coincidences within the vocabulary relating to metals is found in these two families. This association is undoubtedly the result of close language contacts. The direction of borrowing was from Austronesian to Austroasiatic.

Traditional Ships of the Philippines

Arina A. Lebedeva

Insular South-east Asia is known as a region where many cultures coexisted and mixed. This interaction influenced traditional water transport. We can see in boats and ships a huge variety of forms, sizes, functions and construction decisions. The paper aims to find the place of traditional ships of Philippines in this variety and to characterize them.

Characteristics of the Constitutional Rights in the Republic of the Philippines

Vadim R. Atnashev

The paper considers main constitutional rights in the Philippines and touches upon the actual problem of human rights in the country. The Bill of Rights is significant part of the working 1987 Constitution, of which some sections are examined. A weak point of some provisions is the presence of clauses that limit declared rights and freedoms. In general, improvement of human rights conditions in the Philippines is connected to activities of the Congress, the Presidential Human Rights Committee, the Commission on Human Rights, and of the interagency councils dealing with human rights concerns of civil society. The paper also considers provisions of the “Indigenous Peoples’ Rights Act” (Republic Act No. 8371) concerning the landed property and registration of titles over ancestral domains of indigenous peoples. Protection of the titling is one of the main tasks of the National Commission on Indigenous Peoples. The Philippine government is recommended to further develop efficient legal mechanisms of human rights protection and promotion.

Sikhs, Sindhs and Other “Bumbai” — South Asians (Indians) in the Philippines

Igor Yu. Kotin

Since 1762 Indians are recorded as present in the Philippines, although linguistics and other sources tell of longer cultural contacts between the territory of present-day Philippines and South Asia. Those ‘Sipays’ who were stationed by the British in Manila stayed there even after 1764. Present day Philippines censuses about 30,000 Indians, mostly first generation migrants, but also descendents of earlier comers. They are commonly known as the ‘Bumbai’. Among them

most influential are Sikhs and Sindhis, both groups originating from North-Western India. Due to their port of departure all Indians still are known in the Philippines as the ‘Bumbais’.

The Philippines and Guatemala — a Tale of Three Textiles

Caroline Stone

The article attempts to explore three aspects of contact among the Philippines, Spain and the Americas with reference to textiles: a plant introduction — piña, a technique — ikat, and the transfer of design motifs — mantones de Manila.

V. The Philippines in Russian art, museums and libraries

Philippine Publications and The Western Publications on The Philippines in The Library of the Institute of Oriental Manuscripts

Igor N. Wojewódzki

The paper gives a history of acquisition of Philippine books and Western publications on Philippines studies by the Library of the Institute of Oriental Manuscripts.

Collections of Photographs by R. F. Barton Stored at the MAE RAS

Alexandra K. Kasatkina

This report is devoted to discussing the collections of photographs by R. F. Barton. The photographs were gathered over several years and under various circumstances. Some of them were published in books and papers by Barton in the USA, Russia and UK. Some of them are stored not only at the MAE, but also in American archives. Here we try to follow the history of these collections.

Early Philippine Collections in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Science

Vladimir N. Kislyakov

The paper gives a brief overview and a detailed list of ethnographic objects acquired by MAE RAS since the early XIXth until the middle of the XXth c., from the first Russian overseas voyages up to

R.F. Barton's fieldwork in Ifugao in 1937. General characteristics of sources are supplied: data on collectors' personalities or institutions and if the collections were acquired by exchange with other European museums or passed from the St. Petersburg museums of Admiralty, Academy of Arts and so on.

Mikhail Tikhanov, the First Russian Painter to Visit the Philippines, and His Philippine Paintings From the 1817–1819 Overseas Voyage of “Kamchatka” Sloop

Julia S. Rutenko

The paper treats about rare and almost unknown paintings of Mikhail Tikhanov, the first Russian painter to visit the Philippines. Mikhail Tikhanov was the official painter of Captain Vassily Golovnin's research and exploratory overseas voyage. Most of Tikhanov's watercolors from the 1817–1819 overseas voyage of “Kamchatka” are about Russian America (Alaska and California). All of them have been repeatedly published both in Russia and the USA. These paintings are the ones that made Tikhanov famous. Only three watercolors out of 43 made by Tikhanov in the voyage are about the Philippines. They are: “The Malays of Luzon Island, living in Manila, — Arey and Tomas”, “A Manila Indian tore the top-hat off Tikhanov's head and ran away” and “The Indians of Manila”. In the best traditions of the Academy of Arts that he graduated from, Tikhanov depicts in detail faces, garments and ornaments, weapons, architecture and specifics of street scenes of yearly XIXth c. Manila. Tikhanov's paintings not just works of art, but are historic and ethnographic sources as well.

The Philippine Series of Pictures by Vassiliy V. Vereschagin

Ekaterina V. Shilova

The paper treats a series of anti-war pictures by a famous Russian painter based on his 1901 visit to the Philippines. Vassiliy V. Vereschagin is known mostly as a pacifist battle-painter with a masterpiece “ Apotheosis of war” (1871) depicting a heap of skulls, dedicated “To all the great conquerors, past, present and future”. The majority oil paintings in Vereschagin's Philippine series were completed for his personal exhibitions in USA and depict wounded and dying American soldiers. In 1901–1902 the

exhibition traveled throughout USA. It had a great success, largely supported by local antagonists of American occupation of the Philippines.

The painter did not have time to turn drawing sketches on Philippine landscapes, seascapes and views of Intramuros into oil paintings (as he usually did coming back home from other voyages). In 1904, during the Russian-Japanese war, he was on board the ship “Petro-pavlovsk” torpedoed by sea bombs.

Bibliography of Publications on The Philippines Deposited in Dept. of Australia, Oceania and Indonesia of MAE RAS

compiled by Alexandra K. Kasatkina

The bibliographical list covers books and periodicals concerning history, culture, languages and natural environment of the Philippines. The titles listed constitute a part of private library of Dr. Maria V. Stanyukovich which is stored in the Department of Australia, Oceania and Indonesia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography.

Bibliography of Philippine Studies in St. Petersburg (XX c. — early XXI c.)

compiled by Maria V. Stanyukovich and Tatyana I. Shaskolskaya

The bibliography includes publications of researchers from St. Petersburg published in Russia and abroad, works written in St. Petersburg (for example, those by R.F. Barton), and papers by Philippinists from other cities and countries published in St. Petersburg. The works listed are mainly papers and abstracts (and a few monographs) on Philippine linguistics, anthropology, oral epics and on ethnographic collections from the Philippines. Almost 300 entries are organized by topics. This short bibliographic list is to be completed in future by adding earlier publications and those on the topics not included.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ AUTHORS' BIODATA

Наталья Федоровна Алиева

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языков Института востоковедения РАН, Москва. Закончила малайское отделение Московского Института востоковедения, в 1963 защитила диссертацию о морфологических особенностях индонезийского глагола. Преподавала малайский и тагалог, занималась переводами. Один из авторов (совместно с А.К. Оглоблиным и Ю.Х. Сирком под руководством В.Д. Аракина) книги «Грамматика индонезийского языка», изданной по-русски (1972) и по-индонезийски (1991). Работала с языком чам в составе Советско-Вьетнамской экспедиции 1979 г. В 1992 защитила докторскую диссертацию о типологических особенностях грамматической структуры индонезийского языка. Автор и соавтор восьми книг, примерно 130 публикаций статей и научных докладов на русском, английском, индонезийском/малайском, вьетнамском, французском языках, научный редактор 18 книг и сборников статей. Активно участвует в работе общества Малайско-индонезийских чтений «Нусантара» при ИСАА МГУ. alievanf@mail.ru

Natalya F. Alieva

Ph.D., is a head researcher in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Born in Moscow in June 1931, she graduated from the Malayan branch in the Moscow Oriental Institute in 1954 and in 1963 received the candidate degree upon submitting her thesis on morphological features of Indonesian verb. She worked as a teacher of Indonesian and Tagalog and as an interpreter in Indonesian, was one of the authors (together with A.K. Ogloblin, Yu.H. Sirk, and V.D. Arakin as the editor) of “The Grammar of Indonesian Language”, published in Russian (1972) and Indonesian (1991). In the Soviet-Vietnamese Linguistic Expedition in 1979 she worked upon the Cham language. In 1992 she presented the dissertation “Special features of the grammatical structure of Indonesian typologically viewed” and was awarded the doctor’s degree. She is the author and co-author of 8 books and the author of 130 scientific articles and papers published in Russian, English, Indonesian/Malay, Vietnamese and French. She is also the scientific editor of 18 books and books of articles. She takes

an active part in the work of the Society of the Malay-Indonesian Studies “Nusantara” in the Institute of Studies on Asia and Africa in the Moscow State University. alievanf@mail.ru

Вадим Рафаилович Атнашев

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры международного и гуманитарного права юридического факультета Северо-западной академии государственной службы. Закончил отделение вьетнамской филологии Восточного факультета СПбГУ. Специалист по религии и литературе чамов. Ведет полевые исследования в чамских районах Вьетнама и Камбоджи, автор многих статей по этой тематике. vatnash@hotmail.com

Vadim R. Atnashev is Assistant Professor of the Chair of International and Humanitarian Law at the North-West Academy of Public Administration, St. Petersburg, Russia. He graduated from the department of Vietnamese language and literature of St. Petersburg State University. His primary interests are international law, especially national minorities' rights issues in Asia, Islam in South-East Asia as well as Cham studies. Dr. Atnashev is the only Russian specialist in religions and literature of Champa and Cham people. In 1990–2000s he conducted fieldwork in the Cham regions of Vietnam and Cambodia and published articles on the topic. vatnash@hotmail.com

Юрий Евгеньевич Березкин

Доктор исторических наук, историк, археолог, этнограф. Заведующий отделом этнографии Америки МАЭ РАН, профессор факультета антропологии ЕУСПб. Закончил отделение археологии Исторического факультета СПбГУ. Научные интересы: археология Нового Света, этнография коренного населения Америки, сравнительная мифология, заселение Америки, ранние сложные общества. jberezkin@gmail.com

Yuri Ye. Berezkin is the Chair of the Department of Ethnography of America at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, the Russian Academy of Science, and a Professor of the Department of Anthropology at the European University at St. Petersburg. His primary interests are in the New World archaeology, the ethnography of Native

Americans, comparative mythology, colonization of America, and early complex societies. jberezkin@gmail.com

Марот Крисанта Н. Флорес

Ph.D. по специальности «филиппинские исследования» в Университете Филиппин. Сфера интересов М.К. Флорес — филиппинская литература, история Филиппин, культурная антропология, сравнительное литературоведение, гендерные исследования, этнические исследования и массовая культура. Начала преподавать в Университете Филиппин после получения диплома в 1987. М.К. Флорес — профессор отделения языка филиппино и филиппинской литературы, преподает также в Азиатском центре. Автор книг и статей, получивших награды Университета Филиппин. Почетный гражданин города Сан Карлос своей родной провинции Пангасинан. Часто участвует в телевизионных программах, посвященных филиппинской культуре.

Ma. Crisanta N. Flores

Ma. Crisanta N. Flores finished her Ph.D. in Philippine Studies at the University of the Philippines. As an interdisciplinary program, Flores' areas under the Ph.D. Philippine Studies Program are the following: Philippine Literature, Philippine History, Cultural Anthropology, Comparative Literature, Gender Studies, Ethnic Studies and Popular Culture. Flores started teaching in UP in 1987 after her college graduation. She is a professor at the Department of Filipino and Philippine Literature and an Affiliate Faculty of the Asian Center. Flores has published books and scholarly papers in her disciplinary areas. These publications merited recognition awards from the University. She also received an Outstanding Citizen Award in the field of culture from the city government of San Carlos in her home province of Pangasinan. Flores is also a frequent resource person on Philippine television relating to Philippine Culture. marotflores@gmail.com

Елена Геннадьевна Фролова

Старший преподаватель ИСАА МГУ. Закончила в 1980 г. Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «восточные языки и литература», квалификация «филолог-востоковед, референт-переводчик тагальского языка». Много лет сотрудничает с Университетом Филиппин,

Дилиман. Научные интересы: морфология и синтаксис тагальского языка, лингвистическая ситуация на Филиппинах. fegt@inbox.ru

Elena G. Frolova is a senior lecturer in the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. She graduated from the Institute of Afro-Asian Studies, Moscow State University in 1980, majoring in Asian and African languages and literature. She has been collaborating with the University of Philippines, Diliman, for many years. Her academic interests lie in Tagalog morphology and syntax and the linguistic situation in the Philippines. fegt@inbox.ru

П. Байон Гриффин

Профессор Эмеритус Гавайского Университета. Этноархеолог, антрополог. Ph.D., 1969. Магистратура по антропологии, Университет Аризоны, 1969. 37 лет преподавал в Гавайском Университете. С 1972 по 1990-е гг. — полевая работа у агта, филиппинских негрито. Основатель и руководитель группового проекта по исследованию охотников-собираателей Сьерра-Мадре, Лусон, Филиппины Автор инновационных работ о роли женщин в охотничьем промысле. Постоянный редактор всех английских текстов «Маклаевского сборника». griffin@hawaii.edu

P. Bion Griffin

Professor Emeritus of the University of Hawai'i at Manoa, where he taught anthropology and archaeology for 37 years. He conducted fieldwork among the Agta (Negrito) of Sierra Madre in 1972–1990s and was the leader of project on foraging societies of Sierra Madre, Luzon, the Philippines. He is the scholar of the roles of women in hunting.

Dr. Griffin has kindly edited the English texts in all the issues of Maclay Publications since 2008. griffin@hawaii.edu

Рикардо Трота Хосе

Более 30-ти лет преподает на историческом факультете Университета Филиппин, Дилиман. Научные интересы: история Филиппин, в частности в период японской оккупации, история Восточной Азии, военная история, история дипломатии. lyjose@ateneo.edu

Ricardo Trota Jose

Professor Jose has been with the Department of History of the University of the Philippines Diliman for more than 30 years. His field of academic interests includes Philippine history, particularly Japanese Occupation of the Philippines, East Asia history, the latter with a focus on Military and Diplomatic Histories. lyjose@ateneo.edu

Александра Константиновна Касаткина

Младший научный сотрудник отдела этнографии Австралии, Океании и Индонезии МАЭ РАН. Закончила отделение индонезийской филологии Восточного факультета СПбГУ, магистратуру и аспирантуру факультета этнологии ЕУСПб. В область ее основных научных интересов входят антропология повседневности, древнеяванская религия и духовная литература, а также визуальная антропология и фотография как антропологический источник. С 2009 г. занимается коллекциями фотографий из Индонезии, Малайзии и Филиппин, хранящимися в МАЭ. kasatkina@kunstkamera.ru

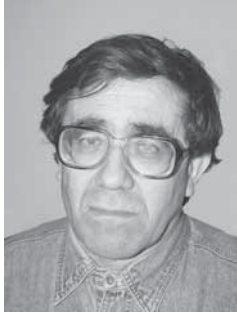
Alexandra K. Kasatkina

is a junior researcher in the Department of Ethnography of Australia, Oceania and Indonesia at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Science. She graduated from the Department of Asian and African studies of St. Petersburg State University and the Department of Ethnology of European University at St. Petersburg. Her primary interests lie in anthropology of everyday life, Old-Javanese religion and religious literature, and visual anthropology, particularly photographs as anthropological sources. She has been in charge of the collections of photographs from Indonesia, Malaysia and the Philippines stored in the Department of Australia, Oceania and Indonesia since 2009. kasatkina@kunstkamera.ru

Владимир Николаевич Кисляков

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН. Выпускник Восточного ф-та СПбГУ. Научные интересы: история формирования фондов отдела этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии, история МАЭ, история российской этнографии. Vladimir.Kislyakov@kunstkamera.ru

Vladimir N. Kislyakov is a senior researcher of the Department of Ethnography of East and South-East Asia at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Science. His interests are in the history of the collections of the Department of Ethnography of East and South-East Asia, the history of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, and the history of Russian ethnography. Vladimir.Kislyakov@kunstkamera.ru

Сергей Борисович Клименко

В настоящий момент учится в магистратуре по лингвистике колледжа социальных наук и философии в Университете Филиппин, Дилиман. В 2007–2008 г. прошел стажировку в Маниле. В 2009 закончил Восточный факультет СПбГУ со степенью бакалавра востоковедения и африканистики по специальности «тагальская филология». Научные интересы: фонология, морфология и синтаксис тагальского языка, теоретические проблемы грамматического строя филиппинских языков. Участник конференций и автор нескольких публикаций по филиппинской лингвистике. venom_2000@mail.ru

Sergey B. Klimenko is currently an MA student in linguistics at the College of Social Sciences and Philosophy, University of the Philippines, Diliman. In 2007–2008 he underwent a training course in Manila. In 2009 he graduated from the School of Oriental and African Studies at St. Petersburg State University, Russia, with a BA degree in Oriental and African Studies majoring in Tagalog philology. His academic interests lie in phonology, morphology and syntax of Tagalog, theoretical issues of the grammar of Philippine languages. He is the author of several publications and a participant of several conferences. venom_2000@mail.ru

Ольга Вячеславовна Колтыга

В настоящий момент пишет диссертацию по поэзии Франсиско Балагтаса в аспирантуре СПбГУ. Закончила Восточный факультет СПбГУ со степенью магистра востоковедения и африканистики по специальности «тагальская филология». Сфера ее научных интересов включает тагальскую литературу периода испанского владычества, в частности

филиппинские стихотворные романы, такие как *korrido* и *awit*, а также пьесы *moro-moro*. olga.koltyga@yandex.ru

Olga V. Koltyga is currently working on her PhD dissertation about the poetry by Francisco Balagtas at St. Petersburg State University. She graduated from the same University with an MA in Asian and African studies, majoring in Tagalog language and literature. Her primary interest is Tagalog literature of the Spanish period, particularly Philippine metrical romances, *korrido* and *awit* forms as well as *moro-moro* plays. olga.koltyga@yandex.ru

Игорь Юрьевич Котин

Доктор исторических наук, Ph.D., старший научный сотрудник отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН. Закончил Восточный факультет СПбГУ со степенью магистра востоковедения и африканистики по специальности «история Индии» и аспирантуру Оксфордского университета. Научные интересы: история и этнография Южной Азии, индийская диаспора, ислам в Европе и Северной Америке. Igor.Kotin@kunstkamera.ru

Igor Y. Kotin

Ph.D., is a senior researcher at the Department of Ethnography of South and South-West Asia at the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Science. Dr. Kotin received his MA degree in Asian and African studies at St. Petersburg State University and defended his PhD dissertation at Oxford. His primary interests are history and ethnography of South Asia, Indian diaspora, and in Islam in Europe and North America. Igor.Kotin@kunstkamera.ru

Артем Викторович Козьмин

Кандидат филологических наук, научный сотрудник Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ. Закончил РГГУ. В сферу научных интересов входит фольклористика и формальные методы в филологии. Вел полевую работу в Монголии и на Северном Кавказе. Автор монографии и ряда статей, посвященных полинезийскому и монгольскому фольклору. В настоящее время работает над электрон-

ной базой полинезийских фольклорных текстов.
kozmin@gmail.com

Artem V. Kozmin is a Research Fellow at The Russian State University for the Humanities. He graduated from the same university and completed his PhD in folkloristics on tale-type and motif indices in 2003. He has conducted fieldwork in North Caucasus and Mongolia. At present Dr. Kozmin is working on a digital database of folklore texts in Polynesian languages. kozmin@gmail.com

Юрий Юрьевич Крылов, 1954–2011

Кандидат филологических наук, старший преподаватель Восточного факультета СПбГУ. Закончил кафедру кхмерской филологии Восточного факультета СПбГУ. Много лет совмещал работу в СПбГУ с работой в отделе Стран Азии и Африки Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Научные интересы: фонология, морфология и синтаксис вьетнамского, кхмерского и различных языков Юго-Восточной Азии. Автор монографии и ряда статей. Скоропостижно скончался в 2011 г. за три дня до защиты докторской диссертации.

Yuri Yu. Krylov, 1954–2011

Ph. D., a senior lecturer at the Department of Asian and African studies in St. Petersburg State University. Along with this position, he worked in the Department of Asia and Africa at the Saltykov-Shchedrin Public Library for many years. Dr. Krylov graduated from the Department of Asian and African studies, St. Petersburg State University, majoring in Khmer language and literature. Academic interests: phonology, morphology and syntax of Vietnamese, Khmer and other languages of South-East Asia. He wrote a monograph and many articles. Dr. Krylov died suddenly in 2011, three days before the defense of his second doctoral dissertation.

Арина Александровна Лебедева

Младший научный сотрудник отдела Австралии, Океании и Индонезии МАЭ. Закончила отделение этнографии исторического факультета СПбГУ. Научные интересы: традиционное судостроение и мореплавание народов Микронезии, история заселения региона. Arina.lebedeva@kunskamera.ru

Arina A. Lebedeva

is a junior researcher in the Department of Ethnography of Australia, Oceania and Indonesia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Science. She graduated from the Department of History at St. Petersburg State University, majoring in Ethnography. Her areas of academic interest are: traditional shipbuilding and navigation of Micronesians and colonization of the region. Arina.lebedeva@kunstkamera.ru

Михаил Юрьевич Медведев

Петербургский историк, специалист в области геральдики и смежных дисциплин. Выпускник и в течение ряда лет сотрудник исторического факультета СПбГУ (кафедра истории средних веков). Преподает в СПбГУ, а также в Институте им. Репина (курс «Геральдика и эмблематика» для художников). С 1992 г. принял участие в работе возрожденного геральдического ведомства России, в настоящее время член Геральдического совета при Президенте РФ, госсоветник РФ 3 класса. Автор трудов по средневековой и российской геральдике, фалеристике, династических исследований и др. Чл.-корр. Международной академии геральдики и Королевской мадридской академии геральдики и генеалогии, член совета кафедры специальных дисциплин им. Барона Вальдеоливоса Института Фердинанда Католического (Сарагоса) и ряда геральдических обществ. Главный объект научного интереса — сравнительные исследования локальных геральдических традиций. В качестве эксперта, разработчика и художника постоянно занимается прикладной геральдикой. Председатель Гильдии геральдических художников (Россия), лауреат премии Лэм за достижения в геральдике (Канада). С 2011 г. дату султаната Сулу, член королевского совета. E-mail: crusilly@gmail.com

Michael Y. Medvedev

Historian, specialist in heraldry and related disciplines. A graduate and for several years a lecturer of the Faculty of History (Middle Ages Dept) of the St. Petersburg University. Teaches in the University as well as in the Academy of Fine Arts (a course of heraldry and emblematics for artists). Since the

restoration of the national office of arms in 1992 participates in its work and currently is a member of the Heraldry Council to the President of Russia, and a State Counsellor. Author of numerous publications on medieval and Russian heraldry, phaleristics, dynastical studies etc. Associated member of l'Académie Internationale d'Héraldique and of la Real Academia Matritense de Heráldica y Genealogía. Member of the Council of la Cátedra de Barón de Valdeolivivos de Emblemática of Fernando el Católico Institution to the Legislature of Zaragoza. Particularly interested in comparative heraldic studies. Works in various spheres of applied and creative heraldry as an expert, designer, and artist. Chairman of the Guild of Heraldic Artist (Russia); Lam prize awarded by the Canadian Heraldic Authority (1996). Since 2011 he is a Datu Saja of the Sultanate of Sulu, a Royal Councillor and the chief heraldic officer (Gateway King of Arms). crusilly@gmail.com

Владимир Витальевич Носков

Доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского Института истории РАН. Закончил исторический факультет СПбГУ. Область научных интересов: история международных отношений, история международного соперничества на Тихом океане, история русско-американских отношений. vnoskov@yahoo.com

Vladimir V. Noskov is the head of the World History Division, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences. Professor. Dr. Noskov graduated from the Department of History, St. Petersburg State University. His fields of scholarly interests include the history of international relations, the history of international rivalries in the Pacific, and the history of Russian-American relations. vnoskov@yahoo.com

Александр Константинович Оглоблин

Доктор филологических наук, профессор Восточного факультета СПбГУ, более 40 лет преподает индонезийский, малайский и яванский языки и другие курсы по малайско-индонезийской филологии на Восточном факультете СПбГУ. Закончил отделение индонезийской филологии Восточного факультета СПбГУ. Основные работы — грамматика индонезийского языка 1972 (в соавторстве) и 2008, диахроническая ти-

пология малайско-яванских языков (1996, 2-е изд. 2009), грамматика мадурского языка (1986), более 200 статей по языкам, литературе и культуре Индонезии и Малайзии, опубликованных на русском, индонезийском, английском и голландском языках, русско-индонезийский словарь (в соавторстве, в печати). Переводчик индонезийской литературной классики на русский язык. В 1995–1998 входил в состав правления Европейской Ассоциации исследований Юго-Восточной Азии. Член правления российских и международных обществ, организатор ряда международных конференций, ответственный редактор восемнадцати сборников и монографий по языкам и культуре народов австронезийского ареала. oak020139@mail.ru

Aleksandr K. Ogloblin

is a Professor of the Department of Asian and African Studies, the State University of St. Petersburg. He has been teaching Malay, Javanese and other courses in Malay and Indonesian languages and literatures for more than 40 years. Prof. Ogloblin graduated from the Department of Indonesian language and literature, St. Petersburg State University. His main works are books on grammar of Indonesian 1972 (co-author) and 2008, a monograph on diachronic typology of Malayo-Javanic languages (1996, 2nd ed. 2009), a grammar of Madurese (1986), and a Russian-Indonesian dictionary (co-author, forthcoming). He has published more than 200 articles on languages, literature and culture of Indonesia and Malaysia in Russian, Indonesian, English, and Dutch; he also translated several works of Indonesian classic literature into Russian. Prof. Ogloblin is a member of Russian and international scientific societies, and in 1995-1998 he was on the EUROSEAS board. He organized several international conferences and edited 18 collections and monographs on Austronesian languages and cultures. oak020139@mail.ru

Уистан де ля Пенья

В настоящее время возглавляет факультет европейских языков Колледжа искусств в Университете Филиппин, Дилиман. Его исследования посвящены испаноязычной литературе Филиппин. Публикует статьи в академических журналах, участвует в международных конференциях. Работает над книгой о филиппинской поэзии на испанском языке. dlp_wdp@up.edu.ph

Wystan de la Peña is currently the Chair of the Department of European Languages at the College of Arts and Letters of the University of the Philippines Diliman. He researches on Philippine literature in Spanish and has published his work in several academic journals and read papers on the topic in international conferences. He is currently at work on a book on Philippine poetry in Spanish. dlp_wdp@up.edu.ph

Лоренс А. Рид

Заслуженный исследователь (Emeritus Researcher) Гавайского Университета, в котором преподавал более 30 лет. Основные научные интересы лежат в области исторического развития австронезийских языков, в частности тех, на которых говорят на Филиппинах. Автор множества публикаций по фонологии, морфологии и синтаксису различных языков Филиппин, многие из которых доступны на его сайте (<http://www2.hawaii.edu/~reid/>). Лексикограф. Создатель уникального «говорящего» словаря бонтокского языка, над пополнением которого постоянно продолжает работать (см. словарь он-лайн: <http://htq.minpaku.ac.jp/databases/bontok/>). Работал в качестве приглашенного исследователя в университетах Новой Зеландии, Австралии, Нидерландов, Японии, Тайваня. Сейчас живет в Японии. reid@hawaii.edu

Lawrence Reid

is an Emeritus Researcher with the University of Hawai'i where he taught for more than 30 years. His primary interests are in the historical development of Austronesian languages, in particular those spoken in the Philippines. He has published extensively on the phonology, morphology and syntax of various Philippine languages, many of which are available on his website (<http://www2.hawaii.edu/~reid/>). His interests in lexicography have resulted in an on-line talking dictionary of the Bontok language spoken in the village of Guina-ang (continually being updated) (<http://htq.minpaku.ac.jp/databases/bontok/>). He has held visiting research appointments at Universities in New Zealand, Australia, the Netherlands, Japan, and Taiwan. He currently lives in Japan. reid@hawaii.edu

Юлия Сергеевна Рутенко

Окончила Восточный факультет СПбГУ по специальности «тагальская филология». С 2009 сотрудник отдела этнографии Австралии, Оке-

ании и Индонезии МАЭ РАН. В январе-феврале 2011 г. работала с испанскими источниками в архивах Манилы. Научные интересы: первые филиппинско-русские контакты, фольклор и мифология горных народов Филиппин в трудах испанских миссионеров. jsr@kunstkamera.ru

Julia S. Rutenko graduated from the Department of Tagalog Philology of St. Petersburg State University. In 2010-2011 she worked as an assistant in the Department of Ethnography of Australia, Oceania and Indonesia at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Science. In January-February of 2011 she worked with Spanish sources in the archives of Manila. Her interests are in the early Philippine-Russian contacts and in the folklore and mythology of the Philippine highlands in the books by Spanish missionaries. jsr@kunstkamera.ru

Татьяна Игоревна Шаскольская

Заведующая Библиотекой МАЭ РАН. Закончила в 1981 г. исторический факультет СПбГУ (кафедра русской истории дореволюционного периода), с 1982 г. — сотрудник Библиотеки Российской академии наук. Научные интересы: библиотечное дело, библиография и источниковедение. Автор-составитель ряда библиографических указателей по этнографии народов мира, а также постоянно пополняющейся электронной базы данных работ, опубликованных в изданиях МАЭ РАН, расположенной на сайте МАЭ РАН: <http://web1.kunstkamera.ru/library/MAE9202.htm>. skrepki@yahoo.com

Tatiana I. Shaskolskaya is the Head of the Library of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Science. After graduating from the Department of History of Leningrad State University (majoring in Russian history of the period before the Revolution of 1917) in 1981, she has been working in the Library of Russian Academy of Science. Her academic interests include library science, bibliography and source studies. She compiled several bibliographical indices on ethnography of the world, as well as a constantly updating the digital database of the papers published by the Museum of Anthropology and Ethnography, which can be found in the Museum's website: <http://web1.kunstkamera.ru/library/MAE9202.htm>. skrepki@yahoo.com

Екатерина Владимировна Шилова

Старший научный сотрудник отдела живописи второй половины XIX — начала XXI в. Государственного Русского музея. Сфера интересов — русская живопись второй половины XIX в., творчество В.Д. Поленова, В.М. Васнецова, В.В. Верещагина. ekaterinashilova@inbox.ru

Ekaterina V. Shilova is a senior researcher in the Department of the second half of the 19th and beginning of the 21st centuries painting, the State Russian Museum, St. Petersburg. Her academic interests are in the Russian painting of the second half of the 19th century and especially in the works by V.D. Polenov, V.M. Vasnetsov, V.V. Vereschagin. ekaterinashilova@inbox.ru

Мария Владимировна Станюкович

Кандидат исторических наук, зав. отделом этнографии Австралии, Океании Индонезии МАЭ РАН. Закончила отделение тагальской филологии СПбГУ. Параллельно с работой в Академии наук с 1978 по 2007 г. читала ряд курсов на отделении тагальской филологии в СПбГУ. С 1995 г. — полевая работа на Филиппинах. Научные интересы: филиппинский эпос и ритуал, шаманизм, антропология народов Филиппин, в первую очередь ифугао, этнолингвистика, этноботаника, этнографическое музееведение. Автор около 100 публикаций по эпосу, антропологии и этнографии Филиппин на русском и английском языках. В 1999–2002 входила в состав правления Европейской Ассоциации исследований Юго-Восточной Азии. В 2010–2011 работала в качестве приглашенного исследователя в Национальном музее этнологии в Осаке (Япония). Член экспертного совета кембриджского проекта по эпосу народов мира (Великобритания), международного Совета экспертов по религиоведению Университета Атенео, Филиппины, международного совета экспертов Исторического журнала Филиппинского исторического общества. mstan@kunstkamera.ru

Maria V. Stanyukovich

Maria V. Stanyukovich, Ph.D., is the Chair of the Department of Australia, Oceania and Indonesia at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russia. She has

also been teaching in the Department of Tagalog Philology of St. Petersburg State University for thirty years. Her primary interests are in epic and ritual, particularly Ifugao epics, ritual and shamanism, as well as Philippine oral literature, anthropology, ethnolinguistics and ethnobotany. She has conducted fieldwork in Central Asia, Kazakhstan, Dagestan, Cuba and the Philippines (since 1995) and has published extensively on these topics in Russian and in English. In 1999-2002 she was a Board member of EUROSEAS, and in 2010-2011 was a visiting professor at the National Museum of Ethnology, Osaka, Japan. She is a member of the International Advisory Board for 'The Journal of History' (Philippines), member of the Advisory Board of international experts of the University of Cambridge World Oral Literature Project 'Voices of Vanishing worlds', member of the International Advisory Board, Ateneo Center for Asian Studies (ACAS), Manila, Philippines. mstan@kunstkamera.ru

Каролина Стоун

Выпускница Кембриджского университета, три года провела в университете Киото, затем работала с архивами Ватикана в Британской школе в Риме. Преподавала историю Европы в университете Севильи. Работает на факультете исследований Азии и Ближнего Востока в Университете Кембриджа. Автор более 150 статей на разных языках, главным образом по истории текстиля, литературе и истории Средних веков, исламу, культурным и экономическим отношениям Европы и Востока в позднем Средневековье. Редактирует, переводит и издает серию первоисточников о ранних путешествиях по миру. stonelunde@hotmail.com

Caroline Stone graduated from Cambridge, spent three years at the Jimbun Kagashu Kenkyusho Research Institute at Kyoto University and then worked at The British School at Rome, researching in the Vatican Archives. After some years writing and translating free-lance, she taught European History at university in Seville and continued to write, particularly on textiles and inter-cultural contacts. She is currently editing and translating a series of first hand travel accounts. stonelunde@hotmail.com

Юрий Иванович Студеничник

Кандидат филологических наук, профессор СПбГУ. Закончил отделение тагальской филологии Восточного факультета СПбГУ. Научные интересы: тагальский язык, социолингвистическая ситуация на Филип-

пинах, переключение кодов. Автор ряда статей и монографии. yur-san@list.ru

Yuri I. Studenichnik is a Professor in St. Petersburg State University, where he graduated from the Department of Tagalog Philology. His main research interests lie in Tagalog language, the sociolinguistic situation in the Philippines, and switching of codes. Dr. Studenichnik has written several articles and a monograph. yur-san@list.ru

Ампаро Аделина III Умали

Ph.D., координатор программы восточных и азиатских исследований в Центре международных исследований Университета Филиппин. Училась и длительное время преподавала в Японии. Научные интересы: традиционный и современный театр, традиционная хореография и фольклор народов Филиппин и Японии. Автор книг, статей, редактор сборников. Активный организатор совместных филиппинско-японских семинаров, конференций и театральных программ. lq3602@yahoo.com

Amparo Adelina C. Umali III

Ph.D., coordinator of the program of Eastern and Asian Studies of the Centre of International Studies, University of the Philippines, Diliman. She studied and taught in Japan Universities. Her research interests lie in traditional and modern theatre, performance, traditional choreography and folklore of the Philippines and Japan. She has authored books and edited and compiled collections of papers on these subjects. Dr. Umali is an active organizer of joint Philippine-Japanese seminars, conferences and theatre performances. lq3602@yahoo.com

Игорь Николаевич Воевучкий

Заведующий Библиотекой Института восточных рукописей. Закончил отделение семитологии Восточного факультета СПбГУ. Область научных интересов: исламская и иудейская текстология. Регулярно публикуется в журнале «Manuscripta Orientalia». library@spios.nw.ru

Igor N. Wojewódzki is the Librarian of the Institute of Oriental manuscripts. He graduated from the Department of Asian and African studies, St. Petersburg State University (majoring in Semitology). His main interest is Islamic and Judaic textual studies. Permanent reviewer of “Manuscripta Orientalia”. library@spios.nw.ru

Сергей Игоревич Яценко

Выпускник отделения тагальской филологии Восточного факультета СПбГУ. В 2007–2008 гг. прошел стажировку в Университете Филиппин, Дилиман. В 2011 г. закончил магистратуру Восточного факультета СПбГУ по специальности «литература стран Азии и Африки». Научные интересы: фольклор, в первую очередь эпос илоканцев, литература, лингвистика и этнография народов Филиппин. Подготовил курс грамматики илоканского языка для СПбГУ. sergey_yatsenko@yahoo.com

Sergey I. Yatsenko is a graduate of the Department of Tagalog Philology of St. Petersburg State University. In 2011 he completed MA programme “Literature of Asian and African Countries” at St. Petersburg State University. His primary interests are in folklore studies, particularly in Philippine epics (especially those of Northern Luzon), as well as literature, linguistics and anthropology. He prepared a course in Ilokano grammar for St. Petersburg State University. sergey_yatsenko@yahoo.com

СОДЕРЖАНИЕ

Table of contents	7
Opening address	10
Список печатных работ Г.Е. Рачкова по филиппинистике.	13
От редактора	17

ЧАСТЬ I. ФИЛИППИНЫ И РОССИЯ

История филиппинистики в России: взгляд из Санкт-Петербурга <i>М. В. Станюкович</i>	21
The Russo-Japanese War and the Philippines <i>R. Jose</i>	59
От «Паллады» до «Авроры»: русские крейсера в Маниле <i>В. В. Носков</i>	69
Символика султаната Сулу: наследие, контекст, реформы <i>М. Ю. Медведев</i>	84

ЧАСТЬ II. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

Revisiting the Golden Age of Fil-hispanic Literature (1898–1941) <i>W. De La Peña</i>	119
Learning from the Masters: Teaching Ifugao <i>Hudhud</i> Chants, San Dionisio <i>Komedyá</i> and the Bontoc Eagle Dance in the Classroom <i>A. A. C. Umali III</i>	128
Четыре фольклорных мотива из трех эпох в истории Филиппин и Индонезии <i>Ю. Е. Березкин</i>	136
Илоканский эпос «Жизнь Лам-анга»: история изучения и содержание памятника <i>С. И. Яценко</i>	173
Урегулированность силлабики илоканского и монгольского эпоса: опыт сопоставления <i>А. В. Козьмин</i>	196
Организация стиха в илоканском эпосе «Жизнь Лам-анга» <i>С. И. Яценко</i>	203
Исследование творчества классика тагальской литературы Франсиско Балагтаса на Филиппинах и в России <i>О. В. Колтыга</i>	233

ЧАСТЬ III. ЛИНГВИСТИКА

О залоговых соответствиях в языках Западной Австронезии (четыре фазы в истории пассивной конструкции) <i>А. К. Оглоблин</i>	249
---	-----

Сравнение систем залоговых конструкций в индонезийском и тагальском языках. К вопросу о симметрии <i>Н. Ф. Алиева</i>	277
Глаголы таглиш: mag- vs. -um- <i>Ю. И. Студеничник</i>	289
Аккузативность и эргативность в тагальском языке <i>С. Б. Клименко</i>	306

ЧАСТЬ IV. АНТРОПОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Коренные народы — кто они? Происхождение и трансформации <i>Л. А. Руд</i>	349
The Cattle Caravans of Ancient Caboloan (Interior Plains of Pangasinan): Connecting History, Culture and Commerce by Cartwheel <i>C. N. Flores</i>	375
Некоторые аспекты современной языковой ситуации в Большой Маниле <i>Е. Г. Фролова</i>	404
Названия металлов: австроазиатско-австронезийские параллели <i>Ю. Ю. Крылов</i>	425
Традиционные суда Филиппин <i>А. А. Лебедева</i>	444
Особенности конституционного статуса личности в Республике Филиппины (международно-правовой аспект) <i>В. Р. Атнашев</i>	450
Сикхи, синдхи и другие «бумбаи»: индийцы на Филиппинах <i>И. Ю. Котин</i>	461
The Philippines and Guatemala: a Tale of Three Textiles <i>C. Stone</i>	470

ЧАСТЬ V. ФИЛИППИНЫ В РОССИЙСКОМ ИСКУССТВЕ, МУЗЕЯХ И БИБЛИОТЕКАХ

Филиппинские издания и западные издания о Филиппинах в Библиотеке Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН <i>И. Н. Воевуцкий</i>	493
Коллекции филиппинских фотографий Р. Ф. Бартона в МАЭ РАН <i>А. К. Касаткина</i>	500
Ранние филиппинские коллекции в МАЭ РАН <i>В. Н. Кисляков</i>	511
М. Т. Тиханов (1789(?)-1862) — первый русский живописец, побывавший на Филиппинах <i>Ю. С. Рутенко</i>	530

Филиппинские работы В.В. Верещагина <i>Е. В. Шилова</i>	549
Библиография работ по Филиппинам, хранящихся в отделе Австралии, Океании и Индонезии МАЭ РАН <i>А. К. Касаткина</i>	558
Библиография петербургской филиппинистики XX — начала XXI в.: филология, антропология и этнография <i>М. В. Станюкович, Т. И. Шаскольская</i>	582
Abstracts	613
Сведения об авторах	629

Научное издание

Pilipinas muna! Филиппины прежде всего

К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова

Маклаевский сборник

Выпуск 4

Ответственный редактор и составитель М.В. Станюкович

Редактор М.В. Банкович
Корректор К.С. Оверина
Верстка Н.А. Пашковской

Подписано в печать 20.12.2011. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 38. Уч.-изд. л. 34.
Тираж 200 экз. Заказ № 24.

МАЭ РАН
199034. Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24